Благородство поражения. Трагический герой в японской истории

Айван Моррис

Книга А.Морриса — это сборник новелл из японской истории, посвященных людям, которые доказали «что в жизни существует нечто гораздо более значимое, чем материальное изобилие и преследование собственных эгоистических интересов». Этот трагический образ обреченного на поражение героя, демонстрирующего величие духа в безвыходной ситуации, является частью великой древневосточной культуры.

Айван Моррис

Благородство поражения

Трагический герой в японской истории

Предисловие

Мисима Юкио однажды высказал предположение, что мое увлечение красотой японской придворной культуры и неподвижным миром Гэндзи могло закрыть от меня более грубую, трагическую сторону в истории его страны. Сконцентрировав свои исследования последних лет на людях действия, чьи короткие жизни были отмечены борьбой в смутные времена, я, вероятно, восстановил равновесие, и именно памяти Мисима посвящаю эту книгу. По многим вопросам,

особенно политическим, мы не сходились во мнениях, но это никогда не мешало нашей дружбе и не снижало степень моего восхищения им.

Собственно, мой интерес к героической традиции в Японии возник еще во время Второй Мировой войны, когда я заинтересовался особой ролью, которую играли неудачи, что само по себе, казалось, противоречит стереотипу японцев, предстающих нам «ориентированными исключительно на свершения.» И лишь с 1957 года, когда произошло мое знакомство с Мисима, я стал понимать их психологическую значимость. При всем том успехе, которого он добился в жизни, среди людей, наиболее им уважаемых, были Осио Хэйхатиро (пылкий полицейский инспектор, заколовший себя после неудачного выступления в 1837 году), члены Лиги Божественного Ветра, уничтоженные в ходе восстания 1876 года, и молодые пилоты-самоубийцы, погибшие в войне с Америкой. Эта спонтанно возникающая симпатия к проигравшему храбрецу не является индивидуальной особенностью одного Мисима, но уходит глубокими корнями в японскую традицию, в которой с древнейших времен признается особое благородство искренней жертвы, не добившейся успеха.

Последнее действие, которое предпринял Мисима в штабе восточных Сил Самообороны Японии в Токио 25 ноября 1970 года, непосредственно относится к героическим сценариям, описанным в этих главах. Собственно, дело, ради которого, как он объявил, он убивает себя, было еще более «донкихотским», чем те, за которые пали Осио и восставшие из группы «Божественный Ветер»; но, как бы мы не интерпретировали его мотивы, моральное и физическое мужество его решения ничем им не уступало. Предстанет ли он для будущих поколений героической фигурой, или (по резкому определению бывшего премьер-министра Сато) «сумасшедшим» (китигаи) — решать им самим, но зависеть это будет — по крайней мере, до определенной степени — от того, насколько Япония порвет со своим прошлым.

Массовое низкопоклонство и взрыв ностальгии, вызванные возвращением в 1974 году Онода Хиро, скрывавшегося в джунглях на Филиппинах на протяжении почти тридцати лет, не желая смириться с реальностью поражения, предполагает, что некоторые традиционные психологические особенности смогли пережить широкомасштабные трансформации послевоенного времени. В то время, как западный журналист описывал случай лейтенанта Онода в качестве «примера того, как [японский дух] сошел с ума», редакционная статья Майнити Симбун превозносила его в качестве героя, заявляя: «Онода показал нам, что в жизни существует нечто

гораздо более значимое, чем материальное изобилие и преследование эгоистических интересов. Присутствует и духовный аспект, о котором мы, вероятно, забываем.» О нем ни в коем случае не забыли огромные толпы, в полном молчании наблюдавшие за ним во время визита в Храм Ясукуни, где он, закрыв глаза, долго стоял в глубоком поклоне, выражая почтение легионам своих солдат-сотоварищей, убитых в неудачной для Японии войне.

Введение

Наш мир, с его красными пастями и кровавыми когтями, запрограммированный на борьбу за выживание и превосходство, почитает успех, и типичными его героями становятся мужчины и женщины, дело которых окончилось триумфом. Победа никогда не дается им без трудов; ценой же ее часто бывает жизнь героя. Все же, остается ли он в живых, дабы наслаждаться славой своих достижений, подобно Мухаммеду, Мальборо, или Вашингтону, либо гордо погибает в борьбе, как Нельсон, или Св. Жанна, — его усилие и жертва, в самом прагматическом смысле, стоят того.

И в Японии есть свои удачливые герои, начиная с императора-основателя Дзимму, который (в соответствии с легендой), подчинил в 660 г. до н. э. варваров и основал императорскую династию, правящую вплоть до сегодняшнего дня; затем — 47 Ронинов, умерших с гордым сознанием того, что отомстили за бесчестье своего господина; наконец, адмирал Того («японский Нельсон»), показавший во время Русско-японской войны, что маленькое островное государство в Тихом океане может победить одну из сильнейших западных держав; говоря о современности, упомянем таких гениев науки, как Юкава и Ногути, чьи открытия подтвердили способность японцев идти вровень с иностранцами и в мирных, практических областях.

В запутанной японской традиции есть другой тип героя; это человек, деятельность которого обычно падает на период нестабильности и войн, являющий собой настоящую противоположность характеру достигающему. Это человек, чья прямодушная искренность не позволит ему совершать какие-либо маневры и идти на компромиссы, столь часто требующиеся

для обретения мирского успеха. В ранние годы храбрость и способности могут быстро продвинуть его наверх, однако он навеки обручен с проигрывающей стороной и неизбежно будет низвергнут. Бросая себя туда, куда ведет его мученическая судьба, он открыто противится диктату условностей и здравого смысла до тех пор, пока его не победит противник, «удачно оставшийся в живых», которому удается своими безжалостно реалистическими методами навязать этому миру новый, более стабильный порядок. Столкнувшись с поражением, герой обычно лишает себя жизни, дабы избежать унижения плена, утвердить свою честь и дать последние уверения в своей искренности. Его смерть не есть временная неудача, вскоре искупаемая его последователями, но представляет необратимое крушение всего дела, которому он был лидер; проще говоря, борьба была бесполезной и во многих случаях приводила к результатам, прямо противоположным ожидаемым.

Хотя, разумеется, и в истории Запада также были великие люди, принципиально не имевшие возможности достичь своих целей, которых в случае необходимости записывали в герои, это происходило вопреки их крушению. Поющие панегирики Наполеону редко занимаются периодом после Ватерлоо, тогда как, будь он персонажем японской традиции, сам катаклизм и его горькие последствия заняли бы центральное место в героической легенде.

Такое пристрастие к героям, неспособным достичь своих конкретных целей, может многому нас научить как относительно японской системы ценностей и чувствоизъявлений, так, косвенно, и относительно наших собственных. В обществе господствующего конформизма, члены которого пребывают в благоговейном страхе перед авторитетами и прецедентами, безрассудные, непокорные, благородные в своих эмоциях фигуры типа Ёсицунэ и Такамори имеют особую привлекательность. Смиренное большинство, храня свои несогласия за надежным молчанием, находит компенсирующее удовлетворение в эмоциональном идентифицировании себя с теми индивидами, кто вел свою безнадежную борьбу с неодолимыми препятствиями; тот факт, что все их усилия оканчивались неудачами, придает им пафос, характерный для общей тщеты человеческих стараний, и превращает в наиболее любимых и часто вспоминаемых героев.

Даже мы, в нашей культуре поклонения успеху, можем признать благородство и глубину страданий этих страстно стремящихся, неистовых, нерасчетливых мужчин, которых чистота целей обрекла на тяжелый путь, неизбежно ведущий к несчастью. Хотя исторические герои на Западе в большинстве своем победители, и у нас нет устойчивой традиции придавать большое внимание

историческим неудачам, наша литература, начиная с «Илиады» и «Царя Эдипа», все же приучила нас к концепции «героя-побежденного»; в последнее время особенно наметилась тенденция уважать тех индивидов, кто не может или не хочет поклоняться мерзкому божеству Успеха. «Теперь уж правды нет,» - пишет Йейтс одному из друзей, чья борьба окончилась ничем:

Будь скрытен и прими поражение

От любой медной глотки…

Взращенный для вещей более крепких,

Нежели Триумф, отвернись

И, как смеющаяся струна,

На которой играют сумасшедшие пальцы,

Посреди места из камня

Будь скрытен и ликующ,

Поскольку из всего известного

Это — труднее всего.

Персонажи, описанные в этой книге, принадлежат различным столетиям и социальным системам и ни в коем случае не подходят под какой-либо единый образец поведения или идеалов; все же, все они были «взращены для вещей более крепких» и, в своей целокупности, предлагают нашему вниманию варианты поражений в этом мире, достоинства, которое можно ими обрести, и причины того особого отклика, который они вызвали в японской традиции.

Глава 1

«О, одинокая сосна! О, брат мой»

Принц Ямато Такэру, архетип долгой череды страдающих, одиноких героев Японии, начал свою карьеру весьма безнравственным образом — тайно умертвив своего брата-близнеца. Отец

принца, император Кэйко в один прекрасный день призвал его и спросил, отчего его брат не появляется на трапезах. Постоянное присутствие у стола императора рассматривалось, как признак лояльности, и теперь император приказал юному принцу сделать выговор провинившемуся брату.

Прошло пять дней, а старший брат все не приходил. Наконец Его Величество спросил: «Почему твой брат не является столь долгое время? Быть может, ты не передал ему моих наставлений?» «Я уже проучил его,» - ответил принц. «И как же ты его проучил?» «Рано утром, — сказал принц, — когда мой брат прошел во внутренние покои, я уже ждал его в засаде. Я схватил его, разодрал на куски, оторвал конечности, завернул их в соломенные циновки и выбросил вон.»[1 - _Кодзики_ («Записи о делах древности»), Токио, «Нихон котэн дзэнсё» («Полное собрание японской классики»), II:128. (Все переводы японских текстов — мои, за исключением оговоренных мест — авт.) _Кодзики_ — самая ранняя из сохранившихся японских хроник (и, разумеется, самая древняя из всех существующих японских книг любого рода); была представлена ко двору в 712 году н. э.]

По любым меркам это было жестокое наказание за отсутствие на нескольких обедах, и император Кэйко был потрясен «грубым, бесстрашным характером» своего сына. Без сомнений, ради того, чтобы избежать дальнейших неприятностей при дворе, он отослал буйного юношу на Кюсю, где тот мог найти лучшее приложение своим страстям, сражаясь с непокорным племенем Кумасо. Молодой человек, ворвавшийся на сцену, совершив акт столь неимоверной жестокости, умер четырнадцать лет спустя в полном уединении, превратившись в меланхолическую, романтическую фигуру, в человека, потерпевшего поражение в последней битве и потерявшего всякое желание жить. Именно этот, финальный образ Ямато Такэру вызывал наибольший отклик в эмоциях японцев, упрочив его образ героя, а отнюдь не «грубый, бесстрашный характер» в юношеские годы, или более поздние военные успехи, часто подпорченные обманом и мстительностью. Разительное отличие ярости Ямато Такэру в начале пути от его же мягких, поэтических качеств в конце подтверждает то, что уже и так ясно из хроник: этот многоликий герой не есть единый исторический персонаж, но фигура собирательная, ставшая центром целого цикла легенд. В хронике «Нихон сёки» приводится дата его рождения, соответствующая по западному календарю 72 году н. э., и описывается его последующая жизнь на протяжении трех десятилетий, как если бы он действительно был членом императорской семьи, добившимся серии блистательных побед над врагами двора, а затем потерпел поражение в провинции Оми и погиб на равнине Нобо[2 - Равнина Нобо: это и все последующие географические названия см. на карте в начале книги.] на тринадцатом году правления императора Кэйко. На самом деле его история отображает жизнеописания нескольких военачальников, посланных из Ямато для усмирения непокорных племен на Кюсю и в восточных районах, которые погибли во время этих кампаний. Действительное время действия — не первый, а четвертый век н. э., так называемый «загадочный век» японской истории. Это было время раздоров и беспорядка, отмеченное жаркими схватками в провинциях и координированными усилиями правящего клана, утвердившего себя в районе Ямато, с целью консолидации населения основных японских островов под своим контролем. Из многочисленных повествований и традиций, возникших в этот туманный период, из мешанины мифов, стихов, легенд и китайских литературных влияний сгустилась фигура «отважного японца», представленного в хрониках в виде великого человека того времени.

В некотором роде, Ямато Такэру — типичный народный герой, подобных которому мы можем обнаружить практически в каждой культуре на границе между легендой и историей. В то же время у него есть специфически японские черты, и исследование легенды о нем — полезное введение в мистерию о побежденном герое. Собрав воедино отрывки из хроник, мы сможем увидеть его как отдельное лицо, действительно жившее, страдавшее и умершее шестнадцать столетий тому назад.[3 - Основными источниками являются _Кодзики_ и _Нихон_сёки_ («Записи [о стране] восходящего солнца»), 720 год н. э.). В _Нихон_секи_ отцу героя, императору Кэйко придана гораздо более значительная роль в кампании против «восставших», нежели это признается в _Кодзики_; просматривается также больше инородных влияний, например поручение императора сыну VII написано чисто китайским стилем. Запись в _Кодзики_ — и более краткая, и более яркая — делает ударение на сакральном аспекте миссии героя и описывает его основных противников, как божества (напр. «боги гор, боги рек и боги морских проливов»; _Кодзики_, с. 129); зачастую в ней использованы глаголы (напр. _идэмасики,_ с. 128 и _камуагаритамаики,_ с. 143), по которым можно предположить, что Ямато Такэру является императором; характер его представлен более порывистым и романтичным в _Кодзики_, а в _Нихон_сёки_ — более сдержанным, возвышенным, «китаизированным». В моем очерке о Ямато Такэру я комбинировал элементы из двух основных источников, отмечая расхождения лишь в тех случаях, когда они были значительными, В _Хитати_фудоки_, географическом справочнике VIII века, Ямато Такэру кратко отмечен, как покоритель восточных Эмиси; это — единственный первоисточник, в котором его прямо именуют императором: _Ямато_Такэру-но_Сумэрамикото,_ см. _Хитати_фудоки_, Токио, «Мусасино Сёин», 1956, с.2.В традиционных хрониках Ямато Такэру хотя и не считается императором, однако по генеалогическому древу прямо принадлежит к императорской линии, идущей от мифологического правителя — основателя страны Дзимму до современного императора Хирохито. В соответствии с одним неясным местом в _Кодзики_, Ямато Такэру имел шесть жен и по одному ребенку от каждой; непохоже, чтобы он жил хотя бы с одной из них; безусловно, его жизнь была слишком коротка и беспокойна для привязанности к семейному очагу. Первой и основной женой (дочь императора Суйнин, отца Кэйко), была тетка героя; у них родился прекрасный ликом принц очень высокого роста (около 3 метров), ставший императором Тюай. Графически это выглядит следующим образом:СУЙНИН 11-й император ЯпонниеВысшая Священнослужительница Принцесса Футати-но Ири в Исэ (Принцесса Ямато)КЭЙКО(12-й император)СЭЙМУ Ямато Такэру ТЮАЙ (13-й император) (14-й император)ОДЗИН(15-й император)] Большая часть повествования относима к известной парадигме общемирового легендарного героя, кочующего из века в век, из страны в страну, хотя есть и значительные отличия, особенно в изображении финала жизненного пути.[4 - Объяснения «универсального мифа» см. у Joseph, _The_Hero_with_a_Thousand_Faces_. New York, 1956.]

Отец героя, Кэйко был одним из полу исторических императоров, правивших в смутный период консолидации. Он числится двенадцатым императором Японии (современный император, Хирохито,[5 - Книга вышла в 1975 г. (прим. переводчика).] теоретически являющийся его прямым потомком, — 124-й); однако, подобно большинству ранних правителей, он предстает весьма туманной фигурой и, хотя и считается, что он правил на протяжении шестидесяти лет и дожил до почтенного возраста 106 годов, о его характере или практических свершениях неизвестно почти ничего.

Наиболее замечательным подвигом, относимым на счет императора Кэйко, является его женитьба на собственной пра-пра-правнучке. Этот генеалогический _tour_de_force_[6 - Фр. «проявление силы»; зд. — «ловкий трюк».] произошел, когда он взял в жены принцессу, приходившуюся праправнучкой его сыну, Ямато Такэру. Среди восьмидесяти детей Кэйко были два близнеца мужского пола, младший из которых и стал впоследствии Ямато Такэру. Близнецы родились «в один день с одной плацентой». Император, на которого это происшествие произвело большое впечатление, взобрался на большую ступку для риса, стоявшую во дворце, дабы объявить двору о свершившемся, и его отпрыски были поименованы соответственно: Ооусу (Большая Ступка) и Оусу (Маленькая ступка). Принц Ооусу вырос непослушным парнем, нашедшим свой безвременный конец. Относительно младшего близнеца хроника сообщает, что «еще ребенком он уже был наделен храбрым духом, а, когда достиг зрелости, стал утонченным красавцем».[7 - По версии в _Нихон_сёки_, где опускается недостойное убийство в уборной, принц Ооусу изображен трусом, стремящимся выжить, который переложил военную ответственность на своего младшего брата-близнеца.] Будущий герой был невероятно высок и достаточно силен — китайская гипербола — чтобы поднять одной рукой большой треножник.[8 - «…постоянно просматривается тенденция наделять героя экстраординарными силами с момента рождения, или даже о момента зачатия. Вся жизнь героя показывалась, как пышная последовательность чудес с великим центральным событием, представлявшим их кульминацию.» Campbell, _Hero_…, p.319.]

В возрасте пятнадцати лет принц Оусу был послан на Запад, дабы напасть на Кумасо. Слово «Кумасо», так же, как и «Эмиси» для древнего населения восточных и северных провинций было общим термином, обозначавшим определенные отсталые группировки соплеменников. Принадлежа к той же расовой разновидности, что и основная масса японцев, они сосредоточивались в отдельных регионах и существовали отдельно от магистрального направления развития культуры столь долгое время, что к ним относились как к чужакам или аборигенам, которых следовало подчинить силой и поставить в зависимость, под контроль цивилизованных мощных кланов Ямато; кампании против этих грубых, косматых племен начались в полу легендарный период Ямато Такэру и продолжались около четырех веков, пока всех их не уничтожили, не умиротворили или не ассимилировали приблизительно к 800 году н. э.[9 - Лишь совсем недавно историки получили совершенно ясное представление об Эмиси и Кумасо. До этого Кумасо описывались, как примитивные мигранты с Борнео и других южных островов. Эмиси вызывали еще большие недоразумения, и даже сэр Джордж Сэнсом, наиболее выдающийся из всех историков, которые когда-либо писали о Японии на английском языке, отождествлял их с «волосатыми айнами», северными аборигенами, которые безусловно принадлежат к совершенно иной расе, нежели японцы.]

Первая победа героя над Кумасо являет собой пример «удачной» части его карьеры. Перед отправкой на Запад, мальчик-герой навестил свою тетю, Верховную Священнослужительницу Великого Храма в Исэ, которая дала ему одеяние, юбку-штаны и меч.

Когда он достиг дома Храбрецов Кумасо, он увидел его окруженным тремя рядами воинов, живших в землянках у стены. В ожидании праздника, который должен был начаться по случаю

завершения строительства жилища, было много шума и суеты; для пиршества готовилась пища. Он бродил по дому, ожидая наступления дня празднества. Когда время пришло, он распустил волосы и зачесал их вниз по плечам, по-женски. Затем он надел одежды и юбку-штаны, подаренные тетей и, сделав, таким образом, себя точь-в-точь похожим на девушку, вошел в землянку, смешавшись с женщинами.[10 - Слово _таваямэ_ («мягкие, спокойные женщины») использовано, чтобы оттенить _арабуру_(«грубый») характер героя. _Кодзики_, с, 127.]

Два предводителя Кумасо[11 - Обоих звали Кумасо Такэру (храбрец Кумасо), и, похоже, они были братьями. Однако, по версии _Нихон_сёки_, был лишь один предводитель.] были очарованы, увидев девушку, и пригласили ее сесть между ними, а сами продолжали попойку. Принц Оусу дождался, когда празднество достигнет апогея, а затем вынул меч, спрятанный в одежде на груди, и, схватив старшего Кумасо за воротник, пронзил ему грудь. Младший Кумасо в ужасе выбежал из комнаты. Принц догнал его у ступеней, схватил сзади и вонзил меч в спину. Тогда предводитель сказал: «Не углубляй своего меча. Мне есть, что тебе сказать».

Принц, удерживая его на земле, согласился выслушать. Тогда предводитель сказал: «Кто бы ты мог быть, мой повелитель?» «Я сын [императора], проживающего во дворце Хисиро и правящего Великой Землей Восьми Островов…[12 - Одно из многих древних поэтических наименований Японии.] Прослышав о том, что вы, двое предводителей Кумасо, непочтительны и отказываетесь подчиняться его повелениям, Его Величество послал меня сюда с приказанием умертвить вас». «Да, похоже, так оно и есть, — сказал предводитель. — Ибо здесь на Западе кроме нас двоих нет сильных, храбрых мужей, однако в Великой Земле Ямато есть один, превосходящий нас обоих в смелости. Поэтому я дам тебе имя. С этих пор да будешь ты известен, как принц Ямато Такэру!»[13 - Ямато Такэру = Японский Храбрец. Исходно название «Ямато» относилось к определенному району, где было создано первое императорское правление на о. Хонсю; позже им стали называть всю страну Японию, и в этом смысле оно все еще появляется в поэтическом или риторическом контексте (напр. _ямато-дамасии_ «японский дух»). «Такэру» («храбрый», или «герой»), впервые здесь употребленное для принца Ооусу, очевидно было титулом, даруемым военачальникам в Идзумо, Кюсю и других западных частях Японии.] Как только предводитель кончил говорить, принц убил его, рассекши на куски, как спелую дыню. С тех пор его стали называть принцем Ямато Такэру.[14 - _Кодзики_, с. 128–9.]

Миссия была выполнена, и молодой принц отправился в Ямато. На пути домой он остановился в западной провинции Идзумо, чтобы покорить местного предводителя. Для этой цели он приберег весьма непривлекательную уловку. Сперва, торжественно поклявшись в дружбе с Идзумо Такэру (Храбрецом Идзумо) и установив, таким образом, определенную связь, считающуюся священной и нерушимой в любом раннем обществе, он втайне сделал деревянную имитацию меча, который прикрепил себе сбоку. В один из дней он пришел к Идзумо Такэру, чтобы идти с ним купаться на реку и, когда они вышли из воды, сказал: «Давай обменяемся мечами!» Это прозвучало, как еще одна клятва в товариществе, и Идзумо Такэру, ничего не подозревая, взял поддельный меч. Затем наш герой предложил ему скрестить мечи в дружеском фехтовальном поединке. Предводитель согласился, но, разумеется, не смог вынуть из ножен свое деревянное оружие, а Ямато Такэру, не теряя времени, зарубил его насмерть. Он отпраздновал триумф, сложив первую из своих

знаменитых поэм, стихотворением в тридцать один слог, где высмеивался Идзумо Такэру за то, что носил меч без лезвия.[15 - В _Нихон-сёки_ эта история описывается в более раннюю эпоху правления, как часть цикла легенд Идзумо; шутка сыграна зловредным старшим братом со своим младшим братом; первый был умерщвлен по приказанию императора, когда новости о происшедшем достигли двора. В _Кодзики_, где конфуцианское влияние Китая ощутимо гораздо сильнее, хитрость приписывается храброму Ямато, как пример его находчивости. Разумеется, это не совпадает с популярным образом героя и не включается в историю его жизни, помещаемую в школьных учебниках.]

Когда, наконец, Ямато Такэру вернулся в столицу, изнуренный походами, его не встретили как героя-завоевателя и не позволили насладиться своими успехами, но тотчас же послали с другой миссией — подчинить Эмиси в восточных провинциях. Произошло это потому, что его брат, который по справедливости должен был предпринять следующую экспедицию, был настолько устрашен подобной перспективой, что убежал и спрятался в траве. С другой стороны создается впечатление, что император Кэйко желал по возможности скорее убрать с пути своего сына, следуя, возможно, тому принципу, что нет ничего опаснее «героя без дела». В любом случае в этот момент в повествовании фигура Ямато Такэру приобретает иной облик: бесчувственный, беспринципный громила уступает место одинокому, невезучему страннику, который, несмотря на всю свою ревностную лояльность и победы в сражениях, обречен судьбой на поражение и раннюю смерть.

Получив приказ выступать в поход, Ямато Такэру обратился к императору со следующими словами: «Всего лишь несколько лет назад я покорил Кумасо. Теперь же восстали Эмиси на востоке. Когда же наконец в этой стране наступит мир? Я устал от сражений. И все же я приложу все свои силы, чтобы подавить это новое восстание». Затем император Кэйко дал сыну знак полководца (топорик китайского типа — по _Нихон-сёки_; огромное копье — по более «японской» версии в _Кодзики_), а также выступил с долгой и страстной речью о важности покорения «грубых божеств в горах, злых демонов на равнинах, загромождающих проходы и разрушающих дороги, что приносит много страданий людям».[16 - _Нихон_сёки_, Токио, «Нихон котэн дзэнсё», 1953, II:164. За исключением специально оговоренных мест, цитаты даются по этому изданию.] Совершенно очевидно практическое отсутствие различения между этими сверхъестественными созданиями и реальными племенами, им поклонявшимися, ибо император говорит тут же: «Среди восточных дикарей наиболее сильные — Эмиси.» Он описывает примитивный уровень их культуры («мужчины и женщины живут совместно, смешанными браками… они одеваются в шкуры и пьют кровь») и приказывает Ямато Такэру всех их подчинить, дабы был сохранен императорский дом.

Перед тем, как отправиться в свой последний поход, герой еще раз посещает Великий Храм в Исэ. Остро переживая убогий прием, оказанный ему императором, он излил душу Верховной Священно служительнице, сестре императора Кэйко:

«Оттого ли это, что Его Величество желает моей ранней смерти? Сперва он послал меня напасть на злобных жителей Запада. Затем, как только я возвратился, он снова посылает меня в сражение, на это раз — подчинить коварных жителей двенадцати восточных районов и даже не дает мне войск. Зачем ему так поступать, не желай он моей гибели в молодые годы?»

На _cri_de_coeur_[17 - Фр. «крик сердца»] своего племянника Верховная Священнослужительница ответила, подарив ему меч, приобретший позже имя _Кусанаги_ («косильщик травы»), и мешок, который тот должен был открыть лишь в чрезвычайном случае.[18 - Меч, найденный бурным богом Сусаноо в хвосте гигантского дракона, был подарен им Аматэрасу Оомиками, богине солнца. Почитаемый в качестве одной из императорских регалий, он (либо — его приблизительная копия) хранится сейчас в храме в Ацута неподалеку от Нагоя. Такие регалии являются религиозно-магическими символами (синтоистскими); примечательно, что герой должен был получить его не от отца-императора, но от Высшей Священнослужительницы в Исэ, высшего представителя религиозной власти в Японии. Лишь когда герой полностью лишается этого магического меча, он становится уязвимым. Ср. магический меч Эскалибур, данный Артуру леди Озера, и возвращенный ей сэром Бедивером после смерти короля. Визит Ямато Такэру к своей тетке есть, возможно, легендарный отголосок исторических паломничеств ранних японских военачальников к шаманкам, обеспечивавших их амулетами и укреплявших их силу ритуалами. В терминах теории «универсального мифа» Кэмпбэлла, это представляет стадию «сверхъестественной помощи», следующую за «зовом к приключениям» и предшествующую «преступанию через первое препятствие».Ямато Такэру близко подошел к тому, чтобы поддаться «отказу от призыва» (Campbell, _Hero_…, p.59), однако лояльность императору и собственной судьбе перевесили. В универсальном мифе (_Hero_…, p. 72–73) первая встреча героя на его пути происходит с фигурой охранительного плана, снабжающей его амулетами и другими парафернaлиями. В ирландском мифе о принце Одинокого Острова (_Hero_…, p. 105) героическому юноше дает совет тетка сверхъестественного происхождения, которую он встречает на пути к месту, где ему надо достать три бутылки воды из заколдованного озера. На «пути испытаний» герой подвергается серии чудесных приключений и невзгод. Первое такое испытание для Ямато Такэру случилось в болотах Сагами. Он принял этот и последующие вызовы, но в финале его повергает бог горы.]

По пути на Восток, Ямато Такэру обручился с принцессой в провинции Овари, однако решил не жениться на ней до тех пор, пока не доложит об исполнении своей миссии императору. Когда он добрался до восточной провинции Сагами, местный предводитель обманул его историей о яростном божестве, обитающем в болоте на равнине, и Ямато Такэру, ничего не подозревая, отправился, чтобы напасть на него. Как только он оказался на равнине, предводитель зажег ее, но герой спасся, скосив траву мечом и устроив «встречный пожар» с помощью фитиля, провидчески вложенного тетей в мешок для чрезвычайных ситуаций.

Следующее происшествие с Ямато Такэру на его «пути испытаний» без сомнения считается самым известным, поскольку насыщено той разновидностью пафоса, которая всегда характеризует героя в воображении людей. Пересекая водные просторы между Сагами и Кадзуса (в настоящее время — Токийский залив), он возбудил враждебность Божества Проливов, которое немедленно

подняло волнение, из-за чего корабль стал дрейфовать. Сопровождавшая его принцесса Ототатибана (зачастую неверно идентифицируемая с его «императрицей») совершенно точно знала, что следует делать в подобных отчаянных ситуациях: «Я пойду в воду вместо тебя, — заявила она, — дабы ты, мой принц, смог выполнить возложенную на тебя священную миссию, вернуться к императору и доложить об этом.»[19 - _Кодзики_, с. 140. _Мацуригото_ («сакральная миссия»); слово, впоследствии использовавшееся в значении «правительство», исходно означало религиозные ритуалы, или поклонение. Любое важное дело, исполнявшееся для императора, как, например, покорение Эмиси Ямато Такэру, было _ipso_facto_ религиозной миссией.] Затем на поверхности волн были разложены восемь слоев грубых циновок, восемь кожаных покрывал и восемь шелковых ковров; принцесса легла на них и погрузилась в воду. Это немедленно успокоило море, и Ямато Такэру смог пересечь залив. Спустя семь дней на берег выбросило гребень принцессы Ототатибана, который был с почтением похоронен в гробнице.

В самом начала своей карьеры герой изображался бесчувственным зверем; теперь же он превратился в совсем иное лицо — в человека, способного быть глубоко тронутым женским самопожертвованием. «Он всегда оплакивал смерть принцессы Ототатибана. Однажды, взобравшись на вершину горы Усухи и глядя на юго-восток, он трижды вздохнул и сказал: „Увы, жена моя!“ [_А_цума_]. Поэтому провинции к востоку от гор были наименованы Землями Адзума.»[20 - _Нихон_сёки_, II:170. Слово _адзума_ до сих пор используется в качестве поэтического обозначения восточной части главного японского острова, однако его этимология без сомнений надуманна.]

Последние столкновения героя произошли не с «волосатыми Эмиси», но с рядом зловещих местных божеств. Похоже, что в то время он достиг уровня, когда враги просто в человеческом обличье уже не были достойны приложения его сил. Прибыв в дикую провинцию Синано, он взошел на большую гору, «храбро прокладывая себе путь в клубах тумана.»[21 - _Нихон_сёки_, II: 170.] Достигнув вершины, он почувствовал голод и сел передохнуть в одиночестве. Божество горы воспользовалось случаем досадить принцу; обратившись в белого оленя, оно подошло и стало перед ним. Ямато Такэру, хотя и был приведен в замешательство этим внезапным проявлением, все же нашелся: он схватил головку чеснока от своего обеда, швырнул ею в оленя и убил его, попав прямо в глаз.[22 - В Китае и Японии (и даже в Шотландии) чеснок использовали, чтобы отгонять злых духов, ведьм и другие неприятные создания; разумеется, до сих пор во многих странах его едят просто для того, чтобы уберечься от простуды и всякого рода инфекций. После случая с Ямато Такэру люди, проходящие перевал Синано, жуют чеснок и натирают им себя и животных, «чтобы им не повредило дыхание божества». (_Нихон_сёки_, II:171). Эта легенда характерно алогична, поскольку нам уже сказано, что герой убил божество.] Это было деяние, достойное «культурного героя»: убив зверя, Ямато Такэру спас этим всех будущих путников от губительного воздействия ядовитого дыхания божества, которое в прошлом делало опасной любую попытку перейти гору. Поединок с оленем не оставил его невредимым; в сумеречном состоянии он потерял дорогу и, беспомощный, бродил по лесу, покуда не явилась добрая белая собака, переведшая его на другую сторону горы.

Ямато Такэру решил, что пришло время вернуться в столицу и дать императору отчет о своей восточной экспедиции. По пути он остановился в Овари и женился на принцессе, однако супруги не располагали временем для праздных развлечений, так как его уведомили о жестоком божестве, засевшем на горе Ибуки, рядом с озером Бива. В припадке гордости он объявил, что справится с этим божеством голыми руками и отправился к нему один, оставив непобедимый меч _Кусанаги_ у жены. Когда Ямато Такэру достиг горы Ибуки, божество приняло вид огромной белой змеи (либо, по другой версии, — белого вепря, «большого как корова») и легло поперек дороги, по которой он шел. И вновь герой стал жертвой обмана, поскольку его лживо убедили, что монстр, лежавший перед ним, был лишь посланником божества. Простой слуга, объяснил он животному, мало волновал человека, истребившего столько настоящих божеств. И Ямато Такэру продолжил свой подъем на гору. Это была роковая ошибка. Как специально, с тевтонской точностью определено в «Записках о делах древности,» «это не был посланник божества, это было само божество.»[23 - _Кодзики_, с. 142.] Обратившись непосредственно к сверхъестественному существу, Ямато Такэру нарушил табу.

«Тогда божество горы нагнало на небо облака и подняло сильную бурю. Вершина горы покрылась густым туманом, а нижняя часть окуталась мраком. Потеряв способность видеть путь, Ямато Такэру бродил в замешательстве, однако продолжал с силой пробиваться сквозь туман, и наконец ему удалось спастись.»[24 - _Нихон_сёки_, II: 174.]

И все же сверхъестественные осадки смертельно поразили героя. Когда он достиг подножия горы, его состояние было все еще полубессознательным, «как если бы это был пьяный человек.»[25 - _Нихон_сёки_, II: 174.] В этом месте повествования Ямато Такэру делает самое удивительное из своих заявлений: «Я всегда чувствовал в сердце, что однажды воспарю высоко в небо. Однако сейчас мои ноги движется неверно, они подкашиваются.»[26 - _Кодзики_, с. 142.] Понимая, что все его планы расстроены, и что теперь он безнадежно привязан к земле, измученный герой заковылял вперед, опираясь на палку.[27 - Текст _Кодзики_ полон причудливых этимологии. Равнина Таги, например, соотносима с _тагитагисику_ («шатающийся»), а склон Цуэцуки — с_ми-цуэ_о_цуки_ («втыкать палку»).] На некоторое время он очнулся, благодаря силе волшебных вод родника у подножия горы.[28 - Более буквально «он протрезвел» _(самэтаисики)._ Эти детали типичны для «магического полета» в приключениях универсального героя. Campbell, _Hero_…, p. 200.] Однако благоприятствовавшая сила, охранявшая героя на его сверхчеловеческом пути, оставила его теперь совершенно. Болезнь (которую современный врач весьма прозаично определил, как «бери-бери») вскоре вернулась к нему, и, понимая неизбежность смерти, молодой человек даже не сделал остановки на пути через Овари, чтобы повидаться с супругой, но поспешил в столицу, полный решимости лично отчитаться перед императором. Это ему не удалось. Достигнув равнины Нобо в северной провинции Исэ, Ямато Такэру не мог больше двигаться и, продекламировав последние строчки своих ностальгических стихов,[29 - Четыре стихотворения приводятся в _Кодзики;_Нихон_сёки_ дает три стихотворения и приписывает их императору Кэйко, который, как полагают, написал их во время пребывания на Кюсю многими годами ранее. Прощальное послание по стилю весьма китаизировано; мы находим его лишь в _Нихон_сёки_ (II: 174-75).] послал прощальное сообщение, которое заканчивалось следующими словами:

«Я надеялся — придет день и час, когда я смогу дать Вашему Величеству отчет о своей миссии, однако срок моей жизни внезапно истек. Время пролетает так же быстро, как четырехконная повозка, которую ничто не остановит, — мимо трещины в стене. И теперь я вынужден лежать в одиночестве на этой дикой равнине, и никто не выслушает моих слов. Хотя, почему я должен роптать о смерти этого тела? Единственное, о чем я сожалею — что никогда более не смогу узреть Вашего Величества.»[30 - «Последний акт в биографии героя — его смерть, или отправление в дальний путь. В нем резюмируется смысл всей его жизни. Само собой разумеется, герой не был бы героем, если бы его ужасала смерть; первым необходимым условием является спокойное предвидение своей гробовой доски.» Campbell, _Hero_..., с. 356.]

Это был конец. Он умер в возрасте тридцати лет.[31 - Двадцать девять по западному счислению. Профессор Такэда считает, однако, что в действительности ему было 32 года (31 по западным меркам). _Нихон_сёки_, II:173.] Услыхав об этом, император был потрясен. Он не мог ни есть, ни спать и проводил дни, источая слезы и бия себя в грудь. Все его прошлые сомнения относительно «грубого, бесстрашного характера» принца были совершенно позабыты; вот как он вспоминал о героизме молодого человека:

Когда на Востоке восстали Эмиси, не было никого другого, кого бы я мог послать рассеять их, и, несмотря на мою глубокую любовь [к сыну], мне пришлось послать его в землю восставших. С тех пор ни дня не проходило, чтобы я не думал о нем; утром и вечером я бродил по этим комнатам, ожидая дня его возвращения. Какое проклятье на мне, какое зло я совершил, за которое его так неожиданно оторвали от меня? Кто теперь сможет в стране достичь столь великих свершений?

Император приказал насыпать на равнине Нобо курган, подобный создаваемым для правителей, и, таким образом (в соответствии с общемировым правилом), герой был похоронен на месте своей смерти.[32 - _Нихон_сёки_, II:175.] Заключительная часть легенды, возможно, наиболее замечательна:

Затем Ямато Такэру обернулся белой птицей,[33 - По _Кодзики_ — «белая птица в восемь размахов» (т. е. гигантская белая птица) (с. 143).] вылетел из гробницы и полетел к земле Ямато. Служители открыли захоронение и, заглянув внутрь, увидели, что саван пуст, а тело исчезло.[34 - «И, наклонившись, увидел лежащие пелены; но не вошел во гроб. Вслед за ним приходит Симон Петр, и входит во гроб, и видит одни пелены лежащие, и плат, который был на главе Его, не с пеленами лежащий, но особо свитый на другом месте» (Ин. 20:57). Ранние японские религии придавали мало значения тому, что происходило с душами великих людей (императоров, воинов и др.) после их смерти. Однако, Ямато Такэру, архетипический японский герой, описан восставшим из смерти, подобно Иисусу из Назарета, оставив после себя в гробу лишь одежды и головной убор. И это не единственное вероятное влияние христианских преданий, которые мы находим в _Нихон_сёки_. История Сётоку Тайси (конец VI века) включает благовещение, рождение в (или рядом со) стойле и пустую гробницу, хозяин которой, подобно Лазарю, воскрес из мертвых. Несторианская церковь появляется в Китае приблизительно с VII века; не исключено, что к 720 году, когда была закончена хроника _Нихон_сёки_, рассказы о Христе каким-то образом

достигли Японии и были инкорпорированы в легенды о местных героях. В этом случае белая птица может быть соотнесена с голубем, традиционным символом Святого Духа.] Вдогонку за белой птицей были посланы гонцы. Сперва она остановилась на равнине Котохики в Ямато, и тогда там был насыпан курган. Затем птица перелетела в Коти, сев в деревне Фуруити, где был насыпан другой курган… Наконец она взвилась высоко в небо. От принца ничего не осталось для погребения, кроме одежд и придворной шапки.[35 - Типичный анахронизм: придворные шапки, определявшие официальный ранг, не вводились приблизительно до 600 года.]

Миф о белой птице, вероятно, отражает даосские представления о бессмертных духах.[36 - Курота Кацуми, _Кокуси-но_кэнкю_ [«Исследование истории родной страны»] (Токио, 1936), I:47.] Без сомнения, он также созвучен верованиям о магической силе белых животных.[37 - В японских мифах и легендах белых животных часто наделяют магическими свойствами.] Главное его значение в истории о Ямато Такэру, однако, заключено в образе полета и бегства: герой, в мечтах «взмывающий высоко в небо», то есть превосходящий земные ограничения, ведущие к поражению и неуспеху, в конце концов находит освобождение в смерти. Это полностью отвечает романтическому характеру Ямато Такэру во второй половине его жизни: меланхолический юный герой, прокладывающий путь через дикие восточные провинции, бесстрашно атакующий враждебные божества и племена и, в конце, побеждаемый кознями божества горы и погибающий на пустой равнине, — жертва типично романтической конфронтации между судьбой и собственной гордостью.

Положение Ямато Такэру, как великого романтического героя легендарного периода, подтверждается его любовью к поэзии — ничем не заменимым искусством для людей, способных тонко чувствовать, на протяжении всей истории японской культуры. В отличие от своих западных коллег, источниками удовольствия для которых служили прежде всего вино, женщины и смертоубийства, военное сословие Японии демонстрировало редкий вкус к поэзии; на протяжении долгих веков, когда шли военные действия, их уважение ко всему артистическому в значительной степени смягчало всепронизывающую жестокость самурайской жизни. В отличие от Запада, с его традиционными спорами о предпочтительности добродетелей людей оружия и людей искусства, в Японии эти две разновидности никогда не рассматривались как несовместимые. Более того, поэтическое чувство служило подтверждением искренности воина. При всей нормативной ограниченности формы, маленькое стихотворение _танка_ с его устойчивыми силлабическими рамками превозносилось, как идеальный способ выражения глубочайших эмоций. Японский трагический герой, жизнь которого проходила на более высоком эмоциональном уровне, нежели у большинства других людей, зачастую выражал свои наиболее сильные чувства в стихах, особенно когда его жизненный путь приближался к кульминационному моменту. Традиция прощальных поэм берет свое начало в наиглубочайшем прошлом страны, и вряд ли хоть один японский герой, начиная с Ямато Такэру в легендарные времена и до пилотов-камикадзе в недавнем прошлом, умирал, не оставив поэтического прощального слова миру. Такие стихи редко бывали высшего сорта, однако, как бы эти речи расставания ни уступали в элегантности и просодическом мастерстве, они всегда отображали искренность чувств, отличавшую истинного героя.

За одним непривлекательным исключением, стихотворения Ямато Такэру относятся к романтическому периоду его жизни, начавшемуся с отправки в восточные провинции. Вскоре после горестного оплакивания утонувшей принцессы произошел случай, являющий пример его почтительности к древнему искусству стихосложения. Ямато Такэру достиг земли Каи и, очевидно потеряв счет времени, спросил, сколько минуло с той поры, как он прошел Цукуба (горный район в провинции Хитати). Он сформулировал вопрос в форме первых строк стихотворения, и ответ ему был дан в полном метрическом соответствии (5-7-7 слогов) стариком, присматривавшим за костром. Герой был столь доволен такой демонстрацией поэтических способностей со стороны скромного труженика, что назначил его местным управителем восточных земель.[38 - Адзума-но Куни-миякко. В действительности, в Японии никогда не существовало подобного места, но даже если бы таковое и имелось, строки старика:Как расставлю их подряд, выходит –Ночей — девять ночей,А дней — десять дней,представляются не настолько блестящими, чтобы давать за них такое вознаграждение. Этот особенный обмен строками со старым человеком впоследствии стал рассматриваться в качестве литературного предшественника «стихотворных цепочек» (_рэнга_), — поэтической формы, ставшей чрезвычайно популярной в позднее средневековье, удостоенной названия _Цукуба-но_мити_ («Путь Цукуба») в память о ее предполагаемом героическом происхождении.]

Среди романтических стихов, приписываемых Ямато Такэру, следующие строки считаются составленными во время его последней болезни, когда он нашел меч, оставленный им под сосной. Персонификация дерева — необычный прием для ранней японской поэзии — раскрывает перед нами то чувство покинутости, которым был охвачен герой в свои последние дни:

На мысе Оцу

Прямо напротив Овари,

Стоишь ты,

О, одинокая сосна!

О, брат мой!

Была бы ты человеком,

Одинокая сосна,

Я бы опоясал тебя мечом,

Я дал бы тебе одежды.

О, одинокая сосна!

О, брат мой![39 - _Кодзики_, с. 142.]

Наиболее знаменитыми из стихотворений Ямато Такэру считаются последние «песни тоски по дому», из которых мы приведем первую и последнюю:[40 - _Кодзики_, с. 143.]

Ах, Ямато, прекраснейшая из всех земель,

Обрамленная горами, как многослойная зеленая изгородь!

Как дорога мне красота Ямато!

Увы, драгоценный меч,

Оставленный мною у девичьего ложа!

Ах, этот меч мой![41 - Это, безусловно, относится к _Кусанаги_, мечу, который он весьма неосмотрительно оставил у своей жены перед выходом в последний поход. Для японского воина меч стал практически религиозным объектом поклонения.]

«Как только он закончил эти стихи, — сообщается в „Записках о делах древности“, — Его Высочество умер.»

* * *

Именно аура, увенчавшая его конец, утвердила Ямато Такэру в роли «образцового героя» среди всевозможных персонажей мифов и легенд. В большинстве культур, «если мономиф должен исполнить свои обещания, нам должны быть показаны не человеческие неудачи, и не сверхчеловеческие достижения, но человеческий успех».[42 - Campbell, _Hero_..., p. 207. В книге, написанной для иностранного читателя (от которого никто не ожидает, чтобы он разделял японскую увлеченность героическим поражением), г-жа Теодора Одзаки переписала конец легенды о Ямато Такэру, превратив его в удачливого героя западного образца:Вернувшись назад, он почувствовал себя больным, его ноги буквально горели, и он понял, что отравлен змеем. Так велики были его страдания, что каждое движение приносило острую боль, не говоря уже о ходьбе, поэтому его пришлось отнести к месту в горах, знаменитому своими минеральными источниками, где вода бурлила пузырьками и почти кипела от подземного вулканического огня.Ямато Такэру ежедневно купался в этих водах и понемногу стал ощущать, как возвращаются его силы, а боль уходят, и вот, однажды он с великой радостью ощутил себя полностью выздоровевшим. Тогда он поспешил в храмы Исэ, где, как вы помните, он воздавал молитвы перед отправкой в этот долгий поход. Его тетушка, священнослужительница монастыря, благословившая его при расставании, теперь вышла его встречать. Он рассказал ей о многих опасностях, с которыми ему пришлось столкнуться, и о том, сколь чудесным путем он остался в живых, а она хвалила его за мужество и воинскую доблесть, а затем, надев самые величественные одеяния, вознесла благодарения их прародительнице, богине солнца Аматэрасу, покровительству которой они оба приписали чудесное избавление принца. И здесь заканчивается история

японского принца Ямато Такэру. (_The_Japanese_Fairy_Book_ [«Японские сказки»], Токио, 1903, с. 35–36.)] Японская традиция демонстрирует отход от монотонности центральных установок человечества не требуя счастливого конца для легендарного героя. В древних хрониках мы находим лишь один персонаж, индивидуальность которого проявляется столь же сильно, как и у Ямато Такэру. Это — божество-повелитель бурь и ветров Сусаноо-но Микото, который, из-за своего неуправляемого характера и отвратительного поведения был лишен богами почестей и изгнан с Высшей Небесной Равнины. Сусаноо также изображается в виде несчастной, одинокой фигуры. Несмотря на его своенравие и бахвальство, он, безусловно, искренен и обладает определенным очарованием; все это, в сочетании с подчеркнутой ролью отверженного бродяги в соломенной накидке, безуспешно ищущего пристанища,[43 - По одной из версий, будучи изгнанным богами, Сусаноо был выслан в Корею — ужасная судьба для японского божества. В _Нихон_сёки_ описаны его скитания под дождем на пронизывающем ветру, когда он просил убежища у различных богов. Все отвергли его из-за недостойного поведения, и ему пришлось закутаться в соломенную накидку и надеть дырявую шляпу бездомного путника. Таков легендарный источник древних _рюрибанаси_ или _сасураибанаси_ (историй о героях, скитавшихся в одиночестве по чужим странам или отдаленным районам), выразившихся позднее в легендах о Ямато Такэру, Ёсицунэ и других.] казалось бы, говорит за то, чтобы утвердить его в качестве идеального японского героя. Однако, его «дисквалифицировали» за вопиющие нарушения определенных правил общественного бытия[44 - Например, разорение межей между рисовыми полями, осквернение священных мест экскрементами, кровосмесительная связь с сестрой.] и, что еще хуже, за то, что он окончил свою жизнь, уютно и удачливо устроившись в своем величественном дворце в Идзумо среди многочисленных жен и целого выводка детей-полубогов. В то же время, Ямато Такэру обладал тем преимуществом, что он увенчал свои ранние успехи поражением, когда, после непрерывной серии побед, потерпел чувствительный урон и умер, прежде чем смог вернуться в Ямато и доложить императору. Этим он дал образец для таких великих исторических фигур, как Ёсицунэ и Сайго Такамори, которых ранние триумфы привели к славным поражениям.[45 - Действительно, кампания, предпринятая Ямато Такэру в районе Канто, в конце концов окончилась полным подчинением Эмиси и божеств, которым те поклонялись. В этом смысле, он «добился успеха уже после смерти», в отличие от типичного японского героя поражений с его «постоянными неудачами» (поскольку поддерживаемое им дело изначально обречено на неуспех). Что прочно удерживает легенду о Ямато Такэру в качестве прототипа японского героизма, так это эмоциональная тональность и всемерная необходимость именно такого конца жизненного пути.]

Глава 2

«Щит императора»

Японский воин-герой всегда знал: как бы много сражений он ни выиграл, как бы много наград ни получил, в конце его ждет трагическая судьба, и эта трагичность не будет результатом ошибок, недостатка стойкости или невезения (хотя все это и может иметь место); причина ее заключена в человеческой карме, несущей мученическую участь.

Необходимо, чтобы герой был готов к этому возвышенному концу, так, чтобы, когда придет время, он точно знал, как действовать и не поддался влиянию инстинкта самосохранения, либо какой-нибудь другой человеческой слабости. Его последняя, яркая встреча с судьбой является самым важным событием в жизни. Продолжать сражаться со всеми препятствиями и правильно вести себя в конце — это придаст значимость его предшествовавшим усилиям и жертвам; плохо же умереть означало насмешку над всем, что дает смысл существованию. «Постоянно думай о своей смерти,» - такими были последние слова верноподданного героя Масасигэ, которые, как считается, он сказал своему сыну перед тем, как сделать харакири в 1336 году;[46 - Ср. знаменитые начальные слова трактата _Будо_сёсин-сю_ [«Сборник начальных наставлений на пути воина»], составленного ученым-самураем Дайдодзи Сигэскэ (1639–1730):«Воин обязан превыше всего рассуждать о смерти, с первого дня нового года, до его последнего дня…»] двенадцать лет спустя молодой человек, сражавшийся на той же, что и его отец, терпящей поражение стороне, был должным образом побежден и погиб в бою.

Западный герой также бесстрашно встречает смерть; разумеется, в любой части света и в любое историческое время герой, который страшится смерти, выглядел бы абсурдной аномалией. Однако, для японского воина смерть имела особое психологическое значение, поскольку резюмировала в себе сам смысл его земного существования. «Путь смерти, — писал известный ученый-самурай, — может придать значимость всей жизни.»[47 - Дайдодзи Сигэскэ, _Будо_сёсин-сю_, с. 54.] Столкнувшись с неизбежным поражением, дворянское сословие провозглашает грандиозность трагедии жизни, и высшим критерием героической искренности является то, как человек встречает свой конец. Эта точка зрения суммирована в имевшем наибольшее воздействие японском военном трактате, содержавшем такое афористическое положение: «Путь воина [окончательно] раскрывается в акте смерти.»[48 - Из _Хагакурэ_. Не только для самураев смерть являлась высшим критерием искренности, но даже для героев и героинь плебейского происхождения в популярных драмах (например — у Тикамацу Мондзаэмона, начала XVIII века), чьи недолгие жизни обретали достоинство и значимость в смерти, особенно — в ее смелой, самопожертвенной манере двойного самоубийства.По словам современного писателя: «Смерть для японцев не является просто окончанием жизни. Уже при жизни ей отводится позитивная роль. Достойно смотреть в лицо смерти — одна из важнейших черт жизни. В этом смысле, вполне может быть сказано, что для японцев смерть существует внутри жизни». Kishimoto Hideo, _The_Japanese_Mind_, Honolulu, 1967, p. l 19.]

Из всевозможных «плохих» смертей ни одна не казалась воину столь отвратительной, как пленение и казнь от руки врага, ибо это означает невыносимое унижение не только для него, но и, что еще более страшно, для репутации его семьи, — как для предков, так и для последующих

поколений. Самое полное поражение не замарает репутацию героя и его сподвижников. Более того, в мистическом японском понимании героизма ничего не приносит такой удачи, как поражение. Однако, как ни безнадежна может стать ситуация для героя, быть плененным даже на короткое время означает непоправимое несчастье. Почетный статус военнопленного, установленный на раннем этапе истории западных войн и включавший в себя положения о содержании важных пленников, о выкупе и тому подобном, никогда не существовал в Японии. Солдат, позволивший себя схватить, автоматически лишался всех воинских достоинств и мог ожидать для себя самого грубого обращения: жестоких пыток, унизительной казни, глумления над своим трупом и, что хуже всего, — эпитета _торико_ («пленник»).[49 - Здесь, кстати, мы находим главное объяснение жестокого обращения с военнопленными из войск союзников, захваченных японцами во время Второй Мировой войны.]

Поскольку поражение было весьма вероятным исходом воинской судьбы, а пленение — невероятным бесчестьем, достаточно логичным было избрать самоубийство в качестве почетной смерти для проигравшего героя. Едва ли хоть один герой на Западе добровольно окончил свою жизнь самоубийством.[50 - Великие самоубийцы классической античности, такие как Сократ и Сенека, разумеется, были принуждены покончить с собой верховной политической властью.] Однако, с самого раннего зафиксированного периода японской истории уничтожение себя было принято воинами, как способ избежать постыдных последствий, как акт чести и храбрости, а также — как высшее подтверждение честности.[51 - Среди японских воинов тяга к Танатосу была настолько сильной, что в средневековых сражениях самураи часто убивали себя еще до того, как это бывало необходимым, то есть тогда, когда сражение еще не было проиграно. С течением столетий дух самоубийства проникал из правящего класса самураев в лежавшие ниже социальные сферы, включавшие и городскую буржуазию. Для героев и героинь пьес Тикамацу (и их последователей в реальной жизни) самоубийство являлось единственно возможным достойным способом избежать конфликта между обязанностями долга и человечности (_гири-ниндзё_).] Со времен кровопролитных гражданских войн XII века, особенным способом, вошедшим в самурайскую традицию было _харакири_ — мучительно болезненная форма самоистязания, служившая решающим подтверждением того, что, несмотря на неудачу в своих начинаниях, данное лицо могло быть уважаемым как друзьями, так и врагами за физическую отвагу, настойчивость и искренность. Однако, еще задолго до XII века побежденные воины прибегали к самоубийству, дабы избежать плена. Самым распространенным способом было вонзить себе в горло короткий меч или кинжал и перерезать сонную артерию; этот неприятный, но совершенно надежный метод использовался и в более поздние времена некоторыми воинами, взрезавшими себе живот и желавшими ускорить конец.[52 - Отметим, к примеру, самоубийство адмирала Ониси в 1945 году. Обычно воин, совершивший харакири, обезглавливался его другом, или специальным лицом. Вспарывание живота являлось, фактически, болезненной прелюдией смерти, а не ее действительной причиной.]

Такова была смерть Ёродзу. Он — первый, о котором записи сообщают, как о совершившем самоубийство после поражения в бою; он также первый из героев, все дела которых кончились неудачей. В вооруженном столкновении, произошедшем в 587 году и являвшем собой поворотный момент в ранней японской истории, он доблестно сражался на стороне, выступавшей

за сохранение национальных традиций, над которым собирались тучи, проигравшей битву и полностью уничтоженной.

Ёродзу не был знаменитостью. Мы знаем о нем только из-за того, как он умер. Он происходил из скромной семьи; в хрониках не дается никаких сведений о его предках и жизни, все сфокусировано на его поведении в день поражения, когда он продемонстрировал блистательный образец воинской виртуозности, нечто вроде бравурного финала, повторение которого мы видим вновь и вновь в истории японских героев.

Сражение, ставшее полем славы для Ёродзу, явилось кульминацией затянувшегося конфликта между двумя ведущими кланами того времени: Мононобэ и Сога. Напряженность в их отношениях возникла после смерти императора Бидацу, случившейся за два года до этого сражения. В _Нихон_сёки_ зафиксировано столкновение между предводителями враждебных кланов, Мононобэ-но Мория и Сога-но Умако.[53 - _Нихон_сёки_ (Токио, «Нихон котэн дзэнсё», 1953), IV: 192. (Без специальной оговоренности, все цитаты даются по этому изданию.) Частица_—_но_ в аристократических именах может быть приблизительно соотнесена с европейскими «фон», «де» и т. д. _Но_ предшествует клановое или фамильное имя; за ним следует личное имя.] Судя по этой записи, уровень политических дебатов в то время был достаточно низок:

Когда тело Его Величества лежало во дворце временного погребения в Хиросэ, Великий Министр Умако пришел сказать надгробное слово. Он вошел в помещение, опоясанный мечом. Увидев это, Великий Предводитель Мононобэ-но Мория разразился смехом и воскликнул: «Он выглядит, как маленькая птичка, проткнутая стрелой.» Когда пришла очередь Мория говорить речь, он так сильно дрожал, что Умако сказал с издевкой: «Ему следовало бы привязать к конечностям колокольчики.»[54 - Возможно, он имел в виду отсутствие военных традиций у Сога; в глазах воинов Мононобэ все Сога были гражданскими лицами, и Умако с мечом выглядел глупо. Неясно, являлась ли дрожь Мория результатом болезни или сильных переживаний по поводу смерти императора; в любом случае, предложение Умако (чтобы тому привязали к рукам и ногам бубенчики, звеневшие бы от его дрожи) было сомнительного характера.]

По преданию, этот обмен колкостями и послужил началом вражды между Мория и Умако; все же, более вероятно, что этот эпизод был наиболее ярким в конфликте, тлевшем на протяжении почти пятнадцати лет еще с тех времен, когда, будучи главами своих кланов, оба они были назначены на два ведущих административных поста в стране. Политическая история Японии VI века была отмечена быстрым ростом власти нескольких больших кланов, которые, теоретически находясь в подчинении у императорского клана, обрели настолько сильное влияние, что были в состоянии решать такие значительные вопросы, как политика в Корее, походы против Эмиси и даже наследование императоров. Соревнование за превосходство между главами ведущих кланов становилось все интенсивнее от десятилетия к десятилетию, что окончательно ослабило позиции Японии в Корее и подорвало авторитет императорской фамилии, которая к концу века стала не более чем орудием в борьбе за власть.

К середине века двумя основными соперниками стали Мононобэ и Сога. Первые пришли к власти в предыдущем веке; вначале их главной официальной обязанностью было контролировать определенные синтоистские церемонии при дворе, однако они все более и более переключались на функции юридического плана, и во время правления императора Юряку в середине V века члены клана Мононобэ служили трону в качестве своего рода жандармов. В то время, как Мононобэ были весьма эффективны в качестве вспомогательной силы[55 - Профессор Наоки в книге _Кодай_кокка-но_сэйрицу_ [«Устройство древнего государства»] (Токио, 1965) на стр.26–27 сравнивает деятельность Монобэ с функциями _токко_кэйсацу_(особая политическая полиция) во время ультра-националистического периода в истории предвоенной Японии. Хотя сходство представляется весьма отдаленным, во времена правления императора Юряку они занимались гораздо более политическими делами, нежели религиозными церемониями, забота о которых в основном ложилась на кланы Накатоми и Имибэ.] при могущественных императорах, направляющих их на подавление вражеских фракций и распространение централизованного контроля в стране, Сога процветали во времена, когда у власти были слабые правители, не способные доминировать над остальными кланами. Они были изощренными политиками и знали, как манипулировать людьми вместе и по отдельности для целей, преследуемых их семейством. Именно они ввели столь примечательную систему «политики женитьб», использовавшуюся впоследствии кланом Фудзивара и другими семьями, управлявшими страной от имени императора. Обычаи выдавать девушек Сога замуж за принцев императорской семьи, что обеспечивало будущим императорам матерей из клана Сога и (что еще более важно) тестей из Сога, был основан в VI веке Инамэ — родоначальником кланового величия; этот путь оказался гораздо эффективнее использования военной силы в сохранении политического превосходства.[56 - Сога-но ИнамэСога-но Умако дама Китаси===КИММЭЙ===дама Кохимэгими29-й императорЁМЭЙ СУЙКО [31-й [33-й император] император]дама Тодзико ===Сётоку Тайси принц Анахобэ дама Каваками дама=====ДЗЁМЭЙ принц Ямасиро Хотэ-но [34-й СУСЮН Ирацумэ император] [32-й император]принц Фурухито]

Важным моментом, использованным Сога в их борьбе со старыми, более консервативными кланами, был вопрос о том, должен ли буддизм быть официально принят в Японии. Начиная с V века сведения о великой индийской религии просачивались в Японию через Корейский полуостров, однако традиционной датой ее реального представления считается середина VII века, когда правитель одного из корейских царств преподнес двору Ямато золотые и медные изображения Будды, несколько сутр и некоторые ритуальные предметы, использовавшиеся в буддийских церемониях. Этот важный подарок (мотивированный, как считается, надеждой получить военную помощь) вынудил двор официально признать эту религию, что немедленно возбудило разногласия между соперничавшими кланами. Мононобэ и другие древние кланы, на которых с незапамятных времен лежала ответственность за поддержание почитания местных синтоистских богов,[57 - Слово _синто_ («путь богов») не использовалось еще даже некоторое время спустя введение Буддизма; оно было создано в противовес слову _буцудо_ («путь будд»). «Синтоизм, пишет Сэнсом, не есть религия или система мысленных построений, но — выражение национального характера» [Georg Sansom, _Japan,_A_Short_Cultural_History_, New York, 1962, p. 49–53], и до появления иноземных идей он был настолько интегрирован в японские чувства, что не требовал для своего обозначения специального слова. Самоосознание национальной религии принесло появление Буддизма.] естественно, желали сохранить старый порядок и противились

всему, что могло нарушить существовавший _status_quo_. Молодой клан Сога предстал заядлым анти-традиционалистом и патроном буддийского учения.

Благодаря знанию внешних условий и особым связям с Кореей, Сога, без сомнения, познакомились с буддизмом задолго до его официального введения, а некоторые из руководителей клана, возможно, были тайными последователями этого учения.[58 - На Сога вполне определенно был наброшен некоторый иностранный флер, в противоположность Мононобэ и другим древним кланам Ямато; вполне вероятно, что они были одним из кланов, эмигрировавших в Японию с Корейского полуострова вероятно уже в IV веке н. э, однако в официальных генеалогических таблицах они, как и другие великие кланы, представлены, как прямые потомки японских богов.] Теперь они употребили свое мощное влияние при дворе, дабы убедить императора принять заморскую религию, предлагавшую не только сверхъестественные способы разрешения практических трудностей, но и прямо соотнесенную с великими проблемами существования и смерти, которым синтоизм придавал мало значения.

Между традиционалистами и «новаторами» несколько десятилетий с переменным успехом шла борьба, в которой обе стороны использовали стихийные бедствия, как средство дискредитации учения противника. Например, в 585 году Мононобэ и Накатоми убедили императора Бидацу отдать приказ о запрещении буддизма; статуя Будды, установленная Сога-но Умако в своем храме, была брошена в воды канала, сам храм разрушен, монахини схвачены и публично высечены. За этим неприглядным случаем последовала серия волнений и эпидемий, которые Сога немедленно приписали гневу будд. Соответственно, Умако было разрешено возобновить буддийские практики, а монахини были ему возвращены. Через несколько лет ему удалось представить буддийского священнослужителя ко двору смертельно больному императору Ёмэй. Предводители традиционных кланов ужаснулись, столкнувшись с таким прецедентом, однако из-за «брачной политики» Сога (больной император приходился племянником Умако), их позиции при дворе были слабыми. По преданию, Ёмэй был обращен _in_extremis_,[59 - Лат. «в чрезвычайных условиях», «перед смертью»; в последний момент.] став, таким образом, первым японским императором-буддистом. Эта история вполне может быть апокрифической; начальное сопротивление двора введению буддизма было, вероятно, гораздо сильнее, чем это описано в хрониках;[60 - Для нас основным источником по этому периоду является _Нихон_сёки_, в котором пытаются дать представление о японских императорах, как о защитниках новой веры с самого ее основания. Однако, по записям в _Гангодзи_гаран-но_энги_ (начало VII века), император Бидацу был ярым преследователем Буддизма, а Ёмэй ничем не помог его упрочению.] ясно, однако, что в конечном счете эта «новая», передовая религия, пришедшая из-за моря, могла гораздо больше предложить японцам — в духовном и культурном планах, — чем традиционные синтоистские верования, и что, сопротивляясь ее введению, традиционалисты вели безнадежную борьбу.

Как это часто случалось в ранней японской истории, искрой, вызвавшей последний взрыв, стал вопрос о наследовании. Правила наследования были весьма неясны, и зачастую болезнь или смерть императора приводили к столкновениям между группами, поддерживавшими различных кандидатов из числа его братьев или сыновей. В условиях, когда трон был ослаблен, а враждующие фракции — сильными и готовыми к схваткам, подобные столкновения приводили к

волнениям, или даже гражданским войнам. Такова была ситуация в Японии в момент смерти императора Бидацу в 585 году, за которой вскоре последовала кончина его наследника Ёмэй (кандидата Сога) и убийство принца Анахобэ (избранника Мононобэ). Сога играли свою политическую партию с привычным для них умением, и вскоре Умако был готов нанести Мононобэ-но Мория — последнему из своих противников, стоявшему на его пути к полной и неоспоримой власти — мощнейший удар. Мононобэ, очевидно, не были готовы к тому, что финальное столкновение придет столь скоро; в этом случае был полностью использован элемент внезапности. В кульминационном сражении силы были до абсурда неравны. Умако тщательно сформировал союз, в который входили важнейшие кланы Ямато; благодаря тонкой политике Сога, он также располагал поддержкой большинства молодых принцев при дворе, в частности, что примечательно, — своего внучатого племянника, принца Умаядо. позже (под именем Сётоку Тайси) ставшего одним из наиболее выдающихся правителей во всей истории Японии.

Основная потенциальная поддержка Мононобэ-но Мория шла от старых кланов из провинции, однако, по самой природе тяготения к традиционной автономии, их силы были раздроблены и не могли быть вовремя мобилизованы для решающего сражения. Лишенный подкреплений извне, Мория был вынужден полагаться практически исключительно на членов своего клана и своих рабов. Эта сила не шла ни в какое сравнение с коалицией Сога, однако Мория со своими людьми сражался храбро. В один из моментов битвы он забрался на верхушку дерева и начал посылать вниз стрелы, «как потоки дождя». Его войска ворвались в дом, занятый противником, а затем рассыпались по равнине. «Армия принцев и войска высших чинов устрашились и трижды откатывались назад».[61 - _Нихон_сёки_, II:209.]

Поворотный момент наступил, когда Мононобэ-но Мория был пронзен стрелой и убит. Основная масса его сподвижников немедленно пала духом и рассеялась. Многие из них переоделись в костюмы слуг, чтобы избежать пленения, другие сменили титулы и бежали в провинции. Разгром был полный.[62 - Один из загадочных пассажей в _Нихон_сёки_ (II:209) предполагает, что поражение случилось из-за предательства женщины: «[Услыхав это известие], люди говорили друг другу: 'жена Умако — сестра Великого Предводителя, Мононобэ-но Мория. Это она подготовила падение Великого Предводителя, а Умако бездумно осуществил ее планы и убил его'». Комментаторы предполагают, что сестра Мория желала завладеть его собственностью. Возможно, что она и помогла Умако в его замыслах но очевидно, что конфликт между Мононобэ и Сога имел гораздо более основательный подтекст.] Хотя схватка была небольшого масштаба (сражение даже не получило официального наименования), это было одним из решающим столкновений в японской истории. Сога вышли полными победителями и, уничтожив всех своих противников, могли теперь проводить совершенно независимую политику. Их кандидат, племянник Умако, немедленно взошел на трон, став императором Сусюн. Буддийская религия, которую теперь можно было исповедовать совершенно свободно, получила открытую поддержку двора и, как наглядный символ нового порядка, были построены первые из величественных храмов и пагод. Древняя племенная система получила первый ощутимый удар. Страна больше не была разделена между сильными независимыми кланами; вместо этого создавалась коалиция сил, группировавшихся вокруг Сога, которым предназначалось трудиться во имя правящего императора для подчинения упорствующих местных правителей и племенных групп, для сохранения того, что осталось от японских позиций в Корее, для форсирования тесных отношений

с Китаем и для культурного развития страны с помощью буддийского учения и других заимствований с азиатского континента. Практически во всех отношениях Сога представляли силы, работавшие на будущее, и их победа проложила путь для Великих Реформ следующего века.[63 - Как случилось позже, Сога стали первыми крупными жертвами движения за Реформы, однако это произошло прежде всего потому, что наследники Умако слишком явно узурпировали основные императорские функции и своим поведением создавали впечатление (не исключено, что соответствовавшее действительности) собственного стремления стать императорами. Решительная победа Мононобэ в 537 году почти наверняка отдалила бы (а возможно — и препятствовала бы) проведение политических и культурных реформ Умако, Сётоку Тайси, принцем Нака-но Оэ, Накатоми-но Катамари и их последователями — поклонниками китайских образцов.]

И все же, наиболее впечатляющей фигурой, выявившейся в сражении 587 года, был не Сога-но Умако, или кто-либо из победоносных принцев, вроде Умаядо, а мало известный воин, сражавшийся на стороне проигравших. _Нихон_сёки_, единственный источник, содержащий сведения о Ёродзу, безусловно нельзя считать пристрастным в пользу дела, за которое выступал Мононобэ, шедшего вразрез централизации, культурному развитию, вообще — общей тенденции будущего развития Японии; причина исключительности Ёродзу состоит в том, что его короткая жизнь исполнена мистической сущности героя, терпящего поражение. Вот полный отчет о том, как он сражался и погиб:

Сподвижник Великого Предводителя Мононобэ-но Мория по имени Ёродзу из семейства Тоторибэ[64 - Тоторибэ («семейство птицеловов») было одним из многочисленных «бэ», наследственных корпорации работников, приданных различным кланам, составлявших гораздо более многочисленный класс в древней Японии. Члены Тоторибэ традиционно были ответственными за поимку диких птиц и воспитание их в неволе. «Бэ» Ёродзу был придан императорскому клану, и, как оказывается, он был передан Мононобэ-но Мория лично императором в качестве прислужника. Неясно, занимался ли сам Ёродзу когда-либо традиционным ремеслом своего семейства. Судя по воинской доблести, проявленной им в 587 году, можно скорее представить, что он провел добрую часть своей жизни в качестве одного из военных командиров у Мория нежели за расставлением силков.] командовал большим отрядом людей, охранявших особняк [Предводителя] в Нанива. Услыхав, что Великий Предводитель пал, он бежал верхом на лошади в середине ночи. Он направлялся к деревне Аримака в районе Тину и, миновав дом своей жены, спрятался в холмах. Дело было рассмотрено при дворе, и вынесено решение: «Ёродзу скрывается в этих холмах из-за того, что имеет предательские намерения. Его семья должна быть незамедлительно предана смерти! Приказ этот должен быть исполнен без промедления».

Тогда, по собственному решению, Ёродзу сошел с холмов с мечом на боку и копьем в руке. Одежда его была порвана и в грязи, а на лице — выражение глубокой печали и волнения. Правители послали сотни стражников окружить его. Ёродзу испугался и спрятался в зарослях бамбука, где привязал веревки к нескольким стволам, потянув за которые, он качал бамбук и вводил в заблуждение стражников. Вот закачался один из стволов, и стерегшие, попавшись на

уловку, бросились вперед, крича: «Он здесь!» Тогда Ёродзу стал пускать стрелы, и ни одна из них не пролетела мимо цели. Это ужаснуло оставшихся стражников, и никто не осмеливался приблизиться к нему. Затем он, сняв с лука тетиву, побежал по направлению к холмам. Стражники стали преследовать Ёродзу, пуская в него стрелы с другого берега реки, однако ни одному из них не удалось его поразить. Тогда один из стражей, обогнав Ёродзу, залег на речном берегу и, натянув тетиву, поразил его в колено. Ёродзу немедленно вынул стрелу [из раны] и, наложив ее на свой лук, выпустил [обратно в стража]. Затем, простершись на земле, он воззвал: «Щитом императора, человеком, мужество которого следовало направить на защиту Его Величества — вот, кем я желал быть. Но никто не спросил о моих истинных намерениях, и теперь вместо этого я нахожусь в столь тяжелом положении. Пусть кто-либо приблизится, чтобы поговорить со мной; я желаю знать, убьют меня, или захватят пленником.» Стражники бросились к Ёродзу и стали стрелять в него, но он смог отразить их стрелы и, натянув свой лук, убил более тридцати человек. Затем, вытащив меч, он разрубил лук на три части, согнул меч и зашвырнул его в реку. Наконец, он схватил кинжал, который носил рядом с мечом, вонзил его себе в горло и так умер.

Правитель Кавати доложил двору об обстоятельствах смерти, и там был отдан следующий, скрепленный печатью указ: «Его тело должно быть разрублено на восемь частей, и каждая часть отослана в одну из восьми провинций, где и вывешена для обозрения на виселице!» Как раз, когда правитель собирался исполнить приказ и расчленить тело Ёродзу, ужасно прогремел гром и хлынули потоки дождя.

И вот, белая собака, которую держал Ёродзу, посмотрела на небо и, воя, обошла вокруг тела, а затем взяла голову своего хозяина в зубы и положила ее на древний курган. После этого она легла рядом с телом, где и умерла, не принимая пищи.[65 - Казнь героев часто сопровождали странные метеорологические возмущения (ср. с «тьмой, павшей на землю» при Распятии Христа и внезапным штормом, налетевшим, когда Нитирэна собирались обезглавить в 1263 году). Роль животных в историях о Ямато Такэру и Ёродзу косвенно разъясняется у Юнга:«…в [его] анимистическом аспекте не подразумевается недооценки из-за ‘примитивности’ или ‘бессознательности’ такового, ибо в определенных случаях животное выше человека. Оно еще не наткнулось на сознание и не противопоставило самовольное эго той силе, что дает ему жизнь: напротив, оно исполняет волю, его актуализирующую, в почти совершенной манере… Снова и снова мы встречаемся в сказках с мотивом „помогающих животных“. Они действуют, как люди, говорят человеческим языком, демонстрируют проницательность и знания высшие, чем у людей. В этих случаях мы можем с определенной долей истины говорить, что архетип духа выражается посредством анималистической формы.» (Carl Jung, Psyche and Symbol, New York, 1958, p.217. Выделено автором.)] Пораженный странным поведением собаки, правитель Ковати послал весть ко двору. Официальные лица были глубоко тронуты этой историей и выпустили следующий указ: «Собака вела себя так, как мало кто в этом мире; нужно, чтобы об этом поступке знали и в грядущих веках. Приказать родным Ёродзу построить гробницу для захоронения его останков!» Повинуясь, члены семьи Ёродзу построили в деревне Аримака гробницу и похоронили в ней Ёродзу вместе с его собакой.[66 - _Нихон_сёки_, II:209–210.]

История о смерти Ёродзу была написана задолго до того, как в Японии появился первый воинский кодекс; она на много веков предвосхищает формирование класса самураев. И все же, его поведение перед лицом поражения является почти идеальной моделью, позже предписывавшейся бойцу, проигравшему свою последнюю битву. Очевидно, что нравственный облик значительно предшествовал какой бы то ни было формулировке правил или принципов.

То, что Ёродзу сперва был в замешательстве — его побег в горы и страх, когда он был окружен стражниками — лишь подчеркивает благородство последних мгновений его жизни, ибо это напоминает нам, что он — не какой-нибудь сверхъестественный герой, неподверженный людским страхам и сомнениям, но простой человек, который, как и все живые существа, хочет остаться в живых, однако в кризисной обстановке способен реализовать фантастические ресурсы энергии и храбрости. Раз выбрав для себя способ действия, Ёродзу неотвратимо идет вперед и, со времени пребывания в бамбуковой роще и до того момента, когда он вонзает себе в горло кинжал, им, как и многим героям в поздней японской истории, потерпевшим поражение, движет импульс заложенной в них отваги.

Неспособный двигаться из-за раны от стрелы в колене, он понимает, что бежать не удастся и, поразив столько противников, сколько это в человеческих силах, он уничтожает два своих главных оружия, символы его военного статуса, а затем закалывает себя насмерть, чтобы избежать позора пленения. (Живи Ёродзу на полтысячелетия позже, он почти наверное избрал бы для себя смерть посредством взрезания живота, однако в 587 году харакири еще не было частью воинского ритуала.) В этот момент фактический исход сражения теряет всякое значение. В счет идет не победа или поражение, но сила следовать путем чести до самого конца.

Короткая, яркая жизнь Ёродзу увековечила его в качестве одного из самых ранних исторических примеров _макото,_ — кардинального качества для японского героя.[67 - _Макото,_магокоро_ и _сисэй_ в сущности взаимозаменяемы. Первые две являются «чистыми» японскими составными, где «ма»=«подлинный, чистый, истинный»; «кото»=«вещи»; «гокоро»=«сердце, дух». _Сисэй_ — составное слово китайского типа, в котором «си» означает «чрезвычайно, крайне», а «сэй» является китаизированным японским прочтением знака _макото_.]_Макото_ обычно переводят, как «искренность», однако его значения идут гораздо глубже и шире, нежели у этого слова, сближаясь по смыслу с духовной силой, к которой взывал Святой Томас Мор (одна из благороднейших фигур в западной истории), когда он молился о даровании ему благодати, позволяющей «не дорожить сим миром.»

В различные периоды истории подчеркивались различные нюансы понятия _макото_, однако его общим знаменателем всегда была чистота устремлений, возникавшая из тяги человека к абсолютному смыслу жизни вне зависимости от времени действия и от понимания, что этот социальный, политический мир есть в сущности своей средоточие коррупции, материальность которой несовместима с требованиями чистого духа и истины.

Отвергая материальный мир, в котором он обретается, с его вульгарностью, человек, обладающий _макото_, руководствуется не логическими доводами, прагматическими компромиссами, или стремлением, диктуемым здравым смыслом, приспособиться к «веяниям времени», но опирается на силу своих собственных искренних чувств. Вместо того, чтобы зависеть от тщательно продуманных рациональных планов и приспособленчества, он движим вперед спонтанностью, не задающей вопросов. Этот аспект _макото_ находит отображение в спокойном, ненапряженном стиле поведения, столь характерном для подвижников буддийской школы Чистой Земли, Дзэн, философии Ван Янмина и иных жизненных подходов, известных в японской традиции. По словам современного западного обозревателя, «искренность» «производит готовность рассеять все, что может отвратить человека от беззаветного действования по чистому, непредсказуемому импульсу, возникающему из сокрытого центра его бытия».[68 - Kurt Singer, _Mirror,_Sword_and_Jewel:_A_Study_of_Japanese_Characteristics_, New York, 1973, p.16.]

Самоотверженная преданность, или, в более точных психологических терминах, вера в собственную самоотверженность, является следующей особенностью искреннего человека. «Я сосредоточен на лояльности (_тюги_), — заявлял современный националист-мученик (не скрывавший своей храбрости за показной скромностью), — тогда как вы, джентльмены, стремитесь отправлять „достойные действия“ (_когё_).[69 - Цитируется статья Нарамото Тацуя в газете «Майнити симбун» от 19 февраля 1971 года в 5-м выпуске серии «Рэкиси то дзимбуцу» [«История и люди»]. После беспокойной, исполненной неудач жизни, Ёсида Сёин (мученик, о котором идет речь) совершил свою последнюю ошибку, составив бесплодный заговор против сёгуната в 1859 году, и был казнен за измену в возрасте двадцати девяти лет.«Он был полон высоких идеалов, грандиозных предвидений и амбициозных прожектов, однако потерпел неудачу почти во всех своих начинаниях, больших и малых, можно сказать, — из-за недостатка здравого смысла. Для иностранного исследователя нелегко понять, отчего он оказал такое воздействие на умы современников и был так высоко оцениваем последующими поколениями. Очевидно, что-то в его жизни апеллировало к эмоциям его соотечественников…» [Sir Georg Sansom, _The_Western_World_and_Japan_, London, 1950, p.284.Именно _макото_ и было этим «что-то». Искренняя импульсивность Сёина обрекла его с самого сначала. Благодаря неосторожным разговорам и нескрытностью в письмах, заговор был раскрыт властями задолго до того, как он подошел хоть на шаг к исполнению своих целей. Предполагаемая жертва (высокое официальное лицо в сёгунате) удачно получило санкции императора на заключение договоров с иностранцами, которым упорно противился Сёин, и благополучно вернулось в Эдо. Сёин также направился в Эдо, однако очутился в общей камере, где и просидел три месяца, а затем — обезглавлен. Вот, как Сэнсом описывает то последнее, что было им написано:«За последние два дня ожидания казни в камере, он записал в прозе и стихах то, что сам назвал ‘Записками нелегкого духа’,- повествование о своих неисполненных желаниях и неосуществленных планах. Тюремные дневники тех дней — яркие образцы исторических свидетельств; среди них записи Сёина — одни из самых трогательных. Он знал, что его постигло поражение, и выражал нечто вроде гордого сожаления, однако наиболее выразительное в его словах оправдывало все его усилия, поскольку он заявлял: ‘Я предпочитаю ошибаться отдавая, чем ошибаться получая. Я предпочитаю ошибиться в смерти, нежели ошибиться в жизни’ [_The_Western_World_…, p.239.]»Это последнее заявление Сёина может рассматриваться как манифест искренности всех японских героев, так же, как и его знаменитая концепция 'Недостойно самурая быть излишне озабоченным последствиями, когда жизненно необходимо действие' (цит. по KH.John Roberts, _Mitsui_, Нью-Йорк, 1973, с.61). Несмотря на череду неудач и плачевный конец, Ёсида Сёин обрел

успех после своей смерти, став образцом храброго, пожертвовавшего собой предтечи триумфальной Реставрации Мэйдзи.]» Искренний человек свободен от бесконечно преследующих его грехов «эгоизма» и мирских амбиций, его не устрашают опасности личного риска, или необходимость жертвовать собой.[70 - Нарамото описывает Сёина, как образец искренности, который действовал с «чистой самоотверженностью» (_дзюнсуймуга-ни_яттэ_). «Большинство людей, — продолжает он, — содействуют лишь оценив практическую ситуацию, однако в этом человеке совершенно отсутствовал дух утилитарности» (_корисин_).] Чистота его намерений раскрывается в действиях, причем — в опасных ситуациях; разговоры, если они не подкрепляются делами, всегда есть признак неискренности и ханжества.

Искренность превосходит не только отвечающие реальности требования утвердившихся авторитетов, но и привычную нравственность, ибо ее высшим критерием является не объективная правота в том или ином случае, но честность, с которой человек отдается ей. Таким образом, даже казненный преступник, такой как знаменитый разбойник XIX века Нэдзуми Кодзо, мог считаться героем, поскольку все верили в чистоту его побуждений.[71 - Нэдзуми Кодзо Дзирокити, самый знаменитый вор в японской истории, был схвачен, проведен по улицам, обезглавлен, а голова его выставлена на публичное обозрение в Эдо в 1832 году. Позже его жизнь была драматизирована в многочисленных рассказах и пьесах Кабуки, и он превратился в народного героя, обирающего богатых торговцев и, в стиле Робин Гуда, раздающего добро бедным людям. «Хотя я и крал, — заявил он после ареста, — но никогда не творил несправедливости». Цитируется по ст. _Сэйги-но_миката_ [«Взгляд на справедливость»] в газете «Майнити симбун» от 15 февраля 1971 года. «Секрет продолжительной популярности Нэдзуми Кодзо, — пишет в заключении автор, — кроется том, что его казнили [власти]».]

В борьбе против коррумпированной политической власти основным оружием герою служила искренность решений. Хотя сперва он мог добиться впечатляющих (даже сказочных) результатов, благородное отвержение всего преходящего и оскверненного ведет его к поражению, кульминацией которого обычно является самоубийство. В то время, как искренность, таким образом, склонна приводить к бедствиям в этом мире,[72 - Как заметил Hilaire Belloc в _A_Moral_Alphabet_, («Cautionary Verses», Лондон 1949, с.9), с несколько неяпонской комичностью:Решительные действия в необходимый моментОтмечают героя, но не приносят успеха.] проигравший герой обретает посмертное почитание за чистоту духа, которого его «удачливый» противник не добьется никогда.[73 - Дихотомия между искренностью и реализмом в японской традиции можно схематизировать следующим образом:ИСКРЕННОСТЬ РЕАЛИЗМэмоциональная спонтанность, высчитывающий интеллект,приводящая к опасным действиям приводящий к благоразумной сдержанности бескомпромиссный идеализм рассудительный прагматизм человеческое сострадание (_насакэ,_ниндзё_) холодность, отсутствие сострадания (_хидзё_)самоотверженость, самопожертвенность эгоизм, алчность, преследование личных интересов симпатизирование потерпевшим поражение стремление к власти и успеху(_хоганбиики_)вызывающее неповиновение несправедливым властям подчинение вышестоящим, что отражено в таких типичных поговорках, как _нагаи_моно-ни_ва_макарэё_ (уступай власть имущим); _саварану_ками-ни_татари_наси_ (не трогай власть придержащих, и они тебя не побеспокоят); _дэру_куги_ва_утарэру_ (вылезающий гвоздь забивают); _цуёи_моно_гати_ (сильные всегда побеждают).Детальное (хотя и несколько путанное)

рассмотрение различных ценностных систем в японском мировоззрении мы находим у Кавабара Хироси в кн. _Сайго_дэнсэцу_ [«Воспоминания о Сайго»], Токио, 1971, с. 56–60.]

Ёродзу (как и прототипический Ямато Такэру) в конце жизни описан пребывающим в полном одиночестве. У него не было, как у Энея, верного Анхиса, который бы помог ему, преследуемому правительственными войсками, или успокоил в последние ужасные минуты; его единственный спутник — белая собака, и даже это таинственное создание не появляется в истории до тех пор, пока ее хозяина не убили и обезглавили. Финальное одиночество Ёродзу, безусловно, соотнесено с пафосом, окружающим проигравшего японского героя, оканчивающего жизнь одиноким человеком, за которым охотятся силы закона и порядка. Своим вопиющим поведением собака еще более драматизирует мученичество смерти Ёродзу и возбуждает чувства симпатии даже среди врагов.

Когда вводится персонаж Ёродзу, сражение уже проиграно; с самого начала он поставлен в положение побежденного, и единственный вопрос состоит в том, как он поведет себя в поражении. Поражение это не было результатом случайности или неблагоприятной судьбы. Дело, которое поддерживал Ёродзу, было обречено, и не только потому, что соотношение сил сложилось неравным, но оттого что Сога и их императорские союзники представляли силы, которые неизбежно должны были победить. Знаменательно, что Ёродзу, первый из исторически достоверных героев, потерпевших поражение, должен был сражаться за клан консерваторов, представляющий древнейшую изо всех японских религиозную и социальную традицию, против более предприимчивой, смотрящей вперед группы, целью которой было изменение _status_quo_ путем введения новых форм, заимствованных из-за рубежа. Японские проигравшие герои не обязательно стояли на «консервативной» или «реакционной» стороне. Осио Хэйхатиро и мученики в Симабара, к примеру, сражались против официальных сил для того, чтобы улучшить невыносимые социальные условия. В большинстве случаев, однако, они не шли в ногу со временем, стремясь, скорее, чаще идентифицировать себя по лояльности, мыслям и образу жизни с традиционными японскими идеалами и образцами, нежели чем с новациями и внешними влияниями. Отнюдь не случайно Ёродзу довелось сражаться за клан, имевший древние связи с синтоистским церемониалом и отчаянно сопротивлявшийся введению иноземной религии.

В качестве несгибаемого сторонника японской традиции, герой почти автоматически становился в позицию охранителя идеи императорской власти. Среди наиболее ярких из всех японских героев выделяются те, кто поддерживал императора в XIV веке против войск сёгуна с их подавляющим превосходством. В этом смысле может показаться странным, что Ёродзу сражался против стороны, представлявшей императорский двор, включавшей Умаядо (Сётоку Тайси) и большинство других принцев. Благодаря своей «брачной политике», Сога привлекли на свою сторону почти всю императорскую фамилию, поэтому Мононобэ после смерти принца Анахобэ не располагали поддержкой даже одного достаточно важного лица. И все же, в конфликте Мононобэ с Сога, как и во многих последующих столкновениях в японской истории, оказывается, что обе стороны считают себя роялистами. Мория и его последователи, без сомнения, верили, что защищают древнее Синто, национальные традиции императорской семьи от коррумпирующих

буддийских инноваций Сога. Во время вооруженного столкновения не было правящего императора, который мог бы узаконить какую-либо из сторон, и лишь результат схватки мог высветить, кто является восставшим, а кто — роялистом.[74 - Хотя Сога-но Умако и был предводителем сил роялистов, из хроник становится очевидным, что он никогда бы не позволил отодвинуть на второй план личные и семейные амбиции таким эмоциям, как простой верностью императору, или почитанию религии ненасилия. Император Сусюн, кандидат от Сога, взошедший на трон после поражения Мононобэ, обрел возможность править, но не управлять. Напряженность между Сусюн и его властным дядей Умако неизменно возрастала. В 592 году, когда императору преподнесли голову дикого кабана, тот достаточно прозрачно намекнул, спросив, когда же подобным образом будет отрезана голова его великого врага. Столь откровенное замечание было передано Умако, который, правильно поняв, что имел в виду император, приказал безотлагательно его умертвить, и Сусюн стал единственным правителем в японской истории, павшим от рук убийц, пребывая на троне. Несколько в стиле Макбета, Умако лично убил человека, которому сам поручил убить императора, под предлогом, что тот соблазнил даму Каваками, императорскую наложницу. Однако, в отличие от Макбета, Сога-но Умако продолжал жить и управлять в качестве Главного Министра на протяжении еще 34 лет, — типичный пример удачливой фигуры, снова и снова возникающей в японской истории как контраст побежденному герою.] Говоря словами старой японской пословицы, «победители становятся императорской армией; побежденные — бунтовщиками». Такая достаточно гибкая концепция лояльности объясняет последнюю горькую жалобу Ёродзу, где он представляет себя «щитом императора» (_оокими-но_митатэ_).[75 - Даже если такая специфическая фигура, как Ёродзу и существовала в 587 году, почти немыслимо, чтобы он назвал себя «щитом императора». Его лояльность, как воина, безусловно, должна была бы быть направлена на Мория, предводителя клана, которому он служил. В исследовании концепции японского героя здесь важно отметить, что официальные хроники приписали чувства лояльности участнику сил восставших и, еще энаачительнее, что великого героя сражения поместили на побежденной стороне. Словосочетание «щит императора» _(оокими-но_митатэ)_ мы находим в патриотическом стихотворении, включенном в антологию VIII века _Манъёсю_ [XX:4373], которое стало популярным среди солдат во время Второй Мировой Войны:С сегодняшнего дня и далееЯ никогда не поверну к дому, —Я, вышедший служитьЩитом императору.Когда Мисима организовал свои частные военные силы в 1967 году «для защиты императора от его врагов», он дал им название «Общество Щита» _(татэ-но_кай)_, вызывающее в памяти этот древний образ.] Герой мог и не иметь в виду какого-либо определенного императора. Своими последними словами (вернее, словами, которые ему приписываются составителями хроники), он подтверждал свою лояльность не некоему конкретному императору, но древней японской традиции, представленной императорской фамилией; тот факт, что ему пришлось сражаться с самыми выдающимися членами этой семьи, не играл никакой роли. Проиграв последнюю битву, Мононобэ и все те, кто их поддерживал, автоматически стали «бунтовщиками», как, безусловно, произошло бы и с Сога, окажись они побежденными. Все же Ёродзу, наиболее впечатляющий приверженец дела Мононобэ, изображен роялистом по духу, как и Сайго Такамори, тринадцать веков спустя сражавшийся против императорской армии и, несмотря на это, считающийся героем-роялистом. Такая экзистенциальная лояльность была немедленно признана самим двором, когда Ёродзу (и его собаке) было дозволено быть похороненным в гробнице, — подобная привилегия вряд ли была бы дарована обычному бунтовщику.

Глава 3

«Меланхолический принц»

«Неудача, — сказал Лафонтен после падения Фукэ, — есть разновидность невинности».[76 - «Il est assez puni par son sort rigoureux; et c'est etre innocent que d'etre malheureux,» - писал в 1661 году Лафонтен о падении Фукэ в _Elegie_aux_Nymphes_de_Vaux_.] В Японии, судя по истории принца Арима, также можно отыскать разновидность героизма. Этот странный, одинокий молодой человек, которого обвинили в измене и удушили по приказу его двоюродного брата, не имел ни малейшей возможности совершить хотя бы один значительный поступок; даже тот опрометчивый заговор, что послужил предлогом для его казни, был почти наверное сфабрикованным. В каждый момент своей короткой жизни принц Арима предстает перед нами, как объект, приносимый в жертву, а вовсе не как положительная личность, принимающая решения и идущая на риск. Однако, трагическая судьба этого принца-страдальца и ностальгические поэмы, написанные им незадолго до смерти, компенсировали его малоэффективность и сделали его образ привлекательным для японского воображения. Он был оплакан в стихах знаменитых придворных поэтов VIII века; в 60-х годах нашего столетия он стал главным героем пьесы известного автора Фукуда Косон.[77 - _Арима-но_Мико_ (Токио, 1961), опубликовано в журнале «Бунгаккай». Князем тьмы в пьесе г-на Фукуда, переполненной персонажами негодяев, предстает замышляющий коварные планы Сога-но Акаэ, состоявший, как это выведено автором, в любовной связи с матерью принца Арима.] Двоюродный брат принца Арима, принц Нака, проводивший одно из основных изменений периода Реформ, был излишне эффективен и удачлив, чтобы квалифицироваться, как романтический герой; о нем не грустил ни один великий поэт, а в драме ему отдана роль холодного, расчетливого политика, ходившего с правильных карт и выжившего.

Когда в 640 году родился принц Арима, клан Сога находился еще в центре политической власти; казалось, они настолько сильно укрепились при дворе, что будут продолжать управлять страной от имени императорской фамилии из поколения в поколение. Однако, приблизительно к этому времени лидеров клана настолько испортило высокомерие, что они стали предпочитать непосредственное действие политическому маневру. Потенциальные оппоненты, включая членов императорской фамилии, которым не посчастливилось оказаться у них на пути, физически устранялись.[78 - Так, в 643 году Сога-но Ирука (внук Умако) решил, что принца Ямасиро, возможного наследника, следует убрать со сцены ради защиты интересов Сога. На принца было совершено нападение, и он вместе со своей семьей был вынужден совершить самоубийство.] Но, что еще хуже, теперь Сога присвоили себе определенные религиозные функции, типа молений о дожде, которые были традиционно закреплены за императором. Это было особенно неприемлемо для такого общества, как японское, в котором придавалось столь важное значение ритуалу и прецеденту. Сложилось впечатление, что Сога планируют сместить древний клан,

правивший Японией, и занять его место. На самом деле весьма сомнительно, имели ли они когда-либо подобные намерения: их целью было контролировать и использовать императоров, а не смещать их. Однако своими надменными и опрометчивыми политическими действиями они нажили себе недоброжелателей как в императорской семье, так и среди других значительных кланов. В 644 году возник грандиозный заговор против Сога. Двумя основными заговорщиками, по преданию начавших переговоры во время придворной игры в ножной мяч, были принц Нака, сын предыдущего императора, и Накатоми-но Катамари, предводитель одного из старых традиционных кланов, безуспешно противившихся приходу Сога к власти в прошлом веке. Заговор дозрел к 645 году и увенчался полным успехом. Руководители Сога были преданы смерти, а предводителя разрубили на куски в императорском Зале Советов в присутствии правящей императрицы, матери принца Нака.

После стремительного падения Сога, власть была возвращена императорской семье. Для того, чтобы отметить начало новой эры, было решено, что императрица отречется в пользу своего брата, отца принца Арима, взошедшего на трон под именем императора Котоку. Более вероятным наследником должен был бы быть сам принц Нака, сын предыдущего императора и предыдущей императрицы, однако, по своим личным причинам, он предпочел оставаться принцем крови.[79 - КИММЭЙ(29-й император)СУЙКО==========БИДАЦУ(33-я правительница) (30-й император)принц Хикобито-но Оэ дама Хотэ======ДЗЁМЭЙ принц Тину Абэ-но Курахасимаро(34-й император) (Министр Левой стороны)принц Фурухито КОГЁКУ======принцТакамуку КОТОКУ====принцесса Отараси(35-я правительница, (внук импе- (36-й снова взошла на трон ратора Ёмэя) император)под именем САЙМЭЙ,37-й правительницы)принц Нака-но Оэ======императрица принц Арима(стал ТЭНДЗИ, Хасихито38-м императором)Годы правления:629–641 — Император Дзёмэй642–645 — Императрица Когёку645–654 — Император Котоку655–661 — Императрица Саймэй668–672 — Император ТэндзиДругие даты:10 июля 645 г. — убиты предводители Сога.12 июля 645 г. — император Котоку восходит на трон.14 июля 645 г. — принц Нака становится наследным принцем.28 сент. 645 г. — казнен принц Фурухито.12 мая 649 г. — самоубийство Сога-но Исиказамаро.14 мая 655 г. — на трон восходит императрица Саймэй с принцем Нака в роли наследного принца.9 дек. 658 г. — арестован принц Арима.12 дек. 658 г. — казнен принц Арима.]

На протяжении долгого периода, в качестве очевидного наследника, принц Нака свои основные усилия направил на проведение Великой Реформы. Эта амбициозная попытка перестроить японское государство по китайскому образцу есть одно из самых важных направлений в японской истории, представляя собой удивительный пример добровольной попытки одной страны перенять политическую, экономическую, юридическую и военные системы, принятые в совершенно отличном от нее обществе. Первая, интенсивная фаза этого движения длилась с 645 по 650 год — период так называемых Годов Великой Реформы, — однако в ней отсутствовал даже малейший намек на спешку, как это было в соответствующие периоды реформ времен Реставрации Мэйдзи или американской оккупации, и это движение продолжалось по крайней мере лет пятьдесят, вплоть до окончания составления определенных кодификаций в VIII веке.

Это была дерзкая попытка переделать Японию по модели страны, отличной практически во всех материальных отношениях, а также и по социальной структуре, традициям и восприятию. Как и можно было бы предсказать, в конечном счете эксперимент оказался неудачным; все же китаизация старой Японии и ее институтов, сколь бы искусственна и незавершенна она ни была, помогла задержать развитие феодальной структуры. Подорвав силы местных кланов и укрепив принцип крепкого центрального правительства, контролируемого императором, который, как и в Китае, мыслился владельцем всей земли и всех людей, реформаторы заложили основу стабильного, преуспевающего придворного общества, плодом чего стал выдающийся расцвет в Нара и Хэйан-кё (Киото). Оговоримся, что ничего из этого не имело и не могло иметь никакого влияния на подавляющее большинство японского народа, жизнь которого оставалась бедной, грязной, жестокой и короткой; и все же, это сделало возможным становление одной из самых оригинальных культур в мировой истории.

Весь самый активный период реформ наследный принц Нака являлся основным действующим лицом в планировании и претворении нового. Теоретически для него было возможным стать императором в любой момент, как только возникло бы таковое желание, однако на протяжении более двух десятилетий он продолжал оставаться наследным принцем. Несколько достаточно веских причин было выдвинуто в объяснение подобной странной сдержанности. Главным традиционным объяснением является то, что, подобно своему великому предшественнику Сётоку Тайси, он считал, что сможет действовать более эффективно без того бремени императорских обязанностей, которое замкнуло бы его на церемониальных и религиозных функциях, — основном долге суверена.[80 - Например, известный историк довоенной эпохи Куроита Кацуми пишет:«Если бы он стал императором, ему бы пришлось взять на себя обременительную ответственность за церемонии и религиозные практики, что сделало бы невозможным углубленные занятия делами внутренней и внешней политики. Для того, чтобы поддерживать движению за великие реформы, было гораздо удобнее [оставаться наследным принцем]», (_Кокуси-но_кэнкю_, [«Исследования национальной истории»], Токио, 1936, 1:130.)] Японские историки также предполагают, что он со своим главным советником Накатоми-но Катамари считали нежелательным слишком непосредственно привлекать любого императора к реформаторскому движению до тех пор, пока не станет очевидной необходимость и успешность подобного средства; далее, непосредственное участие принца Нака в кровавом разгроме Сога, возможно, сделало его ритуально нечистым и, таким образом, технически неспособным стать императором и руководить важнейшими синтоистскими церемониями.

При тщательном чтении хроник возникает подозрение, что были еще и достаточно важные причины личного характера, объясняющие многое из происшедшего в тот период, о которых, однако, нельзя было говорить в открытую. Большую часть своей взрослой жизни принц Нака был глубоко втянут в любовную связь с императрицей Хасихито, являвшейся наложницей императора Котоку и, одновременно, его сестрой по одному из родителей.[81 - Такое личностное объяснение не дается ни у Куроита, ни у кого-либо из других предвоенных историков, которые, без сомнения, посчитали бы его скандальным. Подробное рассмотрение см. у Ёсинага Минору в кн. _Нихон_кодай-но_сэйдзи_то_бунгаку_ [«Политика и литература в древней Японии»] (Токио, 1956) и Наоки Кодзиро _Кодай_кокка-но_сэйрицу_ [«Устройство древнего государства»] (Токио, 1965,

с. 222–43).] Молодой принц Арима, единственный сын императора Котоку, наверное, мучился, зная (или — подозревая) об этих мрачных отношениях.

Первым признаком неладов в состоянии Японии представляется нам ухудшение отношений между принцем Нака и Котоку, его дядей, которому он сам помог взойти на трон после падения Сога. В начале описания нового правления, хроника изображает привлекательный портрет этого пожилого джентльмена: «[Император Котоку] имел добрый нрав и большую склонность к учебе. Он не делал никаких различий между людьми благородного и низкого происхождения. Он всегда издавал благожелательные указы».[82 - _Нихон_сёки_, изд. «Асахи симбунся» (Токио, 1956, с.51). Краткие хвалебные описания японских суверенов основаны на китайских образцах, и их не следует воспринимать слишком серьёзно. Однако, упоминание мягкого характера (_яварака_) императора — необычно и, возможно, имеет определенное значение: человек погрубее, более уверенный в себе (как император Юряку), вряд ли терпел бы связь своей жены с принцем Нака.] В первые годы правления Котоку отношение к нему принца Нака было лояльным и почтительным, однако под конец между ними возникла трещина. Основной причиной напряженности была, видимо, связь между принцем Нака и императрицей Хасихито, ставшая слишком очевидной, чтобы ее не замечать. Дело достигло кульминации в 653 году, когда принц Нака предложил двору переехать из Нанива (в районе современного города Осака), где он обосновался по воле Котоку в начале его правления, в древний императорский центр в Асука. Хроника не указывает причин такого необычного предложения, однако оно очевидно было связано с незаконной любовной связью принца Нака.[83 - До середины VIII века столица обычно перемещалась с началом каждого нового правления, частично — по стратегическим причинам, а частично — из-за существовавших верований в ритуальную оскверненность императорской смертью. До установления полу-постоянного центра в Нара в VIII веке, слово «столица» следует воспринимать в чисто техническом смысле. Все столицы до Нара представляли собой скопление примитивных деревянных строений, окружавших императорскую резиденцию, большинство из которых к концу очередного правления готовы были совершенно разрушиться. До образования усовершенствованной административной системы китайского толка и соответствующего количественного роста правительственных учреждении в результате Великой Реформы, столицы больше напоминали временный лагерь, нежели город, а перемещение из одного такого в другой было операцией достаточно безболезненной, особенно поскольку почти все центры раннего периода строились в пределах небольшого радиуса района Ямато. Слово «дворец» также может создать несколько преувеличенный образ: ранние императорские резиденции представляли собой простые деревянные строения крытые соломой, в которых отсутствовала грандиозная величественность, свойственная западным «дворцам».] Как и следовало ожидать, император Котоку отказался менять столицу, тогда как принц Нака безотлагательно переехал во временный дворец в Асука, взяв с собой мать, вдовствующую императрицу, некоторых молодых принцев и, разумеется, императрицу Хасихито. Принц Арима остался с отцом, однако большинство придворных и официальных лиц, быстро угадав будущий центр власти, покинули старого императора и последовали за принцем Нака в его новую ставку. На следующий год, как если бы их вдохновила западная поговорка, даже крысы решили двинуться с места: «Пятый год, весна, первый месяц; в ночь первого дня крысы [оставили Нанива] и отправились в Ямато.»[84 - _Нихон_сёки_, изд. «Нихон котэн дзэнсё», Токио, 1953, IV:122 (без специальной оговоренности цитируется это издание). Подобное перемещение крыс, но в данном случае — по направлению к Нанива, зафиксировано в начале правления императора Котоку. В обоих случаях «старики» (_окинатати_), как сообщается, предсказывали смену столиц. _Нихон_сёки_, IV:126.]

Не исключено, что именно это массовое бегство ускорило смерть императора Котоку. Мы узнаем, что он был «охвачен горечью и желал оставить трон».[85 - _Нихон_сёки_, IV:126.] В действительности же он не только не отрекся, но и переехал в новый дворец, возможно — чтобы Нанива не навеивала ему горьких ассоциаций. Отсюда он посылает своей молодой жене, покинувшей его, следующие грустные строки:

Лошадка, что я держал,

С поводом на шее,

Мог ли кто-либо ее видеть —

Лошадку, которую я никогда не выводил?[86 - _Нихон_сёки_, IV:126.]

В древнеяпонском языке слово «видеть» (_миру_) имело те же сексуальные коннотации, что и библейское «познать»; представляется, что император Котоку воспользовался им, дабы указать на отношения своей жены с принцем Нака.[87 - Поскольку теперь жена императора открыто соединилась со своим братом-любовником в Асука, подобного рода вопрос может быть лишь риторическим; безусловно, он не подразумевал какого-либо ответа. Нижеследующее вольное переложение профессора Ёсинага передаёт смысл последнего стихотворения императора: «Украл ли у меня другой тебя — тебя, которую я так нежно лелеял? Или ты сама покинула меня и ушла к другому?»] На следующий месяц принц Нака услыхал, что его дядя серьезно болен, и посетил его во дворце в сопровождении большой свиты, куда он включил вдовствующую императрицу и — что было весьма бестактно — императрицу Хасихито. Спустя девять дней император Котоку скончался.

Единственным кандидатом на место его преемника был принц Нака, однако он вновь не воспользовался этой возможностью. Далее реальный выбор мог пасть на сына императора Котоку. Принцу Арима, однако, было всего четырнадцать лет, а до этого в Японии еще не было прецедента занятия трона императором-мальчиком. Кроме того, как становится ясно из последовавших событий, принц Нака именно и стремился избежать императорского наследования по прямой линии от императора Котоку, поскольку это препятствовало бы возможности стать в конце концов императором ему самому. В итоге принц и его советники решили, что его мать, бывшая императрица Когёку, снова взойдет на трон.[88 - При своем втором правлении она была известна под именем императрицы Саймэй. Имена суверенов, китайского типа, составленные из двух иероглифов (Ко-току, Ко-гёку, Сай-мэй и т. д.), используемые для их различения, представляют собой посмертные наименования. Во время жизни у них были длинные имена, произносившиеся чисто по по-японски, (например, императрица Когёку/Саймэй звалась Амэ Тоё Такара Икаси Хи Тараси Химэ-но Сумэра Микото), хотя обычно на произнесение и даже запись имени здравствующего суверена налагалось табу.] Ей шел уже шестьдесят первый год, и решение принца Нака, вероятно, явилось временной мерой для удержания трона в надежных руках до тех пор, пока он наконец не сядет на него сам. Хотя в японской истории такое

повторное восхождение бывшего императора являлось случаем беспрецедентным, хроники не содержат ни единого слова объяснения или комментария относительно возвращения на трон старой императрицы, от которого она отреклась десятью годами ранее. Возможно, так сложилось из-за того, что действительная причина, известная лишь людям при дворе, не могла быть официально объявлена.[89 - Наоки, _Кодай_кокка-но_сэйрицу_, с.227.]

Много лет принц Нака и Хасихито жили более или менее открыто как муж и жена. Ситуация эта, безусловно, болезненно воспринималась ее пасынком принцем Арима и возмущала многих при дворе, кто был близок к старому императору. Все же, в японской императорской традиции не существовало ничего, что могло бы помешать назначить Хасихито императрицей, когда принц Нака взошел бы на трон, — то есть ничего, кроме того неудобного факта, что у них была одна мать.[90 - В древней Японии для женщины было совершенно естественным вновь выйти замуж после смерти супруга и стать наложницей нового императора. Так, императрица Когёку была замужем за внуком императора Ёмэй, принцем Такамуку, до того, как стала наложницей императора Дзёмэй.] В древней Японии проявлялась чрезвычайная терпимость к степеням родства; в императорской фамилии (как, вероятно, и во всем обществе) браки между сводными братьями и сестрами вполне допускались до тех пор, пока общим родителем являлся отец.[91 - На пример, в VI веке император Бидацу смог жениться на императрице Суйко несмотря на то, что оба они были детьми императора Киммэй.] Существовал, однако, строгий запрет на браки между отпрысками от одной матери,[92 - Знаменитый прецедент, возможно, приходивший на ум принцу Нака, случился в V веке, когда блистательный сын императора Ингё, наследный принц Кару безумно влюбился в свою прекрасную полу-сестру. По преданию, страсть его была столь сильна, что он находился на грани смерти. Наконец он решил, что так просто умирать бессмысленно, и что лучше он осуществит брачную связь с объектом своей любви, как бы греховны ни были подобные отношения с дочерью своей матери. Пара тайно соединилась, и к наследному принцу возвратилось самообладание. Вскоре после этого суп императора Ингё замерз и превратился в лед. Этот кулинарный феномен был интерпретирован, как знак того, что при дворе существуют некоторые противоправные отношения, и императору сообщили о кровосмесительных связях его сына. В результате принц Кару был выведен из линии наследников и сослан в Иё, где, по одной версии, совершил самоубийство, написав две предсмертные любовные поэмы своей возлюбленной- сестре.] и принц Нака, вероятно, не желал подвергать опасности свои позиции созданием такой ситуации, когда он становился бы императором и, таким образом, открывал дискуссию относительно своих отношений с императрицей Хасихито. Связь принца со своей сводной сестрой, очевидно, играла немалую роль в его карьере: лишь после ее смерти он решился наконец стать императором.

Когда его дядя, старый император, был надежно упрятан в могилу, а мать надежно усажена на трон, наследный принц продолжил свои политические маневры в проведении многочисленных сложных мер по осуществлению Великой Реформы. И все же, его позиция не была совершенно неуязвимой. Помимо деликатного характера его личной ситуации в отношениях с императрицей Хасихито, ему противостояла потенциальная оппозиция из различных группировок, не получивших никакой выгоды от недавних экономических и административных изменений, и которые, поэтому, противились его попыткам переделать Японию по иноземному образцу;[93 - Оппозиция реформистскому движению достигла своего апогея в восстании Дзинсин (672) —

самом отчаянном и упорном сопротивлении подобного рода, в котором все консервативные силы, противившиеся реформам поднялись в поддержу младшего брата Нака, принца Оама. Куроита (_Кокуси-но_кэнкю_, с. 142–43) сравнивает этот антагонизм с оппозицией реформам эпохи Мэйдзи двенадцать веков спустя, когда движение «за сохранение национальных особенностей» (_кокусуй_ходзон_) возникло, как реакция на правительственную политику вестернизации. Подобное же сопротивление интенсивному иностранному влиянию наблюдалось в Японии после американской оккупации.] немедленно зазвучали также голоса, недовольные увеличением общественных работ и строительства. Новое правление императрицы началось со строительного бума в столице и прилегающих областях, частично направленного на то, чтобы впечатлять население мощью и стабильностью центрального правительства. Это неизбежно должно было ухудшить положение в достаточно примитивной японской экономике VII века, и в хрониках, обычно настроенных достаточно проправительственно, отмечаются многочисленные народные недовольства:

В это время [656 год] правительство уделяло большое внимание общественным работам. Моряков заняли на строительстве канала от западных склонов горы Кагу до горы Исоноками. На двести барж нагрузили камни с горы Исоноками и сплавили по течению к холмам к востоку от дворца,[94 - _Нихон_сёки_, IV:129. В районе Асука области Ямата, неподалеку от новой столицы. Канал, должно быть, был не менее десяти миль в длину.] где сложили в виде стены. Люди порицали [эти действия], говоря: «Этот безумный канал поглотил впустую труд более чем тридцати тысяч людей, а постройка стены — труд еще семидесяти тысяч.[95 - Или «Они говорили о нем, как о „безумном канале“, и молвили…»] А если еще подумать о дереве для дворца, сгнившем на холме, погребенном под камнями?!» Другие бранили [правительство], говоря: «Пусть эта груда камней, что они сваливают на холме, развалится тотчас же, как их взгромоздят друг на друга!»[96 - _Нихон_сёки_, IV:132. В соответствие с междустрочными пояснениями в хронике, эта критика была высказана в то время, как работы были в самом разгаре. Она, похоже, ни на йоту не отклонила правительство от курса, так как уже следующее предложение информирует нас, что работы начались над новым дворцом в Ёсино.]

Народная оппозиция государственной программе, очевидно, не ограничивалась одними словесными упреками; во времена правления императрицы пожары все снова и снова уничтожали новые строения, и очень непохоже, что все они были случайными.[97 - Куроита. _Кокуси-но_кэнкю_, с. 142.] Усиливающееся недовольство, естественно, было направлено прежде всего против человека, непосредственно ответственного как за неудобоваримые реформы, так и за тягостные предприятия с привлечением масс людей. Принц Нака, обладавший острым интеллектом и подозрительным характером, очевидно, знал об оппозиционных настроениях, возбуждаемых проводимой им политикой; поскольку он был преисполнен стремления внедрять свои реформы и другие новшества и в дальнейшем, необходимо было избежать такой ситуации, когда диссидентские элементы попытались бы объединиться для отстранения его от власти. За время своего правления в звании наследного принца, он часто действовал с мгновенной, жестокой неотвратимостью, устраняя индивидов, потенциально могущих стать центрами группировки его оппонентов. В 645 году он обвинил своего сводного брата, принца Фурухито, в подготовке восстания и немедленно отдал приказ о его казни, хотя фактически единственным преступлением Фурухито было то, что он являлся кандидатом в императоры от Сога и мог, таким

образом, стать центром внимания для анти-реформистских элементов. Непохоже, чтобы оставшиеся в живых Сога готовили какие-либо подрывные планы. В любом случае, политикой принца Нака было наносить удар до того, как потенциальная оппозиция обращалась реальной угрозой. Если же в процессе становилось необходимым сфабриковать фальшивые доказательства против невиновных людей, это могло быть оправдываемо все заслоняющей важностью защиты реформаторского движения на его ранней, критической стадии. В 658 году, когда оппозиция политике принца Нака, казалось, снова стала формироваться в единое целое, единственным оставшимся в живых членом императорской фамилии, способным стать центром притяжения для различных антигосударственных элементов в стране, был его двоюродным брат, сын императора Котоку. Принцу Арима исполнилось восемнадцать, — тот самый возраст, когда принц Нака начал организовывать заговор против Сога. Хотя не существовало ничего, дающего возможность предположить, что молодой человек имеет какое бы то ни было намерение быть в оппозиции к правительству, не говоря уже о его свержении, нетрудно было предположить, что, по мере его взросления, недовольные элементы могут избрать его своим кандидатом. Будучи сыном предыдущего императора, он имел немало претензий ко всем при дворе, не говоря уже о наследном принце. В конечном счете, единственной возможностью для принца Нака воспрепятствовать ему занять трон было стать императором самому, что пока было невозможно, либо — полностью устранить его со сцены, что было возможно вполне.

К тому же, в уме наследного принца могли крыться и другие, более личные соображения: его молодой двоюродный брат мог вынашивать в душе чувство горького негодования. Принцу Арима была очевидно известна та унизительная роль, которую его отец, старый император, был принужден играть из-за связи принца Нака с императрицей Хасихито, и ему без сомнения рассказали о том самовольстве, с которым его двоюродный брат переселил ее и других придворных в свой замок в Асука, причинив тем самым старому императору много горя и, вероятно, приблизив его кончину. Что было бы более естественным, если бы он в конечном счете решился отомстить за своего умершего отца и наказать свою грешницу-мать, поддержав силы, желающие уничтожить принца Нака и его реформистское правительство?

Любые подобные подозрения, которые могли бы появляться у наследного принца относительно будущего поведения его двоюродного брата, усиливал необычный темперамент юноши. Запись, датированная 657 годом, описывает принца Арима, как имевшего скрытный характер, и добавляет, что тот «прикидывался сумасшедшим» (_ицувари_табурэтэ_).[98 - _Нихон_сёки_, IV:133.] Хроника, естественно, — проправительственная и стремится всеми способами оправдать дальнейшее поведение принца Нака, выдвигая против Арима обвинения. На самом же деле кажется вполне возможным, что молодой человек, в раннем возрасте лишившись родителей и оказавшись изолированным при дворе, где всем заправлял его всевластный и враждебно настроенный старший кузен, ответственный за соблазнение его мачехи и унижение его старого отца, становился с годами все более мрачным и невротичным, и что его «сумасшествие» не было уловкой, но вполне настоящим нарушением личностной ориентации. Наблюдая ничем не прикрытые отношения наложницы своего отца и ее любовника царских кровей, принц Арима имел все причины ощущать недоверие к своим старшим родственникам. Его «скрытность» могла быть просто защитой от мира, казавшегося враждебным и опасным.

Осенью он покинул столицу, отправившись в Муро — район горячих источников на побережье полуострова Кии, где он надеялся поправить свое здоровье.[99 - Члены императорской фамилии довольно рано начали посещать горячие источники для отдыха и развлечений. Отец принца Арима особо любил минеральные источники в Арима (около современного Кобэ); есть предположение, что имя принца, записывающееся теми же иероглифами, восходит к названию этого места. Отчего принц Арима избрал Муро, а не более близлежащие источники, как, например, Арима, так часто почитаемые присутствием императорской семьи? Есть много возможных объяснений, помимо того зловещего, что отмечено в хронике. Если, как мне кажется, его ментальное недомогание было подлинным, он вполне мог стремиться избежать посещения роскошного курорта; прибрежные источники типа Муро были лучшим местом для лечения, чем источники в Арима, располагавшиеся в горах. Вдобавок, как указывает профессор Наоки (_Кодай_кокка-но_сэйрицу_, с. 235), Сиоя-но Мурадзи Коносиро, единственный близкий сотоварищ принца, отвечал за солевые разработки в районе Муро (его имя означает нечто вроде Господин Соляных домов и Селедки) и вполне мог порекомендовать эти отдаленные горячие источники своему несчастному юному другу.] Хроника считает, что это был не более, чем предлог (_ямаи-о_осамуру_манэ_сйтэ_), настаивая, что принц Арима уже решился на заговор против правительства и прикрывался своей вымышленной болезнью для того, чтобы встретиться со своими приятелями-заговорщиками в надежном, удаленном месте. Однако, нет ни одного доказательства того, что принц имел подобные намерения; гораздо более вероятно, что он был в грустном, обеспокоенном расположении духа (состояние, в наши дни описываемое, как острая депрессия, или нервный срыв), и он отправился в Муро, убегая от придворной напряженности, чтобы обрести хоть какое-то душевное успокоение. Казалось, эта поездка ему помогла: вернувшись в столицу, он хвалил горячие источники своей тете, старой императрице, говоря, что его болезнь стала уходить «с того самого момента, как я увидел то место».[100 - _Нихон_сёки_, IV: 134.]

Приблизительно через год, когда императрица была в состоянии глубокого уныния из-за смерти ее любимого внука, она решила сама посетить Муро и отправилась туда с сыном, наследным принцем. Принц Арима остался в Асука, и именно в то время он оказался замешан в заговор, приведший его к гибели. Нижеследующее описание событие тех дней взято из _Нихон_сёки_:[101 - _Нихон_сёки_, IV:139-41. Я вставил дополнительный отрывок (со стр. 141 _Нихон_сёки_) между «…тайно совещались» и «В этом году я достиг возраста», — единственное, по моему мнению логичное место для этого параграфа. Замечание принца Арима о том, что теперь он достаточно зрел для руководства войсками в бою, звучит бессмысленно в том месте, где оно сейчас находится (то есть при ответе на критику правительства со стороны Акаэ), однако оно вполне подходит как продолжение слов о том, что он еще слишком юн для осуществления своих планов. Все даты даны по Юлианскому календарю.]

3 декабря [658 года]. Господин Сога-но Акаэ, назначенный дежурным управителем [на время отсутствия императрицы и наследного принца], говорил с императорским принцем Арима так: «В отношении государственных дел у императорских правителей выявляются три ошибки. Первая — она строит большие сокровищницы, где накапливает богатства, собранные у народа. Вторая — она использует доходы от налогов на постройку длинных каналов. Третья — она нагружает баржи камнями, перевозит и сооружает из них холмы». Тогда принц Арима понял, что Акаэ настроен к

нему дружески, и был доволен…[102 - Интересно, что все три «ошибки» правительства были совершены в экономической области. Первые две относятся к новым налогам, которыми было обложено население в ходе Великой Реформы; _со_ — налог с продукции, уплачиваемый рисом или другими зерновыми, а _ё_ — более тягостное бремя — трудовая повинность. Хотя Сога-но Акаэ адресует свои слова императрице (_сумэра-микото_), его критика (или намеренно провокационные поношения) в действительности направлены против принца Нака и его коллег, ответственных за реформы.]

5 декабря. Императорский принц Арима посетил дом Акаэ и взошел в высший этаж, где они сговаривались с Сиоя-но Мурадзи Коносиро… [и другими]. «Сперва мы должны поджечь императорский дворец, — сказал принц Арима. — Затем, с пятью сотнями людей мы блокируем гавань Муро на один день и две ночи, немедленно отрезав остров Авадзи с помощью флота таким образом, что Муро превратиться в застенок. Поступая так, мы легко победим». Кто-то возразил, говоря: «Это не сработает. Очень хорошо строить планы, но у вас не хватит сил, чтобы исполнить их. Вашему Высочеству всего лишь восемнадцать лет, вы еще не достигли зрелости. Сперва вырастите, и тогда вы получите власть, вам необходимую». «В этом году я достиг возраста, когда могу управлять армией,» - ответил принц Арима. [Когда они говорили], внезапно сам по себе сломался подлокотник. Присутствующие восприняли это, как плохое предзнаменование и поклялись друг другу, что более ничего не предпримут. Тогда принц Арима вернулся к себе домой в Итифу.

В середине ночи господин Акаэ послал Мононобэ-но Энои-но Мурадзи Сиби с командой из рабочих, трудившихся во дворце, и они окружили дом принца Арима.[103 - Представляется характерным, что Сога-но Акаэ использовал простых рабочих (_ёборо_), чтобы схватить принца Арима, а не официальных стражников или солдат, и что прошло три дня, покуда он не был официально арестован.] Затем он безотлагательно отослал верхового уведомить императрицу.

9 декабря. Императорский принц Арима, Сиоя-но Мурадзи Коносиро… [и двое других] были арестованы и отправлены к горячим источникам в Муро…

Сразу же по их прибытии принца Арима лично допросил наследный принц. «Почему ты замышлял измену?» - спросил наследный принц. «Ответ на это знает небо и Акаэ, — отвечал принц Арима, — сам же я не понимаю, что происходит».

11 декабря. Господину Тадзии приказано удушить императорского принца Арима на холме Фудзисиро.[104 - Эта казнь была типом «гарроты» и заключалась в удушении веревкой. Среди разновидностей наказаний, перечисленных в китайских кодексах, она была на одну ступень менее позорная, чем обезглавливание. Тадзии-но Осава-но Мурадзи Кунисо вероятнее всего не совершал эту зловещую операцию лично, но был лишь ответственным за процедуру.] В этот же день Сиоя-но Мурадзи Коносиро [и двое других обвиняемых] были обезглавлены на холме

Фудзисиро. Перед казнью Коносиро сказал: «Могу ли я просить разрешения моей правой руке изготовлять вещи, ценные для государства?»[105 - Другими словами, «Пожалуйста, пощадите меня, чтобы я мог продолжать трудиться на благо страны» (а не так, как забавно переводит этот пассаж Астон: «прошу, чтобы моя правая рука была сделана национальным сокровищем»). Последняя просьба Коносиро естественно, не была исполнена.]

Запись в хронике намеренно опускает два знаменитых стихотворения принца Арима. Ее авторы имели целью представить молодого человека изменником, не собираясь возбуждать любых ненужных симпатий к нему упоминанием горьких предсмертных стихов, создатели которых ассоциировались с японскими героями, а не с государственными преступниками. У составителей _Маньёсю_, замечательной поэтической антологии, составленной около 760 года, не было подобных запретов, и с их помощью молодой принц стал великим романтико-трагическим героем VII века, сочинившим следующее:

Два стихотворения принца Арима, сложенные, когда он оплакивал свою судьбу и связал ветви сосны:

Здесь, на берегу Ивасиро,

Я связываю ветви сосны.

Если только выпадет мне счастье,

Я вернусь, и вновь увижу этот узел

Теперь, двигаясь вперед, кладя под голову подушку из трав,

Я не имею коробки для риса,

И кладу это подношение богам

На грубые дубовые листья.[106 - Второе стихотворение неясно. Его также возможно принять (см. _Манъёсю_, изд, «Ниппон гакудзицу синкокай», Токио, 1940, с.9) за жалобу принца, что во время неудобного путешествия рис ему подавали на дубовых листьях (_сии-но_ха_), а не в соответствующих коробочках (_кэ_), как дома. Но тогда стихотворение превращается, вместо твердого уверения в поклонении богам, не более чем во всхлип жалости к самому себе.]

Ивасиро, где были написаны эти стихотворения, — пустынное место на полуострове Кии, примерно в десяти милых от горячих источников Муро. Принц Арима был схвачен 6 декабря и в тот же день уведен из столицы. За три дня он прошел расстояние в девяносто миль до Муро, где наследный принц провел официальное расследование. Возможно, ночь 8 декабря была проведена в Ивасиро, располагавшемся в дне ходьбы от пункта назначения, и он сложил стихи

незадолго до оглашения приговора. Существовал обычай, когда люди, попадавшие в затруднительное положение, связывали ветви сосны, как заговор, привлекавший удачу. В данном конкретном случае такой заговор не оказался действенным, поскольку принц Арима был казнен двумя днями позже, однако в сознании людей связанные сосновые ветки стали прочно ассоциироваться с историей его последних дней, обессмертив его имя. Когда придворный поэт Нага-но Имики Окимаро посетил Ивасиро около двадцати пяти лет спустя, ему показали дерево, связанное с историей несчастного принца, что вдохновило его на написание двух элегических стихов, включенных в антологию _Маньёсю_. Первое из них перекликается со словами героя:

О, конечно, он вернулся

И увидел тот самый узел,

Что завязал здесь на ветке сосны

У берега Ивасиро!

Во втором стихотворении сосна персонифицируется, становится символом мертвого принца:

Связанная сосна, растущая на равнине в Ивасиро,

Не забывает своего прошлого,

И сердце ее все еще сжато печалью.

Несколькими десятилетиями позже Яманоуэ-но Окура, один из лучших поэтов в _Маньёсю_, написал стихотворение, в котором снова представлена сосна, помнящая судьбу принца Арима:

Хотя его дух летает над головами и все еще обходит берег,

Люди и не подозревают, что он здесь;

Знает лишь сосна.

На самом деле, он был далеко не забыт. Как предполагает само включение этих стихов в _Маньёсю_, принц Арима уже овладел воображением людей, и его роль в политических катаклизмах VII века представлялась ролью беспомощной жертвы, невинность и чистота помыслов которой привели к несчастью в мирских делах. Официальная хроника, разумеется, представляет его в виде предателя, и в этом трудно полностью усомниться. Безусловно, существовал некий заговор, вовлекший Арима, однако, из того, что мы знаем о методах принца Нака, становится ясным, что жертвой оказалось не государство, а сам молодой принц.

Прежде всего, совершенно невероятно, чтобы юноше, столь незащищенный и изолированный при дворе, серьезно намеревался низвергнуть всевластного наследного принца и его правительство. Как мы узнаем, единственным близким единомышленником Арима был некий малоизвестный господин по имени Сиоя-но Мурадзи Коносиро, мелкий правительственный чиновник, разумеется неспособный обеспечить достаточный престиж и средства, необходимые для любого самого незначительного выступления. Хотя в стране было много недовольных, особенно — местных предводителей, противившихся Великой Реформе, даже в официальной хронике не говорится, что принц Арима имел какие бы то ни было контакты с этими потенциальными сторонниками.

Как же тогда интерпретировать его отношения с Сога-но Акаэ? При чтении записей у меня сложилось впечатление, что Акаэ был агентом-провокатором, сговорившимся с наследным принцем заманить Арима в ловушку, втянув его в фальшивый заговор. У принца Нака были серьезные причины бояться, что его младший кузен в будущем может стать фокусом для оппозиции ему самому и проводимой им политики; то, что он использовал Акаэ для устранения своего последнего потенциального противника, вполне совпадало с его предшествовавшими действиями против таких невиновных людей, как принц Фурухито. Версия агента-провокатора подтверждается тем фактом, что, когда принц Нака в конечном итоге взошел на трон (под именем императора Тэндзи), он сделал Акаэ левым министром — высший пост в правительстве который вряд ли мог быть поручен лицу, не так давно инспирировавшему заговор против трона.

Можно лишь удивляться, отчего принц Арима вообще доверял человеку, настолько близкому правительственным кругам, что наследный принц оставил его официальным заместителем на время своего отсутствия в столице. Возможно, принц считал, что Акаэ непременно должен был ненавидеть принца Нака за его роль в разгроме клана Сога и что, несмотря на свое высокое положение в правительстве, тот готов рискнуть всем, дабы отомстить за свою семью. Более того, принц Арима был молодым, неопытным человеком, который не мог положиться ни на кого из придворных; снедаемый неприязнью к своему властному кузену, отравившему жизнь его отцу, он мог наивно поверить Акаэ, когда тот открыл ему свои притворные сомнения относительно правительства. Отсюда и его радость, когда он узнает, что «Акаэ дружески к нему настроен»: наконец-то он нашел хоть кого-то, кто, как он считал, не любит наследного принца так же сильно, как и он сам, и кто даже готов открыть ему свои тайные мысли. Вполне вероятно, поэтому, что на следующий день он пошел к Акаэ.

Однако, тот план действий, который, как передают, он предложил во время своего визита, — очевидная фальшивка. Не было ни «пяти сотен человек», которые бы блокировали гавань Муро, ни флота (_фуна_икуса_), который бы отрезал остров Авадзи.[107 - Профессор Такахаси предполагает (Наоки, _Кодай_кокка-но_сэйрицу_, с. 240), что друг принца Арима, Сиоя-но Мурадзи Коносиро должен был использовать свое положение управляющего соляными разработками для мобилизации местных рыбаков и формирования блокирующего флота, однако это представляется несколько надуманным.] Эти и другие детали были, вероятно, придуманы

Акаэ, или даже составителями хроники, чтобы хоть как-то подкрепить неубедительные доказательства вины принца Арима. Среди всех натяжек и подделок в официальной записи, ответ Арима наследному принцу звучит с необычной силой правдивости: «Небо и Акаэ знают, что ответить. Я же не понимаю, что происходит». Вместо того, чтобы объяснять свои мнимые действия, или пытаться оправдать себя, принц Арима выражает замешательство, которое может ощутить каждый, внезапно попавший в искусную ловушку врага.

Конечно, то, что произошло в действительности, навсегда останется неизвестным; все же, затевал ли принц Арима что-либо против правительства, или нет, — очевидна его невиновность, как человека, обреченного на неудачу. Заговор, если таковой вообще существовал, был тщетной попыткой, и сыграл он лишь на руку его врагам. В отличие от своего меланхолического датского коллеги, которому в конечном счете удается опозорить свою мать и убить ее царственного любовника, молодой японский герой потерпел полную неудачу во всех своих намерениях отомстить, и его ранние неудачи привели не к блестящему оправданию, но в петлю палача; принц Нака, прототип Клавдия в этой драме, удачно удалив со сцены своего воинственного родственника, смог жить с императрицей Хасихито, наслаждаясь властью и победами.[108 - императрица КОГЁКУ император КОТОКУпринц Нака======императрица Хасихито принц АримаКлавдий==========Гертруда=========отец ГамлетаГамлет]

Принц Арима стоит в ряду молодых героев с плачевной судьбой, которые на протяжении веков вызывали горячий отклик в японских сердцах. Их неудачи не есть просто «разновидность невинности», но являются фокусом их героического статуса. Это связано с общим взглядом на жизнь, который во многих отношениях диаметрально противоположен доминирующим западным представлениям. Иудео-христианский подход основан на той успокоительной идее, что, до тех пор, пока человек верит, Бог будет на его стороне, и он, или по крайней мере его дело, восторжествует в конце. Таким образом, герой типа Роланда, хотя его и побеждают в сражении, никогда не оставляем Богом, и успешно помогает победе христиан над сарацинами.

Этот, в основе своей оптимистический, взгляд особенно бросается в глаза в самой западной из всех стран Запада — Соединенных Штатах Америки, в традициях которых было всегда вытеснять трагические ноты жизни и, зачастую вопреки очевидному, верить в изначальную доброту человечества, или, по крайней мере, той части человечества, которая к счастью поселилась в их границах. «Я знаю Америку, — говорил один из недавних президентов, — сердце у Америки доброе».[109 - «…сердце у Америки доброе, характер у Америки сильный, и мы будем продолжать оставаться великой державой». Президент Никсон, в речи в Хантсвилле, штат Алабама, 18 февраля 1974 года («Нью-Йорк Тайме», 19 февраля 1974 г.)] К этому заявлению нельзя не отнестись с известной долей иронии, особенно припомнив личность его автора; все же, такой сентимент отражает общее допущение, широко и прочно принятое. Разумеется, и американцам знакомо отчаяние, однако оно возникает не из философского осознания экзистенциальной ограниченности человека, но от расстройства, следующего за чрезмерной надеждой на возможность обрести счастье в этой жизни.

Японцы располагаются на другом краю спектра; с древности они имели склонность к мысли, что мир и человеческие условия существования вовсе не должны обязательно быть благоприятными. Несмотря на всю кипучесть и мощь этой страны, ее обитателям свойственна нота глубокого пессимизма, чувство, что по большому счету все против нас и, как бы мы ни старались, мы играем в заранее проигранную игру. Раньше или позже, но каждый индивид обречен на поражение; даже если он обойдет все многочисленные препоны, выставленные жестоким обществом, в конце концов его победят естественные силы — возраст, болезни, смерть. Человеческая жизнь — _ё-но_нака_ [«этот мир»], выражение, так часто ставившееся поэтами первой строкой, — исполнена грустных превратностей; она преходяща и непостоянна, как времена года. Беспомощность и поражение уже заложены во всех делах человека, и тут уж (как напоминает нам самое распространенное японское выражение) _сйката-га_най_ — ничего не поделаешь, ничем не поможешь.

Врожденный пессимизм проистекает из комбинации буддизма Махаяны (остающимся основным религиозным и эмоциональным фактором, воздействующим на японцев, гораздо дольше, чем в любой другой крупной стране) со странной предрасположенностью к землетрясениям и другим природным катастрофам. Весьма ярко это обнаруживается в японской очарованности экстремальными ситуациями, которая дала долгую цепь художественных произведений «литературы несчастий», начиная со «Сказания о доме Тайра» и других древних военных хроник и до современных романов типа «Огней на равнине».[110 - О «Сказании о доме Тайра» см. с. 68–69. Относительно «Огней на равине», как современном примере «литературы несчастий», см. мое введение к ее переводу в изд. «Penguin», New York, 1969, p.viii ff.]

Все же, в самом непостоянстве и мучительности условий человеческого существования японцы обнаруживают позитивную сторону. Их признание особой красоты, присущей недолговечности, несчастью в мире и «очарованию вещей» (_моно-но_аварэ_), во многих случаях заменяет беспечную веру Запада в возможность «счастья».[111 - Ivan Morris, «The World of the Shining Prince», London-New York, pp. 196-98.6] Такое понимание _lacrimae_rerum_[112 - лат. «оплакивание событий» (букв. «слезы по вещам»).] отражается в инстинктивной симпатии к трагической судьбе проигравшего героя, поражение которого от сил враждебного мира в самой драматической форме дает пример столкновения каждого живого существа с превратностями судьбы, страданием и смертью. В то время, как все мы обречены когда-то уйти под землю, пафос неудач в этом мире особо показателен, когда жертва предстает в виде молодого, чистого, искреннего создания.[113 - «Такого рода характеры [т. е. побежденных героев] передают нам особо острое чувство недолговечности (_мудзё_}». Кавабара, «Сайго дэнсэцу» Токио, 1971, с.50.] Его падение являет квинтэссенцию японского образа разлетающихся нежных вишневых лепестков на примере человеческой жизни.

Глава 4

«Божество поражений»

Побежденные герои Японии оканчивали свою жизнь всевозможными мучительными способами. Некоторые вонзали клинок себе в горло, других сжигали заживо, душили, обезглавливали, убивали в сражениях мечами, пиками или пулями, либо разрывали на куски управляемыми бомбами и торпедами; и почти всегда их жизненный финал был ранним и болезненным, причем обычно они сами выступали в роли собственных палачей. Сугавара-но Митидзанэ умер спокойно в своей постели (вернее — на занавешенном помосте, выстланном соломенными циновками) в возрасте пятидесяти восьми лет. Однако, всего несколько десятилетий спустя его героические свершения стали настолько признанными, что он был вознесен в ранг синтоистского божества.

Официально ему поклонялись, как богу поэзии и наук, — областей, в которых он так преуспел за свою жизнь,[114 - Он стал, также, богом грома и божеством, патронирующим тех, кто страдает от несправедливости по причине собственной искренности.] однако сам по себе его вклад в литературу и ученые дисциплины никогда бы не принес такой славы и всеобщего почитания, которого на протяжении веков удостаивалось его имя. Действительная причина того, что люди так долго поклонялись ему в его храмах, и что даже сейчас, в 70-х годах каждый школьник в Японии знает имя Сугавара-но Митидзанэ, заключается в том, что его достижения в культуре и душевная искренность были повержены маневрами его политических оппонентов.

Почти в каждый другой период японской истории — и, пожалуй, почти в любой другой части света — человек, неудачно противопоставивший себя правящим силам своей страны, имел очень мало шансов на такую мирную кончину, как у Митидзанэ. Ему повезло с врагами. Одним из достоинств весьма злонамеренного в прочих отношениях семейства Фудзивара, контролировавшего японское общество почти на всем протяжении эпохи Хэйан (конец VIII–XII вв.), было то, что они избегали насилия и физической жестокости.[115 - «…руководители клана Фудзивара противились кровопролитию в любом его виде. Они не верили в возможность разрешения проблем с помощью жестокости. Они достигали своих целей продуманностью планов и посредством убеждений, и здесь они были и предусмотрительны, и сдержанны, ибо стоило им хоть раз применить силу в качестве аргумента, и их собственное главенство было бы разбито в прах. Они почитали гражданские добродетели и склонялись перед ученостью до тех пор, пока ученые не начинали стремиться к политическим успехам.» Sir Georg Sansom, _A_History_of_Japan_to_1334_, London, 1958, p. 150.) Терпимость Фудзивара к своим противникам имела под собой также и идеологическую основу. То было время, когда буддийский запрет на убийство имел большое влияние; большинство же Фудзивара были добрыми буддистами и не рисковали (за исключением случаев, когда это было совершенно неизбежно) возможностью духовной деградации по причине лишения кого-либо жизни. Равной по воздействию причиной являлась боязнь _онрё_ — _неуспокоившихся духов побежденных врагов, которые могли вернуться в земную жизнь и

преследовать человека. Как показывает история Митидзанэ, даже побежденный враг, которому позволили окончить свои дни в мирной отставке, мог стать заклятым недругом после своей смерти. Насколько же более опасен должен был быть дух врага казненного, или претерпевшего жестокое обращение!] Стабильной политикой лидеров Фудзивара было избавляться от своих врагов не с помощью тюремного заключения или казни, но путем назначения их на службу в отдаленные провинциальные районы, где они и оставались до тех пор, покуда их можно было спокойно отозвать в столицу, если только, как в случае с Митидзанэ, смерть не устраняла их навсегда со сцены. Такая судьба — светская форма ссылки — постигла практически все жертвы хэйанского периода, включая принца Гэндзи, самого блестящего из всех японских литературных героев, который был сослан на побережье Внутреннего моря своими недругами из клана Фудзивара.[116 - В повести Мурасаки Гэндзи вновь вызывают в столицу и наделяют политическим статусом за счет Фудзивара. В реальной истории, однако, ни один из прощенных изгоев никогда не имел возможности бросить вызов их гегемонии. Большинство традиционных исторических прототипов принца Гэндзи были политическими ссыльными, противостоявшими правящей фамилии. Наиболее вероятным претендентом представляется Корэтика — популярный юноша аристократического происхождения, изгнанный из столицы главой правящего клана Фудзивара в 996 году и назначенный на службу в губернаторское управление острова Кюсю (Morris, _The_World_of_the_Shining_Prince_, London & New York, 1964, pp. 56–57.); Корэтика, как и Гэндзи, был прощен два года спустя, однако его политическая карьера была навсегда подорвана. Многие из комментариев к «Повести о Гэндзи», начиная с _Какайсё_ XIV века, выдвигают Сугавара-но Митидзанэ в качестве одного из прототипов принца Гэндзи, а комментарий _Сика_ситирон_ XVIII-го века прямо называет его таковым. Подобное приписывание представляется весьма натянутым. Единственными важными моментами, фигурирующими у обоих персонажей, являются сильная тяга к культуре, а также то, что оба были политическими ссыльными; в эпоху Хэйан такое сочетание редкостью не являлось. Однако, для изучения японских героев важно отметить, что ученые на протяжении веков верили в то, что историческими прототипами самых выдающихся героев японских повествований были ссыльные, — иными словами, те, кто в социальной сфере потерпел поражение.]

Это был век гражданских лиц _par_excellence_,[117 - Фр. «прежде всего», «преимущественно».] а также единственный период в японской истории, когда в правящем классе отсутствовало какое-либо уважение к воинским достоинствам; на протяжении этой долгой мирной, медленно изменявшейся эпохи, когда политическая власть была сосредоточена в Хэйан-кё («Столице мира и спокойствия»), милитаризм был совершенно несовместим с превалировавшими культурными ценностями. Противники такого рода, время от времени появлявшиеся, бросали политический, а отнюдь не военный вызов, и, хотя Фудзивара всегда имели возможность применить санкции военного характера, они намеренно этого избегали, полагаясь на мирные средства устранения внешних угроз. В этом они неизменно имели успех; долгое правление «северной» ветви клана Фудзивара свидетельствует об их замечательной политической проницательности на протяжении многих поколений.[118 - Четыре ветви большого клана Фудзивара ведут свое начало от Накатоми-но Катамари, которому фамилия Фудзивара была дарована его другом и единомышленником императором Тэндзи в память — как гласит традиция — о поле глициний (_фудзи-хара_), на котором они обсуждали планы свержения Сога.(Накатами-но) КатамариФудзивара-но ФубитоЮжная ветвь Церемониальная ветвь Столичная ветвь Северная ветвьПосле продолжительной борьбы, в начале IX века северная ветвь победила остальных.]

Такая, сравнительно мягкая, природа конфронтации на протяжении почти всего периода Хэйан не вполне сочеталась с неистовым, отчаянным типом героизма, порожденным последующей эпохой, поэтому малоудивительно, что Митидзанэ, основной герой-неудачник этих спокойных веков, предстает несколько мягким, даже бесцветным в сравнении с бурными характерами типа Ёсицунэ и Масасигэ, короткие жизни которых были прерваны неистовым самоубийством. Кардинальная героическая добродетель — искренность манифестировалась Митидзанэ в культурной, эстетической сфере жизнепроявлений хэйанского джентльмена; ей не хватало взволнованности и напряженности, ассоциирующейся с _макото_ динамичных героев-воинов в позднейшее время.

Когда в конце IX века Сугавара-но Митидзанэ внезапно достиг высокого положения, Фудзивара являли собой центральную силу в японской политике и уже разработали разнообразные методы контролирования администрации и удержания под контролем императорской семьи, которой оставалось лишь преданно служить им, сохраняя и расширяя их влияние.[119 - О политике, использовавшейся Фудзивара для обеспечения контроля над правительством см. Morris, _Shining_Prince_, pp. 200–212.] В середине века Фудзивара-но Ёсифуса, в то время — глава клана, создал бесценный прецедент, обеспечив восхождение на трон императора Сэйва, который, будучи его внуком, был еще и восьми лет от роду, что требовало регента, правящего от его имени. В 858 году этот важный пост, ранее всегда принадлежавший членам императорских фамилий, был занят самим Ёсифуса, установившим, таким образом, наследственный контроль клана Фудзивара над императорами. В последовавших поколениях, когда система была окончательно разработана, идеальным образцом представлялась ситуация, когда глава «северной» ветви Фудзивара правил в роли регента во время несовершеннолетия ребенка-императора, который был обычно его внуком или зятем, а затем продолжал править, как канцлер, когда император входил в возраст. Дабы предупредить опасность, когда какой-нибудь непокорный император пожелал бы бросить вызов сложившейся системе, обычно устраивалось так, что император должен был отрекаться от власти и постригаться в монахи в раннем возрасте; трон и магико-религиозная аура императорства переходила в этом случае к его младшему сыну, политический авторитет которого складывался бы при новом регенте, автоматически имевшем тесные связи с Фудзивара.

Полный переход светской власти к Фудзивара произошел лишь лет через сто. В IX же веке на высших правительственных постах еще были несколько человек не из семейства Фудзивара; было также немало фамилий, готовых при первой представившейся возможности присоединиться к противникам системы Фудзивара до ее полного завершения. Еще большая опасность заключалась в том, что некое высокое официальное лицо из другого клана могло получить поддержку взрослого, независимо мыслящего императора, желавшего ослабить контроль Фудзивара над правительством.

Так и произошло в действительности. В 887 году образованный и амбициозный молодой человек взошел на трон под именем императора Уда. Позволяя это, Фудзивара отходили от одного из своих кардинальных правил, ибо у нового императора мать была не из Фудзивара, и он не был в родственных отношениях с правящим канцлером. Мотоцунэ, энергичному и умному политику,

сменившему Ёсифуса, пришлось пожалеть об этом упущении, так как вскоре стало очевидным, что Уда, в отличие от пяти предшествовавших императоров, был намерен как царствовать, так и править. Он желал вернуть бюрократическую систему, контролируемую монархом, существовавшую в начале эпохи Хэйан. Хотя он и был готов оставить членов семьи Фудзивара на постах высших гражданских чинов и советников, он также твердо намеревался саботировать их монополию политической власти путем привлечения для поддержки выдающихся людей из других семейств. Последовавшее противоборство императорской фамилии и «северной» ветви поставило Фудзивара перед лицом величайшей опасности, с которой они сталкивались со времен, когда столицей только что стала Хэйан-кё; это также был последний из брошенных им серьезных вызовов на последовавшие два столетия. Однако, как это приличествовало времени, сражение велось мирными средствами и даже с соблюдением приличий: ни один человек не лишился жизни, хотя многим, и среди них — Сугавара-но Митидзанэ, — это стоило карьеры.

С начала своего правления император Уда пытался восстановить позиции императорской семьи путем привлечения поддержки значительных деятелей не из семейства Фудзивара. Первым его близким советником был Хироми из клана Татибана, которого он давно уважал за ученость и честность. Хотя Хироми не был назначен ни на один из важных постов, Мотоцунэ был начеку перед опасностью и прибег к типичной стратегии Фудзивара. В начале каждого правления среди высоких государственных чиновников существовал обычай уходить в отставку со своих постов и быть автоматически назначаемыми новым сувереном. Целью этого ритуала было сохранить видимость императорской независимости, и когда Мотоцунэ надлежащим образом представил прошение об отставке после восхождения Уда, никто при дворе не придал этому серьезного значения. В Императорском Ответе, данном на следующий день, не было, однако, ни малейшего упоминания об обязанностях канцлера; Мотоцунэ просто назначался _ако._ Этот термин, значащий нечто вроде «исправляющий [человеческое] зло», использовался в седой китайской античности для характеристики главного придворного министра, и его точное значение для Японии IX века было спорным.

Мотоцунэ, поняв, что император намеренно избрал этот двусмысленный термин по совету своего ученого друга Татибана-но Хироми, решил, что это, кажущееся тривиальным, отступление от прецедента, может послужить хорошим поводом для создания полезной ему кризисной ситуации. В негодовании, он заявил, что _ако_ обозначало скорее ранг, нежели определенный пост, что такое назначение оскорбляло его достоинство, и что он не может далее исполнять свои государственные обязанности до тех пор, пока вопрос не будет решен. Так началась известная полемика об _ако_—_вокруг точного значения этого древнего китайского слова. Баталия, ведшаяся со всей свифтианской терпкостью диспута о том, как правильно разбивать вареное яйцо, заняла силы ведущих ученых страны на большую часть года. Из зависти к Хироми и боязни Фудзивара, придворные мудрецы были склонны поддерживать интерпретацию Мотоцунэ. Сам канцлер отказался заниматься государственными делами, а, поскольку Уда еще не достиг того возраста, когда он мог бы отказаться от услуг вездесущих Фудзивара, ему в конце концов пришлось передать дело в официальный суд, который, как и следовало того ожидать, вынес решение, что использование термина _ако_ явилось ошибкой, требующей наказания. Такой исход был триумфальным для Мотоцунэ, который теперь вновь обрел всю власть канцлера. Хироми, ученость которого была подвергнута сомнению коварной политикой, не понес никакого

наказания, кроме стыда, однако он был вынужден отойти от государственных дел и умер примерно год спустя. Для императора Уда полемика об _ако_ имела результатом первый сбой в его карьере.

К счастью для нового императора, его властный канцлер недолго наслаждался своим триумфом. Он умер в 891 году, приблизительно через полгода после смерти своего поверженного соперника, и, поскольку его сын и предполагаемый наследник был всего двадцати лет от роду, для императора Уда было возможным сохранять это место незанятым, покуда он старался заполнить образовавшийся вакуум власти по-своему. Новая ситуация при дворе дала молодому императору редкую и неожиданную возможность восстановить авторитет императора. Прежде всего, он отказался называть наследника Мотоцунэ, оставив пост канцлера вакантным. Прецедент требовал, чтобы Фудзивара-но Токихира стал Тайным Советником, и это назначение было сделано через несколько месяцев после смерти Мотоцунэ, однако в качестве противовеса влиянию Токихира император избрал членов клана Минамото для службы в качестве Тайных Советников при Большом Государственном Совете.[120 - В соответствии с иерархической системой китайского толка, установленной в период Великих Реформ, администрация страны контролировалась Великим Советом Государства, прямо подчиненным императору. Великий Совет состоял из Главного Министра, Министров Левого, Правого и Центрального; Главного, Среднего и Низшего Советников и Частных Советников (или Советников Императора). Пост Главного Министра обычно пустовал. Как правило, было четыре Главных Советника, три Средних и три Низших Советника, восемь Частных Советников. См. Ivan Morris, _The_Pillow_Book_of_Sei_Shonagon_ II, приложение 7 — о фактологических деталях администрации эпохи Хэйан; описание — в _Shining_Prince_, гл. 3.] Через пару лет Уда нанес жестокий удар «брачной политике» клана Фудзивара, избрав наследным принцем своего сына Ацухито, мать которого не принадлежала к основному стволу «северной» ветви. Токихира, новый лидер Фудзивара, лишился, таким образом, важной прерогативы являться дедом следующего императора. В том же году император Уда возвел двух значительных аутсайдеров на посты Тайных Советников. Одним из них был Ясунори, энергичный губернатор с высокими принципами, выходец из маловлиятельной «южной» ветви Фудзивара; вторым был ученый-поэт Сугавара-но Митидзанэ

Такие меры привели к серьезному сбою в существовавшей системе власти: спустя два года после восшествия императора, Фудзивара настолько лишились своей монополии, что члены «северной» ветви их клана продолжали занимать не более половины мест в Большом Государственном Совете. Балансированием представительности фамилий в высшем эшелоне правительства, император Уда занимал более удобную позицию для утверждения своего собственного влияния и направленного проведения различных административных реформ, которые он считал необходимыми для исправления злоупотреблений на местах и реставрации старой системы китайского образца, при которой центральный контроль осуществлялся императорской фамилией.[121 - Эти реформаторские меры, предпринятые в правление императора Уда, получили название _кампё-но_сэйдзи_ (политика эпохи Кампё) и привели к серьезным административным реформам Энги во времена правления его сына императора Дайго. По сути это были консервативные меры, целью своей имевшие сохранение системы _рицурё,_ возникшей в годы Тайка, претерпевшей значительные изменения к худшему от инноваций в центральной администрации, от слабости провинциальных правительств, но прежде всего — от разрушения

официальной системы распределения земель. Среди практических мер, принятых среди реформ Кампё были: (а) отправка в провинции инспекторов _(момикуси)_ для выслушивания жалоб крестьян на местные злоупотребления, проверки, оттока населения из определенных частей страны и для укрепления авторитета официальных лиц, назначенных из центра; (б) попытка снизить расходы центрального правительства путем сокращения определенных отделов и должностей, а также состава императорской гвардии.]

Наиболее решительным из назначений императора Уда был выбор Сугавара-но Митидзанэ на место несчастливого Татибана-но Хироми — главным советником. Избрав еще одного человека извне в качестве своего ментора, Уда до оскорбительного ясно показал свое намерение вывести Фудзивара из числа своих ближайших советников и не дать им возможности вновь обрести те позиции, которыми они столь удобно располагали до смерти Мотоцунэ. Митидзанэ был единственным известным ученым, поддерживавшим Хироми в его интерпретации слова _ако_. В этом он откровенно встал на сторону проигранного дела, поскольку с самого начала спор был безусловно политический, а не академический, а в политике козыри Фудзивара были старше. Однако готовность Митидзанэ рискнуть нажить врагов в их лице, защищая правое дело, безусловно, произвела впечатление на императора своим идеализмом и искренностью.

По характеру Митидзанэ резко отличался от жестких политиков из Фудзивара типа Мотоцунэ, и это, возможно, также сближало его с молодым императором. Исследуя личность бога-героя, умершего более тысячи лет назад, трудно отделить истину от легенды, но даже если мы проигнорируем все те панегирики, что щедро расточались Митидзанэ поколениями его поклонников, у нас все же будут все причины верить, что это был спокойный, серьезный, добрый человек, возможно — несколько интровертного плана, искренне преданный поэзии и учености.

По многим этим особенностям Митидзанэ походил на самого Уда, который, несмотря на свои твердые убеждения и амбиции, кажется обладавшим застенчивым характером и большим почитателем литературных экзерсисов. Уда потерял отца — мало способного императора Коко — в раннем возрасте, и кажется возможным, что мудрый, пожилой ученый типа Митидзанэ мог предстать перед ним почти в отеческом образе.[122 - «Старше» — по масштабам эпохи Хэйан. Когда Уда взошел на трон в возрасте 21 года, Митидзанэ был старше его примерно вдвое.] Интересом, объединявшим их обоих, были классические штудии, и на протяжении нескольких лет Митидзанэ направлял императора в его занятиях китайскими классиками и составлении китайских стихов. Со своей стороны Уда почитал Митидзанэ, как выдающегося ученого, доверив ему помощь в издании «Истинных Записей о Трех Императорских Правлениях», — последней из Шести Историй Страны, а также составление «Систематизированной Государственной Истории», капитального труда, в котором история Японии была представлена по категориям.[123 - _Нихон_сандай_дзицуроку_ — одно из великих литературных достижений того времени, была начата по указу императора Уда, но закончена лишь в правление императора Дайго. Токихира и Митидзанэ были среди основных составителей, однако, как это ни смешно, 50-томный труд был представлен ко двору всего лишь через несколько месяцев после того, как Токихира принудил Митидзанэ удалиться в ссылку. _Руйдзю_кокуси_ была представлена Сугавара-но Митидзанэ в 892 году; из 200 свитков (_кан_) сохранился только 61. Другой серьезной работой Митидзанэ был

28-томный сборник китайской поэзии, составленный его дедом, отцом, и им самим. Он также написал весьма компетентное предисловие к буддийскому трактату своего знаменитого современника Эннина. В 893 году император Уда повелел Митидзанэ составить новую антологию японской поэзии, озаглавленную _Синсэн_Манъёсю_. Некоторые современные ученые ставят под сомнение его авторство этой антологии и _Руйдзю_кокуси_.]

Эти книги, как и все значительные работы того времени, были составлены на китайском, — единственном языке, достойном ученых мужей. Семья Митидзанэ, хотя и вела свое начало от легендарного силача, ставшего по преданию создателем борьбы «сумо»,[124 - Легендарным предком рода Сугавара был Номи-но Сукунэ, которого император Суйнин (правил в III в. н. э.) призвал из западной провинции Идзумо для того, чтобы он вступил в поединок с чемпионом по борьбе того времени. Номи-но Сукунэ убил своего противника мощными ударами по ребрам и в промежность и был вознагражден всей собственностью и землями убитого. Считается, что эта жестокая схватка дала начало традиционной борьбе _сумо,_сохранившейся до наших дней — гораздо более элегантному (и безопасному) виду противоборства. Приблизительно через двадцать лет после своего триумфа Номи-но Сукунэ проявил себя с более мягкой стороны, предложив, как гласит традиция, чтобы вместе с телами знатных людей вместо живых сподвижников хоронили глиняные фигурки.] имела традиции конфуцианских ученых, просматривавшиеся вплоть до VIII века, когда глава клана был назначен наставником в китайских классических книгах при дворе. В начале IX века дед Митидзанэ основал семейное учебное заведение для занятий конфуцианскими трудами; его отец Корэёси был известным ученым классической школы, ставший главой столичного университета.

Будущий бог-герой, третий сын Корэёси, по преданию был вундеркиндом, с самого рождения лепетавшим только стихами. Такие характеристики не по годам развитых гениев слишком общи в биографиях героев, чтобы воспринимать их всерьез, однако нет сомнений в том, что с юных лет Митидзанэ посвятил себя китайской литературе (его первые стихи на китайском были написаны в возрасте десяти лет) и что он утвердил свою репутацию писателя, педагога и ученого в раннем возрасте. IX век был прекрасным временем для любого, кто интересовался подобными занятиями. Череда императоров — приверженцев всего китайского восстановила традицию уважения к китайским штудиям, и культурное влияние эпохи Тан на японский двор оставалось сильным на протяжении столетия. Так, в университете занятия конфуцианскими классиками считались важнее всех других предметов обучения; во дворце придворным было предписано надевать танские костюмы; самые почитаемые поэты того времени занимались составлением антологий из китайских стихов, хотя очень мало кто из них слыхал, как на этом языке говорят.

Молодой Митидзанэ, прекрасно знавший китайские сочинения, просодии и каллиграфию, был в своей стихии. После совершения обряда совершеннолетия в возрасте четырнадцати лет он был взят ко двору и использовался многими высшими чинами в качестве «теневого составителя» петиций и других документов прозрачным китайским языком. Он был узурпирован канцлером в качестве профессионального ученого, с ним консультировался император Коко по такому серьезному вопросу, как — соответствовало ли что-либо в китайской истории японской должности «Дайдзё Дайдзин»? Он стал популярным и влиятельным лектором по конфуцианским

текстам,[125 - Оказывается, Митидзанэ принимал горячее участие в жизни и благосостоянии своих студентов, даже тех, кто не выделялся способностями. До наших времен сохранилась интересная подборка китайских стихов, написанных Митидзанэ в 882 году, каждый из которых посвящен одному из студентов-выпускников императорского университета. В стихотворении, посвященном студенту из ученой фамилии Вакэ, Митидзанэ упоминает тот факт, что он 13 раз проваливался, прежде чем сдать экзамен — «Так что прошу дать мне возможность увидеть твое напряженное лицо разгладившимся сегодня». Другой молодой человек (из фамилии Татибана) был «вечным студентом», которому понадобилось для окончания заведения около 20 лет. Нижеследующее стихотворение цитируется из _Нихон_сёки_ (изд. «Нихон котэн дзэнсё», Токио, 1953, XVII:150):Не раньше, чем в сорок один годТы смог покинуть эти залы.[Но не грусти —]Великие умы созревают поздно.Из самых способных студентов Митидзанэ, окончивших Бунсёин (частная школа семейства Сугавара), многие заняли в правительстве важные посты; именно они, по легенде, первые приложили усилия для упрочения его посмертной репутации. С точки зрения Фудзивара, поддержка этих бывших учеников своего старого учителя являлась потенциальным источником опасности, и некоторых из них отправили в ссылку после того, как в 901 году Митидзанэ отстранили от власти.] а в замечательно раннем возрасте тридцати двух лет ему присвоили степень доктора литературы — высшее академическое звание в Японии, которым могли обладать одновременно лишь два человека в любое время. С гордостью признавая таланты своего сына, Корэёси приказал ему написать введение к «Трем Записям Правления Императора Монтоку» — пятой из Шести Историй Страны, которое он составил в соавторстве с Фудзивара-но Мотоцунэ. Когда на следующий год его отец умер, Митидзанэ унаследовал много из его обязанностей, включая заведование фамильным учебным заведением Сугавара.

Его карьера в столице прервалась, когда ему шел сорок первый год, — он был назначен губернатором провинции Сануки на острове Сикоку, где и оставался весь срок службы — четыре года. Сообщают, что он стал чрезвычайно популярен среди местных жителей и что, когда он отъезжал в столицу, по обочинам дороги стояли рыдающие люди. Как и многие другие трогательные истории о Митидзанэ, это скорее всего апокриф; на самом деле он был совершенно не приспособлен для должности губернатора провинции и мало интересовался деталями администрирования. Он предпочитал посвящать свое время китайской литературе. Среди стихов, сочиненных им за это время, мы находим серию изящных строф, озаглавленных «Встретив седовласого старца на дороге», где он оплакивает голодное состояние крестьянства; однако никогда (насколько нам известно) не пытался он улучшить местные условия, или провести реформы по типу проводимых в соседней провинции силами Фудзивара-но Ясунори.

Вскоре после восшествия на престол императора Уда, Митидзанэ был отозван в столицу для того, чтобы высказать свое мнение по поводу полемики об _ако,_ и там он представил свою точку зрения впечатляющего характера в письменном виде, поддержав позицию Хироми. Хотя этот документ не имел ни малейшего практического воздействия на результат дискуссии, это послужило началом тесной связи между Митидзанэ и Уда. В 893 году император Уда сделал своего девятилетнего сына Ацухито наследным принцем. Перед принятием этого важнейшего решения, шедшего совершенно вразрез с интересами Фудзивара, император консультировался не с кем другим, как с Митидзанз, а вскоре после этого он назначил его официальным наставником молодого принца.[126 - По профессору Куроита (_Кокуси-но_кэнкю_, Токио, 1936, 1:255),

императору Уда пришлось поспешить в назначении принца Ацухито своим преемником, поскольку он не мог рисковать, допуская возможность появления у другой своей наложницы — Ацуко (дочери Фудзивара-но Мотоцунэ) сына, который бы, в соответствии со «свадебной политикой» Фудзивара, автоматически получил бы преимущество перед любым другим потенциальным преемником; он также пожелал назвать своего наследника до того, как Токихира — новый лидер Фудзивара — получит достаточно времени для окончательного упрочения. Это позволяет понять, почему император Уда столь «резко» отрекся от престола, когда ему был всего 31 год, а наследнику — только 13 лет.] В том же году Нобуко (Энси), дочь Митидзанэ стала одной из наложниц императора Уда. Это скрепило их тесные отношения с Митидзанэ, но это же должно было еще больше усилить недовольство Фудзивара, которые привыкли к своей монополии на составление партий такого рода, и, в то же время, дало им оружие, которым они в нужное время воспользовались в борьбе со своим противником максимально эффективно.

На следующий год Митидзанэ был назначен главой миссии в танский Китай. Обстоятельства этого назначения — одно из самых белых пятен в его карьере. Возможно, таково было личное решение императора Уда, желавшего почтить своего близкого друга и советчика, поставив его во главе столь важного посольства, считавшего также, что Митидзанэ, величайший ученый того времени, будет самым соответствующим главой миссии, основные цели которой лежали в сфере культуры. С другой стороны, возможно, что это назначение было спровоцировано Фудзивара, дабы убрать соперника с пути. В любом случае, очень похоже на то, что сам Митидзанэ, несмотря на свое увлечение всем китайским на протяжении жизни, имел не больше желания повидать саму страну, чем известный современный ученый Артур Уэйли, постоянно отвергавший приглашения посетить Дальний Восток.[127 - По одной из легенд, однако, Митидзанэ действительно бывал в Китае, где воспринял учение Дзэн. Некоторые монахи XV века заявляли, что в период правления Сунской династии Митидзанэ побывал в Китае для того, чтобы занижаться у дззнского мастера — и это несмотря на тот факт, что Сунская династия возникла много лет спустя после кончины Митидзанэ. На знаменитой картине с изображением Митидзанэ, названной «Небесное божество, перешедшее в Китай» (_Тото_Тэндзин_), изображен великий ученый в одеждах дзэнского монаха, держащий в руках пучок цветущих сливовых веток, которые стали по легенде символически с ним ассоциироваться. (Сакамото Таро, _Сугавара-но_Митидзанэ_, Токио, 1956, с. 162–163.)]

Дипломатические миссии в Китай, регулярно посылавшиеся с VII века, начали отправляться с перебоями с тех пор, как столицей стала Хэйан-кё. Хотя торговцы и монахи все еще шли на риск и перебирались на континент в своих целях, ни один из официальных посланников не был отослан, начиная с 838 года. Это было частью государственного отхода от внешних контактов, полубессознательного процесса концентрирования вокруг местной японской культуры и японизирования предыдущих культурных заимствований в противовес прямому импорту из-за рубежа.

Говоря более конкретно, рост корейского пиратства и многие другие опасности долгого морского путешествия приводили к тому, что джентльмены при хэйанском дворе совсем не радовались, когда их включали в состав миссий в Китай. Корабль посла, назначенного в 836 году, прибило обратно к острову Кюсю жесточайшим штормом; он не смог отплыть и три дня спустя. Когда же

миссия наконец отчалила, заместитель посла, известный сочинитель китайских поэм, тайком остался на Кюсю, сказавшись больным, которому трудно перенести тяготы путешествия. В дальнейшем он был лишен ранга и сослан, однако год спустя получил полное прощение и счастливо возвратился в столицу, без сомнения, хваля себя за столь ловкий маневр. На протяжении последовавших пятидесяти лет о дальнейших миссиях разговора не шло.

Основной причиной внезапного решения императора Уда послать в 894 году новое посольство была необходимость приобрести некоторые рукописи, отсутствовавшие в собраниях японской столицы, а также стремление удовлетворить желание руководителей двух основных буддийских школ, которые уже давно настаивали на том, чтобы правительство отправило официальную миссию, с помощью которой можно было бы получить некоторые священные писания и наладить обмен монахами. Однако всего через месяц после назначения посольства поездка была отменена по совету самого посла — Сугавара-но Митидзанэ, написавшего памятную записку, в которой рекомендовалось прекратить посылку всех миссий на материк. Предлогом послужил тот факт, что условия в Китае, где династия Тан подходила к закату своего впечатляющего правления, были слишком неустойчивыми, чтобы оправдать возобновление дипломатических отношений, и что в политическом плане было бы гораздо мудрее подождать, пока танское правительство не укрепит свой контроль, или не будет сменено новой династией. Это был весомый довод, однако Митидзанэ почти наверное имел и личные причины колебаться в отношении целесообразности своей поездки в Китай.

Будучи самым выдающимся китаеведом своих дней, Митидзанэ вполне мог стесняться возможности очутиться в ситуации, когда его незнание разговорного китайского языка стало бы очевидным как для хозяев, так и для других членов миссии. Ученый, писавший элегантные китайские стихи с десяти лет, вполне мог тяготиться перспективой зависимости от простого переводчика в своих повседневных делах. Помимо этого, у Митидзанэ мог возникнуть самый что ни на есть человеческий страх перед реальными опасностями путешествия. Несмотря на свою героическую репутацию и посмертно приписываемую жестокость, он не был наделен какими-то необычными запасами физической храбрости, и возможность попасть в кораблекрушение, встретить пиратов или быть атакованным вооруженными бандитами в самом Китае, что было бы бодрящим стимулом для динамических героев последующих эпох типа Сайго Такамори, вероятно, устрашала хэйанского придворного, привыкшего к замкнутой жизни в столице и ее пригородах. Наконец, что важнее всего, Митидзанэ был задействован в решающем противоборстве с семейством Фудзивара, и любое продолжительное отсутствие при дворе (часто со времени отбытия и до возвращения посланников проходило несколько лет) могло иметь опасные последствия.

Место, занимаемое Митидзанэ в правительстве и, особенно, его отношения с императором не были настолько прочными, чтобы отказаться от подобной миссии без малейшей опасности упреков. Это событие стало знаменательной вехой в японской истории, поскольку отношения с китайским правительством были возобновлены лишь через несколько веков. За этот долгий период японская культура непрерывно отходила от китайского наставничества, прокладывая свои собственные пути практически в каждой области. Так, начиная с X века большинство знаменитых

поэтов писали стихи гораздо чаще по-японски, нежели по-китайски; художественная проза развивалась, как специфически японский жанр, достигнув кульминации в «Повести о Гэндзи» — первом в мире психологическом романе, не имевшем аналога в ранней китайской литературе; X век дал первый образец картинок-свитков _эмаки,_ стиль которых совершенно японский. Выглядит весьма ироничным (и типичным для синдрома героя-пораженца), что именно Сугавара-но Митидзанэ, один из величайших синологов в японской истории, предпринял шаг, символизировавший новую независимость его страны от континента.

Говоря о его политических успехах, следует заметить, что Митидзанэ поступил правильно, оставшись в столице. Через несколько лет после того, как отказались от посылки миссии в Китай, правительство объявило о ряде новых назначений. Токихира и Митидзанэ продвигались в тандеме: молодой лидер Фудзивара был назначен Главным Советником, а Митидзанэ получил тот же пост на сверхштатных основаниях. Поскольку должность канцлера и все высшие посты в Большом Государственном Совете были вакантны, это означало, что теперь двое соперников были первыми министрами в правительстве императора Уда. В дополнение к тому Митидзанэ был назначен Министром Внутренних Дел. При японском дворе назначения на высшие посты и должности стали прерогативой избранного круга семейств; на вершину было невозможно взобраться лишь силой своей учености или интеллектуальными способностями.[128 - Примечательным исключением является Киби-но Макиби (693–775) — блестящий, энергичный ученый, который, помимо всего прочего, изобрел фонетическую азбуку _катакана._ Он был в Китае с 716 по 735 годы и по возвращении в Японию, привез с собой и, как считается, распространил лютню _бива,_ искусство вышивки и игру _го._ В 766 году Макиби был назначен Великим Министром Правой стороны и оказывал значительное влияние на двор до тех пор, пока его не вытеснили Фудзивара, которые к тому времени начали свой медленный подъем к кормилу власти. В целом, вклад Макиби в развитие японской культуры намного превосходит соответствующий у Митидзанэ, однако, поскольку ему не посчастливилось умереть в ссылке, он так никогда и не обрел статуса героя.] В Японии никогда не было широкого круга образованных людей, которые процветали в Китае, и, хотя Фудзивара и являлись щедрыми патронами искусств и наук, не было и речи о том, чтобы «просто ученые» получали политическую власть. Однако, в качестве ближайшего сподвижника императора и наставника наследного принца, Митидзанэ обрел при дворце большие возможности. Он регулярно участвовал в закрытых совещаниях, не только излагая академические соображения и давая советы по китайской поэзии, но и излагая свои взгляды на дела в императорской фамилии и важные события в государстве. Для Фудзивара и их друзей это являло собой неслыханное нарушение всех неписаных правил; стало ясно, что рано или поздно им надо будет выжить Митидзанэ из дворца. В этом устремлении Фудзивара-но Токихира мог рассчитывать на поддержку большинства других аристократов, поскольку они наверняка отнеслись с неприязнью к быстрому вознесению на иерархические высоты того, кто совсем недавно занимал скромный пост провинциального губернатора и принадлежал к фамилии, никогда не обладавшей высшими рангами. Непопулярность Митидзанэ в придворных кругах подтверждается записью о том, что он ударил по лицу Фудзивара-но Суганэ; нет никаких подтверждений истинности обвинения (из того, что мы знаем о его характере, это кажется маловероятным), однако нам известно, что Суганэ был одним из тех аристократов, кто позже присоединился к обвинителям героя.

Возможность представилась им скорее, чем можно было ожидать, и, как ни странно, именно действия основной поддерживающей стороны Митидзанэ — императора Уда — привели к ситуации, в которой врагам удалось его свалить. Уда часто обсуждал возможность отречения в пользу своего сына, принца Ацухито. В прошлом отрекшиеся императоры и императрицы обычно устранялись от государственных дел, однако Уда вовсе не собирался так поступать, очевидно, веря, что сможет направлять ход событий более эффективно в качестве экс-императора, нежели будучи опутан обязанностями суверена. Устранение из бесконечного круга дворцовых церемоний также дало бы ему больше времени для занятия поэзией, каллиграфией и другими искусствами, которые (как и для большинства великих людей в истории Японии) с возрастом становились для него все более и более важными. Митидзанэ сделал все, чтобы отговорить своего друга от отречения, советуя ему подождать более благоприятного времени, однако Уда был непреклонен и в возрасте тридцати одного года поспешно провел церемонию совершеннолетия для тринадцатилетнего принца Ацухито, одновременно передав ему тронное место. Незадолго до отречения Уда приготовил письменные наставления для своего молодого наследника. Это — знаменитые Заветы Кампё, в которых охвачено многое: от государственной политики и выбора советников до подробностей домоправительства, в частности — как уберечь дворцовые строения от пожаров.[129 - Куроита, _Кокуси-но_кэнкю_, с. 255.] В них есть описания ведущих политических фигур того времени, включая Фудзивара-но Токихира, чья политическая проницательность нашла свое отражение. Однако наибольшие похвалы расточаются Сугавара-но Митидзанэ; возможно, главная цель составления этого документа и заключалась в том, чтобы рекомендовать своего ученого друга новому императору и гарантировать продолжение его пребывания на посту главного императорского советника. Основным достоинством Митидзанэ представлена лояльность императорскому дому; Уда подразумевает здесь, что она значительно перевешивает политические способности и административное учение.

После восхождения императора Дайго, отношения между Митидзанэ и Токихира, все еще являвшимися двумя главными фигурами в правительстве, стали напряженнее, чем когда-либо, и было ясно, что близится кризис. Подозрения Токихира усиливались от частых визитов Митидзанэ в резиденцию императора, который не переставал консультироваться с ним по вопросам литературы, приглашал на поэтические турниры, а также спрашивал советов о том, как лучше направить молодого императора Дайго и укрепить императорский авторитет. Наконец, в 899 году Уда воспользовался своим влиянием, чтобы обеспечить назначение Митидзанэ на пост Правого Министра. Для «аутсайдера» это была опасно высокая должность, и весьма сомнительно, чтобы бывший император этим принес своему старому другу какую-либо реальную пользу. Положение Митидзанэ в Большом Государственном Совете было далеко не безопасным, поскольку он, подобно сыру в бутерброде, оказался зажатым между своими основными противниками: Токихира получил высшее назначение на пост Левого Министра, а Хикару, сын императорского принца и предводитель воинственного клана Минамото,[130 - Фудзивара стали рассматривать клан Минамото в качестве своих «когтей и зубов», которые должны были обеспечивать их необходимой военной силой, когда все остальные ненасильственные методы были исчерпаны.] стал Главным Советником. В тот же год Уда принял постриг, чем еще больше уменьшил возможность своей практической поддержки Митидзанэ в чрезвычайных обстоятельствах.

К концу 900 года Митидзанэ получил письменное предупреждение от Миёси-но Киёцура, другого выдающегося ученого, который напоминал ему, что следующий год в астрологическом плане опасен, и советовал отказаться от своего поста и зажить спокойной столичной жизнью в отставке, покуда есть еще время.[131 - К концу 900 года Киёцура прочитал при дворе лекцию об опасностях грядущего года (901-го), который был _каното_тори,_ 58-м в китайском шестидесятиричном цикле, а, следовательно, годом кризисов и изменений. Киёцура предостерег Митидзанэ, что, поскольку тот так стремительно поднялся по иерархической лестнице, его положение будет особенно шатким в будущем кризисном году, поэтому ему следует подавать в отставку, пока еще есть время. Его предсказание, чем бы оно ни было мотивировано, оказалось полностью оправданным.] Неясно, был ли этот совет вызван завистью (как считается в большинстве случаев), или искренним волнением Киёцура за безопасность старого собрата-ученого. Каковыми бы ни были истинные мотивы, Митидзанэ предпочел проигнорировать предупреждение и продолжал исполнять свои высокие обязанности Правого Министра и основного советника императора. По преданиям, в это время молодой император и его отец рассматривали возможность разрешения политически тупикового положения путем слияния постов Левого и Правого Министров и передачи Митидзанэ полного контроля над администрацией. Возможно, это был не более, чем слух, распускавшийся Фудзивара для разжигания еще большей неприязни к Митидзанэ. Как бы то ни было, его враги нанесли свой удар в самом начале следующего года.

Заговор против Митидзанэ, должно быть, планировался тщательно и втайне, так как и для него, и для Уда все было полной неожиданностью. Поскольку все документы, в которых описывались детали происходившего, были впоследствии уничтожены, мы не можем точно сказать, какие обвинения были выдвинуты в адрес Митидзанэ. По наиболее достоверным отчетам, Токихира тайно предупредил императора Дайго, что Митидзанэ, с согласия экс-императора, планирует низложить его, заменив собственным внуком, принцем Токиё,[132 - Сугавара-но Митидзанэ Фудзивара-но Мотоцунэ Фудзивара-но ТакафудзиНобуко=======УДА========Ацуко(Энси) (59-й императорЯпонии)==========Танэко(Инси)принц Токиё принц Ацухито(стал ДАЙГО, 60-м императором Японии)] и что, для предотвращения подобного несчастья крайне необходимо удалить старого министра из столицы безо всяких отлагательств. В типично хэйанской манере Токихира подкрепляет свои доводы ссылкой на солнечное затмение, наблюдавшееся несколькими неделями ранее. Это, как, якобы, сказал он молодому императору, было предвестником грядущих событий: так же, как луна (женский символ) заслонила солнце, так и Митидзанэ собирался использовать свою дочь, мать принца Токиё, для смещения правящего суверена.

Мнимый заговор почти наверняка был фикцией, созданной Фудзивара; Митидзанэ являлся лояльным слугой трона, и любой намек на замену своим зятем законного императора, которому он служил верой и правдой в качестве наставника и советчика, совершенно не соответствовал его характеру. Подобного рода схема могла бы, возможно, быть использована самими Фудзивара, если бы они сочли ее необходимой для их положения при дворе, хотя даже они предпочитали методы менее прямолинейные; однако то, чтобы подобное мог планировать человек с характером и убеждениями Митидзанэ, было совершеннейшей бессмыслицей.

И все же обвинение сработало. Каким-то образом императора, все еще неопытного семнадцатилетнего юношу, убедили, что опасность близка, и он, даже не посоветовавшись с отцом, согласился на предложение Токихира о выводе Митидзанэ из Большого Государственного Совета и назначении его на внештатную должность Главного Губернатора острова Кюсю — стандартная синекура для политических ссыльных того времени. Токихира договорился с Минамото-но Хикару о том, чтобы войска держали наготове, и все дворцовые строения тщательно охранялись. Поскольку Митидзанэ, пожилой ученый, вряд ли представлял какую-либо военную угрозу, назначение этого шага заключалось, вероятно, в том, чтобы придать правдоподобность готовящемуся «заговору» путем создания напряженной атмосферы, а также в пресечении возможностей связей с Уда и другими потенциальными сторонниками, которые могли поспешить ему на помощь. И действительно, прошло несколько дней, прежде чем бывший император откликнулся на позор своего друга; без сомнения, именно в это время Митидзанэ сочинил свой поэтический _cri_de_coeur_,[133 - Фр. «крик души».] прося о помощи:

Теперь, когда я стал

Просто пеной, плывущей по поверхности воды,

Сможешь ли ты, мой повелитель, стать плотиной,

И остановить мое стекание вниз?!

О высылке Митидзанэ было объявлено 16 февраля; император Уда смог прибыть во дворец для объяснений со своим сыном, молодым императором, лишь 21-го. По приезде ему было отказано в приеме высшим чиновником из Фудзивара и, прождав весь день, сидя на соломенной циновке у ворот дворца казначея, он в безутешном горе вернулся к себе в резиденцию. Неудачное вмешательство Уда лишило Митидзанэ последней надежды (впрочем — достаточно слабой), и он покорился своей судьбе. Понимая совершенно отчетливо, что он пал жертвой вопиющей несправедливости, он ни разу не предпринял даже малейшей попытки воспротивиться указу юного императора.

Вскоре после неудачного визита Уда, он двинулся по своему скорбному пути на Запад, сопровождаемый вооруженным эскортом.[134 - Говорят, что правительство сделало все возможное, чтобы путешествие стало для Митизданэ как можно более трудным, запретив местным властям предоставлять ему пищу, жилье и другие необходимые услуги. В одном случае, когда он не мог найти пристанища на ночь, ему пришлось просидеть на мотке веревки. Это — источник сюжета знаменитей картины _Цунадза_Тэндзин_ («Божество, сидящее на веревке»), где нарисован старый министр, сидящий на веревочных петлях с выражением гнева на лице и с жезлом в руке. В начальный период своей «божественности» подобные яростные выражения лица были для него обычны, что связано с его ролью божества грома, которого опасно не почитать.] Он был принужден сразу же расстаться с большей частью своей семьи. У Митидзанэ было двадцать три ребенка (немалое количество даже для самого убежденного конфуцианского патриарха), и, дабы предотвратить любую опасность с этой стороны, Фудзивара приказали задержать в столице его жену и дочерей, а сыновей снять с официальных постов и удалить в

деревню. Только двум младшим его детям было разрешено сопровождать отца в ссылку, и им он адресовал следующую поэму о непрочности мирского успеха. Хотя она предназначалась «для успокоения моего маленького сына и дочери», языком для поэмы был избран классический китайский, что должно было несколько ослабить утешительное воздействие на детей:

Ваши сестры должны оставаться дома,

Ваши братья отосланы прочь.

Только трое из нас, дети мои,

Будут вместе болтать по пути.

Каждый день перед нами — наша еда,

Ночью мы вместе спим.

У нас есть лампы и свечи, чтобы вглядываться в темноту,

И теплые вещи на случай холода.

В прошлом году вы видели, как сын канцлера

Попал в немилость в столице.

Теперь люди говорят, что он — неудачливый игрок,

И обзывают его по-разному на улицах.

Вы видели босую странствующую женщину-музыканта,

Которую горожане называют «госпожой судьей» —

Ее отец, также, был высоким чином;

Все они в свое время были исключительно богаты,

Имели золота — что песка в море;

Теперь они едва наскребают на пропитание.

Дети мои, взглянув на других людей

Вы увидите, насколько милосердно небо.[135 - Перевод в: Burton Watson & Donald Keen, _Anthology_of_Japanese_Literature_, New York, 1955, p.165.]

Фудзивара так организовали изгнание Митидзанэ из столицы, что тот не имел ни малейшей возможности попрощаться со своим ближайшим другим — экс-императором; прибыв на место ссылки, он написал Уда тоскливое стихотворение о своем отъезде из столицы:

Ах, как я глядел назад, на верхушки деревьев в вашем саду,

Медленно исчезавшие из виду,

По мере того, как я продолжал свой путь!

Ему, однако, удалось попрощаться со своим сливовым деревом.[136 - Это дерево — _primus_mume,_ известно, как японский абрикос, что неверно. Его маленькие цветки _умэ_ (или _мумэ)_ традиционно почитаются на Дальнем Востоке как символ крепости, поскольку они появляются зимой, когда никаких других цветов еще нет. Burton Watson, _Michizane_and_the_Plums_, «Japan Quarterly» XI, No.2 (1964): 217-20.] Одна из самых впечатляющих сцен на свитках-картинках XIII века, изображающих жизнь Митидзанэ, показывает побежденного героя, сидящего на веранде своей резиденции в Пятом Округе и в последний раз вглядывающегося в свое любимое сливовое дерево, недавно покрывшееся белыми цветами.[137 - «Китано тэндзин энги эмаки», — первый из множества иллюстрированных свитков с описанием жизни Митидзанэ, был исполнен в 1215 году. Это — прежде всего религиозный труд, призванный объяснить возникновение и необходимость святилища Китано, где поселился его дух приблизительно через полвека после смерти хозяина. Первый раздел — биография знаменитого ученого в картинках; второй, самый главный, рассказывает о процессе его становления героем-божеством. Головокружительная карьера Митидзанэ была популярной темой для художников школы Тоса с XIV по XVII век. Самые доступные репродукции свитков XIII века можно найти в книге Bradley Smith, _Japan:_A_History_In_Art_, New York, 1964, pp. 67–71.] Именно это дерево он описывает в своем китайском дневнике («Записки из моей библиотеки»), написанном в счастливые дни пребывания в должности Тайного Советника: «Рядом с воротами [в сад] растет сливовое дерево. Каждый раз, когда оно расцветает, каждый раз, когда ветер доносит до меня его аромат, его цветение смягчает и лелеет мой дух…[138 - Сугавара-но Митидзанэ. _Сёсайки_, цитируется в кн.; Икэда Кикан, _Хэйан_дзидай-но_бунгаку_то_сэйкацу_, Токио, 1967, с. 72.]» Митидзанэ упомянул это дерево в самом знаменитом из своих стихотворения, написанных после удаления от власти:

Если восточный ветер подует в эту сторону,

О, цветы сливового дерева,

Пошлите мне свой аромат!

Всегда помните о весне,

Даже когда ваш хозяин уже не с вами!

По поверьям, преданное сливовое дерево не только послало Митидзанэ свое драгоценное благоухание, но вырвалось из земли и пролетело весь путь до Кюсю, дабы соединиться со своим несчастным хозяином в изгнании. Известное под названием «Тобиумэ» («Летающая Слива»), это дерево все еще гордо растет рядом с храмом Дадзайфу в месте ссылки Митидзанэ, окруженное тысячами других деревьев, посаженными почитателями в его честь.

Жилище губернатора в Дадзайфу, приблизительно в пятистах милях к западу от столицы, располагалось в грубой, отсталой части страны, полностью изолированной от культурной деятельности центра жизни хэйанской аристократии. Для такого ученого благородного происхождения, как Митидзанэ, оно должно было представляться чем-то вроде Сибири; наверное, было действительно горько понимать, что долгие годы службы при дворе должны окончиться назначением в такое место.[139 - Местонахождение бывшей ставки губернатора Кюсю — где-то в часе езды от современного индустриального города Фукуока.] Официальная резиденция — обветшалое строение с протекающей крышей и прогнившими полами, являла собой грубый контраст патрицианскому особняку в Пятом Округе. Должность сама по себе не требовала никаких официальных действий или усилий и, хотя власти вежливо прикидывались, что сосланный занимает высокий пост («наводящее ужас» губернаторство соответствовало третьему рангу в придворной иерархии), он фактически находился в заключении.

Мало что известно относительно жизни Митидзанэ в последние годы в ссылке. Он страдал от «бери-бери» и желудочных болезней, и жене приходилось посылать ему лекарства из столицы, поскольку в диком краю на Кюсю невозможно было ничего достать. Смерть его маленького сына вскоре по прибытии еще более усилила страдания Митидзанэ. По преданию, он находил некоторое успокоение, взбираясь на Тэмпайдзан — близлежащий холм, где, обернувшись на восток, возносил молитвы о благоденствии императора, который вверг его в немилость. На свитке изображен герой, стоящий на вершине холма (приобретшего очертания крутой китайской горы) и смотрящий в направлении столицы. Он одет в черные придворные одежды с элегантными малиновыми линиями; на нем остроконечная лакированная шапка, возвышающаяся над округлым, белым лицом-тыковкой. Он торжественно держит перед собой бамбуковую палку с привязанным к ней документом, где изложена его версия составления обвинений, использованных для его высылки. У подножия холма пасутся два пятнистых оленя, и один из них с удивлением смотрит вверх на странную одинокую фигуру на вершине.

Митидзанэ воспользовался своим вынужденным бездельем для составления последнего сборника китайских стихов, включавшего несколько меланхолических строф типа нижеследующих:

Прошло около трех месяцев с тех пор, как я покинул дом,

А упало уже сто тысяч слезинок. Все — как сон,

И время от времени я вперяю взор в небеса…

В эту ночь год назад

Я посетил императора во дворце

И излил сердце в поэме, названной «Осенние мысли».

Здесь лежат одежды, пожалованные тогда Его Величеством.

Я разворачиваю их ежедневно и отдаю должное стойкому аромату.

Это не был порыв ветра — кончилось масло.

Ненавижу лампу, которая не увидит меня ночью.

Как тяжело — испепелять свой ум и смирять плоть!

Я поднимаюсь и ступаю на лунный свет у холодного окна.[140 - Из _Канкэ_косо_, цитируемого Китаяма Сигэо в кн. _Хэйан-кё_, Токио, 1965, с. 352–353. Третья поэма переведена в кн. Burton Watson, _Michizane_…, p.219.]

Второе из этих стихотворений послужило сюжетом для одного из изображений на свитке. Мы видим Митидзанэ, почтительно сидящего напротив желтой лакированной коробки, декорированной черными хризантемами, указывающими на то, что это — императорский подарок; в коробке лежит аккуратно сложенное красное придворное платье, напоминающее ему о лучших днях.

Митидзанэ умер ровно через два года после постигшего его несчастья, по легенде — от разбитого сердца. Одним из сильнейших сожалений за годы в изгнании было для него то, что его старый друг Уда не прислал даже одного слова утешения и не ответил ни на одно из его стихотворений. Для хэйанского аристократа это было странным отступлением от норм поведения; возможно, что экс-император в действительности писал на Кюсю, однако его послания перехватывались чиновниками Фудзивара, готовыми пресечь любую возможную попытку проявить милосердии к их врагу.

Сообщается, что повозка с телом Митидзанэ остановилась на пути к месту захоронения, когда вол в приступе горя лег посредине пути.

Было решено похоронить тело в том самом месте; свиток изображает группу простых крестьян, роющих ему могилу, и лежащего рядом быка с выпирающими ребрами, все еще запряженного в большую повозку, устремившего печальный взгляд в небеса.

В то же время в столице Фудзивара вновь успешно обрели контроль над правительством. Их предводитель Токихира выдал свою дочь за молодого императора Дайго, а когда она, с обычной безотказностью Фудзивара, родила сына, Токихира устроил дело так, что того наименовали наследным принцем, утвердив, таким образом, контроль своей семьи над следующим императором.[141 - Однако Токихира не принял во внимание летальный эффект от встречи с духом Митидзанэ.] С падения Митидзанэ постригшийся император Уда был полностью устранен с политической сцены и практически целиком посвятил себя литературе и религии. Его старая

враждебность к Фудзивара понемногу ослабла, и он даже приглашал Токихира на поэтические собрания и другие подобные развлечения, на которых ранее председательствовал Митидзанэ.

Реформаторское движение, начавшееся под эгидой императора Уда, продолжались теперь гораздо более настойчиво и успешно под руководством Токихира, твердо намерившегося осуществить закон о земле и предотвратить рост независимых, свободных от налогообложения уделов, быстро высасывавших все силы у центрального правительства. Одной из его первых мер была перепись и перераспределение государственных рисовых земель в соответствии со старой системой равных арендуемых участков. Так называемая Реформа годов Энги (по названию периода, начавшегося после ссылки Митидзанэ) была гораздо последовательнее, чем что бы то ни было, предпринятое во времена Уда и Митидзанэ. Несмотря на упорное сопротивление в провинциях, Токихира и его единомышленники, с одобрения императора Дайго, начали согласованную кампанию за исправление ошибок местной администрации, и в частности за пресечение растущей практики коммендации, поощрявшей образование незаконных уделов. Однако смерть Токихира в 909 году нанесла непоправимый удар реформаторскому движению; крепость централизованного контроля над провинциями стала понемногу сходить на нет, что в конце концов привело к краху всей хэйанской системы управления.

Ответственным за раннюю смерть Токихира считали бывшего Правого Министра Сугавара-но Митидзанэ, который вот уже шесть лет лежал в могиле. Хотя Фудзивара сумели удачно устранить Митидзанз из дворца и восстановить гегемонию своего рода, они так и не смогли забыть своего старого противника. Его загробное существование было еще более впечатляющим, нежели собственная жизнь. Хотя его смерть была почти не замечена в столице, несколько лет спустя прошла целая череда бедствий — нечто вроде обрушивания башни, повторившейся в годовщину смерти Томас-а-Бекета,[142 - В 1240 и 1241 годах — годовщинах смерти Thomas a Becket в Лондоне разрушилась башня, построенная Генри III, и, как сообщалось, видели Сэра Томаса, стоявшего на ней и сталкивавшего вниз камни посохом. В 1242 году король приказал выстроить башню заново, но на этот раз он назвал ее именем мученика, и она осталась спокойно стоять. Башня Сэра Томаса даже смогла пережить сильные бомбежки.] - однако гораздо более продолжительная и разрушительная. Сперва случилась смерть Фудзивара-но Токихира в возрасте всего тридцати восьми лет, находившегося на пике своей карьеры. Несколько лет спустя другой ярый противник Митидзанэ — Минамото-но Хикару погиб в результате несчастного случая на охоте. Следующей жертвой стал внук Токихира, наследный принц Ясуакира, а через пару лет — новый наследный принц (другой внук Токихира), умерший еще младенцем. В соответствии с царившими тогда предрассудками, эта ужасная серия смертей была работой какого-то карающего духа, творящего месть после своей смерти; а, поскольку все основные жертвы были связаны с родом Фудзивара, недолго было установить, что виноватым был знаменитый ученый, которого они изгнали в ссылку. Для предотвращения дальнейших несчастий необходимо было умиротворить разъяренного духа, и, в качестве первого шага, правительство императора Дайго вынесло в 923 году решение вновь назначить Митидзанэ Правым Министром и дать ему высший Второй Ранг. В том же году император распорядился, чтобы документ, в котором было записано дело Митидзанэ, сожгли, уничтожив, таким образом, навсегда все доказательства надуманного заговора.

Этими мерами не удалось смягчить ярость разъяренного духа. В один из дней видели, как к столице приближается зловещее черное облако с запада; его сопровождали ужасные раскаты грома, и вскоре после этого прямо в дворец попала молния, убив одного из высших советников Фудзивара и сильно изуродовав лицо младшего чиновника. По этому случаю призрак Митидзанэ появился в наводящем ужас виде божества грома, приведя в состояние безумного страха императора Дайго и его придворных. Из всех присутствовавших лишь Фудзивара-но Токихира достойно проявил себя. С замечательной храбростью он вытащил меч и приблизился к призраку, говоря: «Когда ты был жив, твоя должность в правительстве была ниже моей. Даже теперь, когда ты стал духом, ты должен оказывать мне почтение и держаться на расстоянии…» Услыхав такой вызов, божество грома удалилось. Сообщают, что император Дайго в результате этого страшного происшествия заболел; три месяца спустя он отрекся от престола.[143 - Китаяма, _Хэйан-кё_, Токио, 1965 с. 354. Благодаря его чудесному появлению, Митидзанэ с самого начала стали почитать в качестве божества грома (_Райдзин_). Только после того, как его дух был окончательно умиротворен, стало возможным игнорировать этот ужасающий, мстительный аспект и сконцентрироваться на его мягких, культурных атрибутах; на этой стадии он претерпел трансформацию от яростного божества грома до доброго бога учености и литературы, а также — божества-покровителя честных людей, страдающих от несправедливости. В этой своей поздней ипостаси он был идентифицирован с Каннон — буддийской богиней милосердия. Сакамото, _Митидзанэ_, с. 160.]

После серии сильных землетрясений и других природных бедствий, оракул, наконец, объявил, что в честь мертвого ученого должен быть построен храм. Этот приказ был послушно исполнен: в 947 году к северу от столицы для Митидзанэ был построен большой храм Китано («Северные Поля»).[144 - Среди других знаменитых неудачников в японской истории, которых правительство постаралось умиротворить после их смерти с помощью возведения им храмов, можно вспомнить Фудзивара-но Хироцугу в VIII веке и Тайра-но Масакадо в X-м. Оба они подняли восстание против центрального правительства и были разбиты имперскими войсками; мстительный дух Хироцугу начал действовать практически немедленно после смерти; дух же Масакадо был успокоен построением святилища до того, как смог причинить какой-либо вред.] Здесь и водворился дух со всеми своими литературными произведениями. Храм часто навещали императоры, а позже он стал популярным местом для простых жителей Хэйан-кё.[145 - Burton Watson описал храм следующим образом:«Главное здание настоящего храма было построено около трех с половиной веков назад в вычурном стиле, характерном для архитектуры конца периода Момояма; прекрасный сам по себе, со сложными крышами, всплесками красного и золотого, он вызывает впечатление какой-то фальшивой античности в храме, который на самом деле гораздо старше — где-то середины десятого века. К главному зданию примыкают множество мелких святилищ, скульптуры, каменные фонари всех форм, а среди всего этого растут цветущие сливы, которыми знаменит храмовый комплекс. Маленькие деревья, опасно наклоненные и изогнутые, они, кажется, были безжалостно побиты и поломаны, и поэтому, когда каждый год из почерневших стволов появляются навстречу холоду россыпи утонченных белых цветков, они являют нам символ мягкой, но упорной намеренности продолжать жизнь». (Watson, _Michizane_…, p.217.)]

Приблизительно сорок лет спустя, во времена Мурасаки Сикибу и Сэй-Сёнагон, император, действуя по совету регента из рода Фудзивара, удостоил Митидзанэ титулом Небесного Божества

(«Тэндзин»), сделав его, таким образом, первым в японской истории лицом, официально признанным богом. На протяжении веков Небесное Божество из Китано, как стали называть Митидзанэ, получал приношения в качестве божества — покровителя учения, литературы и каллиграфии; в августе каждого года там проводится знаменитый синтоистский праздник. Храмы Небесного Божества, обычно окруженные рощами сливовых деревьев, часто строились в честь Митидзанэ по всей стране, привлекая толпы почитателей и зевак. В Японии для Тэндзина построено больше синтоистских храмов, чем для любого другого божества, за исключением Хатимана, бога войны.[146 - В XVII веке правительство Токугава возвело в столице Эдо (Токио) новый важный храм для поклонения Митидзанэ, которого сёгуны особо почитали за конфуцианскую ученость.]

Строительство храма Китано умиротворило дух: Фудзивара, наконец-то, успокоили свое коллективное сознание и больше не приписывали смерти и иные несчастья мстительному призраку Митидзанэ. Через девяносто лет после его кончины они сделали последний жест, подняв его до высшего Первого Ранга — занимаемого только членами царствующей семьи — и назначили Левым Министром. Как если бы и этого было недостаточно, несколько месяцев спустя он был провозглашен Главным Министром. Этот высший пост в китайской иерархии был земным эквивалентом его деитифицированного положения.

У Фудзивара имелись веские причины превозносить своего неудачливого соперника; однако растущая популярность и поклонение со стороны простого народа объясняются не столь просто. В этом случае факты жизни Митидзанэ следует отделять от легенды, тесно с ними сплетающейся. По легенда он — гений, рано проявивший свои способности, обладающий почти сверхчеловеческими талантами, превратившийся в одну из центральных фигур культурной истории Японии и ставший богом учения, литературы и каллиграфии. Его стремительная государственная карьера была отмечена неземным идеализмом, самоотреченностью и нерушимой лояльностью императору, который использовал его, чтобы положить конец власти алчных Фудзивара и восстановить авторитет императорского дома, Поддерживая политику императора Уда, Митидзанэ храбро рисковал своим положением и даже собственной безопасностью до тех пор, пока не пал жертвой махинаций Фудзивара и не умер в одиночестве в ссылке, пострадав за правое дело.

По этой легенде роль негодяя, естественно, приписывается главному противнику Митидзанэ — Фудзивара-но Токихира. Он представляется амбициозным, беспринципным мерзавцем, завидующим талантам и успеху своего соперника, планирующим уничтожить его для восстановления господства своей семьи над правительством. В описании событий 901 года известный исторический трактат XII века дает следующее сравнение двух соперников:

В то время, когда Токихира было около двадцати восьми лет, а Митидзанэ — около пятидесяти семи, они правили страной вместе. Митидзанэ был человеком выдающихся талантов; черты характера также ставили его выше общего уровня. Токихира был не только молод, но также чрезвычайно бесталанен. Соответственно, репутация у Митидзанэ была исключительно высокая.

Это очень беспокоило Токихира, и он каким-то образом устроил так, что все обернулось для Митидзанэ плохо…[147 - _Окагами_ (Великое Зерцало), цитируется в _Сирё-ни_ёру_нихон-но_аюми_, «Кодай-хэн», Токио, 1960, с. 139.]

«Тайна каллиграфии Сугавара» — одна из популярнейших пьес в японской истории, поддерживает легендарную репутацию божественного ученого и его дьявольского противника.[148 - _Сугавара_дэндзю_тэнараи_кагалш_ (букв. «Зерцало введения в таинства каллиграфии Сугавара») — пьеса для театра кукол, написанная в 1746 году. Такэда Идзумо. Более детальное описание на английском языке см. в кн. Aubrey Halford, _The_Kabuki_Handbook_, Tokyo, 1956, p.306.] Безжалостный негодяй Токихира не только замышляет устранить великого человека от власти, но и пытается умертвить его, подсылая для этого двух слуг, когда он был на пути в ссылку. В конце, однако, убитым оказывается Токихира. После того, как Митидзанэ умер, скорбя о правительстве, контролируемом своим врагом, его сын мстит за старого министра, тайно вернувшись в столицу и убив изверга.

В действительности, Токихира являлся одним из выдающихся представителей замечательно способного семейства. Помимо своих значительных научных изысканий, он был энергичным, талантливым государственным деятелем, чьи достоинства признавались как императором Уда, так и его наследником. На протяжении пятнадцати лет, в течение которых он являлся лидером движения Кампё-Энги, целью которого было улучшение системы провинциального управления и центрального правительства, он проявил себя достойным высших административных стандартов,[149 - Токихира был основным лицом реформаторского движения со времени смерти Ясунори в 895 году вплоть до своей кончины в 909-м. Он был особенно активен в сфере экономики, — в частности по вопросам устройства _сёэн_ (феодальных поместий) и улучшения системы земельных наделов _хандэн._] и мы знаем, что его смерть имела печальные последствия для политики реформ, в немалой степени зависевшей от его управления. Это правда, что он безжалостно поломал карьеру Митидзанэ, однако при этом он просто придерживался традиционной политики Фудзивара, и, безусловно, не давал никаких поводов для обвинения в безграничной жестокости, приписываемой ему в пьесе. Осуждение Митидзанэ было деянием несправедливым, однако не таким уж гнуснейшим преступлением, как утверждает легенда. Подобно большинству лидеров Фудзивара, в хрониках Токихира предстает в большей степени, как общественная фигура, нежели чем как живая личность; все же, мы знаем, что он был умным, храбрым человеком, вполне ответственно исполнявшим свои обязанности в качестве главы государства.

Если бы сработал план императора Уда, и Митидзанэ навсегда бы заменил Токихира в роли Главного Министра, представляет весьма сомнительным, что в управлении страной произошли бы какие-нибудь изменения. Напротив, за те годы, что он наслаждался высоким положением в столице, он не проявил никаких признаков особых административных способностей; во время жизни на Сикоку и Кюсю он совершенно не интересовался делами провинций, но лишь сочинением своих китайских стихов; когда же ему предложили возглавить важную миссию в Китай, он предпочел отменить ее вовсе, нежели рисковать своими политическими позициями дома. Хотя он и стал ближайшим советником императора Уда, но практически не принимал

участия в реформаторском движении, и его отстранение от власти не оказало ощутимого влияния на дела управления. В то время, как смерть Токихира явилась историческим поворотным моментом, ссылка Митидзанэ, хотя и представленная в легенде, как национальная трагедия, фактически не была большой потерей для страны.

Репутация Митидзанэ как культурного деятеля имеет гораздо больше оснований, однако здесь предания приукрашивают действительность. Современным японским читателям, не говоря уже об их современниках на Западе, трудно судить о достоинствах его обширного поэтического наследия на китайском языке.[150 - Профессор Burton Watson — один из немногих зарубежных ученых, переводящих китайскую поэзию Митидзанэ, приводит ценное суждение в своей книге _Michizane_, с. 217–218:«Митидзанэ превзошел всех остальных поэтов своего времени в составлении китайских стихов, что подразумевает его способность выйти за рамки стереотипных тем и сентиментов, которых можно было бы ожидать от придворного ученого — „Прощание с посланником из Бохай“, „Наблюдая хризантемы во время официального банкета“ и т. п. — и использовать способ отображения реальных сцен вокруг него и тех эмоций, которые они вызывали».] Как бы впечатляющи ни были его стихи, фактически никто, за исключением горстки ученых и специалистов, никогда даже и не собирался их читать, и превосходство Митидзанэ в этой области в подавляющем большинстве случаев принимается на веру. Его японские _танка,_ хотя их и включают почтительно в антологию за антологией, в большинстве своем — случайные стихи банального характера, в которых поэт сравнивает белые хризантемы с брызгами волн, а кленовые листья — с парчой; лишь последние стихи, написанные после ссылки,[151 - _Кокинсю_, №№ 272 и 420 в издании «Нихон котэн дзэнсё», с. 85, 112. № 420 — поздравительное стихотворение, написанное по случаю выезда экс-императора Уда за город в 398 году, известно в Японии каждому школьницу, поскольку включено в знаменитую антологию _Хякунин_иссю_.] являют нам некое эмоциональное состояние, проступающее сквозь внешнюю элегантность.

Выдающийся талант Митидзанэ-каллиграфа также должен быть принят на веру, поскольку не сохранилось ни единого аутентичного образца его записей. В традиционной восточной культуре каллиграфия всегда была искусством искусств,[152 - См. Morris, _Shining_Prince_…, pp.183-85.] и, таким образом, ученый-герой типа Митидзанэ почти автоматически наделялся сверхъестественным умением в этой области, а одна из каллиграфических школ получила его имя. Заслуживало, или нет деификации его мастерство владения кистью — навсегда останется неясным, за исключением того маловероятного случая, что достоверные образцы его работ будут обнаружены.[153 - Только в эпоху Токугава (приблизительно через семь веков после смерти) Митидзанэ стали в массе почитать как божество каллиграфии. Знаменательно, что в известной пьесе кукольного театра 1746 года он фигурирует не как поэт или ученый, но как мастер письма.]

Его основные заслуги лежали, вероятно, в сфере науки и редактирования официальных исторических хроник. Но даже здесь репутация великого человека не осталась прочной в свете исследований современных экспертов, а его авторство некоторых из важнейших работ, традиционно ему приписываемых, находится сейчас под вопросом.

Относительно столь восхваляемой лояльности Митидзанэ можно заметить, что, да, он верно служил Уда — и когда тот был императором, и когда отрекся; без сомнений, он продолжал бы трудиться и для императора Дайго, имей такую возможность. Однако, подобное рвение совсем не относится к той категории самопожертвования, по которой проходят герои типа Кусуноки Масасигэ, отдавшие свои жизни, поддерживая своих императоров против жестоких военных противников. Митидзанэ совершенно не грозили те опасности, с которыми сталкивались роялисты позднейшего периода. Кроме того, его преданность Уда была необходима для собственного продвижения, поскольку именно в политические расчеты императора входило назначение его на пост, традиционно занимаемый Фудзивара. Связь с дворцом являлась ключевым моментом всей его карьеры и, раз уж он желал удовлетворения своих политических амбиций, альтернативы лояльному служению императору для него не было.

Эти амбиции и привели Митидзанэ к падению. Если бы он занимался своими науками, оставив политику политикам, он преспокойно оставался бы в столице, поглощенный своими литературными разысканиями, являясь придворным поэтическим советником и наставником в конфуцианских дисциплинах, наслаждался бы своим сливовым деревом, детьми и другими милыми удовольствиями домашней жизни, — он даже мог бы предпринять интереснейшее путешествие в Китай — источник культуры, которую так ценил. Однако в этом случае, разумеется, он не был бы помещен в храм в качестве небесного божества Китано.

Отчего же, в таком случае, легенда о Митидзанэ настолько укрепилась в народном сознании, что затмила исторические факты? И, более того, почему этот ученый джентльмен, почти все работы которого написаны на китайском языке и практически не читаются, столь прочно вошел в пантеон величайших героев Японии? У него отсутствуют все плюмажи и блеск, сопутствующий знаменитым воинам из японской истории;[154 - «Сомнительно, чтобы кто бы то ни было в Японии был так же популярен на протяжении такого же долгого времени, как Сугавара-но Митидзанэ». «Short Biographies of Eminent Japanese in Ancient and Modern Times», Токио, 1890, автор не указан, без пагинации.] он провел всю свою жизнь, практически ни разу не столкнувшись с реальной опасностью.[155 - Из всех японских героев, потерпевших неудачу, единственным другим гражданским человеком, дожившим до преклонных лет, был Сэн-но Рикю (1521–1591), — самый известный мастер чайной церемонии, однако даже он был вынужден покончить с собой. Среди исторических героев-неудачников Митидзанэ уникален в том смысле что умер ненасильственное смертью.] Правда, он рисковал стать причиной гнева правящей фамилии и страдал от тягот ссылки. Однако это само по себе не облекло бы его героическим статусом, ибо хэйанская история насыщена знаменитыми людьми (включая поэтов), павшими жертвами Фудзивара и сосланными. Большое преимущество Митидзанэ состояло в том, что он умер в ссылке, а также, что не менее важно, что после невероятного успеха в начале своей карьеры, он столкнулся с препятствием главному делу своей жизни и окончил дни, с горечью понимая, что Фудзивара вновь пришли к власти.

Иными словами, суть героизма Митидзанэ и реальная основа для его столь выдающейся репутации заключены в природе его полного поражения. Из-за благородного характера своей тяжкой ссылки и грустной кончины в диких краях Кюсю его определили в национальный пантеон.

Хотя при жизни Митидзанэ и потерпел поражение, он насладился посмертным триумфом, вернувшись к власти в более высоком ранге и даже став богом. Реабилитация Митидзанэ (неважно — ждал ли он ее вообще, или нет) была весьма впечатляюща: несправедливо пострадав во время своей земной жизни, он отстоял себя после смерти, отомстив своим врагам сверхъестественным способом и заслужив почтение потомков более чем на тысячу лет.

Миф о герое, потерпевшем поражение, примером которого являлся в своей жизни Митидзанэ, и особенно — после смерти, представляет собой универсальную концепцию падшего божества, которое возносится, дабы выжить в запредельном мире — мире, представляющем совершенство тех идеалов, за которые он боролся на земле. В то время, как японскому герою не обещают рая, или элизиума, в котором он получит компенсацию за свои земные труды, он по-настоящему продолжает жить в национальной памяти. Те специфические цели, за которые он страдал, возможно и не будут цениться людьми в историческом плане; но именно по этой же причине он может персонифицировать собой идею не-мирской, непрактичной самоотверженности. Японские герои, потерпевшие поражение, могут, таким образом, рассматриваться как полубоги. В отсутствии любой «официальной», центральной фигуры, подобной Христу, которая умирает в этом мире, дабы все постигли его преходящесть в сравнении с миром иным, они выражают человеческий идеал не-мирского совершенства, который, в своей бескомпромиссной чистоте, ни при каких обстоятельствах не может выстоять перед требованиями этого коррумпированного мира.[156 - Для христианского опыта всегда стояла проблема: что чистое сознание и дух должны отдать Кесарю, и, несмотря на частые экклесиастические компромиссы (типа того, на который пошел Ватикан во время Второй мировой войны), это трудное положение так и осталось неразрешенным. В мифологии японских героев, потерпевших поражение, природа противостояния мира и духа, несмешиваемых, подобно маслу и воде, выражена гораздо более полно и удовлетворительно, нежели в западных попытках разглядеть Господен Промысел, действующий в истории.]

Японское поклонение герою как полубогу, терпящему поражение из-за мирской нечистоты, усиливает эмоциональную и эстетическую привлекательность _моно-но_аварэ_ («очарования вещей») и предполагает, что, если бы Митидзанэ достиг успеха в своих практических делах, успешно заменив Фудзивара в центре политической власти, он бы, вполне вероятно, не обрел своего божественного, героического статуса.

Прибегнув к грубым, эмпирическим терминам, становится совершенно очевидно, что реабилитация Митидзанэ была скорее показная, нежели реальная, поскольку проводимая Фудзивара политика умиротворения его духа подействовала. Швырнув памяти старого министра этот кусок, воздавая ему почести, которые им ничего не стоили, члены этого семейства стали процветать более, чем когда-либо прежде, а политики из Фудзивара продолжали доминировать при дворе еще более двух столетий, достигнув высшего положения приблизительно через сто лет после смерти Митидзанэ.[157 - Наследники ответвлений фамилии Фудзивара, такие как Каноэ, в действительности играли важную роль при японском дворе вплоть до новейшего времени; они

даже продолжали свою «политику женитьб», предлагая своих дочерей в качестве императорских наложниц.] Когда, наконец, их власти пришел конец, произошло это не по причине какого-нибудь движения роялистов, возбужденного людьми типа Митидзанэ, но из-за того, что вся система центрального правления (частью которой являлись и Митидзанэ, и император Уда) окончательно развалилась. На этой стадии было уже не так важно — контролируется ли центральное правительство семейством Фудзивара, или другим семейством или индивидом, или даже самим императором; реальная власть находилась в других руках.

Хотя стиль жизни Митидзанэ полностью отличался от принятого у японских героев, примечательно, что схема его поражения, была совершенно та же. Упорно поддерживая проигранное дело, он доказал свою моральную искренность. Более того, дело, за которое он стоял, не представляло собой никакой политической инновации, или новой волны; оно заключалось в том, чтобы вернуть все к тому времени, когда Фудзивара еще не появились на сцене — к тем древним порядкам, когда (по крайней мере, так считалось) императоры и царствовали, и правили — и именно ради этого император Уда попробовал воспользоваться талантами Митидзанэ как государственного деятеля48. Важно также и то, что самыми известными сочинениями Митидзанэ стали не впечатляющие тома, написанные на вершине карьеры, но горькие, простые стихи — такие, как его прощальная поэма о сливовом дереве, которые он сочинил в последние годы на Кюсю, когда новый император его обесславил, а старый друг Уда — покинул; эти стихи почти безусловно подтверждают искренность и эмоциональную притягательность побежденного героя49. Наконец, злодейство Фудзивара-но Токихира, представленное в легендах в полном несоответствии с фактами, относится к основным характеристикам удачливых победителей, которые «имеют свою награду» в сфере мирского успеха, но традиционно являются контрастирующими фигурами в японской героической схеме.

Глава 5

«Победа через поражение»

Минамото-но Ёсицунэ, который, после ряда блестящих военных побед, провел свои последние годы в качестве беглеца, безжалостно преследуемого старшим братом до тех пор, пока в возрасте тридцати лет его не принудили сделать себе харакири, являет собой совершенный пример героя-неудачника. Если бы он в действительности не существовал, японцам стоило бы его выдумать. Хотя, разумеется, многое из того, что мы знаем об этом импозантном молодом человеке, —

выдумка, богатое собрание сказаний и легенд, сложенных в течение веков, дабы приукрасить скудные исторические факты его карьеры и представить квинтэссенцию японского героя.

Хотя Ёсицунэ не сделал ли малейшего вклада в развитие общества или культуры, он является одним из самых ярких и любимых персонажей японской истории. Даже в 70-е годы нашего столетия, когда самурайские идеалы пришли в упадок, школьники с удовольствием читают истории о нем, а та особая горечь, что сопровождала его падение, вызывает немедленный отклик в сердцах людей любого возраста.[158 - Как и в большинстве других стран, историческими героями Японии были люди военные; основное же различие состояло в том, что большинство из них сражались на стороне побежденных. Для нас — людей постиндустриальной эпохи, трудно составить реальную картину характера средневекового рыцаря, не говоря уже о японском рыцаре, а те записи, которые имеются в нашем распоряжении, рассказывающие о знаменитых самураях, оказываются совершенно бесполезными, когда доходит до личных или психологических черт персонажей.Без сомнения определение Эмерсона: «грубая, мужская нация безжалостной силы» относится как к большинству японских воинов, так и к их западным коллегам. Их образ жизни в сжатой форме отображает жестокую, неистовую сторону японской традиции; в тех случаях, когда мы впадаем в заблуждение, превознося средневековых самураев, профессор Барде напоминает нам, что это были «грубые, необразованные люди, занятые грязной профессией». (H.Paul Varley, _Japanese_Culture_, New York, 1973, p. 173.) Все же, несмотря на всю их дикость, жестокость, от которой бросает в дрожь — упоминаниями об этом испещрена история самураев на протяжении веков — их яростность часто умерялась искренней чуткостью, которая проявлялась в любви к культуре и особенно — к поэзии, почитании «искренности» и восприятии «очарования вещей». Эти и другие позитивные качества японского воина сжато выражены в «сборной» историко-легендарной фигуре Ёсицунэ и повторяются у позднейших героев воинского сословия, таких как Масасигэ и Сайго Такамори.«Если суперпатриоты излишне превозносят фигуру самурая, то нам не следует для себя затемнять его немалые достижения… смелость, смешанную с деликатностью, твердость наряду с легкостью, привязанность к достойному… Мир не настолько богат мечтами о рыцарстве, чтобы недооценивать такие образы.» (Singer, _Mirror,_Sword_and_Jewel_, New York, 1973, p.167.)]

Славу в истории Ёсицунэ завоевал прежде всего своими военными достижениями, но действительная причина его столь продолжительной популярности в качестве героя заключается в том, что его короткая жизнь сложилась в форме той драматической параболы, что сильнее всего апеллирует к японскому воображению: после внезапного взлета на гребень успеха, в период самого расцвета своей славы, преданный теми, которым верил, он был разбит и ввержен в самую пучину несчастья, пав жертвой своей собственной искренности, перехитренный людьми более от мира сего, более смышлеными в политике. Образ Ёсицунэ настолько полно совпадает с идеалом поверженного героя, что в языке был закреплен термин _хоганбиики_ (буквально означающий «симпатизирование лейтенанту»; происходит из наименований чинов в имперской полиции) для определения традиционного сочувствия проигрывающей стороне.[159 - _Locus_classicus_ этой фразы — _хайку_ поэта начала ХУП века Мацуэ Сигэёри, который выражает красоту поражения на примере природы — с помощью лепестков вишни, разлетающихся на весеннем ветру:_Ё_я_хана-ни_ букв.: «Ах, весь мир — для цветов!_Хоганбиики_Хоганбиики_ (симпатии к побежденному)_Хару-но_кадзэ_ Весенний ветер!»Симпатизирование потерпевшему поражение и

восхищение героической параболой совершенно отчетливо соотнесено с ощущениями _мудзёкан_ и _моно-но_аварэ,_о_ которых говорилось выше, и принадлежат «искренней» стороне дихотомии, описанной в примечаниях к Гл. 2.В легендах о Ямато Такэру и Ёсицунэ, так же как и в действительной истории современного героя Сайго Такамори, блестящая серия побед сменяется катаклизмом поражения; в каждом случае пафос падения акцентировался славой предыдущих успехов, однако именно характер финала их жизни делал их столь привлекательными героями. По наблюдению г-на Кудо, «Необходимо, чтобы [герой] поднялся на пик успеха, а затем пал.» Кудо Ёроси, _Тэнраку-кэй-но_Нихон_эйю-дзо_, в еженед. «Сюкан Асахи» 6–8, 1973: 116.] В противоположность этому, его старший брат Минамото-но Ёритомо, кстати — одна из крупнейших фигур в истории Японии, заплатил за свой суетный успех ссылкой на самый задний план легенды, где он мрачно блуждает — подозрительное, мстительное создание, обуреваемое завистью к блистательному герою, которого он безжалостно преследует и уничтожает.

Оба брата жили в решающее, поворотное время истории, когда Япония переходила от структуры правительства, контролируемого двором, к феодальному обществу, контролируемому военизированным сёгунатом, — к системе, которая в той или иной форме просуществовала вплоть до «открытия» страны для Запада семь веков спустя. И не случайное совпадение то, что самый популярный из всех японских героев пережил свою короткую трагическую жизнь в этот период, чреватый большими переменами.

Современные японские историки изо всех сил пытаются распутать клубок легенд, на которых построена практически вся литература о Ёсицунэ, и сконцентрироваться на том скудном документальном материале, который можно точно подтвердить. Начальные двадцать один год его жизни не представлены ничем достоверным; фактологический же вакуум заполнен массой причудливых сказаний и легенд.[160 - Например, путешествие Ёсицунэ в сказочные страны. См. Helen McCullough, _Yoshitsune,_A_Fifteenth-Century_Japanese_Chronicle_, Stanford, 1966; pp. 38. В книге профессора Маккалоу содержится прекрасное исследование легенды о Ёсицунэ, за которым следует перевод «Гикэйки».] Относительно последних четырех лет нам известны чисто исторические события, остальное — приукрашено, или является прямой выдумкой. Это означает, что у нас есть точная информация всего лишь о пяти годах жизни героя: от 1180 года, когда он присоединился к войскам Ёритомо, готовящихся к кампании против Тайра, до 1185-го, когда он бежал из столицы, став человеком вне закона и едва избежав покушения одного из приверженцев брата.

Для любой исторической работы затруднительно подобное состояние неведения, однако для настоящего исследования это далеко не является препятствием. Точно так же, как грезы, фантазии и выдумки зачастую говорят нам об индивидууме больше, нежели объективные факты событий его жизни, так и для раскрытия тайны героя-неудачника миф и легенда важны по крайней мере в такой же степени, что и достоверные факты.[161 - По Мирча Элиаде, миф в действительности может быть «правдивее» действительности в том, что он заставляет реальную историю «раскрывать более глубокий и богатый смысл, снимая покров с трагической судьбы». Элиаде приводит пример недавнего происшествия в деревне на Балканском полуострове, которое было

должным образом приукрашено и обращено в миф; местное крестьянство рассматривало мифическую версию происшествия, как гораздо более аутентичную, нежели те события, которые они наблюдали собственными глазами. (Eliade, _Cosmos_and_History_, New York, 1959.) В моем описании жизни Ёсицунэ я сочетал легендарные и исторические фрагменты, указывая (где мне это казалось необходимым), является ли данное событие истинным или выдуманным. Разумеется, во всех главах я достаточно свободно черпал из мифическо-легендарных источников, которые никак не отнесешь к «объективной» истории, но которые все же предоставляют важную возможность заглянуть в психологию японского героя-воина. «Миф, — как писал профессор Чадвик, — есть последняя, а не первая, ступень в процессе развития героя.» (N.Chadwick, _The_Growth_of_Literature_, Cambridge, England, 1932, p 278.)]

В обширной литературе, излагающей историю Ёсицунэ, самым знаменитым источником, рассказывающим о его удачной, «военной» части жизни, является величественный эпос XIII века, известный как «Повесть о доме Тайра» (_Хэйкэ_моногатари_). Сюжеты из него разносились по стране бродячими певцами, аккомпанировавшими своим речитативам струнной музыкой. Повествования достигали апофеоза при описании трех знаменитых битв, в которых был уничтожен клан Тайра, а Ёсицунэ стал величайшим полководцем Японии. Однако, самым детальным источником для цикла легенд о Ёсицунэ является «Сказание о Ёсицунэ» (_Гикэйки_), написанное приблизительно через двести пятьдесят лет после событий, в котором зафиксированы все важнейшие истории о герое, сложенные за прошедшие века. К тому времени, когда была составлена эта работа неизвестного автора, легенда о Ёсицунэ, фокусирующая внимание на трагическом падении героя, приняла уже довольно определенную форму; знаменательно также, что «Сказание о Ёсицунэ», на первый взгляд охватывающее всю его жизнь, уделяет всего несколько фраз военным победам и почти целиком концентрируется на периоде гонений. В «Сказании о Ёсицунэ» в качестве центрального персонажа возникает фигура Бэнкэя — монаха, неистового головореза, не покидающего Ёсицунэ во все времена его неудач, — последовательно занимающего все более и более лидирующее положение в действиях, тогда как его хозяин становится все более пассивным, меланхоличным и смирившимся с несчастьями. И «Повесть о доме Тайра», и «Сказание о Ёсицунэ» вдохновили на создание и дали материал для огромного объема литературы, а также народных сказаний, драматических танцев, пьес для театров Но, кукол, Кабуки.[162 - _Хоган-моно_ (пьесы о Ёсицунэ) представляют собой самую большую под-категорию в репертуаре театра Но. Это отражает значительную тягу к Ёсицунэ побежденному в период Муромати — самое творческое для драм Но время. Легенда о Ёсицунэ продолжала вдохновлять писателей и в период Токугава: Тикамацу Мондзаэмон, блестящий драматург театра кукол и «Кабуки», написал о Ёсицунэ не менее шестнадцати пьес. Наиболее ценным и едва ли не единственным источником, из которого можно почерпнуть сведения относительно деталей литературы о Ёсицунэ и другие сведения относительно легенды о нем, представляется книга Симадзу Хисамото _Ёсицунэ_дэнсэцу_то_бунгаку_, Токио, 1935,- энциклопедическая кладезь информации о герое.]

Единственная точная дата в раннем периоде жизни Ёсицунэ — время его рождения: 1159 год. Это был примечательный год в японской истории, поскольку он закончился первым взрывом неприкрытого насилия между двумя основными военными кланами — Тайра и Минамото. Структура власти в Японии претерпевала в то время период фундаментальных перемен. К началу

XII века придворная аристократия, среди которой безраздельно доминировал клан Фудзивара, давным-давно лишила императоров, теоретически олицетворявших высшую силу, всякого подобия власти. То немногое, что еще оставалось за императорами, отправлялось в основном императорами отрекшимися (_ин_), располагавшими собственными правительственными подразделениями, независимыми как от официальной императорской бюрократии, так и от хорошо укрепившейся администрации Фудзивара.

Структура правительства в позднехэйанскую эпоху, при всей ее громоздкости и неэффективности, похоже, могла бы еще влачить свое существование по чистой инерции, как вдруг в 1156 году внезапная вспышка насилия, во время которой враждующие придворные группировки имели глупость выступить в поддержку различных военных лидеров, открыла, что вся структура аристократического правления является анахронизмом. Ибо вся реальная власть в стране быстро переходила к самураям, к тем самым презираемым, невоспитанным воякам, которых «благородные» на протяжении веков использовали в качестве лакеев для разрешения земельных вопросов, поддержания порядка в провинциях и столице, предводители которых теперь были полны решимости направлять ход событий своими руками. Хотя императоров продолжали считать высшими авторитетами благодаря религиозной харизме — прямому происхождению от богини солнца, хотя члены клана Фудзивара продолжали занимать важные позиции в дворцовом микрокосме, эффективное правительство — которое Япония должна была иметь — в будущем должно было управляться классом, обретшим за предшествующий век основную силу в стране; экономический базис этого правительства должен был обеспечиваться контролем над обширными пространствами рисовых полей.

В XII веке придворная аристократия окончательно доказала свою неспособность обеспечить даже минимум практического контроля и административной власти не только в неуправляемых восточных территориях, но даже в близлежащих провинциях и в самой столице. Военные предводители были готовы оставить им все престижные побрякушки и признать императорскую фамилию в качестве морального источника политической власти; не могло быть ни малейших сомнений в том, что в японской истории началась новая эра, и все важнейшие решения теперь будут приниматься предводителями класса самураев, который только и мог провести их в жизнь.

Единственным существенным вопросом, который еще оставался, было — который из двух основных военных кланов будет отправлять власть от императорского имени, или (в более конкретных терминах) — будет ли доминирующей фигурой в новый период Ёситомо, предводитель клана Минамото, сосредоточенного на восточной равнине (неподалеку от сегодняшнего Токио), или Киёмори — глава клана Тайра, основные силы которого были сосредоточены в их фамильных западных провинциях. Оба клана являлись побочными линиями семей императоров раннехэйанской эпохи, и такое происхождение было весьма существенным для их престижа, однако за последние два века, пока они консолидировали свои силы в соответствующих провинциях и формировали новое общество, основанное на отношениях феодального типа между господином и вассалом, они все более и более отходили от правил жизни хэйанского двора и образовали своеобразный военный этнос, практически во всем диаметрально противоположный миру, представленному «Повестью о блистательном принце

Гэндзи». Этот новый этнос, суть которого стала выражаться, как «путь лука и лошади», лучше всего был представлен восточными Минамото, которые и психологически, и географически были более далеки от столицы, чем Тайра, и менее подвержены предположительно слабому влиянию императорского двора. И все же, в жестоком столкновении 1159 года полного триумфа добились именно Тайра, и следующую четверть века именно Киёмори и его семья безраздельно правили от имени императора из своего центра в Киото.

Как можно было легко предположить — ибо в этом новом, жестоком веке в жертву приносилось прежде всего основное из самого утонченного — за победой Киёмори последовала серия убийств и казней: власть в массе избавлялась от своих врагов и потенциальных оппонентов. Ёситомо, предводитель Минамото, был предательски убит в помещении для купания одним из своих сподвижников (постоянные напоминания о лояльности в японских военных трактатах, несомненно, отображают частоту подобных случаев), а через некоторое время его старший сын был схвачен и обезглавлен в специальном месте для казней на берегу реки Камо, где не прекращаясь кипела работа.

Тайра-но Киёмори вовсе не отличался жалостливым характером; однако, по какой-то непонятной причине большинство из многочисленных сынов Ёритомо остались в живых, несмотря на кровавые последствия катастрофы, постигшей Минамото. Наиболее знаменитым из них был старший из выживших, Ёритомо, которому во время убийства отца исполнилось тринадцать лет, и Ёсицунэ — младенец, которому к тому времени едва исполнился год. Ёритомо был сослан в восточную провинцию и передан под надзор двух важных вассалов; Ёсицунэ был привезен в столицу матерью, и, как гласит предание, первые годы его жизни были проведены в семье самого Киёмори. Этот акт великодушия оказался для Тайра фатальным, поскольку эти два мальчика выросли и предотвратили гибель своего клана. Около двадцати лет спустя последней просьбой Киёмори на смертном одре было, чтобы вместо проводимых над ним буддийских обрядов кто-либо убил Ёритомо, отрезал ему голову и положил ее у его могилы, — несбыточное желание, так как к тому времени восстание Минамото было уже в самом разгаре, и время простых решений прошло.

Ёсицунэ — девятый и последний сын Минамото-но Ёситомо, стоял гораздо ниже в социальной иерархии, чем его полубрат Ёритомо, что, несомненно, и явилось значительным фактором в их последующих отношениях, поскольку Ёритомо никогда не был готов к тому, чтобы считать его равным себе.[163 - СЭЙВА(56-й император Японии)[семь поколений]Минамото-но ТамэёсиЁсиката Юкииэ ЁситомоЁсинакаЁритомо Нориёри Ёсицунэ(чья мать была (чья мать была наложницей (чья мать Токива была дочерью высшего на почтовой станции Икэда младшей дамой у священника в Ацута) в провинции Оми) Фудзивара-но Тэйси)] Госпожа Токива, мать Ёсицунэ, была придворной дамой низкого ранга.[164 - Мать Ёритомо была дочерью аристократа из семейства Фудзивара, являвшегося Главным служителем в важном святилище Ацута; она была самой признанной из многих наложниц Ёситомо.] Это была женщина выдающейся красоты, и когда Киёмори встретил ее после знаменитой победы, то сделал своей наложницей и согласился пощадить жизнь троих ее младших детей. Это, несомненно, история апокрифического характера, однако верно, что, в то время, как большинство приверженцев Ёситомо были уничтожены,

Ёсицунэ с матерью разрешили оставаться в столице, в безопасности, и в скором времени она стала женой придворного из рода Фудзивара.

Как часть тех условий, на которых была оказана милость, Киёмори приказал, чтобы три младших мальчика воспитывались как буддийские монахи, — до абсурдного наивная предосторожность, как оказалось, — и в возрасте шести лет Ёсицунэ отослали в храм Курама, в дикий гористый район к северу от Киото для религиозного воспитания. Было сделано все, чтобы привить ему мирные привычки, подобающие монаху, но, по преданию, он регулярно тайком убегал из храма и учился обращению с оружием у таинственного горного отшельника.[165 - По знаменитому письму Косигоэ (см. стр.85–86), Ёсицунэ подчеркнуто говорил о себе, как о сироте _(дзицу_наки-но_кото_нари)._] В юности Ёсицунэ был в сущности сиротой. Его описывают, как «дикого ребенка», не поддающегося приручению, одинокого и независимого, очень любившего путешествия и приключения; хотя он и жил в храме в качестве младшего прислужника, но подчеркнуто отрицал дисциплину монашеской жизни и отказался побрить голову. Уже здесь мы можем заметить черты характера человека, который в будущем будет поставлен вне закона, так как не сможет покориться контролю старшего брата — представителя установившейся власти. В то же время Ёритомо, сосланный в отдаленную восточную провинцию и находящийся под домашним арестом в несколько смягченной форме, вел сравнительно спокойное, дисциплинированное существование, удивляя своих стражей умом и быстротой развития. Контраст характеров и образа жизни обоих сводных братьев, — старшего и младшего сынов Ёситомо, установлен, таким образом, с самого начала.

Одна из самых интересных историй в легенде о Ёсицунэ случилась именно в эти ранние годы.[166 - Эта история послужила основой знаменитой пьесы Но «Хаси Бэнкэй», переведенной Артуром Уэйли в книге _The_No_Plays_of_Japan_, London, 1921.] В ней описывается монах-воин, огромный, зловещий человек-гора, похвалявшийся, что отберет мечи у тысячи прохожих и, с помощью этого, поспособствует перестройке своего храма. Успешно собрав уже девятьсот девяносто девять экземпляров оружия, он как-то ночью стоял в засаде у одного киотосского моста в ожидании своей последней жертвы, как вдруг увидел одинокую хрупкую юношескую фигуру, приближавшуюся в темноте. Юноша беззаботно наигрывал на флейте, на его голову и плечи был наброшен шелковый капюшон, что выдавало в нем храмового служку. Сперва монах не счел этого женственного хлыща стоящим противником, однако, когда они принялись сражаться, стало ясно, что тайные уроки, полученные Ёсицунэ в горах, сделали его неуязвимым. По одной версии Ёсицунэ закончил последний тур схватки великолепным триумфом мастерства над грубой силой, отбросив свой меч и повергнув монаха с комплекцией Гаргантюа на землю с помощью своего веера. В благоговейном трепете перед таким проявлением виртуозности (типичный пример героической жизни, где он «демонстрирует чудеса»), монах предлагает остаться с юношей в качестве преданного сподвижника. Это — Бэнкэй, фигура которого, как самого лояльного сторонника, станет значительной позже, в «упадочный» период жизни Ёсицунэ.

В возрасте десяти лет к Ёсицунэ в руки случайно попадает генеалогическое описание клана Минамото, и он, таким образом, открывает свое истинное положение. С этого момента он полон желанием сражаться с Тайра и отомстить за смерть своего отца; сосредоточившись на этой цели,

он уклоняется от принятия заключительных обетов буддийского монаха и с удвоенной силой продолжает свои воинские тренировки. В отличие от Ёритомо, для которого победа над Тайра была только первым шагом на пути установления крепкого военного правительства на востоке под властью Минамото, Ёсицунэ описывается так, как будто с самых ранних лет все мотивы его поступков были прежде всего морального характера: победить врагов, унизивших его клан.

Приблизительно пять лет спустя, с помощью странствующего торговца золотом Ёсицунэ, наконец, смог навсегда покинуть храм и вырваться из-под надзора своих врагов Тайра. После многих приключений, едва избежав смерти, он направился в Осю — отдаленное место в северо-восточной части главного острова, где уже на протяжении нескольких поколений так называемые «северные Фудзивара» (дальние родственники великой придворной семьи) укрепились в качестве полностью независимых правителей, надежно обеспеченные богатством и военной силой. Предводитель их клана Хидэхира предложил молодому человеку свое покровительство, и тот остался там лет на пять в безопасности от преследования войсками Тайра. По легенде, по пути на север Ёсицунэ остановился на почтовой станции для того, чтобы совершить обряд своего совершеннолетия. Поскольку при этом не присутствовал ни один из членов его семьи, он был вынужден совершать этот серьезный церемониал сам. Эта история, безусловно, еще более подчеркивает индивидуализм молодого героя.

По традиции, одной из причин, по которой Ёсицунэ получил столь большую свободу во время жизни в горном храме, было то, что стражи недооценивали его из-за хрупкого сложения и женственного облика, не подозревая, что под этой хрупкой оболочкой скрывается львиный облик. Его физическое сложение, столь подробно описанное в традиционных изложениях, возможно удивит западных читателей, привыкших к героям с несколько более крепкой статью. В «Повести о доме Тайра» он изображен, как «маленький человек с бледным лицом».[167 - «Узнать [Ёсицунэ] не составляет никакого труда. Это маленький человек со светлым лицом и с зубами, немного выдающимися вперед.» _Хэйкэ_моногатари_, сер. «Котэн нихон бунгаку дзэнсю», Токио, 1966, с. 345.] Из некоторых описаний становится ясным, что естественная бледность его кожи подчеркивалась белой пудрой, — привычка, распространенная среди представителей хэйанской аристократии, но не вполне подходящая воину Минамото. В поздних изложениях Ёсицунэ предстает болезненным юношей с прекрасными женственными чертами; контраст между деликатной внешностью и мощной мужественностью, раскрывающейся в его воинской доблести и активных амурных похождениях, является частью очаровательного героического облика.[168 - О сексуальности героя см. ниже. См. также о Ёсицунэ, как о фигуре типа Адониса.]_Гэмпэй_сэйсуй-ки_ («Сказание о взлете и падении Минамото и Тайра») — подробная история борьбы этих двух кланов, дает, вероятно, самую верную и реалистичную картину образа Ёсицунэ, описывая его в тот момент, когда он присоединился к силам Ёритомо на востоке, готовящимся к решительному выступлению против режима Тайра: «маленький, бледный юноша с кривыми зубами и глазами навыкате».[169 - McCullough, _Yoshitsune_, p.5.]

Итак, в возрасте двадцати одного года этот маловероятный кандидат в герои начал свою короткую военную карьеру, проявив за пять лет замечательную одаренность. Типичным примером иронии судьбы, сопровождавшей Ёсицунэ всю его жизнь, явилось то, что в первой кампании его врагами

оказались не ненавистные Тайра, но собственный кузен Ёсинака — один из самых знаменитых в Японии бойцов, которого он атаковал по приказу старшего брата и наголову разбил.

Короткая и яркая жизнь Ёсинака во многом является предзнаменованием судьбы самого Ёсицунэ. После головокружительного взлета на гребень славы, когда он вел свои неистовые отряды с гор к первым победам над Тайра, Ёсинака возбудил подозрение и разжег неудовольствие Ёритомо; отчасти причиной этому послужило развязное поведение его войск в Киото, но главным было его собственное независимое поведение и нежелание подчиняться высшим властям. Ёритомо приказал его «строго наказать» (стандартный эвфемизм для тех времен) и с типичным пренебрежением к классовой солидарности использовал для этого своего младшего брата.[170 - В период кампании против своего кузена Ёсицунэ пользовался услугами своего дяди и брата наполовину — Нориёри.] Драматический характер падения Ёсинака подтвердил его героический статус для своего века;[171 - Ослепительно красивая молодая жена Ёсинака — Томоэ Годзэн играет в эпосе героическую роль, аналогичную исполняемой знаменитой возлюбленной Ёсицунэ — Сидзука. Она была легендарно красива и храбра, и сопровождала своего мужа во всех кампаниях. Традиционные картины изображают ее сидящей на белой лошади в полном самурайском одеянии, командующей отрядами восточных воинов. В сражении 1184 года, закончившемся для них катастрофой, в котором Ёсинака встретил свою смерть, она была атакована воином геркулесовского сложения по имени Утида Иэёси, но победила его в схватке один на один и отрезала ему голову. Есть несколько вариантов описания того что произошло с ней, этой яростной юной амазонкой, после смерти мужа. Самая распространенная версия гласит, что в возрасте 28 лет она отошла от мира, удалившись в обитель, и молилась за упокой духа Ёсинака; по другому, гораздо менее привлекательному преданию, она стала наложницей одного из его основных противников.] однако его грубая натура и бесчинства солдатни в столице значительно принизили его образ в глазах народа, дав повод согласиться с решением Ёритомо его уничтожить, — подобного рода оправдание действий было неприменимо в случае с Ёсицунэ, известного своим мягким отношением к гражданскому населению.[172 - Когда в конце 1185 года Ёсицунэ оставлял столицу, он запретил своим людям заниматься грабежами и поджигательством, что было обычным делом для уходящих войск. Это произвело большое впечатление на Двор и взволнованное население Киото.]

Укрепив свое положение командующего, Ёсицунэ рвался развить успех, обрушившись на настоящего противника. Возможность представилась ему месяц спустя, когда он наголову разбил Тайра у берегов Внутреннего моря в сражении при Итинотани. Исход этой знаменитой битвы был предрешен внезапной атакой, в которой Ёсицунэ скакал во главе небольшого кавалерийского отряда по крутой горной тропе (настолько обрывистой, что, как говорили, даже местные обезьяны не решались по ней взбираться) и атаковал укрепления противника с тыла, полностью деморализовав силы Тайра и принудив их бежать на остров Сикоку. Этот маневр был типичным для тактики Ёсицунэ, отмеченной склонностью к рисовке, скоростью и сверхъестественной способностью угадывать ответные ходы противника. Из этих тактических соображений он был готов пойти на значительный риск и, ни минуты не колеблясь, отбрасывал соображения других военачальников, предпочитавших более надежные приемы. Непременный успех, которым сопровождались все его маневры, неизбежно раздражал его более осторожных коллег и вызывал у них зависть, — в этом, безусловно, была одна из причин того, что Ёритомо, надежно

утвердившийся в своей отдаленной восточной ставке, стал получать донесения отрицательного характера о своем набирающем силу брате.

Окрыленный своим успехом в Итинотани, Ёсицунэ мечтал продолжить сражение, чтобы не дать Тайра времени восстановить свои силы, однако у Ёритомо уже возникли подозрения. Несмотря на то, что главную роль в убедительном разгроме Тайра сыграл именно Ёсицунэ, почти вся слава выпала на долю Нориёри — его малоэффективного, но послушного сводного брата, облеченного теперь званием главнокомандующего всех западных сил. Ёсицунэ было предписано задержаться в столице, где он и прождал целый год следующей возможности сразиться с Тайра. Он вновь использовал тактику внезапности: бросив вызов яростному тайфуну, пересек Внутреннее море с небольшим количеством войск и с помощью блестящего внезапного маневра обратил в бегство намного превосходившие численностью силы Тайра, укрепившиеся было в Ясима на острове Сикоку. Около месяца спустя, 25 апреля 1185 года, он нанес Тайра последний, сокрушительный удар в крупной морской битве при Данноура, стал хозяином в проливах, отделяющих основной остров от Кюсю. Эта знаменитая победа сделала Ёсицунэ в двадцать шесть лет самым прославленным полководцем Японии. Это было тем более впечатляюще, что силы, которыми он командовал на востоке, не были приспособлены к действиям на море, а также сражались в области, где у Тайра была мощная поддержка. Начало битвы складывалось не в пользу Минамото, однако внезапный прилив в середине дня оказался неблагоприятен для Тайра, и вскоре море (как пишут хроники) окрасилось их кровью, а красные знамена Тайра, подобно кленовым листьям осенью, покрыли поверхность воды. Среди бесчисленных жертв этой катастрофы была вдова Тайра-но Киёмори, бросившаяся в волны, прижимая к груди ребенка — императора Антоку. Объявление о победе, которое Ёсицунэ послал ко двору в Киото, было впечатляюще лаконичным: «Двадцать четвертого дня третьего месяца в час Овцы при Данноура в провинции Нагато… Тайра были уничтожены. Священное Зеркало и Священная Печать в сохранности возвращаются в столицу».[173 - _Хэйкэ_моногатари_, с. 353. Священный меч (Кусанаги), вероятно, очутился на морском дне и пропал навсегда.]

После поражения при Данноура гегемонии Тайра пришел внезапный конец. За двадцать шесть лет они вытеснили Фудзивара с доминирующих позиций в столице; их военная мощь дала им возможность осуществлять практически диктаторский контроль над обширнейшими районами страны, а из их поместий и от морской торговли к ним стекались значительные богатства. Властные повадки и непреклонность Киёмори возбуждали, однако, против него все возраставшее недовольство, и не только при дворе, где его считали выскочкой с хулиганскими манерами, но и в буддийских храмах, а также, — что было опаснее, — в кругу важных фигур военного сословия в провинциях. Все же, несмотря на неприязненность, которую выказывали к ним в период процветания, Тайра приобрели некоторую популярность в ретроспективе благодаря тем катаклизмам, что привели их к поражению. Традиционное сопереживание проигравшему — психология _хоганбиики_ — неизбежно пробуждала симпатии к семье, пережившей в истории Японии наиболее драматические подъем и падение. Это, в сочетании с буддийскими идеями фатальности и кармы, лежит в основе старинного японского изречения _огору_хэйкэ_ва_хисасикарадзу_ («гордые Тайра невечны»), а также вдохновило создателя песни-плача, открывающей «Повесть о доме Тайра», — одного из самых волнующих мест в литературе, где говорится о неопределенности человеческих судеб:

«О тщетной суете мирских деяний

Вещает колокол в обители Гион.

И дерево священное покрылося цветами

Затем всего лишь, чтоб явить закон —

Все, что цветет, погибнет безвозвратно…

Невечны гордые, их век недолог,

Как мимолетный сон весенней легкой ночью.

И сильные в конце концов погибнут,

Как прах, развеянный порывом ветра».[174 - _Хэйкэ_моногатари_, с.11. Храмовый колокол: один из восьми колоколов Зала Непостоянства в монастыре Джетавана — знаменитом храме, построенном в саду города Кошала (центральная Индия) в V в. до н. э. Деревья _sala__ большие деревья с двойным стволом, которые, по преданию окружали место, где умирал Будда. Когда он умер, желтые цветы на одном из каждой пары деревьев немедленно побелели и опали.]

Скорость и окончательность падения Тайра явились мерой успеха Ёсицунэ. Хотя победа Минамото была результатом методов управления и тщательной подготовки Ёритомо, эта война могла бы длиться много лет после того, как Тайра укрепились на своей базе — острове Сикоку, если бы не Ёсицунэ, который с наполеоновской энергией и воображением сдвинул дело с мертвой точки и привел конфликт к завершению всего лишь за пять недель. Теперь молодой герой-победитель вернулся в Киото, где оказался в центре внимания и стал объектом восторгов и похвал, достигнув такого уровня популярности и престижа при дворе, на который не поднимался ни один из представителей воинского класса на протяжении веков. И все же этот кульминационный момент триумфа Ёсицунэ явился поворотным моментом в его жизни и карьере, которая теперь неизменно катилась к закату. Ключом к этой поразительной перипетии стал, разумеется, Минамото-но Ёритомо, чья личность и долгосрочные планы неизбежно должны были столкнуться с фигурой Ёсицунэ, и чья политическая проницательность не оставляла сомнений, что в этом сражении победителем будет он.

Отчужденность между Ёритомо и Ёсицунэ была типичной для того состояния вражды и раздора, что терзало клан Минамото, побуждая его членов отдаваться борьбе друг с другом почти столько же времени, сколько они тратили на противостояние их общему противнику. Сначала враждебность между ними была однонаправленная; только после откровенной провокации, завершившейся покушением на его жизнь, Ёсицунэ был вынужден признать брата своим смертельным врагом. В легендах предполагается, что одной из главных причин озлобления Ёритомо была зависть, вызванная блестящими военными успехами, и соответствующее почтение, оказываемое Ёсицунэ. Например, мы узнаем, что он был разъярен, узнав мнение Ёсицунэ о том, что решающая победа при Данноура была добыта благодаря его собственной отваге, а не

благосклонности богов и совместным усилиям воинов Минамото. Это вполне может быть одной из причин, но нам не следует излишне доверять источникам, которые намеренно рисуют образ Ёритомо темными красками. В преданиях говорится, что его характер был извращен налетом жестокости, которую он особо безжалостно направлял против членов собственной семьи.[175 - Varley, _Japanese_Culture_, p. 66.] И, действительно, с годами Ёритомо удалось уничтожить почти всех своих близких родственников, выказывавших какой-либо настоящий талант, или даже признаки оригинальности, однако происходило ли это благодаря «жестокости характера», или из холодных политических расчетов — остается неясным, поскольку не сохранилось никаких достоверных документов, а все существующие источники тенденциозны.

Помимо всяческих вероятных психологических мотивов, враждебность Ёритомо к своему брату вполне может быть объяснена, как побочный продукт его основных политических целей. Он намечал новую систему закона и порядка, в которой доминировал бы клан Минамото, а сам он должен был стать безусловным главой; все же остальные члены клана, включая ближайших родственников, превращались в беспрекословно повинующихся вассалов. Отчасти ради консолидации этого нового класса, для укрепления дисциплины и сплоченности среди своих сварливых подчиненных, он основал в 1180 году свою ставку в восточной части местечка Камакура — в нескольких сотнях миль от Киото (куда надо было добираться по горным дорогам около двух недель). Здесь, в суровой спартанской атмосфере, прямо противоположной расслабленности и утонченному эстетизму древней столицы, ему удалось создать совершенно новый тип административного аппарата, служившего прежде всего интересам самурайского класса; его твердым принципом стало то, чтобы все вассалы проявляли свою лояльность исключительно к Камакура и никогда не подчинялись приказам двора, или каких-либо любых иных властей в стране.

Ёритомо осуществлял свои замыслы спокойно и планомерно. Для свержения Тайра он назначил военачальниками членов собственного клана, а сам оставался в Камакура, контролируя восточную базу и укрепляя новую военную администрацию. Когда какой-нибудь генерал, вроде Ёсинака, оказывался слишком буйным и угрожал успеху его глобальной политики, Ёритомо, невзирая на кровное родство, не колеблясь уничтожал его; в этих целях он всегда готов был использовать других членов своей семьи. Его основным опасением были не распри среди членов клана Минамото, но, скорее, возможность, что двое или более из его непокорных родственников объединятся против него и — не исключено, что в союзе с двором — бросят вызов его камакурской власти. Что касается Тайра, то Ёритомо принимал как должное их конечное поражение. С самого начала гражданской войны он смотрел вперед, видя тот день, когда его клан победит в решающей битве, и сосредоточивал свое внимание на создании крепкой системы управления под бдительным и эффективным контролем Минамото, осуществляемым из Камакура.

Для упрочения преданности своих вассалов, Ёритомо дал им ясно понять, что члены его военизированного класса не имеют права получать какие бы то ни было награды непосредственно из Киото. Только он сам мог поощрять своих последователей за службу, а если такого рода поощрения принимали форму назначений при дворе, (хотя и лишенных реальных

выгод, но считавшихся весьма престижными, так же как и титулы в современной Великобритании), то должны были быть им рекомендованы. Именно грубое нарушение этого правила его младшим братом впервые вызвало гнев Ёритомо. В награду за победы Ёсицунэ, отошедший от дел император назначил его лейтенантом имперской полиции (хорошо оплачивавшаяся синекура) и, что еще более важно, распространил на него привилегию находиться при императорской особе в Совете высших придворных. По одному из свидетельств, Ёритомо возмутило, что такая честь — весьма необычная для военного человека — была оказана не ему, а его младшему брату, гораздо более низшего происхождения. Может быть, все было и так, однако главная причина подозрительности Ёритомо заключалась в том, что Ёсицунэ намеренно нарушил кодекс отношений господин-вассал, приняв награду, которая не была ни одобрена, ни рекомендована им. По схеме, которой придерживался Ёритомо, такие отношения вытесняли любые связи родства или дружбы. Поскольку главной целью являлась консолидация сил в новых, мирных условиях, которые должны были установиться после поражения Тайра, он не мог терпеть никакого индивида, или группы, которые бы отказывались полностью подчиняться установленным им правилам. Так ли это было, или нет, но получилось, что Ёсицунэ представляет новому порядку потенциальную угрозу, являясь ядром, вокруг которого могли концентрироваться недовольные, анти-камакурские элементы из дворцовых, храмовых и военных кругов. Скорее, именно опасения такого рода, а не жестокая и мстительная натура легендарного Ёритомо объясняют его непримиримость к молодому герою.[176 - Вакамори Таре. _Ёсицунэ_то_нихондзин_, Токио, 1966, с. 151. В раннеяпонском обществе, где царила полигамия с концентрацией семьи вокруг матери, дети, рожденные от разных матерей, воспитывались в доме соответствующей матери, и обычно имели мало (если вообще имели) отношений друг с другом.]

Каковыми были личные отношения между столь примечательными братьями? Традиционно считается, что впервые они встретились в восточной ставке Ёритомо накануне восстания против Тайра в 1180 году. Есть сведения и о том, что они встречались после этого, однако в действительности совершенно неясно, виделись ли они хотя бы один раз.[177 - Те, кто знаком с историей Турции, заметят поразительное сходство Ёсицунэ и побежденного героя пятнадцатого века Кема, — элегантного юноши, известного своими поэтическими и художественными способностями, но прежде всего, знаменитого воителя. Он также был преследуем своим старшим братом, причем росли они отдельно. Старший брат, способный администратор, позже ставший султаном Баезидом II, фигурирует в традиции, как хитрый, завистливый негодяй, предательством добивающийся смерти героя. По одной версии, Кем был убит по приказанию своего брата в Ватикане руками предателя-парикмахера с помощью отравленной бритвы; по другой (более «японской») версии, Кем покончил жизнь самоубийством в отчаянии из-за несправедливого к нему отношения. Приношу благодарность молодому японоведу турецкого происхождения Сеслюк Эсенбелу, привлекшему мое внимание к этой интересной параллели.] Вполне очевидно, что Ёритомо никогда не разделял всеобщего энтузиазма в отношении своего брата, которого он без сомнения считал ненадежным сорвиголовой, избалованным столичным воспитанием и близкими связями с придворными кругами, с прискорбно недостаточным послушанием, слабой дисциплиной и отсутствием других необходимых для восточного самурая качеств. В его восприятии Ёсицунэ был неким анахронизмом, который, несмотря на всю свою воинскую отвагу, никак не мог понять тех фундаментальных изменений, что происходили в стране. К тому же он никогда не был готов принять Ёсицунэ, как равного себе по социальному статусу. В одной из хроник зафиксирован инцидент (датируемый 1181 годом), который произошел во время церемонии у храма бога Хатимана в Камакуре, когда Ёритомо велел своему младшему брату

держать лошадь за повод. Ёсицунэ хотел уклониться от этого лакейского занятия, но Ёритомо резко приказал ему делать то, что было сказано. В этом рассказе выражено основное отношение Ёритомо. Ёсицунэ мог быть ему братом по отцу, но он был прежде всего вассал и должен был вести себя соответственно.

Сложности отношений между братьями, возникшие из комбинации обстоятельств и темпераментов, усугубились стараниями двух очень разных людей: Госиракава и Кадзивара-но Кагэтоки. В год, когда Тайра потерпели окончательное поражение, правящим императором был мальчик пяти лет от роду, и влияние, еще сохранявшееся в императорской семье, исходило от Госиракава, который со времени своего короткого правления около тридцати лет назад, создал себе довольно весомый авторитет в столице, проживая там в качестве императора, отошедшего от дел (или отрекшегося). Неуклонное возвышение военного сословия делало его положение весьма и весьма шатким, однако Госиракава был умным человеком, привыкшим к интригам и тайным ходам и, хотя последние признаки реальной власти двора быстро исчезали, ему удавалось оставаться наплаву в период бурных перемен. Не располагая никакой военной силой, он был вынужден вести себя очень осторожно с военным сословием. Политика его в отношении различных предводителей, боровшихся за главенствование, была непостоянной, а временами — постыдной, однако, во избежание конфронтации с военными, двор не имел ни сил, ни желания рисковать. В делах с победившими Минамото бывший император извлекал выгоду из раздоров в этом постоянно ссорившемся клане, стравливая одних его членов с другими и надеясь, что в конечном итоге ему удастся оказаться на стороне победителя, или, по крайней мере, сохранить некоторое влияние в этой сложной расстановке сил. Без сомнений, именно в русле такой политики, после битвы при Итинотани и снова — после последнего сражения при Данноура — он решил сам наградить Ёсицунэ, полностью сознавая, что такая беспрецедентная честь спровоцирует гнев Ёритомо и сохранит натянутость в отношениях двух лидеров Минамото.

Отошедший от дел император, похоже, совершенно искренне привязался к Ёсицунэ за время, пока тот проживал в столице; не исключено также, что он считал этого, несколько наивного генерала, меньшей, по сравнению с Ёритомо, угрозой для двора, — тот в своей новой камакурской ставке планировал изменение структуры власти в Японии и низведение двора до положения полного бессилия. Вероятно, так рассуждал Госиракава, когда в конце 1185 года он согласился назначить Ёсицунэ главным управляющим всеми поместьями на острове Кюсю и возложить на него задачу «серьезно наказать» своего старшего брата, как врага двора. Как бы ни были запутаны мотивы такого поступка бывшего императора, несомненно, что именно его махинации после падения Тайра явились одним из главных факторов разрыва между братьями и сыграли важную роль в событиях, приведших к падению Ёсицунэ. Поддержка бывшего императора не была долговременной: как только Ёсицунэ превратился в беглеца, Госиракава отменил свое раннее указание, объявив, что оно было дадено против его воли, и поручил теперь старшему брату «серьезно наказать младшего».[178 - Ёритомо и самого выводило из себя ренегатство Госиракава, которое он, без сомнений, рассматривал в качестве типичной черты коррумпированной аристократии, на которую невозможно было положиться. В одном из случаев он характеризует бывшего императора как «настоящего дьявола» (_тэнгу_). Однако, в струе общей политической линии в отношении Двора, он продолжал оказывать ему все внешние знаки почтения.]

В дополнение к тем бедам, что обрушились на Ёсицунэ в результате «дружбы» с Госиракава, его постоянно терзали доносами и слухами, шедшими в Камакура. Некоторые из этих клеветнических измышлений исходили от его завистливого брата по отцу Нориёри, однако основным их источником был Кадзивара-но Кагэтоки, один из ближайших сподвижников Ёритомо, приблизившийся к хозяину после того, как спас ему жизнь в одной из первых битв с Тайра. Из немногих достоверных источников мы можем заключить, что Кадзивара был типичным представителем работящих, лояльных, несколько суровых воинов, составлявших костяк восточного режима Ёритомо; однако, по легенде, особенно — ее поздним вариантам, он предстает каким-то сверхнегодяем, чья всепоглощающая ненависть и зависть к Ёсицунэ подвигли его хозяина на совершение самых несправедливых поступков.[179 - Так, по легенде, именно Кадзивара был ответственен за жестокое обращение с Сидзука и ее ребенком. По одной из версий легенды, его истинные намерения стали уже совершенно ясными, когда он предложил вспороть ей живот, дабы убить и мать, и дитя. Роль Кадзивара в истории Ёсицунэ аналогична роли Сога-но Акаэ в трагедии принца Арима: в каждом случае центральная фигура злодея поощряется другим сверхзлодеем, стоящим ниже по социальной лестнице.]

Благодаря своим способностям и поддержке Ёритомо, Кадзивара быстро вырос в системе военной иерархии и был назначен заместителем управляющего делами воинского сословия. С приближением войны с Тайра к победному концу, Ёритомо отправил его на западный фронт для помощи и участия в последнем наступлении; традиционно, однако, считается, что его настоящим заданием было следить за Ёсицунэ и сообщать обо всем подозрительном в Камакура. Ему не пришлось долго ждать, чтобы оклеветать молодого полководца. На военном совете перед битвой при Ясима между ними произошло яростное столкновение, — так называемый «спор об оборотных веслах», дошедший почти до обмена ударами, что позволило Кадзивара послать Ёритомо уничтожающий отчет о поведении его горячего младшего брата. Следующий отрывок из «Повести о доме Тайра» рисует порывистый, непокорный характер героя — как его традиционно изображают в ранний, «удачливый» период жизни, — и по нему можно себе представить, отчего он неизбежно должен был вызвать враждебность у своего старшего брата:

В гавани Ватанабэ собрались самураи, и владетельные, и худородные, и стали держать совет. — Правду сказать, мы неопытны в сражениях на море, — говорили они. — Как же нам быть? — Что, если в предвидении битвы поставить на суда «оборотные» весла? — предложил Кадзивара. — Что такое «оборотные» весла? — спросил Ёсицунэ. — Когда скачешь верхом, — отвечал ему Кадзивара, — коня нетрудно повернуть и влево, и вправо. Но повернуть вспять корабль — нелегкое дело! Оттого я и говорю — давайте поставим весла и на носу, и на корме, установим рули и слева, и справа, чтобы в случае надобности легко и быстро поворотить судно. — На войне нередко бывает, — сказал Ёсицунэ, — что при неблагоприятном ходе сражения приходится отступать, даже если, отправляясь на битву, поклялся не делать ни шагу назад… Таков обычный закон войны! Но хорошо ли заранее готовиться к бегству? Это дурное предзнаменование, сулящее неудачу в самом начале похода? Господа, «оборотные» весла, «возвратные» весла — называйте их как угодно, а мне, Ёсицунэ, хватит обычных весел! — Хорошим полководцем называют того, — сказал Кадзивара, — кто скачет впереди войска там, где это необходимо, и отступает там, где надлежит соблюдать осторожность, кто бережет свою жизнь и громит врага; такой полководец —

истинно совершенный военачальник! Тот же, кто знай себе ломится напролом, — не полководец, а просто-напросто дикий кабан, такого не назовешь настоящим сёгуном! — Не знаю, кабан ли, баран ли, — отвечал Ёсицунэ, — но битва приносит радость лишь тогда, когда движешься все вперед и вперед, наступаешь и побеждаешь! — И, услышав его ответ, все самураи не решились громко смеяться, опасаясь вызвать гнев Кадзивара, но с пониманием переглянулись и стали шептаться, что между Ёсицунэ и Кадзивара, кажется, уже возникла размолвка.[180 - «Повесть о доме Тайра» (пер. И.Л.Львовой). М., «Худ. Лит.», 1982, с. 499–500.]

Сенсационная победа Ёсицунэ при Ясима не сделала его милым сердцу Кадзивара, и вскоре после этого, накануне битвы при Данноура, произошло вторичное столкновение характеров:

Кадзивара обратился к Ёсицунэ: — Первенство в нынешней битве поручите мне, Кагэтоки! — Да, если б здесь не было меня, Ёсицунэ! — отвечал ему Ёсицунэ. — Но ведь вы — сёгун, главный военачальник! — сказал Кадзивара. — И в мыслях не держу считать себя таковым! — отвечал Ёсицунэ. — Властелин Камакуры — вот, кто подлинный и великий сёгун! А я, Ёсицунэ, всего лишь исполняю его веления и потому равен всем прочим воинам-самураям, не более! — Тогда Кадзивара, разочаровавшийся в стремлении быть первым, прошептал: — Нет, сей господин по самой своей природе не способен возглавить самураев. Слова эти донеслись до слуха Ёсицунэ. — Вот первейший глупец Японии! — воскликнул он и уже схватился за рукоять меча. — Нет у меня господина, кроме властителя Камакуры! — вымолвил Кадзивара и тоже протянул руку к мечу.[181 - «Повесть о доме Тайра», с, 519–520.]

Снова они были готовы скрестить мечи; их едва смогли развести соратники, напомнив, что подобного рода ссоры могут помочь только их общему врагу, и уж наверное не понравятся Ёритомо. По «Повести о доме Тайра», это повторное столкновение толкнуло Кадзивара на новые доносы, «которые в конце концов и привели к смерти Ёсицунэ».[182 - «Повесть о доме Тайра», с. 520.]

После победного триумфа при Данноура Кадзивара делал все, что было в его силах, дабы приуменьшить роль Ёсицунэ, подчеркивая в своих донесениях, что победы удалось достичь благодаря божественному произволу, а не искусству какого-либо военачальника. Позже, в том же году, когда отношения между братьями еще более ухудшились, Кадзивара-но Кагэтоки, вернувшийся к тому времени в восточную ставку, информировал Ёритомо о том, что его младший брат вовсе не следует недавно полученному приказу «строго наказать» своего дядю Юкииэ, но в действительности тайно замышляет с ним измену в Киото и планирует совместные действия против Камакура.[183 - Представляется, что в то время Ёсицунэ был в весьма близких отношениях со своим малокомпетентным дядей, однако нет никаких подтверждений тому, что у него были какие бы то ни было планы соединить их силы против Ёритомо. Только лишь после того, как Ёритомо наконец послал из Камакура в Киото наемного убийцу, Ёсицунэ, понимая неизбежность открытого столкновения, обратился за помощью к своему дяде. Вакамори, _Ёсицунэ_, с. 147.] Эти слухи возбудили у Ёритомо сильнейшие подозрения в том, что между членами его семейства возник тайный союз, и непосредственно подтолкнули его отдать приказ убить Ёсицунэ. Таким

образом, сверхзлодей, систематически возбуждавший у всех чувство неприязни к герою, дал врагу идеальный предлог его уничтожить.

Хотя Ёсицунэ и не сразу это понял, но горькая правда заключалась в том, что его решающая победа над Тайра в значительной степени уничтожила его же собственный _raison_d'etre_[184 - Фр. «смысл существования», «разумное основание».] в глобальной схеме Ёритомо. С точки зрения обывателей Камакура, мужество, выдержка и военная доблесть молодого человека сыграли свою роль и теперь уже грозили стать фактором отрицательным. Говоря словами старой китайской пословицы, «когда убит хитрый заяц, можно зажарить и быструю гончую». Ёсицунэ исполнил свою основную функцию — уничтожение клана противника — и теперь, чтобы полностью от него отделаться, для Ёритомо хватило малейшей провокации. Тема мирской несправедливости все более и более усиливает горечь в изображении жизни Ёсицунэ, по мере того, как мы приближаемся к самой важной части его истории.

Через несколько недель после триумфального прибытия в Киото герой выступает в Камакура, дабы лично оповестить о своей победе Ёритомо и передать ему главных пленных из Тайра, захваченных в последней битве. Однако, ему не было позволено достичь конечной цели следования. По прибытии на близлежащую почтовую станцию он получил инструкцию ожидать там дальнейших приказаний, и оставался там около недели в состоянии все возраставшей тревоги. Очевидно, понимая, что его брат наслышался о нем различных неблагоприятных слухов, он несколько раз посылал протесты с подтверждением собственной лояльности, но все они остались без ответа. Наконец он отчаялся и из маленькой почтовой станции Касигоэ, находившейся где-то в миле от Камакура, послал одному из главных министров свое знаменитое «письмо из Касигоэ». Хотя Ёсицунэ, вероятно, и посылал в то время какие-то эмоциональные послания в Камакура, тот документ, что дошел до нас, полон добавлений и приукрашиваний, введенных намеренно ради того, чтобы возбудить симпатию к герою, с которым обращались столь неподобающе.[185 - В соответствии с поздним вариантом легенды, письмо Косигоэ в действительности было написано Бэнкэем по инструкциям Ёсицунэ. Это — выражение тенденции придавать Бэнкэю все более активную роль в событиях, в то время, как сам герой превращается в пассивную жертву.] Последнее воззвание, однако, является самой важной частью в легенде о Ёсицунэ; смесь бравады с почти мазохистическим упиванием своими несчастьями дает нам редкую возможность заглянуть в психологический механизм героического поражения:

5-й день 6-го месяца 2-го года правления Гэнроку [1185].[186 - Между различными текстами письма Косигоэ нет значительной разницы. Свой перевод я основывал на версии, данной поздней исторической хроникой _Адзума_кагами_ — «Нихон сирё сюсэй», Токио, 1963, с. 164.]

Я, Минамото-но Ёсицунэ, лейтенант внешней дворцовой охраны, почтительно обращаюсь к вашему превосходительству. Будучи избранным заместителем его высочества [Ёритомо] с последующим доверением мне императорской миссии, я поверг врагов двора с помощью воинского искусства, которое передавалось в нашей семье из поколения в поколение, стерев, таким образом, позор, пережитый нами в поражении. Я ожидал получить особую благодарность

за свои действия, но к изумлению моему стал объектом самых грязных обвинений, из-за чего все достигнутое мною остается незамеченным. Будучи невиновен ни в чем, я, Ёсицунэ, подвергся осуждению; будучи достоин славы, не допустивший ни одной ошибки, я впал в немилость его высочества.

Так и пребываю я, вотще проливая кровавые слезы… Мне не было разрешено оспорить обвинения клеветавших на меня и [даже] вступить в Камакура, но было приказано пребывать в бездеятельности много дней, не имея возможности высказать искренность своих намерений. Прошло так много времени с тех пор, как я мог взирать на милостивый лик его высочества, что, кажется, все нити нашей кровной связи уже порвались.

Есть ли это несчастье лишь насмешка судьбы, или — воздаяние за нечто свершенное мною в прошлых существованиях? Горе мне! Кто сможет открыть [его высочеству] всю глубину испытываемых мною мук, кто прольет на меня хоть каплю жалости, — разве что восстанет в этом мире преподобный дух нашего усопшего отца?

Я в затруднении — стоит ли продолжать писать это письмо, не станет ли оно лишь еще одним [ненужным] изъявлением личных чувств, однако, мне кажется, следует сказать, что вскоре после моего рождения его превосходительство мой отец перешел в иной мир, и я стал сиротой и был принесен в столицу матерью, прижимавшей меня к груди; с тех пор мой ум не пребывал в покое ни единого момента. Хотя мне и удавалось влачить свое существование, я не мог безопасно передвигаться по столице и был вынужден бродить из провинции в провинцию, прячась в неприметных деревушках, скрываться в отдаленных частях страны, служить простолюдинам и крестьянам.

Затем мне улыбнулась фортуна, и я был послан в столицу, дабы свергнуть клан Тайра. Наказав сперва Ёсинака за причиненные оскорбления, я принялся затем уничтожать Тайра и ради это гнал своего коня зачастую по краю пропасти, не думая о своей жизни при виде врага. В иные времена я храбро выступал против свирепого ветра и волн в великом море, не беспокоясь о том, что мое тело может утонуть и быть пожрано чудовищами глубин. Панцирь и шлем служили мне подушкой; лук и стрелы были орудиями моей профессии…

Что касается моего назначения лейтенантом пятой ступени [имперской полиции], то я принял его как возможную честь для рода Минамото. И все же теперь я ввержен в состояние глубочайшего горя и горьких сетований. Понимая, что лишь с помощью будд и божеств я могу надеяться на положительный результат моего прошения, я вырезал обеты на талисманах различных пагод и храмов, клялся перед богами больших и малых храмов Японии и духами подземного мира в том, что никогда и ни на мгновение не вынашивал никаких [злых] намерений; все эти заверения я представил [в Камакура]. И все же я не получил прощения.

Наша страна — страна богов, однако похоже, что боги не снизошли к моим просьбам; таким образом, не имея никого, к кому я мог бы обратиться, я полагаюсь теперь на великую милость вашего превосходительства и молю вас передать это мое заявление его высочеству, дабы в благоприятный момент он обратил бы на него внимание и утвердился бы в моей невиновности…

Невозможно полностью выразить свои мысли на письме, но я попытался описать вашему превосходительству основные положения и почтительнейше прошу обратить внимание на это письмо, которое имею честь нижайше преподнести.

Минамото-но Ёсицунэ.

Находчивость и мужество героя на поле битвы резко контрастируют с той детской простотой, которую он проявляет в личных отношениях — тот тип невинности и наивности, который в японской традиции столь часто связывают с _макото_. Но даже на этой поздней стадии он, кажется, верит, что все его несчастья могут кончиться, стоит ему встретиться с Ёритомо лицом к лицу и высказать «искренность своих намерений».[187 - _…Сои-о_нобуру_ (из письма Касигоэ) буквально означает «высказать мои искренние намерения». Ёсицунэ хотел, чтобы его брат знал мотивировку его поступков — лояльнейшее желание служить ему, а также полное отсутствие каких-либо собственных политических амбиций.] Его надежды на примирение оказались разбиты, когда он получил унизительный приказ возвращаться прямо в столицу без заезда в Камакура. Ёритомо усугубил оскорбление, отобрав те наделы Тайра, которые его брат получил в качестве награды за свои военные труды, и — что еще хуже — исключив его из членов клана Минамото. Через неделю после того, как Ёсицунэ написал свое письмо из Касигоэ, он в подавленном состоянии отправился обратно в Киото.

Несколько месяцев спустя после столь резкого отказа, Ёритомо попытался вообще убрать Ёсицунэ из этого мира. С этой целью он отправил в столицу воина-монаха с приказом убить Ёсицунэ. Монах со своими подручными организовал ночную атаку на дом Ёсицунэ, но ее отбили, а сам предводитель, хотя и спасся в северных горах Курама, но затем был выслежен друзьями Ёсицунэ, привезен обратно в столицу и казнен. Такого неприкрытого покушения на жизнь было достаточно, чтобы убедить даже Ёсицунэ, что на примирение уже нет никакой надежды, и что, если он желает выжить, ему надо искать сподвижников. Именно в это время он получает от императора документ, в котором удалившийся от дел монарх поручает ему «строго наказать» своего старшего брата, как врага двора.

Приказ Госиракава мог бы подтвердить правомочность всего, что предпринял бы Ёсицунэ в будущем, но он не мог дать ему материальной поддержки, необходимой для успеха кампании. Вместо того, чтобы ударить на Камакура, он со своим дядей Юкииэ, сопровождаемые несколькими сотнями людей, проследовали на запад в надежде собрать на свою сторону добровольцев.[188 - Двор назначил Ёсицунэ и Юкииэ наместниками всех поместий _сёэн_ на

Кюсю и Сикоку соответственно; это было источником огромного потенциального богатства, однако не предоставляло возможностей набора воинских сил, необходимых для кампании против Камакура.] Эта осторожность кажется совершенно непохожей на обычную манеру Ёсицунэ, всегда отличавшуюся прямотой тактических действий; ясно, также, что и сам Ёритомо ожидал от своего импульсивного брата немедленной атаки на восток. Остается только гадать, — отчего в этот критический момент Ёсицунэ избрал столь осторожный шаг. Возможно, его вывела из равновесия и угнетала враждебность Ёритомо, и он потерял порывистость и оптимизм, так ярко проявлявшиеся в ранний период его жизни; не исключено, также, что он все еще колебался — атаковать, или нет своего старшего брата, которому он подчинялся столько лет как главе клана Минамото, первому лицу в его собственной семье; дядя, также, мог убедить его, что, не набрав соответствующего количества людей, противостоять камакурской силе было сумасшествием.

В любом случае, удача, что столь часто сопутствовала Ёсицунэ в более динамическое время его карьеры, на этот раз ему изменила. Немного спустя, после того, как он покинул Киото и сел на корабль, чтобы переплыть Внутреннее море, его маленький отряд был почти полностью уничтожен внезапным штормом, который (как рассказали Ёритомо) был наслан волей богов. По какой-то счастливой случайности Ёсицунэ и его дядя пережили кораблекрушение, погубившее почти всех их людей; однако надежды организовать вооруженную поддержку — что с самого начала представлялось довольно слабой перспективой — теперь исчезли, и все, на что теперь могли они надеяться, было попробовать избежать пленения вражескими войсками, которые окружали их со всех сторон. После кораблекрушения спутники расстались навсегда, и несколько месяцев спустя Юкииэ, неудачливый дядя, был настигнут и убит.

Ёсицунэ стал теперь одиноким отверженным, от которого отвернулся двор и которого яростно преследовал его брат, устроивший самую крупную в истории Японии охоту на человека. После серии случаев, когда только чудом ему удалось бежать, Ёсицунэ удалось совершенно сбить преследователей со своего следа. Считалось, что он мог вернуться в Киото (что он и сделал на самом деле), и в городе был проведен повальный обыск; во многие храмы, где мог скрываться Ёсицунэ, были посланы военные отряды; военные гарнизоны во всех провинциях были подняты по тревоге, всем заставам были разосланы приказы хвататься за любую ниточку, которая могла бы привести к его местонахождению. Однако, Япония XII века с ее плохой системой коммуникаций и медлительным транспортом, была огромной страной, а сложная горная система делала ее идеальным местом для того, чтобы скрыться преследуемому беглецу, в особенности — такому, как Ёсицунэ, у кого должно было быть немало тайных доброжелателей.

Месяц за месяцем продолжалась великая охота. Даже будды и божества были привлечены к розыску: во многих храмах возносились молитвы о пленении Ёсицунэ, а по приказу из Камакура подобные же просьбы звучали и в молельнях синтоистского комплекса в Исэ. Однажды настоятель одного из храмов увидел во сне, что он встретил Ёсицунэ в восточной провинции Кодзукэ. Он надлежащим образом сообщил об этом, и специальная экспедиция была послана на место, однако на самом деле Ёсицунэ был неподалеку от Киото, в нескольких сотнях миль к западу. Желание Ёритомо выследить своего брата кажется маниакальным, а неудачи охоты

приводили его в ярость. Он наверняка подозревал, что двор не выполняет своей части работы, и где-то год спустя написал в Киото бывшему императору нижеследующее:

Во всех частях страны [у Ёсицунэ] есть симпатизирующие ему люди и, вероятно, полумерами, действиями, не идущими от чистого сердца, мы не добьемся его пленения. Поэтому я намерен отправить отряд в количестве двадцати, или тридцати тысяч человек для тщательного прочесывания каждой горы, или храма в стране. Поскольку это может привести к некоторым нежелательным последствиям, я прошу двор, в том случае, если он знает какие-либо верные способы пленения [противника], сообщить [о них в Камакура].[189 - Цитируется Исии Сусуму в кн. _Камакура_бакуфу_, Токио, 1965, с. 188–189.]

Бывший император, совершенно запуганный повелителем Камакура, ответил на эту плохо скрытую угрозу изданием дополнительных указов о розыске. И некоторое время спустя Ёсицунэ, поняв, что он больше не может оставаться в районе столицы, решил бежать в Осю, во владения «северных Фудзивара».

Относительно того, каким маршрутом добирался Ёсицунэ в своем опасном путешествии через центральные и восточные провинции (которые теперь были полностью под контролем Камакура) в отдаленную северо-восточную часть Японии, куда он прибыл в 1187 году, приблизительно через шесть месяцев пути, было много споров. Поскольку даже отчаянные поиски, предпринятые его братом, не открыли местонахождения героя, мы вряд ли сможем семь веков спустя обнаружить какие-либо точные указания на этот темный период его жизни. Вероятно, он получил значительную поддержку от монахов и монахов-воинов в храмах как рядом со столицей, так и вдоль своего маршрута — от тех людей, кто знал его в более счастливые дни и сочувствовал ему в несчастье. По легенде, и он, и его люди притворялись «горными монахами» (_ямабуси_), путешествующими по восточным провинциям для сбора средств на перестройку храма. Маршрут бегства на восток, традиционно приписываемый Ёсицунэ, идентичен тому, по которому века спустя шли пилигримы-аскеты из района Кумано, что к югу от столицы; многое из историй про времена бегства вполне могло быть изобретено этими монахами и рассказывалось ими во время их долгого пути. Возможно — это один из путей, которыми легенда о Ёсицунэ разошлась по Японии; этим, также, можно объяснить и маршрут, который приписывается ему в балладах.[190 - Кадокава Гэнъёси, _Гикэйки-но_сэйрицу_, «Кокугакуин дзасси 65», №№ 2,3; 1964: 79-100.]

Наиболее знаменитое приключение во время бегства произошло у недавно построенной заставы Атака на побережье Японского моря, где Ёсицунэ лишь благодаря находчивости своего главного сподвижника — верного монаха Бэнкэя, едва избежал опознания и пленения. Эта история, вдохновившая авторов на создание двух лучших пьес в японской литературе: драмы театра Но XV века «Атака» и драмы театра Кабуки XIX века «Кандзинтё», или «Подписной лист», — разумеется, вымышлена. Хотя, она вполне могла основываться на реальных обстоятельствах, при которых Ёсицунэ был спасен людьми, которые узнали в нем лицо, «самое разыскиваемое в Японии», но испытывали к нему такую личную симпатию, такое чувство _моно-но_аварэ_ (очарования вещей), что были готовы рискнуть, но не предать его.

Драма, в которой сфокусированы некоторые главные черты последней стадии жизни Ёсицунэ, важна для исследования героического поражения. Различные варианты сходятся в общем освещении событий, хотя версия Кабуки более проработана, нежели пьеса Но. В «Атака» тремя основными действующими лицами являются: Бэнкэй, развязный воин-монах, господин Тогаси — важное лицо на службе у Ёритомо, назначенный охранять стратегически значимую заставу, и Ёсицунэ — изгой, за которым охотится вся Япония. Пьеса начинается в типичном стиле Но — сжатым описанием ситуации из уст Тогаси:

Я — старший в охране заставы у порта Атака префектуры Кага. Теперь Ёсицунэ возбудит враждебность своего старшего брата, господина Ёритомо и не сможет больше оставаться в столице. Говорят, что он и десяток его сподвижников, скрывающихся под видом горных монахов, направляются в Осю, чтобы искать защиты у господина Хидэхира. Услыхав об этом, господин Ёритомо приказал воздвигнуть в каждой провинции новые заставы, а нам — тщательно проверять всех горных монахов.[191 - Ногами Тоёитиро, _Ёкёку_дзэнсю_, Токио, 1935, 5:51.]

Затем на сцене появляется Ёсицунэ и маленький отряд его соратников, одетых странствующими монахами. Они пребывают в растерянности, услыхав известие о появлении новой заставы у гавани Атака. Некоторые предлагают прорваться с боем, но Бэнкэй объясняет, что это сделает проблематичным прохождение второго отрезка их долгого пути и предлагает прибегнуть к хитрости:

Ёсицунэ: Предложи нам план, Бэнкэй!

Бэнкэй: Хорошо, мой господин. Позвольте мне предложить следующий образ действий. Я и эти люди — все мы выглядим, как неотесанные горные монахи, но ваш благородный облик скрыть трудно. Осмелюсь почтительно предложить вам отдать носильщику парчовую накидку, а вместо нее возложить на спину его плетеную корзину. Тогда, если вы будете следовать за нами на небольшом расстоянии, вас наверняка примут за настоящего носильщика.[192 - Ногами Тоёитиро, _Ёкёку_дзэнсю_, с. 54–55. «Переносной алтарь» — вероятно, более точный перевод слова _ои,_ нежели «короб». Он представлял собой большую деревянную коробку с ножками, использовавшуюся пилигримами для переноски буддийских алтарных принадлежностей, облачений и других аксессуаров.]

К этому времени Ёсицунэ стал уже совершенно пассивен и был готов принять любые предложения Бэнкэя, поэтому он беспрекословно меняется местами с носильщиком. Затем группа подходит к заставе Атака, неподалеку от которой под деревом видны почерневшие головы недавно казненных монахов. Это ужасающее зрелище их не пугает, и они приближаются к заставе. Драматическая кульминация наступает во время разговора Тогаси с Бэнкэем, который раздраженно настаивает на том, что они — ни в чем не повинная группа монахов, следующая для

сбора средств на перестройку храма Тодайдзи в Нара. Тогаси отвечает, что он, скорее всего, не сможет их пропустить; из разговора выясняется, что трое подозрительных монахов были за день до этого обезглавлены стражей. Ёсицунэ и его спутники попали прямо в пасть ко льву, но это не смутило Бэнкэя. Он затевает яростные спор с Тогаси, после чего вместе с другими «монахами» пытается запугать стражников громогласным выкрикиванием буддийских молитв. Тогаси предлагает Бэнкэю прочесть подписной лист, который должен был быть у монахов, отправившихся в подобное путешествие. Разумеется, у Бэнкэя нет никакого листа, однако он прекрасно выходит из положения, взяв первый попавшийся список из корзины своего носильщика и импровизированно зачитав историю храма Тодайдзи, полную теологических отсылок, что должно было свидетельствовать об эрудиции чтеца. Стражи, завороженные речитативом Бэнкэя, позволяют ему и его людям пройти через заставу без дальнейших возражений.

Хор: [Бэнкэй] читает свиток столь громким голосом, что ему вторят сами небеса.

Устрашенные стражи

В страхе и трепете дают им пройти,

В страхе и трепете дают им пройти.

Тогаси:

Спешите и проходите заставу!

Меченосец:

Молю — проходите, молю — проходите.[193 - Ногами Тоёитиро, _Ёкёку_дзэнсю_, с. 63.]

Отряд почти уже вышел из опасного места, как вдруг меченосец Тогаси вдруг понимает, что человек, прикидывавшийся носильщиком и плетущийся позади всех, есть не кто иной, как Ёсицунэ. Тогаси приказывает им остановиться. Бэнкэй, сознавая отчаянность ситуации, начинает яростно бранить носильщика за то, что он стал причиной их задержки; затем он хватает посох и начинает его жестоко избивать. Разумеется, цель этого — убедить стражей заставы в том, что, несмотря на внешнее сходство, носильщик никак не может быть Ёсицунэ, поскольку ни один подчиненный ни при каких обстоятельствах не посмеет поднять руку на своего господина. Тогаси признает, что был не прав, подозревая носильщика, и окончательно разрешает отряду пройти через заставу.

Когда они столь счастливо перешли на безопасную сторону, разыгрывается высокоэмоциональная сцена, в которой Бэнкэй со слезами на глазах просит у своего господина прощения, а Ёсицунэ, также рыдая, благодарит Бэнкэя за то, что тот спас его жизнь и (во многом подобно изложенному в письме Касигоэ) сетует на мирскую несправедливость, ставшую причиной его нынешнего положения.

Хор: Я, Ёсицунэ, был рожден в воинской семье, и жизнь свою посвятил Ёритомо. Я утопил тела [врагов] в волнах западного моря. На холмах, на полях и на побережьи я спал, подкладывая вместо подушки себе под голову боевой нарукавник. Иногда мне приходилось плыть по воле волн, вверив свою жизнь волнам и ветрам; иногда мне приходилось пробираться по горным вершинам, и лошадь моя наполовину погружалась в снег. В Сума и Акаси я сражался в сумерках на побережье, и за три года я победил врага. И все же моя преданность была ни к чему. Увы, сколь прискорбна моя судьба!

Ёсицунэ:

Постине, это печальный мир,

В котором ничто не происходит так, как того желаешь.

Хор:

… Это мир, в котором искренний человек страдает,

Тогда как клеветник набирает все большую силу…

Или не существует божеств и будд, [дабы защитить нас]?

Сколь изломана человеческая жизнь в этом грустном мире!

Сколь несчастна его жизнь![194 - Ногами Тоёитиро, _Ёкёку_дзэнсю_, с. 67–68.]

Пьеса оканчивается на несколько более веселой ноте, когда господин Тогаси предлагает отправляющимся пилигримам вина в качестве извинения за свои необоснованные подозрения. Бэнкэй прикидывается пьяным и исполняет энергичный «мужской танец» (_отокомаи_). Через некоторое время отряд продолжает свои путь, в то время, как хор скандирует:

«…Поспешим от этих мест!

Будь натянут так же крепко, как лук,

Не ослабляй внимания!

Стражи у заставы.

Теперь мы прощаемся с вами.

Вскинув на плечи свои плетеные корзины,

Они направились к земле Осю,

Чувствуя себя, как если бы наступили на хвост тигру,

Или спаслись от змеиных зубов.[195 - Ногами Тоёитиро, _Ёкёку_дзэнсю_, с. 72.]

На этот раз Ёсицунэ избежал опасности; однако каждый читатель или зритель знает, что герой идет к своей неизбежной гибели.

Основное впечатление, оставляемое пьесой, возникает от того факта, что на самом-то деле Тогаси узнал об обмане Бэнкэя с самого начала; чтение же несуществующего подписного листа, хотя и усыпило бдительность простых стражников, однако лишь подкрепило его подозрения. Во всей этой истории роль Тогаси представляется самой сложной. Разрывающийся между необходимостью оставаться лояльным Ёритомо — своему господину, и симпатией к несчастному юному беглецу, он так тронут поведением Бэнкэя, — в особенности — той агонией, которую ему пришлось пережить, будучи принужденным ударить своего хозяина, он пропускает отряд через заставу. Иными словами, прикинувшись обманутым этой уловкой, он жертвует своей феодальной лояльностью ради лояльности высшего, эмоционального порядка, возбужденной чувством „очарования вещей“ (_моно-но_аварэ_), глубокой искренностью (_макото_) и симпатиями к побежденному (_хоганбиики_).[196 - Конфликт с Тогаси в пьесе «Кандзинтё» принимает более спокойную окраску; в нем говорится, что он бросает украдкой взгляд на подписной лист и понимает, что это — фальшивка. Последовавший за этим допрос Бэнкэя предназначался только лишь для того, чтобы обмануть стражников. Версия театра Кабуки (1840) утверждает то, что в Но только предполагается, выражая большое внимание, оказывавшееся в эпоху Эдо теме _гири-ниндзё_(чувство долга — человеческие эмоции); пьеса «Атака» (конец XV века) увенчана аурой _аварэ_ и _мудзёкан_ (преходящести), свойственной Но.]

На протяжение почти всей пьесы Ёсицунэ пассивен; номинально являясь главным героем, он не принимает никаких решений, но делает все, что говорит Бэнкэй. Чтобы подчеркнуть всю его немужественность, в драме Но роль Ёсицунэ играет актер-ребенок (_коката_), а на сцене Кабуки — персонаж женских ролей (_оннагата_). Такую трансформацию претерпел характер Ёсицунэ в процессе развития легендарных преданий о нем в течении веков. Все позднейшие предания подчеркивали вторую — неудачливую половину его жизни; в них предполагалось, что враждебность и многочисленные препятствия, чинимые Ёритомо, превратили его брата из несгибаемого воителя в меланхоличного, пассивного в действиях аристократа, бессильную жертву судьбы, столь угнетенную своими неудачами, что без поддержки и инициатив со стороны Бэнкэя она уже почти не могла существовать. Ничего не осталось от того боевого духа, что помог

выиграть сражения с Тайра; напротив, Ёсицунэ выступает в качестве рафинированного члена урбанистического общества, который ближе по духу принцу Гэндзи и идеалам эпохи Хэйан, чем сотоварищам собственного грубого военного клана из провинции.[197 - Ср. изменение характера Ямато Такэру во второй половине его жизни.] Изменился также, и облик: на его прекрасном лице — бледном, утонченном, изысканном, контрастирующем с гигантской, супермужественной фигурой воина-монаха, который его защищает — все более и более проступают женственные или детские черты.

Имя Мусасибо Бэнкэй часто появляется в исторических записях при упоминании ближайших сподвижников Ёсицунэ, однако лишь в позднейших версиях легенды, в частности — „Сказании о Ёсицунэ“ он превращается в главное действующее лицо, выходит на первый план как мощный персонаж, олицетворяющий энергию, оптимизм и находчивость, которые покинули его хозяина в последние годы жизни.[198 - Знаменательно, что в «Атака» и «Фуна Бэнкэй» — двух самых знаменитых пьесах «Но» о Ёсицунэ в период его падения — Бэнкэй поставлен центральной ролью _ситэ_ и отодвигает своего хозяина на второй, подчиненный план.] В образе Бэнкэя все масштабнее, чем в реальной жизни, начиная с его замечательного рождения (он оставался во чреве матери восемнадцать месяцев); в детстве он был уже почти двух с половиной метров роста и силен, как сто человек, и до конца его жизни в качестве лояльнейшего последователя Ёсицунэ, где он предстает мужчиной ужасающего облика и колоссальных размеров, в черных доспехах и с разящей боевой палицей, способным на фантастические подвиги. Однако он не был просто безмозглым зверем: помимо физической силы, Бэнкэй выказывал чувство юмора, мудрость и (как мы можем видеть из сцены у заставы Атака), впечатляющую эрудицию. При всей своей бурно проявлявшейся яростности, он был человеком, располагавшим к себе и где-то даже мягким. Но прежде всего он являлся образцом лояльности, и его преданность своему господину лишь крепла по мере того, как положение последнего становилось все отчаяннее.[199 - Вакамори (_Ёсицунэ_, с. 215–216) предполагает, что отношения между Ёсицунэ и Бэнкэем, как они отображаются в поздних версиях легенды эпохи Камакура и Муромати, выражают ностальгические чувства по прошедшему веку, в котором отношения между хозяином и подчиненным предположительно основывались на простых личных связях лояльности и привязанности, нежели чем на холодном расчете личной выгоды, который стал доминировать в отношениях повелитель-вассал в позднюю феодальную эпоху.]

Отношения этих двух людей напоминают дружескую связь Санчо Панса и Дон Кихота, — испанского рыцаря печального образа, представляющего редкий в западной литературе пример абсолютного героя-неудачника. В Японии XII века, как и в Испании XVI века, рыцаря, постоянно терпящего поражения, поддерживает грубый, находчивый спутник, обладающий непреклонным духом и вкусом к жизни. Одна из самых привлекательных черт и Ёсицунэ, и Дон Кихота — в том, как они оба принимают и даже приветствуют все проделки своих споспешников низкого происхождения, хорошо зная, что под слоем грубости лежит несокрушимый гранит силы и почтения. Есть и другие параллели между жизненными ролями двоих господ и их спутников. Так, и Санчо Панса, и Бэнкэй обретают все большую и большую значимость, а облик их становится все более обстоятельным. По мере того, как характер Дон Кихота становится все расслабленнее, заземленный здравый смысл его слуги обретает зрелую мудрость; точно так же, Бэнкэй компенсирует все возрастающую пассивность и пессимизм своего господина неожиданно

проявившимися ученостью и умом.[200 - Бэнкэй, в том виде, как он предстает в поздних легендах, — такая же фиктивная фигура, как и Санчо Панса. В те времена фигуры яростных горных монахов являлись стандартными характерами приключенческой драмы, так что слуга Ёсицунэ имеет за спиной давнюю традицию. Одновременно, не исключено, что Ёсицунэ в его бегстве на север сопровождали несколько монахов, а Бэнкэй является «сборной» фигурой реальных _ямабуси._ Его функции как элемента легендарной структуры — играть роль «оттеняющего героя» так, чтобы Ёсицунэ мог продолжать свой бег и полностью выработать _моно-но_аварэ_ в характере проигравшего героя; в этом смысле они (Ёсицунэ-Бэнкэй) совместно представляют квинтэссенцию японского героя.]

Другим персонажем, обретшим значимость в позднейших легендах, также представляющим идеальный образец лояльности и храбрости, является любимая наложница Ёсицунэ Сидзука, известная как самая красивая женщина Японии, а также как величайшая танцовщица своего времени. Это легендарное качество Сидзука подчеркивается сверхъестественным воздействием, которое оказывали ее танцы. В „Сказании о Ёсицунэ“ она танцует в присутствии отошедшего от дел императора, с помощью чего магическим путем прекращает ужасную засуху, павшую на страну на сто дней. В тот период, когда счастливая звезда Ёсицунэ стремительно закатывалась, страстно преданная ему Сидзука, стремится постоянно быть рядом со своим любимым и настаивает на том, чтобы сопровождать его, когда он оставляет столицу.[201 - Хотя Сидзука — главная героиня легенды о Ёсицунэ, в бегстве на Запад его сопровождала далеко не одна женщина. Судя по «Сказанию о Ёсицунэ», герой состоял в интимных отношениях более чем с двумя десятками представительниц прекрасного пола за время своего краткого пребывания в столице и по крайней мере 11 из них взошли вместе с ним на корабль, пересекавший Внутреннее море. Репутация женолюба, закрепившаяся за Ёсицунэ и вновь напоминающая принца Гэндзи, подкрепляется другими многочисленными источниками и, как кажется, служила одной из причин, по которой Ёритомо сомневался в его серьезности и надежности. Амурные похождения героя стали частью легенды о нем. На серии гравюр художника Кунисада (1786–1865) позднего периода Токугава он изображен в ряде эротических поз с разными молодыми особами из столицы, причем с такими гениталиями, которые приходится счесть чрезмерными даже по преувеличенным стандартам японских «весенних картинок». Контраст между повышенной сексуальностью Ёсицунэ и теми деликатными, женственными чертами, на которых делается ударение в поздних легендах, типичен для японского романтического героя и отображает двойственную природу характера Ёсицунэ.] В пьесе театра Но „Сидзука в Ёсино“ рассказывается, что, когда Ёсицунэ преследовали люди Ёритомо, Сидзука отвлекла вражеских солдат, исполнив один из своих замечательных танцев и поведав им о прекрасном характере своего любимого. В тот раз ей удалось спасти героя, но после опасного кораблекрушения во Внутреннем море Бэнкэй настоял, чтобы она вернулась в Киото, так как ее присутствие замедляло их движение. Ёсицунэ, вошедший к тому времени в пассивную жизненную фазу, был вынужден согласиться, и между любящими происходит последнее душераздирающее прощание. Практически сразу же после расставания, Сидзука была предана одним из тех, кто должен был сопровождать ее в столицу.

Ее арестовывают и привозят в Камакура. Здесь она была допрошена на предмет места пребывания ее возлюбленного, однако упорно отказывалась предать его. Когда обнаруживается, что она беременна, повелитель Камакура издает указ казнить всех младенцев мужского пола,

дабы не дать выжить ни одному потенциальному наследнику Ёсицунэ. Как можно было вполне предположить, у Сидзука рождается мальчик. Новорожденного, в соответствии с приказом, привозят на побережье в Юигахама и разбивают ему голову о скалы. Позже несчастной матери приказывают танцевать в храме Хатимана — бога войны, в присутствии Ёритомо и его приспешников.[202 - По «Адзума Кагами», знаменитый танец был исполнен перед рождением ребенка. В данном случае поздняя, легендарная версия представляется более вероятной: женщины в поздний период беременности обычно не бывают отменными танцовщицами; выступление же Сидзука в Камакура, как передают, являлось одним из самых ярких в ее блестящей карьере.] Она соглашается, но только лишь для того, чтобы иметь возможность сымпровизировать вызывающую песню с похвалой Ёсицунэ. Несмотря на такое оскорбление, ей позволяют на следующий же день вернуться в Киото. Там прекрасная женщина обрезает свои волосы и становится монахиней. Она умирает на следующий год в возрасте двадцати лет, будучи не в силах вынести тяжесть воспоминаний, — и должным образом занимает свое место в цикле легенд о Ёсицунэ в качестве замечательной романтической фигуры. Хотя в основном история Сидзука — фикция, и хотя ее роль — всегда подчиненная по отношению к возлюбленному, ее можно рассматривать в качестве первой (и одной из очень немногих) японских героинь, потерпевших поражение.[203 - И Сидзука, и Бэнкэй представляются «сборными» персонажами, относимыми к отличным от Ёсицунэ уровням историчности (о котором мы располагаем проверенными историческими фактами). В свою очередь, Ёсицунэ гораздо менее «историчен», нежели Ёритомо, поскольку практически все сохранившиеся о нем сведения густо замешаны на легендах. Тем не менее, все подобные разграничения производятся лишь учеными; для большинства японцев реальность Бэнкэя, Сидзука, Ёсицунэ, Ёритомо и остальных персонажей примерно одинакова.Сидзука — пример выдающегося женского характера; ее можно принять в качестве типа «героини поражения», полулегендарного персонажа, сопровождающего своего любимого. Когда бы я ни спрашивал японцев о неудачно закончивших свой жизненный путь героинях в истории их страны, они упоминали имя Сидзука. О другой героине того же типа и того же периода см. Томоэ.Прежде, всего из-за того, что период военной гегемонии длился столь долго и на всем его протяжении женщины из самурайского сословия занимали все более и более подчиненное место, в японской истории сравнительно мало героинь (как удачливых, так и неудачливых) — исключая, разумеется, таких представителей культуры, как Оно-но Комати и Мурасаки Сикибу.В самурайской среде отношение жены к мужу принципиально не отличалось от его отношения к своему господину и основывалось, таким образом, на полной и безусловной лояльности и подчиненности. Эти отношения вкратце описаны и оправданы у Нитобэ.Полная женская самоотдача ради блага своего мужа, дома и семьи была столь же добровольна и почетна, как и полуотдача мужа ради блага его господина и страны. Самоотреченность, без которой неразрешимой остается любая загадка жизни, была основой мужской лояльности, точно так же, как и приверженности женщины дому. Она являлась рабой мужчины не более, чем ее муж — рабом своего непосредственного начальника, и роль, которую она играла, рассматривалась в качестве _найдзё_—_«внутренней помощи». В оценочной шкале высшее место занимала женщина, обращавшаяся в прах ради мужа для того, чтобы тот мог обратиться в прах ради господина, который, в свою очередь мог следовать велениям Небес. (Nitobe, _Bushido:_The_Soul_of_Japan_, Rutland, Vt. and Tokyo, 1969 [впервые издано в 1905], с. l46.Те героини, которые все же появлялись за время долгого периода военного правления (с середины XII до середины XIX века), редко были одиночками; чаще они выступали вместе со своими мужьями или близкими родственниками мужского пола, отражая их доблесть и славу точно так же, как и вассал — каким бы храбрым он ни был — мог всего лишь усилить престижный отсвет своего господина. Так, наиболее выдающиеся женщины XII века Томоэ, Сидзука и Масако

получили возможность обрести героический статус посредством своих мужей, — соответственно Ёсинака, Ёсицунэ, Ёритомо, Подобно этому, знаменитая героиня XVI века Оити-но Ката (которая по легенде являлась, подобно Сидзука, самой прекрасной женщиной своего времени) храбро бросила вызов своему брату — всемогущему Ода Нобунага и совершила вместе со своим мужем Сибата Кацуиэ знаменитое самоубийство в стиле ницшеанского _Gotterdammerung_ («Сумерки богов») в замке Кита-но Сё (1583); и все же главную роль в этом финальном акте героизма сыграл Кацуиэ, а не его жена. Опять-таки, Яманоути Кадзутоё-но Цума (1557–1617) была одной из самых почитаемых женщин своего времени, однако, как мы можем судить уже по одному ее имени («Жена Яманоути Кадзутоё»), слава к ней пришла через посредство ее мужа. Грация Хосокава (1563–1600) — знаменитая женщина, принявшая христианство — представляется одной из немногих героинь в японской истории, которые превзошли своих мужей в благородной жертвенности и славе.]

Если не считать Бэнкэя, Сидзука и трех других до конца преданных спутников, во время своего периода несчастий Ёсицунэ был лицом, практически изолированным от людей. Отчего же предводитель, ставший столь неимоверно популярным после своих военных побед, внезапно превращается в человека слабого и всеми покинутого? Поскольку недостаток поддержки явился главной причиной его столь полного крушения, для понимания его героической карьеры такой вопрос — далеко не праздный. Одним из основных слабых моментов позиции Ёсицунэ было то, что военная поддержка, которой он располагал в свои победоносные годы, полностью зависела от его должности заместителя Ёритомо. Младший брат, являвшийся вассалом повелителя Камакура, сам не имел достаточно сильных феодальных последователей. Командиры, сражавшиеся с ним в битвах против Тайра, в основном были преданными Камакура, и как только для них стало ясно, что он впал в немилость у Ёритомо, они не шевельнули пальцем, чтобы вмешаться на его стороне. Когда разрыв стал окончательным, и Ёсицунэ попытался набрать в провинциях своих собственных последователей, его попытки были безуспешны. „Воины провинции Оми не присоединятся к Ёсицунэ“, — записано в одном из дневников тех времен, „…и хотя он повсюду искал самураев-[единомышленников], мало кто согласился ему помогать.[204 - Из «Гёкуё» — дневника Фудзивара-но Канэдзанэ (1149–1207).]“

Многие из самураев, которых Ёсицунэ пытался привлечь на свою сторону, возможно, симпатизировали молодому генералу, однако, являясь членами клана Минамото, они прежде всего признавали своим начальником Ёритомо и видели, что шансы Ёсицунэ на успех был слишком малы, чтобы оправдать их измену повелителю Камакура. Они не только не собирались выступать за дело, обреченное на провал, но напротив — после длительного периода смут с нетерпением ожидали стабильности, которую обещал установившийся режим Ёритомо. Как обычно случается, после годов напряженности и кровопролития наступает спад того, что профессор Гастон Буту называет _l’impulsion_belliqueuse_[205 - Фр. «импульсивная воинственность»] и даже среди профессиональных солдат возникает общее желание мира и безопасности. Большинство из его воинов-сподвижников, вполне возможно, признавали и ценили Ёсицунэ за храбрость, искренность и другие личные качества, однако при всем этом они видели, что сопротивление камакурским властям сохранит в стране хаос, тогда как окончательная победа Ёритомо консолидирует силы и создаст эффективное военное правительство, которое окончательно установит порядок в стране и гарантирует незыблемость их позиций.

Помимо всего этого, стремление Ёсицунэ вербовать последователей затруднялось его импульсивным, непрактичным, индивидуалистическим характером. Он совершенно не обладал умением маневрировать и способностью своего брата использовать людей в своих целях. Будучи хорошим предводителем для своих солдат, он, в то же время, не обладал талантом ладить со своими командирами, и мы знаем, что многие генералы Ёритомо его не любили. Иными словами, Ёсицунэ был битой картой в политике, по своему темпераменту неспособным к маневрам, холодному планированию и компромиссам, которые необходимы для продолжительного успеха в этом мире. Соответственно, когда наступил кризис, он не смог получить поддержки от капитанов, располагавших большим количеством людей под своим командованием, и был вынужден довольствоваться небольшой группой лояльных последователей, многие из которых были горными разбойниками, монахами-воинами и вообще — личностями вне закона, которых соединяли с ним тесные личные связи. Одного за другим его сторонников загоняли к заливу военные силы Камакура, где их пытали, убивали или принуждали совершить самоубийство, покуда Ёсицунэ не остался с жалкой горсткой спасшихся. Вместе со своей пестрой маленькой группой он, наконец, добрался до своего последнего пристанища на северо-востоке.[206 - Бегство Ёсицунэ на северо-восток в качестве человека вне закона, которого преследуют, является легендарной традицией _сасураибанаси_ и типично для японского романтического героя, находящегося в расстройстве чувств.]

Прибыв в Осю, Ёсицунэ получил защиту и обещание постоянной поддержки со стороны Хидэхира — главы клана северных Фудзивара, который уже однажды в юности укрывал героя, когда тот спасался от преследования Тайра. Хидэхира был верховным правителем севера, и его автономную территорию в Осю можно рассматривать в качестве первого крупного феодального владения в истории Японии.[207 - Осю существовало в качестве практически независимого государства со времен долгих северных войн XI века, а его столица Хираидзуми превратилась во внушительный центр, в некоторых отношениях соперничавший с самим Киото. Огромный храм Тюсон славился обильным использованием золота (добытым из богатых копей в Осю) для украшений, которые создавали некоторые из величайших художников позднего периода Хэйан. Для сравнения — ставка Ёритомо в Камакура представляла собой всего лишь грубый военный лагерь.] Его стратегическое положение в диком, отдаленном регионе, который защищала армия крепких и дисциплинированных воинов, делала его практически неприступным, и теперь, в 1187 году он являлся последним серьезным препятствием на пути к полной гегемонии Камакура. Ёсицунэ тайно поселился здесь в новой резиденции, которую Хидэхира построил ему между собственным особняком и рекой Коромо.

Как оказалось, решение героя остаться в Осю полностью устраивало Ёритомо. Сперва он потребовал, чтобы Хидэхира выдал беглеца, однако (как он и предполагал), его угрозы не произвели ни малейшего воздействия на доблестного старика-военачальника. Тогда, под предлогом необходимости „строго наказать“ своего непокорного брата, повелитель Камакура стал принуждать двор отдать приказ атаковать Осю. Даже на этой поздней стадии, когда Киото было полностью деморализовано всеподавляющей мощью Камакура, бывший император колебался, прежде чем издать столь фатальный эдикт. А в это время в Осю произошло событие, которое помогло Ёритомо в достижении его планов и ускорило для героя приближение

катастрофы. Когда Ёсицунэ прибыл к Хидэхира, ища у него защиты, предводителю шел уже девяносто первый год (фантастический возраст для тех времен), и всего через несколько месяцев после этого он умер. Последним его указанием своему сыну было продолжать укрывать Ёсицунэ от гнева Камакура. Можно предположить, что он знал, что Ёритомо воспользуется его смертью и хотел предупредить возможность того, чтобы молодого человека, которого он укрыл, предали.

Услыхав печальное известие, Ёсицунэ сломя голову поскакал к дому Хидэхира. Смерть старого предводителя явилась для него ударом не только в практическом жизненном плане, но и в эмоциональном, поскольку фактически Ёсицунэ был сиротой, и Хидэхира заменил ему и отца, и брата. В „Сказании о Ёсицунэ“ весьма типично отражено охватившее его ощущение одиночества.

„Увы, — воскликнул Ёсицунэ, — я бы никогда не пустился бы в такой долгий путь, если бы не верил [господину Хидэхира]. Я потерял отца, Ёситомо, когда мне был всего лишь год. Хотя моя мать и осталась в Киото, наши отношения стали напряженными, так как она приняла сторону Тайра. У меня было много братьев, но их настолько жестоко разлучили, что ребенком мне ни разу не довелось их увидеть. А [затем] Ёритомо стал моим врагом. Ах, никакое расставание родителя с ребенком не может быть печальнее этого“.[208 - _Гикэйки_ («Сказание о Ёсицунэ») в изд. «Котэн нихон бунгаку дзэнсю», Токио, 1966, с. 209.]

В день похорон Ёсицунэ появился на кладбище в белых траурных одеждах: „И так велика была его грусть, что он желал оставить этот мир вместе с [господином Хидэхира]. Там, в пустынном заросшем кустарником месте Ёсицунэ произнес свое последнее прощание, а затем повернул назад, — одинокая, достойная сожаления фигура“.

Предсмертные опасения старого предводителя оказались вполне оправданными. Как только известие о его смерти достигло Камакура, Ёритомо увидел в этом новые возможности и отослал послание с обещанием оставить Осю в покое при условии, что его брат будет выдан властям.[209 - Похоже, что из-за различных предрассудков и причин религиозного характера для самого Ёритомо было невозможным атаковать своего брата именно в то время. Идеальным решением проблемы стало убедить хозяев Ёсицунэ сделать всю работу за него. Ватанабэ Тамоцу, _Ёсицунэ_. Токио, 1966, с.214.] Ясухира — новый глава северных Фудзивара — хладнокровно проигнорировал последнее желание своего отца, решив, что было бы глупым продолжать сердить Камакура ради беспомощного беглеца.[210 - В легенде Ясухира фигурирует как еще один суперзлодей — непочтенный, предательский, трусливый и грубый. Кроме всего прочего, о нем сообщается, что он убил своего младшего брата и бабушку с отцовской стороны.] В четвертый месяц 1189 года он коварно нарушил обещание, данное Ёсицунэ, приказав внезапно атаковать его жилище.

В битве у реки Коромо, по несколько преувеличенным данным, против Ёсицунэ и его маленькой группы из девяти бойцов[211 - 11 других воинов из укрепления в Коромо, похоже, оставили своего господина в тяжелый час. Это сократило силы Ёсицунэ на 50 %, однако нельзя сказать, чтобы

намного изменило соотношение сил в сражении.] выступила атакующая сила где-то в тридцать тысяч человек. В такой малообещающей ситуации основной целью японского воина является продать свою жизнь по возможности дороже, захватив с собой на тот свет возможно большее количество личного состава противника. По легенде, сподвижники Ёсицунэ проявили чудеса храбрости и воинского искусства, пока их одного за другим не убили или не ранили насколько серьезно, что им пришлось совершить самоубийство.

В „Сказании о Ёсицунэ“ дается наиболее подробная версия первой части легенды. В то время, как снаружи кипело сражение, сам герой, укрывшийся в укреплении с женой и двумя детьми, спокойно восседал, читая нараспев сутры.[212 - Судя по изложенному в «Сказании о Ёсицунэ», его жена была дочерью Минамото-но Мититика, государственного деятеля и известного поэта; однако ее происхождение неясно, и традиционное предание, что она сопровождала своего мужа-героя во время его долгого бегства в Осю, — почти наверняка выдумка. Различные описания спутниц Ёсицунэ представляются запутанными и противоречивыми.] В такой ситуации подобное поведение может показаться несколько странным, однако оно вполне соответствует той элегантной, пассивной роли, что приписывается Ёсицунэ в заключительной фазе его жизни. Он дошел до восьмой книги Сутры Лотоса Благого Закона, когда вбежал Бэнкэй и сообщил своему хозяину, что в живых остался только он и еще один воин. „Теперь, когда все так повернулось, — добавил Бэнкэй, — я решил прийти и последний раз с вами проститься“. Ёсицунэ ответил, что, хотя они уже давно решили умереть вместе, теперь это стало невозможным, так как он не может выйти наружу, рискуя встретиться с недостойным противником.[213 - «Обычные восточные прислужники», как он их называл («Гикэйки», с. 212). Ясухира, который (несмотря на предательскую сущность) мог бы составить социально достойную партию, не принял участия в сражении, предположительно потому, что не желал подвергать свою жизнь какой бы то ни было опасности.] Поэтому он просит Бэнкэя вернуться в бой и сдержать атакующих еще какое-то время, чтобы никакой головорез не смог ворваться и помешать ему покончить жизнь самоубийством: „Мне осталось дочитать всего несколько строк сутры. Охраняй меня своей жизнью, покуда я не закончу“.[214 - В предсмертном стихотворении Ёсицунэ говорится, что он хотел бы воссоединиться с Бэнкэем в следующей жизни.]

После обмена стихами, едва сдерживая слезы, Бэнкэй выбегает навстречу своему последнему бою, в котором его боевая суть проявилась наиболее блистательным образом. Его сподвижник пал, и Бэнкэю приходится сдерживать натиск наступающих одному. Вновь и вновь, как одержимый, он бросается на врагов, убивая их десятками, покуда уже никто не решается к нему приблизиться. Затем наступает временное затишье, когда он стоит посреди них, — громадная фигура, чьи черные доспехи истыканы стрелами, выпущенными со всех направлений. Последние его мгновения напоминают посмертную атаку Эль Сида, привязанного к спине лошади:

— Взгляните на него! Он готов перебить нас всех. Недаром он уставился на нас с такой зловещей ухмылкой. Не приближаетесь к нему! — сказал один из врагов.

Другой возразил на это: — Бывает, что храбрецы умирают стоя. Пусть кто-нибудь подождет и посмотрит.

Они принялись препираться, кому идти, и все отнекивались, и тут какой-то молодой воин на коне промчался вблизи от Бэнкэя. А Бэнкэй был давно уже мертв, и скок коня его опрокинул. Он закостенел, вцепившись в рукоять алебарды, и, когда повалился, всем показалось, будто он замахивается на них. Раздались крики:

— Берегись, берегись, он опять лезет!

И нападавшие в страхе попятились, натягивая поводья. Но вот Бэнкэй упал и остался недвижим. Только тогда враги наперегонки бросились к нему, и видеть это было отвратительно![215 - «Сказание о Ёсицунэ» (пер. А.Стругатского). М., «Художественная литература», 1984, с.253.]»

Такая тактика Бэнкэя дала возможность его господину закончить чтение и приготовиться к собственной смерти. Сидя в своей буддийской часовенке, Ёсицунэ обратился к стражу своей жены, доблестному воину по имени Канэфуса, и спросил, как ему следует совершить самоубийство. Канэфуса порекомендовал способ, использованный Таданобу — одним из самых стойких приверженцев Ёсицунэ, который убил себя в столице, дабы избегнуть пленения. «Даже сейчас люди не перестают расхваливать его», — объяснил Канэфса. «Да, это приемлемый способ, — сказал Ёсицунэ, — рану лучше сделать широкой». Когда дело дошло до столь ужасающего поступка, он не выказывает ни намека на колебание и никакой пассивности. Как и в жизни столь многих японских героев, этот момент представляется самым значительным из тех, которых он так ждал; создается впечатление, что весь ритуал был тщательно отрепетирован. Приняв решение, он достает знаменитый меч, подаренный ему, тогда еще мальчишке, настоятелем храма Курама, и который он всегда носил при себе, начиная с первых походов на Тайра.

И вот этот самый кинжал он вонзил себе под левый сосок и столь глубоко что острие едва не вышло из спины. Он расширил рану на три стороны, вывалил наружу свои внутренности и вытер лезвие о рукав, затем подсунул кинжал под колено, накинул сверху одежду и оперся на подлокотник.[216 - Практикование разрезания живота началось, вероятно, во времена жестоких боев в провинциях на северо-востоке в XI веке, однако первый зафиксированный случай «харакири» произошел менее, чем за 20 лет до смерти Ёсицунэ. Это — самоубийство Минамото-но Тамэтомо, лучника с фигурой Гаргантюа (ростом выше двух метров, обладавшего силой четверых), который, будучи в 1170 году атакован правительственными войсками и лишившись всех своих сподвижников, распорол себе живот и умер в возрасте 33 лет; позже он стал героем многочисленных пьес театра Кабуки.Почему именно эта из форм самоуничтожения утвердилась среди самурайства, и не только как стандартный способ избежать позора и отстоять свою честь (_сэцудзёку_), но как официальное наказание, предписывавшееся высшими властями, как метод

самоубийства слуги после смерти своего господина (_дзюнси_) и как крайний способ протеста против ошибочных действий вышестоящих (_канси_)? Прежде всего, она была избрана, как мучительно-болезненная форма самоуничтожения, являвшаяся в сути медленной пыткой, предшествовавшей собственно смертельному удару, который обычно наносился мечем «секунданта», которого именовали _кайсяку-нин._ Такой выбор предельных страданий без сомнения был соотнесен с тенденцией к умерщвлению плоти в Дзэн (ставшей основной религией самураев), а также с идеей, что членам элитарного воинского класса надлежало демонстрировать уникальное мужество и упорство, подвергаясь агонизирующему испытанию, которое простолюдины (или женщины) просто не могли вынести. Говоря о потерпевших поражение членах Лиги Божественного Ветра (1876), Мисима пишет: «Они знали, что яд был самым эффективным способом самоубийства, но отвергали этот женоподобный пути сведения концов с жизнью». Mishima Yukio, _Runaway_Horses_, 1973 [перевод Gallagher], p.95.В терминах психологии, стремление человека к боли отражает как крайнее волевое утверждение, так и ожидание почтения, которое он получит за то, что избрал самую болезненную из форм самопожертвования; подобно самоубийству в целом, оно включает трансформацию садистической фантазии в мазохистическую. Полное описание садистической основы самоубийства и страдания всех видов, причиняемых себе, см. у Theodor Reik, _Masochism_and_the_Modern_Man_, New York, 1941, esp. pp.7-67.Однако, почему именно разрезание живота, а не какой-либо иной способ самоистязания? _Хара_ (живот), помимо того, что является физическим центром тела, традиционно считался средоточием внутреннего человеческого бытия, местом, в котором концентрировались его воля, дух, благородство, негодование, храбрость и другие основные качества. В этом смысле данное слово аналогично грубому английскому «guts» (как в выражении «he is full of guts»), однако его значение гораздо шире и достойнее и проявляется в многочисленных идиомах, таких как _хара_га_оокии_ («большой живот» = щедрый, великодушный), _хара-о_татэру_ («ставить живот»=раздражаться, обижаться) и _хара-о_кимэру_ («решаться животом» = утвердиться в своих намерениях). Таким образом, совершить харакири путем разрезания своего живота было способом самоубийства (или, вернее, пред-самоубийства), при котором самурай пользовался своим мечем — внешним символом своего духа для раскрытия всех глубин своих наиболее великих эмоций.Когда Нитобэ Инадзо составлял свою знаменитую книгу «Бусидо: дух Японии» — частично в целях объяснить и оправдать воинственные традиции своей страны перед читателями-христианами в Европе и Америке — он прилагал много усилий, чтобы отыскать в западной культуре параллели некоторым причудливым японским обычаям, таким как харакири:Когда Моисей писал, что «внутренности Иосифа тоскуют по его брату», Давид молил Бога не оставить его внутренности, или когда Исайя, Иеремия и другие вдохновленные люди в древности говорили о «звуках» или «волнении» кишок, все они и каждый из них подтверждал верование, распространенное среди японцев, что душа человеческая заключена в полости живота. (Nitobe Inazo, _Bushido_, pp. 112–113.)Пожалуй, лучше всего на западном языке предмет освещен в _An_Account_of_the_Hara-Kiri_ by A.B. Mitford (позже Лорд Редесдэйл) в кн. _Tales_of_Old_Japan_, London, 1833, приложение А. Митфорд приводит описание (стр.355–360) церемонии харакири, которую он наблюдал лично в Кобэ в 1868 году в качестве официального представителя британского правительства. Он заканчивает свое мрачное описание следующим комментарием:Церемония на всем своем протяжении отличалась чрезвычайным достоинством и педантичностью, характерными для всех процедур, в которых участвуют высокоставленные японские джентельмены… Несмотря на глубокое потрясение ужасной сценой, невозможно было в то же время не преисполниться восхищением твердостью и мужеством, с которым переносились мучения, а также крепостью нервов _кайсяку[-нин]_, исполнявшего свой последний долг перед господином. Ничто так ясно не раскрывает силу

воспитания. Самурай, или джентльмен из военного сословия, с ранних лет привыкает смотреть на «хара-кири», как на церемонию, в которой ему когда-то придется сыграть либо первую, либо вторую роль. В старомодных семьях, сохраняющих традиции древнего рыцарства, ребенка наставляют в ритуале и знакомят с идеей самого акта, представляя его в качестве возможности почетного искупление проступка или смывания позора. И, когда наступает момент, он готов к нему и храбро встречает тяжелое испытание, большая часть ужаса которого снята ранними тренировками. В какой другой стране мужчина усваивает, что последним актом привязанности к своему лучшему другу может быть становление его палачом? [Митфорд, с.359.]Основные причины, по которым, себе разрезают живот, были суммированы в следующем разъяснении корреспонденту иностранной газеты, данном Мисима Юкио, который в типичной для себя манере соотнес их с концепцией _макото_ [искренность]:«Я не могу верить в западную искренность, поскольку она невидима, а вот в феодальные времена мы верили, что искренность пребывает в наших внутренностях и если было необходимо показать нашу искренность, нам приходилось разрезать животы и вынимать нашу видимую искренность. Это было также символом воли военного, самурая; каждый знал, что этот вид смерти наиболее болезненный. Причина же того, что они предпочитали умирать самым ужасными образом, заключалась в желании доказать мужественность самурая. Этот способ самоубийства был японским изобретением, которое иностранцам не скопировать.» (Цитируется в кн. Henry Scott-Stokes, _The_Life_and_Death_of_Yukio_Mishima_ [New York, 1974], p. 14.)Это было сказано в 1966 году — за четыре года до того, как Мисима претворил свою теорию в кровавую практику.С конца XVII веках типичным для данного японского ритуала стало со стороны _кайсяку-нин_ отсекать голову убивающего себя до того, как он начинал разрезать свои внутренности; особенно часто этот способ применялся при казнях, когда осужденный только делал вид, что режет, — зачастую просто царапал себя по животу до того, как его _кайсяку-нин_ наносил смертельный удар. Однако полный процесс этой пытки никогда полностью не исчезал: и вице-адмирал Ониси (1945), и Мисима (1970) решительно распороли себе животы в соответствии с древним ритуалом, следуя Ёсицунэ, Масасигэ и другим героям — своим предшественникам.]

Хотя он был еще жив, но двигаться уже не мог, и тягостная необходимость убить жену Ёсицунэ, его сына и дочь семи дней от роду пала на несчастного Канэфуса, который сперва колебался, но его госпожа настояла.[217 - Относительно детей Ёсицунэ, убитых в этой кровавой резне, источники не имеют единого мнения. По многим версиям был только один ребенок — девочка трех лет отроду.] Окруженный неподвижными телами, он стоит на подгибающихся ногах, вознося молитву будде Амида.

Ёсицунэ еще дышал. Он открыл глаза и спросил:

— Что госпожа?

— Уже скончалась. Она рядом с вами. Ёсицунэ пошарил рукой возле себя.

— А это кто?

— Это ваш сын.

Рука Ёсицунэ протянулась дальше и легла на тело супруги. Канэфусу душили слезы,

— Поджигай дом. Торопись. Враг близко.[218 - «Сказание о Ёсицунэ», с. 256–257.]

Это были последние слова Ёсицунэ. Он умер в своей часовне в возрасте тридцати лет — в том же самом возрасте, в котором прототипический герой Японии Храбрец из Ямато умер на равнине Нобо.[219 - Характерно японское слово _вакадзини_ («смерть в молодом возрасте») вызывает острое чувство «очарования вещей»; наверняка не является простой случайностью, что многие любимые герои японской истории умерли очень молодыми:_Им_не_следует_становиться_старыми,__Подобно_нам,_оставшимся_стареть.__Возраст_не_должен_утомлять_их,_годы_—_обрекать._Мисима Юкио страшился мысли, что он может быть все еще жив в неподобающем возрасте 45 лет и, таким образом, понимал, что, если желает быть рассматриваемым в качестве героя Ямато, ему не следует терять времени.] Как только Канэфуса увидел, что его господин мертв, он в грандиозном вагнерианском стиле немедленно поджег все постройки в укреплении, а затем окончил и свою жизнь бросившись в пламя, увлекая за собой одного из предводителей нападавших.

События, последовавшие за смертью Ёсицунэ, не вполне ясны, однако сообщалось, что людям Ясухира удалось достать тело Ёсицунэ до того, как оно сгорело в огне, и что оно было посмертно обезглавлено. Ясухира немедленно информировал, что он исполнил свои обязательства по сделке, — в Камакура был отправлен гонец с черным лакированным коробом, в котором была помещена в сладком рисовом вине голова героя для официального осмотра и опознания.[220 - Предательство Ясухира, как оказалось, было бессмысленным. Спустя всего несколько недель после смерти Ёсицунэ Повелитель Камакура атаковал и полностью разбил «северных Фудзивара» в короткой кампании, положив, таким образом, конец их славе, длившейся несколько поколений. Огромная территория Осю была включена в его собственные владения, либо роздана его вассалам в качестве награды. С этой последней победой Ёритомо успешно вышел из десятилетия гражданской войны, а в следующем году (1190) он впервые с триумфом вошел в Киото, где за его прибытием со страхом наблюдали бывший император и высшие дворцовые чины. Самому Ясухира удалось бежать на север, однако он был предан своим споспешником и убит. Предполагалось что, нападение Ясухира на Ёсицунэ было не только предательством, но и глупостью, поскольку в результате был уничтожен командир, способный организовать успешную оборону от неизбежного нападения сил Камакура. Это маловероятно. Военные таланты Ёсицунэ были не того типа, чтобы проводить долговременные оборонительные операции, необходимые для того, чтобы противостоять Ёритомо, раз уж тот решил двинуть на Осю свои много превосходящие численностью силы.] В средине шестого месяца гонец доехал до почтовой

станции Касигоэ — того самого места, где Ёсицунэ написал последнее просительное письмо своему брату — где ужасный трофей был исследован официальной инспекторской группой, включавшей старого врага героя Кадзивара-но Кагэтоки. Говорили, что даже этот бессердечный злодей был так потрясен, увидев изуродованную голову, что отвернулся, а другие члены группы (все люди военные) растрогались до слез.

Голова в черном лакированном коробе была признана принадлежащей Ёсицунэ, что и было доложено Ёритомо.[221 - Нигде не указывается, отчего сам Ёритомо не осмотрел голову Ёсицунэ. В то время он соблюдал многие религиозные запреты и, возможно, страшился стать ритуально оскверненным; не исключено также, что ему не улыбалась идея осмотра полуразложившихся останков брата, за смерть которого он был непосредственно ответственен.] На этом разговоры о его смерти прекратились, однако в последующие столетия растущая популярность героя привела к возникновению нескольких версий его чудесного спасения. Предполагалось, что для введения в заблуждение инспекционной группы в короб была подложена другая голова, а самому Ёсицунэ удалось бежать из горящего дома на север.[222 - Хотя все предположения о его спасении — сказки и выдумки, следует признать, что опознание головы героя не могло быть столь категоричным. Посланцу из Осю потребовалось около шести недель, чтобы достичь Косигоэ, а его окончательное прибытие было еще раз отложено из-за важной религиозной церемонии в Камакура. В жаркую летнюю погоду голова Ёсицунэ должна была находиться в состоянии активного разложения, несмотря на то, что была помещена в сладкое _сакэ,_ так что теоретически возможно, что даже такие люди, как Кадзивара, который его хорошо знал, могли быть введены в заблуждение подмененной головой.] По легенде, возникшей в эпоху Токугава, когда к развитию острова Хоккайдо проявлялся особый интерес, герой бежал на этот северный остров, где возглавил походы на врагов проживавших там айнов; последние с охотой провозгласили его своим предводителем, и он милостиво ими правил.[223 - В фольклоре айнов он известен под именем Окикуруми. «Хоккайдоская теория», изложенная в обширном историческом труде эпохи Токугава _Дай_Ниппон-си_, а также введенная в пьесу Тикамацу для кукольного театра «Дзёрури» _Ёсицунэ_сёгикэй,_ утвердила долгую связь между легендой о Ёсицунэ и северным островом. Во время эпохи Мэйдзи паровозы на Хоккайдо иногда назывались именами людей, фигурирующими в легенде; сам император Мэйдзи во время своего визита в Саппоро путешествовал на поезде, который тащил локомотив по имени Ёсицунэ. Другие паровозы на Хоккайдо назывались «Сидзука» и «Бэнкэй»; замечательно, что ни один никогда не был назван именем удачливого Ёритомо.] Другая история спасения рассказывает, что Ёсицунэ скрылся из Осю, прошел на север через Хоккайдо и остров Сахалин и наконец достиг Монголии, где начал новую жизнь под именем Чингисхана. Эта теория, состряпанная в поздний период эры Мэйдзи, без сомнений была соотнесена с честолюбивыми намерениями Японии в северной Азии. Если Чингисхан действительно являлся воином из рода Минамото XIII века, это могло бы рассматриваться японцами в качестве замечательного прецедента для их экспансии на континенте. Сторонники этой теории подчеркивали совпадения дат и те факты, что оба воина являлись искусными наездниками и умело вели атакующие действия; они также замечали, что имя Минамото-но Ёсицунэ может быть читаемо как «Гэнгикэй», что, действительно, близко по произношению к «Чингисхану». К сожалению, несовпадающие обстоятельства несколько более многочисленны и убедительны. Однако, есть еще одна теория, по которой Ёсицунэ прибыл в Китай и стал основателем Манчжурской династии.[224 - В отношении Сайго Такамори, существует подобная же легенда о спасении, — передавали, что он спасся с поля боя на Кюсю и проследовал в Россию. Существует также легенда, что Сугавара-но Митидзанэ покинул место своей ссылки в Дадзайфу и

уехал в Китай. (Вакамори, _Ёсицунэ_, с.37). Другой неудачливый герой XII века, Минамото-но Тамэтомо потерпел окончательное поражение в морском сражении (1170) и разрезал себе живот; по легенде, однако, он бежал на острова Рюкю, где основал новую правящую династию. Все эти истории, в которых за смертью исторического героя следует его сверхъестественное спасение или воскресение, отражают типично японское смешение реального и фиктивного миров. Ёсицунэ был знаменитой исторической фигурой, сыгравшей важную роль в реальных событиях XII века; несмотря на это, со временем, по прошествии нескольких веков, он стал все более подходить под архетипический образец мифического героя, гибель которого гарантирует выживание и стабильность общества. Во многих отношениях он аналогичен трагической фигуре прекрасного, детоподобного юноши Адониса, принесенного в жертву (его забодал насмерть дикий вепрь) и воскрешенного в качестве символа раннего цикла созревания всего живого. Точно так же пригожий молодой Ёсицунэ был доведен до смерти своим старшим братом (злой силой разрушения), а затем возвращен к жизни на Хоккайдо или на Азиатском материке. Мифический герой-жертва облечен сверхчеловеческими силами (например чудесное владение мечем Ёсицунэ, его посещение подземного мира и т. п.), но ему в конечном счете суждено погибнуть, что представляется неизбежным этапом естественного цикла: посредством периодических жертвований жизнью умиротворяются боги, судьба и проч., и этим обеспечивается естественный цикл. «Дикий ребенок» с горы Курама напоминает юного храброго Адониса; так же архитипично, что Ёсицунэ суждено быть круглым сиротой. В конечном счете козел отпущения должен быть жертвенно чист: в случае с Ёсицунэ это принимает форму моральной искренности и отказа быть коррумпированным в светские интригах.Как мы знаем от Дж. Г.Фрэзера и его последователей, ритуальное уничтожение героя или короля является центральной темой во многих частях света. Но, если на Западе архетипы принадлежат в основном к мифам, то в Японии они проектируются на реальные исторические фигуры. В многочисленных драмах о Ёсицунэ нам непременно даются прецеденты неисторических, в сущности — мифических элементов, противоречащих реальным фактам; поскольку Ёсицунэ — архетип юной жертвы, это означает, что в пьесах обыгрывается лишь вторая, «закатная» часть его жизни, без военных побед. В японском варианте мифа о смерти-воскресении ударение делается целиком на принесении героя в жертву, а не на его возрождении; за исключением легенды о Ямато Такэру, в которой превалируют магические элементы (например его посмертное превращение в белую птицу), тема воскресения не имеет важного значения.] Эти истории о последующей жизни Ёсицунэ отражают серьезный импульс, полученный фольклором и исполнены несомненной прелести, однако они никогда не принимались в качестве части основной легенды, центральная тема которой состоит не в том, выжил ли герой и что с ним стало дальше, но в том, что он обречен своей искренностью, в том, что у него отсутствует политическая проницательность, что и приводит его к славному поражению и к смерти в раннем возрасте.

Что можно вынести для понимания действительных характеров Ёсицунэ и его старшего брата из этой смеси фактов, полу-фактов и легенд? Из того, что известно о действительных обстоятельствах событий, кажется достаточно ясным, что падение Ёсицунэ было обусловлено определенными трагическими особенностями его собственного характера, которые не только сделали неизбежным столкновение с Ёритомо, но и определяли непременность его поражения при любом раскладе. Со времени, когда этот необузданный ребенок жил в горах Курама, он, казалось, превращается в резкого, порывистого, идущего напролом молодого человека, не особо почитавшего установленный порядок и авторитеты. Описания динамической части его жизни, до того, как он впал в элегантную пассивность, о которой рассказывают поздние легенды, дают

возможность предположить, что в отношениях со своими сподвижниками-полководцами он мог быть груб, вспыльчив и бестактен. В сражениях он был храбр и находчив, однако настаивал на том, чтобы быть предводителем и делать все по-своему, оставляя другим полководцам мало возможности прославиться. Список военных удач сделал его слишком самоуверенным, он не желал прислушиваться к советам; хотя никогда открыто не ставил под сомнение верховность камакурского правления, он зачастую самолично раздвигал рамки своих полномочий и действовал с той долей независимости, которая не могла не разъярить крайне властного Ёритомо.[225 - В соответствии с основной дихотомией «искренность-реализм», Ёсицунэ определенно нарушил «закон», бросив вызов своему старшему брату — главе клана Минамото, и с точки зрения холодного реализма (_хидзё_), он безусловно заслужил свой исход. Однако, если судить по эмоциональным критериям _насакэ,_ этот неуправляемый юноша, поставленные вне закона, безусловно был прав.] Если бы он безоговорочно подчинялся приказам, подобно своему довольно тусклому брату Нориёри, он бы никогда не стал героем, но без сомнений наслаждался бы гораздо более долгой и удачливой жизнью. Однако он явил собой типичный пример старой японской поговорки об опасностях индивидуализма: «Торчащий гвоздь ударяют по шляпке».

У Ёсицунэ был мягкий, отзывчивый характер, что по преданиям объясняет его популярность у дам и придворных в столице, а также среди священнослужителей в горных храмах. Лишенный в детстве направляющей родительской руки и любви, он очевидно надеялся на тесные отношения со старшим братом; однако в конце концов эти надежды рассыпались в прах и ему пришлось обращаться за помощью к старому предводителю клана Фудзивара-Хидэхира, смерть которого послужила последним ударом. Любящий, верящий, наивный и чистый Ёсицунэ по природе своей был лишен возможности трезвого расчета и планирования действий, которые необходим для мирских успехов; он не шел ни в какое сравнение с такими мастерами манипуляций, как Юкииэ, бывший император, Кадзивара и (прежде всего) повелитель Камакура. Непрактичность и политическая невинность Ёсицунэ являлись опасными слабостям, приведшими его к падению; однако, с японской точки зрения, они стоят в ряду его самых лучших черт, являясь естественными спутниками искренности (_макото_), определяющей настоящего героя.

Говоря о престиже его имени, пронесенном через века, следует заметить, что исторические свершения Ёсицунэ весьма скромны. Действительно, решительность и быстрота его военных маневров весьма ускорили поражение Тайра, однако к 1184 году баланс сил в стране был таков, что окончательная победа Минамото была неизбежна даже и без вклада, сделанного Ёсицунэ. Весьма забавно, что свою основную историческую роль герой сыграл в укреплении гегемонии Ёритомо. Прежде всего, он совместно с другими родственниками из Минамото провел военную кампанию против своего беспокойного кузена Ёсинака, а затем — против Тайра.[226 - Даже после поражения Тайра Ёритомо продолжал свою политику стравливания своих потенциальных оппонентов из числа Минамото. В 1185 году он приказал Ёсицунэ напасть на его дядю Юкииэ; только после его отказа Ёритомо понял, что он больше не сможет использовать младшего брата в своих особых целях и обрушился на него со всей яростью.] Это позволило самому Ёритомо спокойно оставаться в Камакура и объединять под своим контролем восточную часть страны.

После того, как Тайра были разбиты, в Ёсицунэ и его воинских талантах перестали нуждаться, однако он вновь стал важной фигурой в роли беглеца и официального врага двора. Великая охота за человеком дала Ёритомо идеальный предлог расширить свой контроль на большие территории Японии за пределами восточных провинций, выставив Ёсицунэ в качестве опасного бунтовщика, схватить которого необходимо ради установления порядка в стране. Повелитель Камакура принудил двор согласиться на общегосударственное обложение налогом в форме рисовых поборов, с помощью которого, якобы, оплачивалась эта кампания. Он также ввел систему назначений полицейских и управляющих из рода Минамото, которые теперь представляли Камакура в различных районах и наблюдали за большими поместными землями, производившими основное богатство страны. Эти меры отмечают действительное начало феодализации; в японской истории они гораздо более значимы, нежели охота за обреченным беглецом-одиночкой.

Долгие поиски своего брата также позволили Ёритомо узнать своих настоящих друзей при дворе, в храмах и прочих местах. Члены аристократии, поддерживавшие Ёсицунэ, были смещены со своих постов, а иногда и судимы; императорское правительство в столице было реорганизовано по принципам, удобным для Камакура. Все это явилось частью того, что сам Ёритомо насколько напыщенно именовал «началом страны» (_тэнка-но_сосо_) иными словами, — новый порядок в Японии. Последняя служба, которую сослужил ему герой, заключалась в том, что он нашел пристанище у северных Фудзивара, дав тем самым Ёритомо необходимый предлог уничтожить своего последнего потенциального оппонента и включить огромные территории Осю в свои наделы.[227 - После смерти Хидэхира вопрос о том, продолжать ли защищать Ёсицунэ, вызвал ослабляющий раскол среди предводителей Осю, что очевидно облегчило силам Камакура задачу завоевания их территории. (Вакамори, _Ёсицунэ_, с.214.)]

Уже во время своего проживания в столице, Ёсицунэ стал жертвой политической интриги отошедшего от дел императора, постаравшегося использовать его в своей игре против Ёритомо. Теперь очевидно, что старший брат использовал его на каждом этапе своей жизни для достижения своих целей, и наконец уничтожил. Но опять-таки, именно эта невинность и жертвенность не только не принижает светлый образ Ёсицунэ, но еще и добавляет ему героической остроты.

В противоположность своему несчастному брату, основный вкладом которого было предоставление себя для использования другими, Ёритомо заявил о себе, как об одном из истинно творческих лидеров в японской истории, который свел воедино новые системы администрации, законопорядка и дисциплины, во многом превосходившие те, что сохранялись до этого на протяжении долгих веков. Хотя старое гражданское правительство в Киото, основываясь на престиже императорской фамилии, в теории продолжало осуществлять высшую власть в стране, центр Минамото в Камакура, основанный Ёритомо в самом начале как исключительно военная ставка, стал вторым центром в стране, из которого и проистекала вся реальная власть. С самого начала своего выступления против Тайра в 1180 году Ёритомо сконцентрировался на администрировании и политике, направляя все движения из отдаленной восточной базы и ни разу не предводительствуя армией. Наконец в 1192 году, когда его правление

консолидировалось, а сам он стал непререкаемым политическим хозяином страны, он взял себе титул «Сёгун» — Верховный Командующий. В придворной иерархии это был сравнительно низкий ранг, но он подразумевал контроль над архиважным воинским классом. И хотя реальное военное правление недолго оставалось у наследников Ёритомо в его семье, правление сёгуната, которое он создал в конце XII века, в той или иной форме просуществовало почти семьсот лет.[228 - Ёритомо умер в 1199 году, и прямая линия родства от него прервалась в 1219 году, — частично благодаря его умению уничтожать своих близких родственников, однако самые значительные семейства сёгунов в последующие века (Асикага и Токугава) вели свое происхождение от семейства Ёритомо.Интересно представить себе — что могло бы случиться, если бы Ёсицунэ удалось каким-то образом взять верх в борьбе со своим старшим братом. По всей вероятности, это означало бы усиление уже наличествовавшей разобщенности и беспорядка в стране, поощряемого влиянием бывшего императора, который бы не преминул попытаться возглавить ведущие фракции военного сословия, разобщенные в попытках усилить относительную власть двора.]

Хотя Ёритомо признается историками, как один из наиболее замечательных исторических деятелей Японии, его роль в легенде (и в многочисленных пьесах и других литературных произведениях, основанных на ней) играет почти абсолютный злодей; здесь он представлен в качестве «удачно оставшегося в живых», махинации которого привели к падению достойного всяческой жалости и любви героя. В то время, как галантный Ёсицунэ и небольшая группа его последователей занимают центр сцены, повелитель Камакура «реет» на задворках — бессердечный, хладнокровный человек, живущий ненавистью к своим врагам и жаждой личной власти. После поражения Тайра он, как сообщают, приказал, чтобы маленьких детей из вражеского клана утопили, или закопали живьем, а старших зарезали или задушили. Нам сообщают, что даже самые суровые из его восточных предводителей колебались — выполнять ли эти ужасные приказания, однако у них не было другого выхода. Затем, по легенде, жестокий, завистливый характер Ёритомо заставил его обратиться против популярного молодого героя Ёсицунэ и преследовать его до самой смерти. На самом деле повелитель Камакура имел вполне объяснимые причины не любить своего непокорного брата, видя в нем постоянный источник разобщенности и смуты в стране; однако, по легендарной версии, его вдохновляла исключительно зависть и мстительность.

С другой стороны, Ёсицунэ прочно живет в воображении людей как идеальный японский герой, жизнь и личность которого, — особенно в том виде, как она изложена в легенде, — воплощает в себе практически все черты, которые находят отклик в национальных чувствах. В сражении он был сообразителен и бесстрашен, в частной жизни — порывист, доверчив и искренен. Но прежде всего его любят за несчастливость судьбы и за поражение. Своеобразно японский тип пафоса отмечен в его жизни, начиная с ранней молодости, когда он бродил в одиночестве по улицам, наигрывая на своей меланхолической флейте,[229 - Во многих легендах Ёсицунэ предстает мастером игры на флейте. Это связано с его ролью элегантного придворного, а также помогает объяснить его успех у женщин. Но прежде всего — одинокий, заунывный, мимолетный звук японской _фуэ_ символизирует пафос короткой жизни Ёсицунэ. Его флейта играет важную роль в песне, от которой берет начало целый жанр баллады-драмы «дзёрури». В широко известной истории, рассказываемой в этой песне, Ёсицунэ очаровывает госпожу Дзёрури и ее спутников

звуками своей флейты. Она становится его наложницей, но он вынужден оставить ее ради того, чтобы продолжить свой путь на север.] и до последних лет, когда за ним уже охотились, в то время, как он был невинной жертвой человека более властного, более реалистичного и более хитрого, нежели он сам; когда его покинули все, за исключением горстки последователей, поставленных вне закона, и, наконец, когда его предали и принудили убить себя в раннем возрасте. Яркий успех Ёсицунэ в его боевые годы был предварительным условием его величия, поскольку он сделал последующее падение более впечатляющим и контрастным. В качестве квинтэссенции японского героя, ему удалось сохранить свой престиж на протяжении веков именно по причине своего трагического падения, что закрепило его имя в качестве символа эмоционального сочувствия побежденному.

Глава 6

«Семь жизней за страну»

При всех своих военных достижениях, Ёсицунэ наделен чертами бледного, хрупкого аристократа, а в драматических пьесах победитель в сражениях при Итинотани, Данноура и других эпических битвах в сущности изображается в образе женщины. Ни одного из подобных отголосков элегантного мира Хэйан не найти в облике буйного героя-головореза с диких гор Конго, находившего удовлетворение во всевозможных уловках и рискованных действиях, с презрением отвергавшего меланхолию и отчаяние, возвышавшегося (по легенде, если не в действительности) над своими современниками конца эпохи Камакура.

В то время, спустя полтора века после установления военного Камакурского режима, самурайский эпос распространился по всей Японии и овладел воображением людей. Хотя Минамото-но Ёсицунэ и Кусуноки Масасигэ оба пали с благородным величием и предстают наиболее выдающимися героями средневековья, разница между их характерами и образами жизни, которые отражены в соответствующих легендах, указывают, что на протяжении первого долгого периода военного правления в японском восприятии произошли значительные изменения.

Масасигэ — образ павшего мученика-роялиста — часто изображают под развевающимся знаменем у реки Минато, неподалеку от побережья Внутреннего моря. Он сидит на складном стуле, на нем сложный набор доспехов самурая XIV века, на лице — выражение отчаянной

решимости. Рядом бьют в большой барабан, призывая его последователей на решающую битву с врагами императора.[230 - Одна из интересных версий, упоминаемых Henri Joly, _Legends_in_Japanese_Art_ (London, 1908; Tokyo, 1967), p. 309, изображает героя сидящим на бухте каната с морским компасом в руке. Смоленая веревка напоминает изображение разгневанного Митидзанэ на пути в ссылку на Кюсю.]

Сражение у реки Минато — жестокая семичасовая битва, произошедшая в 1333 году в виду города Кобэ — явилось поворотным моментом в средневековой истории, и ее отголоски были слышны на протяжении столетий.

Практически в любой другой стране такой герой был бы храбрым завоевателем, который вел свои войска к славе и, хотя и мог быть убит на поле брани, обеспечил бы победу своему делу. Однако, будучи японцем, герой неизбежно становился на сторону проигравших. Масасигэ предвидел, что у реки Минато произойдет непоправимое также для всех, кого он поддерживал, и был прав. Для него сражение окончилось поражением; и, чтобы избежать позора плена, он был вынужден совершить харакири в крестьянском доме по соседству.

Такое поражение и эта смерть надолго сделали Масасигэ устойчиво популярным национальным героем. Приблизительно три века спустя Токугава Мицукуни, кузен правившего тогда сёгуна и выдающийся ученый националистического толка, посетил поле битвы у реки Минато и на месте предполагаемого захоронения героя укрепил табличку с простой надписью, выражавшей его ощущение острой утраты: «Ах, здесь лежит Кусуноки, верный слуга [императора]»![231 - _Аа_тюсин_нанси-но_бо_.] В XIX веке престиж Масасигэ достиг новых высот. В 1872 году на месте крестьянского дома, в котором, как считается, он покончил с собой, был воздвигнут значительный синтоистский храм; в нем поклоняются герою, как явившему исключительный пример преданности императорской династии.

Как вполне можно было бы предположить, Асикага Такаудзи, победитель в битве при реке Минато, который успешно основал новый сёгунат и по всем объективным причинам должен был бы считаться одним из поистине творческих представителей своего времени, стал проклят последующими поколениями, а имя его стало синонимом предательства. В период Реставрации его статуи в Киото были обезглавлены воинами-роялистами, а в 30-е годы XX века один из министров Кабинета был принужден выйти в отставку за то, что опубликовал статью, в которой Такаудзи оценивался положительно.[232 - H.Paul Varley, _Imperial_Restoration_in_Medieval_Japan_ (New York, 1971), p. 186.] Таковы посмертные награды в Японии за поражение и опасности, сопровождающие успех.

Когда в конце XIII века родился Кусуноки Масасигэ, центр реальной власти в Японии находился все еще в восточной столице Камакура, где столетие назад Минамото-но Ёритомо основал свою ставку и организовал первое в истории страны Бакуфу (военное правительство). Фактический же

контроль уже давно перешел от Минамото к Ходзё — сравнительно мало известному военному семейству, которое успешно консолидировало ту систему, которую импровизированно и с таким блеском создал Ёритомо в XII веке. На протяжении нескольких поколений своего правления Ходзё, которых отличала бережливость и высокий уровень честности, столь контрастировавшие с роскошью и эстетическим гедонизмом правящих классов ранних веков, сосредоточили в своих руках огромные богатства и личную власть. Это неизбежно вело к неудовольствию менее удачливых семейств воинского сословия а также аристократии в Киото, акции которой неудержимо падали, в то время как в Камакура росли.

Монгольское нашествие в конце XIII века закончилось полной победой Японии, однако поставило Бакуфу в несколько напряженное положение.[233 - Нашествия Хубилай-хана в 1274 и 1281 годах были первыми подобными потрясениями в японской истории, однако, за исключением регента Ходзё Токимунэ (1215–1284), из этой борьбы не вышло ни одного значительного исторического или легендарного лица. В действительности, реальным героем была неперсонифицированная сила природы — _Камикадзэ,_или Божественный Ветер, уничтоживший вторгшийся флот в самый критический момент и обеспечивший японцам победу. Вероятно, именно полнота разгрома монголов стала неблагоприятной для традиционного японского героизма; военное поражение могло бы дать ощутимый урожай героических поражений.] Побежденные захватчики не оставили никаких трофеев, которыми Камакура могла бы наградить своих воинов, а необходимость долгих приготовлений на случай новой атаки повлекла расходы, серьезно ослабившие военное правительство. Возможная компенсация представлялась несоответствующей и недостаточной. Японские средневековые самураи, при всех заявлениях о самоотверженной службе ради службы, обычно сражались, зная, что их жертвы и доблесть будут отмечены хозяевами и вознаграждены в форме земельных пожалований или иных материальных привилегий. Любое непредоставление подобных наград, или неравенство в их распределении вызывало резко негативные настроения.[234 - Знаменитый Свиток Монгольского Нашествия, один из лучших источников информации о первом нападении монголов, иллюстрирует доблестные действия одного воина по имени Такэдзаки Суэнага. Основной причиной изготовления свитка была необходимость подкрепить прошение Суэнага о вознаграждении; в некотором смысле это было показание под присягой в картинках. Суэнага прошел весь путь от Кюсю до Камакура дабы подтвердить свои притязания и, благодаря своей настойчивости, получил в конечном счете во владение поместье.Полвека спустя неадекватное распределение наград в подобном же случае послужило одной из главных причин неудачи Реставрации Кэмму. Предполагаемая безграничная приверженность Масасигэ императору особо впечатляет именно в сравнении с подобными малоромантическими примерами.] Среди воинов широко распространилось недовольство Бакуфу, — многие из них находились в стесненных обстоятельствах, — и в провинциях нарастали беспорядки. Ходзё, всегда считавшиеся образцом честности, обвинялись теперь в коррупции и злоупотреблением властью. И, хотя они продолжали крепко держать бразды правления, но уже не пользовались абсолютной поддержкой воинского сословия.[235 - Писатели традиционного толка, стремящиеся извлечь из истории примеры этического характера, подчеркивают моральный упадок последних представителей Ходзё, рассматривая его в качестве основной причины их падения. В этом случае они в точности соответствовали бы конфуцианскому образу продажных, жестоких, дегенерировавших правителей, лишившихся покровительства Неба и тем самым приведшую свою династию к краху. Полный набор «дурных» качеств приписывается Ходзё Такатоки, последнему из регентов Ходзё. На самом же деле, для объяснения причины падения

Ходзё вовсе не требуются подобные моральные доводы; произошло это прежде всего из-за трудностей экономического и политического характера.]

Недовольство правлением Ходзё достигло своего пика в начале XIV века. Как это часто случалось в японской истории, предлогом послужил спор о наследовании. Императорская фамилия, хотя и была уже с незапамятных времен лишена всякой практической власти, являлась как для воинов, так и для аристократов непререкаемым источником законности. Хотя финансовые трудности при дворе вынудили военное правительство покинуть императорский дворец, оно продолжало основывать свой авторитет на даруемых сёгунам императорских назначениях. Поскольку Камакура неизбежно вовлекалась во все осложнения императорского наследования, Ходзё прикладывали максимум усилий к тому, чтобы предотвратить какой-либо раскол, могущий привести к образованию при дворе враждебных фракций. Но в данном случае им это не удалось. Смерть императора Госага, ушедшего на покой в 1272 году, привела к самым яростным в истории страны спорам относительно наследования, и к тому времени, когда они разрешились — более века спустя — Ходзё были уже давно сброшены с вершины власти, японский феодализм претерпел коренные изменения, а власть находилась в руках новой династии военных правителей.

У каждого из двух сыновей Госага — старшего и младшего — по очереди наследовавших после него в качестве титулованных императоров, имелись влиятельные лица, поддерживавшие их при дворе. В 1300 году было решено, что представители этих генеалогических линий будут занимать трон попеременно.[236 - Сэр Джордж Сэнсом дает самое лучшее детальное описание спора о наследовании на английском языке. См. _A_History_of_Japan_to_1334_ (London, 1958), pp. 476-84.] Эта своеобразная система, принятая в Камакура, как лучший способ избежания внутренних столкновений, существовала сравнительно успешно на протяжении семи коротких правлений, последовавших за кончиной Госага; однако всегда оставалась опасность, что какой-нибудь честолюбивый, непокорный император попытается нарушить этот механизм, передав наследование своему собственному сыну, а не кузену другой линии. Таковой император явился в лице Годайго — представителя младшей линии. Наперекор воле Госага и политике Камакура, он намеревался не только обрести независимую власть, которой уже давно не пользовались правящие суверены, но и передать эту власть собственному сыну. Преследуя эти цели, Годайго был готов использовать растущее недовольство Бакуфу и его многочисленными экономическими затруднениями. Большинство из императоров того времени к моменту вступления на престол были детьми или юношами; обычно они и оставались юношами, либо им было немногим за двадцать, когда Ходзё принуждали их к отречению.[237 - Предшественником Годайго был император Ханадзоно, внук старшего сына Госага — Гофукакуса. Он вступил на трон в характерно юном возрасте 11 лет и отрекся в пользу Младшей Линии (представляемой Годайго), когда ему был 21 год. Его дед, император Гофукакуса, начал свое правление в 3 года и отрекся в 16.] Однако, во время восхождения на трон в 1318 году Годайго было уже за тридцать, и за период более чем в два века он был первым и единственным императором, правившим лично.[238 - Департамент Императоров-на-покое (_интё_), в котором вершилось большинство дел, имевших отношение к императорам, начиная с конца XI века, был официально упразднен через несколько лет после того, как император Годайго взошел на трон, что позволило ему сконцентрировать все оставшиеся нити императорской власти в своих руках.]

В учебниках и исследованиях по истории Годайго, девяносто шестой правитель Японии традиционно описывался выражением «хороший человек»; в течение националистического периода вплоть до 1945 года любая попытка очернить этого неудачливого монарха рассматривалась, как отсутствие патриотизма и дурной вкус. И в наши дни на уроках истории используются тексты с явным уклоном в пользу Годайго; в целом считается, что он был жертвой несчастливых событий и нелояльных подчиненных, а вовсе не глупого повторения собственных ошибок. Однако, любое объективное исследование его жизни сразу же умаляет его традиционный облик, обнаруживая неоднозначность и даже позорность сыгранной им роли. Действительно, Годайго обладал независимым духом, оригинальность и напористость которого позволяла ему выдвигать талантливых людей, не считаясь с иерархическими соображениями; он был серьезным ученым, интересовавшимся конфуцианством эпохи Сун и тем, как его положения применимы к государственным делам; он также был хорошим поэтом. Однако, его же отличительными чертами были упрямство и тщеславие. Он был гордым, надменным правителем, не терпевшим никаких препятствий; несмотря на свою интеллигентность и ученость, он преследовал свои честолюбивые цели с удивительным отсутствием всякого чувства реальности. Он был так же хитер и безжалостен, как и его предок Госиракава, но далеко не так проницателен в политике. Одним словом, японский герой не мог выбрать для поддержки более подходящего японского императора.

С самого начала своего правления Годайго намеренно противопоставил себя гегемонии камакурского правительства, и с течением времени он все более утверждался в стремлении бросить вызов военным выскочкам с востока и постепенно восстановить престиж и власть правящего суверена. Для обозначения своего недолгого правления он избрал себе имя Годайго («Дайго Второй») в память императора эпохи Хэйан, сопротивлявшегося поползновениям семейства Фудзивара около четырех веков назад.[239 - Благодаря проницательной политике своего отца, удалившегося от дел императора Уда, Дайго удалось править на протяжении 33 лет (897–930) без вмешательства со стороны регента или канцлера. По этой причине его превозносят в качестве одного из величайших императоров в истории Японии, однако, на самом деле, ему никогда не удавалось ослабить хватку могущественных Фудзивара, и после его смерти они вновь утвердили свое положение. Во времена Годайго регенты Ходзё играли роль аналогичную Фудзивара в X веке, и, раз власть возвращалась к императорской фамилии, для них было необходимо занять свое место. Дело, однако, обернулось так, что Ходзё были умело отстранены от власти, однако всего лишь с тем, чтобы дать дорогу новому поколению военных правителей. В ходе перемещений сам Годайго был смещен с трона, а его отпрыски (Младшая Линия) были навсегда от него отстранены. Таким образом, его политика оказалась еще менее успешной, чем у его предшественника в X веке, у которого он заимствовал имя. Однако, именно за это поражение Годайго и любят.]

Если бы Годайго предстояло оставаться императором долее обычного и передать бразды плавления сыну, который мог бы продолжить осуществление его целей, то необходимо было покончить с системой ранних отречений и поочередных занятий трона. Поскольку Бакуфу категорически отказывало в его просьбе, чтобы сын Годайго (а не принц из Старшей Линии) стал наследным принцем, а также поскольку ни один наследный принц не мог быть назначен без

санкции Камакура, становилось ясным, что, если император собирался реализовывать свои притязания, то рано или поздно режим Ходзё должен быть уничтожен.

Заговор по свержению «северных дикарей» зародился в Киото уже в 1324 году в группе настроенных против Бакуфу с весьма странным названием «Общество свободных и непринужденных».[240 - _«Бурэй_ко» —_названное так, потому что заговорщики хотели, чтобы их встречи казались просто неофициальными сборищами. Они собирались и пили, полураздетые, без шапок, с растрепанными волосами, одежда в беспорядке, — те, кто были монахами, снимали свои одеяния и оставались в длинных рубахах. Прислуживали им молодые девушки, лет по семнадцати, в легких одеждах, приносившие кушанья самых разных видов; вино же лилось, как из источника. Все присутствовавшие наслаждались песнями и плясками. Однако, посреди этого разгула удовольствий обсуждалось лишь одно — как уничтожить воинов Камакура. (George Sansom, _A_History_of_Japan,_1334–1615_ [London, 1961], pp. 6–7.)] Годайго почти наверняка был посвящен в заговор. В последовавшие годы он вступил в переговоры с целью возбудить против Бакуфу некоторые крупные буддийские храмы и некоторых диссидентствующих членов военного сословия. Однако, до того, как он смог воплотить в жизнь хотя бы часть своих планов, его маневры были предательски раскрыты камакурским правителям одним из его наиболее доверенных приближенных.[241 - Поскольку это — чрезвычайно сложный период японской истории, приводимая ниже хронология может быть полезной. Я разделил ее на четыре части:(1) 1331-33 Годайго против Ходзё, (2) 1333-35 Такаудзи поддерживает Годайго: Реставрация Кэмму, (3) 1335-36 Годайго (в Киото) против Такаудэи, 4) 1336-92 Годайго (в Ёсино) и его сподвижники против Такаудзи и его сторонников: период двух дворов.(1)1331 План Годайго свергнуть камакурское Бакуфу раскрыт, и в восьмом месяце он принужден бежать на гору Касаги, где к нему присоединяется Кусуноки Масасигэ. Силы Бакуфу атакуют и захватывают гору Касаги; Годайго пленяют; императора Когон возводят на трон и вручают ему (9-й месяц) императорские регалии (либо их копии).Силы Бакуфу атакуют и захватывают ставку Масасигэ в замке Акасака (10-й месяц).1332 Годайго в третьем месяце ссылают на острова Соки.Масасигэ и принц Моринага проводят партизанские набеги на силы Бакуфу, и в 12-м месяце Масасигэ вновь овладевает замком Асака.1333 Силы Бакуфу вновь захватывают замок Акасака (2-й месяц).Сражение при замке Тихая (2-й — 3-й месяцы).Годайго бежит с острова (2-й месяц). Асикага Такаудзи, генерал на службе у Ходзё переходит на сторону Годайго (4-й месяц).Силы роялистов под предводительством Нитта Ёсисада атакуют и захватывают Камакура; Ходзё Такатоки (регент) совершает самоубийство; падение власти Ходзё (5-й месяц).(2)Годайго возвращается в Киото, где назначает принца Моринага сёгуном, Такаудзи — главнокомандующим восточными провинциями, а Масасигэ — губернатором провинций Сэтцу и Кавати (6-й месяц). Годайго открывает отдел регистрации и департамент назначений.1334 Начало периода правления Кэмму. Годайго приказывает перестроить императорский дворец. Принца Моринага арестовывают и отправляют в Камакура (10-й месяц).1335 Ходзё Токиюки (сын Такатоки) захватывает Камакура; казнь принца Моринага (7-й месяц). Такаудзи берет Камакура и игнорирует приказ Годайго вернуться в Киото (8-й месяц).(3)Годайго посылает Нитта Ёсисада «строго наказать» Такаудзи в Камакура (11-й месяц).Такаудзи наносит поражение Нитта Ёсисада и двигается на Киото (12-й месяц).1336 Силы Такаудзи входят в Киото, Годайго бежит на гору Хиэй; вскоре после этого силы роялистов под предводительством Нитта Ёсисада и других принуждают Такаудзи бежать на Запад, и Годайго возвращается в столицу (1-й месяц).Такаудзи достигает Кюсю (2-й месяц).Такаудзи оставляет Кюсю и движется на восток (4-й месяц). Битва при реке Минато; Асикага побеждают Нитта Ёсисада и Масасигэ; Масасигэ совершает самоубийство; Годайго вновь бежит на гору Хиэй, Такаудзи снова

входит в Киото (5-й месяц).(4)Такаудзи возводит на трон императора Комё (Старшая Линия) (6-й месяц).Годайго возвращется в Киото (10-й месяц) и сдает императорские регалии (11-й месяц).Годайго бежит в Ёсино (12-й месяц): начало периода двух дворов.1338 Император Комё назначает Такаудзи сёгуном: начало эры Бакуфу-Муромати (Асикага).1339 Годайго умирает в Ёсино; гражданская война продолжается.1358 Такаудзи умирает в Киото; сёгуном становится его сын.1383 Роялисты прекращают сопротивление.1392 Два двора объединяются, однако наследование императорской власти остается за Старшей (Северной) Линией.] Под угрозой наказания официальными посланниками Бакуфу, в 1331 году Годайго несколько бесславно бежал из столицы. Он скрылся в горной области к западу от Нара, где нашел прибежище в монастыре, расположенном в предгорьях Касаги — живописной местности, откуда с высоты двух с половиной тысяч метров открывался прекрасный вид на долину с протекающей там рекой Кидзу.[242 - В последнее время Гора Касаги, расположенная приблизительно в 50 километров от Осака, стала местом паломничества туристов. Со времен бегства Годайго сохранился всего один из тогда многочисленных храмов. Гора знаменита огромными камнями с вырезанными на них различными надписями, авторство которых приписывается Кукаю и другим древним буддийским святым, однако, прежде всего она известна, как место, на котором национальный герой Масасигэ впервые присоединился к Годайго.] Здесь он был под защитой монахов-воинов, готовившихся отразить серьезную атаку, которая должна была последовать из Камакура.

Император находился в большом затруднении, поскольку не имел собственных войск, а из тех местных военачальников, которые присоединились к нему, ни один не располагал большими военными отрядами. Именно в этой критической ситуации Годайго привиделся знаменитый сон, побудивший его привлечь на свою сторону Кусуноки Масасигэ и способствовавший восстановлению его на троне.[243 - Сон и встреча описаны в _Тайхэйки_ («Хроника Великого Спокойствия»), издание «Нихон котэн бунгаку тайкэй», Токио, 1960, I: 96–98.] Серьезно озабоченный тем, как ему противостоять натиску Бакуфу, император дремлет, и ему вновь видится, что он находится во дворе своего дворца в Киото.

Его Величество увидел огромное вечнозеленое дерево с густой листвой, ветви которого по большей части были обращены к югу. Под деревом располагались Три Великих Министра и все другие высшие чиновники, сидевшие в соответствии со своим рангом. Главное место, обращенное к югу, было высоко поднято, благодаря множеству подложенных циновок, однако на нем никто не сидел.[244 - В Китае и Японии император и прочие высокопоставленные особы традиционно восседали лицом к югу.] «Для кого может быть приготовлено это место?» — подумал император, стоя там во сне. Вдруг появились двое детей с волосами разобранными и расчесанными на пробор. Преклонив колени перед императором они заплакали в рукава и молвили: «На всей земле нет такого места, где бы Его Величество смог укрыться даже на короткое время. Все же, под этим деревом есть место, сидя на котором обращаешься к югу. Это императорский трон, предназначенный для Вас. Пожалуйста, посидите там немного!» Затем император увидел, как дети поднялись в воздух и исчезли, — он немедленно проснулся.

Его Величеству показалось, что во сне ему явилось какое-то знамение небес. Он тщательно это обдумал и понял, что, расположив иероглиф «юг» рядом с иероглифом «дерево», получишь знак

«камфарное дерево», звучащий _кусуноки_. «Когда те двое детей попросили меня сесть под деревом, обратившись к югу, — подумал император, — это должно быть был знак от бодхисаттв Никко и Гакко, что я вновь обрету власть над этими пределами и буду управлять их народом».[245 - Букв, «дабы я обрел добродетели южной стороны». Двое бодхисаттв, имена которых буквально означают Великолепие Солнца и Великолепие Луны, прислуживают Якуси Нёрай (Бхайшаджья-гуру), Будде излечения. Во сне Годайго они обратились двумя плачущими детьми — плачущими, разумеется, по причине бедственного положения, в котором находился император.] Таково было благоприятное истолкование своего сна императором.[246 - Обычно сны императора и других важных персон объяснялись профессиональными толкователями (_юмэтоки_), однако в диких окрестностях горы Касаги таких экспертов не было, и Годайго пришлось давать собственную интерпретацию.]

Наутро Его Величество призвал Наставника Учения, монаха храма Касаги по имени Дзёдзюбо, и спросил его, нет ли в этих краях воина по имени Кусуноки. «Я не слыхал о ком бы то ни было с таким именем, — ответил монах, — однако к западу от горы Конго в провинции Кавати действительно живет прославленный воин по имени Кусуноки Тамон Масасигэ из охраны Среднего Дворца.[247 - Воин: букв, «сгибатель лука и стрелы». Гора Конго была высочайшей вершиной гряды на границе провинций Кавати и Ямато, приблизительно в тридцати горных милях к юго-западу от нынешней ставки императора. Знаменитые укрепления Масасигэ в Тихая находились на западных склонах этой горы.] Его генеалогия прослеживается…, до Министра Левой стороны господина Татибана-но Мороэ,[248 - Татибана-но Мороэ (683–757), один из самых знаменитых государственных деятелей своего времени, был потомком императора Бидацу (правил 570–585 гг.) в пятом (а не в четвертом) поколении. Он был рожден принцем Кадзураки, однако позже ему дали имя Татибана — одной из крупнейших аристократических фамилий в ранней Японии. В 743 году Мороэ был назначен на высший правительственный пост Левого Министра и какое-то время реально угрожал положению семейства Фудзивара, однако после его смерти Фудзивара быстро восстановили свое положение. В действительности представляется чрезвычайно сомнительным, чтобы Масасигэ имел столь представительного предка.] происходившего в четвертом поколении от императора Бидацу, однако его предки давно оставили столицу и поселились в провинции. Говорят, что, когда его мать была молода, она провела сто дней в храме Бисямон на горе Сиги, и там ей приснился сон, что у нее родится сын, которому нужно будет дать имя Тамон».[249 - Это не ошибка, как может показаться. Гора Сиги в северной провинции Кавати расположена неподалеку от Бисямон — знаменитого храма школы Сингон, известного еще под названием Тёгосонсидзи. Храм, гордо высящийся на восточном склоне, — место частого паломничества и туризма. Он посвящен Бисямонтэн — одному из Четырех Небесных Стражей буддизма, охраняющих людей, живущих на севере и считающийся также в Японии одним из Семи Божеств Счастья. Бисямонтэн известен также как Тамон, — название, подразумевающее нечто вроде «послание о доброй удаче, слышимое во всех направлениях», и это (несколько неверно) стало частью имени Масасигэ.]

Император понял, что это должен быть именно тот человек, о котором ему объявили во сне, и приказал своим слугам немедленно призвать Кусуноки Масасигэ… Когда императорский гонец прибыл в укрепление Кусуноки и передал императорское повеление, Масасигэ решил что ему оказывается высшая честь, которая только может выпасть на долю воина, и, не думая о выгоде,

или возможных потерях, немедленно втайне выступил в Касаги.[250 - _Дзэхи-но_сиан-ни-мо_оёбадзу_: букв, «не рассматривая — верно это, или ложно». Эта важная фраза подчеркивает самоотверженность, спонтанность, нерасчетливость, с которыми, по крайней мере, в соответствии с традиционными описаниями, Масасигэ посвятил себя делу роялистов, когда счастье Годайго находилось на самой низшей отметке.]

Его Величество обратился к Масасигэ через господина Фудзифуса:

«Решив положиться на вас в деле подчинения восточных варваров, мы послали гонца, дабы призвать вас, и нам весьма приятно, что вы с такой готовностью откликнулись на наш призыв. Поведайте же нам теперь, какой план вы бы выработали, дабы начать объединять страну воедино под нашим контролем? Как можем мы достичь быстрой победы и установить мир в пределах четырех морей? Говорите свободно, изложите нам свои мысли!»

Затем Масасигэ с почтительностью ответил императору: «За последнее время восточные варвары навлекли на себя осуждение неба своей непокорностью.[251 - «Восточные варвары» (_тои_) — относится к Ходзё, правившим в Камакура. Не совсем ясно, почему они должны были отвечать за какие бы то ни было волнения, случившиеся незадолго до этого (_киндзицу-но_дайгяку_); предположительно, Масасигэ имеет в виду подавление заговора против Бакуфу в столице (_le_bete_est_mechant:_il_se_defend_).] Теперь пришло время воспользоваться их слабостью и обрушить на них кару небес. Это не будет трудной задачей. Все же, дабы привести пределы к покорности Вашему Величеству, потребуется и искусство, и военная сила. Если мы просто противопоставим силу силе, будет нелегко добиться победы, пусть даже воины всего вашего края пойдут на провинции Мусаси и Сагами.[252 - Это были две восточные провинции, в которых влияние Ходзё проявлялось особенно сильно. Масасигэ имеет в виду, что грубой силы будет недостаточно для победы над военными узурпаторами; для победы роялистов понадобится искусство (_тихо_) — и расчетливые действия (_хакаригото_). Свое мнение он подтвердил в последовавших вскоре боевых действиях против Ходзё, когда его хитрые тактические маневры часто приводили к успеху в столкновении с превосходящими силами противника. Это — отражение традиционной героической идеи, что умение и «искренность» (_макото_) сильнее мускулов.] Однако, если наши битвы будут умело рассчитаны, восточных варваров станет легко обмануть, и нам будет нечего бояться, ибо их сила заключается лишь в умении скрещивать острые клинки и разбивать крепкие доспехи. В войне мы никогда не можем предсказать исход любой битвы, Вашему Величеству не следует придавать большого значения каждому действию.[253 - Букв.: «поскольку это — путь сражений…» Масасигэ предупреждает императора, чтобы того не разочаровывали возможные поражения в ходе событий; считается лишь решительная победа. В ироническом смысле, его предсказание сбылось, поскольку его поражение при реке Минато стало фатальным для всего дела роялистов.] Однако, покуда вы будете знать, что Масасигэ жив, будьте уверены в том, что ваше священное дело одержит верх!»

После этого конфиденциального разговора Масасигэ вернулся домой в Кавати.

Эта речь, как и многое другое из того, что мы знаем о герое, является частью легенды, сочиненной в последующие годы ради прославления его образа. Есть, однако, достоверные исторические свидетельства того, что во время, когда для Годайго все уже казалось совершенно потерянным, к нему присоединился человек по имени Кусуноки Масасигэ, по той или иной причине решивший полностью посвятить себя императорскому делу. Похоже, что Годайго полностью доверился своему новому сподвижнику, усмотрев в нем человека, способного возглавить предприятие по спасению роялистов. Кто был этот таинственный боец, чья короткая жизнь сделала его величайшим героем того тревожного века? Сведения, которыми мы располагаем, весьма туманны. Действительно, ни один выдающийся персонаж японской истории не является столь же загадочным, как Кусуноки Масасигэ. Объединенные усилия поколений ученых и специалистов наших дней так и не привели к ясному выводу о его происхождении; исследования по этому вопросу полны таких осторожных формул, как «возможно, в этом и есть какая-то частица правды».[254 - _Дзяккан_дзидзицу-но_катакагэ-о_цутаэру_моно_ка_мо_сирзнай._ Уэмура Сэйдзи, _Кусуноки_Масасигэ_ (Токио, 1963), с. 124.]

Масасигэ, как и Ёсицунэ, скорее легендарный, нежели исторический образ; и в случае с ним мы располагаем проверенными сведениями всего лишь на протяжении пяти лет: с 1331 г., когда он впервые присоединился к Годайго, и до 1336-го, когда он совершил самоубийство. Многое из того, что известно о Масасигэ, придумано в ходе того бессознательного процесса создания легенды, который говорит о психологии почитания героя больше, чем любой исторический факт.[255 - Единственным наиболее детализированным источником о Масасигэ и его времени является _Тайхэйки_, составленная в той форме, в какой мы видим ее сейчас, в 1370 году. Заглавие этого обширного исторического романа (_Тайхэйки_ = «Хроника Великого Спокойствия») весьма не соответствует содержанию, поскольку в книге говорится почти исключительно о военных действиях и прочих жестокостях. Несмотря на слабость в историческом плане и недостаточность в описаниях характеров, этот труд стал неимоверно популярен и на протяжении многих веков считался лучшим описанием того периода. Знаменитые отрывки из него распевали песенники (_бива-хоси_), аккомпанируя себе на лютне. Авторы «Хроники Великого Спокойствия», естественно, симпатизируют Годайго и его сподвижникам, и в этом труде впервые Масасигэ становится принципиальным героем-роялистом своего времени. В нем принимается идея безнадежности дела Годайго и подразумевается, что усилия Масасигэ обречены на провал, однако это лишь делает их еще более славными и привлекательными.Несмотря на то, что эта книга основательно критиковалась историками конца XIX века, как сочинение, полное романтических измышлений, в последнее время наметились тенденции к ее реабилитации. «Большинство [современных] ученых, — пишет профессор Варлей, — принимают [_Тайхэйки_] в качестве книги, на которую в целом можно полагаться, считая присущую ей гиперболизацию в сущности стилистическим приемом.» (Varley, _Imperial_Restoration_, p. 128.) См. частичный перевод Helen McCullough, _The_Taiheiki_, (New York, 1959); критическая оценка и исследование периода можно найти в «Императорской Реставрации» Варлея. Гораздо менее знаменитым, чем _Тайхэйки_, трудом, но намного более точным исторически является _Байсёрон_, составленный в 1349 году. Написанный сторонником Асикага, он помогает исправить искажения более поздней работы, — по этой же причине его недолюбливали националисты довоенной поры.]

Жизнь Масасигэ началась благоприятно, после того, как его матери было сообщено о его рождении во сне во время ее посещения буддийского храма.[256 - В большинстве довоенных учебников его рождение датируется 1294 годом, однако это — чистый домысел, основанным на данных истории XIX века _Нихон_Гайси_, где сказано, что Масасигэ было 42 года в момент смерти. По источнику эпохи Муромати (_Тайхэйки_хёбан_), «хотя Масасигэ и дожил до пятидесяти лет, он всегда считал Ёсицунэ своим учителем». Если это верно, то он родился приблизительно в 1286 году. Обсуждение этих дат есть у Уэмура, _Масасигэ_, с. 195.] В целом считалась, что он происходит из ветви Татибана, имевшей отношение к императорскому семейству; этот клан заявлял, что их предкам является Мороэ — выдающийся государственный деятель восьмого столетия. На копии Сутры Лотоса Благого Закона, с гордостью хранимой в Храме Реки Минато, красуется надпись «Повелитель Татибана Масасигэ». Говорят, что она была сделана собственной рукой героя, и написанное вполне может быть аутентичным. В то же время этот документ ничего не доказывает, поскольку удачливые воины того времени часто заявляли о своем аристократическом происхождении для поднятия собственного престижа и подтверждения ранга и прочих почестей, которых они удостаивались при Дворе.[257 - Рассматриваемый документ датируется 1335 годом, когда Годайго был восстановлен на троне, а Масасигэ стал почитаемым членом императорского правительства. Вполне возможно, что он приписал себе происхождение из семейства Татибана, поскольку это соответствовало его положению в императорской гвардии; либо же подобной генеалогической похвальбой мог заниматься его отец или дед ради упрочения позиции своей семьи в их провинции. Уэмура, _Масасигэ_, с.31.]

О самих Кусуноки мы не располагаем никакими определенными сведениями. Поскольку о них не упоминается ни в одной из многочисленных генеалогий того времени, ясно, что они не входили в число значительных воинских фамилий, а также не могли принадлежать к киотосской аристократии.[258 - Некий воин по имени Кусуноки сопровождал Ёритомо во время его триумфального въезда в Киото в 1190 году, однако неизвестно, принадлежал ли он к тому же семейству, что и Масасигэ. Другой генеалогический кульбит (обнаруженный в 1957 году) состоит в том, что Масасигэ мог быть дядей первого великого драматурга театра Но, Канъами. Курода Тосиэ, _Моко_Сюрай_ (Токио, 1965), с. 456.] Отец Масасигэ был малоизвестным провинциалам, носившим имя «Кусуноки, Непрофессиональный Священник из Кавати»,[259 - В последних исследованиях предполагается, что Кусуноки Кавати-но Нюдо мог в действительности быть дедом Масасигэ, а не его отцом. Чем больше мы исследуем окружение и жизнь героя, тем более сомнительными предстают детали традиционных описаний. Именем его отца обычно считается Масаясу, однако другие источники дают Масато и Масакуро. В любом случае, элемент _маса_ («истинность») постоянно фигурирует в именах членов его ближайших родственников, включая брата Масасуэ и сыновей Масацура и Масанори.] который, несмотря на намек на духовность, содержавшийся в написании имени, однажды был замечен за хулиганскими выходками, включавшими покушение на собственность соседей. Традиция предполагает, что (подобно Ёсицунэ) Масасигэ получил образование при храме.

Считается, что до пятнадцати лет он был послушником — студентом в монастыре эзотерической школы Сингон в провинции Ямато. Здесь он стал серьезным ученым и (вновь подобно Ёсицунэ), выказывал особый интерес к боевым искусствам. Однажды к нему в руки попал редкий китайский труд по военной стратегии и, с помощью этих тридцати томов он достиг такого уровня знаний, что

настоятель монастыря, в совсем не буддийском припадке страха, зависти и досады, пытался покончить с ним с помощью наемных убийц в близлежащем лесу.

Вакуум сведений о жизни Масасигэ до тридцатисемилетнего возраста заполняется множеством версий. Предполагалось, что он был ученым, принадлежавшим к преуспевающему классу провинциальной аристократии, и большую часть жизни провел в Кавати, управляя своими владениями, или служа управляющим наделами, принадлежавшими другим, либо арендуя государственную собственность. По одной причудливой теории, Масасигэ имел торговые связи и путешествовал по стране, заготовляя (и это — героический самурай!) сульфид ртути или киноварь. Наиболее благопристойная подборка предположений гласит, что его юношеские увлечения военным делом привели к тому, что он стал профессиональным военным; после того, как за ним закрепилась репутация храброго и искреннего бойца, он служил вассалом — то ли Бакуфу в Камакура, то ли императорской семье в Киото, или в одном из ближайших крупных монастырей.

Из того, что известно о темпераменте Масасигэ и о его поздних партизанских действиях, можно сделать вывод, что, если он и был профессиональный военным, то не служил вассалом какого-то господина, а действовал более или менее независимо, расположив свою ставку в каком-либо укреплении в гористом районе провинции Кавати, где его поддерживала небольшая группа сподвижников, без сомнения походивших более на вооруженных бандитов, чем на солдат. Это совпадает со многими послевоенными описаниями Масасигэ, в которых он характеризовался достаточно непочтительно, как _акуто._[260 - Например, «… над Кусуноки Масасигэ тяготеет репутация _акуто_». Курода, _Моко_Сюрай_, с. 457.] Слово это здесь переводится, как «человек вне закона» или «головорез», и предполагает тип независимого, яростного самурая, знакомого любителям кино по ролям Мифунэ Тосиро.

Среди первых документальных свидетельств о Масасигэ мы наводим донесение, датированное 1332 годом, в котором _акуто_ Кусуноки, лейтенант гвардии Среднего Дворца, обвиняется в том, что он ворвался в некое императорское владение, где учинил акты жестокости.[261 - Цитируется у Уэмура, _Масасигэ_, с. 44–45.] При том, что этот инцидент и является важным в качестве одного из самых ранних достоверных фактов его жизни, в большинстве довоенных исследований он сознательно опускался. Хотя мы располагаем немногими деталями, есть достаточно свидетельств того, что Масасигэ и его вооруженные приспешники временами занимались набегами на частные владения, чем был известен еще его отец, «светский священник из Кавати», так что в семействе Кусуноки это стало почти традицией. «Ясное Зеркало» (_Масукагами_) — известная историческая хроника тех времен рисует героя прямолинейным, независимым, воином-роялистом, обитавшим в горах Кавати:

Был человек по имени Кусуноки Масасигэ, лейтенант охраны Среднего Дворца, на которого Его Величество положился с самого начала событий. Храбрый и стойкий по природе, он тщательно укрепил свое жилище в провинции Кавати [чтобы] в случае, если ставка Его Величества [на горе Касаги] станет слишком ненадежным местом, он мог бы проследовать туда [в безопасности].[262 - Умэмура, _Масасигэ_, с. 36.]

Вскоре после бегства императора из столицы, силы Бакуфу атаковали его укрытие на горе Касаги и захватили его без особых сложностей. Годайго бежал из осажденного монастыря и направился в Кавати, как предполагается — в надежде достичь укреплений Масасигэ у горы Конго. Его сопровождала горстка высокопоставленной знати, с которыми он обменивался грустными стихами о трудностях путешествия и своей горестной судьбе. Как водится, маленький отряд заблудился, и вскоре император был пойман и переправлен обратно в столицу в качестве пленника Бакуфу. В момент пленения волосы Годайго были в беспорядке (крайнее унижение для любого аристократа, не говоря уже об императоре), и одет он был в простую полотняную одежду.[263 - «Когон Тэнно Синки», цитируется у Уэмура, _Масасигэ_, с. 25.] «Хроника Великого Спокойствия» следующим образом элегически описывает возвращение Годайго:

Когда группа с императором быстро продвигалась на восток вдоль Седьмой улицы и к северу по реке на пути к Рокухара, все те, кто это видел, проливали слезы, а кто слышал чувствовали боль в сердце. Увы, как грустно! Еще вчера Его Величество восседал высоко на императорском помосте, окруженный сотнями чиновников, облаченных в церемониальные одежды; сегодня же он низвержен в грубое тростниковое жилище восточных варваров и выставлен на обозрение множества охраняющих его военных. Подобна сну [жизнь человеческая].[264 - _Тайхэйки_ («Хроника Великого Спокойствия»), изд. «Нихон котэн бунгаку тайкэй» (Токио, 1960) с. 112. Рокухара — место, где располагалась ставка военного командования в Киото. Ср. сентиментальность этого пассажа с начальными строками «Сказания о Доме Тайра». Очарование (_аварэ_), внутренне присущее мимолетности человеческой славы, — постоянная тема в японской традиции: в час своего поражения даже самый надменный человек может стать фигурой трагической и импонирующей.]

Как только беспокойный император оказался полностью в их руках, военные власти поспешили отстранить его, заменив на троне представителем Старшей линии. Им был император Когон, и ему Годайго был обязан теперь передать императорские регалии.[265 - Вскоре Годайго стал настаивать, что те регалии (зеркало, драгоценность и меч), которые он был вынужден передать Когон в 1331 году, были фальшивыми и, таким образом, лишенными всякого сакрального значения. Вся проблема аутентичности императорских регалий остается неясной.] Бакуфу, которое всегда изображали в роли негодяя, на самом деле действовало в соответствии с прецедентом и правилом альтернативного наследования, которым сам Годайго столь грубо пренебрег.

Словно желая подчеркнуть законность процедуры, они должным образом назначили члена Младшей линии наследным принцем, которому надлежало в свое время сменить на троне императора Когон.

Счастье Годайго ушло в надир. Попытка выступить против военных окончилась неудачей, и теперь Бакуфу решило отправить его в такое место, откуда он не сможет уже причинить никаких неприятностей. В третьем месяце 1332 года его сослали на небольшой островок вулканического

происхождения в пятидесяти милях от побережья Японского моря.[266 - Дого, место ссылки Годайго, представляет из себя один из группы островов Оки. И снова Ходзё действовали, основываясь на прецеденте. Приблизительно за столетие до этого император Готоба был сослан на соседний остров Додзэн за попытку противостоять власти Камакура. Именно подобное оскорбительнейшее поведение Бакуфу в отношении императорского дома вызывало бешенную ярость у таких роялистов, как Тикафуса и Масасигэ.] Говорят, что по пути в ссылку Годайго был впечатлен проявлениями дружеских чувств к себе и враждебности к своим военным пленителям.[267 - Во времена ссылки Готоба не было и намека на подобные массовые роялистские настроения, — престиж Ходзё в стране был тогда высок.] Это вполне могло укрепить его уверенность в том, что режим Бакуфу непрочен, и что через недолгое время он сможет вернуться. Несмотря на свое поражение, Годайго упорно отказывался от предложений покинуть мир и стать монахом.

На этом этапе развития событий на сцене впервые появляется прославленный воин Кодзима Таканори, военачальник-роялист из провинции Бидзэн. Узнав о падении укреплений на горе Касаги, он был очень расстроен, и, когда до него дошли известия о ссылке Годайго, он собрал последователей, решившись в последней отчаянной попытке спасти императора на границе провинции Бидзэн. К несчастью для Кодзима, маршрут императорского кортежа был изменен, и к тому времени, когда он со своими людьми достиг верной дороги, было уже слишком поздно. Необескураженный этим, Кодзима позже проник в сад дома, где Годайго проводил ночь под сильной охраной, и на одной из сторон большого вишневого дерева выцарапал иероглифы стихотворения. Оно было основано на эрудированном упоминании пассажа из китайской истории и аллегорически заверяло императора в преданности до смерти. Невежественные восточные стражи были не в состоянии понять написанное, однако сам Годайго немедленно понял намек и был весьма доволен, узнав, что у него в стране все еще есть такие стойкие (и образованные) сподвижники. В последующих главах «Хроники Великого Спокойствия» Кодзима появляется часто, как храбрый воин, вплоть до своего последнего поражения и смерти оставшийся верным императорскому делу.[268 - Хотя представляется вполне возможным, что этот достойный джентльмен не существовал вовсе, являясь плодом вымысла, придуманного для подкрепления образа неудачливого героя, Кодзима почитали на протяжении веков все японские традиционалисты. Искренность его эмоций, выраженная в знаменитой надписи на вишневом дереве, представлялась гораздо более важной, чем какая бы то ни было практическая помощь, которую он мог бы оказать Годайго; неудача же, постигшая его план спасения императора, представала уже не просто прискорбным фиаско, но служила подтверждением его благородного облика. Кодзима Таканори был одним из героев г-на Ямагути — молодого ультранационалиста, убившего главу японской социалистической партии (г-на Асанума) в 1960 году, а после этого совершившего самоубийство в тюрьме.]

После победы Бакуфу у горы Касаги и пленения императора, Кусуноки Масасигэ остался почти в полном одиночестве, продолжая борьбу с Камакура, однако он с честью принял вызов. Ему посчастливилось бежать из Касаги, и, дабы избежать плена, он распространил слух о своем самоубийстве. Это была уловка, к которой он неоднократно прибегал в своих военных действиях, чтобы сбить противника со следа. Исчезнув на какое-то время из поля зрения, он снова вышел на поверхность после ссылки Годайго и начал кампанию спорадических партизанских атак против

сил Бакуфу в районе Кавати-Ямато к югу от столицы. Многие из его рейдов 1332 года проводились совместно с принцем Моринага, одним из младших сыновей Годайго, оказавшимся весьма искусным бойцом-партизаном, чье имя придавало кампании Масасигэ дополнительный блеск. Во время этих действий у Масасигэ было вероятно не более ста сподвижников,[269 - Курода, _Моко_Сюрай_, с. 469.] однако из-за удачно применяемой тактики внезапных ударов, детального знания горных районов и поддержки местных воинов, ему удавалось брать верх над тысячами организованных и хорошо вооруженных камакурских солдат.

Из-за подавляющего численного неравенства Масасигэ приходилось избегать прямых столкновений и других общепринятых действий, используя исключительно тактику «быстрый удар — быстрое отступление» из укрепленных позиций на холмах и в горах — тип схваток, безусловно знакомый ему уже давно, с тех времен, когда он и его соратники участвовали в нападениях гораздо менее оправданного характера.[270 - Курода, _Моко_Сюрай_, стр. 482. Есть вполне резонная причина сопоставить «бандитский» (_акуто_) аспект образа Масасигэ с его успехами партизанской войны, однако, разумеется, это не является частью легенды.]

Хотя эта партизанская кампания не нанесла каких-либо серьезных потерь силам противника, она была эффективна в том смысле, что вселяла новые надежды в тех, кто симпатизировал императору во времена, когда будущее роялистов было весьма туманным: успехи небольшого масштаба, которых добивался Масасигэ и его нерегулярные силы, показывали, что, хотя император и являлся беспомощным пленником в изгнании, дело его все еще жило. Очевидно, само Бакуфу вполне серьезно отнеслось к угрозе, поскольку в конце концов послало большую армию, чтобы та вплотную занялась Масасигэ и ускользающей бандой его последователей.[271 - По последним подсчетам — 40000 тысяч человек.] Одновременно Камакура довольно неохотно объявила о вознаграждении рисовым наделом любого, независимо от ранга, кто сможет доказать, что убил Масасигэ, или принца Моринага.[272 - «Это было прискорбным отступлением от традиции, поскольку ранее Бакуфу не стало бы подкупать своих воинов столь открыто; объявлять же о вознаграждении за убийство принца, что было сделано тогда же, являлось оскорблением традиции, немыслимым для Бакуфу в первые годы его существования». (Sansom, _History_of_Japan_1334–1615_, p. 13.)]

Тем временем Масасигэ, воодушевленный успехами своих набегов, решил перейти к более крупномасштабным действиям. Для противостояния растущему натиску Камакура он собрался создать небольшую армию сторонников императора в районе Акасака к западу от горы Конго. Бои роялистов и войск, посланных из Камакура проходили в основном у укреплений Масасигэ в Акасака, ставшей центром сети небольших крепостей, построенных им у горы Конго.

В этих и последовавших столкновениях силы роялистов были до абсурдного малы по сравнению с атакующими. Во время сражения за Замок Акасака (несколько претенциозное название),[273 - «Слово _сиро_ (замок) дает несколько преувеличенное представление о таких местах, как Акасака и Тихая. В действительности „замки“ того периода представляли собой скорее просто укрепленные позиции, обнесенные палисадниками и заграждениями, чем массивные,

продуманные строения, служившие постоянными ставками военного командования. Важными считались прежде всего позиции, а не строения. Приверженцы Годайго… были принуждены полагаться на укрепления, где им можно было бы укрыться, чтобы избежать уничтожения, откуда можно было бы сдерживать наступление превосходящих сил противника. Такое укрепление, или замок, не было впечатляющим бастионом европейского типа. Это было прежде всего место, — место, которое можно было легко оборонять, и трудно захватить, например вершина крутой горы. Постройки на этом месте могли представлять из себя не более, чем здания синтоистского святилища или буддийского монастыря, избранные из-за их стратегического положения. Если позволяло время, защитники загромождали подходы простыми препятствиями из деревьев, срубленных неподалеку, возводили деревянные стены (иногда обмазанные грязью для защиты от стрел), копали рвы и возводили неуклюжие башни, служившие сигнальными вышками и удобными местами для лучников. В некоторых случаях роль стен играли скалы». (McCullough, _The_Taiheiki_, p. xxxvi.)] у Масасигэ было, вероятно, не более тысячи людей, тогда как в армии Бакуфу — более десяти тысяч.[274 - «Хроника Великого Спокойствия», наш основной источник информации о сражениях при Акасака и Тихая, весьма преувеличивает силы Камакура ради того, чтобы еще более восславить деяния героя. В описании первой атаки на замок Акасака она упоминает «300000 всадников», которым противостояло около 5000 тысяч людей Масасигэ. Такие относительные сведения, которыми мы располагаем, дают основание предположить, что в большинстве сражений 1332–1333 годов силы противника превосходили Масасигэ где-то в десять раз.]

В соответствии со знаменитым описанием сражения за Замок Акасака в «Хронике Великого Спокойствия», приблизившись к позициям Масасигэ, атакующие из Камакура были поражены и даже разочарованы жалким видом защитников.

Не поспев к падению укреплений у горы Касаги, они ожидали обнаружить здесь противника, стоящего на склонах Акасака, от которого можно было бы поживиться.

Пересекши равнину у реки Исикава, солдаты впервые увидели замок [Кусуноки Масасигэ]. Сдавалось, что его строили в большой спешке. Рядом с ним не было необходимого рва; фортификационные укрепления, составлявшие в периметре около двухсот метров, включали в себя всего около двух дюжин наскоро построенных башен,[275 - Многочисленные _ягура_ (башни, башенки) возводились на воротах и стенах так называемых замков, служа наблюдательными пунктами, а также позициями, с которых в атакующего противника запускались снаряды с горючей смесью.] и были окружены единственной деревянной стеной. Глядя на замок, солдаты подумали: «Ах, какой жалкий противник! Этот замок можно взять одной рукой и швырнуть на землю. Будем надеяться, что Масасигэ удастся как-нибудь продержаться хотя бы день, чтобы было время захватить трофеи и заслужить славу, которая принесет дальнейшие награды!»

Затем атакующие силы приблизились к укреплениям, спешившись, спрыгнули в ров и собрались под башнями — каждый надеялся повести остальных на штурм замка.[276 - _Тайхэйки_, 1:114.]

Это было первое для Масасигэ открытое столкновение с крупными силами Камакура. Несмотря на численное превосходство противника, он выиграл первый бой с помощью приемов, которые закрепили за ним репутацию мастера тактики того века.

По природе своей Масасигэ был человеком, планировавшим победу над врагом, когда тот был еще в своем лагере за тысячи миль; его построения были столь же великолепны, как если бы они создавались разумом Чжэнь Пина или Чань Голяна.[277 - Знаменитые генералы, служившие императору Гаоцзы ранней династии Хань (начало III века до н. э.). Цитата взята из речи, приписываемой Гаоцзы. «Хроника Великого Спокойствия» полна цитатами из китайских источников, с помощью чего предполагалось придать больше величия и значимости людям и событиям в Японии XIV века. Свершения Масасигэ предстают еще более впечатляющими, когда их сравнивают с деяниями знаменитых ханьских полководцев.] Итак, он расположил внутри замка около двух сотен искусных лучников, а три сотни всадников отдал своему брату Ситиро[278 - Этот брат стал позже известен, как Масасуэ. Я так и не установил идентичность Вада Гора Масато (и не ожидал, что мне это удастся).] и Вада Горо Масато, ожидавшим на холме вне укреплений. Атакующие, не подозревая об этом и держа в голове лишь одно, бросились к подъемам из рва со всех четырех сторон, намереваясь взять замок одним ударом. Тогда с башен и из амбразур лучники выпустили густую тучу стрел, и в мгновение более тысячи врагов были убиты или ранены. «О, нет, — вскричали атакующие, — этот замок точно не падет за день-два. Лучше мы станем здесь ненадолго лагерем… а затем снова пойдем на приступ..» И они отошли на небольшое расстояние, расседлали коней, сняли доспехи и расположились в палатках на отдых.

В это время Кусуноки Ситиро и Вада Горо Масато, наблюдавшие за происходившим со своего холма, решили, что время пришло и, разделив триста всадников на две группы, послали их под прикрытием деревьев на западный и восточный склоны. У каждой группы было трепещущее на ветру знамя со знаком цветущей хризантемы…[279 - Гербом Кусуноки Масасигэ был _кикусуй,_ распустившийся цветок хризантемы, наполовину закрытый волнами. Сайго Такамори использовал _кикусуй_ как пароль, а в 1945 году слово _кикусуй_ обозначало атаки камикадзе на Окинаве.] Всадники незаметно пробирались сквозь горный туман, направляясь к противнику. Когда восточные воины заметили их приближение, они заколебались, решая — друзья это, или враги. И тут триста всадников атаковали их с обеих сторон «клином», испустив могучий боевой клич; они врезались в густые как облака трехсоттысячные массы воинов [Бакуфу]. Всадники пронзали линии противника со всех направлений, повергая его наземь со всех сторон, и так смешали восточных воинов, что те не могли построить свои ряды.

В это время открылись трое ворот замка, и из них вырвались одновременно двести всадников; они неслись тесной группой, испуская тучи стрел по мере приближения. Несмотря на свою огромную численность, войска Бакуфу были в полном замешательстве от малых сил защитников. Некоторые из них вскакивали на привязанных лошадей и пришпоривали их, другие накладывали стрелы на луки со снятой тетивой и отчаянно пытались стрелять. Двое-трое человек боролись за один набор доспехов, и каждый заявлял, что он принадлежит ему. Когда убивали господина, его

слуги не обращали на это внимания; когда повергали отца, сыновья не приходили на помощь. Вместо этого все, словно пауки, мчались назад, на равнину реки Исикава. На несколько миль земля покрылась лошадьми и доспехами, брошенными в бегстве. Для обитателей деревень района Тодзё это была нежданная удача.[280 - Например, для местного населения, которое имело возможность собирать брошенное солдатами. Это один из крайне редких пассажей в книге, где говорится о простых людях, которых в остальных случаях совершенно затмевают вышестоящие особы. _Тайхэйки_, I:114–116.]

Несмотря на эту первую неудачу, в ходе последующих дней силы Камакура снова и снова атаковали Акасака. Масасигэ, однако, был готов ко всему. И в первом большом сражении, и в последующих действиях он прибегал к уловкам, которые не только ослабляли противника материально, но и подрывали его дух. Масасигэ стал известен своими «изобретательными выдумками». На одной из стадий битвы за Акасака «двести тысяч» вражеских войск собрались вокруг замка, «подобно густой бамбуковой заросли»,[281 - _Тайхэйки_, I:116.] готовясь к решительному штурму. Масасигэ приказал своим лучникам прекратить стрельбу, и из замка не доносилось ни звука. Обманутые этой тишиной, атакующие полезли на стены. Они не знали, что это была особая внешняя стена, и по приказу Масасигэ оборонявшиеся перерезали удерживающие канаты, так что стена внезапно упала. Нападавшие свалились на землю, где остались лежать оглушенные, «двигались у них только глаза». Тогда защитники стали валить на них бревна и глыбы камней, убив таким образом более семисот вражеских солдат.

Приблизительно неделю спустя силы Бакуфу решили уничтожить внутреннюю стену, вонзив в ее вершину абордажные крюки. Они как раз собирались свалить ее, когда люди Масасигэ, взяв черпаки с очень длинными рукоятками, приготовленными как раз на этот случай, стали поливать атакующих кипятком. Обжигающая жидкость проникала в отверстия шлемов, заливалась внутрь доспехов и наносила такие раны, что они уже не могли сражаться и бежали в ужасе.

Так и продолжалось: «Когда враг подходил для атаки новым способом, [Масасигэ и его люди] защищали замок с помощью новых уловок».[282 - _Тайхэйки_, I:118.] Тогда командующие силами Бакуфу решили сломить оборонявшихся голодом, и замкнули вокруг замка кольцо осады. Осажденные оборонялись около недели. Когда их запасы и сила духа были почти исчерпаны, Масасигэ обратился к своим людям со знаменитой речью, объяснив, почему он решил бежать, вместо того, чтобы встретить смерть в замке:

«За последние недели мы побеждали врага в сражении за сражением и убили бесчисленное множество его солдат. Однако так велико их число, что даже такие потери ничего не значат. Мы же истратили все запасы еды, и никто не идет нам на помощь. Будучи первым воином в стране, ставшим на защиту дела Его Величества,[283 - Герой слишком искренен, чтобы прибегать к какой-либо ложной скромности. Предложение начинается буквально следующим образом: «Поскольку с самого начала я был впереди [остальных] воинов в этой земле и целью своей имел благородное дело возведения…» «Возведение» (_сосо_) в целом означает новый и лучший порядок вещей в стране; здесь же это специально относится к возведению на трон императора Годайго.] я не хочу

подвергать свою жизнь опасности, когда на карту поставлены достоинство и честь. Тем не менее, [сказано, что] пред лицом опасности храбрый человек выбирает осторожность и изобретательность.[284 - Цитата из «Бесед и Суждений» Конфуция, без сомнения знакомая самому последнему неграмотному солдату в замке.] Поэтому я намерен покинуть этот замок на какое-то время и заставить противника думать, что я покончил с собой. Если они решат, что я убил себя, эти восточные солдаты без сомнения с радостью вернутся в свои провинции. Если они уйдут, я вернусь; если же они вновь придут сюда, я скроюсь глубоко в горах. После того, как я проделаю с ними это несколько раз, они безусловно устанут. Таков мой план исполнения моей [миссии] и уничтожения противника. Что вы о нем думаете?»[285 - _Тайхэйки_, I:118–119.]

Как и следовало ожидать, последователи Масасигэ согласились с его предложением, и он немедленно стал приводить в действие свой последний план, приказав вырыть в расположении замка Акасака огромную яму. Когда это было сделано, ее заполнили телами солдат, убитых в сражении, а сверху навалили угля и дров. Затем оборонявшиеся стали ждать темной, дождливой ночи, когда войска Бакуфу ослабят свое внимание. В первую же такую ночь они сбросили свои доспехи, прикинулись осаждающими и тихо покинули замок маленькими группами, пройдя прямо перед линиями противника. Когда проходил сам Масасигэ, один из охранников Бакуфу, приняв его за конокрада, выстрелил в него из лука. Стрела ударила ему прямо в грудь, однако внезапно отскочила и, повернувшись, полетела обратно, не причинив ему никакого вреда. Причина столь необычного поведения стрелы заключалась в том, что ее острие попало в амулет, заключавший отрывок сутры, который герой всегда носил с собой со дней, проведенных в монастыре. Там были начертаны следующие слова: «Всем сердцем возглашаю имя Будды». Когда осажденные, включая Масасигэ и принца Моринага, были вне опасности, специально оставленный человек зажег огонь, и вскоре пламя охватило весь замок.

Вид огня поразил осаждавших. «Ах, так замок пал!» — кричали они, празднуя победу. «Да не ускользнет ни один из врагов! Предать каждого смерти!» Когда пламя улеглось, они вошли в крепость и увидели огромную яму, заполненную обгорелыми телами. «Ах, какая жалость! — стали они восклицать. — Значит, Масасигэ покончил с собой. Хотя он и был нашим врагом, он умер благородно, как и подобает воину». И не было среди них ни одного, кто бы не хвалил его.[286 - _Тайхэйки_, I:120.]

Можно было бы предположить, что теперь войска Бакуфу познакомились с его уловками. Однако они оказались слишком легковерными: думая, что их главный враг навсегда превратился в пепел, они оставили лишь номинальные силы для охраны Акасака, что, естественно, позволило Масасигэ напасть вновь.

В Акасака и во всех последующих сражениях Масасигэ расценивал справедливость своего дела и дух своих войск в качестве вещей гораздо более важных, нежели численность. В одном из случаев он предостерег своего друга-командира, настаивавшего, чтобы атаковать небольшой отряд противника, сказав, что в сражении следует опасаться именно таких маленьких групп, сражающихся в едином порыве под руководством храброго командира, поскольку благодаря

своей искренности они обретают непреодолимую силу.[287 - Вера во всепревосходящую силу духа в военном деле существовала, разумеется, далеко не только в Японии, однако здесь она просуществовала гораздо дольше, чем на Западе, оказывая серьезное влияние на сознание членов правительства и военных руководителей вплоть до 1945 года. В западной традиции _locus_classicus_, демонстрирующие превосходство духа над материей в сражении, содержатся, как представляется, в следующем отрывке из апокрифической Книги Маккавеев, широко цитировавшемся в Средние века (к примеру — Чосером):«Когда Серон, командовавший армией в Сирии, услыхал, что племя Иуды собрало большое войско, в котором были все его преданные сторонники зрелого возраста, он сказал себе: „Я смогу стяжать славу в империи, пойдя войной на Иуду и его последователей, отвергших царский указ.“ Серон укрепил свои силы мощным отрядом перебежчиков-евреев, пришедших, чтобы помочь ему отомстить Израилю. Когда он достиг прохода Бет-хорон, Иуда выступил ему навстречу с горсткой своих людей. Увидев подступающие орды, те сказали Иуде: „Как можем мы в таком малом количестве сражаться со столь многими? К тому же мы ничего не ели целый день и устали.“ Иуда отвечал:„МНОГИЕ МОГУТ ЛЕГКО БЫТЬ ПОБЕЖДЕНЫ МАЛЫМ КОЛИЧЕСТВОМ; ДЛЯ НЕБА НЕТ РАЗНИЦЫ — СПАСАТЬ ЛИ МНОГО ИЛИ МАЛО. ПОБЕДА НЕ ЗАВИСИТ ОТ ЧИСЛА; СИЛА ПРИХОДИТ ЛИШЬ ОТ НЕБЕС. Наши враги пришли высокомерно и беззаконно, дабы ограбить и убить нас, наших детей и жен. Мы же сражаемся за наши жизни и нашу религию. Небеса повергнут их пред нашими глазами. Вам не следует их бояться.“ Закончив говорить, он повел их в атаку, и Серон со своей армией дрогнули. Они преследовали их по проходу Бет-хорон вплоть до равнины; пало около восьми сотен врагов, остальные же бежали в Филистию.» (1 Макк. 3:13–24, выделено мною.)В японской традиции концепция «искренности» занимает место иудейско-христианских «Небес».] Масасигэ, как и Ёсицунэ, уважали за то, что он берег жизни и собственность крестьян; говорили, что он относился к своим людям с необычной справедливостью и вниманием. Слава о том, что в его характере сочетались храбрость в бою с тщательным планированием и хитроумными выдумками, быстро распространялась, и все больше и больше воинов садилось на коня, чтобы присоединиться к его отряду.

После окончательного падения Акасака в начале 1333 года, Масасигэ расположил свою ставку в укреплении Тихая, в нескольких милях к югу. Это место стало ключевой позицией всей борьбы и Бакуфу немедленно атаковало его всеми силами. Знаменитая битва за замок Тихая являет высшую точку удачливой части жизни Масасигэ; один современный ученый даже сравнил его блестящую оборону Тихая с действиями маршала Петэна при Вердене.[288 - Уэмура, _Масасигэ_, стр. 97–98.] И вновь Масасигэ защищал маленькое, слабое укрепление, однако на этот раз силы атакующих были еще более превосходящими. Ходзё решили создать подавляющее преимущество для захвата Тихая, и из Камакура были посланы целых три дивизии. По «Хронике Великого Спокойствия», у атакующих было не менее миллиона солдат. Такая цифра, безусловно, немыслима, однако для тех времен и число сто тысяч было громадным.[289 - Как указывает Сэнсом (_History_of_Japan,_1334–1615_, p. 14), в противостоявших при Аустерлице армиях насчитывалось всего по 80000 человек в каждой.] Против лавины самураев с востока у Масасигэ для защиты своего последнего укрепления было, похоже, около тысячи человек. За два месяца осады различными способами и уловками ему удалось провести в рядах нападавших децимацию. Когда те пытались взять Тихая, лишив ее доступа к воде, он воспользовался тайными источниками и запасами. На одной из стадий сражения его воины скатывали по склону огромные камни, убивая ежедневно «более чем по пять тысяч» врагов. Затем Масасигэ прибег к своей знаменитой уловке с куклами:

«Давайте сыграем с противником шутку, — сказал Масасигэ, — и заставим их проснуться!» Он приказал своим людям сделать из грязи пару десятков человеческих фигур в натуральную величину, обрядить их в доспехи и шлемы, вставить в руки оружие и, под покровом ночи выставить у внешних стен замка, прикрыв щитами. Неподалеку он укрыл пятьсот своих отборных воинов, которые, как только стал рассеиваться утренний туман, издали громовой крик.

«Ага! — закричали осаждавшие, услышав крик. — Итак, они [наконец-то] вышли из замка! Удача повернулась к ним спиной, и они впали в отчаяние.» Затем они бросились вперед, каждый стараясь повести наступление. Как и было условлено, вперед выступили [лучники Масасигэ] и выпустили тучу стрел; затем, когда густая толпа [вражеских воинов] приблизилась, все они скрылись в замке, оставив кукол под ветвями деревьев. Думая, что это настоящие воины, атакующие бросились на них.

Масасигэ, видя, что противник завлечен к замку, как и предполагалось, приказал своим людям бросать одновременно десятки огромных камней. Камни упали, когда они собрались вокруг кукол, убив наповал более трех сотен солдат и серьезно ранив более пяти сотен.

Когда бой был окончен, атаковавшие увидели к своему негодованию, что то, что они приняли за сильных, бесстрашных воинов, было просто куклами. Какую славу могли стяжать те, кого покалечило или раздавило до смерти, когда они пытались напасть на эти фигуры? И каким позором покрылись те, кто испугался напасть на такого противника![290 - _Тайхэйки_, I:221.]

Считается, что одной из причин успеха Масасигэ при Тихая, была низкая мораль атакующих. По мере того, как затягивалась осада, среди войск Бакуфу усиливался разброд и недовольство. Из столицы были присланы мастера _рэнга_ (цепочек стихов) для организации поэтических собраний, которыми намеревались отвлечь воинов; среди других развлечений были конкурсы чайной церемонии, _сугороку_ (игра типа трик-трака) и чемпионаты _го_. Однако, большинство самураев, очевидно предпочитали душевный подъем от яростной схватки элегантному сочинению поэм о красотах сезона; вскоре они стали обнаруживать признаки усталости, что Масасигэ предсказывал еще в Акасака; появлялось много дезертиров. Масасигэ же, напротив, удавалось поднимать дух защитников собственным энтузиазмом. Несмотря на огромные силы осаждавших, Тихая до конца оставалась непобежденной. Без сомнений, для реставрации власти Годайго это сыграло главную роль.[291 - «Если бы замок Тихая пал, возможно, сопротивление роялистов вообще бы прекратилось поэтому стратегия Масасигэ должна быть рассматриваема в качестве одного из самых выдающихся достижений в военной истории Японии.» (Sansom, _History_of_Japan_1334–1615_, p. 124.) Скорее, именно измена Такаудзи (традиционного злодея), а не сопротивление Масасигэ (героя) непосредственно привела к поражению Камакура и возвращению Годайго к власти. Однако, если бы Масасигэ потерпел поражение при Тихая, Такаудзи, вероятно, никогда бы не переменил сторон.] Как заметил известный историк эпохи

Токугава Араи Хакусэки, если бы Масасигэ не продержался в Тихая, дело императора было бы безусловно обречено на провал; именно комбинация этого блестящего успеха и полного поражения в финале и делает Масасигэ совершенным японским героем. Его упорная оборона последнего укрепления в горах оттянула на себя большую часть армии Бакуфу, в результате чего во многих провинциях не стало войск. Это воодушевило партизан — сторонников императора на нападения на силы Ходзё в различных частях страны, включая Кюсю, северную часть главного острова и саму столицу. И хотя все атаки были отбиты, они произвели свой психологический эффект, подорвав веру в непобедимость Бакуфу.

Во втором месяце 1333 года, когда Тихая находилась еще в осаде, Масасигэ убедил императора бежать из ссылки. Император согласился и благополучно достиг берега, где воспользовался убежищем, предоставленным местным военачальником-роялистом. Этот «побег с Эльбы» весьма сильно разозлил Бакуфу, и они направили из Камакура новые экспедиционные силы, чтобы воспрепятствовать возможной попытке взять Киото. Еще две дивизии были посланы, чтобы подавить беспорядки на западе и атаковать расположение Годайго на побережье Японского моря. Одной из этих дивизий командовал молодой генерал из Камакура Асикага Такаудзи; вскоре после того, как войска подошли к родным местам, его коллега-командир был атакован и убит в бою, так что Такаудзи оказался единственным командующим основных сил Бакуфу на западе.

Род Асикага, главой которого был Такаудзи, восходил непосредственно к клану Минамото. Породненные многочисленными браками с Ходзё, они более ста лет наслаждались престижем и широким влиянием в качестве одной из основных военных фамилий на востоке. У Асикага была репутация чрезвычайно честолюбивых людей, говорили, что какое-то время они даже старались выжить Ходзё, считая их стоящими ниже себя на социальной лестнице.[292 - Ходзё были побочной ветвью рода Тайра; Асикага вели свое происхождение от Минамото-но Ёсииэ. В соответствии с описанием, данным в _Нан_Тайхэйки_ (1402), Ёсииэ прорицал, что через семь поколений его отпрыски будут управлять Японией. Асикага Иэтоки (дед Такаудзи) являлся потомком Ёсииэ именно в седьмом поколении, однако все полностью контролировалось Ходзё, и, казалось, осуществиться пророчеству его предка не было суждено, Соответственно, он вознес молитвы Великому Бодхисаттве Хатиман (божеству войны), являвшемуся покровителем рода Минамото, и, предложив свою жизнь в обмен на то, чтобы предсказание исполнилось через три поколения, совершил ритуальное самоубийство. Реальность предсказания Ёсииэ может быть спорной, однако самоубийство — исторический факт, и самопожертвование Иэтоки вполне могло быть одним из факторов, толкнувших Такаудзи на решительные действия против правителей Ходзё.] Такаудзи, которому во время побега Годайго было двадцать восемь лет, был особо энергичным и ярким членом семьи, и Ходзё поставили его во главе экспедиционных сил, дабы выправить положение на западе. Все же, они, вероятно, не слишком доверяли молодому амбициозному генералу, поскольку настояли на том, чтобы, покидая Камакура, тот оставил заложников.

У них были серьезные причины для беспокойства. Две недели спустя прибытие в столицу, Такаудзи, который имел тайные сношения с императорской ставкой и получил от Годайго предписание «строго наказать» Бакуфу, внезапно объявил, что меняет стороны и теперь будет

сражаться за императора. Он выгнал из Киото гарнизон Ходзё, а затем послал по всей стране гонцов набирать союзников для решительного наступления на своих недавних повелителей.[293 - В качестве предосторожности, на случай, если посланники будут схвачены силами Камакура, Такаудзи приказал написать записки на маленьких листках бумаги и спрятать их в пучках волос или складках одежды.] Хотя Такаудзи облекал свои заявления в роялистскую терминологию, подтекстом его отступничества была уверенность, что пришло время сбросить Ходзё и установить контроль своего рода, как законных наследников Минамото. А ради того, чтобы сделать это более привлекательным и получить широкую поддержку, он представлял себя в качестве убежденного сторонника императора.[294 - Отсутствие всякого идеализма в верности Такаудзи императору, вовсе не было чем-то особенным в среде японских военачальников, которые на протяжении всей истории стремились скрывать за заявлениями о лояльности трону свои менее впечатляющие намерения. Отступничество Такаудзи было, может быть, несколько более откровенным, чем у прочих, однако его отношение к императорской фамилии было среди военных скорее правилом, чем исключением.]

Для Ходзё такая резкая перемена в Такаудзи была катастрофой, поскольку она сразу же обнаружила их слабость. Падение киотосского гарнизона принудило их снять осаду с Тихая. Многие командиры войск Бакуфу были убиты или казнены, а большинство солдат перешло на сторону Такаудзи.

Несколько недель спустя Нитта Ёсисада, двоюродный брат Такаудзи, повел наскоро собранную армию в атаку на Камакура. Недавнее поражение на западе безнадежно деморализовало Ходзё, и они были слишком слабы, чтобы организовать какое-нибудь серьезное сопротивление. Камакура, военная столица, основанная Ёритомо полтора века ранее, пала под ударами роялистов, и была большей частью разрушена. Видя, что все кончено, Такатоки (регент) и другие лидеры Бакуфу совершили массовое самоубийство, предпочтя его риску попасть в плен, и, таким образом, в конце девяти поколений правления Ходзё была поставлена точка.[295 - «Хроника Великого Спокойствия» комментирует падение Ходзё в словах, напоминающих начало «Сказания о Доме Тайра», где говорится о падении рода Тайра за полтора века до этих событий:Поистине, глупыми были эти восточные воины! Многие годы они управляли всем под небесами, распространив свою власть во все уголки земли. Однако, поскольку у них отсутствовал правильный дух правления страной, их крепкие доспехи и острое оружие не устояло против палок и кнутов, и в одно мгновение они были полностью уничтожены. С древних времен и поныне гордые в этом мире низвергаются, тогда как скромные остаются в живых… (_Тайхэйки_, I: 388.)Несмотря на схожесть, тон этого отрывка гораздо более дидактичен, нежели плач, которым начинается «Сказание о Доме Тайра», с его меланхолическими, буддийскими мотивами.]

Путь возвращения Годайго в столицу был открыт, и император с триумфом въехал в нее в начале шестого месяца 1333 года. Он немедленно сместил императора Когон, своего соперника из Старшей Линии, чье правление он никогда не признавал, и отменил все придворные назначения, сделанные в его отсутствие. Как и Луи XVIII после своего возвращения в Париж в 1815 году, Годайго счел свой возврат к реальной власти делом свершившимся и срочно приступил к установлению того, что, по его мнению, являлось законным порядком. Цели его были, в самом

полном значении этого слова, реакционными. Мотивом, лежавшим в основе каждого его поступка, являлось возрождение прямого политического правления императорской фамилии, представленной Младшей Линией, к которой он сам принадлежал. Тот факт, что подобное прямое правление практически не существовало в японской истории, за исключением, разве, туманной античности, ни на шаг не отклоняло Годайго от его цели, и, безусловно, ни один из его придворных советников не горел желанием известить его, что он пытается вернуться к вымыслу.[296 - Главным интеллектуальным наставником Годайго был знаменитый аристократ, государственный деятель, ученый и воин Китабатакэ Тикафуса (1292–1354), который, вместе с Масасигэ, является одним из главных героев-роялистов той эпохи. Основной труд Тикафуса, «Записки об Истинном Наследовании Божественных Правителей» (_Дзинно_сётоки_), написанный за то время, когда он находился в замке, осажденном его врагами Асикага, был представлен ко двору лишь в 1339 году, когда Годайго умер в Ёсино, однако его консервативные в социальном плане идеи, то ударение, которое он делал на важности законного наследования и лояльности, оказали значительное влияние на движения времен Реставрации. В знаменитых начальных строках этой книги, которые цитируют все националисты, начиная с XVIII века, подчеркивается та идея, что уникальность Японии заключается в божественном происхождении правящих императоров, и призывается быть им безоговорочно покорными:Великая Ямато — священная земля. Наши божественные предки заложили ее основы, и на протяжении столетий ею управляли потомки Богини Солнца. Это относится только к нашей стране, — ничего подобного никогда не случалось в других странах. По этой причине Японию называют Божественной Землей. Каждый человек, рожденный на земле императоров, должен быть предан императору, даже если это означает необходимость пожертвовать своей жизнью. И пусть никто не думает, что за это он заслуживает какого бы то ни было вознаграждениям (_Дзинно_сётоки_, изд. «Иванами сётэн», Токио, 1936, стр. 17, 19.)]

В первый месяц после своего возвращения император сделал ряд важных назначении. Его сын, принц Моринага, получил высший военный пост Сёгуна. Это был титул, который победоносный Такаудзи желал получить себе, однако против принципов Годайго было награждать таким отличием кого-либо из военной семьи. Вместо этого Такаудзи был назначен главнокомандующим восточными провинциями и губернатором Мусаси. Но даже это многими придворными советниками Годайго расценивалось, как слишком большая честь, — они считали Асикага не более, чем восточными парвеню. Отношения Годайго и Такаудзи были, однако, пока еще в фазе медового месяца и, хотя император никогда по-настоящему не доверял генералу-перебежчику, он был намерен вознаградить его.[297 - Китабатакэ Тикафуса был среди тех, кто особо горячо противился этому назначению. Годайго же, напротив, не только желал вознаградить Такаудзи за его временную приверженность делу роялистов, но и признавал его человеком особых возможностей, которого следовало сохранять на своей стороне. В то время Такаудзи энергично наводил порядок в самом столице и в округ нее, безжалостно карая грабителей, мародеров и прочих нарушителей закона.] Среди остальных первоначально принятых Годайго мер, было учреждение Отдела Назначений — чрезвычайно важного департамента, рассматривавшего заявления и награды, и восстановления Отдела Регистрации, сформированного почти три века назад для управления малыми поместьями. В 1334 году император изменил название годов правления на Кэмму (слово, позже ставшее обозначением всего реставраторского движения) и приказал перестроить императорский дворец, — такие расходы казначейство вряд ли могло себе позволить.

В это время Масасигэ не играет особо выдающейся роли в делах государства. Будучи японским героем, он преуспевал в тяготах и опасностях, а не в благоприятных финалах. Традиционные описания, однако, подчеркивают чувство огромной благодарности императора герою после возвращения его в столицу. В «Хронике Великого Спокойствия» имеется следующая запись:

Кусуноки Тамон Масасигэ из охраны Среднего Дворца, вышел встречать [императора] с семью тысячами всадников. Фигура его была впечатляющей. Его Величество поднял занавес [паланкина] высоко и, приказав Масасигэ приблизиться, обратился к нему с благодарностью: «Скорый успех Великого Дела стал возможен исключительно благодаря вашей преданности в сражениях». Масасигэ поклонился и твердо отклонил честь, предлагаемую императором: «Если бы не мудрое правление Вашего Величества и не его божественное умение утихомиривать беспорядки, как могли бы жалкие выдумки несчастного слуги сделать возможным победу над столь могучим врагом?[298 - _Тайхэйки_, с. 370. Описания Масасигэ в довоенных школьных учебниках представляли дело так, как если бы великий герой-роялист захватил Киото почти в одиночку против Ходзё; роль же Такаудзи в этой победе тщательно затушевывалась.]»

К счастью, этот ответ на японском языке звучит не столь льстиво; в нем гораздо больше терпимости к выражениям типа «я, ничтожный», чем в английском. Судя по «Хронике», Масасигэ было дозволено ехать впереди эскорта императора на пути в Киото.[299 - Масасигэ был хорошо вознагражден за свою службу, но и этого было недостаточно для его поздних обожателей. «Трагично, — писал Рай Санъё (1780–1832); что Годайго был настолько глуп, что не наградил Масасигэ титулами и почестями, достойными его деяний, ибо таким образом он открыл дорогу зловредному Асикага Такаудзи к захвату власти, что бросило грязное пятно на трон». W.G.Beasley, ed., _Historians_of_China_and_Japan_, (London, 1961), p.261.] В 1333 году Годайго сделал его губернатором Сэтцу и Кавати — горных провинций, где проходили его основные бои, он также был повышен до пятого ранга; позже его назначили членом Отдела Регистрации и Отдела Назначений. Эти блага были несопоставимы с дарованными принцу Моринага и Такаудзи, однако для воина социального ранга Масасигэ они были достаточно щедрыми и вызвали основательное недовольство среди придворлой аристократии и у Асикага. Несмотря на их ропот, Годайго включил Масасигэ в круг своих приближенных, продолжая осыпать его милостями, как за исключительную преданность, так и будучи уверенным, что Масасигэ из-за своего низкого происхождения менее других способен бросить вызов императорскому правлению.[300 - Масасигэ был одним из четырех ближайших советников Годайго, известных под названием «Три дерева и Одна Травинка», произведенным от их имен: Юки, Кусуноки, Хоки, Тикуса (_ки_ — дерево, _куса_ — трава).]

Реставрация императора Годайго, целью которой было изменение всего хода японской истории, обернулась полным фиаско. Главной причиной этого стала непродуманная, беспорядочная практика раздачи наград тем, кто принимал участие в свержении камакурского режима Бакуфу. Большинство воинов, переметнувшихся на сторону роялистов, сделали это в ожидании соответствующей компенсации. Как красноречиво выразил это Джордж Сэнсом, «сквозь

воинственные кличи и пышные речи феодальных воинов можно было расслышать неумолчный шопот: „Собственность! Собственность!“» [301 - George Sansom, _History_of_Japan,_1334–1615_, p. 287.] При новом же правящем режиме земельные награды даровались прежде всего придворным аристократам, практически ничем не способствовавшим победе Годайго. Эта и подобные ей несправедливости не могли не вызвать гнев вооруженных людей, наводнивших столицу в ожидании удовлетворения своих притязаний и столкнувшихся с бюрократическими оттяжками и коррупцией. Поскольку Годайго был уверен, что будет как править, так и управлять, он настоял на персональном подтверждении всех новых земельных держаний. В то время, как у возмущенных воинов отняли их десерт, сам он без колебаний позволил себе вопиющую роскошь вроде перестройки дворца. Такое наплевательское отношение к тем, кто поддержал его военной силой, ослабляло их веру в новое правительство, а надменное высокомерие восстановленной в правах аристократии зачастую заставляло жалеть об оставлении Камакура.[302 - Даже «Хроника Великого Спокойствия», несмотря на очевидную «про-годайгосскую» ориентацию, неодобрительно отзывается о хаосе в политике награждений и «капризном правлении» Годайго. Там, к примеру, приводится факт, что из нескольких военачальников, сражавшихся за императора с выдающейся храбростью и верностью, лишь один получил во владение землю, но даже ему не было даровано звание правителя (_сюго_).]

Отвлекаясь, от чисто практических недостатков в управлении, можно сказать, что у Реставрации не было ни малейших шансов пройти успешно. Неудача была заложена в самой ее концепции. Идеал Годайго, состоявший в том, чтобы «вернуться к Энги», то есть к предположительно благоприятным условиям, превалировавшим в начале десятого века, был чистой фантазией. Большинство высокопоставленных аристократов оказались полностью беспомощны при столкновении с экономическими вопросами, которые долгое время находились в ведении Бакуфу, а в Отделе Регистрации и подобных департаментах, правительство было вынуждено все более прибегать к помощи персонала из военного сословия, что прямо противоречило идее аристократического правления. Аристократы давно уже утратили возможность и способность управлять и могли существовать лишь при условии терпимого отношения со стороны военных, которых они столь непредусмотрительно презирали. Таким образом, единственным важным вопросом в Японии четырнадцатого века было не то, перейдет ли правление в руки аристократии или воинского класса, но какую конкретно форму примет новое военное правление.

Политика Годайго не то, чтобы представляла собой полный анахронизм, но доказывала, что он никогда не понимал, отчего так много представителей класса военных перешли на его сторону и поставили его у власти. В случаях с несколькими отдельными выдающимися личностями, типа Масасигэ и Ёсисада, речь действительно могла идти о поддержке, как результате возрождения духа роялизма, однако большинство воинов приняло его сторону из-за недовольства конкретным военным режимом. Как очень хорошо знал Такаудзи, он со своими воинами уничтожили Бакуфу в Камакура не для того, чтобы реставрировать власть двора, но ради достижения своих собственных целей, и в конечном итоге очень мало кто из них поддерживал бы императорское правительство, невзирая на его законность, если бы оно игнорировало их требования. Слепо цепляясь за иллюзию относительно того, что роялизм, а не собственные интересы были движущими мотивами его воинов — а иллюзия эта, без сомнений, укреплялась наличием таких людей, как Тикафуса и Масасигэ — Годайго ошибся как в оценке духа времени, так и человеческой природы в

целом. Этим он обрек и себя, и горстку своих истинных сторонников на окончательное поражение.

По мере того, как чреватая неудачей Реставрация Годайго переживала второй год, нарастала напряженность между центральными фигурами в столице. Асикага Такаудзи, самый влиятельный представитель воинского класса, отошел от наиболее близких сторонников императора, и в частности — от его сына, принца Моринага, занимавшего вожделенный пост Сёгуна. Антагонизм между Такаудзи и молодым принцем-воином достиг апогея в конце 1334 года. Оказалось, что Моринага интриговал при дворе против Асакага, возможно — при поддержке своего старого товарища по оружию Масасигэ. Каковыми бы ни были его планы, все они оказались показательно неудачными: в десятом месяце, когда Масасигэ не было в столице, принца Моринага внезапно арестовали и отвезли в Камакура, где он был отдан под суд брата Такаудзи. Император Годайго был в плохих отношениях с сыном и, несмотря на существенный вклад последнего в дело роялизма, отец не предпринял ничего, дабы предотвратить его гибель. На следующий год двадцатисемилетний принц был безжалостно казнен в Камакура, и, как передают, не нашлось никого, кто бы подошел, чтобы предать его тело погребению. Короткая трагическая жизнь Моринага полностью соответствует знакомым нам японским критериям, и в свое время он должным образом был утвержден в качестве одного из многих неудачливых героев того жестокого времени.[303 - Принц Моринага был убит по приказу Тадаёси, когда Асикага отступали из Камакура в июле 1335 года. Вероятно, по причине такой, несколько бесчестной смерти, Моринага никогда не обрел столь же героического статуса, как Масасигэ, который предпочел совершить самоубийство, чем претерпеть позорный плен.] Неблаговидная роль императора в этом эпизоде не прошла незамеченной, предполагалось даже, что его молчаливое согласие с осуждением сына предзнаменовало падение императорского правления.[304 - Предположительно из-за того, что обхождение Годайго с принцем Моринага отразило резкий упадок моральных стандартов. Я думаю об отрывке из «Хроники Великого Спокойствия»:Люди обсуждали случившееся между собой, и говорили: «Именно великие успехи [принца Моринага] в сражениях привели войну к концу и дали возможность императору вернуться на трон. Если Его Величество признал принца виновным в какой-либо пустяковой провинности, ему следовало бы быть милостивым и простить его. Вместо этого он бездумно предал его в руки врага и позволил выслать в далекий край. Не знак ли это того, что двор вновь склонится перед силой военных?» И действительно, после того, как принц Моринага был убит, страна вскоре вступила в век правления сёгунов [т. е. Асикага]. _Тайхэйки_, I:431.]

Меж тем в провинциях шло брожение. Пика своего оно достигло в седьмом месяце 1335 года,[305 - Недостатки правительства в управлении были, разумеется, лишь вторичными причинами постоянных беспорядков в провинциях. Основная причина заключалась в том, что Япония претерпевала критический период изменений в условиях землевладения и отношениях власти. Старый порядок основывался на поместной («сеэн») системе и был окончательно разрушен; по всей стране военные отчаянно боролись за контроль над провинциями, в которых проживали. Как замечает Сэнсом («History of Japan, 1334–1615», p. 18), врядли страна пребывала бы в состоянии смуты на протяжении 50 лет, если бы вопрос состоял лишь в том, какой из двух императорских фамилий занимать трон.] когда сын бывшего регента Ходзё предпринял внезапные действия, позволившие ему атаковать и захватить Камакура. В этот критический момент Асикага Такаудзи

решил, что ему и его войскам следует покинуть столицу для восстановления порядка на востоке. Подчеркнуто проигнорировав отказ императора назначить его на должность Сёгуна, он объединил свои силы с братом и взял Камакура. Укрепившись в бывшей ставке Бакуфу, он стал Сёгуном де-факто, получив власть, равную той, что имел его предок Минамото-но Ёритомо. Двор в панике приказал ему возвращаться в столицу, однако Такаудзи отказался повиноваться. Произошел полный разрыв с Годайго, и Такаудзи вновь оказался на стороне противника. В ответ император послал Нитта Ёсисада с целью «строго наказать» непокорного генерала.

Ширящееся недовольство Реставрацией играло на руку Такаудзи на каждом этапе, и теперь он был силен, как никогда. Он полностью разбил армию Ёсисада у горы Фудзи, а затем двинулся на запад. По мере его приближения к столице на его сторону переходило все больше и больше антиреставрационно настроенных воинов. Масасигэ, оставшись, разумеется непоколебимо лояльным, вышел из Киото в отчаянной попытке задержать продвижение Такаудзи. У города произошла яростная схватка, и Масасигэ удалось добиться временного успеха с помощью нового облегченного типа щита, который он, как говорили, изобрел специально для этого случая.[306 - Щиты были сконструированы таким образом, чтобы их можно было выстроить в ряд на земле, — тогда они превращались в стену высотой по грудь, вытягивающуюся на несколько сот метров, — и быстро убрать перед началом атаки. Уэмура, _Масасигэ_, стр. 170.] Силы Такаудзи имели, однако, подавляющее превосходство, и вскоре они ворвались в город. Когда Масасигэ увидел, что ситуация безнадежная, он прибег к своей обычной уловке, распространив слух, что погиб в бою. Вновь император Годайго был грубо вышвырнут из своего дворца и нашел пристанище в буддийском центре на горе Хиэй.

Всего три дня спустя Ёсисада, Масасигэ и другие лояльно настроенные генералы контратаковали и, принудив Такаудзи бежать на запад, эскортировали Годайго обратно в столицу. Контроль снова перешел в руки императорских сил. Однако, перед тем, как оставить Киото, Такаудзи предусмотрительно получил от Когон (марионеточного императора Старшей Линии) указание-приказ «строго наказать» Ёсисада. Это давало ему хоть какое-то законное прикрытие, необходимое для любого, кто собирался править страной. Поскольку теоретически он действовал по приказу бывшего императора, то мог противостоять обвинению в том, что являлся «врагом двора».

Во втором месяце 1336 года Такаудзи достиг Кюсю и подчинил себе большую часть острова. Пару месяцев спустя он со своими войсками был готов выступить из порта Хаката для атаки на востоке.

Роялист Нитта Ёсисада расположился лагерем в широком устье реки Минато, впадающей во Внутреннее море; ожидалось (и, как оказалось, — верно), что Такаудзи нанесет свой удар здесь. Соответственно, двор приказал Масасигэ немедленно выступить со своими войсками и присоединиться к Ёсисада. Масасигэ колебался. Он понимал, что приближающиеся силы Асикага значительно превосходят роялистов, и что прямого столкновения следует избегать во что бы то ни стало. Вместо этого он посоветовал Годайго вновь перейти на гору Хиэй, временно оставив столицу Такаудзи, пока сам он не соберет войска в своей надежной провинции Кавати. Затем

роялисты могли бы перерезать коммуникации Такаудзи и атаковать его большими силами из Кавати и с горы Хиэй. Это был, вероятно, здравый план, но совет Масасигэ отвергли все, из-за оппозиции придворных и упрямства Годайго, абсурдно преувеличивавшего силу роялистов и, к тому же, не имевшего ни малейшего желания спешить на гору Хиэй.[307 - Вероятно, не впервые советы Масасигэ императору игнорировались. Судя по _Байсёрон_, Масасигэ всегда признавал силу Такаудзи, а весной 1336 года предложил, чтобы посланником мира отправили его самого с целью воспользоваться недавней победой роялистов и заключить с Асикага долгосрочное, обоюдовыгодное соглашение. Если этому можно верить, то Масасигэ считал истинным противником не Такаудзи, но Ёсисада, и эти полностью совпадает с тем, что мы знаем о плохих отношениях между двумя военачальниками-роялистами. План Масасигэ мог, по крайней мере, отсрочить катастрофу, однако двор, ослеплённый успехами, отказался серьезно его рассматривать. (Детальное описание см. у Сато Синъити, _Намбокутё-но_доран_, Токио, 1965. Профессор Сато уверен в том, что описание плана Масасигэ заключить мир с Такаудзи, данное в _Байсёрон_, соответствует действительности.) Поскольку враждебные отношения между Масасигэ и Такаудзи — столь важная часть легенды, этот план редко упоминался в предвоенных изложениях всей истории.] Когда император сказал свое слово, герой почтительно принял гибельные приказы двора и оставил столицу, чтобы присоединиться к силам Ёсисада у Внутреннего моря, прекрасно сознавая, что река Минато станет смертельной западней для него и его людей.[308 - Предлогом для отказа от совета Масасигэ послужило то, что оставление императором Годайго столицы и сокрытие его на горе Хиэй дважды в один и тот же год подорвало бы мораль его сторонников (Уэмура, _Масасигэ_, стр. 152). Масасигэ был слишком лоялен, чтобы открыто возражать императору и, по традиционным отчетам, он обвинил во всем «теневое правительство», которое, по его словам, было худшим врагом императора. Сообщают, что некий придворный по имени Киётада сыграл особо важную роль в противодействии советам Масасигэ. После несчастья при реке Минато ему было приказано сделать себе харакири. После этого, его неуспокоившийся дух стал преследовать императорскую семью и весь двор, покуда его не умиротворила принцесса, вышедшая ему навстречу с фонарем, наполненным светлячками.Как считает профессор Вацудзи Тэцуро, отказ императора от советов Масасигэ может быть рассматриваем, как разновидность предательства веры последнего. Вацудзи предполагает, что авторы «Хроники Великого Спокойствия» желали соединить неудачу Реставрации Годайго с его отказом последовать совету его самого преданного генерала (Varley, _Imperial_Restoration_, p. 140). В соответствии с этой точкой зрения, в Масасигэ воплощался дух движения приверженцев трона, и, когда его (или, вернее, его совет) отвергли, движение стало морально обречено.]

Одним из самых знаменитых эпизодов легенды о Масасигэ является рассказ о его расставании с Масацура, молодым сыном. Это трогательное событие произошло на почтовой станции Сакураи, на пути героя из Киото к побережью.[309 - Историчность прощальной сцены впервые была поставлена под вопрос двумя классиками исторической науки эпохи Мэйдзи — Сигэно и Кумэ, которые указывали, _inter_alia_, что эпизод упоминается лишь в «Хронике Великого Спокойствия, и что Масацура было гораздо более 10 лет, когда случилось это расставание. Японская публика была шокирована, когда ей сказали, что знаменитая история об их герое — выдумка (подобное могло бы случиться, если бы английский историк объявил, что последние слова Нельсона о долге — подделка), и профессор Сигэно получил далеко не лестный эпитет _массацу_хакуси_ (Доктор Разоблачитель). Однако, в исследовании японского героизма значение имеет не аутентичность истории, а собственно ее существование.] Он разрешил Масацура сопровождать себя на пути из столицы, но теперь настоял, чтобы мальчик вернулся к матери. Перед тем, как проститься, он дал

ему книгу по военной стратегии, меч, полученный от императора Годайго, а также последние наставления. Он сказал, что грядущее событие будет решающим для будущего Японии. «Если ты услышишь, что я погиб в бою, — сказал он сыну, — знай, что наша страна окончательно вступила в век правления Сёгунов [т. е. Асикага]». В этом случае Масацура следовало перебраться в район горы Конго с оставшимися в живых роялистами и сопротивляться противнику до конца. Этим он полностью исполнит долг сыновней почтительности. Для десятилетнего мальчика это был серьезный совет.[310 - _Тайхэйки_, II:151.]

Описание сцены расставания Масасигэ с сыном включено во все книги для чтения для начальных классов; на эту тема была сочинена патриотическая песня, очень популярная в японских довоенных школах. Хотя она и была в 1945 году запрещена оккупационными силами, ее все еще хорошо помнят, и у старшего поколения она вызывает определенные воспоминания, поскольку воспевает покорность, храбрость и _аварэ_, овевающие побежденного японского героя:

Вечер, близится ночь; над засыпанным листвой потоком в Сакураи

В тени деревьев [герой] останавливает своего коня

И глубоко задумывается о том, что ждет его в будущем.

Что это — слезы, или капли росы,

Что падают на рукава его доспехов?

Вытирая слезы, Масасигэ зовет своего сына.

«Твой отец, — говорит он, — должен ехать к заливу Хёго,

И там сложить голову.

Ты, Масацура, прошел со мной далеко,

Но теперь я прошу тебя поспешить домой.»

«Дорогой отец, — отвечает мальчик, — что бы вы ни говорили,

Но как я могу вас оставить и вернуться один домой?

Конечно, я молод годами,

Однако, почему я не могу пойти с вами

По пути в иной мир?»

«Я тебя отправляю не ради себя, — говорит ему отец.

— Скоро, когда меня уже не будет в живых,

Эта земля перейдет в руки Такаудзи.

Ты же, сын мой, расти быстрее и стань мужчиной,

Дабы служить императору и его владычеству!

Вот драгоценный меч,

Которым Его Величество наградил меня много лет назад.

Теперь я отдаю его тебе

В память об этом нашем последнем прощании.

Отправляйся, Масацура, обратно в нашу деревню,

Где ждет тебя твоя мать!»

Обменявшись грустными взглядами, отец и сын пошли разными дорогами

И сквозь первый летний дождь

Они слышали грустный голос_хототогису_,

У которой, когда она кричит, льются кровавые слезы.

Ах, кого может не тронуть эта песня?[311 - Отиаи Наобуми, „Аоба Сигарзру Сакураи но“, из _Нихон_сёка-сю_, Токио, 1953, стр. 60–61. Этот стих характерен для сентиментальной поэзии конца XIX века и вполне сопоставим с восточной версией „The Stuffed Owl“ („антологией дурных стихов“ Льюиса-Ли). Однако, когда ее поют на японском, в ней безусловно слышится достоинство и сила. _Хототогису_ из последнего куплета часто переводят как „кукушка“, однако между этими двумя птицами нет прямого сходства. Всеохватывающее чувство сожаления усилено в последних двух строках повторением слова _аварэ_:_Тарэ_ка_аварэ_то_кикадзаран__Аварэ_ти_ни_наку_соно_коэ_о._]

После того, как слова прощания были сказаны, сын неохотно вернулся домой к матери, а Масасигэ со своими людьми продолжили свой путь к Внутреннему морю.

Битва при реке Минато разыгралась в яркий солнечный день летом 1336 года, и длилась она с десяти часов утра до приблизительно пяти вечера.[312 - Датой решающего столкновения был 25 день 5 месяца, соответствующий 4 июля по западному календарю. Прекрасное описание сражения дано у Сэнсома (_History_of_Japan,_1334–1615_, pp. 50–52), однако мне кажется, что он допускает ошибку в отношении времени, приводя 5 июля.] Как и ожидал Масасигэ, силы противника были значительно превосходящими. По традиционным оценкам у него было всего семьсот человек, тогда как у Асикага — десятки тысяч. Без сомнения, этот контраст цифр намеренно преувеличен для того, чтобы подчеркнуть _хоганбиики_ героя. И все же неравенство было подавляющим: современные исследования предполагают, что генералы Асикага вели около тридцати пяти тысяч войск (двадцать пять тысяч пришли по морю с Такаудзи и десять тысяч — по земле под командованием его брата), тогда как силы роялистов насчитывали приблизительно половину этого числа.

Флот Такаудзи, пересекший Внутреннее море со стороны Кюсю, состоял приблизительно из пятисот судов различных типов.[313 - Говорили, что Такаудзи тщательно изучил кампании Ёсицунэ вплоть до битвы при Данноура. Хотя у него не было опыта в морских сражениях, ему удалось полностью контролировать море на протяжении всех действий.] Сообщают, что накануне сражения все море от острова Авадзи до Хёго светилось огнями, и что, когда корабли приблизились к берегу для высадки войск, они походили на вздыбившиеся волны. 4 июля двое командующих, Ёсисада и Масасигэ, увидели приближающийся сквозь утреннюю дымку огромный флот; одновременно надвигались войска, которые вел брат Такаудзи. Это было тщательно скоординированной атакой, в которой силы с моря двигались параллельно наземным. Было решено, что Ёсисада встретит врага с моря, а Масасигэ, чьи войска стояли, обратившись спиной к сухому руслу реки Минато, схватится с наземной армией.

Апогей сражения наступил, когда Ёсисада, устрашенный атакой с тыла волной наступающих, высадившихся с кораблей, в спешке отступил с поля боя, оставив таким образом Масасигэ в окружении и без поддержки.[314 - Как указывает Сэнсом (_History_of_Japan,_1334–1615_, p.52), отступление Ёсисада стало фатальньм ударом, поскольку оно оставило силы Масасигэ открытыми со всех сторон; однако, даже и без этого в поражении Масасигэ можно было не сомневаться.] Ясно понимая безнадежность ситуации, он все же не дрогнул. Под градом мощнейших ударов с фронта и с тыла, он сражался несколько часов с отчаянной храбростью. К вечеру войска Масасигэ были почти полностью уничтожены, сам он был покрыт ранами (одиннадцатью, по традиционному счету) и, дабы избежать пленения, укрылся со своим младшим братом Масасуэ в близлежащем крестьянском доме для совершения последнего действия.

Прощальный разговор между братьями является, пожалуй, самой знаменитой темой японской роялистской традиции. Когда они уже собирались покончить жизнь самоубийством, Масасигэ спросил брата о его последнем желании. «Я хотел бы возродиться семь раз в этом мире людей, — ответил Масасуэ с громким смехом, — чтобы смочь уничтожать врагов двора.[315 - _Тайхэйки_, II:159. Фраза _ситисё_хококу_ (служить императору — в семи жизнях) стала знаменитым патриотическим лозунгом, часто неверно приписывавшимся самому Масасигэ (например у Yokota Yutaka, _Suicide_Submarine!_, [New York, 1962], p. 44). Отряды _Ситисё_бутай_ участвовали в операциях камикадзе во время войны на Тихом океане.В 1960 году молодой убийца г-на Асанума написал этот лозунг зубной пастой на стене своей камеры незадолго до того, как повеситься. Его также часто цитировал Юкио Мисима, и в 1970 году, когда он со своими последователями собирался свершить свой последний славный подвиг в штабе Сил Самообороны, на _хатимаки_, повязанных на их головах, черными чернилами были выведены иероглифы _СИТИ_СЁ_ХОКОКУ._]» Масасигэ был доволен таким ответом и сказал, что, хотя знает о грехе убийства, ему тоже хотелось бы возродиться, чтобы он смог уничтожать врагов императора. Затем братья разрезали себе животы и, пронзив друг друга мечами, «легли на одну подушку». Пятьдесят самых близких последователей Масасигэ, оставшихся в живых после разгрома у реки Минато, немедленно последовали примеру своего хозяина «и вспороли себе животы одновременно[316 - _Тайхэйки_, II: 159.]».

Демонстрация отрубленных голов очень интересовала хроникеров древней Японии, и последний примечательный пассаж о Масасигэ в «Хронике Великого Спокойствия» посвящен этой вызывающей ужас теме. Здесь же единственный раз из всех традиционных описаний говорится о его жене, а также кое-что о сыне, которому он завещал свой героический дух:

Голова [Масасигэ] была выставлена на берегу реки у Рокудзё[317 - Пересечение Шестой Улицы („Рокудзё“) с рекой Кама было основным местом казней в Киото, и именно здесь выставлялись на пиках обезображенные головы врагов правительства.]… Вскоре господин Такаудзи прислал за ней и отправил голову [в Кавати], где жил Масасигэ, приложив послание, в котором говорилось: «Меня воистину охватывает печаль, когда я вспоминаю, сколь долго мы с ним пробыли бок о бок — и на людях, и в частной жизни. Я уверен, что его вдова и дети захотят вновь увидеть его лицо, пусть даже и после смерти». Поистине, достойно почтения было это сострадание господина Такаудзи![318 - Очень соблазнительно было бы интерпретировать этот комментарий, как иронический, однако это, скорее всего, было бы неверным.]

Когда Масасигэ отправлялся в Хёго, он отдал самые разные наставления и приказал Масацура остаться, сказав, что его наверняка убьют в близящемся сражении. Поэтому его вдова и сын были готовы к тому, что он уже никогда не вернется. И все же, когда они увидели голову, без сомнения принадлежавшую Масасигэ, с закрытыми глазами и бесцветным лицом, их сердца наполнила скорбь, а глаза — слезы.

Масацура, которому было [всего] десять лет, глядел на столь изменившееся лицо своего отца и видел безутешное горе матери. Затем, прижимая край рукава к глазам, он вышел из комнаты и пошел в Зал Будды. Матери это показалось подозрительным, и она последовала за ним в Зал, войдя через боковую дверь. Она сразу же поняла, что он собирается покончить с собой. В правой руке он держал обнаженный меч с изображением цветущей хризантемы, — то самое оружие, которое ему дал отец перед отбытием в Хёго, а его куртка была расстегнута на груди, [открывая живот].

Мать подбежала к сыну и, схватив его за руки, заговорила сквозь слезы: «Говорят, что сандаловое дерево благоухает, даже еще не проросши из семени.[319 - Т.е. герой показывает свое превосходство над прочими смертными даже в детском возрасте.] Ты еще молод, но если уж ты поистине сын своего отца, как ты можешь пренебрегать своим долгом? Хотя твой разум пока еще — разум ребенка, попробуй все тщательно взвесить! Когда твой отец отбыл в Хёго и отправил тебя домой с почтовой станции Сакураи, он наверняка сделал это не для того, чтобы ты возносил потом моления за его дух, или делал себе харакири. Разумеется, ты не забыл его последних наставлений, которые не раз повторял мне. 'Если мое везение кончится, и я буду убит в сражении, — сказал он тебе, — как только ты узнаешь о месте нахождения Его Величества, тебе следует выплатить содержание своим воинам и сторонникам и, собрав армию, обрушиться на врагов императора и восстановить его на троне'. Если ты сейчас лишишь себя жизни, ты не только опозоришь имя отца, но и не выполнишь свой долг перед Его Величеством…»

Высказав сквозь слезы эти упреки сыну, она отобрала у него обнаженный меч. Масацура, который уже не мог убить себя, упал с алтаря и, разразившись слезами, стал скорбеть вместе с матерью.[320 - _Тайхэйки_, II:169-71.]

Мать Масацура изображена идеальной женой самурая: высокодуховной, самоотверженной женщиной, которой присуще глубокое чувство долга. Воодушевленный ее внушением, мальчик погрузился исключительно в развитие своих бойцовских качеств. Делал он это с таким пылом, что хроники отмечают: «Сила духа его была поистине ужасающей».[321 - _Тайхэйки_, II:171.] Он сбивал на землю других мальчиков и, делая вид, что собирается их обезглавить, кричал: «Так я буду отрезать головы врагам двора!» В других случаях он настегивал бамбуковую лошадку с криками: «А теперь я [преследую] сёгуна![322 - _Тайхэйки_, II:171.]» В свое время ему представился шанс встретиться с более осязаемым противником.

В результате сражения при реке Минато, армия роялистов перестала существовать как реальная боевая единица. Годайго, лишенный военной поддержки, был вновь принужден бежать на гору Хиэй, где ему предоставили убежище лояльно настроенные монахи. Такаудзи — триумфальный завоеватель — вновь занял столицу и посадил на трон пятнадцатилетнего Комё, представителя Старшей Линии. Под руководством Такаудзи новый марионеточный двор срочно отменил все, принятое за последние три года. Несколько месяцев спустя Годайго спустился из своего горного убежища и передал регалии преемнику — императору Комё. Реставрация Кэмму потерпела полный провал.

У Годайго было много слабостей, однако покорного принятия превратностей судьбы среди них не числилось. Всего лишь через пару месяцев после своего возвращения он внезапно бежал из столицы, провозгласив, что передача регалий была недействительной. Его конечным пунктом было Ёсино, прекрасный гористый район приблизительно в шестидесяти милях к югу, широко известный великолепием цветущих вишен. Здесь он основал альтернативный «южный» центр, положив таким образом начало периоду Северного и Южного Дворов, продолжавшемуся полвека и отмеченному почти непрерывными военными действиями и полным беспорядком в стране.

В 1338 году «северный» император Комё даровал Такаудзи столь желанный им титул сёгуна. Это стало официальным моментом начала правления Бакуфу Асикага — новой династии военных правителей, готовых из своей ставки в Киото руководить страной от имени сменяющих друг друга императоров в соответствии с общим правилом, установленным режимом Камакура.[323 - Теоретически, правление сёгуната Асикага продолжалось до 1597 года, причем власть передавалась в нем на протяжении 15 поколений, однако в XV веке его власть стала быстро приходить к упадку с нарастанием общего беспорядка в стране.]

Вскоре после этого, окруженный своими придворными и сжимая в руках императорский меч, в Ёсино умер Годайго. Передают, что его последними словами было выражение сожаления о покинутой северной столице и завет своим последователям продолжать упорную борьбу.[324 - „Хотя мои кости будут похоронены на этих южных холмах, дух мой всегда будет стремиться к Северному Дворцу.“ _Тайхэйки_, II: 342-43.] В 1347 году Масацура повел на Асикага отряд партизан-роялистов, все еще считая его предателем истинного (то есть «южного») императора. После некоторых начальных успехов, он со своими людьми был сокрушен войсками Бакуфу. Масацура, которому, как считается, было в момент смерти двадцать два года, закончил свою героическую жизнь, совершив харакири; более трех десятков воинов последовали его примеру, совершив массовое самоубийство.[325 - По легенде, молодой герой, зная, что шансы его безнадежны, и что в грядущем сражении ему придется расстаться с жизнью, посетил могилу Годайго и написал на двери стихотворение вместе с именами своих товарищей, которым также предстояло погибнуть.] Другие сторонники Масасигэ продолжали нападать на «узурпаторов» Асикага, но дело их была обречено, и все они были уничтожены.[326 - Только один член семьи Кусуноки переходил когда-либо на сторону Асикага, и то, его измена была временной. Для века, когда смена сторон была делом обыденным, такой показатель весьма впечатляющ. Сато, _Намбокутё-но_доран_, стр. 401. Последняя отчаянная попытка сторонников южной линии была предпринята в 1443 году, через много времени после того, как двор в Ёсино прекратил свое существование. И опять во главе стоял потомок Масасигэ, и опять, как можно легко догадаться, эта попытка закончилась неудачно, хотя в какой-то момент восставшим удалось захватить императорские регалии.]

В 1358 году, находясь в зените успеха, в своей ставке умер Такаудзи, и новым сёгуном, как и следовало ожидать, стал его сын. Борьба двух дворов продолжалась, однако роялисты из Ёсино были сильно ослаблены длительными боевыми действиями и не могли уже обеспечить себе достаточного количества бойцов из воинского сословия. Их закат был медленным, но верным, и к 1383 году они практически прекратили сопротивление.

Споры о престолонаследии закончились в 1392 году. К этому времен сёгунат Асикага стабилизировался и смог распространить свое влияние почти на всю территорию страны. Новый сёгун (внук Такаудзи) убедил правящего в то время «южного» императора вернуться из Ёсино в Киото где тот передал свои регалии и отрекся в пользу «северной» линии. Предполагалось, что в будущем императоры двух линий будут занимать трон поочередно, однако, вполне вероятно, что Асикага никогда не собирались следовать этой договоренности, и в действительности наследование перешло полностью к «северной» линии, к которой принадлежит и нынешний император Хирохито.[327 - Однако, кто же были законные императоры с 1336 по 1392 год? Проблема дебатировалась на протяжении многих лет, кульминация наступила в 1910 году, причем это решение едва не привело к краху правительство Кацура. В 1911 году было официально решено, что „южный“ двор (Ёсино) являлся единственным законным правительством на протяжении спорных 56 лет. Ситуация была такая, как если бы американское правительство объявило через сто лет после Гражданской Войны, что законным, президентом Соединенных Штатов был Джефферсон Дэйвис.После поражения Японии в 1945 году, на сцене появились несколько претендентов на императорский трон из „южной“ династии; все они объявляли себя прямыми потомками императора Годайго и, следовательно (в соответствии с решением 1911

года), являлись законными владетелями дворца. Самым заметным среди них был некий г-н Кумадзава Кандо, адресовавший свои письменные претензии генералу Маккартуру. „Император Кумадзава“, как он именовал себя, приобрел немалую известность и славу того рода, которая вряд ли понравилась бы Масасигэ и прочим мученикам-роялистам.] Так, после многих десятилетий борьбы и жертв, дело роялистов окончилось полным крахом. Попытка Годайго восстановить императорские прерогативы увенчалась полной неудачей, и ни один из последующих императоров Японии никогда не обладал той реальной властью, которой он столь желал.[328 - По мнению профессора Холла, попытка Годайго была не только бесполезной, но и привела к результатам, прямо противоположным: „…как и все плохо продуманные попытки вернуть власть императорам, неудача Годайго значительно ослабила императорский дом, лишив его основных экономических ресурсов и политической власти в городе.“ John Hall & Jeffrey Mass, ed., _Medieval_Japan:_Essays_in_Institutional_History_ (New Haven, 1974), p. 26.] Идея того, что император должен одновременно и царствовать, и править, оказалась химерой воображения, и на протяжении последующих пяти веков власть оставалась полностью в руках у военных.

На фоне этого сложного и важного исторического периода Кусуноки Масасигэ и Асикага Такаудзи предстают в образах великого героя и великого злодея. Посмертная популярность Масасигэ росла медленно. После его самоубийства при реке Минато, скорбящий Годайго (который, разумеется, в немалой степени был ответственен за случившееся) возвел Масасигэ в Третий Ранг, однако, после окончательной победы Асикага, у членов семьи Кусуноки долго еще была плохая репутация возмутителей спокойствия и разжигателей беспорядков. Лишь в XVI веке общее отношение к Масасигэ стало решительно склоняться к лучшему: в 1563 году ему официально было даровано посмертное прощение, и после этого начался быстрый взлет популярности. Это произошло в немалой степени благодаря росшей славе «Хроники Великого Спокойствия», которая, несмотря на весьма скромные литературные достоинства, стала одной из самых любимых и влиятельных книг в Японии. Главным ее героем является Кусуноки Масасигэ,[329 - Глава о смерти Масасигэ заканчивается так:С древних времен и поныне не было еще такого человека, в ком так же сочетались бы три добродетели: мудрость, человечность и храбрость, и кто встретил бы свою смерть, столь же неотвратимо следуя истинным путем. После того, как Масасигэ и его брат убили себя, Его Величество вновь потерял свою империю, а его враги снова обрели силу…» (_Тайхэйки_, II:160.)] и наиболее читаемые страницы повествуют о его трагической жизни. В эпоху Токугава симпатии большинства стали отдаваться «южным». Уважение к их приверженцу, пожертвовавшему собой, — Масасигэ, достигло такого уровня, что появилось понятие _нанко_сухай_(«почитание господина Масасигэ»).[330 - Ср. посмертное почитание Митидзанэ, Ёсицунэ и прочих героев-неудачников.«Однако, самым славным, — по Рай Санъё (1780–1832), — было семейство Масасигэ. Поддерживая трон и даже отдав за него жизнь в то время, когда он был в наихудшем положении и полностью дискредитированным, покинутым почти всеми, страшившимися всеподавляющей силы Ходзё, Масасигэ дал блестящий пример высшей преданности и героизма.» (Beasley, _Historians_of_China_and_Japan_, p.261.)Будучи убежденным конфуцианцем. Рай Санъё сталкивался с определенной дилеммой при рассмотрении четырнадцативековой истории своей страны, в которой «добро» столь постоянно терпело поражение, а «зло» торжествовало. Он превзошел эту трудность (по крайней мере — к своему собственному удовлетворению), введя понятие _дзисэй_ (веяние времени) — силу, часто обрекавшую героев на неудачи. Этим перебрасывался спасительный мостик между частыми конфуцианскими упоминаниями о честности и традиционными японскими идеалами «искренности»:Хотя Санъё… и пользовался ортодоксальными конфуцианскими рамками хваления

и порицания, представляя свой взгляд на прошлое Японии, ему редко удавалось употреблять их ортодоксальным конфуцианским способом, поскольку в его терминах выдвигавшиеся тезисы были бы просто нелогичны. Ему вряд ли удалось бы вывести, что «хорошие» правители приносили мир и процветание, а «плохие» — смуту и упадок, поскольку большинство из тех, кого он желал восхвалять, отличались своими неудачами и ранними смертями, в то время как те, кого он сильнее всего проклинал, являлись наиболее удачливыми правителями и основателями прочных династий. Таким образом, он был принужден искать каких-то объяснений в исторической причинности, не черпая их привычно из моральности характеров и поведения индивидуальных правителей. Указанное было обнаружено им в идее, которую он называл по-разному: _дзисэй,_дзиун;_сэдо_, или _ун_—_«сила», «веяние времени», сопоставимое с водой, прорывающейся через плотину, против которой простое человеческое усилие, сколь бы высокоморальным, славным или героическим оно ни было, представало бессильным. Благодаря именно этой непреодолимой силе, смог он наконец заключить, все его герои терпели неудачу, а злодеи процветали. Приход к власти военного сословия и падение Трона, как ни прискорбно и трагично все это было, являлось, однако, неизбежным по причине _дзисэй._ Императорам Готоба и Годайго не удалось реставрировать власть Трона по той причине, что в те конкретные времена Трону противостояло _дзисэй._ По тем же причинам были неизбежны поражение и смерть Нитта Ёсисада, как ни хорош и предан он был, а также сила и долговременный успех семейства Асикага, хотя они и были плохими и нелояльными. (Beasley, _Historians_of_China_&_Japan_, pp. 261–262).В этих формулировках _дзисэй_ и «искренность» представляют дихотомию материи и духа. В «реальном» мире материя торжествует над духовными ценностями.] Выдающиеся ученые-конфуцианцы изображали его, как образец самой важной моральной добродетели, а известный ученый и государственный деятель Араи Хакусэки ставил его выше самого императора Годайго.[331 - Масасигэ был особо почитаем двумя героями-мятежниками — Юй Сёсэцу (1605–1651) и Ёсида Сёин (1830–1859), составившими заговор против Бакуфу Токугава и преданными смерти после того, как их попытка окончилась неудачей. Труд Сёина _Ситисё_сэцу_ («Толкование Семи Перерождений», 1856) посвящен Масасигэ; в нем он сравнивает цели, преследовавшиеся героем XIV века со своими собственными. Он понимает, что потерпел неудачу точно так же, как и Масасигэ, однако «надеется, что [его] вечное стремление сердца послужит стимулом для последующих поколений, и что [он] также сможет посвятить семь своих жизней исполнению этой цели.» David Earl, _Emperor_and_Nation_in_Japan_ (Seattle, 1964), p. 188.]

Во втором половине XIX века, когда вновь была предпринята попытка реставрации императорской власти (на этот раз удачная), героический статус Масасигэ был вновь официально подтвержден. Почти через пять веков после смерти он был возведен в Первый Младший Ранг. Для простолюдина это было фантастическим назначением, наверняка шокировавшее бы его современников-традиционалистов, таких как Китабатакэ Тикафуса. В новых школьных учебниках Масасигэ превозносился, как воплощение лояльности, а история его жизни вдалбливалась в голову каждого японского ребенка, как блестящий пример патриотизма и этики Бусидо. Одним из первых актов, предпринятых молодым правительством Мэйдзи, была постройка у реки Минато храма в его честь.[332 - Большинство построек храма, посвященного герою, сгорели во время бомбардировки Кобэ во время Второй мировой войны, однако к настоящему времени они благополучно восстановлены с помощью бетонных форм. «Почитание Кусуноки» не обошло и людей с Запада. Профессор Варлей цитирует комментарии Уильяма Гриффиса, американца, работавшего в Японии в начале эпохи Мэйдзи. В 1876 году тот сделал следующую запись:Из всех персонажей японской истории выше всех стоит Кусуноки Масасигэ, выделяясь чистотой своего

патриотизма, самоотверженностью в преданности долгу и спокойствием своего мужества; говорят о нем с почтительной нежностью, с восхищением, в котором отсутствуют шаблонные слова, видя в нем ничем не замутненное зеркало лояльности. Я много раз спрашивал своих японских учеников и друзей — кого они считают самым благородным в своей истории. Их единодушный ответ был «Кусуноки Масасигэ». Все, что осталось от этого храброго человека, почитается, как религиозная святыня; вееры со стихами, воспроизведенные в точности его письмом, продаются в лавках и покупаются теми, кто горит желанием следовать этому образу высшего патриотизма… Я не хочу даже пытаться скрыть своего восхищения человеком, следовавшим своим убеждениям и солдатскому пониманию идеи чести, когда его сознание и все предшествовавшее воспитание сказало, что его время пришло, и что отказаться от самоубийства было бы бесчестьем и грехом. (Varley, _Imperial_Restoration_, pp. 153–154.)] Следующим знаком почтения было сооружение статуи Масасигэ, изображавшей его на коне рядом с императорским дворцом в Токио в духе типичного для эпохи Мэйдзи синкретизма, эта статуя в честь самого японского из всех героев была возведена совершенно в западном стиле.

Восславление этого малоизвестного воина с горы Конго достигло нового пика в ультранационалистический период, и в 30-х годах система образования, контролировавшаяся государством, представляла его в качестве наидостойнейшего самурая во всей долгой, напичканной героями истории Японии. Во время Второй Мировой войны среди летчиков-камикадзе Масасигэ был самым почитаемым историческим героем, являясь гораздо более достойным примером для молодых бойцов, нежели несколько болезненный, слабый образ Ёсицунэ; отчаянные самоубийственные атаки на Окинаве получили наименование «Кикусуй» по названию его герба с хризантемой. Крах милитаризма и императорской системы в 1945 году положили конец официальному апофеозу Масасигэ, однако для всех традиционалистов он остается знаменитым и любимым образом.

Тем не менее, почти сразу же началось и развенчание Масасигэ. Уже в эпоху Мэйдзи историки ставили под сомнение многие моменты легенды о нем, а уже в не столь отдаленные времена было выдвинуто предположение о том, что Масасигэ являлся не кем иным, как предприимчивым головорезом (_акуто_), посмертно облаченный в героическую мантию для того, чтобы вызвать симпатии к делу «южных», а также получить идеальную модель лояльности.[333 - Например, см. Сато, _Намбокутё-но_доран_, Приложение, с. 1–6, и Уэмура, _Масасигэ_, с. 139.] В соответствии с этой точкой зрения, Масасигэ был скорым на выдумки провинциальным бандитом, поддерживавшим Годайго не по причине какой бы то ни было приверженности законной династии, но потому, что он рассчитывал, что это поднимет политический и экономический статус его семьи; до определенного времени его расчеты оправдывались, и он вырос от неизвестного типа из провинции Кавати, поставленного вне закона, до одного из главных советников императора в столице. Однако, в конечном счете оказалось, что он поставил не на ту лошадь, и ему пришлось покончить с собой. Создатели легенд позднейших времен исказили факты и представили Масасигэ в качестве вызывающей жалость, трагической фигуры, анахронистически наделив его идеалами лояльности (_тюсин_), которые в действительности были сформулированы лишь много времени спустя. Так последующие поколения изобрели героя, имевшего чрезвычайно мало сходства с реальным лицом, а может, не имевшего с ним ничего общего.

Версия, пересматривающая взгляды на героя, представлена здесь в достаточно резких выражениях не для того, чтобы ее можно было легко опровергнуть, но чтобы подчеркнуть, что крайняя недостаточность объективной информации о Масасигэ позволяет создавать поразительное многообразие конструкций. Важен способ, посредством которого редкие и разбросанные исторические сведения были затемнены или извращены ради создания определенного типа легенды.

Как же в таком случае следует интерпретировать этого таинственного самурая, история которого дошла до нас из тьмы веков? Вероятнее всего, о его происхождении у нас никогда не будет точных сведений, однако похоже, что претензии Масасигэ на наличие аристократических предков были фиктивными, и что он начал свою карьеру в качестве грубого, неотесанного воина с гор. Относительно его военных талантов сомнений мало. Даже со всеми скидками и допущениями, из «Хроники Великого Спокойствия» становится ясным, что это был изобретательный командир и хитрый стратег, который, постоянно сталкиваясь с превосходящими силами противника, прибегал к умелой партизанской тактике и нестандартным уловкам. В _Байсёрон_ — труде, составленном очевидными сторонниками режима Асикага, мы находим следующий комментарий смерти Масасигэ: «Поистине, не было ни единого — друга или врага — кто бы не горевал о смерти столь одаренного воина».[334 - Цит. у Уэмура, _Масасигэ_, стр. 194. Прославившие Масасигэ гибкость и способность к импровизациям сродни силе воображения художника. Его героизм становится очевиден при разделении стремлений его духа (лояльность, самопожертвование и т. д.) и рамок практической действительности (неравенство сил, коррумпированность двора и пр.). Воображение Масасигэ, результатом которого были нетривиальные действия и умелая стратегия, заполняет вакуум его объективной слабости.Постоянное ударение, делаемое на моральности, искренности и тому подобном, может быть интерпретировано схожим образом: воображение героя создает свой собственный мир в пустоте между тем, что есть, и тем, что должно быть. Типичный японский герой в Кабуки, фильмах _тямбара_ и т. п.,- одинокий воин, побеждающий сотни кровожадных оппонентов своим блистающим мечом, символизирующим чистоту его искренности. В популярных фильмах Дзатоити, например, слепой герой, мастерски владеющий мечом, отражает нападения орд яростных бойцов и никогда не бывает побежден, поскольку он один вооружен искренностью. Простая численность бессильна против подобной силы духа. В истории о Масасигэ Бакуфу, несмотря на свои подавляющие материальные ресурсы, уязвимо, поскольку не располагает «духовным» лидером, который смог бы мобилизовать своих сподвижников воображением и искренностью. Масасигэ обеспечивает роялистам победу, однако, упрочив на троне Годайго, он теряет свою духовную _raison_d'etre_. У легендарного героя нет реального места в истории, которую волнуют лишь факты экономики и политики: благоприятное разрешение проблем исключает его существование). Он не появляется в качестве основной фигуры до тех пор, пока дело роялистов вновь не оказывается под угрозой. Когда, наконец, император отказывается от совета Масасигэ, тот теряет духовную силу и становится обречен. В этом легендарном смысле Масасигэ представляет идеальный образ искренности, которая хотя и может осветить мир, подобно вспышке молнии на темном небе, но будет неизбежно уничтожена действительностью, которая далеко не чиста. Такаудзи же, разумеется, — совершеннейший пример компромиссов, реализма, политической расчетливости и удачи.]

Выяснить, каков был характер Масасигэ, какие им двигали мотивы, более трудно. Есть свидетельства что для военного человека он был скромен по натуре и всегда готов хвалить других за их достижения.[335 - Например, инцидент, описанный в «Кикути Такэтомо Синдзё», когда Масасигэ пытался убедить императора Годайго в том, что «роялист номер один» (_тюко_дайити_) — это не он, но Кикути Такэтори, отдавший свою жизнь за дело трона. Уэмура, _Масасигэ_, с. 139.] Есть также свидетельства, что он был милостив к беззащитным крестьянам и заботился о своих солдатах. Однако, это можно считать приукрашиванием того времени в целях представить его истинным джентльменом, понимавшим _аварэ._ В отношении решающего вопроса о лояльности Масасигэ, следует безоговорочно признать, что, какими бы ни были первоначальные мотивы его решения примкнуть к Годайго, в 1331 году поддерживать его сторону было делом малообещающим, тем более — в 1336-м; он же упорно придерживался ее до конца, хотя и имел возможность, подобно Такаудзи и многим другим, в свое время перейти на другую сторону, обеспечив этим свою безопасность и процветание. Во времена ненадежных союзов он оставался непоколебим в своей оппозиции врагам императора, — сперва Ходзё, а затем Асикага. Даже когда он понял, что ситуация отчаянная, что его советы игнорируют, он ничуть не был поколеблен в решимости исполнить приказы двора, ринувшись в бой и приняв свое Ватерлоо у реки Минато. Яростная, безоглядная решимость — вот что действительно должно быть отмечено в качестве самой выдающейся черты характера Масасигэ: единожды решив противостоять Бакуфу, он ни разу не сошел с избранного пути.[336 - Профессор Сато считает, что в Масасигэ сочетались «гибкость мышления» со «страстностью суждений» (Сато, стр. 256). Профессор Уэмура подчеркивает «дух противодействия Масасигэ властям» (_кэнрёку-ни_тайсуру_ханко-но_сэйсин_), а также неизменность его целей, подразумевая этим, что, сопротивляясь Бакуфу, герой в определенном смысле выражал «волю народа» (Сато, стр. 42). Представление о Масасигэ, как о фигуре, напоминающей героя недавнего Сопротивления, ведущего своих «маки» против агрессоров-завоевателей, может сделать его привлекательным для многих современных японских читателей, однако это плохо сочетается с его поддержкой реакционного автократа Годайго.]

Какими бы ни были мотивы его неистовой жизни, ясно одно: ему не удалось достичь своей конечной цели. И именно поражение Масасигэ, ознаменованное катаклизмом 1336 года, восстановлением Бакуфу Асикага два года спустя и, наконец, падением «южного» двора, закрепило его образ основного героя-самурая. Находись Масасигэ на стороне победителей — никакая храбрость или лояльность не принесли бы ему того почтения, которое он обрел у последующих поколений.[337 - Таким образом, в смысле традиции _хоганбиики_ («симпатизирования проигравшим»), это помогло укрепить последующую популярность и узаконивание Южного Двора. Если бы Такаудзи и Когон потерпели решительное поражение в 1336 году, то они (а не Масасигэ и Годайго) могли бы стать героями последующих столетий, а Северный Двор обрел бы ностальгическое очарование и престиж, выпавший на долю Ёсино.] Неудача Масасигэ была тем более значительной, что возникла не от стечения обстоятельств или невезения, но по причине его решительной поддержки «проигравшего». Связав себя со столь упрямым, неадекватным хозяином, как Годайго, Масасигэ намеренно обесценил годы затраченных усилий, все свои блестящие победы, все свои жертвы.

Реставрация Кэмму и то, что за ней последовало, дали самый богатый урожай героев-неудачников в японской истории, в число которых входят Китабатакэ Тикафуса, Годайго, принц Моринага, Нитта

Ёсисада, Кодзима Аринори и Кусуноки Масацура;[338 - После поражения при реке Минато, Нитта Ёсисада продолжал бороться с Асикага и их сторонниками до тех пор, пока не погиб в бою в возрасте 38 лет.] следует отметить, что именно они, а не их победители, были самыми почитаемыми фигурами того периода. Масасигэ выделяется в этом ряду по той причине, что в его жизни наиболее выпукло представлена японская героическая парабола: самоотверженные усилия в борьбе за безнадежное дело, приводящие к первоначальным достижениям и успехам, но оканчивающиеся славным поражением и храброй, мучительной смертью.[339 - Масасигэ сравнивали со многими иноземными героями. Например: «Масасигэ можно сравнить с Бертраном Жесклэном из Франции в преданности императору и храбрости.» (Дайдодзи Юдзан, _Будо_сёсин-сю_ [Токио, 1965], с.71].) Легендарный бретонец, однако, был на сторонепобедителей в войне против англичан. Его также часто называли «японским Байяром» — (например, Joly, _Legends_, p. 306), имея ввиду выражение «рыцарь без страха и упрека». Однако, Байяр, хотя он и погиб в сражении, обрел успех, спасши Францию от имперского нашествия; чтобы найти реальное сравнение, придется отыскивать популярного героя, который не только был убит, но и поддерживал заведомо проигранное дело — а на Западе это действительно _rara_avis_.]

Героичность образа побежденного Масасигэ усиливает его злой гений — коварный и удачливый Такаудзи. О его жизни сохранилась масса исторического материала, таким образом, контраст между его реальной жизнью и легендарными домыслами не столь разителен, как в случае с Масасигэ. Это был бесстрашный и чрезвычайно способный командир, который, поддержав Годайго в критический момент, обеспечил победу роялистов. Это он (а не Масасигэ) захватил для императора Киото; также, именно он сделал возможным поражение Камакура и «узурпаторов» Ходзё. В дополнение к тому, он был замечательным организатором и политическим лидером. Когда складывалась неблагоприятная ситуация для его стороны (какой бы ни была эта сторона), он был достаточно гибок и убедителен и получал достаточную поддержку воинов, не находившихся в вассальной зависимости ни от него, ни от его семьи. Он шел в ногу со своим временем, подходя к нуждам воинского сословия вполне реалистично. Все это дало ему возможность основать Бакуфу Асикага, новую «династию», остававшуюся у власти около века.

По характеру Такаудзи представляется располагающим к себе, щедрым человеком, серьезно интересовавшимся культурой, в частности сочинением стихотворений _танка._ Он был известен своей религиозностью и способствовал постройке одного из крупнейших дзэнских храмов Тэнрюдзи, который в 1339 году был посвящен памяти его порфироносного врага Годайго.[340 - С глубоким вздохом Военный Правитель [Такаудзи] воскликнул: «Увы, из-за клеветы и лести близких к трону, мне суждена судьба бесчестного бунтовщика, не имеющего возможности доказать свою невиновность». Разумеется, его горе не было продуманной игрой; безо всяких сожалений и сердечных угрызений он предался духовным исканиям и праведным делам, истово вознося молитвы за просветление императора и наконец построив этот великий монастырь для практикования буддийских обрядов. (Мусо Кокуси, _Тайсё_Дайдзокё_, 80:463–464; цит. в Wm.Theodore de Bary et al., eds., _Sources_of_Japanese_Tradition_ [New York, 1958], p. 257.)] На протяжении многих лет он был в близких отношениях со знаменитым дзэнским священником Мусо Кокуси, отзывавшемся о нем в весьма похвальных выражениях.[341 - У Такаудзи было три больших достоинства. Первое — это его храбрость. Хотя он был много раз близок к смерти в сражениях, он всегда оставался весел и ни разу не выказал страха. Вторым достоинством Такаудзи

является его сострадательность: он никого не ненавидел и во многих случаях оказывал своим злейшим врагам ту же снисходительность, что мог бы оказать детям. В-третьих, Такаудзи был щедр без малейшего признака скупости. Материальные вещи значили для него мало; награждая кого-либо оружием, лошадьми и тому подобным, он никогда не старался вручить подарок соответственно рангу награждаемого, а просто передавал вещи из своих рук так же просто, как они в эти руки попадали. (Цит. у Varley, _Imperial_Restoration_, p. 133.)] После своего триумфа у реки Минато, он составил письменное воззвание, в котором испрашивал прощения у Каннон, буддийской богини сострадания; он сравнивал свою настоящую жизнь со сновидением и искал истины и спасения в потустороннем мире. Духовные искания Такаудзи не следует, вероятно, принимать слишком всерьез, поскольку они оказывали мало влияния на его реальные действия; однако, безотносительно к тому, насколько искренней была его религиозность, не может быть никаких сомнений в том, что он был одним их немногих действительно конструктивно мыслящих государственных деятелей своего века. В историческом плане он выглядит неизмеримо значительней эффектных роялистов, и в большинстве других стран именно он, а не Масасигэ, явился бы истинным героем.

Однако, образ Такаудзи стал в Японии примером самого отвратительного предательства. В то время, как Масасигэ иконизировали, его удачливого противника проклинали, как честолюбивого, эгоистичного злодея. «Хотя он и получил вознаграждение, во многом превосходящее масштабы его службы Высшему Правлению, — писал Араи Хакусэки, — целью его всегда были лишь собственные интересы».[342 - Цит, у Sansom, _A_History_of_Japan:_1334–1615_, p. 98.] Рай Санъё, другой выдающийся ученый эпохи Токугава, гневно именовал его «собакой, овцой, лисой и крысой», захватившей власть и запачкавшей историю японского Трона.[343 - Цит. у Beasley, _Historians_of_China_and_Japan_, p. 261] С точки зрения конфуцианцев, непростительным преступлением была перемена сторон; сперва обращаться против своих повелителей, Ходзё, а затем — самое ужасное — против законного императора.[344 - Даже сам Масасигэ мог начать свою карьеру роялиста в качестве ренегата.] На самом деле, измена такого рода была весьма распространенным делом в средневековой Японии, и, хотя Такаудзи (подобно своему современнику, шотландскому герою Роберту Брюсу) сделал это, может быть, несколько более откровенно, чем делали другие, он без сомнений чувствовал, что его положение в столице к 1335 году стало уязвимым, и что у него было в достаточной мере предлогов, дабы отказаться оставить Камакура. Как объяснял его друг-монах Мусо Кокуси,

В период беспорядков эры Гэнко (1331–1334), Сёгун [Такаудзи], действуя в точности по приказам императора, быстро подавил недругов престола [регентов Ходзё], в результате чего он стал подниматься в государственных рангах все выше и выше ото дня ко дню, и его рост вызвал изменения в отношении к нему остальных. Вскоре с яростью тигров посыпались клевета и наговоры, что неизбежно навлекло на него неудовольствие императора. Рассмотрим же, отчего подобное могло произойти? По той причине, что он исполнял свой славный долг с таким рвением и к полному удовлетворению своего правителя. Есть старинное выражение, что близость влечет за собой вражду. В этом все дело.[345 - De Bary, _Japanese_Tradition_, pp. 256–257.]

Ученые эпохи Токугава также обвиняли Такаудзи в том, что он якобы был любителем войны и на протяжении десятилетий держал страну в состоянии раздора. Эту традиционную критику повторяет и Джордж Сэнсом, когда пишет о Такаудзи:

Сегодня — мясник, назавтра — кающийся грешник; он весь состоит из неразрешимых противоречий, и даже откровенных отзывов о нем осталось весьма немного. Нельзя отрицать, что он — значительная фигура в истории своей страны, однако нельзя сказать, чтобы он принес ей много добра, ввергнув в десятилетия нескончаемых и ненужных войн.[346 - Sansom, _History_of_Japan:_1334–1615_, p. 100.]

Несомненно, Асикага Такаудзи не был пацифистом, однако нет никаких доказательств того, что он был более кровожаден, чем другие военачальники средневековой Японии, и можно привести немало аргументов за то, что если и был некто, нарушивший мирное _status_quo_ и упрямо продолжал «ненужные войны», то это был император Годайго. В действительности же положение легендарного суперзлодея Такаудзи обусловлено тем обстоятельством, что он идеально подошел на роль удачливого победителя, холодного политика, которым двигали не искренние мотивы, но личный интерес, и который, подобно Фудзивара-но Токихира в истории Митидзанэ и Минамото-но Ёритомо в легенде о Ёсицунэ, методически уничтожал благородного героя.

Глава 7

«Японский мессия»

Одним из немногих предметов, переживших пожары в Симабара в 1638 году, является флаг молодого предводителя восставших — Амакуса Сиро. На квадратном полотнище из белого шелка со стороной около метра двое довольно флегматичных ангелов западного типа поклоняются огромному черному потиру, возвышающемуся между ними. Над потиром — кругообразное белое поле, украшенное черным крестом, а поверху идут слова на португальском языке: LLOVAD0 SEIA O SACTISSIM0 SACRAMENTO («Да славится наисвятейшее таинство!»).[347 - Знамя, возможно — подлинник, хранится в частной коллекции в Токио. Дабы предотвратить возможность его продажи и вывоза за рубеж, в 1964 году правительство провозгласило его Значительным Культурным Достоянием. Репродукцию и детальное описание см. в статье Нисимура Сада «Симабара ран-но киристан дзинтю Хата то Ямада Эмонсаку» в сб. «Нихон сёки ёга-но кэнкю» (Токио, 1958). Профессор Нисимура поддерживает традиционное приписывание авторства Ямада Эмонсаку,

бывшему прислужнику иезуитов, сыгравшему двусмысленную роль в восстании. Похоже, что все остальные знамена инсургентов были сделаны из хлопка.] Странный девиз для знамени японского героя. Хотя, почти все, что рассказывается о малоизвестном юноше с острова Кюсю, который, как сообщают, в возрасте шестнадцати лет, командовал где-то сорока тысячами крестьян в кампании против феодальных властей Японии в эпоху Токугава, достаточно неясно и маловероятно.

Сохранилось большое количество материалов о яростном христианском восстании, однако фигура его молодого героя скрывается в тумане фактологической недостаточности. Из-за того, что его ставка в замке Хара была стерта с лица земли, сподвижники и семья уничтожены, а все архивы восставших — сожжены, практически не сохранилось никаких записей того времени, за исключением некоторых коротких упоминаний в официальных отчетах. Соответственно, хотя Амакуса Сиро жил во времена, после которых осталось немало документов, и хотя нет никаких сомнений в достоверности его исторического существования, он остается таинственной фигурой, подобно Ёсицунэ и Масасигэ существующей в нашем сознании на грани фактов и легенд.[348 - «Когда мы начинаем считать его фикцией, то обнаруживаем, что исторические документы дают ясные подтверждения его существованию; однако, когда мы пытаемся что-то о нем узнать из этих документов, то видим, что нет почти ни одного позитивного указания на реалии его жизни.» Окада Акио, «Амакуса Токисада», Токио, 1960, введение, с.1. Хотя Амакуса Сиро стоял во главе самого крупного религиозного восстания в истории Японии и жил почти на сто лет позже Мартина Лютера, его образ остается туманным, причем туманным настолько, что ему практически можно не опасаться психиатрического диагноза, который пытались поставить протестантскому герою.]

Биографические сведения о жизни героя увековечены в знаменитой поэме, так называемом «Божественной Откровении», которая тайком распространялась в общинах японских христиан на Кюсю за несколько месяцев до его восстания. Предполагается, что эти пророческие стихи были написаны иностранным священником-иезуитом, выдворенным из Японии где-то за двадцать пять лет до событий; однако они вполне могли быть составлены и позже организаторами восстания, желавшими подчеркнуть тот момент, что, несмотря на молодость и очевидную неопытность, Амакуса Сиро будет принят в качестве предводителя инсургентов. В поэме, составленной на китайском языке, намеренно неясным стилем, говорится следующее:

Посему, когда пройдет пять раз по пять лет,

Бог придет в этот мир [в виде] мальчика, которому будет два раза по восемь лет.

Этот юноша, одаренный от рождения всеми способностями,

Без труда проявит свою чудесную силу.

Тогда Небеса воспламенят облака на востоке и западе,

А Земля заставит цветы расцвести до времени.

Уделы и провинции загрохочут и заревут,

А обитатели этих мест увидят деревья и поля охваченные пламенем.

Все люди будут носить на шее крест с девятью драгоценностями,

И внезапно на полях и холмах взовьются белые флаги.

Все учения будут поглощены Истинной Верой,

И наш Небесный Господь спасет людей этого мира…[349 - Оригинальный текст см. в «Сёгун то даймё», № 12 серии «Нихон рэкиси сиридзу», Токио,1967, с.40. «Все прочие верования»: букв. «три учения» _(санкё),_ т. е. буддизм, конфуцианство и даосизм. Они (вместе, предположительно, с синтоизмом), должны были быть сметены христианством. Среди японских христиан бытовали различные мнения относительно того, произойдет ли это буквально, как историческое событие (например, как официальное принятие буддизма в VI веке), или будет частью программы последнего дня Страшного Суда. В любом случае, финал был близок.]

Когда разразилось восстание, действительно, прошло пять раз по пять лет и, по еще более чудесному совпадению, Амакуса Сиро действительно достиг возраста «два раза по восемь лет». В том году на Кюсю случилось несколько природных катаклизмов, в некотором смысле совпадавших с предсказанным. Странное красное сияние, подобное небесному огню, наблюдалось на горизонте поздним вечером и перед рассветом; и, что еще более значимо для страны, придающей такое большое значение смене сезонов, рассказывали, что осенью наблюдалось неурочное цветение вишни. Не очень сложно было убедить доверчивых и отчаявшихся крестьян, столь долго терпевших жестокие религиозные преследования, в том, что теперь исполнятся и другие составляющие предсказанного: под руководством Амакуса Сиро, — юноши, обладающего «чудесной силой», они скоро освободятся от своих угнетателей, и белые христианские знамена взовьются над полями и холмами.

Верительные грамоты молодого героя подкреплялись отчетами о его чудесных способностях. Говорили, что, подобно Св. Франциску, Амакуса мог сзывать к себе порхающих птиц, садившихся к нему на руки; он пошел еще дальше, побудив их откладывать яйца ему на ладонь. Он также мог бегать по волнам, и в один знаменательный момент его видели идущим по морю у мыса Симабара рядом с огромным горящим крестом, возвышавшимся из вод. После этого оставалось сделать лишь маленький шаг к тому, чтобы провозгласить Амакуса Сиро воплощением _дэусу_ (Deus) — самим Богом, посланным для установления Христианства и, таким образом, — спасения Японии.[350 - В одной из последних «автобиографий» Амакуса Сиро, написанной г-ном Сано Мицуо, герой признается, что он— НЕ «сын божий», или «дитя небес», но что роль эта была ему навязана сторонниками, и ему волей-неволей пришлось ее принять и поддерживать соответствующий имидж, разыгрывая «чудеса». Иными словами, он стал богом вопреки собственной воле.]

Пришедшее в середине XVI века, христианство добилось больших начальных успехов в некоторых районах Японии, особенно на Кюсю;[351 - Франсиско Ксавьер был столь воодушевлен распространением христианства с момента его прибытия в 1549 году, что восхвалял японцев, как

«радость сердца моего». Другие миссионеры-энтузиасты описывали Японию как дар Господа Церкви взамен потери ею великого островного царства на Западе, поглощенного протестантской ересью.] однако, как только новые правители династии Токугава стали подозревать, что оно может стать угрозой социальной стабильности и возможным предвестником иностранного вторжения, они подавили его с безжалостной последовательностью. Где-то к 1640 году эта иноземная религия была практически уничтожена, а Симабара стала в некотором смысле ее предсмертной конвульсией. Когда около двух веков спустя запрет был снят, христианские миссионеры вновь развернули активную деятельность в Японии; однако сегодня, после более ста лет прозелитизма и упорной работы, результаты их усилий представляются несерьезными. Даже номинально менее одного процента населения считается христианами; духовное же воздействие христианства в Японии минимально. Все же, несмотря на общее безразличие к этой иностранной вере, история великого восстания, в котором христианство играет ведущую роль, находит ощутимый отклик в сердцах многих современных японцев, а его молодой предводитель-христианин Амакуса Сиро занимает место в ряду национальных героев. Он был особенно почитаем в антимилитаристический период после Войны на Тихом океане, когда превратился в символ молодежного сопротивления «феодальному» угнетению и несправедливости.[352 - После 1945 года «феодальный» _(хокэнтэки)_ стало расхожим словом, широко использовавшимся в уничижительном смысле по отношению к людям, которые, как казалось, представляют дурные старые времена панъяпонизма и репрессий. В этом смысле и строгий родитель, и патерналистически настроенный предприниматель, и требовательный учитель могли быть с презрением названы «феодалами». Поэтому репрессивный режим Токугава рассматривался, как квинтэссенция феодализма, а те, кто восставал против него, являлись, соответственно, героями. В одном из стихов «Песни об Амакуса Сиро» говорится буквально следующее: «Бакуфу с его жесткой политикой подавления и замкнутости _(сакоку)_повержено в ужас восстанием Амакуса; эта борьба, пропитавшаяся живой кровью [восставших, будет длиться] вечно. Амакуса Сиро! О, будущее сопротивление!»] О нем и о его неудачном восстании было снято несколько популярных фильмов. В одном из них лидер восставших изображается привлекательным молодым человеком с мягкими, тонкими чертами романтического Ёсицунэ.[353 - Ср. описание женственного выражения образа Ёсицунэ на сцене. Не сохранилось прижизненных портретов или описаний Амакуса Сиро. Я признателен Дональду Кину за то, что он привлек мое внимание к картине маслом в буддийском храме в Такаяма с его изображением. Работа приписывается Сиба Кокан (1724–1818), одному из первых японских художников, начавших культивировать реалистические методы западного письма. То, что портрет бунтовщика-христианина был написан в антихристианский период Токугава, и то, что его повесили в буддийском храме, типично для несообразностей, окружающих Амакуса Сиро. На другом портрете маслом (в музее замка Симабара) герой изображен на фоне океана; его руки сложены в молитве, а на детском лице — возвышенно-мистическое выражение. Он одет в кофту из белого шелка и алую фуфайку, на шее — хорошо исполненные брыжи португальского стиля. И, разумеется, в набор входит малопонятная комбинация золотого распятия и самурайского меча.] За молодым руководителем следуют две молодые девушки-христианки, семьи которых участвуют в восстании; герой, разумеется, слишком воздушен и идеален для каких бы то ни было земных удовольствий, но эта сдержанность лишь способствует его очарованию. Амакуса Сиро также является героем пьесы («Ранъун» — «Разорванные облака») театральной труппы левого крыла, которая использовала его историю, как парадигму неудавшейся революции. Знаменитый исполнитель женских ролей Маруяма Акихиро («самый красивый мужчина в Японии») привлек к Амакуса Сиро особое внимание, объявив себя его воплощением _(умарэ-кавари)._ В 1972 году популярный исторический журнал начал печатать литературный сериал «Автобиографии», в которой герой описывает свою короткую,

драматическую жизнь со времени, когда он был принужден быть свидетелем публичных пыток японских христиан в Нагасаки и у горячих источников в Ундзэн и впервые осознал все те ужасы, которые творили феодальные власти.[354 - Первый выпуск, «Хоки» (Восстание), появился в мартовском номере 1972 года «Рэкиси то дзимбуцу» — в статье журнала «Тюо корон». Амакуса Сиро — главный персонаж выпуска № 51 популярной серии книг «Дзимбуцу сосё», в которой каждый том посвящен какой-либо значительной фигуре из японской истории. Он также герой № 73 серии «Нихон-но бусё» («Японские военачальники»). См. Эбисава Аримити, _Амакуса_Сиро_, Токио, 1967.] Интерес к герою еще более подстегнула недавно сложенная «Песня Амакуса Сиро» _(Амакуса_Сиро-но_ута),_ особенно нравившаяся студентам, выступавшим против консервативного правительства:

И вот они поднялись — христиане из деревень, стонавшие

От тирании правителя Симабара.

Повергли [управляющего] Мацукура и, под эхо горы Ундзэн,

Ах, [провозгласили своей главой] Амакуса Сиро и восстали в Симабара.

Теперь тысячи, десятки тысяч из них осаждены в замке Хара;

Войска правительства, окружившие их, подавляют числом,

[Однако они] крепко сплотились под христианским крестом.

Ах, Амакуса Сиро и восстание в Симабара!

Амакуса Сиро считается японским героем, поскольку, вооруженный храбростью своей искренности, он и его соратники выступили против превосходящих сил феодального войска и, после начального периода блестящих успехов и нескольких месяцев мужественного, но безнадежного сопротивления, потерпели трагическое поражение. Полнота их неудачи лишь подчеркнули искренность их мотивов и принесла им симпатии _хоган-биики,_традиционно обретаемые проигравшими. В ходе одного из самых массовых убийств начала нового времени, погибли все восставшие; древний замок у моря, где они укрепились и сражались с таким упорством, сравняли с землей, и вскоре лишь ветер, воющий в развалинах, мог напомнить проезжим о недолговечности, тщете и _аварэ_ человеческих усилий.[355 - Простой деревянный крест на высоком белом столбе смотрит на залив Симабара; он расположен в отдаленной части полуострова и обозначает место, где когда-то стояла крепость христиан.]

Местом великого восстания был полуостров Симабара и близлежащие острова Амакуса, приблизительно в сорока милях через залив от города Нагасаки. Это — одна из самых заброшенных частей дикого, скалистого побережья Кюсю. Мягкая красота моря с сотнями разбросанных островков и их ярким белым песком, обрамляющим чистые воды залива Симабара и моря Амакуса, на фоне сглаженных, покрытых зелеными соснами холмами, странно контрастируют с ужасными событиями, произошедшими здесь в первых десятилетиях XVII века;

современному посетителю трудно представить себе, что, подобно Конго у Конрада, это действительно когда-то было «одним из самых темных мест на земле».

Западный район Кюсю всегда был самым бедным в стране, и даже в лучшие времена крестьяне маленьких деревень на холмах Симабара и у берегов островов Амакуса жили постоянно на грани бедности. Длительная засуха или неожиданное повышение налогов означало несчастье для них и их семей. Эти места считались всегда чрезвычайно удаленными. Когда один полководец был направлен из ставки главнокомандующего в Эдо (современный Токио), он достиг Симабара более чем через две недели: шесть дней путешествия по суше до Осака и еще десять дней по морю до Нагасаки. Одной из причин трудности подавления восстания была задержка в получении приказов от Сёгуна, который один мог дать все необходимые инструкции.

Хотя восстание в Симабара по сути своей было далеко не христианским, большинство участвовавших в нем крестьян и их предводителей, включая Амакуса Сиро, в самом деле были верующими, и религиозное воодушевление играло весьма важную роль. Со времен появления Франсиско Ксавьера и его последователей-иезуитов, приблизительно за столетие до событий, христианство пустило глубокие корни в этом диком и отдаленном уголке Японии. Кюсю являлся центром прозелитизма, а неустанные труды католических миссионеров дали замечательные результаты в бедных, отсталых районах, подобных Симабара. В 1577 году обращенный в христианство повелитель Амакуса приказал всем своим подданным принять истинную веру, либо немедленно покинуть остров; отказавшихся семей было ничтожное число.

Тридцать пять лет спустя, несмотря на несколько эдиктов Сёгуна, направленных против иноземной религии, почти весь полуостров Симабара был христианским — от самого даймё, повелителя Арима, до беднейшего крестьянина; жители островов Амакуса, до начала века принадлежавших другому обращенному даймё (знаменитому генералу Кониси), также в подавляющем своем большинстве были христианами.

Правительство Токугава, обеспокоенное политическими и военными последствиями распространения христианства, решило, наконец, в 1612 году использовать эдикты, предусматривавшие крайние меры: христианство полностью запрещалось, всем миссионерам предписывалось покинуть страну. Христиане — как японские, так и иноземные — продолжали пренебрегать этими указами, однако теперь власти, словно наверстывая упущенное время, использовали террор, дабы раз и навсегда разделаться с иноземным учением.[356 - Преследование христианства в Японии в период с 1614 по 1640 год — одна из самых ужасных историй в долгой цепи официальной мировой жестокости. Все же, большинство этих японских кошмаров можно сопоставить с событиями, происходившими в то же время в Европе, где Святая Инквизиция была по горло занята пытками и умерщвлением тех, кто рассматривался ей, как враг истинной церкви. Подозреваемые еретики в таких странах, как Испания и Португалия зачастую подвергались тем же самым мучениям, что и римские католики в Японии. На обеих окраинах мира люди, присматривавшие за пытками, вовсе не были грязными истязателями подпольного мира, но — респектабельными правительственными чиновниками или проповедниками,

убежденными в моральной оправданности своих жестокостей.] На протяжении двух последовавших десятилетий практически все оставшиеся в стране иностранные миссионеры были выслежены и убиты; около девяноста процентов из 300000 японских христиан было арестовано, и их либо принуждали отрекаться, либо предавали мучительной смерти.[357 - Профессор Боксер приводит типичную клятву отречения, подписанную японцем-христианином и его женой. Стоит отметить, что кары, упоминающиеся в большинстве таких клятв, основывались на тех самых верованиях, которые отвергались.На протяжении многих лет мы были верующими христианами. И все же, мы поняли, что христианская религия есть религия зла… Таким образом, мы подтверждаем это заявление в письменном виде перед вами, достопочтенный магистрат. Никогда более не отойдем мы от нашего отречения, даже в самом тайном уголке сердца. Если же когда-нибудь нас посетит пусть самая ничтожная мысль, да покарает нас Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой, Святая Мария, все ангелы и святые. Да откажемся мы ото всей милости Божьей, отринем все надежды, подобно Иуде Искариоту, став посмешищем для всех людей, не вызывая ни у кого ни малейшей жалости и умерев наконец жестокой смертью и претерпев все муки адовы без надежды на спасение. Такова наша христианская клятва… (C.R.Boxer, _The_Christian_Century_in_Japan,_1549–1650_, London, 1951, p. 441.)]

Воодушевленная верой и страстью к мученичеству, христианская община несла свой крест с невероятным терпением, не оказывая даже малейших попыток силового сопротивления. Остров Кюсю — центр японского христианства — стал местом самых жестоких преследований. Чтобы выведать сведения у плененных христиан или добиться их отречения были использованы почти все мыслимые виды пыток и унижения достоинства, которые могли произвести человеческая жестокость и изобретательность. В перечень стандартных методов Главного Управляющего Нагасаки, входило: пытка водой, помещение в яму со змеями, клеймление лица, перепиливание бамбуковой пилой, пытка деревянным конем (при которой к ногам посаженной на него жертве привязывался тяжелый груз), зажаривание живьем и (одна из немногих статей импорта с Запада, с энтузиазмом воспринятая властями) распинание.

В русле дальнейших усилий предотвратить иноземное вмешательство, Бакуфу Токугава издало серию эдиктов, согласно которым большинство иностранцев высылалось из Японии, а всем японцам запрещалось покидать страну под страхом смерти или, в случае, если они ее уже покинули, возвращаться обратно. Первым из таких указов был эдикт из семнадцати статей, изданный в 1633 году; еще более жесткие правила были установлены в 1635 и 1636 годах; как последствие восстания в Симабара, заключительный эдикт 1639 года запрещал португальским судам заходить в японские порты. Эти установления более чем на два столетия положили конец внешней торговле и туризму и полностью лишили оставшихся в Японии христиан внешних контактов и поддержки.

Повелитель Мацукура, ставший властителем полуострова Симабара после окончательной победы Токугава в 1615 году, в отношении к своим подданным был сперва обманчиво мягок, однако вскоре он перешел к жестким методам и, после десятилетнего правления, обрел сомнительную репутацию одного из двух самых преуспевших гонителей в Японии. Он был известен, как изобретатель самых изощренных мучений заключенных-христиан. Знаменитым местом пыток

были горячие источники Ундзэн (упоминаемые в «Песни Амакуса Сиро») в центральной гористой части Симабара. В Ундзэн, ставшим теперь популярным курортом для туристов, жертв, отказывавшихся отречься, медленно сваривали до смерти в кипящих серных водах на глазах у охваченных ужасом членов их семей и деревенских соседей.

На островах Амакуса в нескольких милях к югу, по указанию Бакуфу Токугава правление было передано от бывшего даймё-христианина роду Тэрадзава. Множество беженцев, среди которых было много «ронинов», бежали от гонений в Нагасаки и других частях острова Кюсю, перебираясь на эти острова, где они вливались в христианские фермерских и рыболовные общины. Однако, как оказалось, это было неудачное решение. Хотя Повелитель Тэрадзава и мог быть в какое-то время тайным приверженцем учения, он подверг своих подданных-христиан жесточайшим мукам, в частности сожжению; его сын, пришедший к власти в 1633 году, с энтузиазмом продолжил его дело. К 1637 году политика официального террора и репрессий принесла полный успех: большинство верующих в регионе публично отреклось от Христа, поправ ногами святое изображение _(фумиэ)_ или подписав клятву отступничества. Однако, как вскоре показали события, преследования сделали местных верующих еще более непоколебимыми. Большинство из них, включая Амакуса Сиро и его семью, в душе остались христианами и в тайне продолжали следовать своей вере.

Серия инцидентов 1636 и 1637 годов позволяют судить об отчаянном положении местных христиан. В конце 1637 года набожный крестьянин из деревни на Южном Арима, на самой оконечности полуострова, достал старое изображение Господа, которое он хранил в сундуке из боязни, что его кто-нибудь найдет и сообщит об этом властям. С изумлением и радостью он обнаружил, что, пока картина лежала в сундуке, на ней появился оклад. Чудо! Он немедленно сообщил об этом своим единомышленникам, в том числе старшему брату, который был деревенским старостой, и несколько дней спустя все они втайне собрались в его доме, чтобы поклониться картине и восславить Бога. Однако, новость об этой встрече просочилась наружу, и несколько полицейских поспешили в маленькой лодке из ближайшего отделения в Симабара. Они ворвались в дом как раз в тот момент, когда шла тайная литургия, и арестовали шестнадцать участников, включая обоих братьев. Арестованные были связаны и отосланы в Симабара, где их должным образом казнили в назидание другим.[358 - По одной из версий, только двое братьев были арестованы и казнены.] На следующий день после того, как было объявлено это мрачное известие, жители деревни праздновали Вознесение, бесстрашно вывесив свои белые христианские флаги. Когда управляющий попытался вмешаться, разгневанные участники убили его. Верующие Южного Арима поняли, что теперь их ждут жестокие репрессии и, вместо того, чтобы ждать пока на них опустится меч, спешно объединили силы с единомышленниками по вере из соседних деревень и стали строить планы захвата местных правительственных учреждений. Через несколько дней разразилось восстание.[359 - Есть большое количество различных описаний этого инцидента (например «Сёгун то даймё», с. 41–42, и Окада, _Амакуса_, с. 3–4). В общем они, вероятно, аутентичны, однако многие детали представляются побочными, и вряд ли (как часто предполагается) именно этот]

В большинстве современных японских исследований того времени описываются исключительно религиозные мотивы восстания. Современные ученые, однако, придают основное значение экономическим факторам, настаивая, что Симабара явилась в сущности не христианским восстанием, но яростным протестом крестьян в бедном, отсталом регионе Японии, против грабительских налогов, которыми их обложили феодальные правители. Как ни странно, экономические мотивы подчеркивались также и европейскими наблюдателями, в том числе Дуарте Корреа, доверенным лицом Священной Инквизиции,[360 - «В августе [1638] в Омура, Дуарте Корреа, близкий к Святому Ордену, член Общества Иисуса, после двух лет плена был предан жестоким пыткам и в конце концов сожжен на медленном огне.» Leon Pages, _Histoire_de_la_religion_Cretienne_au_Japoп_depuis_1598_jusqu'a_1651_ (Paris, 1869-70), 11:850.] который во время восстания сидел в тюрьме на Кюсю, ожидая, когда его сожгут. Корреа вряд ли можно назвать экономическим детерминистом, однако в своем описании восстания он отмечает жалкие условия жизни, доведшие местное населения до отчаяния, и цитирует высказывание одного японца: «причины восстания были не в том, что его участники являлись христианами, поскольку во времена, когда их было много, в том числе — и высокопоставленных лиц, они никогда не восставали».[361 - Boxer, _Christian_Century_in_Japan_, pp.377-78. Отчет Корреа, «Relacam do alevatamento de Ximabara, e de seu notavel cerco, e de varias mortes da nosson Portuguezes po la Fe», мы находим на стр. 403–411 у Pages, _Religion_Chretienne_au_Japon._ Он был переведен на японский язык (Токио, 1949), но, насколько мне известно, на английском его пока нет. «Те, которых интригуют маленькие иронии жизни, — замечает профессор Боксер (_Christian_Century_in_Japan,_ p.497), с интересом узнают, что оригинальный проект [манускрипта Корреа] был посвящен Генеральному Инквизитору Португалии Дом Франсиско де Кастро, известному преследователю евреев, сжигавшему их; сам Корреа был зажарен до смерти на медленном огне в августе 1639 года.»]

Несомненно, у чиновников сёгуната были веские причины подчеркивать религиозную природу восстания, поскольку это давало конкретный повод их антихристианской политике; и местные власти очевидно предпочитали представить Симабара как результат религиозного фанатизма, а не как отчаянный бунт голодающих людей против своих угнетателей. «Выдвигают религиозные причины восстания, — пишет Паже в своей знаменитой „Истории Японского Христианства“, — однако они не представляются достоверными.» Японское правительство, указывает он, подчеркивало религиозные мотивы, «дабы прикрыть свои недостатки и спасти лицо».[362 - Pages, _Religion_Chretienne_au_Japon_, pp. 842-43.]

Вину за экономические тяготы крестьянства на Кюсю не следует полностью относить на счет беззакония местных властей. У нас нет никаких сведений о том, что такие высокопоставленные лица, как Мацукура или Тэрадзава были коррумпированы или плохо управляли вверенными им территориями. Однако, они вынуждены были подчиняться все более обременительным и нереальным налогообложениям центрального правительства Бакуфу на «внешних даймё»,[363 - _Тодзама_—_даймё (феодальные лорды) на Кюсю и в других местах, не подчинявшиеся Токугава вплоть до победы при Сэкигахара в 1600 году. К ним всегда относились с большим подозрением, чем к наследственным вассалам; Бакуфу всегда стремилось ослабить их экономическую и политическую мощь.] - вполне естественно, что они перекладывали все эти тяготы на единственный источник сельскохозяйственного довольства — крестьянство, трудившееся из

последних сил на рисовых полях.[364 - Цудзи Тацуя, _Эдо_Бакуфу_, Токио, 1966, с. 323.] Ситуацию усугубляло то, что, начиная с 1634 года, урожаи на Кюсю были постоянно низкими, а в 1637 году выдался неурожай. Обыкновенно в такие тяжелые времена местные налоги снижались, однако это было невозможно осуществить из-за необходимости сдачи в закрома Бакуфу рисовой подати. Дополнительные расходы на полуострове возникли и при строении нового замка Симабара. Повелитель Мацукура не только не снизил, но, напротив, поднял налоги со своих крестьян. В дополнение к обычной продуктовой подати, они были обложены налогами с каждой двери, с очага, с полки, со скота, и даже с каждого рождения или смерти. Поскольку обычно подати выплачивались рисом и прочими зерновыми культурами, результатом стало повсеместное недоедание и голод. Ситуация достигла своего пика в 1637 году, когда, по отчетам того времени, крестьянам приходилось есть тину и солому.

В этих мрачных условиях регулярные сборы подати, очевидно, представляли проблему. Иногда крестьяне скрывали еду, чтобы спасти себя и свои семьи от голода, однако чаще всего им практически нечего было скрывать, и они просто ничего не могли сказать на требования сборщиков. Власти в Симабара и Амакуса решили, что необходимы жестокие методы, ибо крестьяне ведь — как кунжутовые семена: «чем сильнее их давишь, тем больше они отдают.» Повелитель Мацукура, уже прославившийся своим безжалостным обращением с христианами, использовал теперь свой опыт в запугивании злостных неплательщиков. Следующее описание изобретенной им пытки «Пляска Мино» содержится в письме Николауса Кукебакера, главы голландской фактории близ Нагасаки, к генерал-губернатору Формозы:

Тех, кто не мог уплатить положенные налоги, по приказу [Мацукура] одевали в грубую соломенную накидку, сплетенную из разновидности травы, с длинными и широкими рукавами, которую японцы называют _мино_ и которая используется рыбаками и прочими крестьянами для защиты от дождя. Эти накидки крепко привязывали к шее и туловищу, руки закручивали веревками за спину, и после этого соломенную накидку поджигали. Люди не только получали ожоги, но некоторые сгорали до смерти; другие убивали себя, яростно катаясь по земле, или тонули. Эту трагедию называют «пляской Мино» _(мино-одори)._[365 - Переведено в James Murdoch, _A_History_of_Japan_ (reprinted London, 1949), II:650.]

Для того, чтобы жертвы горели поярче и сильнее устрашали своих деревенских соседей, которых принуждали смотреть на это ужасное зрелище, ответственные за экзекуцию приказывали натирать накидки ламповым маслом; часто эти наказания устраивались после заката, как какой-нибудь мрачный фейерверк.

Когда такого рода прямолинейные методы не приводили к ожидаемым выплатам, власти арестовывали в качестве заложников жен или дочерей неплательщиков и подвергали их болезненным и унизительным процедурам, например, подвешивали их вниз головой или раздевали догола.[366 - Окада, _Амакуса_, с. 17.] Были случаи, когда мужья, особенно те, кто ранее принадлежал к военному сословию, а теперь стал фермером, предпочитали убить своих жен и детей собственными руками, чтобы не подвергать их подобному позору. Часто женщин

оставляли погруженными в ледяную воду до тех пор, пока они не умирали, или, как надеялись власти, их семьи не восполняли недоимки. В декабре 1637 года беременная жена старосты одной из деревень в Амакуса была посажена в «водяную тюрьму», пробыла там шесть дней и шесть ночей и умерла при родах. Корреа описывает другой случай, произошедший в Симабара в том же месяце:

Была схвачена дочь старосты деревни и, поскольку она оказалась молодой и красивой (_moca_donzella,_e_fermosa_), ее выставили обнаженной и ставили клейма по всему телу раскаленными прутьями. Ее отец, предполагая, что дочь просто будет заложницей до тех пор, пока он не выплатит долг, согласился расстаться с ней, однако, услыхав, какому варварскому обращению она подверглась, он обезумел от горя и, призвав своих друзей, напал на местного исправника и убил его.[367 - Pages, _Religion_Chretienne_au_Japan,_ p.405. «Судебный пристав» или «управляющий имением» (по-португальски _ministro_dejustica_) предположительно соответствует местным _дайкан._]

Как считает Паже, именно этот инцидент привел к общему восстанию. Было бы ошибочным, однако, выделять какой бы то ни было отдельный случай, как решающий. Восстание в Симабара явилось результатом сочетания экономических и религиозных причин. В самом его начале экономические факторы были, возможно, более действенными; однако, как только движение набрало силу, и угнетенные крестьяне объединились вокруг лидеров и лозунгов главным образом христианского толка, восстание стало все более приобретать религиозный характер. Хотя экономические страдания крестьянства и были важнейшей причиной, Амакуса Сиро и другие настаивали на том, что их цели являются исключительно религиозными. Предводители Восстания в Симабара желали воодушевить своих сподвижников, сосредоточивая внимание на идеологических моментах более, нежели на моментах материального характера. В послании, адресованном властям несколько месяцев спустя после начала движения, они заявляли:

Дело просто в том, что христианство не признается отдельной школой…Сёгун издал много запрещающих указов, приведших нас в глубокое уныние. Среди нас есть такие, кто ставит надежду на будущую жизнь превыше всего. У них вообще нет выхода. Из-за того, что они не изменяют своей религии, их подвергают различным жестоким наказаниям, бесчеловечному позору и ужасным страданиям, покуда, наконец, не замучивают насмерть за их преданность Господу на небесах. Другие, пусть и решительные люди, обладая чувствительным телом и боясь пыток, скрывая свою скорбь, подчинились воле [Сёгуна] и отреклись. Поскольку дела шли так и не иначе, чудесным и непредсказуемым образом все люди объединились и восстали. Продолжай мы жить, как жили, не пытаясь отменить указанные законы, мы неизбежно претерпели бы все возможные виды наказаний; мы бы согрешили против нашего Господа в вышних, обладая слабыми и чувствительными телами, а в заботах своих коротких жизней растеряли бы и то, что обрели. Все это переполняет нас неизбывной скорбью. По этой причине мы и находимся в нынешнем состоянии.[368 - Заявление датируется 17 февраля 1638 года. Murdoch, _History_of_Japan,_ p.660.]

За первые месяцы движения мировоззрение не-христиан в рядах инсургентов было значительно поколеблено религиозной устремленностью их лидеров, которая представлялась им гораздо более благородной и воодушевляющей, чем материальные тяготы, и, предположительно к окончанию восстания, большинство из них было обращено в веру, преобладавшую в лагере восставших, о чем столь гордо заявлялось в надписях на знаменах.

Восстание разразилось в Симабара 17 декабря (1637 года) и, как пламя по сушняку, быстро распространилось по всему полуострову, а затем перекинулось через проливы на острова Амакуса. Основными силами инсургентов были бедные, безоружные крестьяне и рыбаки, — люмпен-пролетариат сельскохозяйственной Японии. Будучи в основном обращенными в католическую веру, или детьми таких обращенных, они десятилетиями подвергались гонениям, и теперь были полны решимости действовать. Целые деревни в Симабара опустели, все их обитатели — мужчины, женщины и дети — присоединились к массе восставших.

Первыми, однако, выступили не низшие слои крестьянства, но жившие в относительном благополучии старосты деревень (_сёя_). Многие из них происходили из военного сословия, и ранее состояли на службе у католических даймё типа повелителя Арима или генерала Кониси, сражались под их водительством в Корее во времена гражданских войн. При новом режиме они стали мелкими помещиками или средними фермерами, однако их жизнь практически не отличалась от существования остальных крестьян, и они теперь также были приведены в ярость ежедневными лишениями и унижениями.

Думается, что эффективная организация и руководство восстанием были в руках десятка таких бывших самураев, которые, лишившись своих хозяев, перешли в класс «ронинов».[369 - Интересно, что, несмотря на религиозную природу восстания, после падения замка Хара среди инсургентов не нашли ни одного католического священника, тогда как несколько _батэрэн_ (падре) находились в Осакском замке во время великой осады 1615 года. Несмотря на все португальские лозунги, восстание в Симабара было чисто японские делом.] Типичным среди них был шестидесятилетний бывший воин по имени Асидзука Тюэмон, отец которого когда-то был правителем замка Удо — центра феодального правительства провинции Хиго, во времена бывшего даймё-христианина генерала Кониси. После смерти отца и назначения нового правителя; который выступил против христианства, Асидзука перебрался на полуостров Симабара и стал фермером. Потрясенный жестокостями и несправедливостью режима Мацукура, он в декабре 1637 года решил с другими «ронинами» возглавить бунт крестьян, и вскоре стал известен, благодаря своей храбрости в сражениях с правительственными войсками. По одной из версий, именно Асидзука первым предложил поставить Амакуса Сиро главнокомандующим всеми восставшими.

В официальных документах того времени об Амакуса Сиро отзывались презрительно, как о человеке, у которого «не было даже родословной» (_юисёмо_наки_), однако в действительности мы знаем, что его отец, Масуда Ёсицугу, был респектабельным самураем-христианином, ставшим фермером. Он родился на маленьком островке Ояно в Амакуса и служил у генерала Кониси.

Масуда, ставший позже знаменитым предводителем восставших, известным под именем «Амакуса Дзимбэй», оставался на своем острове до 1600 года; после смены режимов он со своим младшим братом, врачом по имени Гэнсацу, перебрался в деревушку Эбэ в центре провинции Хиго. Там он был назначен старостой и там же, около 1621 года родился его сын, Амакуса Сиро.[370 - Старший ребенок, дочь, окрещенная Регином, родилась в 1615 году, младшая девочка, названная Ман, была на 10 лет младше Амакуса Сиро. Должны были быть еще двое детей, старше Сиро (имя которого переводится, как «четвёртый ребенок»), но о них нет никаких сведении; вероятно, они умерли в раннем возрасте.Масуда (отец)Ватанабэ Марта========Масуда Масуда СоэмонДэнбэй Ёсицугу (Ояно Гэнсацу)Кодзаэмон Сатаро==Регина Масуда Токисада Ман(Амакуса Сиро)Кохёэ[Двойные линии означают брачные связи]] Дзимбэй предстает перед нами бесстрашным проповедником, — несколько раз он выступал с христианскими проповедями в Нагасаки и Амакуса — рискованное предприятие для Кюсю XVII века; иногда он брал с собой своего не по годам развитого сына, который, таким образом, с ранних лет причастился радостям и опасностям христианства.

О детстве и отрочестве Амакуса Сиро сохранилось несколько записей, часто противоречащих друг другу. Один из наборов историй тщательно выверен, дабы подчеркнуть атрибуты чудесного. Нам рассказывают, что, безо всякого формального образования он обрел необычайные знания (читал и писал с четырех лет), а также обладал удобной способностью творить сверхъестественное. Когда Амакуса Сиро исполнилось двенадцать лет, он стал слугой какого-то китайского торговца в Нагасаки; известный физиогномист из Китая был поражен, увидев юношу в роли слуги, поскольку угадал в чертах его лица признаки будущего величия.[371 - Более буквально, он увидел, что это был «ребенок, в котором мир мог обрести надежду». Окада, _Амакуса_, с. 89.] Эта, остающаяся неподтвержденной, история типична для героических фигур Дальнего Востока. Несколько более достоверны сведения о том, что Амакуса Сиро был нанят в качестве мальчика-пажа одним из вассалов повелителя Хосокава, но что, из-за особой любви к учению, он попросил уволить его со службы, дабы он смог продолжить занятия; после этого он жил с отцом в Хиго.

Несколько отличную версию изложила его мать, когда ее допрашивали власти. По словам Марты (имя, данное ей при крещении), Амакуса Сиро провел большую часть своего детства в Эбэ. В возрасте одиннадцати лет он приступил к серьезным занятиям, отказавшись от службы у своего феодального хозяина до тех пор, пока не закончил свое образование. Приблизительно с двенадцати лет он начинает часто ездить в Нагасаки. Вскоре после того, как разразилось восстание, по признаниям Марты, он вместе со своим отцом переехал в дом его шурина в Ояно (Амакуса). Он никогда не бывал в Осака и вообще где-либо в Японии, кроме Кюсю. Полностью на слова Марты не следует полагаться, поскольку очевидно, что она была осторожна, опасаясь изобличить своего сына. История же его поездок в Нагасаки представляется подлинной; возможно, в один из этих визитов он был тайно крещен и получил христианское имя Хиэронимо (Иероним).[372 - Настоящее имя героя — Масуда Токисада, однако он стал широко известен как Амакуса Сиро, или Амакуса-но Сиро, то есть «Сиро из Амакуса» (где «Амакуса», разумеется, аналогично слову «Аравийский» в сочетании «Лоуренс Аравийский»), и я постоянно пользовался этап именем. Дуарте Корреа, португальский хроникер, называет его Maxondanoxiro (Pages, _Religion_Chretienne_au_Japan,_ p.406) — как мне кажется, это португальская транскрипция Масуда но Сиро. Паже (с.844) пишет: «Главой повстанцев был молодой человек, которому едва

исполнилось 18, по имени Жером Машудано Шико, рожденный от благородных родителей и происходивший из Финго.» — предположительно есть расшифровка португальского Moxondanoxiro, где «р» по ошибке зеленили на «к». «Финго» относится к названию префектуры Хиго на Кюсю. Хотя отец героя и был самурайского происхождения, «благородные родители» — все же некоторое преувеличение.]

Главной загадкой, безусловно, остается — почему паренек Амакуса Сиро, не обладавший никакими профессиональными знаниям военного дела и организации, был избран инсургентами главнокомандующим? Можно предположить, что никто не ожидал столь быстрого развития восстания и того, что молодой человек скоро окажется во главе почти сорока тысяч человек. Однако, почему такой опытный экс-самурай Асидзука из всех возможных кандидатов выбрал именно его, как достойного военачальника? Обстоятельства этого выбора остаются неясными. Одна из возможностей состоит в том, что Амакуса Сиро предполагалось выставить в качестве фиктивного руководителя, тогда как реальное управление восстанием должно было находиться в руках малого числа «ронинов», включая его отца, который должен был действовать от его имени, точно так же, как сильные политические и военные фигуры в японской истории столь часто получали власть, «передававшуюся» им императором-ребенком или другим номинальным лидером. Возможно также, что руководители-«ронины» были раздроблены на фракции, каждая из которых выдвигала свою стратегию и цели, и что Амакуса Сиро был избран в качестве компромиссного кандидата именно по той причине, что он был неопытен и не принадлежал ни к одной группировке.[373 - В соответствии с «автобиографией», Амакуса Сиро был избран предводителями восставших после бесконечных собраний и обсуждений, на которых были нейтрализованы всевозможные фракции.] Помимо этого, он, бесспорно, обладал необычными личными качествами. Делая поправку на легендарность описаний, мы в то же время имеем основания верить, что это был одаренный молодой человек (и это подтверждается «Записями Семьи Хосокава», которые вряд ли можно заподозрить в приукрашивании характера предводителя восстания),[374 - «… его сын Сиро… будучи блестящим молодым человеком _(саити_аруёси_нитэ),_ был избран предводителем восстания.» Цит. Окада, _Амакуса_, с. 85.] а также, вне зависимости от того, насколько верно распространенное убеждение в его выдающихся качествах, он вполне мог располагать обаянием молодости, подобно Ёсицунэ, а также таинственной привлекательностью, которую Вебер определяет, как харизматическую.[375 - В связи с частым неправильным использованием этого термина в работах журналистов, стоит, вероятно, привести описание Макса Вебера, вполне применимое к случаю с Амакуса Сиро и многих прочий героев-неудачников в японской истории:Личный авторитет может, также, основываться на совсем не традиционных источниках. Командование может отправлятьсяЛИДЕРОМ — будь он пророком, героем или демагогом — который может доказать свое обладаниеХАРИЗМОЙ путем сверхъестественных сил, откровений, героизма или каких-либо прочих экстраординарных способностей. Те, кто подчиняется такому лидеру, естьУЧЕНИКИ илиПОСЛЕДОВАТЕЛИ, верящие в его особые качества, а не следующие установленным правилам, либо положениям, освященным традицией. (Reinhard Bendix, _Max_Weber:_An_Intellectual_Portrait,_ New York, 1962, p.295.)]

Возможно, за этим выбором стояли причины и религиозного характера. Организаторы-«ронины» могли думать — и вполне справедливо — что набожные крестьяне Симабара и Амакуса скорее

поднимутся на борьбу за дело, провозглашенное чистым, невинным юношей, которого можно будет представить, как Небесное Дитя (_Тэндо_) или Сыном Божьим, чем пойдут за загрубевшими экс-самураями. Общие планы восстания разрабатывались, вероятно, по крайней мере за шесть месяцев до выступления, и на протяжении этого времени предводители-«ронины» сделали все возможное, чтобы создать Амакуса Сиро репутацию мессианской фигуры, посланной Богом, дабы принести свободу страждущим людям.[376 - Одна из интригующих возможностей состоит в том, что избрание Амакуса Сиро на должность предводителя было стимулировано, по крайней мере — отчасти, знанием о Дом Себастьяо, — молодом португальском правителе, взошедщем на престол под именем Себастьяна I. Он был хорошо известен японским христианам на Кюсю, а в 1562 году даймё-христианин из провинции Бунго послал ему в знак уважения дорогой меч. С ранних дней Дом Себастьяо — слабый, болезненный ребенок, воспитанный иезуитами — был охвачен фанатичным религиозным пылом и рассматривал себя в качестве героического христианского рыцаря, который обретет славу покорителя мусульманских язычников Африки. В 1578 году, в возрасте 24 лет, он высадился в Марокко и ринулся в битву на своем белом коне. Как и у Амакуса Сиро, у него не было практического военного опыта. Он потерпел поражение при Алказеркивире, его армия была разгромлена, сам он был убит, а португальский престол перешел к испанской короне. Неудача была полнейшей, однако Дом Себастьяо стал центром героической легенды. Ходили слухи, что он не умер, а был пленен мурами и в свое время вернется, дабы повести свой несчастный народ к победе! (Краткое описание статьи из «Columbia Encyclopedia», 3rd ed., New York, 1963, p. 191.) Эта странная мессианская легенда, просуществовавшая на протяжении столетий и известная под наименованием «себастьянизма», без сомнения была знакома христианам в Японии XVII века. Возможно (хотя, разумеется, это — чистое предположение), Амакуса Сиро был избран предводителем восстания, как реинкарнация, или прообраз молодого португальского героя. К этому стоит заметить, что, когда г-н Кукебакер, начальник голландской фактории, писал свой дневник о событиях в Симабара, он включил в него слух, ходивший тогда по Эдо, что на самом деле Амакуса Сиро не был убит в замке Хара, а чудесным образом спасся (ср. с легендой о спасении Ёсицунэ из горящего дома), чтобы вернуться позже и защитить своих людей. См. также о 13-летнем мальчике-христианине, имя которого связывали с возможным восстанием у Нагасаки в 1657-58 годах.] К декабрю почва была подготовлена, и его уже можно было выдвинуть, как естественного вождя, под божественным водительством которого крестьяне Сибамара и Амакуса — а позже всего Кюсю и даже всей Японии — стряхнут с себя оковы. В какой мере этот молодой японский мессия был способен принимать повседневные военные решения и отдавать приказы — никогда не станет известно. Вполне вероятно, что практическое направление восстания находилось в основном в руках старших руководителей-«ронинов», типа Дзимбэя и Асидзука. По преданию же, именно Амакуса Сиро всегда являлсяРУКОВОДИТЕЛЕМ И ГЕРОЕМ Симабара, тогда как прочие командиры в большинстве своем остались неизвестными.

Вскоре после того, как разразилось восстание, бдительный юноша четырнадцати лет из деревни представил местным властям информацию, которая повлекла за собой арест матери и сестер Амакуса Сиро, а также семьи его старшей сестры. Властям нетерпелось узнать все об Амакуса Сиро и выяснить — является ли он в действительности центральной фигурой скоординированного плана восстания. Пленники были соответствующим образом подвергнуты допросу. Они показали, что Амакуса Сиро практически безвыездно проживал в свое родной деревне Эбэ, что в последнее время он страдал серьезными приступами чесотки (факт из повседневной жизни, в достоверность которого вполне можно поверить) и что, хотя он и бывал на островах, — он, вопреки тому, на чем настаивали следователи,НЕ проповедовал христианское Евангелие ни в Амакуса, ни в Нагасаки.

Хотя они вероятно были подвергнуты жестоким пыткам, Кодзаэмон и другие упорно старались вывести Амакуса Сиро и его отца из-под удара.[377 - Окада, _Амакуса_, с. 76–77.]

После того, как расследование было закончено, заложников принудили написать письма, в которых они умоляли отца и сына оставить лагерь повстанцев в Амакуса и вернуться к семьям. Неизвестно, получили ли Амакуса Сиро и Дзимбэй эти письма вообще, однако, если и да, то они ясно понимали, что это — ловушка (вполне можно себе представить, какое обхождение они получили бы, попадись в руки палачей повелителя Тэрадзава), так что ответа не последовало. После этого до властей дошел слух, что отец и сын объявились в Нагасаки, и в христианских кварталах города был проведен тщательный, но бесполезный розыск. Одновременно заложники, на которых, несомненно, оказывалось сильное давление, посылали письмо за письмом, умоляя Амакуса Сиро и его отца вернуться домой и отречься от христианства, спасая, таким образом, бесчисленное количество невиновных крестьян от будущих мук. Ни на одно из этих посланий ни разу не был получен ответ. К тому времени восстание шло уже полным ходом, и оба были без сомнений заняты по горло в штабе инсургентов.

Когда известие о восстании распространилось по полуострову и близлежащим островам, более или менее спонтанно произошли выступления в различных городах и деревнях. Обычно они происходили в форме нападений на помещения местных феодальных властей (_рёсю_), захвата оружия и боеприпасов для сопротивления правительственным войскам. По сообщениям, из 45000 человек общего населения в Симабара к восстанию присоединилось 23000, а на островах Амакуса пропорция была еще выше (14 тысяч из 21-й); были области, практически все население которых участвовало в выступлениях. В первых столкновениях с правительственными силами Амакуса Сиро и его сподвижники практически всегда имели успех. Под их руководством, с ростом уверенности в себе вооруженные крестьяне могли уже противостоять регулярному войску самураев, уже строились планы захвата замка Симабара и других укреплений в области, что позволило бы получить надежную военную базу. Вскоре южная часть полуострова и все острова Амакуса оказались под контролем восставших.

Одной из причин этих первых успехов была неповоротливость феодальных властей. При наличии у Бакуфу огромного воинского контингента и возможности использовать войска из западных уделов, более быстрая реакция могла бы, безусловно, остановить распространявшееся восстание. Однако, силы закона и порядка упустили драгоценное время. Известия достигли Эдо к Рождеству. Хоть какие-то эффективные контрмеры были приняты в Симабара более чем через месяц, а к тому времени восстание уже набрало силу.

Огромное расстояние (для путешествий в те времена) между Эдо и западной оконечностью Кюсю лишь отчасти объясняет эту задержку. Препятствием был указ самого Бакуфу, запрещавший уделам участие в любых военных мероприятиях без соответствующих инструкций из Эдо. За два года до событий правительство сёгуната, боясь сговора в стане «внешних даймё», включило его в Указания Воинскому Сословию (_Букэ_Сёхатто_). Именно из-за этой неудачной меры силам соседних уделов было невозможно действовать сообща, иначе войска Хосокава и Набэсима

подавили бы восстание в зародыше. В случаях крайней необходимости каждый надел должен был оборонять себя сам до тех пор, пока Сёгун не отдавал на этот счет распоряжения. В полном соответствии с этим, в декабре 1637 года феодальные армии близлежавших провинций бездействовали, отказываясь воевать с восставшими вплоть до принятия решения в Эдо. Как заметил Хосокава в письме к знакомому даймё, жившему на востоке, «даже если бы на завтра ожидалось падение замка [Симабара], нам пришлось бы стоять на месте и просто наблюдать до тех пор, пока мы не получили бы инструкций от Бакуфу.[378 - Цит. у Цудзи, _Эдо_Бакуфу_, с. 403.]»

Далее, не только правительственный сёгунат, но даже и местные даймё на Кюсю сперва были склонны приуменьшить серьезность восстания, рассматривая инсургентов как кучку крестьян, которые в ужасе разбегутся при первом же появлении самурайской армии. С этой точки зрения, отношение японских правителей весьма напоминало позицию римских властей накануне восстания под предводительством Спартака.[379 - Жестокое подавление восстания в Симабара напоминает кошмарные экзекуции рабов, плененных римскими войсками после Сервиллиевекого восстания в 72 году до Р.Х. В обоих случаях власти были намерены устрашить массы террором, и в обоих же случаях они в этом преуспели.] Очевидно, они не осознавали, что многие из вожаков восставших сами были профессиональными военными; они, также, не ожидали, что религиозная вера пробудит в забитых крестьянах храбрость и фанатизм и что возглавивший их «мальчик с божественной силой» вызовет в них такой энтузиазм. Когда главного советника сёгуна спросили, не слишком ли опасно откладывать решительные действия в то время, как количество инсургентов растет день ото дня, он ответил, что чем больше людей присоединится к восстанию, тем лучше, поскольку всем им предстоит быть убитыми.[380 - Окада, _Амакуса_, с. 49. Советником был известный воин-министр Сакаи Тадакацу (1587–1662).] Повелитель Мацукура как раз был в Эдо, когда туда пришло известие, что на его территории вспыхнуло восстание; хотя в этом следовало винить именно его, он переполнился праведным негодованием и заявил, что лично возглавит карательную экспедицию против взбунтовавшихся.

Объединить силы различных даймё с Кюсю и подавить восстание назначили Итакура Сигэмаса. Выбор этого престарелого генерала, чье здоровье не было крепким, а дух — неподобал для подобной работы, было еще одним доказательством того, что на данном этапе правительство недооценивало трудностей задачи. Он выехал из Эдо с отрядом кавалерии и пехоты в середине января и безо всякой спешки через целых три недели в одно время с Повелителем Мацукура. прибыл в Симабара.

Власти сёгуната серьезно обеспокоило известие о том, что восстание распространилось на острова Амакуса, а, по мере того, как борьба продолжалась, их начинали все более и более волновать его возможные последствия. Поскольку все донесения с Запада подчеркивали религиозный характер восстания, правительство поняло, что ему не только не удалось избавиться от «злого учения» на Кюсю, но и что это выступление может возмутить и другие отсталые части страны, как например северо-восток (Тохоку), где у христианства было все еще много приверженцев. Всем даймё, пребывавшим в Эдо, было приказано вернуться в свои провинции, чтобы предупредить возможные неприятности. Бакуфу также опасалось, что восставшие на Кюсю могут получать помощь от «южных варваров», то есть португальцев. Иначе как бы крестьянская рвань осмелилась

противостоять мощи вооруженных самураев? Подозрение было полностью безосновательным; в действительности, единственным, кто получал помощь от европейцев в период восстания, было само правительство.

С каждой неделей восстание распространялось все шире, восставшие разбили войсками Повелителя Мацукура и Повелителя Тэрадзава. Для Амакуса Сиро и других это должно было казаться слишком большой удачей, как и было на самом деле. Первые сбои начались в январе, когда неоднократные массовые атаки восставших на замки Симабара и Томиока не привели к успеху.[381 - Роль Амакуса Сиро в неудачной атаке на Томиока не подтверждена никакими документами того времени и могла быть просто частью героической легенды. Сообщали, что его ставка располагалась в порту Футаэ, ближайшем к оконечности Симабарского полуострова.] Сообщают, что в это время Амакуса Сиро был готов вести двенадцатитысячное войско на Нагасаки, там он должен был послать парламентеров с требованием оружия и снаряжения, недостаток которых всегда был ахиллесовой пятой восставших, а, в случае отказа, — атаковать город.[382 - Трудно представить, каким образом атака Нагасаки силами всего 12000 человек могла удаться; однако, если бы христианское население города помогло восставшим захватить необходимое вооружение (особенно — большую пушку), то они вполне могли бы продержаться в замке Хара на несколько месяцев дольше.] Этому, однако, помешали известия о нападении на одну из его деревень в Амакуса, и ему пришлось идти ей на помощь. После этого Амакуса Сиро и его советники решили, что, ввиду быстро растущей силы правительственных войск и недавнего прибытия уполномоченного сёгуната генерала Итакура, им необходимо сменить стратегию. Они полностью уйдут с островов Амакуса, пока еще есть время, и объединят силы с восставшими на полуострове, где можно укрепиться в покинутом замке Хара. Новый план обороны был немедленно претворен в жизнь: Амакуса Сиро и тысячи его соратников на островах пересекли проливы и принялись укрепляться в своем новом убежище. В донесении одного из посланников Повелителя Хосокава сообщалось о массе лодочек, курсировавших в узких проливах, каждая — с распятием, укрепленным на руле.

Когда все восставшие обосновались в безопасности в замке, за исключением одной, все лодки были уничтожены, а обломками укрепили крепостной вал. Теперь возврата не было. Большинство территории Амакуса превратилось в заброшенные земли; в покинутых восставшими деревнях не осталось никого. По приказу генерала Итакура, эти деревни были сожжены до основания. Их жители, которые не смогли бежать, погибли в пламени, или были преданы смерти; среди пленных было много детей, которых Итакура приказал сжечь заживо — поступок столь же глупый, сколь и жестокий, поскольку это лишь распалило ярость и сопротивление защитников Симабара.

Старый замок Хара («Хара кодзё»), в котором Амакуса Сиро, его подчиненные и все восставшие собрались, чтобы дать решительный отпор своим угнетателям, был оставлен около двадцати лет ранее после завершения строительства замка Симабара в северной части полуострова. Хотя он и быстро разрушался, но все же оставался естественной крепостью, идеально подходящей для обороны. Замок стоял на обдуваемом ветрами плато с трех сторон окруженный открытым морем и ограждаемый крутыми скалами тридцатиметровой высоты. С четвертой стороны путь атакующим преграждала обширная заболоченная местность, отсутствие укрытий на которой

делало их легкой мишенью по мере приближения. Как и большинство японских замков того времени, он имел три больших оборонительных периметра: внешний, длиной около полутора миль (1200 на 200 ярдов), средний и внутренний периметр, или главная цитадель (_хоммару_), где находился Амакуса Сиро со своими старшими советниками. Огромные, блиндажеобразные траншеи были вырыты внутри каждого периметра; после начала бомбардировки укреплений в них разместилось большинство защитников. Под руководством Амакуса Сиро необходимые строительные работы были проведены столь быстро, что через десять дней заброшенная крепость стала пригодной для заселения. 27 января над бастионами взвился флаг с изображением распятия, и тысячи защитников со своими семьями устремились в то место, которому несколько месяцев спустя суждено было стать их эшафотом.

Мы никогда не узнаем, сколько именно инсургентов в действительности заселили замок Хара. Расчеты варьируются от двадцати до пятидесяти тысяч мужчин, женщин и детей. В большинстве японских источников приводится цифра тридцать семь тысяч, из которых около двенадцати тысяч человек были мужчины, способные сражаться; однако, это вполне могло быть преувеличением, служившим оправданием тому, с каким трудом Бакуфу смогло подавить восстание.[383 - Цифры, приводящиеся Dr.Ludwig Riess в «Der Aufstand von Shimabara 1637–1638,» _Mittheilungen_der_Dentschen_Gesellschaft_fur_Natur_und_Volkerkunde_Ostasiens,_ vol.V, Heft 44 (1890) — 20000, но они представляются сильно заниженными. По моим приблизительным расчетам, они составляли 30000. Однако, из-за отсутствия архивов восставших мы принуждены постоянно блуждать во мраке.] Среди обитателей замка было около двухсот бывших самураев, ставших военными экспертами и предводителями крестьян. Вероятно, некоторые из них сражались на стороне проигравших в прежних битвах против Токугава при Сэкигахара (1600) и Осака (1615), а теперь воспользовались случаем вновь сразиться с ненавистным Бакуфу. Бразды стратегического управления обороной замка были полностью в руках Амакуса Сиро и группы из пяти-шести старших по возрасту «ронинов» -христиан.[384 - Главным источником предположения, что под командой Амакуса Сиро было пять руководителей-«ронинов», являлся двуличный актер Ямада Эмонсаку, однако его показания можно ставить под сомнение. По его словам, этим пятерым было каждому за пятьдесят, и все они были в прошлом слугами даймё-христианина, генерала Кониси. Их имена и прочие подробности см. у Цудзи, _Эдо_Бакуфу_, с. 396 и Окада, _Амакуса_, с. 21.]

Структура командования в замке Хара основывалась, как ни странно, на принятой в регулярных войсках, собравшихся у стен. Она включала Главнокомандующего (Амакуса Сиро), начальника штаба (_дзитайсё_), командующего артиллерией и командующего инженерным подразделением, полевых командиров, капитанов (_хатагасира_) и многочисленных помощников в лагере (_цукаибан_).[385 - Цудзи, _Эдо_Бакуфу_, с. 396.] Несмотря на впечатляющие титулы, оборонявшиеся были плохо экипированы и вооружены в основном серпами, косами и пиками ручного изготовления, а также тем оружием, которое им удалось захватить за недели, предшествовавшие занятию замка Хара.[386 - В одной из описаний последней атаки на замок Хара описывается облик осажденных. У большинства из них не было настоящих доспехов, хотя многие были вооружены мечами, луками и копьями. В основном они были одеты в белые хлопковые робы и ушитые штаны. У некоторых были круглые шляпы с ремешками, завязанными под подбородками; на других были самодельные шлемы из железных обручей, набитые соломой

и закрепленные над ушами.] Среди них было несколько сотен стрелков из ружей с фитильными замками, которым и обязано большинство успехов в первые месяцы восстания. Хотя и оружие, и пули изготавливались внутри замка, с самого начала нехватка снаряжения была весьма ощутимой, а, по мере развития событий, стала просто отчаянной. Поскольку они не могли позволить себе использовать впустую ни одной пули, артиллеристы достигли замечательной аккуратности в стрельбе из своих мушкетов с фитильными замками, и, до тех пор, пока у них были заряды, сеяли смятение в рядах наступающих самураев, настроенных в основном на единоборства на мечах. Экономя боеприпасы, инсургенты собирали груды крупных камней, которые затем метали в противника из специальных катапульт. Рассказывали, что однажды команда более чем из ста человек спустилась на берег по крутым скалам для сбора камней; с правительственных кораблей по ним был открыт огонь, однако всем им удалось забраться обратно не получив ни царапины.

Несмотря на недостаток пищи и боеприпасов и полную безнадежность ситуации, моральный дух защитников крепости был весьма высок. Одной из причин тому была популярность их мессианского предводителя Амакуса Сиро. Даже дезертиры, оставлявшие замок и перебегавшие к противнику в последний месяц сопротивления поражали правительственных следователей личной приверженностью этому необычному молодому Сёгуну.[387 - Среди боевых кличей оборонявшихся был и такой: «Масуда-но Сиро Сёгун!».]

Амакуса Сиро являл собой воплощение веры, гордо запечатленной на их флагах и знаменах. «По всему парапету, — писал в отчете глава голландской фактории Кукебакер, — видны были бесчисленные знамена с красными крестами; было также много распятий, больших и малых».[388 - Хотя Кукебакер участвовал в атаке на замок, он, очевидно, получил сильное впечатление от осажденных. «Если, наконец, будет пленен любой повстанец, — добавляет он к отрывку (цитируемом у Окада, _Амакуса_, с. 130), — и если среди них будет любой благородный человек или 'вященник, я хотел бы познакомиться с ним.»] Знамена восставших были посвящены _Сантияго_ (Св. Якову), и в своих боевых кличах инсургенты взывали к этому испанскому святому так же, как и к _Иэсу_ (Иисусу) и Марии. Во все время осады внутри замка регулярно проводились службы, а дважды в неделю жители собирались на проповеди, которые читал лично Амакуса Сиро.

Душевный подъем защитников нашел отражение во многих боевых песнях и пасквилях,[389 - Окада (_Амакуса_, с. 253) цитирует некоторые бесшабашные куплеты в стиле «Вперед, солдаты Христа!», распевавшиеся под барабанный аккомпанемент незадолго перед последним приступом замка. Песня была громкой и слышалась в лагере осаждавших, где вызывала заметное удивление — все знали о безнадежном положении оборонявшихся.] высмеивавших безрезультатность действий войск Бакуфу, а также в заявлениях о своих целях и намерениях. Эти заявления перебрасывались в лагерь противника в форме «писем-стрел» (_ябуми_), когда послания привязывались к древкам стрел, что отражено в официальном отчете о кампании. В своих «письмах-стрелах» защитники вновь и вновь подчеркивали, что у них нет никаких материальных притязаний, и что единственная причина, побудившая их укрыться в замке Хара — это избежать преследований и иметь возможность свободно отправлять свои христианские обряды. Они объясняли, что их цели их — не от мира сего. Если бы они просто заботились о своей земной

жизни, они бы никогда и не помыслили о восстании; взгляды их направлялись к жизни грядущей (_госё_), и они жертвовали собой, зная, что за страдания в этом мире их ждет радость на Небесах. Будучи христианами, в случае смерти при защите своей веры они гарантированно попадали в рай. В «нормальное» время, говорилось в одном из писем, они бы не колеблясь пришли на помощь правительственным войскам, подавляющим врагов Сёгуна, однако теперь они сражаются под водительством «посланника Небес» (_амэ-но_цукай_) Амакуса Сиро, низлагавшего любой земной авторитет.

Со стороны материка у замка собрались правительственные силы, мобилизованные даймё с Кюсю по приказу из Эдо. Их материальное обеспечение было значительно лучше, чем у оборонявшихся. К концу февраля замок Хара осаждало более ста тысяч войск, а в марте они были значительно усилены.[390 - Паже предполагает, что количество войск властей к концу марта достигло 200000 _(Religion_Chretienne_au_Japon,_ p. 847) но это, вероятно, преувеличение. Официальные японские источники дают подозрительно точную цифру: 100619 к концу марта, и говорят, что под конец кампании было задействовано всего 124000 человек. Общие затраты правительства составили 400000 золотых _рё_ (приблизительно семь миллионов фунтов стерлингов в ценах 1975 года).] Для того времени это была огромная армия — гораздо больше той, что была задействована в битве при Сэкигахара в 1600 году, в которой Токугава добились решительной победы. Правительственные войска были хорошо экипированы, и на ранней стадии осады генерал Итакура сосредоточил усилия на создании запасов. В дополнение — интересный факт, проливающий свет на способы ведения войны в тот период — предприимчивым торговцам из Киото и Осака разрешалось свободно торговать излишками продовольствия и боеприпасов среди отрядов, осаждавших замок. Ничего подобного не получали оборонявшиеся, припасы которых были практически полностью ограничены тем, что они смогли принести с собой, когда вошли в замок.[391 - Население могло сноситься с поддерживавшими их христианами на холмах вне замка с помощью детских воздушных змеев (Окада, _Амакуса_, с… 256), однако не было никакой возможности получать от них материальную помощь.]

И все же, у атакующих было много слабостей, которые помешали им добиться быстрой победы. В начале их руководство было малокомпетентно, а моральный уровень — низок, отчего они проявили гораздо меньше мастерства и сильно уступали инсургентам в храбрости. Большинство их пушек было слишком слабы, чтобы вести эффективный огонь на расстоянии пятисот ярдов, отделявших их линии от замка; по той причине, что командовавший ими генерал настаивал на присылке подкреплений перед тем, как двигаться вперед, или проводить атаку, они не смогли воспользоваться начальной уязвимостью защитников замка. И, наконец, атакующие не представляли собой единой силы, будучи войском, составленным из семи подразделений, прибывших из разных уделов. По мере того, как нарастали нетерпение и напряженность, все чаще случались стычки, особенно между представителями сил Хосокава и Курода, выливавшиеся в массовые ссоры и даже смертоубийства. Сам Сёгун был вынужден сделать им замечание, указав, что следует сосредоточить усилия на совместных действиях против общего врага.

Для усиления своей огневой мощи, атакующие построили подвижные осадные механизмы и высокие башни (_ягура_)_со_ специальными приспособлениями для установки тяжелой

артиллерии. В одном из дневников того времени зафиксирована живая беседа между инсургентами и группой рабочих, трудившихся на постройке осадных приспособлений у крепостной стены. Когда оборонявшиеся стали бросать с парапета камни, рабочие закричали, что это несправедливо, поскольку они трудятся только лишь потому, что их хозяева заставили их выполнять эту работу, причем против их воли. Аргумент возымел желаемое действие, и они смогли продолжать трудиться без помех. Закончив работу, один из них крикнул: «Эй, в замке, бедные вы бедные! Вам приходится жить в земляных норах и есть только соевые бобы да сухие стручки. Почему бы вам не бросить все это и не сдаться?» Тогда один из инсургентов высунулся из амбразуры в стене и прокричал: «Насчет того, что мы живем в земляных норах — это ты прав, но посмотри, какую изысканную рыбу мы едим каждый день!» И он гордо вытянул вперед руку со свежим лобаном, так, чтобы рабочий мог ее увидеть.[392 - Там же, с. 195.]

Вместо того, чтобы идти на риск фронтальной атаки по заболоченной местности, осаждавшие решили прорыть тоннель, который шел бы прямо от их боевых линий в замок. Работы велись в полной тайне, однако вскоре оборонявшиеся услышали звуки из подкопа и предприняли ответные действия, заполнив тоннель дымом и сливая туда все экскременты и мочу.

Это сделало работу невозможной, и план был оставлен.[393 - Цудзи, _Эдо_Бакуфу_, с. 405; Окада, _Амакуса_, с. 206.] Следующим намерением было разрушить замок огромными ядрами. Они были вынесены на переднюю линию, причем каждое поднимали двадцать пять человек, но по какой-то причине (возможно — из-за отсутствия соответствующих орудий) ими ни разу не стреляли.[394 - Окада, _Амакуса_, с. 209. Одно из этих огромных каменных ядер сохранилось на цементном пьедестале в Нагасаки, где его несколько неуместно окружают железные распятия.] Затем решили воспользоваться услугами специалистов, известных как «люди-невидимки» (_ниндзюцудзукаи_), которым предписывалось тайно проникнуть в замок Хара и вернуться с информацией. Эти шпионы оказались достаточно эффективными, и их использовалось несколько десятков. В конце марта двое «людей-невидимок» проникли в замок, причем к их поясам были привязаны веревки, чтобы, в случае ранения или смерти, тела можно было вытащить обратно.[395 - Окада, _Амакуса_, с. 254–55.] Правда, именно эти веревки и могли выдать их присутствие, однако оба вернулись обратно с подробными отчетами об обороне замка и новых фортификационных работах. В одном случае «человек-невидимка» из провинции Оми, что неподалеку от Киото, проник во внешнюю цитадель, однако был совершенно беспомощен, поскольку не понимал диалекта Кюсю, на котором говорили оборонявшиеся, использовавшие к тому же христианскую терминологию. Он не осмелился заговорить ни с кем, из боязни, что его выдаст говор Оми. В конце концов молчаливый незнакомец стал вызывать подозрения, однако ему вовремя удалось бежать, и он умчался от стен замка, преследуемый тучей камней, захватив в качестве сувенира одно из знамен восставших.

Правительство сёгуната в Эдо, которое все более волновали предполагаемые последствия восстания, решило послать в Симабара второго генерала с подкреплением.[396 - Часто предполагается, что Мацудайра был послан, чтобы заменить генерала Итакура, к которому Бакуфу потеряло доверие. Вряд ли это было так. Когда Мацудайра выехал из Эдо в середине января, восставшие еще не укрепились в замке Хара и у правительства не было причин сомневаться в

эффективности действий Итакура. На самом деле Мацудайра был послан не для замещения предыдущего генерала, но чтобы помочь ему как можно быстрее разделаться с восставшими. Однако, Итакура интерпретировал назначение Мацудайра как угрозу своему статусу командующего.] На эту роль был избран Повелитель Мацудайра Нобуцуна, один из главных членов Великого Совета, которому сёгун особо доверял. С пятью тысячами человек, тремястами лошадей и тяжелой артиллерией, он выступил на запад, проделав сперва марш до Осака, а оттуда, флотом в шестьдесят кораблей, он переправился на Кюсю. Как только первый посланник сёгуната, генерал Итакура услыхал о новом назначении, он решил штурмовать замок, в надежде взять его до прибытия Мацудайра. Одной из причин этого, как предполагается, было письмо, полученное им от двоюродного брата из Осака.[397 - Окада, _Амакуса_, с. 159.] Его корреспондент писал о восставших, как о «грязных крестьянах» и предупреждал, что замок Хара будет атакован и взят в первый же день, как прибудет Мацудайра со своими силами. Исполненный решимости избежать подобного бесчестья, Итакура приказал идти на приступ 3-го февраля. Атака была плохо подготовлена и, несмотря на тяжелые потери, самурайской войско не смогло пробиться во внутренний периметр. Когда оборонявшиеся увидели, что нападавшие отбиты, с крепостных стен посыпались громкие насмешки; самураев обвиняли в трусости, говоря, что они способны лишь мучить несчастных крестьян, но не в состоянии штурмовать укрепленную позицию.[398 - Там же, с. 138. В их насмешках содержалась игра слов: _сэмэру=_ 1. «пытать», 2. «нападать».]

Разъяренный неудачей, твердо намереваясь спасти свою честь, Итакура решил предпринять общую атаку на рассвете в первый день Нового года (14 февраля по западному календарю). На этот раз неудача была еще более полной. Около четырех тысяч правительственных солдат было убито и ранено. Генерал Итакура, который в припадке внезапной решимости поставил на карту все и лично возглавил атаку, был убит. Очевидно, он предчувствовал свою смерть, поскольку накануне наступления написал мрачное прощальное стихотворение, в котором просил: «Когда от цветка, распустившегося в новогодний день, останется только имя, вспомни, что это был командующий наших сил (_сакигакэ-то_сирэ_)![399 - Окада (_Амакуса_, с. 161) цитирует эту поэму, но сомневается в ее аутентичности.]»

Известие том, что командующий генерал был убит крестьянским сбродом, произвело шок среди руководителей правительства в Эдо. Это было крайнее унижение, которое могло серьезно подорвать их престиж как в Японии, так и за рубежом: если простые фермеры могли успешно глумиться над Бакуфу, что же могло произойти, если бы восстали крупные даймё? Самого Итакура посмертно порицали за непродуманность тактики, приведшей к несчастью. Одновременно, нескольким даймё с Кюсю было приказано присоединиться со своими силами к Мацудайра для проведения завершающей кампании против инсургентов.

Мацудайра не стал повторять ошибок своего предшественника, сразу же отставив все планы обшей атаки, и сосредоточил усилия на блокаде замка. Вместо того, чтобы подвергаться риску тяжелых потерь при попытке выбить обороняющихся, он решил уморить их голодом, одновременно дав отдых своим войскам и проведя их перегруппировку. Для самурайской армии, занятой в подавлении крестьянского восстания, подобная стратегия не представлялась особо

благородной, однако Бакуфу ее полностью одобрило. Очень опасаясь, что защитники могут попытаться тайно бежать, Мацудайра принял многочисленные меры предосторожности — например, приказал возвести палисады, вырыть траншеи и жечь факелы ночи напролет. Он также велел изменить пароль, поскольку восставшие его узнали; в дальнейшем всякий на вопрос «Гора?», должен был ответить «Река».

Новый командующий прибег также к психологическому воздействию, пообещав прощение всем восставшим, кто выйдет из замка и сдастся; в последствии им сулили освобождение от налогов и предоставление особых рисовых наделов. Этими искушениями он надеялся посеять разлад среди оборонявшихся, однако его предложения были полностью отвергнуты. Отвечая с помощью «посланий-стрел», инсургенты высмеяли предложения Мацудайра, говоря, что они — «убежденные христиане» (_омоикиритару_кириситан_), вера которых столь сильна, что даже пули атакующих не в силах причинить им вреда.[400 - Там же, с. 200, 204.] Они никогда не станут думать о возможности принять прошение, если оно подразумевает какой-либо компромисс с их верой, ибо единственное, чего они желают, — это права свободно отправлять свои христианские обряды. Однако именно на это Мацудайра и не мог пойти, так что обмен посланиями закончился ничем.

В середине февраля главный управляющий Нагасаки, действуя по указанию повелителя Мацудайра, потребовал от голландцев и китайцев помощи в подавлении восстания в Симабара. Помощью китайцев в конечном счете так и не воспользовались, но Николаус Кукебакер, голландский управляющий, был вовлечен в кампанию. В своем последнем послании в Голландию он подчеркивал, что японские власти принудили его к участию помимо воли. Без сомнении, и он, и другие голландские официальные лица с большой неохотой приняли прямое участие в уничтожении своих братьев по христианской (точнее — римско-католической) вере; с другой стороны, восстание нанесло серьезный урон их торговым операциям в Нагасаки, и они наверняка желали его быстрейшего подавления.[401 - Некоторые даймё, например, воспользовались восстанием, как предлогом, чтобы не платить свои коммерческие долги.] Как бы то ни было, Кукебакер следовал инструкциям японцев: 24 февраля он прибыл к Симабара на «де Рип» — голландском двадцатипушечном корабле, и приступил к бомбардировке инсургентов.[402 - У Нагасаки на якоре стояли два голландских корабля, однако Кукебакер, желая, без сомнения, свести до минимума свое участие, немедленно отослал один из них на Формозу и информировал Мацудайра, что для бомбардировки имеется один «де Рип».] За две недели, которые он стоял на якоре у Хара, корабль выпустил по замку несколько сот снарядов. По очевидным причинам Кукебакер доносил, что обстрел был малоэффективен,[403 - После того, как мы тщательно изучили ситуацию как на море, так и на берегу, стало ясно, что мы не удастся предпринять ничего эффективного с нашими орудиями, поскольку жилища построены всего лишь из соломы и циновок, парапеты нижней линии обороны сделаны из глины, а верхняя крепость окружена хорошей и высокой стеной, сложенной из тяжелых камней… Было очевидно, что ни огонь батарей армии [сёгуната], ни наших орудий не принесет никакой пользы. (Цит. Murdoch, _History_of_Japan,_ II:657.) Очевидно, Кукебакер не желал, чтобы его считали ответственным за убийство японских христиан.] однако в действительности он привел к значительным разрушениям стен и внешних оборонительных сооружений, что, вероятно, ускорило трагический финал. В ходе

этих малогероических действий лишились жизней два голландских матроса: одного сбили выстрелом с грот-мачты и, падая, он убил товарища на палубе.

12 марта повелитель Мацудайра внезапно сообщил датчанам, что они могут уходить, и поблагодарил их за помощь. Теперь, когда силы атакующих находились так близко от стен замка, — довольно малоубедительно объяснял он, — их корабль может быть поврежден перекрестным огнем, а людям нанесен ущерб.[404 - Сперва Мацудайра настаивал, чтобы голландцы сняли свои орудия и оставили их силам атакующих, но в конце концов Кукебакеру удалось получить разрешение оставить лишь одну из них.]

Причина решения повелителя Мацудайра призвать на помощь голландцев — одна из малых тайн восстания в Симабара. Возможно, он переоценил огневую мощь датских судов и недооценил эффект смятения от иностранного участия (что подразумевало потребность Бакуфу во внешней помощи для прекращения внутренних беспорядков). По собственной версии Мацудайра, его целью было испытать голландцев, выяснить, признают ли они команды власть японских властей, вплоть до распоряжения атаковать своих единоверцев-христиан. Если это действительно было его целью, то голландцы с блеском выдержали испытание. Их бесславная роль в обстреле находившихся в критическом положении японских христиан (которым именно им-то и следовало бы помогать) была сразу же отмечена в Европе и сопоставлена с недавними нападениями единоверцев же на гугенотов при Ларошели.[405 - Boxer, _Christian_Century_in_Japan,_ p.381. Французский историк Леон Паже сравнивал Николауса Кукебакера с самим Понтием Пилатом. «Как и другой Пилат, после попытки остаться жить там как иностранец, в последний момент он малодушно дрогнул.» Pages, _Religion_Chretienne_an_Japan,_p. 846.] Значение иностранного участия не прошло незамеченным и оборонявшимися, которые теперь выпускали «послания-стрелы» с пасквилями, выставлявших противников ни на что не способными трусами, способными лишь манипулировать бухгалтерскими книгами и выжимать налоги из населения, полагаться на иностранцев, но не рисковать жизнью на поле брани, когда дело доходит до настоящего сражения. По сообщению Корреа, человека близкого к португальцам, пасквили, в которых самураи высмеивались за то, что передали профессию военных простолюдинам, находили разбросанными повсюду в окрестности замка.[406 - Pages, _Religion_Chretienne_au_Japon_, p. 846.]

Позже, в том же месяце, Мацудайра, все еще надеясь избежать тяжелых потерь, неизбежных при решающем штурме, предпринял последние попытки убедить восставших (или, по крайней мере, какую-то их часть) мирно оставить замок. Пытаясь принудить Амакуса Сиро и его отца сдаться, он приказал вывести из тюрьмы Марту, Регину и других заложников и перевезти их в Симабара под сильной военной охраной.[407 - Окада, _Амакуса_, с. 230–43.] Поскольку в окрестностях замка Хара не было тюрьмы, заложников содержали на корабле и привозили в лагерь повелителя Мацудайра для допросов. В середине марта в замок был послан маленький племянник Амакуса Сиро с письмом, в котором инсургентов оповещали, что Бакуфу намеревалось уничтожить их всех до последнего грудного младенца. Однако, Мацудайра выдвигал предложение: если восставшие освободят из замка тех людей, которых обратили в христианство силой, или желающих облегчить свою судьбу, взамен мать и сестра Амакуса Сиро, а также прочие его родственники будут впущены

в замок, где они смогут разделить судьбу защитников, удовлетворив, таким образом, свое неоднократно высказанное желание умереть за христианскую веру. В письме также говорилось, что, поскольку Амакуса Сиро было всего пятнадцать лет, маловероятно, чтобы именно он возглавлял столь большие силы восставших; соответственно, от его имени распоряжался некто, называвший себя Амакуса Сиро; если «настоящий» Амакуса Сиро немедленно покинет замок, повелитель Мацудайра сразу же дарует ему прощение.

Другие письма предводителю восстания были написаны его матерью и старшей сестрой. Они уговаривали его принять план обмена, поскольку их основным желанием было умереть вместе, они также умоляли дать им возможность переговорить с ним, пусть даже через щель в парапете. Эти и все последующие письма извне были умело составлены правительственными чиновниками с целью подорвать дух осажденных; они, однако, возымели прямо противоположное действие и лишь укрепили их решимость. Кохёэ возвратился назад с письмом, в котором подтверждалась непоколебимая приверженность вере, содержался вежливый отказ от предложения и сообщение, что в замке нет никого обращенного в христианство насильно. Ему был также дан большой сверток с продовольствием (мед, апельсины, паста из красных бобов и бататы) для передачи семье Амакуса Сиро. Отчасти это было сделано, чтобы хоть как-то утешить несчастных пленников, однако так же и для того, чтобы убедить нападавших, что в замке оставалось достаточно провизии.

Во время своего следующего визита, Кохёэ привел с собой Ман, младшую сестру Амакуса Сиро. Он принес письма, в которых Марта и Регина, очевидно, составляя их под диктовку своих пленителей, отрицали то, что в замке не было верующих по принуждению; дезертиры, перебежавшие за последнее время, писали они, подтвердили, что в действительности там было много таких, кто был вынужден принять христианство и теперь желал бы сдаться; им, по крайней мере, стоило бы позволить свободно покинуть замок просто по соображениям человечности. В письме матери содержалась довольно неубедительная ссылка на традиционное великодушие Бакуфу, она также вновь умоляла о встрече с сыном.

Амакуса Сиро, помня, вероятно, слова Иисуса: «Кто мне мать, и кто мне родные?», не был поколеблен призывами своей семьи. Два маленьких посланника были отосланы обратно с письмом, в котором говорилось, что обороняющиеся выполняют Божью волю _(Деусу-сама_но_он-хакараи_сидай-ни_соро),_ и их оберегают Санта Мариа-сама, Сантияго-сама, Санфурансисуко-сама (Св. Франциск) и все блаженные святые. У ворот замка их провожало более двух тысяч инсургентов; маленькая сестра несла в руке кольцо и две рисовые лепешки, которые дал ей Амакуса Сиро в качестве прощального подарка.

Поняв, что призывы заложников-родственников оказались недейственными, Мацудайра приказал отправить в замок «стрелу-письмо» с предложением о прекращении огня и переговорах. В письме, адресованном «достопочтенному Масуда Сиро» _(Масуда_Сиро_таю-доно),_ предлагалось, чтобы группу для ведения переговоров, представляющую правительственную сторону, пропустили в замок, либо чтобы переговоры прошли перед стенами замка. После

некоторой заминки удалось достичь прекращения огня, и на берегу Оэ, прямо под замком, в полной видимости защитников и атакующих прошли переговоры. Позиции сторон оказались непримиримыми, и, практически немедленно, переговоры были закончены.[408 - Эбисава, _Амакуса_Сиро_, с. 190–96.]

Переговоры, угрозы, уговоры, мольбы родственников — ничто не смогло сломить дух Амакуса Сиро и его сподвижников, знавших, что компромисс в конечном счете приведет к поражению и требованию отречения от той веры, ради которых они сражались и страдали. Несмотря на то, что их положение было совершенно безнадежным, они решили оставаться в замке и принять славную смерть, которая должна была засвидетельствовать перед всем миром искренность их намерений.

К началу апреля запасы провизии у восставших практически истощились. В замке и раньше находилось слишком много людей, чтобы получать необходимый рацион; теперь же положение стало критическим. Перебежчики сообщали, что большинство защитников так ослабли, что даже не могли стоять в карауле, а работы по восстановлению фортификационных сооружений слишком изнурительны, чтобы они могли их продолжать. Голод (который должен был часто напоминать им о временах до восстания) доводил людей до отчаяния, и некоторые пытались тайком проникнуть в лагерь осаждающих в надежде раздобыть что-нибудь из съестного, а затем вернуться; другие спускались по скалам на берег в поисках съедобной морской травы. Наконец-то стратегия повелителя Мацудайра начала приносить желаемые плоды.

На этом этапе трагедии произошел инцидент с неприятным оттенком, произведший удручающее впечатление на оборонявшихся. Пушечное ядро, выпущенное осаждавшими, поразило помещение в главной цитадели, где Амакуса Сиро спокойно играл в _го_. Несколько зрителей были убиты на месте, сам предводитель восставших остался в живых, лишь правый рукав его одежды был оторван. Эта история, быстро облетевшая замок, заронила во многих головах мысль — не начал ли их лидер понемногу терять покровительство _Дэусу_.[409 - Окада, _Амакуса_, с. 258.]

В ночь на 4 апреля оборонявшиеся предприняли вылазку. Внезапно открылись одни из ворот замка, и отряд, возглавляемый самим Амакуса Сиро, напал на лагерь, нанеся большой урон правительственным войскам. Воины отрядов Курода продолжали вслепую палить друг в друга еще долго после того, как вылазка закончилась. Однако, несмотря на начальный успех, в целом попытка оказалась неудачной: Амакуса Сиро и его людям пришлось вернуться в замок, оставив более трехсот своих людей убитыми и раненными. Когда тела некоторых восставших были обследованы, в их желудках обнаружили морские водоросли и ячмень; большинство из них находились на последней стадии истощения. Это подтверждало показания пленников и дезертиров о том, что запасы продовольствия в замке Хара иссякли. Даже для осторожного повелителя Мацудайра было ясно, что положение восставших критическое, и что наконец-то пришло время общего штурма. Для атакующих был установлен следующий пароль и отзыв: вопрос — «Провинция?», ответ: «Провинция.» Однако, начало откладывалось, частично из-за

сильного дождя, частично же из-за необходимости скоординировать план действий многочисленных отрядов даймё.

Когда же наконец началась атака, это произошло по ошибке. 12 апреля случайно был зажжен один из сигнальных факелов, и воины отряда Набэсима ринулись на приступ, смешав тем самым тщательно разработанный план Мацудайра. К ним быстро присоединились другие отряды, и произошла беспорядочная, хотя и успешная атака внешней линии обороны, причем каждое подразделение разных даймё старалось покрыть себя как можно большей славой, первыми ворвавшись в замок.[410 - Не менее 16 воинов из сил различных даймё заявляли, что они первыми ворвались в замок Хара (_итибан-нори_), после были также долгие споры — кто же его захватил. Основными документами о штурме являются Записи Семьи Хосокава, в которых намеренно подчеркивается роль Хосокава в окончательной победе. Предводитель сил Набэсима (Повелитель Сага) был помещен под домашний арест за то, что начал преждевременный штурм замка не дожидаясь представителя сёгуна, Повелителя Мацудайра.] На ширме «Лагерь у Симабара» изображены атакующие в тяжелых самурайских доспехах, взбирающиеся на крутые стены замкам, подобно стае броненосцев. Несмотря на отчаянное сопротивление и неоднократные промашки, приводившие к тому, что атаковавшие начинали сражаться друг с другом, они пробились сквозь внешние укрепления и стали медленно продвигаться по завалам из тел, чтобы осмотреть средний и внутренний периметры. Голодные защитники, у которых вышел весь боезапас, сражались камнями, палками, кастрюлями и всем, что попадалось под руку. На протяжении двух дней и ночей они отчаянно бились против тысяч хорошо вооруженных и сытых самураев.

14 апреля сопротивление стало слабеть. Атакующие систематически поджигали хижины и деревянные укрепления, и те, кто там находился сотнями сгорали заживо. Другие, включая большое количество женщин с детьми, сами бросались в пламя, не желая быть плененными. Для верующих христиан это было, разумеется, совсем не ортодоксальное поведение, однако многие из восставших были прежде всего японцами, и в эти последние мгновения их поведение соответствовало национальным традициям, а не ограничениям иноземной религии. «Большое количество [восставших],- писал даймё — очевидец событий, — обматывало руки тряпками и пыталось раздвинуть горящие [бревна], чтобы войти в строения. Они втаскивали за собой детей, а затем ложились на них, и все погибали [в огне]». Примечателен его комментарий относительно действий этих храбрых бойцов-крестьян, предпочитавших самоубийство плену: «Для людей низкого звания (_симодзимо_) это поистине была смерть, достойная похвалы. Слова не смогут выразить [моего восхищения]».[411 - Письмо от Хосокава Тадатоси, Повелителя Кумамото и предводителя сил Хосокава при Симабара, написанное его отцу непосредственно после падения замка. (Окада, _Амакуса_, с. 282.) Определенная ирония содержатся в том факте, что Тадатоси (1586–1640) сам был крещен по христианскому обычаю в возрасте девяти лет. Позже он подчинился приказам Токугава и изгнал всех христиан из своих владений, а в возрасте 52 лет он занял ведущее место в преследовании христиан в Симабара. Матерью его была знаменитая Грация Хосокава (1563–1600), прекрасная дочь Акэти Мицухидэ (убийцы Нобунага), которая была обращена в христианство, крещена под именем Грации и вызывала восхищение иезуитов, называвших ее «принцессой Грацией из Танго» Ее муж, Хосокава Тадаоки (1563–1645), один из самых сильных даймё тех времен, говорил иезуитам, что он и сам бы стал христианином, если бы

не шестая заповедь, которую он не в силах исполнять. (Boxer, _Christian_Century_in_Japan,_ p. 185.) Когда Исида Мицунари попытался захватить Грацию в плен в 1600 году, чтобы не дать ее мужу поддерживать Изясу, та, противясь плену, предпочла убить себя, нежели попасть в руки врагу. Грация широко почитаема, как образец женской твердости, как человек, пожертвовавший собой ради идеалов. Не может быть ни малейших сомнений в храбрости этой женщины, однако ее смерть безусловно не была актом христианского мученичества.]

Избиение началось 15 апреля. К этому времени глубокие траншеи в замке были заполнены телами восставших; зачастую, как говорится в описании Корреа, раненных также бросали в траншеи, и они безуспешно пытались оттуда выбраться. Однако, еще оставались в живых тысячи, и правительственные войска приступили к их уничтожению. Для того, чтобы выказать усердие и заслужить награды, они отрубали головы мужчин, а у женщин отрезали носы и сносили эти мрачные трофеи на сборные пункты, где специально назначенные «счетчики голов» подсчитывали общее количество. Один алчный самурай из отряда Набэсима так жаждал произвести впечатление на свое начальство, что купил у другого солдата несколько носов и представил их в качестве собственных трофеев.[412 - Окада_,_Амакуса_, с. 292.] Уловка, однако, стала известной, и ему приказали взрезать себе живот, — так внезапно окончилась его жизнь.

Самый же главный приз, разумеется, был назначен за голову Амакуса Сиро, и клану, который завладеет ей, должна была выпасть особая слава. Поскольку молодого предводителя никто не знал в лицо, и ходили слухи, что каким-то образом ему удалось ускользнуть, принести его голову было нелегкой задачей. После окончания кампании неоднократно происходили неподобающие перебранки (между отрядами Хосокава и Курода) по поводу того, на чью же долю в действительности выпала эта удача. Среди многочисленных противоречивых отчетов самый детальный (однако, не обязательно наиболее верный) принадлежал клану Хосокава.[413 - Эбисава, _Амакуса_Сиро_, с. 219-23.] Воин отряда Хосокава по имени Сасаэмон бродил по горящим развалинам внутренней цитадели. У него уже было две отрезанные головы, и он надеялся добавить к своей коллекции третью. Заглянув в одну горящую хижину, он увидел юношу приятной наружности, очевидно раненного, лежавшего на полу, застеленном шелковыми одеждами. Услышав приближающиеся шаги, юноша стал приподниматься, однако Сасаэмон зарубил его и отрезал голову.[414 - По альтернативной версии (Эбисава, _Амакуса_Сиро_, с. 223), герой вышел из хижины, облаченный в свои прекрасные одежды, и был немедленно обезглавлен. По другому описанию (там же, с. 217), мы узнаем, что, пока воины Хосокава метались по внутренней цитадели в поисках предводителя восставших, Амакуса Сиро взошел на трехметровый помост, сложенный из белого камня, и, возведши очи к небесах, стал молить о божественном избавлении. Затем над платформой появилось темное облако. Амакуса Сиро уже собирался взойти на облако и спастись, как вдруг кто-то пустил в облако одну единственную стрелу с белым оперением, и оно немедленно растаяло. Воин Хосокава по имени Нагаока Татаваки воспользовался замешательством молодого человека и, издав громовой боевой клич, убил его одним ударом копья. Это — последнее чудо, приписываемое Амакуса Сиро; вполне типично, что и оно окончилось полной неудачей.] Когда он выбежал из хижины со своим новым трофеем, бревенчатые стены, охваченные пламенем, обрушились. По пути к большой траншее, в которой собирались головы захваченные силами Хосокава, он проходил мимо самого повелителя Хосокава, сидевшего на помосте и смотревшего на пожар. Заметив одну из голов в руках

Сасаэмона, повелитель Хосокава с характерной для него проницательностью заметил, что она, вероятно, принадлежала «генералу восставших, Сиро», и с ней «стоит обращаться бережней» (_соряку_субэкарадзу_). Соответственно, голова была тщательно вымыта и причесана перед тем, как представить ее на место осмотра, где ее поставили рядом с несколькими другими, которые тоже, как подозревали, могли принадлежать предводителю восставших. Привели мать Амакуса Сиро и приказали ей указать голову своего сына.[415 - По другой версии, идентификация проводилась художником Ямада Эмонсаку, который, несмотря на предательство своего бывшего предводителя, разразился слезами, увидев изувеченную голову. (Эбисава, _Амакуса_Сиро_, с. 221.)] Та гордо отвечала, что, по всей вероятности он не мог быть убит, поскольку был послан Небом и теперь либо возвратился туда, либо бежал куда-нибудь, к примеру в Лузон на Филиппины. Ей показывали одну за другой головы молодых людей, но она отрицательно качала головой до тех пор, пока не увидела ту, что недавно добыл Сасаэмон. Ее уверенность была сломлена, она сказала: «Неужели он мог стать таким худым?», прижала ее к себе и заплакала. Инспектирующие без слов поняли, что нашли то, что искали.[416 - Хотя очевидно, что Сасаэмон не знал Амакуса Сиро в лицо, когда убивал его, он был щедро награжден _тигё_ (наделом), в 1000 _коку._ Позже Повелитель Хосокава высказывал сожаление в том, что предводитель восставших не был схвачен живым. (Эбисава, _Амакуса_Сиро_, с. 223.)]

Сцены осмотра голов (_куби-дзиккэн_), соединение ужаса и пикантности, обладали большой притягательностью для японских писателей феодальной эпохи; они встречаются в историях многих проигравших героев, включая Ёсицунэ и Масасигэ. Настоящий очерк об Амакуса Сиро добавляет сей традиционной теме христианские обертоны изображая матерь героя в роли японской _mater_dolorosa_ — в ужасной версии _pieta_.

Хотя замок Хара и пал быстрее, чем кто-либо мог предположить, потери атакующих были весьма значительны. Заключительный приступ стоил им пятнадцати тысяч человек, в том числе более трех тысяч убитыми. Подсчеты общего количества потерь за всю кампанию сильно отличаются друг от друга. Паже считает, что около семидесяти тысяч из правительственных войск пали жертвами болезней за время осады, либо были убиты или ранены в бою. Поскольку за всю кампанию было только два крупных сражения, это число является, вероятно, сильным преувеличением, однако даже самые скромные оценки потерь правительственных войск подтверждают отчаянность сопротивления. Из своей темницы Корреа мог наблюдать, как несли на носилках огромное число раненных самураев; он также видел перегонявшиеся табуны лошадей, хозяева которых были убиты при Симабара, — их вели через Омура слуги с побритыми в знак скорби головами.[417 - _Erao_tantos,_que_me_emfadava_de_os_contar_. Pages, _Religion_Chretienne_au_Japon,_ p. 1410.]

Сами же восставшие были уничтожены полностью. Тех немногих, которым удалось бежать из замка Хара, выслеживали и обезглавливали. Бойня 15-го апреля была одной из самых грандиозных в кровавой истории Японии. Все речки и овраги поблизости были завалены обезглавленными телами; широкие траншеи были доверху заполнены отрубленными головами, головы густо усеяли окрестные поля. В траншее Хосокава насчитали 3632 головы; передают, что действительное их число было гораздо большим, поскольку многие брали головы с собой

(предположительно — в качестве сувениров), немало их исчезло в пожарах. В другом официальном источнике утверждается, что 10869 голов было отрублено и насажено на деревянные пики, воткнутые в землю вокруг замка и на всем пути до побережья.[418 - Эбисава, _Амакуса_Сиро_, с. 231. Приходилось экономить, и пики вырезались из деревянных шестов, использовавшихся атакующими для постройки палисадов.] Еще 3300 голов погрузили на три корабля и отвезены в Нагасаки для общего захоронения. Эти цифры подозрительно точны, однако нет никаких доказательств того, что они преувеличены.

Единственным, кто, как известно, остался в живых в этом кошмаре, был Ямада Эмонсаку, художник и христианский ренегат, с самого начала бывший одним из приближенных Амакуса Сиро, а также «военным художником» замка Хара.[419 - Окада, _Амакуса_, с. 145, 258, 300; см., также о рисунке на знамени Амакуса Сиро.] Его роль в этой истории та же, что и у Иуды Искариота, предавшего своего молодого хозяина врагам и получившего за это тридцать сребреников. Вскоре после того, как началась осада, Ямада ясно осознал, что ситуация безнадежна. Решив тайно снестись с нападавшими, он послал в лагерь противника стрелу со следующим посланием:

Ямада Эмонсаку обращается к вам с истинным почтением и уважением. Я решил получить ваше прощение и восстановить спокойствие в империи, предав в ваши руки [Амакуса Сиро] и его последователей для наказания. Мы знаем, что в древние времена знаменитые правители управляли милостиво, соизмеряя свои награды с достоинствами их получавших, а наказания — со степенью вины неправого. Когда они отступали от этого — по какой бы то ни было причине — они уже не могли держать свои страны под контролем. Так было с наследными правителями; тем более это должно случиться с крестьянами, восставшими против правительства. Как могут они бежать суда Небес? Я глубоко осознал эти истины и разделяю их с восьмьюстами людьми, находящимися у меня в подчинении.

Эти люди с самого начала не были истинными христианами, однако, когда заговор вылился в восстание, они оказались в меньшинстве и были вынуждены его поддерживать. Все эти восемьсот человек искренне уважают [самурайское] сословие. Потому, поспешите атаковать замок; мы же, получив ваш ответ, сделаем вид, что сопротивляемся вам, но на самом деле подожжем постройки в замке и перейдем в ваш лагерь. Один я побегу в дом [к Амакуса Сиро] и буду говорить, что все потеряно; затем, убедив его сесть со мной в маленькую лодку, возьму его живым, привезу к вам и этим докажу искренность своих намерений. Для этого я уже приготовил несколько лодок; план же обдумывал с того самого момента, как впервые вошел в замок. Прошу вашего немедленного одобрения, — тогда я повергну зло, верну спокойствие империи и, хочется верить, спасу и свою жизнь. Я полон нетерпения получить ваши приказания. Так обращается к вам Ямада Эмонсаку с истинным почтением. 20 дня 1 месяца [5-го марта]. Командующим армии [сёгуната].[420 - Murdoch, _History_of_Japan,_ II:661.]

Это был рискованный план, и немудрено, что он провалился. Одно из «воздушных писем», посланных Ямада в замок, было перехвачено, и восставшие таким образом узнали о его предательстве. Ямада был схвачен и приговорен к смерти. В то время, как он ожидал казни,

начался штурм замка, и его освободили. Позже повелитель Мацудайра взял Ямада в Эдо, где он стал жить в качестве его слуги. Хотя ему не удалось доставить Амакуса Сиро противнику, он оправдал свое спасение, представив официальным лицам Бакуфу единственное детальное описание восстания со стороны инсургентов.[421 - По одной замысловатой, но маловероятной теории (Окада, _Амакуса_, с. 302), «предательство» Ямада являлось в действительности хитроумным планом, разработанным Амакуса Сиро с тем, чтобы, в случае неудачи, остался в живых хоть кто-то один, чтобы рассказать о славной истории восстания и подвигнуть других на продолжение борьбы.]

Перед возвращением в Эдо, командующий сделал последние распоряжения. Голова Амакуса Сиро была отослана в Нагасаки, где ее выставили на публичное обозрение вместе с головами его старшей сестры и Кодзаэмона. Его мать и маленькая сестра были казнены, а оставшиеся родственники отосланы в деревню у Симабара, где и преданы смерти.[422 - Отец героя Дзимбэй и его дядя Гэнсацу были убиты в замке, однако неясно, были ли идентифицированы их головы.] Наконец, старый замок Хара, видевший столько отваги и страданий, сравняли с землей, дабы никогда он не смог больше стать местом смуты или паломничества смутьянов в будущем.

Восстание окончилось полнейшим провалом. Были не только казнены десятки тысяч его участников (за исключением предателя Ямада), но условия жизни крестьян стали гораздо хуже, чем были. Точно так же, как бесполезное сопротивление Ёсицунэ сыграло прямо на руку его брату, так и Великое Христианское Восстание 1637-38 годов оказалось чрезвычайно удобным для правительства с самых разных точек зрения. Поистине, это было единственным его историческим результатом. Прежде всего, почти все христиане из бывших самураев и все основные силы оппозиции запада Кюсю были удачно собраны в замке Хара и уничтожены одним ударом — мечта любого репрессивного режима. Более того, потенциальные бунтовщики на остальной территории Японии получили грозное предупреждение. Для правительства сёгуната в Эдо и для местных властей на западе восстание было последним серьезным вызовом более чем на два столетия; его подавление привело к эпохе закона и порядка в чрезвычайно эффективной форме централизированного феодализма. Лишь изредка долгое и спокойное существование Токугава нарушали заговоры и волнения, которые должным образом подавлялись превосходящими военными силами.

Для управления в Симабара и Асакуса были назначены новые местные и областные начальники, и некоторые из самых страшных методов администрирования были упразднены. Однако, восстание принесло мало реальных улучшений в судьбе крестьянства,[423 - Закон Токугава был одинаково жесток как к крестьянам на Кюсю, так и в других местах, когда те решались жаловаться на чрезмерное налогообложение. Типичным представляется дело Сакура Согоро, старосты деревни Кодзу (провинции Симоса), который был распят в 1645 году вместе со своей семьей за то, что осмелился послать центральному правительству петицию протеста против жестоких налогов на местное крестьянство; храбрость Согоро и его трагическая кончина сделали его народным героем и предметом многочисленных _яги-буси_(«баллад из Яги»). Patia Isaku, _Japanese_Folk_Songs,_ неопубликованная рукопись, 1974.] которое продолжало тяжко трудиться и отдавать большую часть произведенного в качестве налогов. При этом, оно имело своим результатом еще большее

ужесточение религиозных преследований, особенно на западе Кюсю. Все подозреваемые верующие были умерщвлены, а отступников заставили подтвердить свое отречение, повторив ритуал попрания священных образов. По приказу Бакуфу области, где была проведена децимация, — Симабара и Амакуса — были заселены путем принудительной миграции из различных районов страны, где христианство не прижилось.[424 - Цудзи, _Эдо_Бакуфу_, с. 410. Одним из интересных результатов этой насильственной миграции является то, что и по сей день в Симабара можно услышать разные акценты, в зависимости от того, принадлежит ли семья к потомкам тех, кто жил здесь до восстания, или была переселена из других районов Японии после 1638 года.] Особые меры были приняты, чтобы стимулировать буддизм. Бакуфу, теперь взявшее в свои руки прямой контроль над островами Амакуса, поощряло строительство новых храмов и синтоистских святилищ, внедряло обучение, внушавшее неприятие подрывной веры, принесшей им столько беспокойств и расходов.[425 - Там же, с. 407. Новая система _данка_ (прихожан), в соответствии с которой каждый японец должен был быть зарегистрирован, как прихожанин одного из буддийских храмов, являлась особо эффективной формой контроля.]

Поражение восстания Амакуса Сиро ознаменовало конец открытой приверженности христианской вере в Японии. Бакуфу, ставшее чрезвычайно подозрительным после восстания, проводило теперь антихристианские указы еще более последовательно, чем ранее, и результаты были поразительными.[426 - Некоторые христианские семейства в Нагасаки продолжали втайне отправлять свою веру вплоть до провозглашения свободы вероисповеданий после Реставрации Мэйдзи. Этот примечательный факт, однако, не имел широкого воздействия: всеми правдами и неправдами христианство в Японии было уничтожено к 1660 году; между 1639 и 1658 годами количество арестов резко снизилось из-за уменьшения количества оставшихся в живых. В 1865 году в районе Нагасаки было раскрыто около 100 «тайных» христиан. Они были арестованы местным магистратом и пытаны, в результате чего большинство из них отреклось. Paul Akamatsu, _Meiji_1868,_ London, 1972, p. 214.] Самая крупная волна арестов прокатилась приблизительно двадцать лет спустя в городке неподалеку от Нагасаки. Гость-крестьянин в разговоре сказал об одном мальчике-христианине, наделенном сверхъестественными силами, большими, чем даже у Амакуса Сиро. Власти, не теряя времени, схватили около шестисот обитателей деревень, из которых 411 были казнены, семьдесят семь умерли в заключении, а девяносто девять отпущены после того, как совершили ритуал отречения.[427 - Boxer, _Christian_Century_in_Japan_, p.395.] Время христианского сопротивления давно прошло.

Другим незапланированным, но еще более важным результатом восстания, стало усиление антииноземной политики сёгуната. Христианское восстание сделало отношение правительства к иностранцам еще более неприязненным и стимулировало распространение ксенофобии среди многих членов правящего самурайского сословия. Консервативные элементы в правительстве сочли это идеальным предлогом для усиления _сакоку, —_политики замкнутости от внешнего мира, принявшей теперь самые крайние формы. В 1639 году новый указ Бакуфу нанес смертельный удар торговле с Португалией, имевшей уже вековую историю. На протяжении последовавших двухсот лет, единственными западными торговцами с Японией были голландцы, которые своим бесславным поведением при Симабара доказали, что не собираются поддерживать местных христиан. Указ проводился в жизнь с драконовской жестокостью. В 1640 году португальский корабль из Макао привез в Нагасаки посланников, просивших правительство

смягчить его запрет. Их должным образом арестовали, связали, бросили в тюрьму, а корабль сожгли. 1 августа главный посланник сёгуна обратился к ним со следующими жесткими словами:

Негодяи! Под угрозой смерти вам запрещалось даже возвращаться в Японию а вы осмелились не повиноваться. В прошлом году вы были осуждены на смерть, но вам милостиво даровалась жизнь. Поэтому сейчас вы не заслуживаете ничего, кроме самой мучительной смерти; но, поскольку вы прибыли без товаров, а только чего-то просить, ее заменят легкой смертью.[428 - Там же.]

К каждому из шестидесяти одного посланника был приставлен палач, и их всех обезглавили на холме казней в Нагасаки. Тринадцати членам экипажа было разрешено вернуться в Макао, чтобы сообщить о судьбе своих хозяев и отвезти официальное послание с предупреждением: «…[даже если] сам король Фелипе, или даже сам христианский Бог, или великий Будда нарушит этот запрет, они заплатят за это своей головой!»

Вероятно, в любых условиях изоляционистская политика Японии должна была достичь этого конечного результата, однако восстание в Симабара, закончившееся катастрофой, несомненно стало непосредственной причиной мер, которые не только лишали христианское движение всяких надежд на внешнюю поддержку, но так или иначе оказали воздействие на практически все стороны японской жизни. Вряд ли именно этого результата ожидали Амакуса Сиро и его инсургенты.

Жизнь Амакуса Сиро, какой бы причудливой и неясной она ни казалась, практически по всем позициям совпадает с образцом японского героизма поражения. Он храбро сражался за дело, которое было обречено, и, после обычного периода начальных успехов, привел своих соратников к полному поражению. Фантастические порывы и мужество восставших в Симабара, в противовес осторожным, верным расчетам их противника, никогда не имели успеха в мире трезвой реальности. В легенде Амакуса Сиро предстает чистым, идеалистическим юношей, обладающим сверхъестественными способностями и романтическим очарованием Ёсицунэ, ведущим отчаявшихся крестьян с Кюсю в бессмысленный бой с силами властей. Его героическая искренность отражается в неумении строить точные, реальные планы и в отказе воплощать свои идеалы путем переговоров и компромисса.[429 - Хотя Амакуса Сиро присутствует на протяжении всего рассказа, он предстает, скорее, как идея или икона, нежели чем как конкретная историческая личность. Героизм восстания в Симабара (как и операций камикадзе тремя веками позже) проявлялся вКОЛЛЕКТИВНОЙ форме — в облике командиров и простых сторонников, сражавшихся и погибших в замке; действительный лидер предстает бесстрастной, бестелесной фигурой, которую окружают активные действия его последователей.] Генерал-победитель, повелитель Мацудайра наслаждался плодами своего успеха, однако никогда не обрел того поклонения, как наш герой, и сейчас практически забыт всеми, кроме студентов, штудирующих историю эпохи Токугава, — ибо, неизбежно, великим лицом событий при Симабара оказался проигравший.[430 - Мацудайра Нобуцуна был вознагражден за успех при Симабара назначением на должность начальника замка Кавагоэ рядом с Эдо с доходом в 60000 _коку._ Несколько лет

спустя он вновь доказал свою преданность правительству, подавив заговор Юй Сёсэцу — еще одного неудачливого героя эпохи Токугава, подобно Гаю Фоуксу, составившего заговор против правительства и распоровшего себе живот, не желая быть взятым в плен полицией. В 1657 году Мацудайра организовал весьма удачную перезастройку Эдо, после того, как большой пожар уничтожил половину города. Умный и способный министр, он получил прозвище Тиэ Идзу («Мудрец из Идзу»). Однако в современных песнях, фильмах, пьесах и книгах с уважением упоминаются именно такие неудачники, как Амакуса Сиро и Юй Сёсэцу. Повелитель Мацудайра, подобно Фудзивара-но Токихира и многим другим «выжившим», имел тот недостаток, что был реалистом и удачным практиком.]

В отличие от большинства японских героев-неудачников, Амакуса Сиро не стал сам лишать себя жизни; однако причиной тому был отнюдь не недостаток решимости, а его приверженность вере, запрещающей самоубийство. Здесь, конечно, мы подходим к самому большому противоречию: этот самый японский из героев сражался за веру, совершенно чуждую традициям его страны. Оставив в стороне экономические мотивы, лежавшие в основе восстания, мы увидим, что Амакуса Сиро и другие лидеры постоянно определяли свои цели в религиозных терминах. Религия же, которую они исповедовали, была иноземной верой, исповедуемой лишь незначительным меньшинством населения и яростно преследовавшейся правительством.[431 - Римская католическая церковь признала около 2000 мучеников в Японии в промежутке между 1614 и 1645 годом. Однако, Амакуса Сиро не был включен в их число, что, вероятно, можно также отнести к числу его неудач. Может показаться странным, что героический предводитель великого христианского восстания был лишен лаврового венка мученика. Возможно, для официального признания его таковым, препятствием служила масса неясностей и темных мест относительно его личности. Неортодоксальный социально-экономический аспект восстания также мог быть одной из причин его дисквалификации: восстание, которое, пусть частично, являлось протестом против экономической несправедливости, вряд ли могло представить положительные рекомендации для консервативных католических иерархов Европы XVII века. Брат Майкл Купер из токийского университета «София», которому я глубоко признателен за многие ценные предложения, дал следующий комментарий тому, что Амакуса Сиро не был официально признан мучеником:… собственно, существует много правил и регулирующих положений для кандидатов на беатификацию — например, он или она должны умереть в _odium_fidei_ и без оказания сопротивления. При любой попытке сделать любого из тех, кто был убит в Симабара, «официальным мучеником», _advocatus_diaboli_ может построить все возражения лишь на этих двух пунктах, и по обоим их невозможно признать настоящими мучениками. (Письмо к автору от 7 мая 1974 г.)] Этому малопопулярному делу они отдали свои жизни, став мучениками. Они кардинальным образом отличаются от христианских мучеников Запада в том, что их страдания и жестокая смерть не увенчались каким-либо успехом; напротив, восстание привело к результатам прямо противоположным его целям, поскольку христианство в Японии было полностью подавлено. В этом смысле инсургенты Симабара соотносимы, скорее, не с нашими христианскими мучениками, а с еретическими группами типа альбигойцев, или с крестьянами, восставшими под предводительством Уота Таллера в Англии XIV века, поскольку их поражение было полным и бесповоротным.

Несмотря на жестокость, присущую своей истории, в Японии не было традиции религиозных преследований или мученичества. Буддизм, синтоизм и конфуцианство смогли сосуществовать практически без трений, и, хотя и случались конфликты между различными буддийскими школами, причиной их служили, главным образом, материальные, а не доктринальные различия, и они редко принимали форму нетерпимой _odium_theologicum_, стоившей стольких кошмаров и жертв на Западе.[432 - Религиозный герой XIII века, Нитирэн был осужден правительством Камакура и приговорен к смерти (хотя приговор был отменен в самый последний момент). Однако, это осуждение было мотивировано политическими, а не религиозными соображениями. За всю историю Японии не было ни одного буддийского (или синтоистского) лидера, который стал бы мучеником своей веры.] Лишь в конце XVI века, когда распространение христианства вынудило правительство принять решение об искоренении этой подрывной иноземной веры, в Японии начались массовые гонения и мученичество. Характерно, что Амакуса Сиро и большинство его соотечественников, страдавших и погибших за свои убеждения, явились мучениками религии, также потерпевшей в Японии поражение.

Глава 8

«Спасти людей!»

В 1837 году, когда в Осака случился голод, выдающийся конфуцианский ученый, служивший ранее городским полицейским надзирателем, стал во главе восстания. Горожане протестовали против условий, приведших к голоду. Восстание Осио Хэйхатиро завершилось полным фиаско. Основных его участников выловили силы закона и порядка режима Токугава и умертвили разнообразными мучительными способами; жертвы, на которые пошли Осио и его последователи, к тому же, ни на йоту не смягчили жалкое положение населения.

Не ничего удивительного в том, что этого непримиримого противника экономической несправедливости левые радикалы почитают воплощением идеала современного революционного борца, отдавшего свою жизнь за людей, сражаясь с невыносимым положением дел. Всё же на Осио нельзя навесить ярлык социального реформатора или вожака униженных масс; скорее, он воплотил в себе черты, лежащие в общей традиции японского героя, и его почитатели вовсе не относятся только к одному полюсу политического спектра. В недавние годы его философия и героический пример произвели решающее воздействие на Мисима Юкио — писателя, которого никак нельзя было заподозрить в левых политических симпатиях. Вспоминаю, что во время одной из наших последних бесед Мисима упомянул Осио Хэйхатиро как

выдающийся тип героя, которого стоило бы изучать на Западе, если там хотят понять сущность японского духа, который, как он мягко выразился, отражается далеко не только в дневниках дам хэйанского двора, элегантном ритуале обмена стихотворными посланиями, или чайной церемонии. Вскоре он написал эссе, в котором исследовал революционность Ван Янмина, а также уроки, которые современные японцы могут извлечь из жизни героя, организовавшего выступление 1837 года.[433 - Мисима Юкио. _Какумэй-но_тэцугаку_то_ситэ-но_Ёмэйгаку_. «Сёкун», сент.1970, сс. 23–45.]

Эта тщательно написанная и глубоко прочувствованная статья была опубликована всего за несколько месяцев до того, как Мисима предпринял попытку своего псевдо-переворота в токийском штабе западной группы войск и совершил харакири в возрасте 45 лет — в том же самом, в котором Осио Хэйхатиро, не преуспев в своем выступлении, заколол себя в Осака. В эссе Мисима подчеркивается, напряженный, «демонический» аспект философии Ван Янмина всегда вызывавший подозрения менее выдающихся конфуцианцев, склонных к прагматизму и компромиссам. Из-за подчеркнутого акцента на действии, в противоположность простому учению и созерцанию, это была философия, или, скорее, мировоззрение, согласуемое с революцией и безусловной приверженностью правому делу, сколь умозрительным ни представлялось бы оно эмпирическим сторонникам здравого смысла.[434 - Там же, сс. 30, 38–39.]

Ван Янмин, ученый-чиновник XVI века, основавший идеалистическую школу конфуцианства эпохи Мин,[435 - «Синь-сюэ» или Постижение Сознания; известна также как Школа Интуиции, или Сознания (_син_), в противоположность чжусианской Школе Причины или Принципа (_ри_). Разбор положений этих двух основных школ неоконфуцианства в Китае и Японии вместе с переводами основных текстов см. В кн. Wm. Theodore de Bary, ed., _Sources_of_the_Chinese_Tradition_. New York, 1960, pp. 344-92.] показал пример своей собственной драматической жизнью, стряхнув с себя оковы интеллекта и «сделав бросок от знания к действию».[436 - Мисима. _Какумэй-но_тэцугаку_..., с. 40.] Его последователи как в Китае, так и в Японии были людьми, постоянно помнившими о той смерти, которая их ожидает, зная, что искренность и неприятие компромиссов с мирской несправедливостью почти наверное приведут их к жестокому концу; однако они не только не страшились такой судьбы, но видели в ней высший знак своего отказа от мирского эгоизма. По Мисима, это — дальний отголосок истинно-национального в этносе современной Японии. Со времени окончания войны на Тихом океане, японцы решили «играть только наверняка», придавая особое значение безопасности и материальной обустроенности и игнорируя то, что является наиболее уникальным и драгоценным в наследии страны.[437 - Мисима. _Какумэй-но_тэцугаку_..., с. 36. Презрение Мисима к «безопасной жизни» напоминает мне об одном путешествий в такси, которое я пережил несколько лет назад в Токио. Шофером был молодой человек того типа, который известен под названием «водитель-камикадзе». Подобно средневековому самураю, штурмующему вражескую крепость, он ворвался в центр города на безумной скорости, виляя зигзагами между машинами, автобусами и прохожими, полностью игнорируя светофоры и прочие мелкие помехи. Через десять минут такой самоубийственной езды я попросил водителя остановиться и выпустить меня из такси, объяснив, что вот только что вспомнил об одном важном деле, которое мне нужно сделать по пути. Продолжая ехать на полной скорости, он повернулся ко мне и спросил с презрением: «Неужто так жалко жизни?» Сейчас я понимаю, что, по крайней мере в одном

отношении, молодой водитель принадлежал к укоренившейся в Японии героической традиции, и я уверен, что и Осио Хэйхатиро, и Мисима обнаружили бы с ним духовное родство.] Вследствие этого их тела живут дольше, чем прежде, но дух умирает ранней смертью. Выглядит это достаточно иронично, однако выдающимся исключением из этого тусклого, конформистского _modus_vivendi_ явились члены радикального студенческого движения, не избегавшие риска и жертв на пути к осуществлению своих достаточно безнадежных целей — уничтожения консервативного истеблишмента. Хотя Мисима был одним из самых непримиримых противников «Дзэнгакурэн» и других левацких групп, специфические цели которых были диаметрально противоположными его собственным, и хотя он задумал свое Общество Щита («Татэ-но кай»), как символическую силу, которая должна была защищать императора от их посягательств, он не мог подавить некоторое завистливое восхищение этими молодыми фанатиками, которые, подобно традиционным героям древности, были готовыДЕЙСТВОВАТЬ, а не просто учиться и болтать.

Со времени благородного самоубийства генерала Ноги[438 - Генерал Ноги Марэскэ (1849–1912), герой Русско-Японской войны, совершил харакири в день похорон императора Мэйдзи, дабы сопровождать своего повелителя после смерти; мадам Ноги, достойная жена самурая, также покончила с собой. В целом считалось, что это — последний пример древнего японского обычая _дзюнси_ (самоубийство подчиненного по смерти предводителя), — по крайней мере, до тех пор, пока главный последователь Мисима, г-н Морита Хиссё не совершил харакири срезу же после смерти своего лидера. Генерал Ноги был горячим сторонником философии Ван Янмина, положения которой он разъяснял, служа наставником наследника престола (будущего императора Тайсё). Самоубийство Ноги в предвоенной Японии широко превозносилось и выставлялось в качестве доказательства того, что древние благородные традиции живы и в XX веке. В книге Като Гэнти «Сущность синто» (Токио, 1954, с. 12) цитируется стихотворение Куроива Руйко — редактора «Ёродзу Тёбо»:Ошибаясь, я считал егоСтарым солдатом;Сегодня я признаю егоВоплотившимся божеством.] в 1912 году, писал Мисима, философию Ван Янмина в Японии по большей части игнорировали; интеллектуалы подвергали ее остракизму, как разновидность «опасных мыслей», которые следовало скрывать не только от иностранцев, но и от самих японцев.[439 - Мисима замечает, что выдающийся историк-интеллектуал, профессор Маруяма Масао в своей монументальной работе по истории японской мысли (_Нихон_сэйдзи_сисо_кэнкю-си_) уделил _Ёмэйгаку_ (философии Ван Янмина) всего одну страницу. После эры Мэйдзи, пишет Мисима, в среде интеллектуалов марксизм занял место _Ёмэйгаку,_ точно так же, как «гуманизм» — место _Сюсигаку_ (философии Чжу Си). Мисима, _Какумэй-но_тэцугаку_..., сс. 23–24.] И все же для самых выдающихся героев в современной японской истории эта философия явилась основным источником вдохновения. Мисима ссылается на то влияние, которое она оказала на Сайго Такамори и генерала Ноги;[440 - Он имеет в виду и то, что писал Сайго, и его самопожертвенные действия, приведшие к кульминации его выдающуюся жизнь.] основная же часть эссе сфокусирована на том, каким образом философия Ван Янмина определила героический финал жизни Осио Хэйхатиро. Как показывает Мисима, долгая слава и высокий престиж Осио в Японии существуют не благодаря его официальной карьере и даже не его ученым успехам, но благодаря тем действиям, которые он предпринимал в соответствии со своими идеалами — действиям совершенно безуспешным.

Героем второго тома последней тетралогии Мисима является Исао — преданный своему делу юноша, который рискует жизнью в совершенно безрассудной попытке переворота правых в 30-х годах нашего века. После того как с помощью предателя заговор был раскрыт и обезврежен, герой закалывает себя кинжалом. Исао глубоко впечатлен философией Осио Хэйхатиро и историей его восстания, которую он читает в тюрьме в ожидании суда.[441 - Текст молодого человека — Inoue Tetsujiro, _The_Philosophy_of_the_Japanese_Wang_Yang-min_School_.] Позже в зале заседаний Исао (подобно многим реальным молодым ультра-националистам 30-х годов) пылко излагает свое мировоззрение судье. Он начинает с цитирования знаменитого максима Ван Янмина: «Знать и не действовать — все равно, что не знать вовсе».[442 - Ср. изречение Ван Янмина: «Знание есть начало поведения; поведение есть завершение знания.» См. Edwin Reischauer and John Fairbank, _East_Asia,_the_Great_Tradition._ Boston, 1958, где ведется дискуссия о политическом подтексте этой философии.] Затем он излагает свои собственные мотивы, которые, как ему теперь кажется, весьма сродни тем, что столетие ранее двигали Осио Хэйхатиро:

«Именно эту философию я стремился претворить в жизнь. Знать упадок сегодняшней Японии… знать о бедности крестьян и отчаянии обездоленных, знать, что причина всему этому — коррупция политиков и откровенное презрения к людям финансовых комбинаторов (Дзайбацу), обращающих эту коррумпированность на пользу… — такое знание автоматически обязывает человека предпринимать действия…[443 - Мисима, _Хомба_, с. 373.]»

Кульминационное событие в жизни Мисима Юкио также было предопредено, по крайней мере — на уровне сознания, философией Осио Хэйхатиро. В письме, которое Мисима написал мне прямо перед смертью, говорилось:[444 - Письмо Мисима пространно цитируется в _The_Eloquence_of_Protest_ by Harrison Salisbury, Boston, 1972, p. 137–38. Письмо было написано по-английски, и я сделал несколько незначительных поправок (например изменив «very seldom persons» на «very few people»).]

… Возможно, вы — один из очень немногих людей, которые могут понять мое решение. Под влиянием философии Ёмэй [Ван Янмина] я понял, что знать и не действовать — значит знать недостаточно; само же действие не предполагает какого-либо эффекта.

Несмотря на великодушную оценку Мисима, вынужден признаться, что в то время не вполне понял его мотивы. Понемногу, однако, в ходе занятий Осио и другими представителями японской героической традиции, мне стало достаточно ясно: Мисима имел в виду самоценность искреннего, жертвенного акта, совершенно не зависящую от его практической эффективности, но сама неудача которого может придать ему дополнительную обоснованность. Поистине, «главное — путешествие, а не прибытие на место».

Осио Хэйхатиро — сложная, противоречивая фигура. При всем своем идеализме и симпатии к непривилегированным слоям, это был жесткий, даже жестокий человек, совершенно лишенный

юмора, который на посту главы полиции сурово преследовал верующих христиан в Осака и который позже не колеблясь приказал убить одного из своих собственных приспешников, когда счел (как выяснилось — ошибочно), что тот может выдать заговор. И все же неудача его восстания и драматическое самоубийство немедленно сделали его носителем статуса героя — совершенного героя, личность которого идеализируется, а все недостатки, какими бы очевидными они ни были, забываются.

Более того, подобно многим трагическим японским героям, чья жизнь в памяти людей не окончилась вместе с их физической гибелью, Осио Хэйхатиро также «не позволили» умереть, но продолжили легенду: вместо того, чтобы славно окончить свою жизнь в разрушенном доме торговца в Осака, он, якобы, бежал в Китай, где трансформировался в Хун Сючжуаня и возглавил новое (еще более неудачное) движение — Восстание Тайпинов.[445 - Кавабара. _Сайго_дэнсэцу_, с.26.]

Общим знаменателем для всевозможных почитателей Осио Хэйхатиро было их отвращение к политическому и моральному _status_quo_, а также твердое намерение противостоять существующей структуре власти любыми методами, сколь бы опасными и жестокими они ни были, и какими бы безнадежными не оказались их усилия. Восстание 1837 года стимулировало подобные волнених (_икки_) и «погромы» (_утиковаси_) как в районе Осака, так и в других частях страны. Хотя эти выступления весьма различались по масштабам и целям, они походили друг на друга в одном отношении: все были неэффективны.[446 - Ссылка на: Hugh Borton, _Peasants_Uprising_in_Japan_of_the_Tokugawa_Period._ 2nd ed.. New York, 1968.] Иногда их предводителями были оставшиеся в живых члены группы Осио, пережившие поражение 1837 года. Однако, во главе большинства восстаний стояли люди, не имевшие прямого отношения к Осио, однако считавшие себя его духовными наследниками; в своих декларациях и манифестах они гордо провозглашали имя «господина Хэйхатиро».[447 - _Хэйхатиро-сама._ Тэцуо Надзита, «Осио Хэйхатиро (1793–1837)» в кн. Albert Craig and Donald Shively, eds.. _Personality_in_Japanese_History,_ Berkeley, 1970, pp.155-79.] Несмотря на всю свою непреклонность, нетерпимость и непрактичность, проигравший философ был харизматической фигурой, идолизируемой бедными горожанами и простыми крестьянами того времени. Нуждающееся население Осака и его окрестностей безусловно не получило никаких материальных выгод от восстания Осио, единственным практическим результатом которого было сожжение их жилищ и жалкого скарба; тем не менее, после смерти они признали его своим кумиром. По некоторым сведения, дошедшим до нас, они тайно переписывали его Судебные повестки («Гэкибун») и использовали их для упражнений в каллиграфии.[448 - Китадзима Масамото. _Бакухансэй-но_кумон._ Токио, 1966, с.426.] Почитатели Осио принадлежали отнюдь не только к низшим слоям общества; в конце эпохи Токугава он был очень уважаем мыслителями-роялистами, которые (довольно-таки ошибочно) представляли его убежденным революционером и противником Бакуфу, стремившимся уничтожить существовавшую политическую систему.

После того, как в эпоху Мэйдзи Япония открылась Западу и началось постепенное изменение общественной структуры, слава Осио Хэйхатиро временно вышла в зенит; однако, по мере роста недовольства центральным правительством в 1870-х годах, он стал героем для многих элементов,

стоявших в оппозиции новой олигархии. Он был особенно почитаем членами Лиги Божественного Ветра — общества рационалистов-фанатиков на Кюсю, яростно противившихся политике правительства, поощрявшего западничество и упразднявшего старые привычки типа ношения мечей. В 1876 году произошла типичная конфронтация «японского духа» (_ямато-дамасии_) с реальной властью, когда члены Лиги, бешено размахивая своими самурайскими мечами, пробились сквозь строй солдат имперского гарнизона, причем защищавшиеся были вооружены современным оружием, и, после некоторого первоначального успеха, были полностью уничтожены.[449 - Мисима особенно впечатляла эта Лига («Симпурэн»); большая часть его «Хомба» посвящена описанию этого неудачного переворота и его влияния на молодого героя романа Исао.] Осио был также героем для предводителя последнего в Японии крупного национального мятежа — Сацумского восстания. Сайго Такамори, неудачное выступление которого произошло ровно сорок лет спустя после волнений в Осака, был, как указывает Мисима, весьма впечатлен той формой неоконфуцианства, которой придерживался Осио; одной из книг, которую он чаще всего перечитывал и цитировал в своих собственных сочинениях, был сборник лекций Осио по философии.[450 - «Сэнсиндо Сацуки», составлено в 1833 г. См. Мисима, _Какумэй-но_тэцугаку_..., с. 25.] Приблизительно в то же время члены ширившегося движения за «народные права», чья кампания за демократические реформы привела их к оппозиции имперскому абсолютизму олигархии эпохи Мэйдзи, относились к Осио, как к своему предтече, — разумеется, не потому, что их цели были в чем-то схожи (Осию трудно представить верившим в политическую демократию), но потому, что они отрицали установившуюся несправедливость одинаково категорично и самоотверженно.[451 - «Движение за свободу и человеческие права» (_дзию_дзинкэн_ундо_) хотя и ставило целью создание парламентского правительства и проведение открытых демократических реформ, зачастую было отмечено активностью, граничившей с жестокостью, которую можно скорее отнести к японской самурайской традиции (представленной такими людьми, как Осио и Сайго), чем к аналогичному движению на Западе в XIX веке. Газета движения «за народные права» помещала в 1876 году статьи с такими заголовками, как «Свобода должна быть куплена свежей кровью» и «Тираны-начальники должны быть уничтожены», — их вполне мог бы набросать за сорок лет до этого сам Осио. См. John Fairbank, Edwin Reischauer, Albert Craig, _East_Asia,_the_Modern_Transformation._ Boston, 1965. Авторы отмечают (ук. соч. с. 234), что «Окубо, самый влиятельный человек в правительстве, был убит в мае 1878 года экстремистами, достаточно невразумительными мотивами которых было отомстить за смерть Сайго и защитить 'народные права'».]

В нашем веке набор почитателей Осио был примерно тем же. В 1918 году он был представлен в качестве вдохновителя зачинщиков «рисовых бунтов», захлестнувших Осака и другие крупные города.[452 - Эти крупномасштабные выступления против растущих цен на продовольствие в основном принимали формы (как и в 1837 году) нападений на богатых рисоторговцев; иногда, однако, ярость была направлена против полиции, и для подавления бунтовавших приходилось вызывать регулярные войска. (Абэ Синкин. _Осио_Хэйхатиро_, в сб.: «Нихон дзинбуцу-си тайкэй» [Большая серия биографических очерков о знаменитых японцах]. Токио, 1959, 1У:280.) Абэ ссылается на книгу Исидзаки Тококу (_Осио_Хэйхатиро_нэнпу_), в которой Осио фигурирует в качестве героической фигуры для участников рисовых бунтов.] В 1920-х годах Осио был поднят на щит диалектическими материалистами и изображен героем-первопроходцем, восстание которого явило собой первый акт осознанной классовой борьбы против старого феодального порядка. В период ультранационализма, начавшийся в следующем десятилетии, опыт Осио высоко оценивался интеллектуалами правого крыла,[453 - Например Накано Сэйго, член парламента и

глава Великой Восточноазиатской Лиги («Дай Тоа Рэммэй») и других ультранационалистических обществ, совершивший харакири в 1943 году после размолвки с генералом Тодзё. Накано верил в «твердые действия» и приветствовал нападение Японии на Россию ради помощи Китаю. См.: Richard Storry, _The_Double_Patriots,_London,_ 1957, p. 150.] а также оказывал воздействие на «молодых офицеров» и ультранационалистов, чьи кровавые перевороты 1930-х годов были всегда практически на сто процентов обречены на поражение.[454 - См.: Storry, _Double_Patriots_ и Ivan Morris, _Nationalism_and_the_Right_Wing_in_Japan,_ London, 1960, приложение IV. Перевороты, особенно в феврале 1936 года, играли, как правило, прямо на руку консервативному милитаристическому истэблишменту, который пользовался ими для подавления оппозиции.] С изменениям политического климата после 1945 года Осио вновь стал героем представителей левого крыла; и в то же время он служил образцом для Мисима Юкио.

Столь неоднозначный герой вызвал к жизни богатую и весьма разнообразную литературу. Кроме довольно скудных документальных сведений, об Осио существуют книги и пьесы более популярного характера. В период Токугава, когда восстание еще не было окончательно подавлено, его события уже начали использоваться, как материал для драматургов и профессиональных рассказчиков, быстро разнесших его славу по стране. Позже в XIX веке писатели эпохи Мэйдзи с немалым уважением рисовали с него образец идеализма и самопожертвования.[455 - См. Абэ, _Осио_Хэйхатиро_, сс. 279-80 — наименования.] Пожалуй, Мори Огай был самым выдающимся писателем в Японии, избравшим Осио в качестве героя своего произведения. Как указывал Дональд Кин, вдохновившись самоубийством генерала Ноги, произошедшим в 1912 году, Огай, сделавший себе имя на сочинении повестей в стиле немецкой романтической традиции, оставил свою успешную карьеру ради того, «чтобы посвятить себя исключительно утомительному, исторически корректному описанию добродетельного самурая», полагая, что все, связанное с этим феноменом, «представляет квинтэссенцию того, что подразумевается под словом ‘японец’». Среди этих произведений есть одна короткая новелла, в основу которой положены события двух последних жизни Осио.[456 - _Осио_Хэйхатиро_ Мори Огай был впервые опубликован в 1914 году. Это — занимательная история героя, которая, впрочем, с исторической точки зрения должна восприниматься с известной осторожностью. По Мисима — _Какумэй-но_тэцугаку_..., с. 30 — «аполлонистический» подход Огая сделал для него трудным душевное постижение активного Осио, деятельность которого была целиком и полностью «дионисийской». Только «симпатия к проигравшему» (_хоганбиики_), приобретенная Осио у японцев после того, как его восстание провалилось, и он был вынужден принять роль жертвы (то есть уподобиться Ёсицунэ в конце жизни), позволило Огай отнестись к своему герою с уважением.] В эпоху «либерализма» — начало 1920-х, — была популярна пьеса, в которой Осио выведен, как великий лидер-гуманист; в послевоенный период он был героем нескольких сценических и телевизионных драм, где его изображали бравым идеалистом, ведущим безнадежную борьбу с хитрым консервативным истеблишментом.

В жизни побежденного японского героя обычно наступает момент, когда он внезапно осознает, что все его прежние успехи уже не повторятся, и отныне та эмоциональная логика, что определяла его жизнь — искренность, мужество, отказ от компромиссов со злыми силами действительности — неизбежно будет висеть на нем мертвым грузом и вести к поражению и несчастьям. Так, по возвращению после своих побед на Западе, типического героя Ямато Такэру

немедленно отправляют с новой миссией в восточные провинции, и он чувствует, что отец-император желает его ранней смерти. В легендарном сказании о Ёсицунэ герой прозревает на почтовой станции Косигоэ, когда последнее из его посланий к Ёритомо остается без внимания, и он осознает, что его всесильный брат твердо намерен уничтожить его. Для Масасигэ решительный час наступает, когда двор отвергает его совет и приказывает ему следовать к Внутреннему морю, где — как он это знает заранее — ему придется потерпеть поражение. В жизни Великого Сайго соответствующий поворотный момент наступает, когда он узнает о тех серьезных действиях, которые предприняли горячие головы из числа его молодых сподвижников, ворвавшись в правительственный арсенал, и отдает себе отчет, что теперь у него нет другого выхода, кроме как противостоять мощи имперской армии. После этих критических моментов истины герой вовсе не теряет головы, но полностью осознает суть своего призвания и опирается лишь на свои душевные ресурсы; только сила духа в позволяет ему держаться своего нелегкого пути до конца.

В истории Осио Хэйхатиро понимание того, что все пропало, приходит спустя несколько часов после начала восстания.[457 - Восстание началось в 7 часов утра 19 февраля (1337 года); барабан пробил сигнал к отступлению незадолго до полудня. Детальное описание можно найти в книге Кода Сигэтомо _Осио_Хэйхатиро_, Осака, 1942, с. 131–213; см. также Мори Огай, _Осио_Хэйхатиро_, изд. «Иванами сётэн», Токио, 1960, с. 36–37.] Он не получил той мощной поддержки от близлежащих деревень, которую ожидал, а горожане, которым он роздал оружие, были более склонны использовать его для грабежей и погромов лавок, торгующих _сакэ_, чем для сражения с правительственными войсками. Окруженный горсткой своих конфедератов, Осио сидит на раскладном стуле в конце моста Нанива и задумчиво жует рисовую лепешку, наблюдая за пылающими зданиями на другом берегу и прислушиваясь к реву правительственных пушек. Вскоре он меняет позицию и приказывает дать сигнал отступления — бить в большой барабан. Сражение будет продолжаться, но относительно его исхода уже нет ни малейших сомнений.

Как и другие герои, Осио испытал все перипетии судьбы; именно в ключевые моменты острее всего понимается контраст между предыдущим успехом и грядущей катастрофой. Обаяние героического типа _хоганбиики_ главным образом обусловлено этим контрастом; та неимоверная высота, с которой ему приходится падать, и вызывает в отношении героя сочувственные эмоции.

Хотя Осио Хэйхатиро никогда не достиг высот славы Митидзанэ и Ёсицунэ, в 1837 году любой объективный наблюдатель назвал бы его удачливым человеком. Ученый, официальное лицо, джентльмен-самурай, — он воплотил в себе и своей карьере все то, что более всего почиталось обществом того времени.[458 - Самое полное биографическое описание см. у Кода Сигэтомо в _Осио_Хэйхатиро_.] Городом, в котором он родился, и где сорок пять лет спустя встретил свой трагический конец, был Осака: торговый центр, морской порт и денежный рынок, приобретший в эпоху Токугава известность, сравнимую со славой Манчестера в викторианской Англии. Хотя, по мере того, как с середины XVIII века центр экономической и культурной активности стал перемещаться в Эдо, его население уменьшалось,[459 - Во времена восстания Осио население Осака было приблизительно 337000 человек, — в конце XVII века — 400000 человек. В Эдо — столице сёгуната, проживало более миллиона населения.] западный город-рынок сохранил свое важное значение. Мицуи, Коноикэ и другие крупные торговые дома непрерывно наращивали

свои богатства и влияние. Осака оставалась «японской кухней», и когда условия жизни в городе ухудшались, отзвуки этого шли по всей стране.

В начале XIX века страна представляла собой все еще замкнутую на себя, изолированную единицу. Точнее говоря, эпоха Токугава близилась к завершению, и со стороны западных стран Японии бросались все более и более настойчивые вызовы. Все же установившийся порядок централизованного феодализма оставался в силе, и правительство защищалось от иностранных поползновений, сохраняя политику «закрытой страны» (_сакоку_), которой насчитывалось уже двести лет. Когда небольшое судно «Моррисон», нанятое в Китае американскими миссионерами, привезло на родину несколько японцев-репатриантов, официальные чины Токугава приказали батареям открыть по нему огонь. Этим негостеприимным жестом, предпринятым в 1837 году (год восстания Осио), правительство известило как иноземцев, так и самих японцев о том, что _status_quo_ будет неизменно сохранено.

Именно в таком закрытом, кажущемся стабильном мире и родился в 1793 году Осио, — старший сын в самурайской семье среднего ранга. Несмотря на все социальные изменения долгого периода Токугава, самурайский класс, в большинстве уделов составлявший не менее десяти процентов населения, все еще сохранял полную монополию не только в качестве военной силы, но и в административной и юридической областях. Отец Осио занимал наследуемый пост полицейского инспектора в осакском магистрате; по существовавшей в те времена системе, эта должность в свое время должна была перейти в его старшему сыну. Несмотря на все свое стремление к равноправию, Осио чрезвычайно гордился своей генеалогией и всегда подчеркивал свое происхождение от семейства вассалов Токугава.

Лишившись в раннем возрасте обоих родителей (его отец умер, когда ему было шесть лет, а мать — на следующий год), мальчиком Хэйхатиро воспитывался у дедушки с бабушкой; позже он стал приемным сыном последовательно в двух семьях, глава второй из которых занимал тот же наследственный пост в осакском магистрате, что и его отец.[460 - Имя отца героя было Атобэ Итиро; из того немногого, что мы знаем об этом джентльмене, он предстает перед нами консервативной фигурой, сторонником истеблишмента, скрупулезно исполнявшим свои обязанности, но полностью лишенным блеска, присущего его сыну. Хэйхатиро был сперва принят семьей Сиода, а затем — Осио, имя которых он сохранил на всю остальную жизнь. См. генеалогическую таблицу в кн. Мори Огай, _Осио_Хэйхатиро_,с. 68-9.] По Мисима, это неустроенное детство послужило причиной порывистого, жесткого, горячего характера героя.[461 - Мисима, _Какумэй-но_тэцугаку_..., с. 32. «У нас нет сведений о том, как маленького Мартина учили чистоте», — пишет с плохо скрытым сожалением Эрик Эриксон _(Young_Man_Luther:_A_Study_in_Psychoanalysis_and_History._ New York, 1962, p.248.). Мы связаны отсутствием подобной ценной информации также в отношении Осио Хэйхатиро и прочих японских героев.] Такие квази-фрейдистские рассуждения о личности часто бывают поверхностными и внушают подозрения; все же несомненно примечательно, что Мисима, сам почти всецело воспитанный бабушкой, объяснял характер героя таким образом.

С юности Осио стали особо привлекать философские штудии. Как выходец из самурайского класса, он также занимался воинскими искусствами, особенно метанием копья, однако мало интересовался огнестрельным оружием, вероятно по причине связанных с ним иностранных, негероических коннотаций, и здесь следует напомнить, что одной из первых причин провала его восстания была неспособность его последователей в достаточной мере использовать свои ружья и пушки. В 1818 году в возрасте 25 лет он презрел социальные условности и женился на приемной дочери богатого фермера. Такого рода «неравные браки» не поощрялись в самурайской среде, и решение молодого человека часто приводят, как пример цельного характера, борющегося с социальными предрассудками. На портрете Осио Хэйхатиро, написанном приблизительно в то время, мы видим стройного, красивого молодого человека с самурайской прической и побритой головой, одетого в официальные одежды;[462 - См. фронтиспис книги Кода Сигэтомо _Осио_Хэихатиро_.] он сидит, держа в руках белый веер, рядом аккуратно положены два его меча, на удлиненном, овальном лице серьезное выражение. По описаниям того времени, его рост был около 165 сантиметров (довольно высокий по тогдашним меркам); изогнутые, узкие брови сходились дугами над глазами; взгляд был напряженным, острым, пронизывающим; на его широком, бледном лбу можно было заметить нежные голубые жилки. Недоброжелатели дали ему прозвище «зеленая тыква» (_аобётан_), намекая на цвет лица — результат слабых легких. Он страдал частыми кровотечениями, но превозмогал напряжением воли свои физические слабости.[463 - Мори, _Осио_Хэихатиро_, с. 26.]

В возрасте двадцать трех лет Осио автоматически занял пост своего отца в городской управе в качестве полицейского инспектора, находившегося в юрисдикции муниципалитета управления восточной части Осака, глава которого был высоким чиновником сёгуната, назначаемым из Эдо. Всего таких инспекторов было шестьдесят (по тридцать в западном и восточном управлении), они делили между собой повседневные судебные и административные функции в городе. Хотя занимаемая ими на феодальной лестнице рангов ступень являлась очень низкой, должность эта могла быть весьма прибыльной, поскольку в традиционные доходные статьи включались «благодарственные деньги» от проходивших по судебным делам представителей торгового класса и прочих, искавших их благорасположения. Осио дал ясно понять, что именно с этой традицией он не будет иметь ничего общего. С самого начала будущий повстанец зарекомендовал себя человеком, строго придерживающимся правил. Такая высокая нравственность могла серьезно повредить карьере Осио, однако его позиция укрепилась через несколько лет после назначения, когда в Осака на пост Управляющего восточным районом прибыл престарелый сановник из Эдо по имени Такаи, бывший губернатор Ямасиро. На Такаи молодой ревностный подчиненный немедленно произвел прекрасное впечатление, и он полностью его поддержал в борьбе с коррупцией и в деле насаждения законности.

Первое большое свершение удалось Осио на тридцать четвертом году жизни, когда, после тщательного расследования, ему удалось обнаружить в Осака скрывающихся христиан и организовать их массовый арест. Предав этих несчастных должному наказанию, он обратил свою энергию на более сложные дела, — коррупцию муниципальной администрации. Благодаря покровительству Такаи, он смог стать бичом бесчестных чиновников и торговцев. Всего за пару лет Осио прославился, как борец со взяточничеством. Зачастую он привлекал внимание к своей кампании необычностью тактики. В одном случае — предвестнике конца его карьеры — он

приказал конфисковать все богатство, накопленное одним из бесчестных чиновников, и раздать беднейшим жителям города, чье положение уже начало возбуждать его недовольство. Особой заботой Осио была передача дела о коррупции в суд. Типичный инцидент произошел, когда Такаи поручил ему разобраться с одним процессом, тянувшимся несколько лет. Услыхав, что делом теперь будет заниматься Осио, истец навестил его поздно ночью и принес в подарок коробку засахаренных фруктов. На следующий день Осио, тщательно исследовав все документы (а также коробку), объявил, что истец виновен, и его иск отклонен. При очередной встрече со своими коллегами он продемонстрировал им коробку с засахаренными фруктами и заметил с саркастической улыбкой: «Именно из-за того, уважаемые, что ваши зубы столь привыкли к сладкому, понадобилось столь много времени, чтобы решить это дело». Затем он поднял крышку, открыв взглядам всех присутствовавших блестящую груду золотых монет. Рассказывали, что чиновники зарделись и не промолвили ни слова.

Маловероятно, чтобы такое поведение расположило к Осио его менее принципиальных коллег, и вскоре многие из них невзлюбили его за «излишнюю прямоту». Однако его ум, ученость и, прежде, всего, — честность в исполнении судебных обязанностей принесли ему, широкую популярность а также уважение всех представителей сёгуната из Эдо.

Круг внимания Осио не ограничивался тайными христианами и продажными чиновниками. Его недовольство возбудила и коррупция буддийского истеблишмента; в 1830 году он осудил несколько буддийских священников, нарушивших свои обеты, — соответственно, многие из них были лишены сана и изгнаны из Осака. Именно в этом году его слава вошла в зенит, однако Осио внезапно оставил общественную жизнь. Он передал свой пост полицейского инспектора приемному сыну Какуноскэ и намеревался полностью посвятить себя преподаванию, науке и исправлению общественных зол. Почему в возрасте всего тридцати семи лет такой умный и энергичный человек как Осио резко оборвал столь многообещающую карьеру ради того, чтобы стать _инкё_ (отставным лицом)? Дело в том, что в это же время его старый патрон Такаи также ушел в отставку и вернулся в Эдо, чем и можно объяснить подобное решение. Однако, более важная причина состояла в том, что у него опустились руки в борьбе с глубочайшей коррумпированностью муниципальной администрации и безразличием своих коллег к страданиям бедных горожан; так же, как сорок лет спустя Великий Сайго, он ушел со службы, дабы обрести новые душевные силы, продумать свои взгляды, воспитать группу последователей и попытаться выправить несправедливую систему извне.

Через некоторое время после отставки Осио пережил душевную травму, которая, похоже, оказала воздействие на всю его дальнейшую жизнь и которая, как считает Мисима, по результатам и воздействию была аналогична тому влиянию, которое произвело на Сайго попытка вместе со своим другом служителем Гэссё утопиться.[464 - О попытке самоубийства Сайго см. ниже. Описание опыта, пережитого Осио на озере Бива см. у Мисима, _Какумэй-но_тэцугаку_..., с.33, 38; Мисима пишет об этом, как о _рёти-э-но_симпитеки_тайкэй_ (мистическом опыте, [приведшем Осио] к интуитивному знанию).] Он побывал в школе в Оми, где Накаэ Тодзю («Святой из Оми») примерно два века назад излагал учение Ван Янмина. Однажды, по возвращении в Осака, при переправе через озеро его неожиданно настиг жестокий шторм, и он почти наверняка должен

был утонуть. Когда вода заполнила лодку, он вручил свою судьбу небу и стал готовиться к смерти. В эти мгновения на него снизошло «просветление», и он понял, что одно из его философских стихотворений о необходимости претерпеть поражение ради обретения интуитивного знания (_рёти_), написанных во время предыдущего визита, относилось не вообще к человечеству, но к нему самому.[465 - Цитируется из «Сэнсиндо Сацуки» у Мисима в _Какумэй-но_тэцугаку_…, с. 33–34.] «Тогда пришло ко мне осознание, — писал Осио, — что, если не смогу разобраться в себе самом, вся ученость, которую я накопил за жизнь, ничего не стоит. И, когда я сидел неподвижно, а волны бушевали вокруг, мне было видение, что я встретился с самим Ван Янмином. Если бы мне удалось отринуть (букв. „забыть“) всякое самоосознание, разве могли бы произвести на меня малейшее воздействие волны? В тот момент всякий страх и жалость к себе исчезли, как снег, тающий под солнцем…» Вскоре шторм прекратился, и Осио спасся. Он часто возвращался в школу в Оми, где собирал местных деревенских жителей и читал им лекции об обретении интуитивного знания и о самопросветлении.[466 - Там же, с.34. Остается только догадываться, что могли понять невежественные крестьяне из слов Осио о _ки-тайкё_ и _тирёти,_ однако им, безусловно льстило подобное внимание со стороны известного самурая-ученого.] Мистический опыт, обретенный на озере, придал Осио полную душевную решимость и подготовил его к последним действиям и смертному концу так, как не смогла бы никакая сумма знаний, или бездна учености.

После ухода в отставку, Осио смог посвятишь высвободившееся время созданию научных трудов. Из его многочисленных философских работ самым знаменитым является собрание лекций, составленное в 1833 году, после чего его репутация ученого упрочилась в стране.[467 - Мори, _Осио_Хэйхатиро_, с.28 — приводится список основных трудов Осио] Осио (как и его духовный последователь Мисима Юкио) не стремился избежать популярности литератора. Когда его лекции были опубликованы, он принес одну из книг на гору неподалеку от Великого Храма Исэ и сжег ее во славу богини солнца; некоторое время спустя он поместил другую книгу в пещере священной горы Фудзи. Мисима предполагает, что целью Осио было увековечить свой дух, дав богине знать о том, что он закончил свою работу; вероятно, он также предвидел большой пожар 1837 года и хотел быть уверенным, что по крайней мере один экземпляр его манускрипта сохранится.[468 - Мисима, _Какумэй-но_тэцугаку_…, с. 34.] В любом случае, эти его поступки, да и не только эти, не имели прецедента в среде японских писателей. Несмотря на впечатляющие достижения на поприще конфуцианства, основную свою энергию на этом этапе жизни Осио отдал частной школе, которую он основал в Осака. Сэнсиндо Дзюку («Академия Очищения Сердца для Достижения Внутреннего видения») была открыта для всех студентов, независимо от социального происхождения, если Осио считал их достойными объектами для своих философских и моральных упражнений; не исключено, что эта Академия повлияла на решение Мисима за несколько лет до смерти основать свое Общество Щита, куда он набирал рафинированных, патриотически настроенных молодых людей из различных социальных сфер. Осио стремился внедрить свою особую форму неоконфуцианства, однако студентам преподавали и каллиграфию, и фехтование, и другие традиционные предметы. Его лекции были емкими, афористичными, содержащими в основном категорические выводы, а не анализ и аргументы, и в большой степени основывались на эмоциональном повторении некоторых центральных идей. Преподавательская методика Осио была весьма самурайской по сути; главным образом, он полагался на упорство и дисциплину. Учебный процесс был нелегким, он обычно включал четыре часа интенсивных занятий без перерыва; пуританские правила, изложенные в четырех статьях, или «обетах» (_мэйсэй_), соблюдались без малейшего отклонения, включая при необходимости использование кнута для провинившихся.[469 - См. Абэ, _Осио_Хэйхатиро_, с.293 о деталях.]

Принимая во внимание эти жестокие условия, может показаться странным, что Осио удавалось набирать (и удерживать) полную школу добровольных слушателей. Очевидно, он был выдающимся педагогом, чья незаурядная личность и непоколебимый самурайский дух могли воодушевлять молодых людей на самопожертвование.

Его сильная воля и идеализм сочетались с резким, легко взрывающимся характером, граничившим с психопатией. Во время одной из своих лекций, говоря о беззакониях правительства, он так распалился, что схватил вдруг рыбу _тригла_, жарившуюся в углу комнаты, и в мгновение ока сжевал ее всю с головой и хвостом, громко хрустя костями.[470 - Морской петух (_lepidotrigia_miscoptera_) — морская рыба с большой головой, бронированным туловищем и тремя грудными лучами. Она полна костей и шипов и малосъедобна для кого бы то ни было, кроме героя в ярости.] Иногда праведный гнев Осио обращался против членов его собственной семьи, включая жену. Несмотря на ее низкое социальное происхождение, она была хорошо начитана в конфуцианских классиках, и когда муж был занят, часто подменяла его, читая лекции по «Великому Учению» и другим текстам. Однажды кто-то прислал ей в подарок разукрашенный гребень. Зная принцип своего мужа не принимать никаких подарков, она решила спрятать подношение до того времени, когда появится возможность вернуть его. Случилось так, что Осио обнаружил гребень. В ярости он приказал своей жене остричь волосы как монахине.

Подобно многим историческим личностям, выступавшим в защиту угнетенных слоев общества, он выказывал мало терпения, милосердия и мягкости в реальных отношениях с индивидами. Нетерпимость Осио, быть может, напомнит нам о Том, кто изгнал торгующих из храма, однако он был полной противоположностью Того, кто омывал ноги своим ученикам, или кто позволил Марии умастить Себя благовонным маслом нарда.

Философия, определившая жизненный путь Осио, приведшая этого верного самурая к восстанию против правительства, которому он когда-то служил, идеально соответствовала его сложной натуре. Основателем ее был Ван Янмин (1472–1529), соединивший карьеру солдата и государственного чиновника с занятиями философией. Большую часть своей жизни он провел в удачных кампаниях против восставших, однако был не очень-то удачливым политиком, и, отчасти — из-за клеветы, возведенной на него при дворе в Пекине, его служба не получила должного признания от правительства. Несмотря на умеренный социальный успех, школа Ван Янмина стала центром реформаторской деятельности, а его идеи дали плоды в последующих поколениях в Китае. Индивидуалистическая философия Ван Янмина укоренилась в Японии где-то через век после его смерти и, хотя и с перерывами, начиная с того времени играла впоследствии важную роль.[471 - О влиянии _Ёмэйгаку_ (философии Ван Янмина) в Япония см. стр. 181-83. Среди известных ее сторонников прошлого века были Ёсида Сеин (см. прим. к Гл. 2), Сайго Такамори, генерал Ноги и Мисима Юкио — все, что особо примечательно, люди действия.] В первые десятилетия эпохи Токугава эта разновидность неоконфуцианства оформилась в независимую школу, главным основоположником, знаменитым философом и учителем в которой был Наказ Тодзю, явивший пример сыновней почтительности: он оставил важный государственный пост

ради того, чтобы ухаживать за своей престарелой матерью в деревне неподалеку от озера Бива. В своем стремлении сеять истину, Накаэ не колеблясь обращался к самым низшим слоям общества, которыми пренебрегали представители более ортодоксальных форм конфуцианства.[472 - de Bary, ed.. _Sources_of_the_Japanese_Tradition,_ New York, 1958, p.379.] Самым известным из последователей Накаэ был Кумадзава Бандзан — «ронин», энергичный чиновник-философ, озабоченный судьбой голодавшего крестьянства. Несмотря на обрушившиеся на него гонения из-за приверженности неортодоксальным идеям, он пытался применять идеи Ван Янмина в своей политической практике, разрабатывая программы реформ для надела неподалеку от Осака, в котором он служил.

Хотя основные принципы учения Ван Янмина вряд ли представятся зажигательными современному читателю, в Японии эпохи Токугава его философия рассматривалась как подрывная ересь. Официальной формой конфуцианства при поощрении Бакуфу ставшей фактически государственной религией, было учение Чжу Си, который в XII веке свел воедино конфуцианские системы, подчеркнув роль знания, как подготовительного этапа правильного поведения, которое стало известно как Школа Разума, или Принципа. Официальная школа чжусианской философии сложилась в Японии в первые десятилетия эпохи Токугава; в ней подчеркивалась традиционная лояльность государству и семье. Придавая большое значение внешней, «механической» пристойности, она имела тенденцию к превращению в узкую и условную формальность, которая, подобно англиканской церкви в дни королевы Виктории, поддерживала социальное и политическое _status_quo_ практически по всем пунктам.

В отличие от нее, приверженцы Ван Янмина предпочитали индивидуальный подход к условиям человеческого существования. Они верили, что истину находят интуитивно, а не путем холодных умопостроений.[473 - Полное изложение см. у Надзита, _Осио_Хэйхатиро_ (в разных местах), у Craig and Shively, _Personality_in_Japanese_History,_ и de Bary, _Japanese_Tradition,_ pp.378-92. Помимо цитированных выше японских источников, я пользовался обеими этими работами для конспективного описания философии Ван Янмина и ее проявлений в Японии.] Накаэ Тодзю и последующие приверженцы системы Ван Янмина во многом отличались друг от друга, но все сходились на главенстве интроспекции, независимости разума и чистого сознания. Самоочевидно, что этот подход имел много общего с дзэн-буддизмом, на протяжении многих веков оказывавшим самое существенное влияние на эмоции и эстетические вкусы высшего класса. Одной из причин того, что ванъянминовская форма неоконфуцианства была по вкусу многим мыслителям и деятелям современной Японии, являлось то, что она сочеталась с дзэнской линией в национальной традиции.[474 - В японской традиции существует четкая дихотомия между «конформистским» подходом, представленным, например, официальным хэйанским буддизмом школ Тэндай и Сингон и Чжусианским неоконфуцианством, отраженным; в пословицах типа _дэру_куги_ва_утарэру_(высовывающийся гвоздь загоняют обратно), или _нагаи_моно-ни_ва_макарэё_ (плетью обуха не перешибешь), и индивидуалистичным, неортодоксальным, «эксцентричным» подходом, видимым в иконокластике Нитирэна, некоторых формах Дзэн и неоконфуцианстве Ван Янмина. Большинство героев, потерпевших поражение, естественно являлись сторонниками второго подхода.] Как и дзэн-буддизм, конфуцианство Ван Янмина предпочитало конформизму и педантичности прямое соприкосновение с истиной, достигаемое собственными усилиями. Самопознание и самоконтроль считались более важными, чем любой

вид формальной зависимости. Правильное поведение в обществе обусловливалось не приверженностью традиции и соблюдением запретов из страха наказания, но посредством интуитивного чувства морали, позволявшего индивиду действовать искренне и правильно. Философия Ван Янмина отличалась сильной антисхоластической направленностью. Некоторые выдающиеся ее приверженцы, как например Кумадзава Бандзан, сформировались, в основном, благодаря самоообразованию и отдали свою энергию прежде всего практической деятельности, а не книжному знанию; однако даже образованные представители этой школы, были склонны отрицать авторитет написанных работ и придерживались индивидуальной морали, диктующей искренние действия. В этом смысле существует очевидное сходство с дзэнским подходом. Будучи частью буддийской религиозной традиции, дзэн, однако, всегда имел тенденцию уделять большее внимание индивидуальной возможности достижения самопросветления с помощью медитации и других способов, тогда как философия Ван Янмина, будучи формой конфуцианства, сосредоточивала свое внимание на действиях индивида в обществе.

Бакуфу эпохи Токугава, с ее крайней консервативностью и приверженностью правилам, прецедентам и установившимся авторитетам, совершенно однозначно с большим неодобрением восприняла столь нонконформистскую, инвидуалистическую философию. Полнотой официальной поддержкой пользовалось чжусинское неоконфуцианство; наконец в 1790 году главный советник сёгуна опубликовал эдикт, запрещавший распространение «различных доктрин». При том, что эта мера установила монополию учения Чжу Си, она не лишила ученых сторонников Ван Янмина стремления к пропаганде своих идей в письменной форме, или к созданию частных учебных заведений.

В 1830-х годах, когда эдикт был еще в силе, самым выдающимся философом этого толка был Осио Хэйхатиро. Хотя он начал свою ученую карьеру как сторонник чжусианской формы неоконфуцианства, понемногу он отошел от нее и стал сторонником соперничавшей с ней еретической школы Ван Янмина, положения которой более отвечали его собственному независимому, активному характеру. Таким образом, за много месяцев до того, как Осио в самом общем виде стал рассматривать возможность восстания, он уже мысленно стал в оппозицию к истеблишменту.

Метафизическая система Осио, оказавшая серьезное влияние на его жизнь и на жизни многих героев — его последователей, основывалась на ванъянминовской концепции _тайкё._ Это термин переводится очень по-разному: Абсолютный Дух, Абсолютная Идея или Абсоютный Принцип.[475 - Я уклонился от более буквального перевода понятия _тайкё,_ как «Великая (Абсолютная) Пустота», поскольку в нем содержатся нежелательные нигилистические коннотации.]_Тайкё_ есть фундаментальная творческая сила и источник всех вещей во вселенной. Для выражения понятия Абсолютного Духа Осио часто использовал метафоры в манере, напоминавшей стиль даосских и дзэнских учителей. В одной из лекций он приводит в пример образ кувшина. Если кувшин разбивается, пустота, наполнявшая его, мгновенно возвращается во внешнее пространство; так и человеческое тело автоматически сливается с Абсолютным Духом. Он вечен и стабилен; даже великая гора, говорил Осио, может быть сдвинута землетрясением, но Абсолютный Дух ничто не сместит. Будучи универсальным и предшествующим всем вещам — объектам, чувствам и

причинам — он не может быть постигнут простой ученостью; будучи абсолютным и всевключающим, он превосходит форму, время, историю и изменения; не принимая никаких противопоставлений, он отвергает любые различающие категории.[476 - Чжу Си подчеркивал дуализм:причины следствия знания действия личности объекта активного пассивного прошлого настоящего жизни смерти позитивного негативного высшего низшего мужского женского и пр., и пр.По метафизике Осио _(моно-но_тай_наси_—_между вещами нет противопоставлений), мы можем достичь истины только путем осознания единства всех этих, казалось бы, взаимоисключающих категорий. Настаивание Осио на необходимости превзойти различения по временным категориям ни в коем случае не специфично лишь для философии _Ёмэйгаку._ В этом смысле его _тайкё_ аналогично «воле Божией» в Ветхом Завете, хотя, разумеется, это гораздо более абстрактная концепция: «…человек не в состоянии измерить волю Бога, проистекающую из центра, находящегосяВНЕ ДОСТИЖЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАТЕГОРИЗИРОВАНИЯ. БЕЗУСЛОВНО, КАТЕГОРИИ ПОЛНОСТЬЮ РАЗБИВАЮТСЯ ВСЕДЕРЖИТЕЛЕМ Книги Иова и остаются разбитыми до конца» [выделено мной — А.М.] (Campbell, _The_Hero_with_a_Thousand_Faces,_ New York, 1956, p. 148.) Как замечает Кэмпбелл _(Него…,_ pp.148, 152, 171 и пр.), моральные ценности не являются критерием героя; то, что необходимо, это высшее внутреннее видение, трансцендентная сила, выходящая за рамки всех пар оппозиций и уничтожающая все категории. На Западе эта сила (или «судьба») обычно ведет к практическому успеху — либо при жизни героя (Лютер, Вашингтон и др.), либо после его смерти (Джон Гусе, Жанна д'Арк и др.); в Японии же «искренность» среди извращенных мирских установок практически всегда встает на пути прагматических выгод.] В соответствии с этим подходом, социальная несправедливость — предмет, усиленно рассматривавшийся Осио — могла быть связана с чжусианским типом дуалистического анализа, по которому одна группа людей представлялась сущностно отличной от другой.

Во имя того, чтобы освободить свое сознание от ложных, временных категорий различения, необходимо реидентифицировать себя с Абсолютным Духом. Только посредством возвращения к Абсолюту (_ки-тайкё_) мы можем ясно выяснить как собственную природу, так и природу всех вещей, исправить неверные установки относительно условий человеческого существования и обрести стабильность (_фудо_). Будучи философом-самураем, больше внимания Осио уделял теме смерти, и в своих лекциях подчеркивал, что посредством возвращения к Абсолютному Духу отрицается и время, и смерть. Вновь и вновь он подчеркивал, что физическая смерть не имеет значения и даже смысла. «Что есть то, что называют смертью?… Вероятно, мы не можем жалеть о смерти тела, но смерть духа — поистине этого надо страшиться».[477 - Цит. у Мисима, _Какумэй-но_тэцугаку_…, с. 36.] Реидинтифицируя себя с Абсолютом, человек обретает чистоту духа и искренность мотиваций; в этом случае жизнь, согласно классической самурайской фразе, становится «легче птичьего пера».[478 - _Иноти_ва_комо_ёри_мо_кароси._ Ср. у Судзуки и Хирота в «Кодзи котовадза дзитэн» [Словарь древних пословиц], Токио, 1956, с. 83.]

В философии Ван Янмина, как и в дзэн, самопостижение и контроль за сознанием являются самыми важными формами обучения. Все люди должны осознать свою истинную природу и, посредством медитации, самодисциплины и искренних действий, очистить себя от ржавчины, образовавшейся из-за ложного мышления.[479 - Мисима, _Какумэи-но_тэцугаку_…, с. 42.] Наша цель, писал Осио, — врожденное, интуитивное знание (_рёти_), и лишь посредством обретения такого знания (_ти-рёти_), мы можем стереть пыль с зеркала и отчетливо увидеть все вещи.[480 -

Там же, с. 29. Образ Осио напоминает библейское выражение «сквозь тусклое стекло» [1 Кор. 13.12], однако, несомненно. Св. Павел говорил о духовном спасении через любовь, нежели чем через самопознание.]

Осио применял концепцию Абсолютного Духа к области этики, подчеркивая, что одним из главных ее аспектов была искренность (_макото_), давая, таким образом, философское основание положению, всегда бывшему центральным для японского героического идеала. В понимании Осио _ки-тайкё_(«возвращение к Абсолюту») означало возвращение к искренности и доброте, а также настоятельную необходимость «исправления несправедливости» (_фусэй-о_тадасу_). Поскольку _тайкё_ включало в себя Абсолютную Истину, ошибки и зло являлись непреходящими и, подобно времени и смерти, могли быть превзойдены лишь путем реидентификации с Абсолютом.

Такой оптимистический подход к мировому злу был соотнесен с конфуцианской доктриной исходной человеческой доброты и выражался знаменитым афоризмом: «Люди изначально добры; по природе они обладают этим качеством».[481 - Это — начальные строки из «Классика Трех Иероглифов» Цзы Чина.] Согласно Осио, все мы потенциально способны воспринимать горний свет, дающий возможность отличать добро от зла, а путем трансформации личности (_кисицу_хэнка_) можем вернуться к Абсолюту. Грубые, формализованные классовые различия, игравшие столь важную роль в официальной концепции общества эпохи Токугава, упразднялись с введением критерия святости, присущей сердцу каждого человека. Потенциальная возможность вернуться к Абсолюту давалась всем человеческим существам, независимо от их положения в жизни (важная уступка со стороны самурая-ученого конфуцианского толка) и пола. Самая последняя крестьянка, гнувшая спину на рисовых поляхТЕОРЕТИЧЕСКИ могла стать святой.

Я заострил внимание на теоретическом аспекте этого поразительного эгалитаризма. Для Осио Хэйхатиро, как и для свиней-правителей со скотного двора Оруэлла, все равны, но некоторые «равнее» других. Несмотря на настаивании на наличии святости у всех, сам он по натуре был яростным приверженцем элиты, отчетливо сознававшим свою принадлежность к самурайскому сословию, и обходился со своими последователями со всей патерналистской авторитарностью феодального лорда. Настаивая на том, что возможность возвращения к Абсолюту дается всем людям, он признавал, что на практике лишь очень немногие способны усовершенствовать себя до истинного состояния святости. В представлении Осио герой-святой — разумеется, ложная скромность не мешала ему приписать таковую роль себе — являлся страстным, прямолинейным человеком, достигшим интуитивного познания себя и всех вещей (_тирёти_); его, таким образом, не смущали уже никакие мирские страхи, и он мог посвятить себя с самопожертвенной искренностью искоренению зла и несправедливости. Осио описывал святого как воинственного человека, борющегося с предрассудками, дела которого в обществе «подобны действиям сумасшедшего»;[482 - _Кёся-но_готоси._ Надзита, _Осио_Хэйхатиро_, с. 163. За более чем шесть веков до этого буддийский отшельник Камо-но Тёмэй написал: «Если мы будем следовать путям мира, вещи будут для нас трудны; если мы откажемся следовать им, нас сочтут сумасшедшими (_кё_сэру_ни_нитари_)». Камо-но Тёмэй, _Ходзёки_, изд. «Юсэйдо», Токио, 1963 с.54.] вспоминается замечание Бодлера, цитируемое у Литтона Стрэчи в описании героической

катастрофы генерала Гордона: «Il faut etre toujour ivre… il faut vous enivrer sans treve».[483 - Lytton Strachey, _The_End_of_General_Gordon,_ in «Eminent Victorians». London, 1948, p.251.]

Цель героя-святого — _кюмин_ («Спасти людей!»); эти иероглифы украшали знамена Осио, когда его теории привели наконец к открытому восстанию. Тем, кому удалось реидентифицировать себя с Абсолютом, присуще убеждать других людей в их потенциальной святости. По Осио, искренность и высокоморальность поведения святого должны привлекать к нему группу преданных последователей и с их помощью осуществлять бескорыстные действия в социальной сфере. Это подводит нас к тому аспекту философии Осио, который более всего повлиял на его поздних последователей, включая Мисима Юкио: «Путь святого лежит лишь через общественную сферу… Знание должно быть соединено с действием (_тигё_гоицу_)… Даже благородный человек (_кунси_), если он знает, что есть добро, но это сознание не определяет его действия, — превращается в ничтожество».[484 - Мисима, _Какумэй-но_тэцугаку_…, с. 29–30.] В противоположность чжусианской форме неоконфуцианства, утверждавшей, что сперва надо обрести знание, а потом уж действовать соответственно этому знанию, Осио настаивал на том, что «знание без действия свидетельствует о недостаточности знания…[485 - Там же: _Ситтэ_оконавадзару_ва_имада_корэ_сирадзару_нари_.] Если мы тотчас же не воплощаем наши моральные представления об истине в действия, наше подлинное понимание [этих истин] ничтожно». Это утверждение, разумеется, идет гораздо дальше трюизма «действие говорит за себя громче слов». Возвращение к Абсолюту (_ки-тайкё_) включает в себя очищение общества; обретение интуитивного знания (_ти-рёти_) побуждает святого подчинить свое сознание непосредственной социальной и политической деятельности. Осио реализовал эти идеи, не удовлетворясь своей государственной карьерой, а позже — спокойной жизнью преподавателя и ученого. Как заметил один выдающихся японский писатель эпохи Мэйдзи, Осио Хэйхатиро был еще более последователен в своих действиях, чем сам великий учитель Ван Янмин.[486 - Миякэ Сэцурэй (1860–1945) был создателем националистического общества и основателем влиятельного журнала, противостоящего вестернизации и ратовавшего за возврат к «японскости». Его замечания об Осио оспариваются Надзита (_Осио_Хэйхатиро_, с. 159): «Слишком высокая оценка, право, для того [Осио], кто погиб, предводительствуя обреченным и во многих отношениях жалким восстанием».]

Логика философии действия Осио заставляла его сосредоточить внимание на реальной кризисной ситуации в окружавшем его обществе. Для человека с подобными идеями, ему очень повезло в том плане, что судьба послала ему достойное дело: «очищение» от экономической несправедливости путем спасения угнетенных горожан. Живи он на полтысячелетия раньше, философия и характер Осио безусловно заставили бы его направить свою энергию на безнадежное, но «правое» дело роялизма, которому был столь предан его герой Кусуноки Масасигэ; в эпоху Мэйдзи он вполне мог бы войти в одну из групп обреченных фанатиков, восставших против вестернизации с антикварными самурайскими мечами в руках. Однако, в спокойный период благоденствия, ему было бы очень тяжело найти для своей философии конкретное воплощение. В этом состояла трагедия Мисима: он принял философию Осио в то время, когда отсутствовала какая-либо социальная почва для приложения его сил. Поэтому он был вынужден связать свои идеи и психологические импульсы с делом, лишенным хоть какого-либо смысла.

Задавшись целью добиться справедливости для простых людей, Осио сознательно стал на путь открытого конфликта со своим непосредственным начальством — правительством Бакуфу. Сам он, воспитанный в духе верности самурайскому сословию, прекрасно понимал это противоречие, но разрешил его — по крайней мере, к своему собственному удовольствию — заключив, что лояльность Абсолютному Духу превыше лояльности непосредственному начальнику (_тю_). Подчинив свою жизнь моральному императиву: «очистить общество» путем восстановления социальной справедливости для простых людей, он был готов отбросить относительную лояльность, предписывавшую подчинение стоящим выше на феодальной лестнице.[487 - Единожды встав на путь, Осио принял ту точку зрения, что его основная преданность должна принадлежать императору — воплощению вечных японских ценностей, а не Бакуфу, которое являло собой временную, земную власть. Единство императора и его народа представляло абсолютную моральную ценность, стоящую выше любых мирских обязанностей. По Осио, «предательство» императорского дома со стороны Бакуфу стало особо нетерпимым после того, как в 1335 году Такаудзи «злодейски» полностью переменил свои взгляды (см. Надзита, _Осио_Хэйхатиро_, с.171). В этом смысле Осио был предвестником роялистского движения, которое позже в том же веке было представлено такими лидерами, как Окубо и Сайго; иногда его изображают в качестве предтечи Реставрации. Целью безнадежной борьбы Осио с властями, однако, было не «реставрировать императора» (он никогда не выказывал даже самого отдаленного интереса к Нинко Тэнно, правившему в то время), но «спасти людей» (_кюмин_), в частности экономически угнетенных жителей Осака; было бы анахронизмом рассматривать его восстание, как попытку изменить политическое _status_quo_ в пользу централизованного императорского правления.] На это он мог с полным правом утверждать, что его действия были вовсе не «бунтом черни» (_дзокуран_), как их квалифицировало правительство, но «праведным делом» (_гикё_).[488 - Оправдывая свое выступление против власти Бакуфу, Осио часто пользовался историческими аналогиями. Во многих его лекциях упоминались герои конца династии Мин, следовавшие положениям философии Ван Янмина и бросавшие вызов государственной власти в попытках установить в империи справедливость и помочь слабым и бедным. Яростно лояльные старой династии Мин, эти герои отдавали свои жизни в слабом сопротивлении манчжурским «узурпаторам», которые, следуя точке зрения Осио на китайскую историю, были аналогичны Бакуфу эпохи Токугава. Надзита, _Осио_Хэйхатиро_, с.68. Тот факт, что минские роялисты совершенно очевидно отстаивали безнадежное дело и были обречены на уничтожение, подтверждал героическую искренность их мотиваций. Среди современных западных героев, подчеркивавших важность искренних действий вне зависимости от временной лояльности и практических последствий, которые, подобно Осио Хэйхатиро и Сайго Такамори, шли на то, чтобы быть опозоренными и убитыми, преследуя лояльность более высокого плана, был ирландский патриот сэр Роджер Кэйсмент. Он также с большим усердием служил правительству, для которого позже стал предателем и которое его безжалостно уничтожило. В своей речи со скамьи подсудимых в Олд Байли сразу же после того, как его приговорили к повешению в июне 1916 года, Кэйсмент заявил словами, которые вполне могли бы принадлежать Осио, или Сайго: «…моя 'измена' основывалась на безжалостной искренности, вынудившей меня в свое время выразить в действии то, что я выражал словами.» (Brian Inglish, _Roger_Casement,_ New York, 1973, p.345.) В своей «безжалостной искренности» и в своих поражениях (Кэйсмент говорил о себе, как об «одном ирландце, который сделал попытку и потерпел поражение,» - там же, с.406) они все походили друг на друга; большая разница заключается в том, что Кэйсмент так и не сталАНГЛИЙСКИМгероем.]

Отказ Осио повиноваться феодальным правителям и его выступление в защиту «страждущих мира сего» дало повод некоторым современным исследователям представить его революционным лидером и даже одним из первых социалистов. Действительно, восстание в Осака в 1837 году имело гораздо большую социальную подоплеку, чем многочисленные локальные выступления в эпоху Токугава и ранее.[489 - Детальный разбор см. в кн. Borton, _Peasant_Uprising_in_Japan_of_the_Tokugawa_Period,_ New York, 1968. Как указывает профессор Бортон, целью обычного _икки_ было исправление конкретных, местных несправедливостей, а не изменение всей системы (ук. соч., с. 95). У восстания Осио была более широкая теоретическая основа, чем у любого другого, однако «революционным» его можно назвать лишь в самом общем приближении.] Однако, несмотря на всю масштабность брошенного им вызова, Осио был далек от каких бы то ни было революционных намерений, и причисление его к «первым социалистам» приводит к чрезмерному упрощению мотивов и искажению целей, так же как и навешивание Мисима ярлыка «фашиста». Осио был религиозным лидером, чья философия действенной морали случайно приняла форму социального протеста. Ни в одном из своих произведений или заявлений он не критиковал феодализм как таковой. Вовсе нет. Осио как данность принимал систему, дававшую преимущество самурайскому сословию, к которому он принадлежал. Его негодование было направлено на недостатки внутри системы, особенно — против коррупции и злоупотреблений чиновников, игнорировавших свои моральные обязанности. Если только бы этих мошенников можно было устранить от кормила власти и поставить на их место справедливых (как он сам) людей, стало бы возможным уничтожить всякие следы зла и установить вечный порядок и справедливость.[490 - Надзита, _Осио_Хэйхатиро_, с. 177.] Это — порыв реформатора-утописта, борющегося за моральную справедливость, а не революционера, желающего уничтожить иррациональную или устаревшую социально-экономическую систему. Краткое объяснение по видимости радикальной позиции Осио было дано в 1952 году Маэда Итиро во времена, когда героя широко провозглашали предвестником современной социалистической революции:

Он постоянно поддерживал феодальный порядок и, будучи представителем класса, стоящего во главе четырех социальных сословий, был исполнен решимости уничтожить зло и недостатки в управлении, от которых в то же время происходила вся неустроенность… Однако, ради эффективного воплощения своих планов, ему пришлось прибегнуть к помощи представителей низших, угнетенных классов, находившихся в конфронтации с феодальными [властями].[491 - Маэда Итиро. _Осио_Хэйхатиро_, в сб.: «Нихон рэкиси кодза» [Разыскания по японской истории], Токио, 1952. «Четырьмя социальными стратами» (_симин_) были самураи, крестьяне, ремесленники и торговцы.]

Осио, философ-самурай, не рассуждал в мирских терминах о систематической реформе или о проведении социальной революции. Скорее, его миссия — идеалистическая, романтическая и в сущности своей непрактическая — заключалась в том, чтобы «изжить насущное зло» ради того, чтобы он мог «спасти людей из ада прошлого и… устроить рай прямо перед их глазами».[492 - Надзита, _Осио_Хэйхатиро_, с. 177, 170.]

Под «адом» Осио понимал прежде всего жалкое экономическое положение беднейших элементов населения. Крестьяне были главными жертвами длительного голода, периодически поражавшего всю нацию за период Токугава. Но и городские массы также жестоко страдали от недостатка продуктов питания и внезапных повышений цен на рис. Легкость и изобилие Плывущего Мира, изображаемого театром Кабуки, цветные гравюры _укиё-э_ и литература о «весёлых» кварталах могут нарисовать несколько неверную картину реальной жизни, которой жило большинство горожан в века «славной изоляции» Японии. На самом деле большинство обитателей таких крупных городов как Эдо и Осака существовали практически на черте экономической бедности, и каждый резкий прыжок рыночных цен делал их положение отчаянным.[493 - Ихара Сайкаку признал это в XVII веке; большинство его поздних историй _тёнин_повествуют о трудном экономическом положении беднейших горожан. Уже к концу века стали заметны признаки экономической стагнации, а меркантильный капитализм, похоже, больше не предоставлял тех возможностей, что были раньше. Самые неудачливые семьи _тёнин_ не могли вырваться из пут нищеты, как бы упорно они ни работали. «Времена изменились, — писал Сайкаку. — Теперь только серебро может произвести ещё больше серебра. Сейчас уже не столько ум и сообразительность приносят человеку доход, но просто сам факт обладания капиталом». В своих поздних работах Сайкаку обращает внимание на самую темную сторону жизни _тёнин._ Впервые он отводит свой взгляд от высшей буржуазии, унаследовавшей или приобретшей богатства, и рассматривает средний и нижний уровни городского общества, переходит от индивидов, пользующихся деньгами, к используемым ими. Сайкаку оставил единственную сохранившуюся запись о жизни нуждавшихся горожан XVII века, которые не только ничего не приобрели от возвышения класса торговцев, но были вынуждены бороться за свое повседневное существование. (Ivan Morris, _The_Life_of_an_Amorous_Woman,_ New York. 1963, pp. 28–29.)] Большинство городского населения было недавними переселенцами, которых выгнало из деревни невыносимое экономическое положение и которые поддерживали свое шаткое существование, нанимаясь слугами или поденными рабочими. Они и становились первыми жертвами в голодные периоды.

Прямой причиной этих бедствий были, конечно, скудные урожаи и недостаточность посевов, но их последствия значительно усугублялись непродуманной, скаредной экономической политикой Бакуфу. Правящий класс самураев, богатство которого измерялось размерами рисового дохода (_коку_), непрестанно усиливало нажим на деревню с тем, чтобы та производила больше, а потребляла меньше, будучи твердо уверен в том, что смысл существования крестьян был «оставаться в живых, но не наслаждаться жизнью»;[494 - Акамацу, _Мэйдзи_1868_, Лондон, 1972, с. 26] однако к XVIII веку беднейшие фермеры достигли предела производительности, сверх которой их них можно было мало чего выжать с помощью налогов или законов против роскоши. Вот только они не могли скопить никаких запасов, чтобы хоть как-то протянуть в тяжелые времена.

Глубоколежащая причина голодовок и прочих бедствий была демографической. Для закрытой, изолированной экономики, какая существовала в Японии в эпоху Токугава, любой постепенный рост населения неизбежно был опасен, и можно почти с уверенностью утверждать, что периодически повторявшиеся голодные времена подтверждали теорию мальтузианцев. Возможно, нет никакого совпадения в том, что экономические кризисы 1782 и 1882 годов оба

разразились, когда население Японии превысило свои «безопасные» рамки приблизительно двадцати семи миллионов человек. И все же факт остается фактом: интенсивность человеческих страданий может быть уменьшена более рациональным и благодетельным правлением.

Из-за непереносимых трудностей и бездушного, неэффективного управления, население Японии, несмотря на традиционную покорность и послушание, периодически взрывалось негодованием. Историки высчитали периодичность между выступлениями в десять лет в период Токугава, а с начала XIX века, когда долгое правление Бакуфу подошло к концу, они стали еще более частыми. Подавляющее их большинство происходило в сельской местности, где проживало основное трудящееся население; однако, по мере роста городов, они тоже становились сценой крупномасштабных волнений, вызванных прежде всего нехваткой продуктов питания и повышением цен. Наиболее драматичными были «погромы» (_утиковаси_) — отчаянные всплески жестокости, в которых поденные рабочие, мелкие лавочники, безработные ремесленники, бродяги — люмпен-пролетариат Японии времен Токугава — объединялись, чтобы громить дома богатых торговцев, производителей _сакэ_ и ростовщиков. В Осака — житнице страны — отмечались «погромы рисовладельцев» (_комэя-коваси_), но и во всех остальных крупных городах происходили волнения того или иного рода. Из них наиболее жестокое произошло в Эдо в 1732 году, а также в ряде городов (в том числе Эдо и Осака) между 1783 и 1787 годами; последние крупные выступления периода Токугава случились в 1836 и 1838 годах, — таким образом, восстание Осио явилось кульминацией в их долгой череде.

Феодальные власти реагировали на эти тревожные симптомы с такой высокой эффективностью, какую они никогда не могли продемонстрировать в приложении к их причинам. Благодаря весьма неудачным действиям крестьянства и горожан, а также колоссальному репрессивному аппарату правительства, выступления неизбежно терпели поражение. Каждый самоубийственный взрыв имел последствием жестокое возмездие и поток новых указов. В 1721 году фермерам было «под расписку» запрещено создавать общины (_тото_) и приказано присоединиться к официальной системе пятидворок, члены которых несли коллективную ответственность за всяческие нарушения; в 1741 году в качестве наказания за жалобы вышестоящим, создание общин, или оставление деревни было установлена конфискация полей, увеличение налогов на деревню и смертная казнь для зачинщиков.[495 - Borton, _Peasant_Uprisings_, pp. 35–36.]

Распятие, этот импортированный с Запада способ, был обычным наказанием для нарушителей. Так, после восстания 1749 года, послужившего протестом против высоких налогов, введенных после неурожая, местные чиновники получили несколько недель домашнего ареста, однако с фермерами, решившимися бросить вызов властям, обошлись не в пример более круто. Троих из зачинщиков связали, выставили на обозрение за пределами города, а затем убили на кресте; двоих других сожгли; троих обезглавили; более двухсот человек были приговорены к не столь жестоким наказаниям.[496 - Там же, с. 44–45. Восстание произошло в северо-восточном районе Айдзу (неподалеку от современной Фукусима), в уделе повелителя Мацудайра Нарисада. Представляется типичным следующий указ, изданный после подавления восстания 1836 года в отчаянно бедной горной провинции Каи:Поскольку эти люди явились зачинщиками выступления по вопросу трудностей в приобретении риса, поскольку они разбивали зерновые амбары…

угрожали тем, что сожгут резиденцию наместника, если тот не откроет ворота, возбудили восстания в нескольких деревнях… предводительствовали в движении и несли знамена, они подлежат распятию.Там же, с. 92; детали см. у Кода, _Осио_Хэйхатиро_, с. 130.]

Последние годы долгого правления сёгуна Токугава Иэнари (1787–1837) были отмечены природными бедствиями и голодом, что, однако, ничуть не приуменьшило вызывающую экстравагантность самого сёгуна, а казну Бакуфу оставило по-прежнему пустой. Начиная с 1832 года случилась целая серия недородов, особенно в 1833 году; в 1836-м был самый большой неурожай, сокративший производство риса и других зерновых почти до половины обычной нормы. Результатом этого было неуклонное повышение цен на рис, достигшее в 1837 году катастрофически высокого уровня.[497 - В 1830 году 1 _коку_ риса стоил 88.5 _моммэ_ серебра. Цена выросла до 119.9 _моммэ_ в 1833 году, до 155.7 — в 1836-м и до 294 — в 1837 году. (К 1840 году она упала до 63.4.) Borton, _Peasant_Uprisings, —_на с. 208–209 приводится перевод полезной таблицы цен на рис с 1616 по 1866 год, составленная профессором Хондэ.] Голод поразил беднейшие сельскохозяйственные регионы и все большие города. Как обычно, власти и не могли, и не желали принимать необходимые срочные меры для защиты населения, и все стало быстро приходить в нищенское состояние. Даже в Нагоя, где была предпринята попытка как-то ослабить давление, весной 1837 года на улицах валялись 1500 непогребенных тел.[498 - Borton, _Peasant_Uprisings_, p. 88.]

Осака, экономика которой в значительной степени контролировалась Коноикэ и несколькими другими торговыми домами в тесном сотрудничестве с муниципальным начальством, бурлила неповиновением. Атобэ — Высший Муниципальный Управляющий, с грубостью, напоминающей поведение английского правительства во времена ирландского картофельного голода, случившегося несколько лет спустя, не колеблясь исполнил директивы Бакуфу отправить морским путем в Эдо рис из осакских амбаров, и без того истощенных, вздувая, таким образом, цены еще выше и приводя городское население на грань голодного вымирания.

По мере того, как обстановка в городе ухудшалась, Осио наблюдал за людской нищетой со все большим негодованием и, в резком обращении к властям, заявил, что голод не был, как объясняли конфуцианцы «карой небес» (_тэнсан_), но «деянием правительства» (_сэйсай_). Устрашенный страданиями, очевидцем которых он был на улицах Осака, и полуразвалившимися хижинами в окружающих деревнях, он написал серию стихотворений в китайском стиле, в которых говорил о несчастных, собиравших мертвых птиц для еды, или родителей, оставлявших своих детей умирать от холода, поскольку не могли прокормить их.[499 - Некоторые примеры _канси,_ составленных Осио, см. у Абэ, _Осио_Хэйхатиро_, с. 290–291. Ср. «социальные» стихотворения Митидзанэ, стр. 48.] Его сочувствие страдающим массам обернулось яростью в отношении коррумпированных, ленивых чиновников и наглых торговцев, которых он описывал в строгих, пуританских терминах конфуцианского ученого, как забавляющихся на дорогостоящих банкетах вином, прекрасными блюдами и танцовщицами. Однако, слов было недостаточно. Теперь, в начале 1837 года, у Осио наконец-то появилась отличное поле для той деятельности, которую предписывала его философия.

По мере того, как голодное состояние в Осака продолжало ухудшаться, и становилось ясно, что официальные лица не собираются делать ничего для улучшения положения, Осио послал Атобэ петицию с просьбой отпустить рис из государственных кладовых, чтобы накормить страждущих; одновременно он обратился к Коноикэ, Мицуи и другим крупным представителям торговых домов, настаивая, чтобы те выделили деньги для несчастных.[500 - По другим сведениям, к Атобэ воззвал приемный сын Осио — Какуноскэ: когда он доложил об официальном отказе, с Осио, как передают, случился приступ неудержимой ярости. В действительности, об этом не сохранилось никаких документальных подтверждений, так что вся история с воззванием может быть просто частью героической легенды, возникшей после смерти Осио. Кода, _Осио_Хэйхатиро_, с. 144. Продажа библиотеки, впрочем, представляется неоспоримым фактом.] После некоторого колебания торговцы, очевидно действуя по приказу Атобэ, отклонили просьбу. Сам Атобэ не только отказался открыть кладовые, но еще с презрением пригрозил Осио наказанием за подачу «прямой петиции» (_госо_), за то, что тот вмешивается в общественные дела, не имея официального статуса. Неудача с обращением и факт, что такая посредственность, как Атобэ, стоит во главе правления в столь критический момент, убедили Осио — если у него вообще были какие бы то ни было сомнения, что легальным, ненасильственным путем ничего не добьешься.

Вскоре после этого Осио предпринял действия, привлекшие к нему массу последователей, а позже — почитателей. Для сбора средств он продал то, что, как ученый, ценил больше всего — свою библиотеку из приблизительно пятидесяти тысяч томов. Эта драгоценная коллекция дала ему сумму около одной тысячи золотых _рё_ (где-то 6000 долларов по современным ценам), большинство из которой он распределил среди нуждающейся части горожан. Щедрость, хотя и объявленная Атобэ неблагородным атом саморекламы, завоевало ему широкую популярность в Осака. Одновременно с раздачей денег бедным, Осио втайне купил пушку, дюжину ружей и несколько сот мечей; он также нанял эксперта по огнестрельному оружию для тренировки своих сподвижников в обращении с ним. Знание, приобретенное им из книг, давало теперь действенные плоды в общественной сфере.

В марте 1837 года Осио приказал распространить свои Требования («Гэкибун») среди «народа и крестьян» в четырех районах вокруг Осака. Это явилось прямым подстрекательством к восстанию, и дороги назад теперь уже не было. Отпечатанные копии Требований были разосланы по деревням в шелковых мешочках шафранового цвета с синтоистским заклинанием из Великого Храма в Исэ и благопристойной надписью «послано Небом» (_тэн_ёри_кудасарусоро_). Поскольку документ был написан на сложном китайском языке,[501 - Абэ, _Осио_Хэйхатиро_, с. 302. См. там же, с. 299–300, краткое содержание «Гэкибун», написанного Осио. Китайский язык был языком конфуцианства и официальных правительственных документов. По профессору Абэ, копии Воззвания были разосланы в основном в близлежащие деревни по берегам реки Ёдо и дошли лишь до малой части той аудитории, для которой Осио их предназначал. Знаменательно, для «сельской» направленности Осио, что в самом городе не производилось никакого организованного распространения.] большинству потенциальных читателей оно мало что могло сказать, однако подобные практические вопросы мало занимали Осио.

Требования начинались с указания на недавнюю серию землетрясений и других природных бедствий, которые, как в добром конфуцианстком стиле замечал Осио, явились знаками гнева Небес в отношении коррумпированных, ищущих личной выгоды чиновников правительства Бакуфу. Эти предостережения, однако, не были услышаны. Рис на кораблях был отправлен в Эдо, в то время как население Осака голодало; начальство же, ответственное за тяготы народа, продолжало купаться в мирских удовольствиях вместе с рисовыми торговцами, актерами и продажными женщинами.

Затем последовал призыв к действию. Невозможно, писал Осио, продолжать в молчании сносить несправедливость. Пришло время всем искренним людям восстать и «обрушить месть небес» (_тэмбацу_) на коррумпированных чиновников и скаредных торговцев, преуспевавших за счет бедных, накапливая рис и другое продовольствие ради своих эгоистичных выгод. Виновные в этом, включая высших муниципальных управителей, должны быть строго наказаны, а продукты немедленно распределены среди нуждающихся. Начиная свое вооруженное «очищение от несправедливости», Осио призывал вламываться в местные правительственные конторы и сжигать все книги с регистрацией ежегодных поборов, а также все прочие документы, на которые власти опирались при сборе налогов. Если какой-либо чиновник заподазривал о планах восстания, он должен быть немедленно убит. Как только жители деревень узнавали о начале восстания в городе, им следовало бросаться на подмогу и помогать уничтожить негодяев, ответственных за их несчастья. Тогда, наконец, станет возможным стереть с лица земли накапливавшуюся веками коррупцию и вернуться к истинному, высокоморальному управлению, которым Япония наслаждалась во времена Дзимму, основателя императорской династии.[502 - Призыв Осио «вернуться к Дзимму» (легендарный первый император Японии) и частые упоминания богини солнца Аматэрасу Омиками вряд ли указывают на революционный подход к делу.]

Нам неизвестно, когда именно Осио решился на вооруженное восстание. Традиционно отсчет начала выступления ведется от вспышки его гнева в адрес правительства, в частности — Атобэ, за неумение справиться с голодом 1836-37 годов. Однако решение было принято за несколько лет до этого, вероятно — когда он только начал преподавать в своей Академии Очищения Сердец ради Обретения Внутреннего Видения. В Требованиях он подчеркивал моральную основу своего восстания, указывая, что у него и у его последователей нет намерений покорить страну и захватить политическую власть, но, подобно китайским героям позднего периода династии Мин, ими руководили исключительно искренние мотивы — та искренность, что обязывала их навлечь небесную кару на нечестивых.[503 - Осио приводит в пример Тайра-но Масакадо, восставшего в X веке против правительства, контролировавшегося кланом Фудзивара, и Акэти Мицухидэ, убившего Ода Нобунага (первого из великих объединителей страны) в XVI веке. Оба они были людьми героического склада, однако потерпели неудачу (по Осио), так как их поступки мотивировались политическими амбициями.]

Практические цели восстания (если не иметь в виду планировавшегося немедленного уничтожения некоторых из наиболее отъявленных чиновников и торговцев, а также распределения продуктов питания среди голодающих) в Требованиях были очерчены довольно смутно; вероятно сам Осио не вполне ясно их себе представлял. Он особо подчеркивал, что это —

не очередное эфемерное волнение, но что восстание продолжится до тех пор, пока не будет полностью восстановлена справедливость. Весьма сомнительно, чтобы он вынашивал какую бы то ни было особую программу. В его цели почти наверное не входило свержение феодальной системы Бакуфу; скорее он намеревался исправить несправедливости путем назначения на должности добродетельных чиновников.

Сам план восстания также остается неясным. На свидетельства, представленные со временем властями, положиться нельзя, поскольку они были получены в основном от перебежчиков, предавших своего предводителя и надеявшихся на снисходительность, или от заключенных, подвергавшихся пыткам и готовых сказать все что угодно, дабы избежать лишних страданий. Мы знаем, однако, что Осио намерился начать восстание с нападения на двух Высших Муниципальных Управителей во время их инспекторской поездки 25 марта, когда они должны были отдыхать в доме напротив его собственного жилища в три часа пополудни.[504 - Двумя посланниками были Атобэ из Восточного Магистрата и Хори, назначенный в Западный Магистрат (_ниси_матибугё_) 8 марта и совершивший свою первую официальную инспекционную поездку по городу.] Немедленно после этого его сподвижники должны были поджечь дома торговцев рисом, сбить замки на амбарах и раздавать еду. Пожары должны были послужить сигналом крестьянам близлежащих деревень устремиться в город и присоединиться к восставшим. Готовясь к великому дню, сподвижники Осио регулярно встречались у него в доме. Поскольку комнаты в нем пустовали после продажи библиотеки, дом был превращен в тайный арсенал для пушек, огнестрельного оружия и произведенной амуниции.

В планировании и проведении восстания Осио помогала группа из приблизительно двадцати конфедератов. Из них самым главным был его двадцатишестилетний приемный сын Какуноскэ — один из немногих людей в жизни Осио, с которым у него постоянно поддерживались теплые отношения. Другими его сподвижниками были в основном старые коллеги из Восточного Магистрата, моральная обстановка в котором ухудшилась после назначения Атобэ, уважавшие Осио, считавшие его своим духовным пастырем и наставником; ему также удалось привлечь на свою сторону горстку идеалистически настроенных молодых самураев, на которых большое воздействие оказала его личность. В этом восстание Осио отличается от почти всех предшествовавших _икки_ в период Токугава: со времени Восстания в Симабара на два века ранее, это было первое важное выступление, в котором у членов воинского класса были общие цели с угнетенными массами.[505 - Borton, _Peasant_Uprisings,_ p. 29 говорит о недостаточной поддержке восставших крестьян со стороны «ронинов». Частично это произошло по причине их традиционного презрения к низшим по положению, а частично — из-за отсутствия общности интересов.]

Массовая поддержка Осио — если это можно назвать массовостью — была оказана из окружающих деревень. В месяцы, предшествовавшие выступлению, он послал некоторых своих лейтенантов для набора «достойных людей» (_китоку_ару_хито_), которых следовало выбрать в деревенской среде, независимо от уровня образованности и социального статуса. В свою очередь, они должны были призвать крестьян сплотиться для поддержки инсургентов, как только в городе вспыхнет восстание — в общих чертах, таков был план Осио. Сам он имел тесные связи с

местными лидерами и мелкими землевладельцами, многие из которых стали его учениками и материально поддерживали как его, так и его Академию.[506 - По причине полного невнимания Осио к практическим делам, он и его семья оказались в стесненных обстоятельствах сразу же после его отставки в 1630, и ему часто приходилось зависеть от финансовой поддержки своих учеников.] Стоит напомнить, что он презрел условности, избрав себе жену именно из такой семьи, что могло помочь ему завоевать доверие деревенских жителей. В самой Осака его рядовые сподвижники были прежде всего выходцами из городских пауперов и _буракумин_ (отверженной касты) — самого низа социоэкономической иерархии, которым было практически нечего терять, присоединяясь к восстанию. По одному поводу он говорил, с присущим ему отсутствием реализма, что, относясь к презираемым и угнетенным _буракумин_ как к человеческим существам, он превратит их в своих стойких союзников, которые с готовностью отдадут свои жизни за правое дело.[507 - Китадзима Масамото, _Бакухансэн-но_кумон_, Токио, 1966, с. 425.] Однако, в целом Осио, с его типично самурайским подходом ко всему, более доверял крестьянам, нежели горожанам и, хотя центром его восстания был город, человеческие резервы он собирался черпать в основном из деревни. Его сомнения относительно поддержки массой горожан полностью оправдались; но он фатально переоценил ожидавшуюся поддержку крестьян.

Осио прилагал все усилия, чтобы сохранить приготовления в тайне, он даже приказал убить одного из своих лояльных сторонников, дабы тот не смог выдать заговор. И все же, несмотря на все предосторожности, в лагере восставших были предатели, один из которых послал, предупреждение Атобэ накануне выступления.[508 - Поминутное описание хода событий 25 марта см. у Мори, _Осио_Хэйхатиро_, с. 66–67.] К счастью для Осио, Высший Управляющий скептически отнесся к доносу, расценив его, как форму личного недовольства пресловутым темпераментом Осио. Как и во времена восстания в Симабара за два века до этого, власти не предприняли нужных действий, задавивших бы выступление в зародыше. Только после 25 марта, когда второй предатель прислал письмо, подтверждавшее предыдущее извещение о готовящемся восстании, власти наконец решили действовать. Они начали с приказа арестовать двоих полицейских чинов, замешанных в заговоре. Одного из них зарубили насмерть во дворе охраны, но другому удалось бежать через окно уборной городского управления, и он поспешил к дому Осио, чтобы предупредить о предательстве. В результате этого Осио пришлось начать на восемь часов ранее установленного срока. В семь часов утра группа полицейских была послана, чтобы схватить его дома. Но они прибыли слишком поздно — восстание уже началось.

По плану Осио и его последователи сперва подожгли его собственный дом, как только прозвучал сигнал. Затем они разошлись по улицам в разных направлениях, неся над собой знамена с надписями «Спасти людей!» и «Великое Святилище богини Аматэрасу.» По мере продвижения они систематически поджигали дома полицейских инспекторов и прочих официальных лиц, известных своими нечестными делами. Осио и его люди также подожгли большое количество жилищ, принадлежавших крупным торговым домам. Поскольку все строения были деревянные, пламя быстро распространялось, и ко времени, когда на исходе второго дня пожары были потушены, почти четвертая часть огромного города выгорела дотла.

Главной частью программы было захватить склады богатых торговцев и «освободить» продукты питания и других накопленные богатства. Именно тогда неадекватность планирования Осио и его излишне оптимистические оценки своих соратников произвели наиболее разрушительный эффект. Разношерстный сброд, вломившийся в хранилища Мицуи и Коноикэ, не сделал ни малейшей попытки заняться организованным распределением серебра, риса и прочих трофеев; напротив, каждый хватал столько, сколько мог унести и бежал в безопасное место. Также, по старинной традиции бушующей толпы, многие из них, разбив винные лавки, упивались до бесчувствия, переставая таким образом, быть хотя бы какой-то боевой единицей. Это весьма мало походило на тот тип поведения, которое ожидал герой-святой от своих последователей; Осио мало могла утешить мысль, что эта толпа состояла именно из людей, которых он пытался спасти своими действиями.

Когда дело дошло до реального боя, оказалось, что люди Осио совершенно не способны обращаться с огнестрельным оружием и пушкой, дабы противостоять силам Бакуфу. Одним из немногих благоприятных моментов за этот день, в целом несчастливый для восставших, был случай, когда пушечная стрельба испугала муниципальную лошадь господина Хори, высшего управляющего западного магистрата, который совместно с Атобэ руководил атакой на Осио и его приверженцев. Лошадь попятилась, и Хори слетел с нее, вызвав большое замешательство среди своих людей, подумавших, что он убит. Момент спустя Атобэ спешился точно таким же неблагородным образом. Две эти неудачи доставили большое удовольствие людям Осио и дали пищу для многочисленных злых шуток осакских горожан. Вскоре после этого дух инсургентов сильно пошатнулся после гибели их главного канонира — высокого, элегантно одетого самурая, убитого огнем артиллерии Бакуфу. По приказу Атобэ, его голова была отсечена, насажена на пику и пронесена по улицам Осака, как мрачное предупреждение о судьбе, ожидавшей всех восставших.

Хотя первоначальное замешательство властей подарило Осио несколько часов успеха, слабость и дезорганизованность его сил в городе и то, что ожидавшаяся крестьянская армия так и не появилась, обрекли его восстание на быстрое поражение. Переломный момент наступил около четырех часов пополудни, когда Осио, поняв, что все пропало, приказал своим людям спасаться, пока еще есть возможность. В то время, как сотни ошеломленных горожан метались по улицам, пытаясь спасти то немногое, что у них еще оставалось, Осио и его сотоварищи поспешили к берегу реки Ёдо, останавливаясь только затем, чтобы поджечь амбары, попадавшиеся им по пути. Перед тем, как сесть в лодку и переправиться через реку, он вынул свиток со своими Требованиями и бросил его в огонь вместе с копией приказа о выступлении. Восстание было подавлено после боя, длившегося менее суток; «философу действия» не удалось нанести хотя бы минимальный урон силам Бакуфу.

Теперь в действие пришел неумолимый репрессивный аппарат правительства. Понадобилась целая неделя, чтобы известия о восстании дошли до центра Бакуфу в Эдо.[509 - Новость была сообщена главному министру сёгуната Мидзуно Тадакуни 1 апреля 1837 года.] К тому времени восстание Осио было сокрушено, но известия вызвали большой переполох, так что были немедленно посланы инструкции выявить виновных и привлечь их к суду. В то же время,

командующий осакским замком, гарнизон которого не принимал практически никакого участия в боях 25 марта, приказал, чтобы всех участников схватили возможно быстрее. На дорогах и речных путях было установлено тщательное наблюдение; за пленение Осио и других главных зачинщиков была назначена награда, — власти опасались, что те могут предпринять какую-нибудь новую выходку, если их немедленно не арестовать. В течение первых дней репрессий многие приверженцы Осио, не желая сдаваться в плен, кончали жизнь самоубийство. Так, когда его дядя, синтоистский священник, который был глубоко вовлечен в заговор, услыхал шаги приближающихся полицейских, он попытался распороть себе живот. Рана получилась неглубокой, и священник был еще жив, когда ворвалась полиция; тогда, в отчаянии, он сумел вырваться из дома, добежал до ближайшего ирригационного водоема, где сумел утопиться.

Осио бежал из города вместе с четырнадцатью сподвижниками[510 - Список их имен дает Кода, _Осио_Хэйхатиро_, с. 216.] и приблизительно семьюдесятью пятью сторонниками. К тому времени уже ничего нельзя было изменить, и он готовился к смерти, однако его убедили отложить это последний шаг, и он направился к гористому району на полуострове Кии. Теперь ему пришлось признать, что не существовало никакого конкретного плана отступления (хотя он ранее и упоминал о таковом); он заявил, что дождется дальнейших известий из Осака, и уж затем прервет свою жизнь достойным образом.[511 - Мори, _Осио_Хэйхатиро_, с. 47.] Ради того, чтобы дать своим последователям более благоприятный шанс спастись, он приказал им бросить в реку мечи и другое оружие, а самим разойтись в различных направлениях. Вскоре с ним осталось только трое: его сын Какуноскэ и двое преданных полицейских из восточного магистрата, которым было дозволено сопровождать его на последнем пути.

Не осталось никаких исторически достоверных записей о маршруте, по которому четверо беглецов двигались по полуострову в самое морозное время года, однако ученые провели достаточно точную его реконструкцию. Передвижение небольшой группы напоминает бегство Ёсицунэ в Осю; разумеется, в легенде такая аналогия не могла обойти Осио. Один из полицейских, начавший отставать, решил сделать себе харакири, чтобы на замедлять ход остальных. Осио не только не разубеждал его, но выступил в роли _кайсяку_ («ассистента») и отрубил ему голову. Немногое время спустя второй полицейский (молодой человек, первым предупредивший Осио о предательстве) так устал, что остановился передохнуть в доме крестьянина; проснувшись он заметил, что его кинжал украден, и понял, что крестьянин побежал доносить властям; чтобы не подвергнуться пленению, он выбежал из дома и повесился на дереве. Теперь оставались только Осио и его сын. Как бы имитируя поведение великого героя XII века, оба они обрили себе головы и приняли облик горных монахов.

Между тем, правительственные силы вылавливали последователей Осио одного за другим. Преследовали и арестовывали даже тех, кто был вовлечен в выступление лишь косвенно. Главной целью, разумеется, было пленить основного предводителя, и для этого сеть раскидывали все шире и шире. Поиски, однако, затруднились тем, что было получено несколько ложных донесений о направлении, в котором скрылся Осио, и его безрезультатно искали в районе Киото. Вероятно, он смог бы скрывать следы своего пребывания в горном районе Ямато довольно долгое время, однако через пять дней после восстания он внезапно решает вернуться в город — может

быть потому, что хотел пронаблюдать за дальнейшим развертыванием событий, а может быть оттого, что, охваченный апокалиптическим чувством своей миссии, считал, что встретить судьбу ему следует именно в Осака. На рассвете 31 марта престарелый торговец полотенцами по имени Горобэй, покровителем которого на протяжении многих лет являлось семейство Осио, был бесцеремонно разбужен ударами в ворота, — два горных монаха настаивали, чтобы их впустили.[512 - Там же, с. 75.]

Осознав, кто перед ним стоит, Горобэй очутился перед дилеммой того типа, что особенно болезненно воспринимается японцами, и над которой особо мучились герои пьес театра кукол и Кабуки: либо он должен был приютить двоих самых разыскиваемых в стране преступников и подвергнуться риску сурового наказания по закону, либо ему приходилось нарушать свой долг (_он_) семье Осио, отказав ему с сыном в убежище. Впрочем, никакой возможности выбора у него не было, поскольку беглецы бесцеремонно вломились в переднюю дверь. Горобэй решил спрятать их в закрытом строении, отделенном от основного дома садом.[513 - Детальный план дома Горобэй и описание кровавых событий 1 мая см. у Кода, _Осио_Хэйхатиро_, с. 236.] До смерти боясь, что все раскроется, он тщательно скрывал их присутствие ото всех домашних, кроме жены. На протяжении следующих недель престарелая чета по очереди, тайком носила беглецам пищу и все необходимое.

Все шло хорошо до тех пор, пока одна из горничных, гостя в своей семье в близлежащей деревне, не заметила вслух, что последнее время в доме ее хозяина приобретается необычно большое количество риса. Эта новость дошла до местного управления. Власти призвали трепещущих супругов Горобэй, и те на допросе сознались, кем являются их именитые гости. Комендант Осакского замка немедленно отдал приказ схватить Осио с сыном живыми. Те, кого назначили произвести арест, бросили жребий — кому первому вступить в узкий проход, ведших к убежищу Осио, и заслужить честь и славу.

На рассвете 1 мая группа из четырнадцати полицейских окружила строение. Они разработали план, по которому жена Горобэй должна была выманить Осио из дома, чтобы они схватили его живым. План провалился, когда Осио заметил одного из них за воротами и понял, что пришел последний час. Стражники призывали Осио выйти и сразиться с ними, но он не ответил на их уловки, и они решились на немедленную атаку. Осио сразу поджег солому и прочие горючие материалы, которыми он обложил дом именно на такой чрезвычайный случай. Когда стражники все же ворвались в помещение, он выхватил кинжал около сорока сантиметров в длину и вонзил его себе в горло, перерезав сонную артерию. Затем он вытащил оружие из раны и швырнул его в нападавших, однако, что для него всегда было характерным, не причинил никакого серьезного вреда. Какое-то мгновение он стоял у входа, и охранникам была смутно видна его высокая фигура, напоминавшая священника, окруженная языками пламени. Потом он упал и погиб в горящем доме, как Ёсицунэ в своем укреплении при реке Коромо.

Резко усилившийся жар не позволил охранникам приблизиться. Когда пламя удалось укротить, они пробрались в комнату и отыскали обгорелые тела Осио и его сына. Какуноскэ вел себя храбро

в уличных боях в Осака за пять недель до того, однако, когда пришел конец, он, очевидно не решился убить себя, и отцу пришлось заколоть его, чтобы спасти от пленения. По одному из преданий, люди слышали, как Осио кричал: «Трус! Трус!» (_хикё,_хикё_) своему сыну, когда полицейские готовились к атаке.[514 - Там же, с. 236.] Вероятно, поражение сильно подействовало на его разум. Как бы то ни было, если описание происшедшего верно, это было очень грустное расставание с сыном, которого он так любил. После того, как тела извлекли из дома, их омыли и погрузили на носилки для последующей транспортировки в отделение магистрата. Тем временем, на улицах собралась огромная толпа. Когда Осио выносили, некоторые из наблюдавших заметили, что его голова так деформировалась и распухла от жара, что была похожа на огромную жабу.

За драматической смертью Осио и его сына последовало детальное расследование обстоятельств мятежа. Официальные слушания дела правительством Бакуфу начались в Эдо 4 сентября, однако судебные колеса поворачивались столь медленно, что вердикт был вынесен лишь 28 сентября следующего года. В решении суда отобразилась вся жестокость законов Токугава; выявилась самая уродливая природа наказаний, припасенных для тех, кто осмеливался нарушить установленный порядок.[515 - См. J.C.Hall, _Japanese_Feudal_Laws_, Transactions of the Asiatic Society of Japan XLI, pt.5, Tokyo, 1913 — перевод «Эдикта в ста разделах» _(О_Садамэгаки_Хяккадзё),_ где описываются процедуры и правила для судов магистратов в эпоху Эдо. Применение жестоких наказаний и особенно использование пыток стало особенно частым в заключительный период сёгуната Токугава, возможно — как реакция на участившиеся восстания; «Эдикт в ста» разделах содержит леденящие кровь примеры юридической жестокости в мировой судебной литературе.] Для двадцати человек, признанных особо ответственными за восстание, было предназначено высшее наказание — распятие; других участников приговорили к обезглавливанию, тюремному заключению или, ссылке на далекие острова.[516 - См. Абэ, _Осио_Хэйхатиро_, с. 292 — подробности. Торговец полотенцами Горобэй был приговорен к тюремному заключению (_гокумон_), что, учитывая его возраст, было равносильно смертному приговору.] В качестве знака особой снисходительности суд решил, что малолетний сын Какуноскэ, который в принципе должен был быть казнен за преступления отца, получал вместо этого пожизненное заключение.

Наказание двоих главных обвиняемых — Осио и его сына — представляло некоторые затруднения, поскольку ко времени объявления приговора они были уже шестнадцать месяцев как мертвы. Своим последним решением суд осудил Осио за то, что тот «критиковал правительство» (_сэйдо-о_хихан_итаси_), а также воспользовался своей должностью учителя, чтобы принудить горстку последователей, включая полицейских чинов, к восстанию. «Ввиду этих нечестивых деяний, — говорилось в заключении, — да будет известно, что засоленные тела Осио Хэйхатиро, а также [его сына Какуноскэ] выставляются на публичное обозрение, а затем подлежат распятию в городе Осака».[517 - Полный текст указа цитируется Кода, _Осио_Хэйхатиро_, с. 268–70. Раздел 103-й _О_Садамэгаки_Хяккадзё_ гласит:Обычно наказание распятием должно проводиться или в Асакуса, или в Синагава; могут, однако, быть случаи, когда преступник посылается для наказания на место преступления. Доска с записью фактов свершенного и степени наказания должна быть выставлена на три дня рядом с трупом, который следует передать _эта_ [париям] ответственным за погребение. Выставление преступника для публичного обозрения

перед распятием зависит от обстоятельств дела… (Hall, _Japanese_Feudal_Laws,_ p. 791.)] В качестве последнего акта лишения чести, было приказано не устанавливать никакого надгробия на его могиле, которая иначе могла бы стать местом паломничества со стороны его почитателей.

Из двадцати девяти других заговорщиков были способны выслушать приговор — то есть еще оставались в живых — всего пять человек. Большинство умерло в осакской тюрьме, где условия были столь ужасны, что заключенные редко жили дольше нескольких месяцев.[518 - Мори, _Осио_Хэйхатиро_, с. 83. Семнадцать из главных обвиняемых погибли в тюрьме от жестокого обращения, шестерым удалось сделать харакири. Лишь один из обвиняемых, приговоренных к распятию, был живой, когда его прикрепляли к кресту.] Засоленные тела тех, кто был приговорен к распятию, но погиб в тюрьме, проносили по улицам и в соответствии с предписанием, крепили к столбам на месте казней в Осака.[519 - Единственным исключением был крестьянин по имени Нисимура, тело которого успело разложиться до засаливания; чиновники Бакуфу приказали стереть его могилу с лица земли (_фумбо_хакай_). Кода, _Осио_Хэйхатиро_, с. 240.]

Хотя основной функцией суда было наказание виновных, правительство также не забывало о конфуцианской заповеди — награждать достойных. Перебежчикам и информаторам были выданы деньги; особое вознаграждение получил полицейский чин по имени Сакамото, отличившийся тем, что уничтожил пушку восставших.[520 - Сакамото Гэнноскэ был храбрым и находчивым офицером, без сомнения — самым выдающимся бойцом в правительственных войсках. Во многих странах именно он, а не потерпевший полное поражение Осио, фигурировал бы в качестве героя 1837 года; однако в Японии его имя известно только ученым. Интересно, что Сакамото был старым другом Осио, и даже втайне написал о нем хвалебный труд. Абэ, _Осио_Хэйхатиро_, с.279; см. также Мори, _Осио_Хэйхатиро_, с. 4.] Не были забыты и гражданские лица: их ревностные расследования и вынесенные ими приговоры принесли им похвалу и приличные денежные суммы.

«Действия, предпринятые Осио Хэйхатиро, окончились полным поражением»,[521 - Мисима, _Какумэй-но_тэцугаку_…, с. 51.] - пишет Юкио Мисима, его главный современный почитатель. Несправедливости, которые Осио намеревался уничтожить, продолжали твориться; результаты же его действий оказались прямо противоположными предполагавшимся. Действительно, критическое состояние с продуктами питания в городе несколько смягчилось, однако лишь благодаря ряду обильных урожаев, а не стараниями героя-святого. Несомненно, сам Осио понимал всю несостоятельность восстания, но его характер никогда не позволял ему признать это открыто.

Предводители восстания погибли в пламени; людей, предавших его, назначили на высокие посты, коррумпированные чиновники и «прожорливые» торговцы процветали как и прежде. В то же время, тысячи простых людей жестоко пострадали от пожаров и эпидемии, вспыхнувшей вскоре после событий. И, хотя голод кончился, состояние беднейших горожан продолжало оставаться весьма непрочным. «В прошлом году, — писал тогдашний хроникер, — те, кого преследовал голод, скатились до состояния нищих, ни на что не пригодных людей. Они уходили и приходили,

неспособные отличить день от ночи, жалобно взывая со слезами на глазах. Большинство из них вскоре исчезло, — вероятно, они умерли, так как количество нищих резко уменьшилось».[522 - Цит у Акамацу, _Мэйдзи_1868_, с. 62.]

Хотя на токугавский режим Бакуфу восстание и произвело некоторое сдерживающее влияние, оно не предприняло ничего, чтобы смягчить условия, его вызвавшие.[523 - Реформы Тэмпо проводились в 1841–1843 годах под руководство Мидзуно Тадакуни. Вполне возможно, что Тадакуни подтолкнуло к действию выступление Осио, однако совсем не похоже, что его вдохновили принципы, которыми Осио руководствовался. Как бы там ни было реформы Тэмпо полностью провалились, и до конца периода Токугава более подобных попыток не было.] Реформы сёгуната, проведенные несколько лет спустя, были направлены прежде всего на укрепление существовавшего порядка и усиление военной мощи правительства, а не на изменения того типа, которого требовал Осио; проводились же они в рамках ортодоксального (чжусианского) конфуцианства. Министр — главное лицо, ответственное за реформы — чрезмерно преувеличивал необходимость бережливости, появившись на людях в одежде из хлопка, а не шелка; однако, несмотря на столь поучительный пример, правительственные экономисты не смогли смягчить тяготы масс, а новая жесткая программа ограничений в национальном масштабе зачастую ухудшала условия жизни именно тех людей, которым хотел помочь Осио. Традиционные ограничения были еще раз подтверждены, налоги и другие поборы — увеличены. Одной из целей реформаторов было сдержать инфляцию, однако это совершенно не удалось, и спустя несколько лет цены на рис и прочие основные продукты поползли вверх, что возымело обычные нежелательные последствия для трудящихся масс.[524 - К 1863 году цена 1 _коку_ риса поднялась до 325 _моммэ_, а два года спустя — до 1300 _моммэ_.]

Несмотря на свой выразительный провал, осакское восстание вызвало другие многочисленные _икки_ по всей стране.[525 - См. Borton, _Peasant_Uprising_, pp. 94–95.] Одно из первых подобных крупных восстаний произошло в отдаленной северной провинции Этиго из-за высокой цены на рис. На знаменах инсургентов было указано, что они являются «учениками Осио» и желают «низвергнуть грабителей страны». За остававшийся недолгий период правления Токугава, в городах, тысячах деревень и поселков произошло около трехсот выступлений. В каждом случае эти _икки_ подавлялись, а их участники наказывались: то были симптомы серьезных упущений в экономической политике Бакуфу, однако вовсе не они послужили причиной его падения.

События после Реформации Мэйдзи закрепили посмертную славу Осио. Замещение токугавского правительства Бакуфу имперской бюрократией представляло собой не более, чем смену хозяев: Реставрация предстала насмешкой над идеей Осио превратить имперские институты власти в символ справедливости для народа. Земельная и налоговая реформы, проведенные новыми правителями были гибельными для массы беднейших слоев, условия жизни которых вызвали восстание Осио, и начиная с 1873 года прокатилась новая волна _икки_.[526 - Танака Согоро, _Сайго_Такамори_, Токио, 1958, с. 276–77.] Наказания были менее ужасающие чем во времена Токугава, однако ни одно из выступлений не достигло своих целей, и почитателям Осио в последующие годы не удавалось тешить себя мыслью, что философия и действия их учителя установили прецедент удачного противодействия несправедливостям властей.[527 - В

_The_Mindful_Peasant:_Sketches_for_a_Study_of_Rebellion,_ Journal of Asiatic Studies, August 1973, pp. 579-89 профессор Ирвин Шнайдер пишет о влияниии Осио на крестьянские восстания в начале периода Мэйдзи. Так, во время восстания Носэ «за обновление мира», крестьянские вожаки провозгласили, что Осио непосредственно вдохновляет их действия, говоря о нем, как о _Ёнаоси_Даимёдзи_ («Великом Божестве Обновления Мира»). Как указывает профессор Шнайдер, Осио дал крестьянам вдохновение, но не программу, или идеологию. В частности, их привлекала его идея реставрации Века Богов (_дзиндай_фукко_), при которой они освободились бы от эксплуатации местных чиновников, ростовщиков, торговцев-монополистов и всех остальных, пользовавшихся их слабостью. Для понимания японской героической традиции особенно важно иметь в виду, что предводители этих восстаний не ожидали победы (там же, с. 587) и принимали мученическую смерть «ради общества, чтобы мир узнал наш гнев».]

Неудача Осио происходила не от превратностей судьбы, но от фундаментальных слабостей самого подхода к делу.[528 - Я не могу согласиться с профессором Бортоном, когда он пишет (_Peasant_Uprisings,_ p. 93), что «восстание [Осио] было обречено на поражение не из-за недостатка храбрости у его руководителя, но по причине предательства одного из его последователей».] Он безнадежно недооценивал перевес в балансе сил его сторонников и Бакуфу. Кроме того, он был до невообразимого неумелый планировщик.[529 - Объявление профессора Абэ типично для послевоенных японских историков. По Абэ, неудачная попытка Осио организовать «антифеодальные» элементы в стране с самого начала обрекла его движение на неудачу (Абэ, _Осио_Хэйхатиро_, с.283). Он также указывает (там же, с. 304), что основная поддержка Осио оказывалась землевладельцами (_дзинуси_) и прочими членами традиционного правящего класса деревни (_дэнтотэки_сонраку_сихайся_), и что это ограничило возможность получения массовой поддержки восстания. Действительно, самурайское происхождение Осио могло препятствовать организации эффективной массовой поддержки, однако история сотен других неудачных _икки_ показывает, что идея «антифеодальных» массовых волнений в Японии времен Токугава является анахронизмом.] Считая себя человеком, способным на эффективные действия, он был совершенно некомпетентен в разработке общей стратегии и знал очень мало о практических деталях. Из-за неудачной организации, даже простой план уничтожить все записи в деревенских правлениях не был приведен в исполнение. Также, похоже, у него были очень смутные представления относительно того, что произойдет в случае удачи восстания; не было у него и планов отступления на случай непредвиденных обстоятельств. Сосредоточившись на философских принципах, моральных обличениях и религиозных лозунгах, Осио с презрением отверг конкретные программы практических действий, которые должны были бы последовать вслед за выступлением. Это вновь напоминает нам о некоторых «людях действия» в современной японской истории (включая Сайго Такамори, молодых офицеров 30-х годов, а из более близкого времени — Юкио Мисима), взгляды и характер которых не позволяли им много размышлять о практическом продолжении своей конфронтации с властями.

Это непосредственно соотносится с природой той нонконформистской философии, которая вдохновила Осио и его почитателей в последовавшие десятилетия. В Японии, как указывал Абэ Синкин, _Ёмэйгаку_ (философия Ван Янмина) является не столько философией действия, сколько философией неудачных действий.[530 - Абэ, _Осио_Хэйхатиро_, с. 276.] Так что, как замечал сам Мисима, и Осио, и те японцы, которые уже после него уверовали в доктрины Ван Янмина, были

едины в том смысле, что «стремились утвердить свою волю, но не могли видеть того, что за этим по последует».[531 - Мисима, _Какумэй-но_тэцугаку_..., с. 33.] Личная философия Осио, с ее сильным мистическим уклоном и стремлением обрести бессмертную славу в качестве героя-святого, оставляла мало простора для практических деталей проведения реальных реформ. Он пребывал в эмоциональной сфере, совершенно отличной от своих прагматичных западных современников — Джереми Бентама и Уильяма Вилберфорса. Для этого индивидуалиста, человека в сущности глубоко одинокого, искренность побуждений всегда была выше реальных планов; он избегал той разновидности практического компромисса, который позволил бы ему, например, искать материальной поддержки у правителя одного из крупных уделов, настроенного против правительства, или связать свои планы с тайным объединением недовольных «ронинов».[532 - Беспечная непрактичность Осио признавалась его современником — известным историком-философом Рай Санъё (1780–1832). Когда он посетил кабинет Осио приблизительно через пару лет после того, как тот оставил правительственную службу, Рай написал стихотворение, где восхвалял Осио, как истинного последователя Ван Янмина, однако добавлял:Боюсь только, что при всем выдающемся таланте тебя может постичь несчастье;Молю тебя — вкладывай меч в ножны после того, как отполируешь его;Напиши [эти] строки на стене и чаще на них поглядывай.Цит. у Надзита, _Осио_Хэйхатиро_, с. 175.]

В таком тесно связанном, конформистском обществе, каковым является Япония, где прежде всего ценится обретение успеха в своем обычном, тщательно определенном кругу, существует особо почтительное отношение к индивиду, чей яркий характер и решимость воплотить абстрактные идеалы заставляют, побуждают его вырваться из «паутины общества» и противопоставить себя подавляющим силам правящих властей взрывом отчаянного неповиновения (_якэ-но_янпати_). Такого человека уважают не только за физическую храбрость и готовность рискнуть всем ради стоящей цели (эти качества считаются героическими практически в любой культуре), его жизнь становится символическим выражением сопротивления практическим ограничениям, которые ощущают тысячи других людей, но не смеют проявить свои чувства. Таким образом, его жертва как бы утешает их, компенсируя расстройство. Старая японская пословица предупреждает, что высовывающийся гвоздь неизбежно получит удар по шляпке; однако именно отказ соотносить свои действия с практическими, реалиями и есть героизм. Осио Хэйхатиро оставил безопасную, многообещавшую карьеру самурая-чиновника, посвятив всего себя крамольной философии, которая заставила его выйти из спокойствия своего кабинета в мешанину внешнего мира, где с помощью донкихотского выпада против правительства он попытался бросить вызов тому, что по определению непобедимо. Все же, при всем ударении, которое Осио делал на действии, в практической области он не совершил ничего позитивного. Его короткая жизнь представляет нам идеальный пример того, как «дух идеалиста победно парит над распростертым телом своего земного хозяина».[533 - Times Literary Supplement, December I, 1972, p.1445. Обозреватель упоминает Дон Кихота, героя западной литературы, который во многих отношениях (например — вызывающий улыбку разлад между намерениями и результатами) стоит максимально близко к японскому типу героя, потерпевшего поражение.]

Глава 9

«Апофеоз Великого Сайго»

У входа в парк Уэно, всего в нескольких минутах ходьбы от пропитанной смогом мешанины токийских улиц, есть небольшая возвышенность, называемая Сакурагаока (Вишневый Холм). Здесь, окруженный лотками с сувенирами и бродячими фотографами, стоит памятник сторонникам сёгуната Токугава, павшим на этом месте после полной победы роялистов в сражении, приведшем к Реставрации Мэйдзи. Напротив памятника, полностью его заслоняя, стоит бронзовая статуя роялиста, покончившего с собой на Кюсю почти ровно столетие назад. В повседневной летней накидке, соломенных сандалиях, он сжимает самурайский меч в левой руке, а правой на поводке держит охотничью собаку; за долгое время его голова и плечи (а также собака) покрылась густым голубиным пометом. В этой гордой, но естественной позе стоит он на пьедестале, на котором высечена эпитафия: ЗАСЛУГИ НАШЕГО ВОЗЛЮБЛЕННОГО САЙГО ПЕРЕД НАЦИЕЙ НЕ НУЖДАЮТСЯ В ПАНЕГИРИКАХ, ИБО ОНИ ЗАСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНЫ ГЛАЗАМИ И УШАМИ НАРОДА….

Знаменитая статуя в парке Уэно совсем не принадлежит к величайшим скульптурным творениям мира; однако в ней выражено многое из характера героя и легенды о нем. Пара бронзовых столбов, поддерживающих крепко сколоченное тело, подавляющее своим весом и силой мускулов — таковы ноги Сайго Такамори. У него не руки, а кулаки, каждый палец которых — орудие действия. У него нет шеи; голова, напоминающая ядро, плотно посажена на грудь, крепкую, как взлетная площадка. Его большие глаза вперяются в человека, как два тигра, горящие силой воли и демонической энергией. Герой был мертв уже более двадцати лет, когда в конце XIX века отлили его памятник, основной объем средств для которого составили небольшие пожертвования его почитателей со всей Японии.[534 - План поставить памятник впервые возник в 1885 году, через шесть лет после самоубийства Сайго; основным спонсором был Фукудзава Юкити (1854–1901), написавший проект и опубликовавший макет в газете. Проект был оставлен незавершенным из-за опасений правительства (для которого Сайго все еще был осужденным бунтовщиком), и намерения эти не реализовывались вплоть до принятия в 1889 году конституции Мэйдзи. Вслед за удачным обращением к народу с просьбой о финансовой поддержке, на который откликнулись около 25 тысяч человек, заказ на постройку статуи получил придворный мастер Такамура Коун (1852–1954), закончивший свою работу в 1898 году.] На протяжении последовавших пятидесяти лет Сакурагаока стала местом, куда стекались сотни тысяч паломников, отдававших долг почтения Сайго Такамори и силе его духа; вдохновленные этим свиданием, они уходили, сфотографировавшись на фоне гаргантюанской фигуры. В оккупационный период американские власти решили было демонтировать статую, представлявшуюся им символом японского национализма, милитаризма и прочих идеологических категорий, непопулярных в то время. Однако, массовый протест оказался достаточно сильным, и Верховное Командование отступило от своих намерений.[535 - Сакамото.

Нансю-О, с. 46.] Бронзовый образ остался нетронутым, и затворы фотоаппаратов продолжают неутомимо щелкать вокруг него.

Иностранцу, посетившему парк Уэно, трудно представить себе, что эта почитаемая личность окончила свои дни, будучи официально осужденной, как предатель.[536 - Это прозвище того времени («Дайсайго») относится как к фигуре, так и к героическому облику Сайго; оно также использовалось, чтобы отличить его от брата Цугумити (1845–1902), карьера которого в правительстве хотя и увенчалась блистательным успехом, но так и не принесла ему титула «великого».] Однако, это именно так; карьера Великого Сайго, как одного из лидеров Реставрации Мэйдзи, достигла апогея, когда он возглавил последнее и самое кровавое восстание против того самого императорского правительства, которое помогал создавать, и бросил вызов силам под командованием принца, кузена самого императора Мэйдзи. Оказанное им вооруженное сопротивление было несравнимо масштабнее попытки, предпринятой Осио за сорок лет до него — не столько бунт, сколько гражданская война, — однако, как и Осакское восстание, оно окончилась неудачей, и герой был вынужден покончить с собой в знак признания своего поражения.

Жизнь Сайго Такамори являет нам весь диапазон национального этоса, равным образом, как и тех головокружительных перемен, происходивших в Японии в ранний период Мэйдзи. Она имеет ту же параболическую форму, что и у Митидзанэ и Ёсицунэ, однако с более крутым поворотом; к тому же драма разыгралась не в туманной древности, а сравнительно недавно. До двадцати семи лет Сайго служил чиновником средней руки в отдаленном районе Кюсю, в сорок пять он вознесся над Японией, как колосс, служа императору Мэйдзи не только как один из ведущих членов национального правительства, но также в качестве Главного Государственного Советника, Командующего императорской охраной и Маршала; пять лет спустя он был низвержен до статуса бунтовщика и бежал от императорских сил, которыми когда-то командовал. Совсем недавний баловень правительства, купавшийся в лучах народного обожания, был официально признан виновным в высшей измене и осужден Государственным Канцлером (некогда — другом и сторонником), как наимерзейший негодяй в Японии, «враг двора, для которого нет места ни на земле, ни на небесах.[537 - _Тэнти_ирэдзару_тётэки_. Итагаки Тайскэ (1857–1919), цит. у Кавабара Хироси, _Сайго_Дэнсэцу_ (Токио, 1971), с. 68.]»

Однако, всего через несколько лет после своего поражения и гибели, Сайго Такамори был реабилитирован тем же правительством, которое он пытался свергнуть. Рядом с его могилой было выстроено синтоистское святилище для почитания его духа, названное его именем. В 1890 году он получил посмертное прощение от императора Мэйдзи, ему были возвращены прежний ранг и знаки достоинства. В 1902 году его сын получил титул маркиза — не в качестве признания каких-либо его особых заслуг, но как еще один знак почтения его отцу.

Такая серия перипетий редка даже для Японии; переведенная же в западный контекст, она попадает в разряд фантастических причуд. Слава, популярность и власть Сайго после Реставрации были сравнимы с соответствующими у герцога Веллингтона, когда он вернулся в Англию после

победы при Ватерлоо. Если бы ход карьеры Железного Герцога походил на соответствующий у Сайго, то несколько лет спустя он покинул бы Англию с чувством омерзения ко внутренней коррупции в стране и либеральной внешней политике, вернулся бы в родные места в Ирландии и возглавил бы безнадежное восстание молодых сорвиголов, которое было бы подавлено британской армией, а сам он был бы убит; однако десяток лет спустя он получил бы высочайшее прощение за свой акт измены, ему было бы возвращено герцегство, в Лондоне, Дублине и других уголках империи воздвигли бы его статуи, и возникали бы легенды о том, что ему чудом удалось спастись и вскоре он вернется с континента, чтобы защитить свою страну. Разумеется, аналогия эта приблизительна, однако она ничуть не преувеличивает превратности судьбы японского героя.

Официальная реабилитация Сайго Такамори — малозначимая формальность в тот момент, когда он был надежно мертв — не являлась просто попыткой залечить старые раны, но отражала то, как его воспринимали японцы. Правители страны, похоже, с некоторым запозданием осознали, что в их распоряжении был настоящий герой, и что следует воспользоваться случаем, дабы воздать ему заслуженные почести. Он был не только самым популярный из лидеров движения Реставрации, но стал считаться эталоном японского героизма в современной истории Японии, человеком той же эмоциональной традиции, что Ёсицунэ и Масасигэ, которого, благодаря его особой японской комбинации качеств, можно не просто почитать, но и любить.

Его близкие приверженцы и последователи поклонялись ему, как сверхчеловеку, и его последнее поражение в бою ничуть не приуменьшило их энтузиазм. Типичные нижеследующие заметки составлены юношей, который сопровождал его в полном опасностей отступлении из Кумамото, когда стало ясно, что восстание провалилось:

Когда я шел по дороге, [кто-то] внезапно остановил меня и сказал: «Мальчик, подожди немного.» «В чем дело?» — спросил я, оборачиваясь. «Тебе надо уйти с дороги, так как приближается Учитель». Мы оба сошли с дороги на левую сторону. Неторопливо приближался _Дай-Сайго_сэнсэй_ [Великий Учитель Сайго], в шляпе… и с мечом на боку. Казалось, что он неспешно охотится на этих мирных полях, забыв о присутствии противника. Когда, я подумал, что это соответствует наружности государственного мужа и достоинству величайшего героя в мире, я не мог не почтить его. «Какой великий человек, наш Учитель!»

«Да, он — божество».[538 - Из описания Каваками Такэси, цитируемого Мусякодзи Санэацу, «Сайго Такамори» (перевод и адаптация Сакамото Мориаки в _Great_Saigo,_The_Life_of_Takamori_Saigo_ (Tokyo, 1942). Я привожу цитаты из версии профессора Сакамото, которая дальше указывается, как «Мусякодзи».]

Не только сторонников Сайго поражала сила его личности. Даже такие его враги, как генерал Ямагата, ответственный за разгром восстания Сайго, признавали его величие, одновременно порицая его неумелые расчеты. После умиротворения в лояльной правительственной газете

появилась редакционная статья, в которой подчеркивались недостатки руководства и управления Сайго, но восхвалялись его честность и храбрость, а в заключении говорилось, что «в некоторых отношениях он был замечательным человеком»:

Каким человеком был Сайго Такамори? Его дом не блистал ни богатством, ни количеством слуг. Однако он обрел такое доверие народа, что смог поднять целую армию на восстание против императорских сил и, несмотря на то, что к нему присоединились всего три провинции, в удачных боях и отступлениях он продержался против правительства более полугода. Наконец… окруженный императорскими войсками, он пробился сквозь них и бежал в свои родные места в Кагосима, где был убит в бою. Если тщательно проследить его путь, мы увидим, что он пронес свою славу до самого конца. Он умер, не испытав позора, и мирно закрыл свои глаза…[539 - Статья из «Хоти Симбун», цитировавшаяся на стр. 180 «The Tokio Times» от 29 сентября 1877 года. «The Tokio Times» — американский еженедельник, была одной из самых ранних англоязычных газет в Японии. В ее описаниях Сацумского восстания чувствуется сильная анти-сайговская позиция. В противоположность этому, конкурировавшая с ней британская газета, выходившая в Японии в то время, «The Japan Mail», постоянно поддерживала дело Сайго; в этом выражены особые британские связи с Сацума, возникшие после визита в 1866 году в Кагосима сэра Гарри Паркеса, а также пробританскими настроениями самого Сайго.] Немного спустя, когда пришло время составлять сборник «Посмертных слов» Сайго, его редактором стал не кто иной, как управляющий северного клана, участвовавшего в яростных сражениях с героем в 1867-68 годах. Предисловие к этому сборнику заканчивалось надгробным плачем: «Увы, отчего ты так спешно покинул этот мир, Повелитель Сайго?[540 - Предисловие Соэдзима Танэоми (1828–1905) цитируется Сакамото Мориаки в его Вступлении к _Нансю-О_ (Сайго Такамори) — «Посмертные Слова», — неопубликованном манускрипте (в дальнейшем упоминаемого, как Сакамото, _Нансю-О_), с. 25. Я глубоко признателен Сакамото Мориаки (ранее — профессор университета Кагосима), предоставившему мне обширный материал о Сайго Такамори, с которым его семья имеет тесную родственную связь (его отец и три дяди сражались на стороне восставших в 1877 году, двое дядей были убиты). Относительно популярности Сайго среди противников, например — членов клана удела Сёнаи, профессор Сакамото пишет: «Есть ли примеры, подобные этому, в какой-либо другой стране мира? Разве народы, побежденные Наполеоном, издали книгу его трудов после смерти? Разве евреи, (уничтожавшиеся) Гитлером, издали его работы посмертно?» (Из неопубликованных заметов, посланных автору.)]»

В последовавшем прославлении в Сайго Такамори прослеживаются две основные линии, одна из которых представлена людьми твердых националистических, или «японистических» убеждений, подчеркивавших его традиционный самурайский этос и непримиримое отношение к корейскому вопросу; другая — либералами, демократами и социалистами, для которых главным была жесткая конфронтация героя с консервативным истеблишментом того времени.[541 - Я понимаю, что дихотомия «левых-правых» в японской политике особенно проста, там обе крайности имеют между собой много общего, и люди часто переходят «справа налево» и наоборот (см. мою книгу _Nationalism_and_the_Right_Wing_in_Japan_ (London, I960), особенно Appendix V, «Political Attitudes in Japan»). Однако, в исследовании популярности Сайго полезно разделять его последователей по принципу того, делали ли они из него символ, исходя прежде всего из популистских, либеральных систем ценностей, или их подход был традициональным,

«японистическим». Этим разделением я вовсе не хочу внушить, что, к примеру, движение «за народные права» в каком-либо смысле проистекало от «левого» крыла.] Среди самых ранних почитателей Сайго были члены движения «за народные права», включая революционных оппонентов режиму Мэйдзи. Эти люди представляли его символом свободы и сопротивления _(дзию_то_тэнко);_ он был их великой надеждой и, подобно Джорджу Вашингтону,[542 - Кавабара, _Сайго_Дэнсэцу_, с. 79. Так, Наказ Тёмин (1847–1901), известный писатель и редактор, основавший «Свободную газету» («Дзию Симбун») и познакомивший Японию с «Социальным Договором» Руссо, публично призывал героя возглавить движение «за народные права» против правительства, — несообразный призыв к человеку с такими политическими взглядами, как у Сайго. Многие из этих «про-Сайго» настроенных адвокатов движения «за народные права» были посажены в тюрьму и жестоко гонимы как правительством Окубо, так и его преемниками.] должен был повести людей на борьбу с угнетателями из правящей олигархии.

На знаменитого либерального мыслителя Фукудзава Юкити, сделавшего, вероятно, более, чем кто-либо другой в Японии для заимствования политической демократии и западных идей, Сайго Такамори оказал глубокое воздействие несмотря на то, что последний с подозрением относился к инновациям зарубежного происхождения. Разница точек зрения двух людей никогда не снижала их взаимного уважения. Фукудзава описывал Сайго, какВЕЛИЧАЙШЕГО героя Реставрации Мэйдзи, как человека, представлявшего не просто часть Японии, но всех людей _(тэнка-но_дзимбуцу)._В книге, написанной всего через месяц после восстания (однако, опубликованной, из-за правительственной цензуры, лишь двадцать лет спустя), он выражал свое неудовольствие теми способами, посредством которых Сайго из национального идола был переделан в «великого предателя»,[543 - «Тэйтю Корон» Фукудзава Юкити, цитируемый у Кавабара, _Сайго_Дэнсэцу_, с. 72. По Фукудзава, Сайго Такамори, который всего несколько лет ранее почитался, как второй Кусуноки Масасигэ, теперь официально рассматривался, как архипредатель Тайра-но Масакада (ум. в 940 г)] и высказывал особую неприязнь к тем шелкоперам-жерналистам, которые предпочли критиковать бывшего героя, потому так стало надо с точки зрения выгоды и политики. Замечательно, что в период официального бесчестья Сайго, такой либерал-западник, как Фукудзава, был единственным известным писателем, публично его защищавшим. Он дошел даже до того, что оправдывал само восстание, разъясняя, что именно деспотизм режима Окубо поставил Сайго «в трудное положение» и в конце концов его убил.[544 - Сакамото, _Нансю-О_, с. 4, 31.] Причиной восстания стала «темная, несправедливая политика правительства», попытавшегося отобрать у людей их страну и обращаться с народом, как с рабами. Искренность Сайго в его приверженности правому делу никогда не сможет быть оспорена, и предположить, что этот самый лояльный из японцев, мог быть действительно предателем по отношению к императору, значило извращать истину.[545 - Как смели противники Сайго называть его предателем?… Он так же искренен в своем почтении к императору, как и высшие лица в правительстве. Со времени Сацумского восстания, оппоненты обрушивались на него с яростными нападками, однако ни один не приписывал ему хитрости, или неискренности; когда речь заходит об искренности, они не могут упрекнуть Сайго в ее отсутствии. Таким образом, ясно, что Сайго — не изменник императорскому делу, но, скорее, человек, почитавший Его Величество более, чем кто бы то ни было в мире. Сайго мог вести себя некорректно по отношению к правительству Окубо, но никогда — в отношении всей страны. [Фукудзава, цит. у Кавабара, _Сайго_дэнсэцу_, с. 72.]] Вполне мог наступить такой день, когда Сайго вновь стал бы незаменимым. «Хотя Япония — маленькая страна, и государственный закон суров, несомненно, она достаточно велика для одного и единтсвенного Сайго Такамори.[546 - Сакамото, _Нансю-О_, с. 4.]»

Другим неожиданным почитателем был Утимура Кандзо, ведущий христианский мыслитель, которого принудили оставить его академический пост в 1891 году из-за того, что он отказался поклониться копии Императорского Рескрипта об образовании, и кто стал пацифистом после китайско-японской войны. По самым важным вопросам они диаметрально расходились (Сайго ни в малейшей степени не интересовался христианством, ему также очень мало подходило название «пацифист»); однако, в книге, озаглавленной «Выдающиеся японцы», Утимура посвящает первую главу герою с Кюсю, которого описывает, как последнего и величайшего в долгом ряду знаменитых японских самураев.[547 - Утимура Кандзо (1861–1930), _Дайхётэки_Нихондзин_. Токио, 1907. См. также Кавабара, _Сайго_Дэнсэцу_, с. 144.] Он ставит его рядом с коммодором Пэрри, как одного из двух человек, сделавших больше всего для пробуждения Японии от ее долгого сна,[548 - Утимура, _Дайхётэки_Нихондзин_, с. 17–20.] и указывает, что, хотя они не знали друг друга, но работали в одном направлении, причем японский герой подхватил начинания человека с Запада. Позже в своем эссе Утимура указывает, что многие из самых важных высказываний Сайго были идентичны, по крайней мере, по духу, отрывкам из Нового Завета, и близко подходит к тому, чтобы представить самурая с Кюсю как разновидность бессознательного христианина.[549 - К примеру, Утимура, _Дайхётэки_Нихондзин_, с. 50. Нитобэ Инадзо (1862–1955) известный новообращенный христианин, в качестве официального представителя в Лиге Наций ставший красноречивым адвокатом перед международным сообществом, поддается подобному же искушению, когда представляет великого японского героя в качестве христианского malgre lul_._Bushido:_The_Soul_of_Japan_ (Rutland, Vt., and Tokyo, 1969 and 1972; впервые опубликовано в 1905). Нитобэ пишет своей витиеватой викторианской прозой следующее:И еще отрывом могу я привести из Сайго, в присутствии которого «сам стыд сидеть стыдиться». «Путь — это путь Неба и Земли; дело человека — ему следовать; посему сделай целью своей жизни почитание Небес. Небо любит меня и всех остальных единой любовью; посему, той же любовью, коей любишь себя, полюбляй и других. Не человека делай себе соратником, но Небо, и в этом партнерстве с Небом старайся изо всех сил. Никогда не осуждай других, но всегда следи, чтобы не оступаться самому.»Некоторые из этих высказываний напоминают нам христианские постулаты и показывают, насколько далеко естественная религия может проникнуть своим откровением в практической морали. Высказывания эти не оставались просто словесами, но реально воплотились в деяниях [Сайго]. (Nitobe, _Bushido:_The_Soul_of_Japan_, [Tokyo, 1972 ed.], p.78.)]

В сфере идеологических целей трудно представить себе кого-то более отличного от Сайго, чем знаменитого социалиста и журналиста Котоку Сюсуй, организатора Социал-Демократической партии, осужденного за статьи против Русско-Японской войны и в конце концов повешенного, по явной судебной ошибке, как соучастника в заговоре о покушении на императора Мэйдзи. Все же, подобно многим ранним японским социалистам, Котоку с почтением относился к Сайго Такамори (разумеется, не из-за его политических или социальных идей), как к «человеку чести, носителю народного духа» _(сиси_дзинтш),_ как к «свече, расходующей себя, чтобы возжечь других».[550 - Кавабара, _Сайго_Дэнсэцу_, с. 89–91. Котоку Сюсуй был казнен в 1911 году в возрасте 40 лет. Для японских левых он стал героем и, поскольку жизнь его окончилась трагически, а немедленным результатом смерти стал полный крах социалистического движения, ради которого он боролся; его можно классифицировать, как сектанского героя-неудачника.]

Когда Котоку был приговорен к смерти, его судьбу сравнивали с уделом Сайго Такамори — «еще один трагический герой, завлеченный [в заговор] своими соратниками», и в просьбах о помиловании ссылались на тот факт, что Сайго, теперь уже официально признанный в качестве нациинального героя, когда-то был осужден, как бунтовщик.[551 - Там же, с. 89]

Другая сторона спектра — верующие в «японизм» и национализм из правого крыла, практически единогласно провозглашали Сайго Такамори основным героем современности. Первым в этой влиятельной категории был суперпатриот Тояма Мицуру, основатель нескольких шовинистических обществ, активный сторонник японской экспансии на континент, а в последние годы жизни — признанный дуайен ультранационалистического движения. Всю свою долгую, лихорадочную жизнь Тояма оставался яростным почитателем Сайго Такамори, чью судьбу и характер он представлял своим последователям в качестве идеального примера японского патриотизма.[552 - Относительно воззрений Тояма Мицуру (1855–1944) см. Кавабара, _Сайго_Дэнсэцу_, с. 108–110.] К той же «правой» категории можно отнести знаменитого революционера и писателя Кита Икки, который из-за своей приверженности национальному социализму в 30-е годы и новому порядку в Азии под эгидой Японии был назван «основателем современного японского фашизма». В своем исследовании истории Мэйдзи Кита анализировал восстание Сайго как безуспешную националистическую революцию; после неудачи Сайго Такамори прекратились попытки совершить революцию, и власть перешла в руки «нуворишей даймё» _(нарикин_даимё),_которые более заботились о сохранении своего собственного влияния, чем о национальном благосостоянии. Как и его герой, Кита впал в немилость у властей, и в 1937 году был расстрелян по подозрению в оказании влияния на молодых офицеров, участвовавших в инциденте 26 февраля.[553 - Кавабара, _Сайго_Дэнсэцу_, с. 140–142. Хотя Кита Икки (1884–1957) никогда даже близко не приближался к степени обретения статуса национального героя, исследование его характера и жизни открывает занятные совпадения с Сайго Такамори. Оба они сочетали глубокую чистоту и искренность мотивов с ненавистью к «продажным политиканам», слишком робевшим, чтобы занять твердую позицию во внешнеполитических вопросах; оба были чрезвычайно энергичны и активны, однако в практических делах оба ориентировались чрезвычайно слабо и были вовлечены в плохо рассчитанные выступления, зачинщиками которых были их фанатичные молодые последователи, что и привело их в конечном счете к краху. Другим известным почитателем был политик правой ориентации Накано Сэйго (1886–1945), основатель «Тохо-кай» (Восточной Ассоциации) и Генеральный секретарь Ассоциации Содействия Императорскому Правлению, сделавший себе харакири после долго тянувшейся вражды с генералом Тодзё. Когда нашли его тело, на столе рядом лежала открытая книга Сайго.] Для этих «молодых офицеров» и для многих ультраправых шовинистического периода, кульминацией которого было поражение 1945 года, Сайго был почитаемой фигурой; армейские офицеры, объясняя начало войны в Китае, особо подчеркивали, что эта борьба являлась продолжением его политики в упрочении японского влияния на континенте.[554 - Кавабара, _Сайго_Дэнсэцу_, с. 145. Особенно Сайго был популярен в среде фрондировавших армейских офицеров «Фракции Императорского Пути'» («Кодо-ха»). Бунтующий, нонконформистский характер делал его несколько подозрительным для некоторых офицеров высшего эшелона из соперничавшей «Фракции Контроля» («Тосэй-ха»). Их лидер, генерал Тодзё Хидэки был одним из немногих знаменитых японцев до 1945 года, открыто выравших недовольство героем за то, что тот противостоял своему законному правительству. Сакамото, _Нансю-О_, с. 49.]

После дискредитации самурайских идеалов и прочих традиционных ценностей в предвоенный период, позиции Сайго стали непрочными. И все же, несмотря на значительные изменения в идеологической атмосфере и вновь обретенной историками свободе отделять факты от легенд и развенчивать раздутые репутации некоторых национальных героев, он остался чрезвычайно популярной фигурой. Опрос общественного мнения, проведенный вскоре после окончания войны на Тихом океане среди молодых японцеы, зафиксировал Сайго в десятке самых почитаемых персонажей японской истории;[555 - Jean Stoetzel, _Jeunesse_sans_chrysanteme_e_sabre:_Etude_sur_les_attitudes_de_la_jeunesse_japonaise_d'apres_guerre_ (Paris, 1953), p. 233. Опрос был проведен в 1949 году.] в опросе двенадцать лет спустя он был признан, как один из восемнадцати «самых прекрасных людей» _(риппана_дзимбуцу)_ в Японии.[556 - «Токэй Сури Кэнкюдзё» (Институт статистической математики), «Нихон-но кокуминсэй» («Национальный характер японцев», Токио, 1961). Неудивительно, что и Сайго Такамори, и Кусуноки Масасигэ занимают высшие места в списке, составленном людьми, старше 50 лет, и низшее в списке, составленном теми, кому было от 20 до 50 (отдавших первое место Ногути Хидэё, бактериологу), они наверху в списках рабочих и фермеров, внизу у учителей и прочих интеллигентов (сновная масса тех, кто поставил на первое место Ногути). Несмотря на разброс во мнениях (до войны такой герой, как Сайго, несомненно получил бы гораздо более высокое место), ни в один из этих списков не была включена ни одна женщина. _The_Librarian_, издание Национальной Парламентской Библиотеки, опудликовал исследование популярности японских государственных и военных деятелей, начиная с XVI века, на основе количества выпущенных о них книг. Среди послевоенных публикаций легко лидирует Сайго с 64 наименованиями (для сравнения — следующим идет Наказ Тёмин, большой почитатель Сайго, о нем — 24 книги). О Сайго же написано больше всего книг и до 1945 года (155, по сравнению со 110 о генерале Ноги, идущем следующим). Ояма Готаро в «Косин», No. 225 (апрель 1975), и «Коккай Тойёкан», «Дзимбуцу Бункэн Сакуин» (Токио, 1972).] Для того, чтобы закрепить образ Сайго в меняющейся атмосфере, его приверженцы обычно подчеркивали великодушие и либерализм своего героя, указывая при этом на его старания свести к минимуму кровопролитие в гражданской войне 1867-68 годов, одновременно замалчивая, или с негодованием отвергая любые присущие ему авторитарные или имперские наклонности, которые могли бы напомнить о непопулярных довоенных ценностях. Так, один из современных специалистов по Сайго Такамори в исследовании 1948 года представляет его в качестве первого великого демократа Японии, сопоставляя его знаменитый лозунг «Почитать Небо, Любить Человека» с демократическими идеалами Авраама Линкольна.[557 - См. Сакамото Мориаки, «Трагический Герой в Современной Японии; Действительный Период Сайго-Гуманиста», — неопубликованный манускрипт (в дальнейшем все ссылки на него — Сакамото, «Сайго»). Совсем недавно другой авторитетный ученый написал книгу, озаглавленную «Гуманизм (Великого) Сайго», где он ставит героя вровень с выдающимися «гуманистами» мира, такими, как Линкольн и Ганди — Ёда Норитака, «Нансю-О-но хюманидзуму» (Токио, 1965).Повторяющиеся сравнения с Линкольном, весьма почитаемой фигурой в послевоенной Японии, напоминают приемы энтузиастов-издателей, когда те уподобляют своих авторов Мельвиллю, Кафке и прочими модными писателями. Профессор Сакамото много лет готовил труд под названием _Saigo_Takamori,_the_Lincoln_of_Japan_, в котором пытается доказать, что неудача постигла Сайго по причине его конфликта с сацумскими властями при проведении антиудельной политики центрального правительства, и что «деспотизм» Окубо был отдаленной причиной войны на Тихом океане в 1941–1945 годах.]

Многоликая популярность Сайго Такамори вызвала обширную «литературу о Сайго», в которой авторы используют его жизнь и легенды о нем, как материал для биографий, исторических исследований и романтических описаний. Он так же предстает идеальным драматическим героем. Первая из многих пьес о Сайго, поставленная в 1878 году, когда официально он все еще был в немилости, имела такой немедленный успех в Токио, что на вырученные средства постановщик смог перестроить здание театра.[558 - Сакамото, _Нансю-О_, с. 46. Автором был известный драматург театра Кабуки Каватакэ Мокуами (1816–1895), а произведение озаглавлено «Окигэ-но кумо харау асаготи» (букв.: «Рассеивающиеся облака и утренний бриз на юго-западе [Кюсю]»). На первом представлении, прошедшем 7 июня 1878 года, присутствовали члены правительства, представители иностранных держав, другие члены аристократии — внушительная аудитория, имея в виду, что восстание Сайго окончилось всего за девять месяцев до этого, и что его главный враг в правительстве — Окубо Тосимити был убит всего несколько недель назад. Роль Сайго играл сам великий Дандзюро.]

В целом, авторы хвалебны и некритичны в своих подходах и делают мало попыток разобраться в психологических сложностях характера героя, однако в целом они представляют обширный фактологический материал о большинстве аспектов жизни Сайго, за исключением его раннего детства и семейных отношений. В некоторых знаменитых песнях и поэмах отображены эмоциональные отклики того времени на образ Сайго Такамори и его неудачу. Самая ранняя, которая позже была положена на музыку и стала использоваться, как армейская строевая песня, была написана сразу после восстания; в ней говорится о решающем сражении, в котором армия инсургентов под предводительством Сайго была разбита. Хотя поэт выступает с позиции правительственных сил, симпатии его, откровенно разделяются:

Мы — императоские силы,

Тогда как наш противник — враг двора,

Для которого нет места ни на небе, ни на земле.

Тот, кто ведет вражеские силы, —

Самый храбрый из когда-либо живших героев_(кокон_мусо-но_эйю_),

А все те, кто следует за ним, —

Неустрашимые, не боящиеся смерти воины,

Что без стыда смогут предстать перед самыми яростными богами.

Однако, с древних времен те, кто отверг Небеса и восстал,

Всегда встречали плохой конец.

Итак, пока неприятель не стерт с лица земли —

Вперед, все вместе,

Двинемся вперед!

Одним движением выхватим сверкающие мечи,

И будем готовы умереть,

Бросаясь [на врага]![559 - Автором знаменитой пести «Баттотай» («Отряд с мечами наголо») был Тояма Макасадзу (1848–1900), профессор Токийского Императорского университета, позже ставший министром образования, на счету которого, помимо прочих достижений, введение патриотического _бандзай_сансё_ (трех криков «бандзай») — японского эквивалента «Гип-гип-ура!» «Не будет места ни на небе, ни на земле» относится к доносу Итагаки.]

Автор знаменитой поэмы «Осенний ветер» описывает состояние души своего героя, когда тот собирается умереть:

С беспомощной кучкой своих [преданных бойцов]

Я проложил себе путь сквозь вражеские ряды

И прошел сто_ри_в эту отдаленную землю [в Кагосима].

Теперь мой меч сломан, а верный рысак пал мертвым.

Осенний ветер похоронит мои кости

Здесь, на холмах у родного города.[560 - Цит. у Кавабара, _Сайго_Дэнсэцу_, с. 46. Неясно, кто именно это сочинил (Кавабара предполагает, что Ниси Досэн или Фусо Кан), но точно не сам Сайго, как считалось в то время.]

Длинная баллада Сирояма, названная по имени «замкового холма» в Кагосима, где оборвалась жизнь Сайго, подчеркивает параболичность схемы его жизни. Она начинается с описания сцены смерти Сайго, затем:

Воины правительственных сил, наблюдавшие за этими (грустными событиями), Сказали: «Он, который до вчарашнего дня почитался, как глава нашей императорской армии,

Он, купавшийся в благорасположении Его Величества и наслаждавшийся мировой славой,

Как ни с кем не сравнимый герой_(тагуй_накариси_эйю)_—_

К прискорбию, сегодня он исчез, как роса…

Как полны стали наши сердца

Глубоким чувством, что ничто не вечно в этом мире_(ё-но_нака-но_мудзё_о_фукаку_кандзи)»._[561 - Баллада под аккомпанемент лютни (_биваута_) была сочинена бывшим чиновником Бакуфу и государственным деятелем эпохи Мэйдзи Кацу Кайсю (1823–1899), который был назначен Министром Флота через пять лет после восстания. Говорили, что он сочинял эту балладу четыре года и посвятил ее духу Сайго Такамори. Она включена в «Сикон» («Дух самурая», Кагосима, 1970), с. 105–107.]

Помимо этой «литературы о Сайго» существует большое количество живописных изображений, включая формальные портреты, статуи, массовые открытки, а также большое множество термометров, игрушек, чашек и прочих безделушек с изображением тучной фигуры героя с Кюсю.[562 - Однако, нет ни одной фотографии, или портрета или статуи с натуры.] Возможно, самыми замечательными образцами являются современные картинки, на которых он изображен сидящим «по-турецки» на Марсе, от которого исходит некая заря, что-то вроде героической эманации.[563 - Кавабара, _Сайго_Дэнсэцу_, с. 27. Американский зоолог Эдвард Морзе, живший в Японии во времена Сацумского восстания, сделал в своем журнале следующую запись:«Гуляя, я увидел людей, столпившихся у лавки, в которой торговали рисунками, где висело много раскрашенных картинок на военную тему… На одной из них была горевшая в небе звезда (Марс), где находится генерал Сайго. Генерал — предводитель восстания, но все японцы его любят. После того, как Кагосима была занята, он со своими учениками (офицерами не на службе) совершили харакири. Многие верят, что Сайго сейчас на звезде, которая недавно стала ярко сверкать.» _Japan_Day_by_Day_ (Boston, 1917), p. 66.] Когда восхищение личностью Сайго поднялось до новых высот через несколько лет после его смерти, он действительно был идентифицирован с Марсом, и планету стали называть «звезда Сайго» _(Сайгобоси)._ Как элемент популярной деитификации, он был включен в систему буддийской космологии: на Картине Нирваны Сайго _(Сайго_нэхан-дзо)_ он откровенно изображен, как Будда, хотя и в армейском мундире.

Культ Сайго привел к возникновению целой серии легенд о чудесном спасении, в соответствии с которыми герой не погиб в Кагосима, но бежал за границу, и вскоре должен вернуться на родину. Теории спасения общи для многих героев в Японии и других странах.[564 - Подобным же образом, считалось, что Тоётоми Хидэёси (1593–1615), бывший не вполне героем, однако приобревший определенную популярность по причине своей несчастной жизни и трагического конца, бежал из замка Осака, сумев пробраться через порядки сил Токугава, и в конце концов достиг Сацума с маленькой группой преданных соратников.] Примечательно то, что такие невероятные легенды возникали в отношении исторического персонажа из недавнего прошлого, умершего через несколько лет после Дизраэли. Первая теория, получившая хождение вскоре после его гибели, состояла в том, что он бежал на корабле с Кюсю и достиг некого «индийского острова», откуда вернется, чтобы спасти свою страну.[565 - Кавабара, _Сайго_Дзнсэцу_, с. 28–52.] В 1891 году эти легенды стали особо популярными в связи с предстоящим визитом российского наследника престола. Распространялась молва, что Сайго, бежав с Кюсю в Россию, вскоре вернется в Японию на русском военном корабле в компании наследника росийского престола.[566 - Подробности см. в Кавабара, _Сайго_Дэнсэцу_, с. 28. По другой версии, Сайго должен был вернуться на борту японского корабля «Унэби», который, как ожидалось, прибудет вскоре после наследника русского престола. В сатирической статье, написанной в 1891 году, Фукудзава Юкити комментирует: «если господин Сайго действительно должен вернуться в Японию, то он так ужаснется хаотическим

состоянием дел, что немедленно вновь уедет, чтобы заняться земледелием где-нибудь в другом месте!» Цит. по «Рэкиси Кэнкю», июнь 1972, перевод профессора Мориаки Сакамото.] Прибыв в Токио, он вычистит авгиевы конюшни коррумпированной администрации Мэйдзи, пересмотрит неравноправные договоры с западными державами и возглавит вторжение в Корею.[567 - Кавабара, _Сайго_Дэнсэцу_, с. 28–29. В своих «Новостях Свободы» Накаэ Тёмин, недавно вышедший из Императорского Парламента, заявил, что, если слухи о возвращении Сайго — правда, то для Японии это будет самое большое возможное благо. («Нихон-но рэкиси» XX, Токио, 1966), «Тайдан», с. IV. В апреле 1891 года «Рассказ о спасении Сайго Такамори» (_Сайго_Такамори-кун_сэйдзон-ки_) скомпиллировал все циркулировавшие теории и легенды. Позже в том же самом году всколыхнулась очередная волна возбуждения, генерированная слухом, что правительство собирается погасить банкноты, выпускавшиеся Сайго в период восстания. Еще сохранялись немалые запасы этих банкнот, однако, к сожалению для их держателей, этот слух, как и все остальные, оказался ложным. См. Кавабара, _Сайго_Дэнсэцу_, с. 26, 37 о прочих подробностях.] Одна из предприимчивых газет воспользовалась массовым возбуждением для проведения примитивного опроса общественного мнения:

Жив Он, Или Мертв?

Читатели — и те, кто твердит, что [Сайго Такамори] жив, и те, кто считает, что в действительности он умер, приглашаются заполнить опросный листок, написав свое мнение и перечислив соответствующие причины. Листки следует опускать в ящик редакции или посылать по почте не позднее 15 числа сего месяца… Лицо, чей ответ будет самым близком ко мнению, выраженному большинством респондентов, получит Первый Приз в виде трехмесячной подписки на [газету] «Хокусин Ньюс»…[568 - «Хакусин симбун» (префектура Ниигата), 9 апреля 1891 года, цит. у Кавабара, _Сайго_Дэнсэцу_, с. 58.]

Сайго родился в Сацума — гордой, драчливой провинции, славной своей прекрасной дикой природой, в провинции, чье отношение к Японии в чем-то напоминает отношение Ирландии к Великобритании. Хотя ее население не представляло собой отдельной нации, такой как Кельты, они с гордостью придерживались своего родного диалекта, практически невоспринимаемого прочими японцами, а в период быстрых перемен упрямо сохраняли свои традиционные наклонности. Одна из причин этого заключалась в географической изоляции Сацума, ее отделенности от политического и культурного центра страны. Даже сегодня поездка из Токио до центра провинции Кагосима на самом скоростном экспрессе занимает почти двадцать четыре часа; во времена же Сайго самым быстрым видом транспорта был корабль, и путешествие из Осака обычно требовало около десяти дней. Сацума была второй крупнейшей провинцией Японии и, несомненно, самой независимой, закрытой и клановой. Симадзу — ее наследственные правители — были потомками тех, кого победили Токугава в решающем сражении 1600 года, и Сацума традиционно являлась самым яростным противником правящего сёгуната. Хотя они и были вынуждены признать режим Токугава в Эдо как главную политическую силу Японии, Симадзу держали свою провинцию в стороне почти два века; даже после Реставрации Мэйдзи, когда Сацума была преобразована в префектуру Кагосима, во многом она осталась полу-независимым уделом, где зачастую сохранялись старые феодальные замашки и игнорировались

такие инновации, как реформа налогообложения, запрет на ношение мечей и новый западный календарь.[569 - Иноуэ Киёси, _Мэйдзи_Исин_, (Токио, 1966), с. 440.]

Жалкое положение крестьянства в Сацума усугублялось еще и тем фактором, что необычно большую пропорцию населения составляли самураи — около сорока процентов из шестисот тысяч жителей и более семидесяти процентов в родном городе Сайго — Кагосима.[570 - Кавабара, _Сайго_Дэнсэцу_, с. 122.] Ради того, чтобы содержать этот многочисленный и в высшей степени непроизводительный слой, работников полей подвергали жестокой эксплуатации в форме налогов и барщины. Расхожим выражением в Сацума того времен было «от крестьян требуется тридцать пять дней общественных работ _(хоко)_ каждый месяц».[571 - Там же, с. 125.] Чтобы избежать столь тяжкой судьбы, они часто стремились бежать в соседние провинции, но их практически всегда ловили и жестоко наказывали.

Бедность вовсе не была характерной чертой одного класса крестьянства. Большинство самураев, за исключением высших чинов, жили в спартанских условиях, и их экономическое положение почти не отличалось от соответствующего у фермеров в более процветающих районах Японии. Они переносили лишения, опираясь на чувство гордости своей древней воинской традицией, прививая своим сыновьям понятия ценностей _хаято_—_идеального самурая из Сацума, в котором благородная умеренность сочеталась с доблестью, ловкостью и независимостью.[572 - Обычно слово _хаято_ выводят от слова _хаяси_ («быстрый, проворный»).]

Именно в такой военной семье в конце эпохи Токугава и родился Сайго Такамори и на протяжении всей жизни никогда не забывал о своем статусе самурая из Сацума. Он был старшим из семи детей.[573 - Эта мирская гордыня сочеталась с предположительно «реакционными» тенденциями Сайго. На пример: Танака, _Сайго_Такамори_ (Токио, 1958), с. 5.] Его отец, незначительное официальное лицо клана,[574 - В следующей хронологии приведены основные даты жизни Сайго в сочетании [в квадратных скобках] с важными событиями современной японской истории:1828 (25 января) родился в Кагосима1859 (11 лет) поступил в школу клана 1844 (16 лет) оставил школу и назначен _кориката-какияку_ (чиновник-ассистент городского управления), оставаясь на этой должности до 1855 года.[1848 кризис в клане Симадзу; Сайго поддерживает Нариакира][1851 Симадзу Нариакира становится даймё Сацума]1852-55 (24 года) умирают родители Сайго и дед[1855 в Японию прибывает коммодор Пэрри][1854 для Запада открыт первый японский порт]1854 (26 лет) поездка в Эдо в эскорте Нариакира1855-58 (27–30 лет) представитель Нариакира в Эдо, Киото и др.[1856 Таунсэнд Харрис назначается генеральным консулом в Японии.][1857 в Симода подписывается конвенция, регулирующая торговлю с Америкой][1858 режим Бакуфу подписывает другие договоры с зарубежными державами][1858 умирает Симадзу Нариакира; его преемником становится его сводный брат — Хисамицу]1858 (30 лет) пытается покончить жизнь самоубийством со своим другом Гэссё[1858-59 чистка «Ансэй»]1859 (30 лет) ссылается[1860 убивают Ии Наоскэ — главного министра сёгуната]1862 (34 года) возвращается из первой ссылки1862 (34 года) ссылается вторично1864 (36 лет) прощен и возвращен из ссылки; назначается главным эмиссаром Сацума в Киото и поверенным лицом[1865 британский флот бомбардирует Кагосима][1864-65 удачные кампании против неуступчивого клана Тёсю][1865 сэр Харри Паркес прибывает в Японию в качестве первого британского

министра; устанавливает тесные контакты с Сацума]1865 (37 лет) вступает в официальный брак с Итоко[1866 альянс Сацума-Тёсю против Бакуфу]1866 (38 лет) принимает сэра Харри Паркеса в Кагосима[1867 смерть императора Комэй; вступление на трон императора Мэйдзи][1868 император Мэйдзи провозглашает Императорскую Реставрацию 5 января][1868 7 апреля замок Эдо сдается войскам роялистов; падение режима Бакуфу]1868 (40 лет) возвращается в Кагосима и работает в местной администрации в качестве Советника клана1871 (45 лет) едет в Токио и входит в центральное правительство в качестве Главного государственного советника[1871 правительство объявляет об упразднении уделов и образовании префектур под контролем центра: официальный конец эпохи феодализма][1871 миссия Ивакура отправляется в Европу; Сайго, Окума и Итагаки становятся главами временного правительства]1872 (44 года) назначается главнокомандующим императорским телохранителем и полевым маршалом1872 триумфальное возвращение в Сацума во время визита туда императора Мэйдзи[1875 правительство объявляет о всеобщей воинской повинности][1875 миссия Ивакура возвращается в Японию]1873 (45 лет) после Корейского кризиса выходит из правительства; возвращается в Кагосима и в 1874 (46 лет) основывает там частную школу[1874 самурайское выступление в Сага][1876 правительство отменяет право самураев на ношение мечей и другие привилегии][1876 самурайские восстания в Кумамото и Хати]1877 17 февраля (49 лет) возглавляет Сацумское восстание (_сэйнан_сэнсо_)1877 24 сентября (49 лет) поражение; совершает самоубийство в Кагосима[1889 принятие Конституции Мэйдзи]1890 (13 лет после смерти) присваивается 5-й придворный ранг1898 (21 год после смерти) бронзовая статуя ставится в парке Уэно.] служивший у Повелителя Сацума главой отдела расчетов, был известен своей неподкупной честностью. В социальной иерархии самураев семья Сайго занимала низкое место;[575 - Семейство Сайго происходило от Кикути — роялистского клана, сражавшегося на стороне Южной династии в XIV веке на той же проигравшей стороне, что и Кусуноки Масасигэ. Отец Такамори был отпрыском в девятом колене предка, который приблизительно в 1700 году стал вассалом Симадзу — наследственных правителей Сацума. Он принадлежал к категории, именовавшейся _харадзамураи_ («средние самураи»), которую У.Г.Бисли определяет следующим образом: «Вассал с полным самурайским статусом, безусловно высший по отношению к _асигари_ (пешему солдату), но не принадлежащий к небольшой группе самураев высшего слоя, близких к дайме.» W.G.Beasley, _The_Meiji_Restoration_ (Stanford, 1972), p. 428.Вот краткая генеалогия:Сайго КюбэйТацуэмонСиихара Масако======== Китибэй(ум. 1853) (ум. 1852)Аико Такамори Иваяма Итоко Кохэй(Саэидзи (1843–1877) (1850–1877)Аигана с о-ва Осима1837–1902) Цугумити Китидзиро(1843–1902) (1833–1868)Оясу Отака ОгинКикуко Кикудзиро Торатаро Умадзиро Торидзо(р. 1862) (1861–1928) (р. 1866) (р. 1870) (р. 1873)Китиноскэ Такатэру(р. 1906)Двойные линии указывают брачные связи.] они были бедными даже по умеренным стандартам _хаято_ Сацума. Как это было принято в Сацума среди мелких самураев, его отец, по рассказам, пополнял свои доходы сельскохозяйственными работами, в чем ему помогали Такамори и трое других сыновей. Когда Такамори исполнилось шестнадцать, он закончил учебу в школе клана и немедленно начал работать в качестве клерка-ассистента удельного магистрата, пополняя семейный бюджет своим скромным заработком. Острое чувство бережливости и долга было привито будущему герою с раннего возраста.

Одним из самых известных фактов относительно Сайго Такамори, являются его размеры. Его фигура была бы впечатляющей в любой стране, а уж для Японии XIX века он представлял собой настоящего Гаргантюа. Много уважительных (а часто — фривольных) анекдотов обыгрывали его тучность, из-за которой, как говорили, он не мог сесть на лошадь; также известен был его аппетит. Такамори наследовал свое сложение от нескольких поколений семьи Сайго, его отец был крупный

мужчина выше 180 см роста и мощный борец «сумо». По рассказам, Такамори был большим ребенком с широко поставленными глазами, и уже в школе знаменит своей грузностью. Во взрослом возрасте его рост составлял почти 180 см, а вес — 96 кг. У него была бычья шея (размер воротника — 19 дюймов) и неимоверно широкие плечи. Встречавшиеся с ним люди неизменно поражались его большими, пронизывающими глазами (британский дипломат Сэйтоу описал его так: «у него были глаза, блиставшие как большие черные бриллианты[576 - Ernest Satow, _A_Diplomat_in_Japan_ (London, 1921), p. 181.]») и большими, кустистыми бровями. Современник-биограф добавляет, что он также был наделен огромными гениталиями _(идай_нару_коган),_ хотя источник этих сведений не установлен.[577 - Танака, _Сайго_Такамори_, с. 1. Этот неподтвержденный отчет о мужественном подарке Сайго может быть частью героической традиции. Можно предположить, что описание фигуры Сайго есть часть легендарного преувеличения, однако его мешковатая, большого размера армейская форма (ранее хранившаяся в музее храма Ясукуни Дзиндзя, теперь — в частной коллекции) может быть точно измерена и подтверждает размеры, традиционно приписывавшиеся герою.Одним из примечательных фактов, дополняющих легендарные черты Сайго Такамори и ставящих его в один ряд скорее с Ёсицунэ или Масасигэ, а не с известными современниками типа Кидо или Окубо, является то, что он никогда не соглашался фотографироваться — ни в группе, ни в одиночку, и даже императору Мэйдзи отказал в фотографии. Он жил во время, когда у японцев уже началось повальное увлечение фотокамерами, и все остальные знаменитые персонажи эпохи Мэйдзи были запечатлены на многочисленных фото. Сайго же выделяется своим отсутствием на групповых фотографиях руководителей правительства 1871–1875 годов. Нет также ни одного портрета, зарисовки или скульптуры, сделанной при его жизни. Все картины и скульптуры Сайго Такамори, исполненные в то время, включая знаменитое произведение Эдуарде Чиоссоне (1832-98, итальянский художник, привезший в Японию технику писания картин маслом), были работами людей, зачастую видевших его лишь отрывочно, однако которым он никогда не позировал. В результате мы даже не знаем, носил ли Сайго бороду, или усы. На большинстве гравюр эпохи Мэйдзи он изображен заросший волосами, однако официальные портреты и статуи показывают нам его чисто выбритым. Откуда это странное нежелание быть запечатленным в качестве визуального двойника? Простой скромностью это вряд ли можно объяснить, поскольку он вовсе не избегал общественного внимания. Возможно, он стеснялся своей полноты, или предпочитал, чтобы его узнавали по содеянному и по характеру, а не по внешним физическим аттрибутам, либо на него повлияло собственное убеждение в необходимости «отсутствия концентрирования на себе» (_дзико_футюсин_сюги_). Возможно, здесь была и другая, более тонкая и менее осознанная причина, а именно глубокое чувство морального стыда и личной никчемности — тот же мотив, по которому он отказывался от титулов и прочих мирских почестей, мог побудить героя искать смерти.] Для страны, исторические фигуры которой стремились размерами соответствовать среднему уровню, он представляется в некотором смысле больше самой жизни. Эта необычная физическая величина Великого Сайго позже стала ассоциироваться с определенными внутренними качествами, и прежде всего — с сильным, нонконформистским характером, особо почитаемым в Японии по причине своей редкости.

На протяжении почти всей жизни, этого бегемота с Запада переполняла ярость. В школе, где он приобрел клички _удо_ (остолоп) и _омэдама_ (выпученные глаза), он был сильным драчуном; позже он использовал свой вес, как борец _сумо,_ а в свои последние годы на Кюсю вырабатывал свою физическую энергию, без устали бродя по окрестным холмам со своими собаками. Одним из неприятных последствий его веса была малоизвестная болезнь, происходящая от ожирения. Во

время ее сильных приступов Сайго был вынужден очищать себя весь день, не выходя из дома. Он использовал эти периоды вынужденного затворничества чтобы писать письма своим соратникам, — таким образом, историк может благодарить за ту огромную корреспонденцию, которая дошла до нас, именно тучность героя.

Относительно личности, заключенной в такую большую оболочку, трудно отделить факты от легенд. Ребенком он казался несколько заторможенным, в школе клана он стал известен, как вялый и неразговорчивый юноша.[578 - Утимура Кандзо (_Дайхётэки_Нихондзин_, Токио, 1970, с. 21) описывает его, как «зажатого, молчаливого юношу» (_норой_мукути-но_сёнэн_), которого многие из однокласников считали «примитивным» (_ахо_). Он получил прозвище _удо_, обозначающее большого, бестолкового парня.] В один из дней — типичная (и, не исключено, апокрифическая) история — он нес по тропинке большой поднос с пирожками, когда другой мальчик, решивший подшутить над неповоротливым приятелем, выпрыгнул из зарослей с диким криком; молодой Сайго аккуратно поставил поднос на землю и, повернувшись к шутнику, сказал со своим медленным сацумским акцентом: «Боже, как ты меня напугал!» Кажущаяся медлительность Сайго, разумеется, скрывала переполнявшую его энергию, стимулировавшую его бешеную карьеру, однако «раздражающая молчаливость, которая может сойти за презрение или мудрость», характеризовала всю его жизнь.[579 - Танака, _Сайго_Такамори_, с. 296 и Marius Jansen, _Sakamoto_Ryoma_and_the_Meiji_Resto_ration (Prinston, 1961), p. 159. Для сравнения можно привести «косноязычное упрямство» и «тайную и яростную непоколебимость» Лютера, описываемую у Erik Erikson, _Young_Man_Luther_ (New York, 1962), p. 63.]

Уже в молодости он был самостоятельным и выказывал мало почтения авторитетам, и эти черты остались у него в последующем, когда он проявлял откровенность и неортодоксальность, которые традиционно избегаются японцами из опасения быть за это наказанными. Будучи резким, непослушным мальчиком, Сайго в конечном счете завоевал уважение школьных товарищей своей смелостью и предприимчивостью. Он стал вожаком _(нисэгасира)_ группы мальчиков из мечтных самурайских семейств, в числе которых был и Окубо Тосимити, оказавший столь большое, а, в конечном счете, — фатальное влияние на его жизнь.[580 - В «психологическом анализе» образа Окубо Алберт Крэйг указывает, что мальчишеское неповиновение до некоторой степени поощрялось среди самурайской молодежи в Сацума, как признак мужественности. (Craig and Shively, eds.. _Personality_in_Japanese_History_, pp. 269, 274, 278.) Идеальный воин, по представлениям, царившим на Кюсю, был готов нарушить установленные правила ради достойной цели.] До самой смерти моральная неустрашимость и презрение к физической опасности оставались чертами личности Сайго, и даже современники, считавшими его цели путанными, а методы — немудрыми, никогда не ставили под сомнение его храбрость. Под его сдержанностью и молчаливостью скрывалась натура страстная, полная энтузиазма, временами разражавшаяся приступами неистовства. Следующий инцидент произошел в 1860 году, во время его первой ссылки. В один из дней на остров, где он жил, пришли известия, что главный министр сёгуната, которого он сам собирался уничтожить, как врага двора, был убит в Эдо:

«Наконец-то они это сделали», — сказал сам себе Сайго. Он не мог оставаться спокойным. Взяв с подставки в нише деревянный меч, он выбежал из дома в сад и стал наносить удары ни в чем не

повинному старому дереву, крича при этом во всю силу своего голоса, как если бы он ударял не дерево, а человека, вызывавшего в нем такую ярость. Его крики далеко разносились в ночной тиши. Были слышны также и удары по дереву. Люди с удивлением думали — что произошло, но он ни на что не обращал внимания, будучи вне себя от ярости. И лишь когда фехтовальные упражнения со старым деревом освежили его, он снял сандалии, омыл ноги и вошел в дом. Он уже вернул себе свое обычное спокойствие.[581 - Мусякодзи, «Великий Сайго», с. 86. Этот инцидент (напоминающий историю с Осио и рыбой) может быть апокрифичным, однако он типичен для анекдотов о резком характере героя.]

Но ярость осталась, и скоро она проявится при более серьезных обстоятельствах.

С юности его характеризовала особая моральная разборчивость, отмеченная прямолинейной честностью, выдержанностью в словах и вкусах, отвращение к самовыставлению и полное отсутствие скупости. Среди лидеров эпохи Мэйдзи он был уникален в том смысле, что давал образец отсутствия всяческого интереса к славе и наградам. По мнению одного из его ревностных приверженцев, причина этого заключалась в том, что он делал лишь то, что считал действительно отвечающим интересам нации.[582 - Мусякодзи Санэацу (род. 1885) «Великий Сайго», с. 341.] Возможно, это и так, но было бы наивным не предположить возможности желания обрести благородную репутацию, — это сыграло свою роль; такую цель — сознательно, или бессознательно — он преследовал всю свою жизнь.

Относительно магнетизма личности Сайго не может быть никаких сомнений. Он оставлял глубокое впечатление у всех, кто с ним встречался, от молодого последователя, признавшего в нем божество, до проницательного английского дипломата, ошеломленного силой его характера.[583 - Этим дипломатом был Эрнст Сатоу, впечатления которого от Сайго цитируются в «Тайдан», стр. 6.] Особенность очарования Сайго основывалась на комбинации мощного физического сложения с явной открытостью, бьющей из него человечностью (столь отличной от холодного, эгоцентрического фанатизма Осио Хэйхатиро), простым, почти детским удовольствием, получаемым от данного момента, и живым, земным юмором. В отличие от большинства знаменитостей своего времени, он был прост и естественен с равными, спокоен, заботлив и терпелив с низшими. Однако, прежде всего динамизм воли и энергия сделали его, по словам современного историка, «самым мощным персонажем японской истории[584 - Craig and Shively, _Personality_in_Japanese_History_, p. 274.]».

Однако, между строками панегириков, писанных современниками, и поздних биографий, прославлявших героя, мы находим намек на более темные стороны его характера. Одной из особо ярких деталей раннего этапа жизни Сайго была его реакция на смерть самурая из Сацума, который был близок семье Сайго и который, пытаясь обеспечить для Симадзу Нариакира наследование места предводителя клана, стал замешан в неудавшийся заговор и был приговорен к ритуальному самоубийству. По одной из версий этой истории, Сайго лично наблюдал эту славную сцену. В тот момент, когда самурай был уже готов вонзить меч себе в живот он обернулся к молодому человеку и объяснил, что лишает себя жизни ради своего господина и своей

провинции. Считается, что этот драматический опыт впервые пробудил в герое чувство долга и самопожертвования.[585 - Утимура, _Дайхётэки_Нихондзин_, с. 21.] По другой, более вероятной версии, Сайго не присутствовал при самоубийстве, но позже получил окровавленное нижнее кимоно, которое самурай надел перед тем, как разрезать себе живот, и завещал передать молодому человеку в качестве прощального подарка. «Глядя на это грустное и зловещее напоминание о своем друге, — говорит один из биографов, — Сайго поклялся отомстить продажным лицам клана, а также в том, что Нариакира займет свое законное и должное место их повелителя».[586 - Мусякодзи, «Великий Сайго», с. 8.] Какое бы величественное воздействие ни оказало это происшествие на молодого человека, оно вполне могло пробудить в нем очарованность благородством самоуничтожения и породить желание собственной смерти — желание, впервые реализовавшееся в попытке утопиться в возрасте тридцати лет, позже повлиявшее на его решение поехать в Корею, «чтобы быть там убитым», и, в конечном счете, приведшее его к восстанию, которое было в буквальном смысле самоубийственным.

Указания на теневую сторону характера героя — сторону, в значительно степени заслоненную производимым им впечатлением ясности и спокойствия, могут быть обнаружены в большинстве его стихотворений.[587 - Вот эти поэмы:а) Такадзаки Гороэмон (1865) (строки 1–2),б) Гусэй (род. 1870) (строки 5–4),в) Гусэй (род. 1874).] Он часто выражал сочувствие людям, живущим этой жизнью, как, например, в этой поэме, написанной в годовщину смерти одного самурая из заговорщиков, приговоренного к самоубийству:

Мне безразличен резкий зимний холод,

Страхом наполняют мое сердце холодные сердца людей

Или в другой:

Те радости, что я [когда-то] знал, шли не от живущих,

Но от тех, кто уже давно был мертв.

В своем письме с острова, где он находился в ссылке, Сайго писал: «Теперь я, наконец, понял, что человеческим существам нельзя доверять. Они так же изменчивы, как вертящиеся кошачьи глаза. К моему изумлению, некоторые из тех, на кого я полагался, как на родственные души, выдвинули против меня ни на чем не основанные обвинения.[588 - Письмо от 4 апреля 1865 года к Току Тотё.]»

В своих более поздних стихотворениях Сайго замечает, что не испугался бы и миллиона демонов, но вид «этой своры диких зверей, именуемых человеческими существами» _(нингэн-коро-но_гун)_ вселяет в него желание покинуть этот мир.[589 - Цит. у Танака, _Сайго_Такамори_, с. 298.] В других стихах, что еще более значимо, болезненные сомнения Сайго обращены к его собственному характеру:

Я сижу и занимаюсь до поздней, горькой ночи.

Лицо мое холодно, желудок пуст.

Вновь и вновь я ворошу угли, чтобы они давали свет.

Эгоистичные мысли_(сии)_должны таять, как снег, перед [этой] зажженной лампой.

И вот, когда я заглядываю глубоко в свое сердце,

Меня охватывает ошеломляющий стыд_(хадзуру_кото_оси)._

Под яркой, кипучей внешностью героя, похоже, скрывалось глубокое ощущение собственной никчемности, однако, не располагая никакими сведениями о его молодых годах, мы вряд ли можем доискаться до его первопричины и подтекста.

Мало что известно о годах, проведенных Сайго за работой в магистрате. Он был переписчиком, и, вполне возможно, именно в этот период развил свои каллиграфические способности — искусство номер один для японского джентельмена. Работа приблизила его также к нуждавшемуся крстьянству Сацума. Один раз магистрат командировал его в провинцию для проверки сбора налогов. Официальные лица клана как раз отказали крестьянству в прошении снизить подати из-за плохого урожая. Во время своей поездки Сайго увидал крестьянина, с грустью прощавшегося со своей коровой, которую был вынужден продавать, чтобы уплатить налоги. Молодого чиновника тронуло горе несчастного и, расследовав его случай, он смог снизить для него сумму обложения. Этот случай точно подходит к легенде о Сайго в качестве иллюстрации его щедрости и типично героического чувства _насакэ._[590 - Мусякодзи, «Великий Сайго», с. 4.]

В 1849 году, когда Сайго шел двадцать первый год, клан Симадзу раскололся из-за споров о наследовании — вечная болезнь японской политики. Этот кризис оказал значительное влияние на карьеру Сайго, поскольку он всецело был на стороне «прогрессивного» кандидата, настроенного против Бакуфу, — Симадзу Нариакира, стремившегося модернизировать и реформировать свой удел. Совместно со своим старым школьным тоарищем Окубо Тосимити, Сайго помог упрочить победу «прогрессивной» фракции, и в 1851 году Симадзу Нариакира был назначен двадцать шестым Повелителем Сацума в возрасте сорока двух лет. В процессе долгих, тайных маневров, приведших к этому окончательному решению, Сайго укрепил свое сотрудничество с Окубо (человеком, который позже замыслит его низвержение); переговоры сблизили его также с кумиром — Нариакира.[591 - Описание героя Сайго, Симадзу Нариакира (1809-58) с позиции западного человека, мы находим в: William Elliot Oriffis, _The_Mikado's_Empire_ (New York, 1913), pp. 136-37:Заметным среди южных даймё, если судить по персональным характеристикам, возможностям, энергии и дальновидности, был принц сацумский [Нариакира Симидзу]. После Кага он был самым богатым среди всех даймё. Не оборвись его жизнь, он, безусловно, возглавил бы революционное движение 1868 года. Помимо поощрения занятий древней историей и литературой, он проявлял большую активность в разработке материальных ресурсов своей

провинции и в совершенствовании воинской выучки, так что, когда пришло бы время для выступления против Бакуфу, у него было бы все готово для Микадо в военной области, чтобы создать вполне приемлемое правительство. Для осуществления своих планов он поощрял занятия голландским и английским языками, выучиваясь, таким образом, параллельно современному военному искусству и научным достижениям. Он основал артиллерийскую отрасль и мельницы по зарубежным образцам. Слава об этом принце разошлась по всей империи, и большое количество молодых людей со всех концов страны приезжали, чтобы стать его учениками, или соратниками. Кагосима, его столица, стала индустриальным и интеллектуальным центром. Глядя на его энергичные действия и замыслы, невольно приходила на ум мысль о том, что дни Бакуфу сочтены, а его падение неизбежно, и единственным остававшимся авторитетом был Микадо. Самураи и студенты из Сацума смотрели на принца, как на человека, способного принять должные меры во время близящегося кризиса, как вдруг, ко всеобщему горю, он заболел и умер в 1858 году.]

Несколько лет спустя Сайго выпала честь быть включенным в кортеж Нариакира по случаю ежегодного посещения Эдо — путешествия, занимавшего несколько месяцев. Этот опыт еще более усилил в нем чувство обожания к своему повелителю. Со своей стороны Нариакира, похоже, также отметил вниманием энергичного молодого вассала и несколько месяцев спустя назначил его главным садовником своих поместий в резиденции неподалеку от Кагосима. В иерархии это была довольно скромная должность, которая, однако, давала частые возможности для личных встреч, во время которых даймё и его сподвижник, как передают, обменивались взглядами на будущее Японии. В том же году Нариакира представил Сайго знаменитому ученому-конфуцианцу националистического толка, который произвел на него глубокое впечатление ничем не прикрытыми яростными нападками на низкопоклонническую политику Бакуфу в отношении иностранных держав и на недостаток должного духа патриотизма у занимающих высокие посты.[592 - Первый разговор Сайго с Фудзита Токо, великим святым школы Мито, произошел в мае 1854 года. Токо умер на следующий год в возрасте 49 лет.]

По мере того, как доверие Нариакира к способностям своего подчиненного возрастало, он стал использовать Сайго для конфиденциальных политических миссий, включая маневры, направленные против Бакуфу и сложные переговоры относительно наследования сёгунов.[593 - Главной целью Нариакира было обеспечить наследование Токугава Ёсинобу (Кэйки). В 1858 году это не удалось, но в 1867 году Ёсинобу стал пятнадцатым и последним сёгуном линии Токугава. Следует отметить, что на этой стадии основная политическая власть принадлежала не самому сёгуну, но Тайро (Регенту); с 1858 года этот чрезвычайно влиятельный пост занимал Ии Наоскэ (1815-60), убийство которого вызвало бешеный взрыв ярости у Сайго.] Официально Сайго занимал несколько неуместную должность смотрителя за птицами в эдосском особняке Симадзу, однако его настоящая деятельность была гораздо более впечатляющей. В те годы, когда ему еще не исполнилось тридцати лет, — один из самых активных и, очевидно, счастливых периодов его жизни — он часто бывал в императорской столице Киото и в ставке сёгуна в Эдо, покрывая эти немалые расстояния со своей обычной яростной неустанностью.[594 - В 1858, на пример, у него были следующие поездки:янв. прибыл в Эдо (из Симоносэки)апр. из Эдо в Киото май из Киото в Эдо июнь-июль из Эдо в Кагосима (20 дней)июль-август из Кагосима в Фукуока (8 дней) в Осака (10 дней), в Киото сент-окт из Киото в Эдо (10 дней) в Киото окт-дек. из Киото в Фусими, в Осака, в Киото, в Осака, в Кагосима (11дней), в ссылку.Детальное описание передвижений Сайго см. у

Сакамото Мориаки, «Хронологическая таблица жизни Сайго Такамори» (неопубликованный манускрипт).] Во время одной из своих поездок, когда ему пришлось быть в Киото в период вспышки холеры, у него хватило энергии для организацией успешной кампании против эпидемии, — это сделало его типом самурая, эквивалентного его современнице — западной героине Флоренс Найтингейл.

Тридцатилетие Сайго, поворотный пункт всей его жизни, начался вполне благоприятно, с его назначения в Эдо в качестве личного агента даймё. Однако, всего лишь несколько месяцев спустя Нариакира внезапно заболел и умер. Одним ударом Сайго лишился не только своей основной политической поддержки, но и горячо любимого друга. Это несчастье ввергло его в состояние глубочайшей печали и было одной из непосредственных причин попытки самоубийства. Традиционно считается, что, получив известие, Сайго немедленно решил последовать за Нариакира в могилу в соответствии с древним японским обычаем _дзюнси_ (самоубийство вассала после смерти его господина), однако его разубедил друг из Киото — монах-роялист по имени Гэссё, настоявший, чтобы молодой человек остался жить ради блага своей страны.[595 - Мусякодзи, «Великий Сайго», с. 47–48. Гэссё (1815–1858), буддийский монах школы Хоссо, был настоятелем храма Киёмидзу (Киото). Ярый роялист, он собирался совместно с членами аристократии свергнуть режим Бакуфу и «реставрировать» власть императора. Был отдан приказ о его аресте, он бежал в Сацума, где и погиб столь драматически.]

Несколько месяцев спустя, когда Гэссё достиг Кагосима в качестве беглеца, преследуемого полицией Бакуфу, Сайго организовал ему и себе побег на лодке с тем, чтобы вместе покончить с жизнью в море. Когда лодка отдалилась от берега залива Кагосима приблизительно на милю, двое друзей перешли на нос. Остальные сидевшие в лодке подумали, что те любуются замечательным видом лунного света, но на самом деле они обменивались прощаниями и писали обязательные предсмертные стихотворения. Закончив эти приготовления, Сайго и его друг спрыгнули в воду. Гравюра того времени изображает монаха в белых одеждах и молодого самурая в тот момент, когда они вот-вот коснутся воды; их серьезные лица, на которых написана решимость, ярко освещает полная луна, а в лодке сидит их попутчик, играя на флейте, еще не подозревая о трагедии, происходящей в нескольких метрах от него. Вскоре после того, как все услышали сильный всплеск, в нескольких метрах были замечены два тела, их вытащили из воды и перевезли в хижину на берегу. Попытка сделать монаху искусственное дыхание ничего не дала; однако, полный молодой самурай был еще жив, и маленькая соломенная хижина, тщательно сохраненная и стоящая сейчас у главной дороги напротив прибрежной железнодорожной линии, остается местом паломничества почитателей Сайго. В двух стихотворениях _танка,_ найденных на теле Гэссё, написанных, несколько неуместно, на туалетной бумаге, говорилось о «безоблачной луне его сердца», которая вскоре погрузится в воды залива Кагосима; заканчивалось оно выражением радости от того, что автор умер за императора _(Оогими)._[596 - Сакамото, _Нансю-О_, с. 10, 59. Наследники Сайго сохранили две поэмы Гэссё и собственную поэму Сайго о самоубийстве, и до сих пор отмечают эту дату утопления.]

Биографы Сайго предлагали различные мотивировки его отчаянного поступка. Недавняя смерть Нариакира почти наверняка была непосредственной причиной. Вероятно, это сочеталось с

желанием умереть вместе со своим другом-роялистом Гэссё, которого должны были казнить в ближайшие же дни, если он не упредил бы власти, собственноручно лишив себя жизни.[597 - Власти клана подчинились давлению со стороны Бакуфу и отказали Гэссё в убежище в Сацума, выслав его за западные границы провинции; по прибытии на границу с Хюга, он почти наверняка должен был быть убит сопровождавшими его лицами (James Murdoch, _A_History_of_Japan_ [London, 1926], III: 716) или арестован и умерщвлен полицией Бакуфу. По Сакамото (_Сирояма_Канраку_, II, {Кагосима, 1963], с. 3б), он решил покончить с собой, так как был не в состоянии исполнить свое обещание спасти Гэссё жизнь, которое сделал патрону монаха, принцу Коноэ.] По Утимура Кандзо, знаменитому христианину, поклоннику Сайго, герой решил убить себя в качестве «жеста дружбы и гостеприимства своему другу» _(юдзин-ни_тайсуру_дзёго_то_кантай-но_сируси),_ а его действия были вдохновлены «слишком сильным состраданием» _(амари_цуёсугиру_насакэ).[598]_В этих объяснениях может заключатся элемент истины (хотя «гостеприимство» представляется несколько слабым мотивом), однако мгновенные приступы ярости, проявившиеся в попытке самоуничтожения, вполне могли иметь глубокие истоки в его персональности, проявлявшейся впоследствии в иррациональном и ошибочном поведении во время кризисных ситуаций.

И через много времени после того, как он был признан великим героем Реставрации Мэйдзи, Сайго часто вспоминал тот критический момент, когда он пытался умереть вместе со своим другом, сожалея о том, что попытка была неудачной.[599 - Мисима Юкио, _Какумэй-но_тэцугаку-то_сйтэ-но_Ёмэйгаку_, «Сёкун», сентябрь 1970, с. 38.] Он торжественно отмечал каждую годовщину утопления, а спустя семнадцать лет после происшествия обратился к духу погибшего монаха со следующим стихотворением на китайском языке:

Сжав друг друга в объятьях, мы бросились в пучину моря.

Хотя мы и прыгнули вместе, судьба не оправдала моих ожиданий,

вытолкнув меня живым на поверхность вод (_ани_хакараму_я_хадзё_сайсэй-но_эн_).

Теперь уж прошло, подобно цепи сновидений, более десяти лет;

И вот, я стою здесь, у твоей могилы, отделенный великой стеной смерти,

И все так же безнадежно катятся мои слезы.[600 - Цит. у Сакамото, _Нансю-О_, с. 18. Сайго наносил периодические визиты к надгробию Гэссё в Кагосима.]

Эта отчаянная попытка умереть в возрасте 30 лет, очевидно, серьезно повлияла на психологическое становление характера Сайго и на его мировоззрение.[601 - Большинство из тех, кто писал о Сайго Такамори, имеют тенденцию опускать психологическую подоплеку, которая привела к неудачному самоубийству героя, а иногда этот инцидент вообще опускается. На удивление многие в Японии не знают, что Сайго вообще предпринимал такую попытку. Для Мисима Юкио, разумеется, старания Сайго покончить с собой имели огромное значение, и в свое последнем эссе он сравнивает их значение со случаем, когда Осио Хэйхатиро чуть было не утонул в озере Бива.] Тот факт, что, хотя это и проиошло не специально, он выжил после того, как

договорился о совместном самоубийстве, тогда как его друг утонул, неизбежно должен был сформировать у него классический комплекс вины, преследующий остающихся в живых, и привести к дальнейшим попыткам покончить с собой самым неистовым образом. Происшедшее в заливе Кагосима безусловно связано с тем, что он позже писал в своих трудах, подчеркивая необходимость освободиться от какого бы то ни было страха смерти и быть всегда готовым к ее приходу, как ничем не заменимое условие самоотреченности (_дзико_футюсин_сюги_), что, в свою очередь, необходимо для культивирования «истинного духа» (_синдзё_). По мере того, как он впитывал учения Дзэн, буддизма и конфуцианства школы Ван Янмина, его отношение к собственной смерти становилось все более мистическим, и в одной из своих последних работ он заявил, что уже умер с Гэссё 20 лет назад.[602 - Мисима, _Какумэй-но_тэцугаку,_ с. 43, и Кавабара, _Сайго_дэнсэцу_, с. 96. Подобное же ощущение «уже умерших» описывали камикадзе, которым довелось остаться в живых.]

Сайго еще не пришел в себя от шока неудачного утопления, как новый правитель Сацума издал приказ о его ссылке на неопределенное время на остров приблизительно в 250 милях к югу от Кагосима. Это было одним из результатов чистки, направленной против противников режима Бакуфу, в числе которых были и люди, близкие к Нариакира.[603 - Так называемая чистка годов Ансэй, продолжавшаяся с 1858 по 1859 год, была инициирована Регентом Бакуфу Ии Наоскэ, чтобы сбить растущее движение протеста в провинциях. Сам Нариакира, по всей вероятности, был бы принужден уйти с поста даймё, если бы не предупредил это своей смертью (ref. Beasley, _Meiji_Restoration_, p. 137). Ссылка Сайго была решением сацумских властей, в частности — Симадзу Хисамицу и его приверженцев. Верно то, что основные настояния убрать приносившего одни бесокойства молодого самурая и ему подобных с арены политической жизни шли из Эдо, однако, как замечает Бисли (там же, с. 141), многие даймё только и ждали момента, чтобы посоревноваться с Регентом в распределении наказаний оппонентам Бакуфу; к тому же, между Сайго и его новым повелителем существовали серьезные разногласия.] Последовавшие 5 лет жизни Сайго — годы, на протяжении которых режим Токугава быстро двигался к своему краху — прошли исключительно в ссылке. В 1862 году он был прощен и ему было разрешено вернуться в Кагосима, где вскоре его восстановили в должности смотрителя за птицами. Однако, вскоре своим категоричным, недипломатическим поведением он рассердил Повелителя Хисамицу[604 - Хисамицу (1817-87), младший брат Нариакира, управлял провинцией Сацума от имени своего сына (Тадаёси) с 1858 по 1868 год. В традиционных описаниях жизни Сайго Хисамицу фигурирует «плохим», контрастируя со своим добродетельным старшим братом.] (консерватора, сменившего Нариакира на роли главы клана), и всего шесть месяцев спустя освобождение его сослали вновь — на этот раз на маленький остров еще южнее, где условия были хуже; позже его перевели на еще более мрачный островок у Окинава.[605 - Первое место ссылки Сайго (1859) был остров Осима. В 1862 году он был выслан на Токуносима; позже переведен на островок Окиноэрабу. Цепь островов Рюкю была территорией Сацума с начала XVII века.] Все традиционные описания говорят о спокойствии и достоинстве, которые Сайго сохранял в несчастьи. Когда в жаркий августовский день его принял на борт корабль, чтобы доставить к месту последней ссылки, он спокойно вошел в небольшую клетку, построеную для него, а когда добрый чиновник сказал, что в открытом море ему не будет нужды в ней оставаться, ответил: «Благодарю вас, но что бы ни случилось, я должен повиноваться Повелителю (Сацума). Я — осужденный, и должен находиться там, где следует осужденному…[606 - Мусякодзи, «Великий Сайго», с. 116.]» Во время путешествия по Восточному китайскому морю, когда их сотрясали шторма, он сочинил поэму, в которой призывал ветра дуть сильнее, а волны вздыматься выше, поскольку он, преданный делу

императора, все равно останется невредимым.[607 - Там же, с. 116–117.] Он выказал то же хладнокровие, прибыв на суровый остров, где ему предстояло пробыть несколько лет. И в мыслях не держа жаловаться на обращение с собой, он использовал свое заключение для упражнений в самодисциплине, принуждая себя сидеть прямо и неподвижно в тюремной камере по многу часов подряд.

Остров первой ссылки Сайго был центром сахарной индустрии Сацума и он вскоре стал свидетелем страданий рабочих-рабов, живших в условиях типа _Nacht_und_Nebel_,[608 - «Ночь и туман» (нем.) — выражение времен фашистского режима, когда люди исчезали бесследно, уводимые агентами гестапо.] подвергавшихся жестоким наказаниям за малейшее нарушение правил. Эти несчастные были в буквальном смысле неспособны вкусить от плодов своего труда, поскольку, с жестокостью, напоминающей условия на золотодобывающих шахтах Южной Африки, рабочих, которые осмеливались хотя бы лизнуть сахар, заковывали в кандалы и били кнутами, или даже казнили.[609 - Танака, _Сайго_Такамори_, с. 136.] Бедные урожаи никогда не принимались в расчет, когда доходило до сбора налогов. Ревностные чиновники часто арестовывали островитян и подвергали их пыткам, чтобы те открыли, есть ли у них какие-нибудь спрятанные тайные продукты. Некоторые из подозреваемых пытались покончить с собой, прокусывая себе языки, чтобы только не подвергаться пыткам.[610 - Мусякодзи, «Великий Сайго,» с. 88.] Потрясенный этими условиями, Сайго (хоть он и был осужденным) попробовал убедить главного надсмотрщика, указывая, что такое жестокое и безжалостное обращение позорит имя Сацума, и что, если начальники не будут снижать налоги в неурожайные годы, они могут просто умертвить все население острова.[611 - Там же, с. 88–89.] Когда инспестор, в обычной манере обхождения чиновников с надоедливыми реформаторами, приказал ему не лезть не в свое дело, Сайго стал настаивать, — ведь то, в чем замешана честь клана, является именно его делом, и пригрозил послать подробный отчет о происходящем в Кагосима. В результате его вмешательства обращение с заключенными было несколько улучшено, а какое-то количество рабов-островитян (_хиса_) было освобождено.

Помимо этой гуманистической деятельности, Сайго использовал годы ссылки для обширного чтения и повышения мастерства в искусстве каллиграфии и китайской поэзии.[612 - Отправляясь на остров Осима, Сайго, как передают, взял с собой 1200 книг, в основном труды по китайской истории и философии. В письме, датироваггом маем 1863 года, он писал другу; «Поскольку я — заключенный, многие, очевидно, думают, что я в плохом состоянии. Это не так — я полностью погрузился в книги, так что могу стать ‘достойным ученым'.» Цит. по Сакамото Мориаки, _Сайго_Такамори_ (Токио, 1971), с. 10.] Многие из его известных стихотворений были написаны в этот долгий период заключения, в том числе «День Нового года в сылке» (_Токкё_тоси-о_мукауру_) и «Чувства в тюрьме» (_Токутю_кан_ари_), в которых он указывает, что, хотя фортуна может и дальше обходить его стороной, это только подкрепит искренность его намерений.[613 - _Моси_ун-о_хираку_наку_томо_и_ва_макото_о_осаму_. (Сакамото, _Нансю-О_, с. 14) Эта поэма, которую Сайго написал в 1862 году, была вырезана на камне Кацу Кайсю, и ее можно видеть и сейчас в Токио рядом с прудом Сэндзоку.]

С разрешения островных властей, Сайго использовал часть своей избыточной энергии, занимаясь любимым спортом — борьбой «сумо». Также, во время этой ссылки он взял в наложницы дочь скромного островитянина, и вскоре та родила ему его первого сына. Его новой семье, однако, не было разрешено следовать за ним в последующих ссылках.[614 - Старший сын Сайго, Кикудзиро (1861–1928) уехал с острова в Кагосима в 1869 году; с одиннадцати лет он провел два года за учебой в Соединенных Штатах. Во время восстания 1877 года он сражался на стороне своего отца и потерял ногу в битве при Сирояма. Позже, когда Сайго был посмертно реабилитирован, правительство наградило Кикудзиро, назначив его на шесть лет градоначальником Киото.Сайго впервые женился перед ссылкой, однако вскоре они развелись, и мы даже не знаем ее имени. Его островная жена имела слишком низкий социальный статус, чтобы быть признанной официально, и в 1865 году, когда он вернулся из ссылки, Окубо убедил его жениться на дочери сацумского чиновника, от которой у него родилось трое мальчиков, В целом, похоже, его мало интересовали его жены и сыновья. Одна из немногих поэм, в которой говорится о его семье, — знаменитая «Канкай» (1868), в которой он подтверждает свою целостность и единонаправленность, заявляя, что не будет, подобно большинству удачливых людей его времени, покупать хорошие рисовые поля, чтобы оставить их в наследство своим сыновьям и внукам (_дзисон-но_тамэ-ни_бидэн-о_кавадзу_) (Сакамото, _Нансю-О_, с. 19), — решение, которое он неуклонно проводил в жизнь. Будучи типичным героем-неудачником, Сайго до самого своего конца был слишком углублен в процесс своего взлета и падения, чтобы тратить время на семейный уют. После бьющего в голову вина геройства, все остальные напитки кажутся безвкусными.]

После того, как Сайго был осужден на пять лет, Окубо и другие друзья стали ходатайствовать перед правителем Сацума о том, чтобы его освободили. Сам Окубо угрожал, что сделает себе харакири, если не будет даровано полное прощение (что выглядит несколько иронично в свете той роли, которую он сыграл в дальнейшей жизни Сайго). Повелитель Хисамицу подписал приказ, но, по рассказам, его так рассердило это доказательство популярности Сайго, что он сильно сжал серебрянный мундштук своей трубки, оставив на нем след зубов.[615 - Сакамото, _Сайго_, с. 16.]

Несмотря на раздражительный тон некоторых стихотворений этого периода, Сайго прошел долгую ссылку с расположением духа, здоровым на удивление. Однажды он даже заявил, что собирается навсегда остаться на островах. Несмотря на все физические тяготы этих лет, вполне вероятно, что это был самый спокойный и воодушевляющий период в бурной жизни героя. Перед тем, как покинуть остров у Окинава и вернуться в круговерть государственной политики, он написал слезоточивую поэму, посвященную своему тюремщику, в которой благодарил его за доброту и говорил, что боль расставания не покинет его всю жизнь.[616 - _Масатэру-си-ни_рюбэцу_су_ («Расставаясь с господином Масатэру»), Сакамото, _Нансю-О_, с. 15. Поэма начинается так:Как сон это расставание, как облако…Вновь я обращаю к вам свое мокрое от слез лицо,Но не нахожу слов, чтобы выразить благодарностьЗа всю ту доброту (дзинон), что вы выказали мне за эти годы ссылки.Десять лет спустя, после окончательной отставки из состава правительства, он написал поэму с такой примечательной строкой: «Находясь в темнице, я знал волю Небес; пребывая на посту, я потерял путеводную нить» (букв.: «путь сердца»).] Кстати, какое бы воздействие на характер Сайго ни оказало это заключение, примечательно, что в последующие годы он периодически отходил от общественной деятельности, как бы ссылая сам себя на некоторый срок; нет ни малейшего сомнения в том, что в среде недовольного самурайства это

укрепило его репутацию великого роялиста, человека, пострадавшего за Дело Императора буквально, чего стремились избежать более практичные политики. В жизни Сайго, так же, как и Ганди, Неру, Кеньятта и других национальных героев, несправедливое заключение послужило бесценным свидетельством крепости его характера и искренности его убеждений.

Четыре года после возвращения Сайго из ссылки представляют собой крутой подъем в его параболической карьере и соотносимы с периодом побед Ёсицунэ над Тайра и начальных сражений Масасигэ с силами Камакура. Кульминацией этих лет стало падение Бакуфу и установление нового режима под номинальной властью императора Мэйдзи. В 1864 году в возрасте 36 лет Сайго был назначен Секретарем Сацума по военным делам, а также основным эмиссаром клана в Киото, став, таким образом, центральным действующим лицом в последних яростных усилиях по свержению режима Эдо. Много его энергии было отдано переговорам с другими «внешними» кланами, особенно милитаризированным уделом Тёсю на крайнем западе главного острова, где неприятие Бакуфу было полным. Хотя первым его реальным военным опытом явились именно удачные действия против восставшего Тёсю, Сайго всегда начинал сражения с этим упрямо роялистским кланом без большой охоты. Он настоял на том, чтобы пленным военачальникам была сохранена жизнь — редкий акт милосердия в японских баталиях, и, в конечном счете, способствовал созданию коалиции Сацума-Тёсю, которая, с помощью удела Тоса на острове Сикоку свергла ослабленное Бакуфу.[617 - У.Г.Бисли в своем фундаментальном исследовании эпохи Реставрации Мэйдзи указывает, что именно союз Сацума и Тёсю покончил с токугавским режимом Бакуфу: «Союз двух уделов, заключенный в начале 1866 года, завершил эту перестановку, символизировав брак _тобаку_ („Уничтожить Бакуфу“) с _фукоку_кёхэй_ („Обогатить Страну, Укрепить Армию“), соединение политики, направленной против Бакуфу, со стремлением укрепить нацию.» Beasley, _Meiji_Restoration_, p. 410.] Одна из типичнейших ироний судьбы, которыми пронизана вся жизнь Сайго, состояла в том, что представители именно этих мощных княжеств, над созданием альянса которых он столько трудился, позже станут кликой, доминирующей в правительстве Мэйдзи, и проводящей политику, которую он ненавидел. Сайго был также задействован в дипломатических переговорах, в особенности с Англией. В 1866 году он организовал прием в Кагосима первого британского министра, сэра Гарри Паркеса, и убедил его, что будущее Японии — в руках императорского правительства, а Бакуфу больше не способно выполнять договоры с иностранными державами.[618 - Готовясь к визиту сэра Харри, Сайго писал своему другу Окубо в Киото, срочно требуя разыскать тома 1 и 2 «Истории Англии» Маколей и послать их Симадзу Хисамицу, чтобы тот лучше подготовился к встрече с иностранцем. Мусякодзи, «Великий Сайго», с. 218.] Позже он встретился с блестящим дипломатом, молодым английским секретарем-переводчиком Эрнстом Сатоу в гостинице в Кобэ, и вежливо отклонил переданное через него предложение британской помощи, поскольку опасался, что она может навязать Сацума нежелательные обязательства.[619 - Предложение Сато во время встречи в Кобэ заключалось в том, что английская поддержка Сацума поможет уравнять ту помощь, которую Франция оказывала Бакуфу.]

Решающий момент наступил в начале 1868 года, когда произошло сражение четырехтысячного роялистского войска (в основном состоящего из выходцев из Сацума и Тёсю) с двадцатитысячной армией Бакуфу. Их блестящая победа привела к официальной капитуляции ставки Бакуфу в замке Эдо — знаменитый момент _акэватаси_, изображенный во всех начальных учебниках довоенного

периода, как сцена, должная пробуждать в молодых умах ревностное националистическое чувство. Сайго дополнил эти триумфы несколько месяцев спустя, разбив оставшихся сторонников Бакуфу на севере и востоке.

Традиционные панегирики, помимо прославления военного гения Сайго и выставления его в качестве незаменимой фигуры движения за Реставрацию (и то, и другое — весьма спорные утверждения),[620 - К примеру, см. Утимура, _Дайхётэки_Нихондзин_, с. 27.] подчеркивают его великодушие после победы. К этому придраться невозможно. Сайго не только потребовал амнистии для своих противников — побежденного сёгуна и высших чинов Бакуфу, но и предпринял все возможные шаги к тому, чтобы оградить ни в чем не повинное население от разгула, следовавшего обычно за подобными победоносными событиями. Хотя в битве за Эдо приняли участие крупные силы (почти то же количество людей, что и в японско-китайской войне), реальные потери были невелики.[621 - Профессор Шелдон оценивает общее число убитых в 24 основных сражениях, из которых состояла так называемая «война Бусин», в 10 тысяч человек. «Journal of Asian Studies», Feb. 1974, p. 315.] Действительно, в истории было мало таких радикальных трансформаций со столь небольшим кровопролитием, и даже недоброжелатели Сайго вынуждены признать, что он хотя бы отчасти, но ответственен за столь мягкий исход.

Самой очевидной целью Реставрации было низложение военного правительства, которое в той или иной форме существовало постоянно с тех пор, как Ёритомо за семьсот лет до этого одержал победу. Восстание 1867-68 годов было первой крупномасштабной попыткой «реставрировать» императорское правление со времен Кусуноки Масасигэ XIV века. Система правления Бакуфу от имени императора держалась долго и была, особенно в эпоху Токугава, весьма эффективной. Только из-за того, что Бакуфу в конечном счете пало в 1867 году, нам не следует недооценивать его способность к самосохранению в 1850-х и 60-х, а также тот риск, на который шли роялисты, бросив ему вызов. Какова была их официальная цель? Одно из самых определенных заявлений содержится в соглашении, подписанном представителями Сацума и Тёсю (включая Сайго Такамори) в июле 1867 года:

[Наша цель] состоит в реставрации императорского правления и в осуществлении всех дел, при учете ситуации в мире, таким образом, чтобы последующим поколениям нечего было бы еще желать. Главным моментом реформы является передача административной и юридической власти в руки императора. Хотя в нашей стране сохранена непрерывная линия императорского наследования, давным давно случилось так, что, после принятия феодальной системы, бразды правления попали в руки правительства сёгунов. Присутствие Суверена, которому только и пристало руководить страной, игнорировалось, — состояние, которого не найти ни в одной другой мировой державе. Мы должны, таким образом, реформировать нашу политическую систему, восстановить привязанность правительства к императорскому двору, собрать конференцию даймё и, в согласии друг с другом, трудиться ради поднятия престижа нации среди мировых держав. Только так мы сможем утвердить фундаментальный характер нашей империи.[622 - Цит. у Мусякодзи, «Великий Сайго», с. 246]

На самом же деле, действительной целью было не вернуть власть царствующей особе (в 1867 году император Мэйдзи был 15-летним юношей, вряд ли способным укрепить престиж своей страны в мире), или даже императорской фамилии и придворной аристократии, но провести определенные реформы, представлявшиеся крайне необходимыми, если только Япония хотела избежать судьбы, навязанной западными державами Индии, или, совсем недавно, — Китаю. С этой целью, реальная власть в правительстве отходила не к императору, но концентрировалась в основном в руках группы молодых самураев, устанавливавшей баланс сил между лидерами «внешних» кланов, включая Сацума, которая твердо намеревалась проводить политику, необходимую для сохранения национальной целостности Японии и превращения ее в современную державу. В ходе событий они провели много реформ, не обязательно входивших в их первоначальные планы. Япония открыла двери западному миру; уделы, на которые была разделена страна, исчезли; военное сословие потеряло свои традиционные привилегии; господствовавший в обществе феодализм был в основном заменен индустриальным капитализмом; была создана мощная национальная армия, в которую входили несамураи, а крестьяне-призывники, — и каждая из них поддерживалась новой системой государственного налогообложения. Эти грандиозные перемены и факт массового в них участия населения привел многих исследователей к мысли описывать Реставрацию Мэйдзи, как «революцию».[623 - Недавно вышедшее исследование: Paul Akamatsu_,_Meiji_1868:_Revolution_and_Counter-revolution_in_Japan_ (London, 1972), no.3 «The Great Revolution Series». Моя статья-обзор ставящая под сомнение ту идею, что Реставрация Мэйдзи может быть классифицирована, как революция, вышла в «History Today» (London), July 1972.] В большей степени вопрос здесь в том, как нам определять этот термин, однако, поскольку Реставрация не изменила коренным образом систему собственности, мы вряд ли можем считать ее революционной в полном современном смысле этого слова.[624 - Профессор Бисли завершает свой опус следующими словами:… Я не вполне уверен в том, что Реставрацию можно назвать революцией в полном смысле этого термина. Отчасти потому, что произошедшее в Японии не несло в себе той признанной социальной цели-нагрузки, которая придает «великим» революциям в истории отчасти общий характер. Однако, так же и из-за природы общества, возникшего в результате Реставрации, в котором «феодальные» и «капиталистические» элементы присутствовали одновременно и действовали в симбиозе ради обретения мощи нации… Что же остается, если не применима, как удовлетворительная, ни одна из этих стандартных категорий? Лишь назвать это националистической революцией, дав этим определение природе эмоций, прежде всего ее и вызвавших. (_Meiji_Restoration_, pp. 423-4.)]

После всех триумфов роялистов в 1868 году, Сайго настоял на том, чтобы ему позволили вернуться в его родную провинцию, и последовавшие три месяца провел в мирном, полумонашеском существовании в пригороде Кагосима. Его престиж и популярность были теперь высоки, и не только в Сацума, но и в Эдо, и в Киото. В знак признания его заслуг перед императорским двором ему была предложена солидная денежная награда и, что гораздо более важно, — первый разряд третьего придворного ранга. Сайго потряс правительство, отклонив все эти почести, — акт настолько же поразительный, как если бы английский генерал отказался бы от высочайшего предложения занять место в парламенте и принять пэрство. В своем письме Сайго подчеркивал, что для него было бы неверным принимать такое звание, какое бы выводило бы его из подчинения клану, которому он служит. С обычной прямотой он добавлял, что эти ранги, безусловно, многое значат для столичных придворных, но не имеют никакого значения для такого неотесанного мужлана, как он.[625 - _Коно_инакамоно-но_ядзин-ни_ва_нан-но_яку-ни_мо_татану_. Цит. у Танака, _Сайго_Такамори_, с. 274.] Сайго попросили пересмотреть свое

решение, но в конце концов правительство вынуждено было признать его отказ — отказ удвоивший его популярность, но вряд ли завоевавший ему сторонников среди токийских властей.

Несколько лет спустя Окубо и другие высокопоставленные чины посетили Кагосима и совместными усилиями упрашивали Сайго войти в центральное правительство.[626 - По Танака (_Сайго_Такамори_, с. 278), это было не столько по причине офи-иального признания его талантов, как от желания убрать его из Са-ума, где он мог стать центральной фигурой притяжения для антиправительственных элементов. Похоже, что Сайго и сам это понимал. В письме, написанном несколько месяцев ранее, он говорит, что сколько живет в отставке, столько правительство боится, что он вынашивает какие-то опасные планы, поэтому оно пытается связать его «золотым шнуром» (т. е. выплатами).] Младший брат Сайго, Цугумити, ставший к тому времени не последним лицом в истеблишменте, со слезами на глазах умолял его принять предложение, и наконец тот согласился. Перед тем, как покинуть Сацума, он написал стихотворение, в котором предсказывал свою жертвенную смерть.[627 - Поэма заканчивается так:Жертвенный бык, привязанный в стойле,Ожидает следующего дня, когда его убьют и сварят.Здесь Сайго намекает на отказ Чжуан-цзы служить царю Чу, несмотря на все предлагаемое вознаграждение. Если бы он был достаточно глуп, чтобы принять это, он превратился бы в жертвенного быка (_гигю_), который ожидает неминуемой смерти все долгие годы, пока с ним обращаются по-арски, и желает превратиться в молодого поросенка. (В отличие от Чжуан-цзы, однако, Сайго не отверг жертвенной роли.)] Он вернулся в Токио в 1871 году и несколько месяцев спустя стал одним из лидеров правительства, получив пост Канцлера (_санги_) — приблизительно соответствующий рангу Министра без портфеля.[628 - Другими основными членами были: принц Сандзё (премьер-министр), принц Ивакура (министр правой стороны), Окубо (министр финансов), Кидо, Окума и Итагаки (советники).] Реальной властью в новом правительстве располагала теперь, прежде всего, маленькая группа способных и энергичных людей, выходцев из нижнего эшелона самурайского сословия из Сацума и других «внешних» кланов.

Для страны, в которой возраст традиционно считается критерием мудрости, эти лидеры были необычайно молоды, — старшему из них (Сайго Такамори) было всего 43 года. В добавок к гражданским обязанностям, Сайго представлял в новом правительстве высшую военную власть: в 1872 году он стал главнокомандующим всех вооруженных сил а в 1873 году был произведен в уникальный чин полевого маршала — ранг, соответствовавший тому, что был у герцога Мальборо после всех его побед. По этому торжественному случаю Сайго, как если бы гнетомый чередой мирских успехов, снова заявил, что знает, что ему предопределено быть убитым.[629 - Сакамото, «Хронологическая Таблица», с. 28.]

К концу 1871 года около 50 высших правительственных чинов, включая Окубо, отправились в долгую поездку по Европе и Америке, — так называемая «миссия Ивакура». Сайго вместе с двумя другими руководителями остались в Токио, возглавив неофициальное временное правительство. К этому времени у Сайго выкристаллизовалась неудовлетворенность режимом и его лидерами. У временного правительства не было никако реальной власти, чтобы принимать важные решения в отсутствие членов миссии Ивакура. Сайго, очевидно, не нравилась мысль, что политики, отправляющиеся на Запад, оставляют его на роль бессильной заставки, и, провожая в Иокогама

своих коллег, он, как передают, в своей обычной незамысловатой манере пожелал, чтобы их корабль утонул в пути.[630 - Танака, _Сайго_Такамори_, с. 287–88.]

Основные причины неудовольствия Сайго режимом, которому он помог прийти к власти, его разрыва с правительством Мэйдзи и, наконец, восстания, были морального характера. Будучи прилежным читателем и учеником, он никогда не считал себя ученым. Он написал огромное количество поэм, эссе и писем, но его единственная цельная книга — посмертно изданное собрание различных высказываний.[631 - «Нансю Икун».] Главное интеллектуальное влияние на его жизнь, несомненно, оказало конфуцианство школы Ван Янмина, которое он почитал с малых лет.[632 - Утимура, _Дайхётэки_Нихондзин_, с. 22.] После того, как Сайго оставил школу клана и стал служить помощником клерка, он и несколько других молодых самураев стали регулярно встречаться для изучения трудов Ван Янмина и его последователей.[633 - Сакамото, _Сайго_, с. 4.] Особо почитаем среди них был Осио Хэйхатиро — полу-герой, полу-святой из Осака, покончивший с собой лет за десять до этого; Сайго до конца своей жизни воодушевлял себя, перечитывая философские лекции Осио. Влияние Ван Янмина и Осио пронизывает все отрывочные сочинения Сайго. Мисима Юкио подчеркивает воздействие их философии на жизнь Сайго, предполагая, что теория Абсолютного Духа (_тайкё_), которую он рассматривал, вполне могла явиться мотивом его восстания.[634 - Мисима, _Какумэй-но_тэцугаку_, с. 58–59.]

Подобно Осио, Сайго настойчиво внушает своим молодым ученикам, что дела гораздо важнее любого объема знаний, обретенных учением или наблюдениями, и слово «искренность» (_сисэй,_макото_) с завидной регулярностью встречается в его работах.

Как серьезно ни обсуждай системы и меры, их невозможно будет применить на практике, если только этим не займется тот, кто может это сделать. Нет дела без делающего. Великое счастье иметь правильного человека. Следует ставить перед собой цель стать им.[635 - Сакамото, _Нансю-О_, с. 28.]

В его философских стихах подчеркивается важность культивирования «чистоты сердца»; в знаменитом высказывании он указывает, что, вместо того, чтобы искать ошибки у других, нам всегда следует смотреть за своими упущениями.[636 - …_вага_макото-но_тарадзару-о_тадзуну_бэси_. Кавабара. Сайго Дэнсэцу, с. 175–176.] «Достигнутое при опоре на собственные возможности, — пишет он, — столь неопределенно, что мы не можем быть этим хоть как-то удовлетворены. Лишь искренность может совершить нечто действенное.[637 - Сакамото, _Нансю-О_, с. 32.]» Для демонстрации того, что чисто физическая сила бессмысленна, если не основывается на моральной поддержке, он приводит пример из событий недавней франко-прусской войны, когда триста тысяч французских солдат, у которых еще оставались немалые запасы продовольствия, сдались противнику «просто потому, что их дух был слишком торгашеским».

Сайго часто выражает презрение «здравому смыслу» (_нингэнтэки-но_тиэ_), озабоченному лишь практическими обретениями; хотя истинная мудрость и может иногда привести к несчастью, она обеспечивает успех в другом, более важном смысле:[638 - Утимура, _Дайхётэки_Нихондзин_, с. 43.]

Поистине, искренний человек может служить примером всему миру даже после смерти… Когда о неискреннем человеке говорят хорошо, к нему, так сказать, приходит неожиданное счастье; однако, глубоко искренний человек, пусть он и остался неизвестен при жизни, получает большую награду: почитание потомков.[639 - Сакамото, _Нансю-О_, с. 31.]

Совершенно очевидно, что именно эта форма успеха — обретенного при неудачах в социальной сфере — манила Сайго на протяжении всей его жизни; именно ее он и обрел в избытке после своей смерти.

Величайшая из опасностей, угрожающих искренности — себялюбие, и главным правилом в личной жизни, семейных отношениях и официальных делах было — отрясти с себя природный эгоизм.[640 - Утимура, _Дайхётэки_Нихондзин_, с. 44, и Мусякодзи, «Великий Сайго», с. 123. «Любовь к себе ведет к поражению» (_мидзукара_айсуру-о_моттэ_ябуруру_дзо_). (Утимура, там же.) Это относится, разумеется, к моральному (а не практическому) поражению.] В одном из самых известных пассажей Сайго дает наставления спасителям нации:

С тем, кто не заботится ни о собственной жизни, ни о славе, ни о должностях или деньгах, — с таким человеком трудно иметь дело (_симацу-ни_комару_). Однако, только такой человек перенесет любые трудности со своими сподвижниками, чтобы совершить великие деяния на благо своей страны.[641 - Цит. у Утимура, _Дайхётэки_Нихондзин_, с. 44.]

А в одном из поздних стихотворений, написанных, «чтобы показать моим ученикам», он возвращается к теме самопожертвования:

То, чего остерегаются все простые смертные,

Не устрашит героя, но только лишь дороже ему (_эйтю_каэттэ_косин_су_).

Встретившись с трудностями, не избегай их;

Столкнувшись с обретением, не преследуй его…[642 - Первые четыре строки _Ситэй-ни_симэсу_ цит. у Сакамото, _Нансю-О_, с. 20.]

Желающий превозмочь себя и обрести искренность должен практиковать жесточайший самоконтроль. Первое, что, по Сайго, необходимо, это «наблюдение за собой»: «Для обретения священного состояния искренности, вы должны начинать с _синдоку_, что значит следить за своими поступками и поведением в одиночестве, когда вас никто не видит и не слышит».[643 - Сакамото, _Нансю-О_, с. 33.] Здесь он пользуется конфуцианским предписанием,[644 - Из «Великого Учения»: «То, что действительно пребывает внутри, будет выражено извне. Посему высший человек должен быть внимателен к себе, когда остается один.» Перевод James Legge_,_The_Four_Classics_ (Hongkong, 1957), p. 9.] однако, в стремлении владеть собой и в частности обуздать свою «излишнюю сострадательность», Сайго прибегает также и к буддизму; пользуясь случаем, во время своих периодических удалений от практической жизни, он изучал и практиковал Дзэн.

Основной философский девиз Сайго — девиз, которой он вновь и вновь воспроизводил в своих каллиграфических надписях, даря копии разным частным школам, основанным под его покровительством, был совершенно и полностью конфуцианским. Четыре иероглифа, его составлявшие: Почитать Небеса, Любить Людей (_кэйтэй_айдзин_) занимали в его кампании за справедливость такое же место, как Спасти Народ (_кюмин_) у Осио Хэйхатиро.[645 - _Хито-о_айтэ-ни_сэдзу,_тэн-о_айтэ-ни_сэё_. Цит. у Кавабара, _Сайго_Дэнсэцу_, с. 175–176.] Здесь ход мышления Сайго может показаться некоторым читателям излишне витиеватым. Путь, пишет он, есть путь Неба и Земли, и наш долг — следовать ему, прилагая все к тому усилия. В этом нам следует искать помощи Небес, но не людей; почитание же Небес должно стать целью нашей жизни. В то же время, поскольку Небеса любят всех в этом мире, то и мы должны любить других так же, как любим себя. Это, без сомнения, прекрасные и неоспоримые слова, однако они настолько неопределенны, что такие писатели, как Утимура и Нитобэ смогли ассоциировать их с «законом и пророками», а также с христианской заповедью возлюбить ближнего, как самого себя.[646 - Утимура, _Дайхётэки_Нихондзин_, с. 43, упоминает закон и пророков.]

Как идеалы Сайго относительно «любви к людям» (_хито-о_айсуру_) претворялись в жизнь? На протяжении большей части своей жизни он постоянно и в значительной степени проявлял «сострадание воина» (_буси-но_насакэ_) — искреннюю симпатию к слабым и несчастным людям этого мира; в этом одна из причин его долгой популярности в качестве национального героя, поскольку он ясно показал, что обладает человеческим талантом, почитаемым в Японии с древних времен, — сочувствием.[647 - «_Буси-но_насакэ_ — жалость воина — звучит так, что немедленно аппелирует в нас (японцах) ко всему благородному; дело не в том, что сострадание самурая в принципе отличалось от сострадания других людей, но подразумевалось сострадание там, где оно не являлось слепым импульсом, но отправлялось в должном соответствии со справедливостью, и где сострадание не оставалось просто состоянием сознания, но основывалось на возможность убить или спасти… Снисхождение к слабым, угнетенным или побежденным всегда превозносилось в качестве черты, приличествующей самураю». (Nitobe, _Bushido_, p. 42–43.)] Служа в качестве ассистента в городском управлении, Сайго видел собственными глазами всю глубину нищеты трудящихся масс в Сацума, зачастую живших чуть лучше животных; он видел, как алчные чиновники только усугубляли ситуацию[648 - Описание того времени говорит об их лачугах, что они были менее 20 квадратных футов и выглядели скорее стойлами, чем человеческим жилищем. _Сацума_кэйики_, цит. у Кавабара_,_Сайго_Дэнсэцу_, с. 123.] и пытался

ее облегчить.[649 - В одном из отчетов (необыкновенно искренний документ для чиновника-самурая) Сайго критикует жестокость властей и отмечает, что многие из притесняемого населения пытались бежать из провинции, оставляя весь свой скот и сельскохозяйственные орудия, но сотни таких беглецов силой возвращали обратно. Кавабара, _Сайго_Дэнсэцу_, с. 123.] Во время своей ссылки он проявил неподдельное внимание к рабочим на сахарных плантациях, и отдавал большую часть своего рисового пайка беднейшим обитателям острова. Позже, в качестве военачальника, Сайго делал все, что в его силах, дабы свести к минимуму страдания простых людей, попавших под перекрестный огонь войны.

В то же время, человеческие чувства у Сайго были ограничены его социальным мировоззрением. Прежде всего, они были почти исключительно направлены на крестьянство, и часть его девиза — _айдзин_ («Любить Людей») — означала, скорее, «Любить Крестьян». По его мнению, население общества делилось на две несливающиеся категории: на тех, кто работал физически (_тикара-о_росуру_моно_), и тех, кто трудился умственно (_кокоро-о_росуру_моно_), то есть на крестьян и их хозяев-самураев. Хотя новые лидеры страны все более убеждались, что Япония должна быть индустриализирована, если она намерена остаться независимой, и хотя сам Сайго признавал значение промышленности и торговли, он продолжал рассматривать сельское хозяйство в качестве экономической основы страны, а крестьянство — как ее становой хребет. Долгом самураев-чиновников было осуществлять милосердное руководство социумом: им следовало любить и защищать крестьян, так же, как хозяин обращается с вассалами, а отец — с детьми. Однако, относительно изменения общества таким образом, чтобы крестьянство стало равным чиновникам, или вступило с ними в партнерские отношения, а затем исчезли бы вообще границы между классами, вопроса не стояло. Патернализм Сайго уходил своими корнями в традиционное китайское мировоззрение, в сущности то же, что и у Осио, говорившего о «спасении народа». Поздние почитатели, представлявшие Сайго радикальным реформатором или убежденным эгалитаристом, полностью закрывали глаза на стойкую консервативность его социальных идеалов.[650 - См. для сравнения Akamatsu, _Meiji_1868_ (London, 1972), pp. 304–305, Танака, _Сайго_Такамори_, с. 136–37; Кавабара, _Сайго_Дэнсэцу_, с. 126; Иноуэ, _Мэйдзи_Исин_ (Токио, 1966), с. 4–6, 146–147. По мнению профессора Иноуэ и некоторых других ученых нашего времени, Сайго превратился в «контрреволюционера» после Реставрации. В данном историческом контексте этот термин совершенно неправомочен, однако, действительно, Сайго противился всему, что походило на социальную революцию, и его отношение позже к сацумскому крестьянству напоминает неприятие Лютером крестьянского восстания 1524–1525 годов.]

В своих постоянных заявлениях о важности крестьянства, Сайго в целом представлял традиционный хозяйственный этнос Японии. Он любил землю, деревенскую жизнь, людей, живущих близко к природе; соответственно, он не доверял городам, презирал их и все, что они собой представляли. В одной из своих типичных поэм он жаловался на жизнь в столице, где шум уличного движения смущает дух (_мукон_одороку_), где одежду покрывает пыль и уличная грязь, и превозносил деревенское существование, которое позволяет сохранить чистоту и невинность.[651 - Цит. у Кавабара, _Сайго_Дэнсэцу_, с. 133.]

Главным в жизни самурайского этноса деревни было сохранение умеренности и неприязни к роскоши и тщеславию. Традиционный самурай почитал бережливость, и не в качестве экономии, но как упражнение в воздержании и знак того, что его жизнь посвящена ценностям более важным, чем приобретение и наслаждение материальными благами. Отсутствие у Сайго алчности и желания приобретений вошло в поговорку; а контраст между его спартанским образом жизни и богатством многих лидеров режима Мэйдзи, использовавших свои связи с торговыми воротилами ради удовлетворения своих потребностей в вошедших в моду западных предметах роскоши, явился еще одной причиной его популярности.[652 - Символом роскоши в западном стиле стал Рокумэйкан («Зал Загнанного Оленя») — токийский клуб, устроенный в стиле германского дворца XVIII века. Это было довольно несуразное место, где руководители режима Мэйдзи проводили вечеринки, приемы и балы для своих зарубежных гостей. Для националистически настроенных преемников Сайго Рокумейкан стал объектом особой ненависти, Содомом и Гоморрой, где именно те люди, которым предназначено сохранять японский дух, предавали его, копируя иноземные замашки. Фукудзава Юкити в 1891 году писал, что «цена пребывания одного гостя на вечеринке в Рокумэйкан, или одного блюда, подаваемого в Императорском отеле, составляет больше, чем прожиточный минимум господина Сайго за месяц». Цит. в «Рэкиси Кэнкю», июнь 1972 (пер. проф. Сакамото Мориаки).] Родившись в строгой самурайской семье, Сайго был воспитан в духе барского невнимания к деньгам,[653 - «…дети воспитывались в полном неведении относительного экономических наук. Считалось дурным вкусом говорить о них, а незнание достоинства различных монет являлось признаком хорошего воспитания.» Nitobe, _Bushido_, p. 98. Ср. с отношением к деньгам Осио.] и на протяжении всей своей жизни, в период, когда финансы становились все более и более важными для страны, этот аспект существования его не коснулся. Его материальные потребности были минимальны, и даже когда он стал функционером высокого ранга в Токио, ему удавалось жить на 15 иен в месяц — скромная сумма по любым стандартам.[654 - Утимура, _Дайхётэки_Нихондзин_, с. 39. После принятия золотого стандарта, иена оценивалась в половину американского доллара.] На протяжении месяцев он не задавал себе труда получить жалование, полагавшееся ему, как государственному канцлеру, а когда озабоченный чиновник напомнил ему об этом упущении, он ответил, что у него еще остались деньги от прошлых выплат, и пока ему больше не нужно. Он испытывал отвращение к идее накопления для себя и своей семьи и, когда у него случался избыток средств, отдавал их друзьям или своей частной Академии в Кагосима.[655 - Там же. В соответствии со своими принципами, Сайго ничего не давал своей жене и детям, и ничего им не оставил после своей смерти]

В то время, как его коллеги в правительстве Мэйдзи купались в роскоши, сопровождающей политический успех, Сайго жил в скромной квартире, за которую платил три иены ежемесячной ренты. Однажды, когда он узнал, что его бывший однокласник Окубо, служивший к тому времени министром финансов, заказал себе прекрасную саблю, отделанную драгоценными камнями, ему удалось первому достать это ценное оружие, и он подарил его молодому студенту;[656 - Кавабара, _Сайго_Дэнсэцу_, с. 132–133.] целью Сайго, разумеется, было упрекнуть коллегу в неподходящей экстравагантности, однако сомнительно, чтобы Окубо правильно воспринял преподанный урок.

Его особо беспокоили те слишком тесные отношения, которые лидеры правительства установили с Мицуи и другими быстро растущими _дзайбацу_. Когда он был приглашен на вечер, дававшийся в честь принца Ивакура знаменитым роялистом из Тёсю, Иноуэ Каору, служившим в правительстве Мэйдзи заместителем министра финансов, он выразил свои опасения с обычной прямотой: «Налив в чашку сакэ, он предложил ее хозяину, громко при этом сказав: 'Это вам, Иноуэ — _банто_ (чиновнику) Мицуи. С виду Иноуэ не был оскорблен, но это замечание насторожило остальных…» [657 - Roberts, _Mitsui:_Three_Centuries_of_Japanese_Business_ (New York, 1973), p. 96.]

Находясь в зените славы, Сайго продолжал носить обычную деревенскую одежду, презирая пальто и высокие шляпы, которые так нравились многим его коллегам. Даже когда он бывал в императорском дворце, он был одет в обычную хлопчатую накидку из Сацума с крапчатыми шнурами (_сацумагасури_), а на свои огромные ступни надевал пару сандалий, или деревянных башмаков. Однажды, покидая дворец во время дождя, он снял свои башмаки и пошел босиком; такое беспрецедентное отсутствие всяких декораций возбудило подозрение охранника, который задержал его до тех пор, пока рядом не проехал в карете принц Ивакура, узнавший в неизвестном полевого маршала и государственного канцлера.[658 - Утимура, _Дайхётэки_Нихондзин_, с. 41.]

Его отношение к пище было столь же неприхотливым. Вместо того, чтобы посещать богато обставленные банкеты в западном стиле или элегантные развлечения с гейшами, он предпочитал принимать пищу в компании своих секретарей и подчиненных военных, с которыми он ел лапшу и другие простые блюда из общей глиняной миски.[659 - Типичный инцидент с едой произошел в 1872 году, когда Сайго присутствовал на военных учениях со своей Императорской гвардией в Эттёдзима. Когда пришло время обеда, все генералы вынули свои роскошные лакированные коробки с едой. Адьютант же Сайго, зная непритязательные вкусы своего начальника, передал ему большой рисовый колобок. Когда Сайго разворачивал бумагу, в которую тот был завернут, он случайно выпустил его из рук, и он покатился прямо в песок. Как ни в чем ни бывало, Сайго поднял колобок, отряхнул с него песок и принялся жевать. Рассказывают, что на солдат произвела большое впечатление эта сцена «скромного поведения» генерала. Историю передал свидетель, Ямамото Иэёси, в _Нансюо_ицува_сю_ (Токио, 1903), с. 87.]

Одновременно с этим, он избегал шумихи и формальностей, а в обращении со слугами и теми, кто стоял ниже его на социальной лестнице, не выказывал той заносчивости, что была в порядке вещей среди его коллег. «В нем присутствовала какая-то невинность, простота в обращении, — писал один из его приближенных, — присущая детям».[660 - Утимура, _Дайхётэки_Нихондзин_, с. 42.] Гордости у Сайго было в избытке, но это была внутренняя гордость идеалиста.

Краткое изложение философии и образа жизни Сайго сделают явной причину того, отчего, рано или поздно, он был обречен стать на пути у олигархии Мэйдзи. Его оппозиция новому режиму была в большей степени неясной и несформулированной, основываясь в основном на психологической несовместимости, чем на объективных политических установках; были, однако, и несколько особых поводов для неудовольствия. Самый серьезный имел отношение к

обращению с военными. В постреставрационные годы традиционные правители Японии — самураи систематически отстранялись ото всех источников отправления власти. Дотации, от которых зависели самураи на службе, государственными декретами были все отменены, а даймё получили субсидии в обмен на те уделы, которыми они и их предки управляли на протяжении веков. Они не были отстранены от политической власти, поскольку новый режим Мэйдзи контролировался в основном экс-самураями; однако, в качестве класса они уже не могли отправлять наследственное право на управление. В 1872 году закон о всеобщей воинской повинности лишил самураев монопольного права на армию, а несколько лет спустя, как если бы для того, чтобы символизировать все эти лишения, правительство издало эдикт, отменяющий их многовековую привилегию носить мечи.[661 - В 1871 году самураям было «разрешено» отрезать их традиционные пучки волос на голове и ходить без мечей; эдикт, изданный 5 лет спустя, запрещал носить мечи всем, кроме армейских офицеров и полицейских.]

Эти меры нанесли болезненный удар самурайскому сословию и привели к массовому его обеднению. Закон о воинской повинности и создание новой национальной армии, рекрутировавшейся из массы населения, лишило самураев оправдания их особого статуса; эдикт же, запрещавший ношение мечей, являл собой высшее унижение, наносившее ущерб самому «духу воина» (_буси-но_тамасии_),[662 - См. Иноуэ, _Мэйдзи_Исин_, с. 428; Танака, _Сайго_Такамори_, с. 214.] возбудив, в гораздо более опасной форме, естественное чувство подозрительности и враждебности, подобное тому, что возникло в Соединенных Штатах в среде элементов с традиционным мышлением от попыток ввести контроль над оружием.[663 - Мисима приводит следующие соображения, которые некий самурай с Кюсю представил правительству в 1876 году, как часть «Петиции Относительно Провозглашения Эдикта, Запрещающего Ношение Мечей»:Насколько я понимаю, ношение мечей есть обычай, отмечавший нашу Страну Дзимму еще в древности, в эру богов. Он накрепко связан с корнями нашей нации, на нем зиждется достоинство императорского трона, он освящает все божественные ритуалы, отгоняет всех духов зла, усмиряет беспорядки. Меч, таким образом, есть не просто упрочение безмятежности нации, но также и охранитель каждого отдельного гражданина. Действительно, если и есть что-либо, сущностно необходимое для нашей военной нации, почитающей богов, что-то, что ни на мгновение нельзя отложить в сторону, то это меч. Отчего же тогда те, на ком лежит бремя формирования и проведения национальной политики, уважающей богов и укрепляющей нашу страну, так мало вспоминают о мече? (_Хомба_, пер. Майкл Гэллагер, Нью-Йорк, 1973, с. 75–76.)]

Бессильные остановить ход времени, бывшие самураи стремились найти какую-нибудь мощную фигуру, кто мог бы стать выразителем их многочисленных обид и неудовольствий, и во многом Сайго Такамори отвечал их нуждам. Хотя он и согласился войти в новое правительство, из его трудов и заявлений было ясно, что, по его мнению, идеалы гражданской войны были преданы. Он был против слишком скорых перемен в японском обществе, и особенно его волновало небрежное отношение к воинскому сословию. Относясь с подозрением к новой бюрократическо-капиталистической структуре и ценностям, ею представляемым, он желал, чтобы власть оставалась в руках у ответственных, патриотически настроенных, добродетельных воинов-администраторов, которые правили бы страной под руководством императора. Именно ради этого, а не для того, чтобы главенствовать при официальном роспуске самурайства,[664 - Иноуэ, _Мэйдзи_Исин_, с. 344, 346.] он вошел в центральное правительство. Такие эдикты, как

запрещение носить мечи или традиционные прически пучком на макушке, представлялись серией ничем не спрово-ированных провокаций, и, хотя Сайго понимал, что для сопротивления Западу Японии необходима эффективная армия, он не мог смириться с социальными последствиями военной реформы.[665 - Beasley, _Meiji_Restoration_, p. 363, В характерной для себя манере, Сайго настаивал, что дух армии, зависящий, разумеется, от насаждения традиционных самурайских ценностей, был более значим, нежели простой набор иноземных технологических новшеств:Количество войска в постоянной армии должно быть ограничено по финансовым соображениям. Не следует впустую демонстрировать свою силу. Если отборная армия будет воспитываться в военном духе, тогда даже небольшого войска будет достаточно, чтобы отразить нападение из-за рубежа и удерживать иноземцев на расстоянии. (Мусякодзи, «Великий Сайго», с. ix.)] По этой причине Сайго, хоть он и участвовал в работе правительства Окубо, продолжал распространять свои весьма действенные призывы среди раздраженных экс-самураев в Сацума и других регионах.[666 - Иноуэ, _Мэйдзи_Исин_, с. 144, 340.]

Помимо возражений против низложения самурайского сословия, Сайго выражал серьезные сомнения в тех способах, какими правительство проводило свою радикальную политику централизации и вестернизации. Относительно решения уничтожить наделы и заменить их префектурами под административным правлением губернаторов и прочих чиновников, прямо назначаемых центральным правительством (политика, начавшая действовать всего через месяц после того, как он стал государственным канцлером), чувства Сайго не могли не быть двусмысленными. По темпераменту он всегда оставался самым провинциальным из японских государственных лидеров. В молодые годы он, подобно большинству молодых самураем, был эмоционально привязан скорее к своему клану и даймё, чем к абстрактному понятию, называемому Японией, или к отдаленной и туманной фигуре императора, теоретически являвшегося ее правителем.[667 - Танака, _Сайго_Такамори_, с. 263.] На протяжении тех насыщенных лет, что привели к Реставрации, многие элементы, настроенные против Бакуфу, надеялись заменить правление Токугава новой формой феодализма, сохранившей бы местную автономию под управлением федерального самурайского совета, который был бы прямо подотчетен императору, и где были бы представлены все кланы; сам Сайго, вероятно, предвидел возникновение правительства в качестве совета верховных повелителей кланов (где Сацума, разумеется, играла бы доминирующую роль), чем централизированную бюрократию в Токио, которая полностью упразднила кланы.[668 - Beastley, _Meiji_Restoration_, p. 259; Sansom, _The_Western_World_and_Japan_ (London, 1950), pp. 339-40; Akamatsu, _Meiji_, p. 295.]

Однако, в ходе событий Окубо и другие члены новой олигархии пришли к выводу, что антидоминирующая политика централизации должна быть полностью воплощена в жизнь. Понимая, что Сайго является главным фокусом ширящейся самурайской оппози-ии и естественным катализатором возможного восстания, Окубо изо всех сил пытался убедить его в том, что в интересах нации необходимо отменить уделы; с характерной политической тонкостью он использовал самого Сайго для проведения непопулярных мер. Поскольку удел Сацума являлся центром сопротивления политике централизации правительства Мэйдзи, было логичным, что Сайго, сохранявший с провинцией столь тесные связи, должен быть принужден возглавить попытки убедить своих товарищей по клану прекратить борьбу и смириться с неизбежным. Во время своей триумфальной поездки в Сацума в 1872 году в качестве представителя центрального

правительства он пытался примирить лидеров клана с потерей их и так ограниченной автономии — той самой автономии, которую он сам всего за несколько несколько лет до этого восхвалял. Роль эта была незавидной, но миссия — успешной, и, когда он вернулся в Токио, основной территориальный центр оппозиции был нейтрализован.[669 - По Фукудзава Юкити, политика отмены уделов никогда бы не могла быть проведена столь успешно, если бы не Сайго. «Тэйтю Корон», в _Фукудзава_Юкити_дзэнсю_ (Токио, 1925-26), VI:536.]

Взгляды Сайго на вестернизацию были столь же туманны, однако они вполне дополняли его неудовольствие новым режимом. Во времена его молодости, самым насущным вопросом для страны было — открывать ли Японию Западу, и если да, то на каких условиях. Неудача в разрешении этой проблемы до какой бы то ни было степени удовлетворительности была одной из непосредственных причин падения режима Токугава. В качестве одного из лидеров движения противников Бакуфу, Сайго начал свою карьеру в роли убежденного ксенофоба, редко упускавшего возможность уколоть правительство за его низкопоклонническое отношение к «иностранным варварам». Наблюдая грабеж, которым занимались западные империалистические страны, он оспаривал их заявку на роль провозвестников цивилизации:

Цивилизация есть приверженность справедливости; она не имеет ничего общего с внешней грандиозностью, дворховым великолепием, величественными одеждами или общим тщеславием неестественных проявлений… Раз я имел спор с одним человеком. Он отвергал мои аргументы, что западные люди — нецивилизованны [и]… попросил меня сказать о причинах моих убеждений. Я объяснил ему, что истинно цивилизованные страны вели бы нецивилизованные к просвещению, проводя политику добродетельного, направленного на добро обучения, однако, даже не помышляя об этом, они являются варварами в достаточной степени, чтобы процветать, побеждая более слабые страны силой оружия и обращаясь с ними с безжалостностью, тем более усиливающейся, чем более невежествены побежденные.[670 - Сакамото, _Нансю-О_, с. 26.]

Как ни иронично это звучит, но именно карательная бомбардировка родного города Сайго английским флотом в 1863 году[671 - Эта бомбардировка, явившаяся результатом праведного негодования британцев по поводу смерти г-на С.Л.Ричардсона, убитого близ Ёкогамы военными из Сацума, разрушила около трети города Кагосима, включая индустриальный центр Симадзу Нариакира — Сюсэйкан, славу и гордость сацумских модернизаторов. Подробности см. у Bcasley, _Meiji_Restoration_, pp. 199–200.] заставила его изменить свои взгляды.[672 - Почти таким же образом то, что Америка чуть не разрушила всю Японию, с кульминацией в виде атомной бомбардировки в августе 1945 года, не только не заставило японцев отвернуться от Запада и его ценностей, но знаменовало начало самого интенсивного периода вестернизации и низкопоклонничества ко всему, что было чуждо еще с первых десятилетий эры Мэйдзи.] При всем своем идеализме и приверженности традиционным путям, он был в достаточной мере прагматиком, чтобы понимать, что бывают времена, когда Японии необходимо использовать западные методы для адекватной борьбы с тем же Западом. Таким образом, он нехотя принял идею, что, если его страна хочет устоять при иностранном нападении, ей следует принять современную индустриальную технологию. Переживший свое время режим Бакуфу, явно

неспособный отвечать новым требованиям, должен был быть сметен ради того, чтобы были сделаны необходимые изменения под эгидой самураев из Сацума и других роялистских кланов.

Так и получилось. Новое императорское правительство принялось перенимать необходимую технологию со скоростью и безжалостной эффективностью, напоминающей о «чудесном» экономическом возрождении Японии в 1950-х и 60-х. Для Сайго и многих других самураев, однако, процесс вестернизации был слишком быстрым и неразборчивым. Полностью признавая необходимость в зарубежной технике, Сайго оставался решительно японцем, и в контексте этого периода с его мгновенными изменениями он стал казаться старомодным до эксцентричности.

Из двенадцати ведущих лидеров правительства Мэйдзи Сайго был одним из двух, кто не был на Западе и не проявлял никакого желания там побывать; действительно, помимо своей ссылки он ни разу не покидал главных островов японского архипелага. До конца своей жизни культурные ориентации Сайго лежали лишь в восточном направлении. Он упрямо противился западным инновациям, если только они не были необходимы для спасения нации. Такие инновации не только были связаны с коммерческими, урбанистическими ценностями, которые он отвергал; они приводили еще и к недостойному преклонению перед иностранцами и, что хуже всего, — к растлению японского духа. Его растущее недоверие к явлениям, которые он считал слабостью правительства перед иностранным влиянием, в концентрированной форме выражено в его «посмертных словах»:

Что же до принятия системы любой другой страны ради того, чтобы исправить наш образ жизни, то необходимо сперва поставить нашу страну на крепкий фундамент, внедрить в массы мораль и уж только после этого рассматривать преимущества иностранных государств. Если же, с другой стороны, мы будем слепо следовать иноземному, наша национальная политика прийдет в упадок, а моральный облик масс испортится до степени необратимой — и в результате мы окажемся под их контролем….

Для развития человеческого понимания необходимо открыть сердце патриотизму, лояльности и сыновней почтительности. Когда путь служения своей стране и труду на благо своей семье ясно осознаны, тогда из этого соответственно развиваются все свершения. Для развития общения между людьми была установлена телеграфная служба, проложены железные дороги и построены паровые машины, — вещи достаточно поразительные, чтобы вызвать сенсацию. Но если люди, не спрашивая себя — почему телеграф и железная дорога совершенно необходимы, будут вместо этого транжирить национальное достояние, предаваясь роскоши, подражая европейским стилям от постройки домов до выбора игрушек, не видя их сильные и слабые стороны, а просто завидуя процветанию зарубежных стран, тогда, несомненно, прийдет упадок нашей державы, фривольность в чувствах у народа и, наконец, неизбежное крушение для всей Японии.[673 - Сакамото, _Нансю-О_, с. 24–25.]

Его сомнения относительно чрезмерной вестернизации были тесно соотнесены с брезгливым презрением к торгашам-политикам, которые, по его убеждению, предавали то дело, ради которого столько храбрецов отдали свои жизни. Однажды он заявил, со слезами на глазах (западная уверенность в том, что японцы никогда не выказывают своих эмоций, в случае с Сайго не совсем верна), что «[борьба против Бакуфу], кажется, велась в эгоистичных интересах правительственных чиновников; факт, подрывающий наше достоинство не только в глазах народа, но также и перед отлетевшими духами тех, кто потерял свои жизни в войне.[674 - Там же, с. 24.]»

Со своим традиционно самурайским небрежением к финансовым делам, Сайго чувствовал отвращение к тому новому вниманию, которое стали придавать коммерции и другим формам торговли. Более всего он негодовал от коррупции и моральной деградации, которые рассматривал, как неизбежный результат тесных связей правительственных чиновников и торговцев, и поэтому нападал на «сборище грабителей» (как он окрестил режим Мэйдзи) с тем же моральным негодованием, которое Осио Хэйхатиро направлял на муниципальную администрацию в Осака за сорок лет до этого.[675 - Сакамото Мориаки, _Сайго_Такамори_, с. 93. Благородным самураем был Ёкояма Сётаро, чей младший брат позже стал первым министром образования в Японии.] В 1870 году патриотически настроенный самурай из Сацума совершил харакири напротив здания Национального Совета в знак протеста против коррупции центрального правительства, публично отправив перед этим письмо неудовольствия, содержавшее десять пунктов, в том числе: «Недобрые явления, преобладавшие в правительстве Токугава, остались неизменными и в новом правительстве; правду от зла отличают не в соответствии с рассуждениями и справедливостью, но основываясь на личных чувствах и корыстных интересах», а также «Слишком много думают о чувственных удовольствиях, тогда как чувство долга игнорируется».[676 - Мусякодзи, «Великий Сайго», с. 312, 313.] Сайго, чрезвычайно тронутый этим «искренним» поступком члена своего клана, написал эпитафию, начинавшуюся, в типично конфуцианском стиле, со слов:

Многие из правительственных чиновников, предающихся разврату и непотребствам, живут столь неподобающим образом, что впадают в заблуждения, и общественное мнение в смятении.[677 - Там же, с. 314.]

Подозрение, которое Сайго испытывал к бюрократам в центральном правительстве — подозрение, корни которого, вероятно, могут быть прослежены до его юношеского неприятия местных чиновников-хапуг в Сацума — с годами становилось все сильнее, и, когда он говорит об «этой своре диких зверей, называемых человеческими существами», то думает прежде всего об этих амбициозных администраторах и политиках, которые (по его мнению) несправедливо прибрали к свои рукам контроль над правительством Мэйдзи В длинном письме к одному из северных соратников по клану он сравнивал настоящее правительство с колесом, которое забилось ржавчиной. Недостаточно просто смазать колесо, сперва надо ударить его железным молотком, чтобы то начало двигаться — и Сайго ясно давал понять, что, когда прийдет время, он будет готов нанести удар.[678 - «…Когда появится возможность исправить зло (приносимое правительством), я, разумеется, не останусь праздным наблюдателем.» На следующей странице Сайго характеризует чиновников центрального правительства, как «воров», и замечает, что

всякий, кто предложил бы ему войти в такое правительство, считал бы его подходящим компаньоном для грабителей. Это письмо, написанное в сентябре 1870 года к бывшим вассалам даймё Сёнаи, обширно цитируется у Сакамото Мориаки в «Хронологической Таблице», стр. 19–21. Если говорить о реальной коррупции, то здесь негодование Сайго в адрес новых правителей было некоторым преувеличением; первый реальный скандал, по поводу проекта колонизации острова Хоккайдо, случился лишь несколько лет спустя после его смерти.] Само собой разумеется, что его собственная биография была незапятнанной, и после смерти он превратился в символ той человеческой чистоты, которую люди напрасно искали в своих реальных правителях.

Идеи Сайго содержали много разночтений, которые он сам, безусловно, не осознавал. Несмотря на эмоциональную привязанность к своему клану и его традициям, он был непоколебим, настаивая на том, чтобы Сацума приняла новую политику централизации. Будучи ярым сторонником старой организации вооруженных сил, основывавшейся на отрядах удельных самураев, вооруженных традиционным оружием, он решительно модернизировал армию в Сацума и других местах, ради того, чтобы Японии не надо было склоняться перед иностранцами. Будучи убежден в том, что сельское хозяйство является единственной достойной основой национальной экономики, он поддерживал официальную политику «обогащения страны и укрепления армии» (_фукоку_кёхэй_), зависевшую от быстрого индустриального развития. Сверх того, этот ревностный роялист, посвятивший первую половину своей карьеры «реставрации» императорского правления, стал выдающимся критиком нового императорского правительства и, в конечном итоге, возглавил самое мощное выступление против него. Один из самых выдающихся поклонников Сайго описывал его, как «глупого героя» (_мути-но_эйю_),[679 - Муцу Мунэмицу, которого цитирует Кавабара в Сайго Дэнсэцу, с. 126. Муцу (1844-97), самурай из удела Кии, активно участвовал в Реставрации Мэйдзи и получил несколько офциальных назначений в новом правительстве. Однако, подобно Сайго, он разочаровался в новой политике и во времени сацумского восстания участвовал в подобном выступление в Тоса. Он был обнаружен и наказан, однако позже стал важным лицом в правительстве и играл основную роль в пересмотре неравноправных договоров. Таким образом, его карьера закончилась успешно — и не героически.] и это определение, без сомнения, оправдано, если логика, предвидение и разумное планирование являются критериями мудрости. Однако, Сайго, как и все японские герои-неудачники, жил в ином эмоциональном климате, при котором искренность брала верх над логической последовательностью, и где людьми руководит разум иного рода.[680 - Легендарный Сайго стал почитаться, прежде всего, как человек вне политики. Политика — мир холодных фактов, реализма, компромиссов и материального. Сайго же принадлежит к совершенно иной области. Хорошие политики традиционно считаются _рикося_, «умными людьми», и в японском языке это слово имеет все те же уничижительные коннотации, что и в английском. В этом смысле Сайго был определенно не умен; чистота его натуры обрекла его быть обыгранным в политике осторожными, расчетливыми лидерами, примером которых служит Окубо Тосимити.]

1873 год явился новым поворотным моментом в жизни Сайго. В то время, как другие лидеры правительства были все еще за границей в составе миссии Ивакура, отношения с Корейским королевством стали быстро ухудшаться. Корейцы издали указ, запрещающий торговлю с Японией и нанесли оскорбление, отказавшись принять новые формы обращения в официальных японских документах.[681 - В период Токугава, дипломатические грамоты из Японии подписывались

титулом Оогими или Тайкун (Великий Повелитель). После императорской реставрации, японцы стали использовать титул Кодзё (Его Величество Император), который корейцы традиционно принимали только от правителя Китая. Мусякодзи, «Великий Сайго», с. 343.] Сайго и некоторые другие члены временного правительства сочли возможным расценить это, как непозволительную провокацию, требующую силового вмешательства. Военные выступали за немедленное вторжение на полуостров, однако Сайго настоял на том, чтобы сперва послать высокопоставленного посланника из Японии, чтобы усмирить непокорных корейцев, и лишь в случае неудачи такой миссии предпринять вторжение. В сущности он был совершенно уверен в том, что такой дипломатический подход окончится неудачей, и что вторжение будет неизбежным. Высшее армейское командование было против нападения на Корею именно сейчас, но это не остановило Сайго, поскольку, по его плану, силы вторжения должны были состоять из императорской гвардии и отрядов лояльных самураев из Сацума. Не было, также, проблемой подыскать посланника, поскольку на эту жертвенную роль он предназначал самого себя. Он не только собирался пересечь Японское море, чтобы сделать представление корейскому правительству, но намеревался пуститься в это небезопасное путешествие без единого солдата эскорта.[682 - Сакамото Мориаки, _Сирояма_канраку_, с. 9. Сайго рисковал своей жизнью во время подобной же жертвенной миссии в 1864 году, когда он прибыл в удел Тёсю, где в то время его считали своим величайшим врагом, а также в 1868 году, когда он вошел невооруженный в замок Эдо. Временами Сайго должно было казаться, что смерть намеренно его избегает. (Сакамото, «Хронологическая Таблица», с. 34.)]

Историки выдвигали массу причин, по которым Сайго приветствовал жесткую политику в отношении Кореи. Часто предполагалось, что он рассматривал вторжение в Корею, как последний шанс для лишенного собственности и раздраженного воинского сословия.[683 - К примеру, Иноуэ, Мэйдзи Исин, с. 343–344.] Война на континенте должна была отвратить энергию безработных самураев Сацума и других районов от неразрешимых домашних проблем, дав им, одновременно, почетное занятие и новый смысл существованию. К тому же война за рубежом должна была помочь объединению страны, остановить падение морали, выражавшееся в необузданном материализме и утере традиционных ценностей, и привести к фундаментальным реформам, которые правительство не могло или не желало проводить.[684 - Там же, с. 346.]

Сайго также представляли в качестве ультра-патриота, который, огорченный неудачей миссии Ивакура в пересмотре неравноправных договоров с западными державами, намеревался утвердить японскую национальную гордость славной победой.[685 - В отдаленном прошлом южные районы Корейского полуострова были гораздо ближе Японии — и политически, и психологически, чем такие области, как Хоккайдо, или даже северо-восток основного острова. В различные исторические времена, особенно в конце XVI века, японские правители пытались вернуть себе территорию, которая, по их убеждению, когда-то была частью их царства, и которая, к тому же, являлась естественным выходом на континент.] Его воинственное настроение в 1873 году происходило (как стараются доказать) от его убежденности в том, что для воинского сословия пришло время показать свой характер и воздействовать на дерзкий полуостров непосредственными действиями. В дополнение к этому, экспансионистская японская политика могла бы способствовать сдерживанию неуклонного продвижения восточных держав по азиатскому континенту.[686 - Утимура, _Дайхётэки_Нихондзин_, с. 32. См. также Кавабара,

_Сайго_Дэнсэцу_, с. 134, который описывает Сайго, как «непоколебимый символ экспансии на континент» (_юругинай_тайрику_синсюцу-но_симбору_).] На самом деле, хотя многие из позднейших поклонников Сайго были весьма ярыми шовинистами, в его произведениях или заявлениях нет никаких свидетельств тому, что сам он имел подобные намерения. По крайней мере в двух случаях ранее он решительно противился планам вторжения в Корею, и если теперь он выступал за политику с позиции силы, то не по причине каких-то шовинистических убеждений, а из-за беспокойства по поводу ухудшающейся ситуации внутри страны. К тому же — и обычно на это не обращают внимания — у него был на то серьезный психологический мотив: желание обрести в Корее ту смерть, которая ускользнула от него в водах залива Кагосима за пятнадцать лет до этого.

Из того, что писал Сайго, становится ясно, что, по его верному или неверному убеждению, посланнику в Корею суждено было быть убитым. Так, в июле 1873 года он закончил письмо одному из своих коллег, которого просил быть посредником в просьбе о своем назначении посланником, следующим образом:

Если будет официально решено отправить посланника, то, по моему ощущению, он будет убит. Поэтому я прошу вас послать меня. Не могу сказать, что из меня получится такой же блестящий посланник, как (премьер-министр), но, если стоит вопрос о том, кому умереть, то, уверяю вас, я к этому готов.[687 - Wm. Theodore de Bary et al., eds., _Sources_of_Japanese_Tradition_ (New York, 1958), p. 656. Письмо было адресовано его коллеге советнику Итагаки Тайскэ, который яростно критиковал правительство за его малодушие по отношению к Корее. В другом письме к Итагаки, написанном несколько недель позже, он говорил:Если, с другой стороны, мы пошлем гонца сказать корейцам, что никогда не вынашивали и не вынашиваем враждебных намерений, и упрекнуть их за ослабление связей между нашими странами, одновременно попросив их исправить свое прошлое высокомерие и стремиться к улучшению отношений в будущем, я уверен, что корейцы выкажут свое презрение. Более того, они почти наверное убьют посланника, (de Bary, p. 656.).]

Помимо той практической значимости, какую могла иметь эта миссия, совершенно очевидно, что Сайго искал мученической смерти. Как он сказал в одной из своих ранних поэм,

Я — лодчонка, брошенная в бурные воды (_сутэобунэ_)

Ради блага моей страны.

Если подуют ветры — пусть дуют сильнее!

Если поднимутся волны — пусть вздымаются выше![688 - _Дай_Сайго_Дзэнсю_, III: 1201.]

И снова старания Сайго ни к чему не привели. Корейский вопрос грозил перерасти к правительственный кризис, и члены миссии Ивакура были срочно отозваны из Европы.[689 - Принц Сандзё, несколько нерешительный премьер-министр, не желал войны в Корее, но также не хотел конфронтации с Сайго без поддержки со стороны членов миссии Ивакура. Окубо вернулся из Европы в мае (1873), Кидо — в июле, а принц Ивакура и Ито — в сентябре.] Они единогласно высказались против политики Сайго, и резче всех выступал его старый друг Окубо.[690 - Основными сторонниками войны с Кореей (или шагов, которые могли к ней привести), были: Это Симпэй (Сага), Гото Сёдзиро (Тоса), Итагаки Тайскэ (Тоса), Сайго Такамори (Сацума) и Соэдзима Танэоми (Сага). Главными противниками: Ито Хиробуми (Тёсю), принц Ивакура (придворная аристократия), Кидо Коин (Тёсю), Окубо Тосимити (Сацума), Окума Сигэнобу (Сага) и принц Сандзё (придворная аристократия). Следует отметить, что все члены миссии Ивакура принадлежали ко второй категории.] Он и его коллеги, совсем недавно знакомившиеся с технологической мощью западных стран, были совершенно убеждены в том, что Япония должна проводить политику «обогащения страны и укрепления армии» до того, как рисковать ввязываться в войну за рубежом.

Дело не в том, что руководители правительства Мэйдзи принципиально противились агрессии — двадцать лет спустя, когда Япония была должным образом вооружена, они и их преемники в олигархии были более чем готовы нанести удар, — но в 1873 году они знали, что их страна еще не была в должной степени подготовлена к широкомасштабной военной операции такого рода. Окубо с характерной прозорливостью говорил, что вторжение будет преждевременным, поскольку даже успешная операция на полуострове не компенсирует огромные расходы на все предприятие, или тот риск, на который Японии пришлось бы пойти, оказавшись лицом к лицу с Россией и другими великими державами.[691 - Иноуэ, _Мэйдзи_Исин_, с. 352–53.] Принц Ивакура суммировал точку зрения оппозиции в благоразумном письме к императору, где подчеркивал, что для вторжения еще не пришло время, поскольку была не готова армия, а более насущная задача заключалась в упрочении внутригосударственных реформ.

Эти здравомыслящие аргументы не произвели никакого впечатления на Сайго, который теперь был просто одержим намерением поехать в Корею и «встретить там свой смертный час» (_сисё-о_уру_).[692 - Там же, с. 363.] В августе, за несколько недель до того, как принц Ивакура вернулся из России, усилия Сайго принесли успех: Собрание Советников решило, что ему надлежит ненадолго проследовать в Корею в ранге посла. Услыхав эти новости, он был охвачен радостью и написал одному из своих коллег, что это решение мгновенно излечило его от тяжелой болезни, причинявшей ему столько страданий.[693 - Письмо (к Итагаки) цитируется у Иноуэ, _Мэйдзи_Исин,_ с.360, и Утимура, _Дайхётэки_нихондзин_, с. 34. Сайго страдал от очередного приступа хронической _filiariasis_.]

Хотя намерение послать Сайго в Корею было утверждено молодым императором, правительство не делало никакого официального заявления до возвращения принца Ивакура. Одновременно, Окубо и другим членам фракции, действовавших против Сайго и прилагавших всевозможные усилия, чтобы пересмотреть решения, принятые временным правительством, удалось отложить миссию. Долго тлевший антагонизм между Сайго и Окубо теперь превратился в бушующее пламя;

вся неприязнь, копившаяся годами, сфокусировалась теперь на корейском вопросе. Окубо открыто ругал своего бывшего друга за принятие важного внешнеполитического решения в отсутствие членов мисии Ивакура; Сайго защищался, отвечая, что некоторые важные моменты не терпели ни малейшего отлагательства; в ярости он зашел так далеко, что назвал Окубо трусом — высшее оскорбление в словаре самураев.[694 - Сакамото, «Хронологическая Таблица», с. 30.] После возвращения принца Ивакура весы власти явно склонились в пользу Окубо. Понимая, что его переиграли, Сайго послал премьер-министру отчаянное письмо, заканчивавшееся следующим ультиматумом:

Касательно же моего посланничества, уже одобренного вами, — если сможет случиться такое предательство, что единожды отданные указания будут изменены, это будет равносильно небрежению императорским приказом. Хотя мне дадено понять, что вы останетесь при прежних убеждениях касательно упомянутого дела, я вынужден указать на мои опасения, ради того, чтобы привлечь ваше внимание к своей нижайшей просьбе, поскольку узнал о некоторых слухах в некоторых кругах. С огромным сожалением вынужден я запанее произносить грубости, но, в случае, если это решение будет отменено, я буду весьма огорчен, и для меня не останется никакой иной альтернативы, кроме как принести стране извинения ценой жизни за неспособность выполнять свой долг. Прошу вас понять меня в этом.[695 - Мусякодзи, «Великий Сайго», с. 359.]

В этот критический момент премьер-министр подал в отставку на основании своего слабого здоровья, и его место занял принц Ивакура — решительный противник политики Сайго. Было ли это, (как предполагают некоторые поклонники Сайго) частью мастерского плана Окубо, или нет, но смена лиц окончательно решила дело: 14 октября приказ об отсылке посланника в Корею был отменен.

Победа Окубо была полной, а Сайго потерпел абсолютное политическое поражение. Десять дней спустя он оставил все официальные посты, кроме армейского генерала, и в ярости вернулся в Кагосима, проинформировав императора, что больше никогда не возобновит общественной службы. Для сохранения лица правительство «разрешило» Сайго уйти в отставку на основании слабого здоровья.[696 - Sakamoto Monaki, _Saigo_Takamori's_Poems_and_Posthumous_Words_, (неопубликованная рукопись), p. 8.]

Стремительное отбытие Сайго из Токио не только ознаменовало конец его карьеры в правительстве, но было также решительным разрывом с олигархами Мэйдзи, которых он теперь считал безнадежно развращенными коррупцией и дезориентированными, и с которыми больше не мог сотрудничать в духе единства. Вслед за отставкой Сайго правительство оставили все его последователи. Результатом корейского кризиса, таким образом, была полная победа фракции Окубо и, в целом, — всего центрального бюрократического аппарата. В типичной для японского героя-неудачника манере, долгая борьба Сайго в корридорах власти имела эффект прямо противоположный тому, которого он добивался.[697 - Кризис (1873 года) предопределил характер правительства Мэйдзи и его политику на два последовавших десятилетия. Прежде всего, он ознаменовал собой финальную стадию разрыва некрепкого и неопределенного альянса времен

Реставрации между придворными аристократами, феодальными лордами и самураями всех рангов и областей, в результате которого осталось небольшое ядро с относительно согласованными воззрениями на будущее страны. Отставка Сайго расколола сацумский контингент, более половины которого удалилось в Кагосима. Поскольку среди них было много военных, влияние Тёсю в армии стало сильнее, чем когда-либо. (Beasley, _Meiji_Restoration_, p. 376.)] Такой результат был, без сомнения, неизбежен, учитывая характер и идеалы Сайго. В политической атмосфере 1870-х годов этот герой Реставрации стал непригодным анахронизмом, и, не будь корейского кризиса, какой-либо другой момент послужил бы толчком для его разрыва с режимом Токио.

В психологическом смысле возвращение Сайго к простому, буколическому существованию в Сацума представляло собой один из его периодических отходов от круговорота общественной жизни, жесткого современного мира амбициозных людей, политических интриг и шумных городских улиц. Вернувшись в свои родные места в Кагосима, он отринул притягательность мирских удач и возобновил существование благородного фермера, работающего на полях и путешествующего по окрестностям. Стихи Сайго, написанные в то время, выражают радость от возвращения к деревенской жизни. Нижеследующее было сочинено вскоре после получения отставки:

… С древних времен ценой мирской славы были несчастья.

Так не много ли лучше пробираться к дому через леса, неся лопату на плече.[698 - Сакамото, _Нансю-О_, с. 18.]

Несколько месяцев спустя он писал в том же духе:

Я отряс с себя прах мира,

Я ушел от чинов и славы.

Теперь я могу весь предаться радостям на лоне природы, —

Великого Творца [всех вещей].[699 - Там же.]

При всей своей внешней общительности, Сайго по натуре имел склонность к уединению, а его недавнее столкновение с токийскими политиками довело эту черту характера до уровня мизантропии. После городского гомона он наслаждался тишиной природы:

Здесь, далеко на холмах, рядом со старинным прудом, спокойнее, чем среди ночи.

Вместо того, чтобы слушать людские голоса, я взираю на небо.[700 - Утимура, _Дайхётэки_нихондзин_, с. 48.]

Он все больше и больше времени проводил со своими собаками, с удовольствием разделяя с этими безвинными, преданными существами свое одиночество.[701 - «Сайго не любил разговаривать с японскими предателями, — писал Миякэ Сэцурэй (1860–1945), журналист ультранационалистического толка, один из поклонников Сайго, — предпочитая своих верных собак.» Цит. у Сакамото, _Нансю-О_, с. 22.] В стране, где политики были (и остаются) не совсем щепетильными в отношении принятия дорогих подарков, Сайго взял себе за правило отказываться от любых подношений, кроме собак. В своем доме он держал большой ящик с картинками и литографиями этих животных, которых избрал своими пожизненными спутниками. С этого времени из-под его кисти не вышло ни одного стихотворения с упоминанием семьи, но во многих мы находим слова о четвероногих друзьях. Вот одно из его знаменитых стихотворений на китайском языке:

По этим крутым холмам, вздымающимся к облакам,

Я брожу со своими собаками,

Здоровый лай которых разносится эхом от вершины к вершине.

Взгляни, прошу тебя, на обрывистые сердца людей,!

К ним труднее подобраться, чем к этим горным тропам, окруженным скалами.[702 - Сакамото, _Сайго_, с. 47–48.]

Один из друзей Сайго описывает день, проведенный с ним и его собаками за прогулкой по полям и холмам рядом с Кагосима. Под вечер они остановились в доме одного фермера; приняв ванну, Сайго устроился поудобнее и сказал, что сейчас чувствует себя так же безмятежно, как святой (_сэйдзин_).[703 - Сакамото, _Нансю-О_, с. 32.]

Новая жизнь Сайго в Кагосима была не полностью посвящена удовольствиям сельской жизни. Он также организовал несколько независимых школ, в которых наставлял мальчиков из Сацума в воинских искусствах, сельскохозяйственных делах и моральных принципах. Для этого он использовал государственные дотации, накопившиеся у него и его сторонников, а также ежегодное вспомоществование, которое все еще получал за прошлую службу. Школы эти были различными по размерам и направлениям, с общим числом учащихся, достигавшим нескольких тысяч. В некоторых основной упор делался на артиллерии и особенностях военного дела, другие больше смахивали на сельские общины, члены которых (часто при участии самого Сайго) занимались фермерской работой днем, а вечера проводили за чтением и слушанием лекций.

Один раз режим Окубо, вероятно, рассчитывая удержать своего непредсказуемого экс-коллегу под пристальным надзором, пригласил его обратно в Токио и предложил ему совершить официальный визит в Европу. Сайго, по-прежнему полностью не преемлевший правящую олигархию, отклонил предложение, предпочтя продолжать простую жизнь в Сацума и готовя своих молодых людей к будущим свершениям. Когда в Кагосима прибыл специальный посланник принца Сандзё с предложением к Сайго вернуться и работать в центральном правительстве, он, по рассказам, послал ему краткую записку:

«Вы ведь действительно дурак, не правда ли, принц Сандзё?» Посланник упрекнул Сайго, указав, что не сможет передать столь непочтительный ответ своему начальнику, но Сайго настоял на том, что его обязанность заключалась в том, чтобы передать ответ в том виде, в котором он был дан.

За время отставки Сайго, проведенное в Сацума, в различных регионах страны произошел ряд яростных взрывов негодования, многие из которых были организованы группами бывших самураев, доведенными до неистовства такими правительственными мерами, как законом, запрещавшим ношение мечей и снижением дотаций. Первое крупное выступление произошедшее в 1874 году, случилось в Сага — северной провинции острова Кюсю; его вызвала «нерешительная» политика правительства в отношении Кореи, а лидером был Это Симпэй, яростным молодой чиновник, вышедший в отставку в то же время, что и Сайго. Отряду из приблизительно двух тысяч самураев удалось захватить бывшую удельную столицу, однако решительными военными действиями правительства они были немедленно подавлены. Сам Это бежал в Кагосима, надеясь, что Сайго поможет ему вновь раздуть пламя восстания. Хотя во многом их взгляды были схожими, Сайго пытался отговорить Это от продолжения борьбы. Вскоре после того предводитель восставших из Сага был схвачен правительственными войсками и, по специальному настоянию Окубо, подвергся унизительному наказанию: ему отрубили голову и выставили ее, наткнув на шест, на всеобщее обозрение в качестве предупреждения другим потенциальным бунтарям.[704 - Был отдан приказ, вывесить фотографии отрубленной головы Это в правительственных конторах по всей стране. Сакамото («Хронологическая Таблица», с. 38–39; _Сайго_, с. 45–47) дает детальный отчет всех событий, приведших к суду и казни, которые представляет, как откровенное злоупотребление властью, стимулированное отъявленным негодяем Окубо.]

Это мрачное предупреждение не имело большого эффекта. Пару лет спустя одно из самых драматических восстаний произошло в городе-замке Кумамото в центре острова Кюсю, где около двухсот бывших самураев, разъяренных политикой пренебрежения японскими обычаями и поощрения заграничных идей за счет национального синтоистского верования, образовали Лигу Божественного Ветра и напали на императорский гарнизон, убив командира и многих его подчиненных. Они были быстро разбиты двухтысячным отрядом правительственных войск, и почти каждый из оставшихся в живых сделал себе харакири, предпочитая его риску бесчестия плена.[705 - Лига Божественного Ветра играет главную роль в одной из последних книг Мисима, _Хомба_ («Убегающие Лошади»), в которую он вводит детальное описание восстания 1876 года в виде повести в повести. По описанию, которое дает Мисима (блестящей имитируя стиль эпохи Мэйдзи), патриоты из Кумамото рассматривали все иноземные нововведения, даже телеграфные

провода, как осквернение их священной земли. Принужденные беседовать под линиями электропередач, они прикрывали свои головы белыми веерами, а если им приходилось даже случайно мельком увидеть человека в западной одежде, проводили обряд очищения, разбрасывая соль. Свою Лигу они назвали в память о «божественном ветре» (_камикадзэ_ или _симпу_), который, как считалось, спас Японию во время монгольского нашествия в XIII веке, и готовились ко дню, когда и им придется спасать свою страну от иноземного вторжения. Последней каплей послужил Эдикт, в котором правительство запрещало самураям носить мечи.Во время нападения на императорский гарнизон, члены Лиги не пользовались ружьями, или каким-то другим иностранным оружием, и огонь правительственный войск их всех быстро уничтожил. Самоубийственное решение Мисима объясняет в следующем отрывке:… то, что члены Лиги пошли на риск, отказавшись от использования огнестрельного оружия, делало чистыми их намерения. Их цель должна была быть божественной, а самой сутью являлось бросить вызов западному оружию, ненавистному богам, лишь с мечами в руках. С ходом времени, западная цивилизация откроет оружие еще более ужасное и направит его против Японии. Так что же, неужели сами японцы, в своем рвении померяться с ними силой, тоже должны ринуться в эту скотскую бойню и потерять всякую надежду упрочить обряды древности….? Решиться на битву, имея с собой один лишь меч, быть готовым пойти на риск полного поражения — только так могли проявиться пламенные стремления каждого члена Лиги. Именно в этом и заключался благородный Дух Ямато.«Чистота решимости» (_дзюнсуйсэй_), продемонстрированная Лигой Божественного Ветра, явилась мощным воодушевляющим стимулом для жертвеннически настроенного героя повести Мисима — и, без сомнения, для самого автора.] В продолжение восстания Лиги Божественного Ветра, подобное же выступление произошло в старом замке Хаги в провинции Тёсю в западной части главного острова. Эта попытка имела еще меньший успех: предводитель (также бывший чиновник, занимавший довольно высокий пост) был схвачен и казнен, а большинство его последователей совершили самоубийство.

Серия самурайских восстаний, в сочетании с многочисленными выступлениями крестьян,[706 - Эти крестьянские восстания были, разумеется, вызваны скорее экономическим положением, нежели идеологическими причинами, и являлись традицией _хякусё_икки_. Репрессии со стороны государства были жестокими. После подавления крестьянского восстания в префектуре Миэ в 1875 году было наказано не менее 50000 участников. Inoue, _Meiji_Ishin_, p. 435.] всполошили правительство, заставив его более пристально приглядывать за Кагосима, которая, по их опасениям, могла стать центром главного восстания. У них были достаточные причины для подозрений. Во время восстания в Хаги, некоторые из военных — сторонников Сайго пытались убедить его, что пришел идеальный момент нанести удар правительству. В раздражении, он отверг их предложение, как глупое и безответственное,[707 - Мусякодзи, «Великий Сайго», с. 393–94.] однако атмосфера в Кагосима, очевидно, становилась взрывоопасной.

На этой стадии развития событий токийское правительство, по настоянию Окубо и генерала Ямагата, послала в Кагосима полицейских шпионов для наблюдения за тем, действительно ли сторонники Сайго готовят вооруженное восстание. Члены Академии вскоре идентифицировали агентов и даже раздобыли сенсационную информацию (которая вполне могла быть правдой),[708 - Inoue, _Meiji_Ishin_, p. 441.] что центральные власти намереваются не только распустить Академию, но и убить Сайго и его главных советников. Возмущенные этим открытием, некоторые

из учеников стали охранять безопасность своего главы. Какое-то время Сайго этого не знал, но вскоре он понял, что его охраняют. Произошедший вскоре инцидент имел пророческий характер:

… В один из дней… ученики, [охранявшие своего учителя], пришли в комнаты Сайго, и один из них, забавляясь с двуствольным ружьем и считая его незаряженным, потянул за спусковой крючек; внезапно раздался выстрел, и заряд, остававшийся в стволе, пробил потолок. Перепуганный ученик сказал своему хозяину, что хочет загладить свою вину, сделав себе харакири. Сайго разразился громовым смехом, сказав, что разрезать себе живот — самое болезненное занятие.[709 - Мусякодзи, «Великий Сайго», с. 407.]

Позже Сайго сообщил своим ученикам, решившим убить правительственных шпионов, что он ни в малейшей мере не против покушения на себя, и что «бессмысленно убивать токийских полицейских», так как реальные преступники — это руководители центрального правительства.[710 - Сакамото Мориаки, _Сирояма_канраку_, с. 15, и «Хронологическая Таблица», с. 52.] По мере того, как среди сторонников Сайго росла напряженность, правительство приняло решение (в январе 1877 года) предупредить неприятности, отправив корабль, принадлежавший компании Мицубиси, чтобы на нем вывезти из Кагосима оружие и боеприпасы под покровом темноты. Это категорическое решение не только не разрешило всех трудностей, но только привела к бедствию. В то время, когда Сайго был на охоте со своими собаками, до учеников его Академии дошли слухи о задуманном плане. Эта новость подтвердила их худшие подозрения относительно намерений правительства, и в дикой ярости группа молодых сорвиголов атаковала правительственный арсенал в пригороде Кагосима, забрав оттуда порох и прочую аммуницию. Это был открытый акт восстания, и дороги назад больше не было.

Когда Сайго рассказали, что произошло, он отреагировал лаконичным восклицанием: _Симатта_, означающим нечто вроде «Ну, вот!» или «Проклятье!» Он немедленно вернулся в Кагосима для встречи с представителями Академии. Выслушав в молчании их доклад, он внезапно впал в ярость. Пятнадцать лет спустя сын Сайго, которому тогда было семнадцать лет, вспоминал, что никогда в жизни он больше не слыхал, чтобы человек кричал так сильно, как его отец в день, когда тот распекал студентов за безответственность, бросая им в лицо:

«Какую ужасную вещь вы совершили![711 - Мусякодзи, «Великий Сайго», с. 408. Сыном был Кикудзиро (1861–1928). Понимание самим Сайго, что он ничем не может предотвратить несчастье — типичная ситуация в жизни японского героя-неудачника.]» Однако, когда прошла первая волна ярости, он смирился с неизбежным и объявил своим лейтенентам, чтобы те приступали к необходимым военным приготовлениям, поскольку теперь он готов пожертвовать ради них своей жизнью.[712 - _Дзибун-но_сэймэй_ва_сёкун-ни_агэру_. Цит. у Inoue, _Meiji_Ishin_, p. 442, и Мусякодзи, «Великий Сайго», с. 409.] Все было так, как будто он понял, что ему снова представляется возможность погибнуть благородной смертью.

Теперь Сайго являлся предводителем крупного восстания, на внезапное начало которого он оказал существенное влияние, хотя и опосредованно. Он знал, что перспективы безнадежны, однако, раз кости были уже брошены, стал действовать с характерным самозабвением, безусловно, приветствуя возможнойсть открытой военной конфронтации с Окубо, Ивакура и прочими политиканами, которые так долго ему препятствовали.[713 - По мнению Утимура (_Дайхётэки_нихондзин_, с. 37), восстание было актом растерянности и отчаяния, возникших от осознания Сайго того факта, что результаты Реставрации Мэйдзи оказались диаметрально противоположными тем, которые он предполагал. Нам, разумеется, следует помнить, что Сайго никогда осознанно не планировал восстания, хотя его начало действительно удовлетворяло как его психологические, так и идеологические требования. По мнению профессора Сакамото («Хронологическая Таблица», с. 31 и далее), политической основой этой войны явилось долго продолжавшееся противостояние двух основных сацумских фракций, то есть между высокопоставленной «консервативной» группой, собравшейся вокруг фаворита Симадзу Хисамицу — Окубо Тосимити, и «реформистской» группой рангом ниже, возглавляемой старым недругом Хисамицу — Сайго Такамори.По этой теории заговора, все до единой политические неудачи Сайго были результатом маневров Хисамицу, который (действуя через посредство Окубо), воспользовался Корейским кризисом в качестве предлога для устранения Сайго от власти.] Ни на одно мгновение не представлял он себя восставшим против императора Мэйдзи; скорее, подобно ультраправым бунтарям в 1930-х годах, он являл собой лояльного подданного, пытавшегося спасти своего повелителя от «злых советников». В письме к принцу Арисугава он указывал, что Его Величество должен быть охраняем от правящих политиков, которых описывал, как «величайших преступников во вселенной».[714 - _Тэнти-но_дзайнин_. Письмо было адресовано принцу Арисугава, главнокомандующему Императорским Экспедиционным Корпусом, и датировано 3-м марта 1877 года. (Сакамото, _Нансю-О_, с. 49–50.) Из письма Сайго, пишет профессор Сакамото, становится ясно, что он не ожидал победы в этой войне, «но думал, что его долг перед человечеством — указать императорскому правительству, где добро, а где зло.» (Сакамото Мориаки, _Сирояма_канраку_, с. 26.) Также 3-го марта Сайго написал письмо губернатору Кагосима, в котором говорил, что, если правительственные силы атакуют его, и их будет возглавлять даже принц, он разобьет их и пойдет на Токио. (Там же.) Совершенно очевидно, что «искренность» у Сайго превалировала над всяким почтением к императорской фамилии, или страхом быть обвиненным в государственном преступлении.]

Хотя мысль о том, что ситуация, наконец, разрешилась, несколько облегчала для них жизнь, Окубо и его правительство знали,[715 - 7 февраля Окубо писал Ито Хиробуми, что «втайне кричал от радости», услыхав о сацумском восстании, поскольку «для императорского двора это было счастливое событие». Сакамото, «Хронологическая таблица», с. 53.] что со времен Реставрации Мэйдзи они находятся в самой серьезной опасности. Их первой реакцией было лишение своего бывшего коллеги всех военных званий и оставшихся почестей и объявление его врагом двора. Император Мэйдзи, находившийся, когда пришли катастрофические известия, с визитом в Киото, издал указ должным образом подавить восстание. Принц Арисугава и генерал Ямагата были назначены руководить императорскими войсками и немедленно отбыли в ставку на севере острова Кюсю. Характерная ирония содержится в том, что армию, которой предстояло разбить Сайго — бывшего героя-роялиста, должен был возглавить принц, всего десять лет назад сражавшийся вместе с ним против токугавского режима Бакуфу.

Правительство, очевидно, готовое к вооруженному противодействию, немедленно мобилизовало приблизительно сорокатысячную армию, позже увеличенную до шестидесяти тысяч. Ее поддерживали государственные силы порядка, императорская гвардия (ранее бывшая в непосредственном подчинении самого Сайго), и военно-морские силы из одиннадцати боевых кораблей. Приблизительно восемьдесят процентов армейского персонала составляли крестьяне-призывники, набранные генералом Ямагата после того, как за пять лет до этого был принят государственный закон об армейском призыве. Сайго и его генералы сделали большую ошибку, недооценив этих крестьян-призывников, которых считали неспособными выстоять в сражении против профессиональных самураев, за спиной которых были столетия военной традиции. Армия восставших, несмотря на высокий душевный подъем вначале и преимещество сражения на собственной территории, всегда уступала в численности противостоящим ей силам, и в самый пиковый момент насчитывала не более двадцати пяти тысяч человек; вдобавок, ее ослаблял чрезвычайный недостаток в аммуниции, деньгах и снабжении. Хотя вначале можно было сомневаться в исходе, чисто физическое превосходство императорских сил не могло в конечном счете не сказаться.

Сайго начал свои операции с серьезной стратегической ошибки. Она заключалась в принятии решения атаковать город Кумамото — ключевой пункт в центре острова Кюсю, и захватить замок до того, как основные правительственные силы успеют прибыть с главного острова. 17 февраля он со своими людьми вышел из Кагосима, когда на город обрушился сильный снегопад. В Японии снег символически ассоциируется с чистыми, героическими делами (сорок семь ронинов провели свою блестящую вендетту в снежный буран, а в более близкие нам времена мятеж молодых офицеров, случившийся в феврале 1936 года, произошел после густого снегопада), и тот момент, что сацумская армия отправилась в путь в снежный день, могло представляться неким небесным подтверждением правоты их дела. На знаменах, которые несли ученики Академии, был начертан гордый девиз: «Почитать добродетель! Сменить правительство![716 - Понемногу перемещались, а не продвигались: из-за сильного ожирения, Сайго почти весь путь несли в кресле. Сакамото, «Хронологическая таблица», с. 54.]» По мере продвижения Сайго к Кумамото на север, недовольные самураи из разных частей Кюсю примыкали к его силам; к нему также присоединились сторонники из отдаленных районов Японии.

Замок Кумамото — объект их первой атаки — был построен в начале семнадцатого века и считался одной из самых мощных японских крепостей.

Это была грозная твердыня, доминировавшая над городом и его окрестностями. Конструкция замка и крутые склоны, на которых он располагался, делали его идеальным местом для отражения нападений. Когда к нему в первый раз подошла армия Сайго, его защищало около четырех тысяч человек из местного гарнизона, которым удалось устоять перед накатывающимися одна за другой волнами атак. «Стрелы-письма», подобные тем, что использовались два с половиной века назад, во время восстания в Симабара, были посланы в замок с призывом к оборонявшимся сдаться, поскольку они много уступали в численности, однако императорские силы были настроены обороняться.

Наконец, основные правительственные силы подошли к Кумамото. Это был поворотный момент событий. Осада с замка была снята и, после двадцати дней жестоких сражений, во время которых Сайго потерял многих из своих лучших офицеров,[717 - Среди правительственных потерь во время сражения в Кумамото были императорские знамена 14-го полка, которым командовал майор (а позже — генерал) Ноги. Эти знамена были захвачены сацумским батальоном 22 февраля и отосланы в ставку Сайго. Несмотря на блестящую военную карьеру, говорили, что это бесчестье висело на нем тяжким бременем до конца жизни. Одной из причин его самоубийства в 1912 году считалось то, что 35 лет назад он лишился императорских знамен, чувствовал себя за это в ответе и желал продемонстрировать свою глубочайшую благодарность за снисходительность, проявленную императором Мэйдзи, благородно решившим не наказывать его.] сацумской армии пришлось отойти от замка Кумамото и отступить на юг. Дорогостоящая, изнурительная осада стала для восставших роковой и лишила Сайго даже намека на возможность успеха.[718 - Грандиозность ошибки, допущенной Сайго, была в то время понята. Привожу следующий отрывок из статьи в «Хоти Симбун», перепечатанной «The Tokio Times» от 29 сентября 1877 года:[Бывшие самураи] из Сацума, игрушки в руказ Сайго, являлись самыми надежными воинами старого режима. Так что, когда он уводил их из Кумамото…, многие не сомневались — на чьей стороне будет победа: императорских войск, или инсургентов. Однако, когда Сайго провел много дней, осаждая замок Кумамото, те, у кого было хоть какое-то представление о военном искусстве, стали говорить: «Ах, он сделалал ошибку и поступил не так, как надо было бы.» И, без сомнения, допущенная тогда ошибка стала началом полного и окончательного поражения, которое теперь вылилось в его разгром и гибель. Если бы он полностью проигнорировал замок Кумамото, двинулся прямо на Фукуока в провинции Тикудзэн, послал бы силы в Бунго, а, после такого начала, продолжал бы бороться с той же яростью и энергией, что он выказал в последние недели восстания, результат мог бы быть совершенно иным, чем мы видим сегодня. Однако, стратегия Сайго была полна изъянов, из-за которых, имея под своим командованием лучших и храбрейших воинов страны, он не смог распространить восстание за пределы четырех из девяти провинций своего острова…Писатель делает заключение из своих рассуждений, что, несмотря на то, что Сайго был «в некоторых отношениях замечательным человеком» (весьма смелое заявление для того времени), восстание показало «более чем в достаточной мере недостатки его способностей и военного руководства».]

Сконцентрировав все свои силы на взятии Кумамото, Сайго оставил незащищенной свою основную базу в Кагосима. Это было другим серьезным просчетом, поскольку в свое время город был атакован императорскими войсками и военными кораблями и попал к ним в руки. Силы Сацума продолжали отчаянно сражаться и после отступления от Кумамото, продвигаясь к Кобаяси на юге и по восточному побережью Кюсю; произошел ряд кровавых стычек, однако подавляющее преимущество правительства в людях, оружии и транспорте было теперь самоочевидно. Остававшиеся с Сайго силы были вскоре окружены у Набэока. С небольшим отрядом сторонников ему удалось прорваться сквозь ряды противника, нанеся ему тяжелые потери. 1 сентября ему и его людям удалось пробиться в город Кагосима, где их встретило испуганное и до некоторой степени изумленное население.[719 - Описание Мусякодзи («Великий Сайго», с. 457–58), вероятно, преувеличивает ликование населения по возвращении побежденного генерала. Следует помнить, что частные школы Сайго не имели прямых связей с обычными горожанами, а также то, что, как бы они ни превозносили Сайго в его блистательном поражении, мало кто из

граждан осмелился бы сотрудничать с человеком, которого преследовали, как бунтовщика, императорские силы.]

Армия Сайго уменьшилась теперь до жалкой горстки из нескольких сотен человек, из которых только третья часть была должным образом вооружена. Как и во время большинства гражданских войн, потери с обеих сторон были ужасными. За время семимесячной борьбы против императорской армии, Сайго потерял приблизительно половину своих людей, включая почти всех учеников из своей Академии. Уровень потерь сил правительства был около двадцати пяти процентов, включая шесть тысяч триста убитых и девять тысяч пятьсот раненных. Всего в результате восстания пало около тридцати тысяч человек.

Хотя Сайго и остаткам его сил удалось наконец вернуться в Кагосима, их материальное положение было из рук вон плохо. Они были лишены аммуниции и снабжения, тридцать тысяч правительственных солдат окружало город. Медленно, но верно петля стала затягиваться. После того, как осада продлилась пару недель, Сайго перенес свою ставку в маленькую пещеру у Сирояма — горы к северу от города. Отсюда он и его люди могли любоваться прекрасным видом залива Кагосима и знаменитым островом вулканического происхождения — Сакурадзима. Когда императорские силы изготовились для нанесения последнего удара, Сайго и его ближайшие сторонники провели свои последние пять дней в этой пещере, готовясь к своему концу. После всех потерь и разочарований предыдущих месяцев, это был спокойный период для Сайго Такамори. Он был в приподнятом настроении, не высказывал ни малейшего сомнения в том, что смерть, так часто его избегавшая, стояла теперь на пороге, и проводил много времени за игрой в _го_, обменом поэмами и шутливыми беседами со своими товарищами.

В последний день, 23 сентября, в пещеру прибыл посыльный с посланием от Ямагата, генерала, командующего императорскими силами и бывшего коллеги Сайго в Токио. Этот трогательный и чрезвычайно японский документ цитировался в школьных учебниках по причине прекрасного прозаического стиля и наглядного примера «искренности». Письмо начинается с обращения к предводителю восставших суффиксом _кун_ — формой, использующейся лишь между близкими друзьями: «Ямагата Аритомо, ваш друг. Имеет честь писать вам, Сайго Такамори-кун.[720 - Письмо обширно цитируется у Мусякодзи, «Великий Сайго», с. 471–76.]» Самое трудное в письме для Ямагата было подчеркнуть свое понимание позиции Сайго и выразить бессмысленность продолжения изнуряющей борьбы, а также (хотя постыдное слово «капитуляция» ни разу не было использовано) предложить ему окончить дальнейшее сопротивление, чтобы прекратить ненужное кровопролитие:

… Сколь заслуживает сострадания ваше положение! Я, тем более, горюю над постигшим вас несчастьем, так как понимаю и симпатизирую вам….

Прошло уже несколько месяцев с тех пор, как началось враждебное противостояние. Ежедневно мы несли большие потери. Подчиненные убивают друг друга. Сражаются друг против друга товарищи. Никогда ранее не было столь кровопролитных столкновений, противных устремлениям человечества. И ни один из солдат по обе стороны не имеет ничего против другого. Солдаты Его Величества говорят, что сражаются, выполняя свое воинский долг, тогда как ваши люди из Сацума, по их собственным словам, бьются за Сайго…

Однако, очевидно, что людям из Сацума не на что надеяться ради исполнения своих замыслов, поскольку почти что все из ваших наихрабрейших офицеров убиты или ранены…. Я серьезно прошу вас найти лучший выход из этой прискорбной ситуации как можно скорее, чтобы, с одной стороны, доказать, что настоящая смута не есть ваша истинная цель, а с другой — немедленно прекратить убийства с обеих сторон. Если вы примете удачные меры, враждебность очень скоро прекратится.

Письмо заканчивается типично японской просьбой о понимании: «Я буду чрезвычайно счастлив, если вы поймете мои чувства. Я писал это, борясь с нахлынувшими слезами, и все же не смог полностью выразить в письме все, что у меня на душе». Весьма сомнительно, чтобы генерал Ямагата, хорошо зная своего бывшего коллегу, надеялся на то, что письмо возымеет хотя бы малейшее действие. Просто драма должна была быть доведена до своего эмоционального завершения. Сайго, прочев в молчании этот длинный документ, проинформировал посланника, что никакого ответа не будет.

В ночь на двадцать третье стояла ясная луна. Соратники Сайго воспользовались ее светом для игры на сацумской лютне, исполнения _кэнбу_ (старинного танца с мечами) и сочинения прощальных стихотворений. Типичными из этих стихов, которые, конечно же, были тщательно сохранены, представляются два следующих:

Если бы я был каплей росы, я бы мог укрыться на листке,

Однако, поскольку я — мужчина, для меня нет места во всем этом мире (_вага_ми-но_окидокоро_наси_).

И другое, в более патриотическом духе:

Я сражался за дело императора,

[И знаю, что мой конец близок].

Какая радость — умереть, подобно окрасившимся листьям, падающим в Цута

Еще до того, как их коснулись осенние дожди![721 - Поэмы (Накадзима Такэхико и Хасигути Харуминэ) цитируются у Мусякодзи, «Великий Сайго», с. 477. Западному читателю может показаться странным, что тот, кто вел войска на битву с императорскими силами, был уверен, что в действительности сражается за дело императора (_Кими_га_тамэ_омои_), однако и писатель, и его сотоварищи, ведущей силой которых была «чистая искренность», вероятно, не осознавали этого несоответствия.]

В заключение Сайго обменялся прощальными чашечками сакэ со своими старшими офицерами и другими соратниками.

Решающая атака правительственных сил началась в четыре утра двадцать четвертого числа. Под тяжелым огнем со всех сторон, Сайго и его сторонники начали спускаться с Сирояма. Вскоре Сайго был ранен шальной пулей в пах и не мог идти дальше.[722 - Существует мало сомнений, что он был поражен в паховую область (Inoue, _Meiji_Ishin_, p. 447–48), однако традиционные описания говорят, что он был ранен в бедро и живот, вероятно, считавшиеся более достойными анатомическими частями тела.] Бэппу Синскэ, один из его самых преданных соратников, имел честь поднять грузное тело своего хозяина себе на плечи и снести его вниз с холма. Когда они остановились передохнуть невдалеке от ворот в особняк Симадзу, Сайго произнес свои последние слова: «Мой дорогой Синскэ, я думаю, это место вполне подойдет».[723 - Неудивительно, что существует несколько версий этих последних слов. Большинство из книг, которые я просматривал, дают _Син-дон_моо,_коко-дэ_ё_ка._Син_ — сокращение от «Синскэ», а _дон_ — суффиккс для имени близкого лица в сацумском диалекте. Inoue, _Meiji_Ishin_, p. 448; Мусякодзи, «Великий Сайго», с. 479. Настроение этой сцены совершенно отлично от момента прощания адмирала Нельсона: «Поцелуй меня, Харди!» — равным образом, как и поступок верного Бэппу в отношении своего хозяина.] Затем он поклонился в направлении императорского дворца и разрезал себе живот, а Бэппу, стоявший рядом, одним точным ударом снес ему голову. Оставшаяся часть маленькой группы продолжили свой спуск. Большинство из них было убито, однако нескольким удалось достичь подножия. Среди них был и Бэппу, который, вскричав громким голосом, что их хозяин мертв, и что пришло время и для тех, кто желает погибнуть вместе с ним, бросился на линии неприятеля и был сражен ружейным огнем.

Эта короткая стычка окончилась к девяти часам. Солдаты правительства вскоре обнаружили тело Сайго, но нигде не могли найти его головы. Поскольку идентификация головы предводителя противника имела в японских баталиях традиционное значение, были произведены тщательные поиски, и наконец она была вырыта в том месте, где ее приказал похоронить Бэппу после обезглавливания. С останками предводителя восставших обращались с необычным уважением. Один из командиров правительственных войск прокричал команду своим солдатам, чтобы телу Сайго не было оказано никакого неуважения, и этот приказ скрупулезно соблюдался.[724 - Это был генерал Миёси Сигэоми. См. Утимура, _Дайхётэки_нихондзин_, с. 38.] Большая голова была чисто вымыта водой из бившего поблизости ключа и принесена командующему — генералу Ямагата для осмотра. Держа голову врага в руках и почтительно кланяясь, Ямагата пробормотал: «Ах, какое мирное выражение на твоем лице![725 - _Аа,_окина-но_каоиро_нандзо_сорэ_онко_тару_я_, цит. у Утимура, _Дайхётэки_нихондзин_, с. 38.]»

Рассказывали, что солдаты, стоявшие на месте, с которого был произведен тот фатальный выстрел, были в глубокой печали и все горько плакали, когда пришло время хоронить Сайго.

Знаменитое место погребения Сайго (_Нансю_боти_) в Кагосима — один из самых впечатляющих некрополей в мире, был построен задолго до официальной реабилитации предводителя восставших. Семьсот сорок девять могильных камней разных форм и размеров собраны вокруг простого, удлинненного монумента, воздвигнутого в честь Сайго вскоре после его смерти. Останки двух тысяч двадцати трех последователей похоронены вместе с ним. Среди имен, вырезанных на камнях, посетитель может найти Бэппу Синскэ и брата Сайго — Кохэй; имена людей, пришедших из самых отдаленных провинций на северо-востоке, чтобы присоединиться к его отрядам; имена двоих его самых молодых приверженцев, обоим из которых было по тринадцать лет, убитых в ходе восстания.

Правительство одержало полную победу: почти все восставшие были убиты или совершили самоубийство; многие другие были посажены в темницы и казнены. Редакционная статья в японской газете, вышедшей неделю спустя падения Сирояма, начиналась следующей победной песнью:

Сайго Такамори мертв, и война на юго-западе окончена. Солдатам пришло время возвращаться с триумфальными песнями. Облака тревоги, столь долго нависавшие над западом, рассеялись под воздействием мудрых и энергичных действий правительства и храбрости и настойчивости армии.[726 - «Хоти Симбун».]

Далее в статье подчеркивалась бесперспективность всего восстания: «…единственными его последствиями… стали массовые смерти, разрушения, огромные затраты денег с обеих сторон. Помимо этих прискорбных результатов, ничего не было достигнуто».

В действительности же, действия Сайго имели немало важных последствий, однако все они были диаметрально противоположны тем, которые он предполагал достичь. С одной стороны, выступление против правящей олигархии стало практически невозможным. В дальнейшем никакая группа оппозиции правительству Мэйдзи не могла взяться за оружие во имя императора или восстановления традиционных ценностей. «Если в дальнейшем будут предприняты попытки новых выступлений против высшего авторитета страны, — писал японский наблюдатель того времени, — они должны основываться на чем-то ином, поскольку это старое убеждение в превосходстве меча над конституциями и законами теперь можно считать недееспособным.[727 - Там же.]» Последующие попытки конфронтации принимали форму индивидуальных действий, в основном в форме убийства «неправедных политиканов», или попыток организовать оппозиционные политические партии по примеру Запада, который Сайго наверняка не одобрил бы.[728 - Robert Scalapino,

_Democracy_and_the_Party_Movement_in_Prewar_Japan:_The_Failure_of_the_First_Attempt_ (Berkley, 1953), p. 61.]

Сацумский заговор был, фактически, последней организованной попыткой до 1930-х годов противостоять правительству с помощью силы. Одна из причин этого заключалась в том, что борьба 1877 года продемонстрировала мощь армии, состоящей из призывников. В сражении за сражением новые императорские силы, состоящие в своем большинстве из крестьян, побеждали отборную армию воинов-джентельменов; их победа символизировала конец долгой самурайской эпохи. Востание Сайго было потоплено в крови его последователей-самураев, и самого его описывали, как последнего самурая в японской истории. Еще один символ можно усмотреть в том, что Сацума, последний бастион удельных приверженцев, сопротивлявшийся новому порядку в стране, потерпев полное поражение от центральной армии, состоявшей из крестьян-рекрутов.

Сацумское восстание уничтожило сословие экс-самураев, как потенциальный источник организованного сопротивления, и после этого олигархия Мэйдзи могла уже свободно проводить политику «обогащения страны и укрепления армии», не опасаясь внутреннего сопротивления со стороны твердолобых консерваторов.[729 - В своих заключительных замечаниях по поводу правительственной политики «богатства и мощи» (_фукоку_кёхэй_), Бисли (_Meiji_Restoration_, p, 412) объясняет масштабы сопротивления (кульминационным моментом которого было, разумеется, сацумское восстание), и указывает, что «успех руководства в противостоянии этому вызову задал определенную матрицу японской истории на несколько последующих поколений.»] После поражения Сайго олигархия в Токио, работая в тесном контакте с _дзайбацу_и прочими воротилами большого бизнеса, могла продолжать быструю политику индустриализации и перенимания прочих западных новшеств, которые люди, подобные Сайго, воспринимали с опасением. Восстание в Сацума, подобно выступлению в Симабара за два с половиной века до этого, сыграло вполне на руку правительству, сделав для него возможным идентифицировать, сконцентрировать в одном месте и, наконец, раздавить основной источник оппозиции.

Изо всех токийских политиков, приветствовавших поражение Сайго, никто не должен был так ликовать, как граф Окубо Тосимити, — теперь полновластный руководитель правительства. Окубо часто фигурировал в этой главе: сперва как школьный товарищ Сайго, позже — как коллега-чиновник в удельном правительстве Сацума, как его преданный сподвижник, угрожавший сделать себе харакири, если его друга не вернут из ссылки; затем между ними началась конфронтация, закончившаяся тем, что они превратились в непримиримых врагов. Их сложные взаимоотношения и соответствующие репутации проливают достаточный свет на предмет становления героем в Японии. Окубо родился через три года после Сайго в такой же небогатой самурайской семье, неподалеку от него в Кагосима. Хотя их юношеские пути тесно соприкасались (например, оба они входили в группу молодых самураев, изучавших философию Ван Янмина), а во многих случаях их карьеры шли параллельно, Окубо обычно оставался на выигрышной стороне; так, ему удалось избежать ссылки и прочих трудностей, которые претерпел Сайго, впав в немилось у нового даймё

Оба друга детства были тесно связаны общей решимостью свергнуть режим Бакуфу эпохи Токугава, однако первые же успехи Реставрации Мэйдзи изменили их взаимоотношения. Основные различия в их характерах и взглядах неизбежно должны были привести к разногласиям и, учитывая бескомпромиссную натуру Сайго, к окончательному разрыву. Окубо реально глядел на будущее, что его бывший союзник мог рассматривать лишь как поведение недостойное и неискреннее.[730 - «(Окубо) шел на компромиссы, когда для них не было альтернативы, даже по принципиальным вопросам. В 1873 году он писал: „перенесем стыд, отринем то, что истинно, но добьемся своих целей“». Craig, _Personality_in_Japanese_History_, p. 291. Трудно представить себе другое заявление, которое было бы столь же неприемлемо для Сайго Такамори. Приведем типичные для Окубо аргументы, в результате которых Сайго потерпел политическое поражение во время Корейского кризиса:Если мы допустим развязывание столь масштабной кампании, беззаботно и без должного взвешивания [последствий], мы, по всей вероятности, будем об этом сильно сожалеть… Я считаю это предприятие совершенно недопустимым, поскольку оно никак не учитывает вопросов безопасности нашей страны и игнорирует интересы народа. Это был бы инцидент, случившийся по прихоти индивидуумов, не взвесивших серьезно все возможности и хитросплетения. По этим причинам я не могу принять возражений в пользу этих действий, (de Bary, _Japanese_Tradition_, p. 662.)]

Когда логика эмоций, определявшая всю жизнь Сайго, привела его, наконец, к тому, что он возглавил крупнейшее восстание против режима Мэйдзи, именно его давний коллега Окубо из главной ставки в Киото направлял военные действия против армии восставших. И в этом он продемонстрировал свое обычное умение и эффективность и, как обычно, был удачлив.

Жизнь графа Окубо пришла к внезапному концу менее чем шесть месяцев спустя самоубийство Сайго. Когда он ехал в своем экипаже одним весенним утром 1878 года, на него напала группа экс-самураев-фанатиков, которые, помимо всего прочего, были полны решимости отомстить за смерть Сайго. Из-за этой неожиданной гибели Окубо не смог завершить исполнение тех грандиозных намерений, которые он перед собой ставил. Однако, почти во всех практических смыслах, карьера его была триумфальна. Он был движущей силой политики отмены системы уделов и прочих феодальных институтов, консолидирования эффективного центрального правительства под руководством современной бюрократической системы. Он стремился к технологической модернизации страны, дабы Япония смогла быстро трансформироваться из отсталого конгломерата сельскохозяйственных уделов в индустриализированную нацию, способную противостоять великим державам на равных. Он проводил жесткую политику закона и порядка с тем, чтобы бороться против анархических тенденций периода Реставрации; в 1875 году он провел решительный закон о цензуре и был неумолим в подавлении оппозиции режиму Мэйдзи. То, что эта грандиозная политика была продолжена его преемниками, и то, что фантастические достижения Японии кульминировались в победе над Россией в 1905 году, можно считать посмертным подтверждением его блестящих способностей и провидчества.

И все же, несмотря на свои огромные заслуги перед Японией в ее модернизации и выживании, как державы, Окубо так и не обрел популярности. Он внушал страх, но не расположение. Одной из важных причин этого были его характер и образ действий. Облаченный в модные западные

одежды, с тщательно сделанной прической и щеголеватыми бакенбардами, увешанный медалями, орденскими лентами, шарфами и прочими впечатляющими парафернaлиями мирской славы,[731 - См. Inoue, _Meiji_Ishin_, p. 353 — типичный формальный портрет Окубо Тосимити. Craig, _Personality_in_Japanese_History_, p. 291–96 описывает его характер и облик.] он являл перед своими японскими согражданами формальный, космополитический, в чем то холодный образ; в нем совершенно отсутствовала та запальчивость и грубая простота, делавшие Сайго столь привлекательным. Нам невозможно представить его себе[732 - «Холодная оболочка» личности Окубо, о которой упоминает Бисли (_Meiji_Restoration_, p. 156), обильно дополняется описаниями того времени. Фукути Гэнъитиро, член миссии Ивакура, писал, что общаться с Окубо было все равно, что «встретиться с айсбергом в Арктическом океане», и что «все мои друзья чувствовали то же». В подобном же тоне писал и Ямамото Гомбэй: «Подавляемые его достоинством, мы лишались дара речи и становились как бы меньше.» Передают, что, когда Окубо входил в зал Государственного Совета, его коллеги-советники «понижали голоса и поправляли свои одежды». Craig, _Personality_in_Japanese_History_, p. 2937.] посещающим императорский дворец в деревянных сандалиях, а тем более — уходящим босиком под дождем.

Еще более дисквалифицирующими его, как героя, были прагматизм и расчетливость в достижении политических целей. В школе он уже мог хорошо говорить и был силен в спорах, в противоположность медлительному, молчаливому Сайго. Позже он превратился в проницательного, прагматичного политика, более думающего о практических результатах, чем о средствах, и всегда готового пойти на компромисс, дабы достичь своих целей. По мере того, как Окубо двигался от вершины к вершине, он персонифицировал в себе все бюрократические достоинства эпохи Мэйдзи, явив собой прямую противоположность дикой и непрактичной «искренности» Сайго. Хотя жизни их обоих прервала насильственная смерть, роль Окубо в легенде неизбежно играет мерзавец, практические успехи которого лишь подчеркивают великолепие полной неудачи героя.

В истории многих стран есть времена, когда растущий внутренний беспорядок и боязнь опасности со стороны создают особую необходимость в объединяющем символе в форме национального героя, который внушил бы людям чувство гордости и связи друг с другом, помогая им, таким образом, противостоять их общим трудностям. Такая необходимость стала основной для Японии в начале 90-х годов XIX века, во время сильной внутригосударственной и международной напряженности; она была понята лидерами правительства и другими, у кого была возможность воздействовать на общественное мнение. Как достаточно прямолинейно выразил это один газетчик в 1891 году, «Все мы уже сыты по горло ‘умными людьми’. То, что сейчас нам нужно — это некая мощная, бесстрашная фигура…[733 - «Икадзути Симбун», 4 апреля 1891 года, цит. у Кавабара, _Сайго_дэнсэцу_, с. 45–46. Эта необходимость в национальном герое рассматривается у Кавабара Хироси:.. функции, исполняемые правительством Мэйдзи, были национального плана… и требовали укрепления национального единства и тесной связи. Для этого был необходим человеческий фактор. Они [то есть такие лидеры, как Ито и Ямагата] должны были отыскать символическую фигуру, которая, начав свою карьеру в правительстве клана, (_ханбацу_), вышла бы за рамки как клана, так и своего класса и смогла бы стать символом, представляющим тесное национальное единение (_ёри_киммицу-на_кокуминтэки_иттайсэй_о_хёгэн_суру_симбору_). Кавабара, _Сайго_дэнсэцу_, с. 128.]» Поскольку времена эпических событий, приведших к

свержению сёгуната Токугава и «реставрации» старой императорской системы были еще свежи в памяти нации, и поскольку императорское правительство в Токио было историческим детищем тех событий, вполне логичным было, что фигурой, которая должны была явиться в качестве высшего символа национального самосознания и единства должен был стать один из героев Реставрации, сражавшийся за то, чтобы новый порядок стал возможным.

Необходимость представить какой-то конкретный исторический персонаж в качестве унифицирующего символа привел к созданию цикла легенд, облекающих эту фигуру, и вымыванию тех фактов, которые казались несоответствующими образу, с тем, чтобы грешный человек, реально живший в этом, не во всем праведном, мире, превратился бы в объект беспрекословного почитания, или даже поклонения. Этот процесс одинаков для всех стран мира и для любой эпохи; так было с Мухаммедом в Аравии седьмого века, с Эль Сидом в Испании одиннадцатого века, с Жанной д'Арк во Франции пятнадцатого века, и с Саго Такамори в Японии девятнадцатого века. Со временем исторический персонаж подгоняют под рамки заданной легенды; получаемые в результате фактологические неточности тем более эффективны, поскольку обычно они возникают неосознанно, как реакция на особенности национального характера.

Великий Сайго превратился в объект массового поклонения менее, чем через пятнадцать лет после своей смерти, однако власти постоянно сталкивались с тем неудобным фактом, что формально он все еще считался предателем. Это вызвало необходимость в его официальной реабилитации, которая, как мы уже видели, произошла в 1891 году, когда он был посмертно прощен императором Мэйдзи и повышен до третьего придворного ранга — места в иерархии, обычно сохранявшегося для высших лиц из аристократии. Легендарные преувеличения относительно Сайго на протяжении полувека со времени его самоубийства накапливались по нарастающей, и в написании этого очерка о его жизни мне часто приходилось учитывать то, что широко известные моменты из жизни героя могли быть просто созданы в процессе возникновения легенды.[734 - Кавабара подчеркивает значимость легенд в указании на культурные и политические характеристики людей, и его исследование Сайго Такамори делает особый упор на таких легендах и их значении для понимания японской традиции. Кавабара, _Сайго_дэнсэцу_, с. 13 и далее.]

Поскольку образ героя создается из идеальных представлений людей, каждому он представляется по-своему. Это особенно верно в случае с Сайго, немедленно ставшим идеалом для японцев, принадлежавших к обеим крайностям политического спектра, а также умеренных, располагавшихся посредине. Возникший в ответ на глубокую внутреннюю необходимость в народной массе, легендарный герой еще долго живет после своей смерти; фактически, его полное героическое существование не начинается до тех пор, пока длится его земная жизнь. Как если бы ради того, чтобы еще более драматизировать необходимость в живом герое, после того, как реальный человек уже умер, люди часто продолжают верить, несмотря на все конкретные доказательства противного, что он не мертв, но только исчез на время, и вернется в свой срок, чтобы спасти свой народ, или все человечество. Таким образом возникают фантастические легенды о спасении, в соответствии с которыми Сайго должен был появиться в Японии 1891 году на российском военном корабле для того, чтобы спасти свою страну от иноземной угрозы. У них та

же психологическая основа, что и у средневекового убеждения, что Шарлемань вернется из царства мертвых, чтобы участвовать в Крестовых походах, а также у общехристианского верования во второе пришествие Того, Кто будет «стоять на земле в последний судный день».

В то время, как позитивные черты жизни и характера героя преувеличиваются (или даже полностью выдумываются), менее привлекательные стороны окружаются молчанием и оказываются забытыми до тех пор, пока их не эксгумируют роющиеся в старье историки или поздние поколения. Так, в легенде о Мартине Лютере ничего не говорится о его яром неприятии крестьянского восстания, которое он в достаточной степени сам же и вдохновил; так же и в случае с Сайго Такамори мы слышим о его заступничестве за истощенных работников на сахарных плантациях, но ничего о том, что он ничего не сделал, чтобы помочь им именно тогда, когда имел для этого реальную возможность. Один из результатов процесса создания легенды, с его сложным ходом преувеличений и укорачиваний, — создание психологически неполной и недостоверной персоналии. Так, «более темная сторона» характера Сайго, где было и чувство вины, и необходимость в самоуединении, и вспышки ярости, и склонность обращать эту ярость не только против «продажных» врагов, но также и против самого себя, желая себе гибели, как в легенде, так и в истории обходится стороной. Этому, однако, существуют неоспоримые доказательства.

Приняв за должное тот факт, что в конкретный момент японской истории требовался объединяющий людей национальный герой, и что этот герой вскоре оброс массой легенд, мы все же остаемся перед центральным вопросом: почему из всех значительных личностей годов Реставрации именно побежденный бунтовщик наиболее полно ответил всем требованиям, и как мог такой человек, как Сайго Такамори, представлявший устаревшие, «феодальные» ценности, почитавшийся лишь старомодными и шовинистически настроенными японцами, смог сохранить популярность, несмотря на полное изменение в восприятии эпохи за прошедшие десятилетия? Причиной, разумеется, являются не какие-либо его особые способности. У Сайго не было ни одного из политических или экономических талантов Окубо или Кидо, или военного умения генералов Ямагата и Ноги. В удачных сражениях против Бакуфу он был всего лишь одним из многих выдающихся лидеров, а его сильный характер не был исключением среди членов правительства Мэйдзи. Когда, наконец, он порвал с коллегами и пошел своим путем, результат оказался катастрофическим; это привело к результату, прямо противоположному ожидаемому. И все же именно он, а не кто-либо из других, более удачливых основателей современного японского государства, стал самой почитаемой фигурой того периода, символом сопротивления несправедливостям властей.[735 - Сайго Такамори непосредственно относится к традиции дерзкого _сиси_, «человека духа», выдвинувшегося на первый план в 18б0-х годах, как активный сторонник политики «почитания императора и изгнания варваров.» (Beasley, _Meiji_Restoration_, p. 430.) Прототипом _сиси_ эпохи Мэйдзи был самурай-роялист Ёсида Сёин. Ранние _сиси_ были, в соответствии с несколько идеализированным образом, пылкими молодыми патриотами, готовыми расстаться со своими жизнями, протестуя против несправедливостей властей. Жизнь их проходила на высоком эмоциональном уровне (как и у членов Лиги Божественного Ветра) и была окружена определенным романтическим флером. Кавабара (_Сайго_дэнсэцу_, с. 105) прослеживает психологическую линию перехода от _сиси_ периода Реставрации, через _соси_ («бандитов») движения за «народные права», к головорезам правого крыла (_тайрику_ронин_ и

_уёку_соси_) и, наконец, «молодым офицерам» (_сэйнэн_сёко_) 1930-х годов. Хотя эти группы во многом различаются, общими для них всех героями были бунтовщики типа Осио Хэйхатиро, Ёсида Сёин и Сайго Такамори, которые все встретили мученическую смерть в противостоянии правительству своего времени. Сайго был почитаем особо: члены патриотических обществ брали его имя в качестве псевдонима; Тояма Мицуру называли «Сайго наших дней» (_Има_Сайго_). (Кавабара, _Сайго_дэнсэцу_, с. 137.) Многие из поздних _соси_ и буянистых типов правых группировок, которых Сайго наверняка глубоко бы презирал, часто шатались по улицам Токио, «подражая Сайго», как это стало называться, пытались копировать его одежду и манеры, являя собой недостойную карикатуру на своего героя.]

Вероятно, жизнь Кусуноки Масасигэ являет собой самую близкую аналогию. В соответствии с легендами, и Масасигэ, и Сайго возглавили борьбу ради свержения злодейского Бакуфу и добились успеха в «восстановлении» у власти соответствующих императоров (Годайго и Мэйдзи); позже, однако, оба они пали жертвой своих прежних союзников (Такаудзи и Окубо) и потерпели окончательное поражение от их предательских рук. Весьма знаменательно, что Сайго и его споспешники использовали в качестве пароля слово _кикусуй_ — хризантема — которая была изображена на гербе Масасигэ за полтысячелетия до этого. А легендарная сцена расставания Сайго со своим сыном, когда герой отправлялся в свой последний поход, полностью аналогична прощанию Масасигэ с Масацура, и обессмертилась в песне Сакураи:

Улицы были полны народа, когда Сайго отправлялся в поход. Большинство было уверено в его победе. Торатаро, его сын двенадцати лет, был приведен, чтобы проводить отца. Увидав его, Сайго сказал: «А, ты здесь». Торатаро прошел за ним несколько сот метров, когда он молвил: «Иди домой, мой мальчик», и Торатаро пришлось повиноваться. Приготовившегося к смерти, Сайго, казалось, не волновали самые трогательные моменты жизни.[736 - Мусякодзи, «Великий Сайго», с. 23.]

Уже было сказано, что Сацумское восстание было последней войной с чисто национальным оттенком, знаменовав собой конец героической фазы в японской истории; сам же Сайго Такамори описывался, как последний истинно японский герой.[737 - Кавабара, _Сайго_дэнсэцу_, с. 23.] Разумеется, в современном мире произошли изменения, сделавшие традиционную форму японской героической неудачи анахронизмом, так что трудно представить себе какое-либо значительное возрождение раннего образца. Тем не менее, многие из фундаментальных основ дожили до двадцатого века: во время войны на Тихом океане летчиков-камикадзе называли _кикусуй_, и эти молодые люди почитали «презревшего смерть Сайго» своим духовным предшественником.[738 - de Bary, _Japanese_Tradition_, p. 655.]

Глава 10

«Нам бы только упасть…»

Нам бы только упасть,

Подобно лепесткам вишни весной, —

Столь же чистыми и сияющими!

_Хайку_пилота-камикадзе_из_подразделения_«Семь_Жизней»,_погибшего_в_феврале_1945 года_в_возрасте_22 лет._[739 - _Кикэ_ватацуми-но_коэ._ Токио, 1963, с.38. Летчиком был младший лейтенант Окабэ Хэйити из отряда «Семь жизней» _(Ситисё_бутай)Мз_ многих тысяч бойцов-самоубийц, погибших во время войны на Тихом океане, в ходе изложения этой главы говорится о нижеследующих; все они — если это специально не оговорено — имели звание лейтенант или младший лейтенант _(тюи_или _сёи)_]

…Летательный аппарат был самой простой конструкции и непритязательного дизайна, предназначался для сугубо одной цели. Три твердотопливных реактивных двигателя были установлены в конце фюзеляжа и работали в заключительной фазе полета. [Летательный аппарат] обычно крепился к двухмоторному бомбардировщику «Мицубиси» и запускался на большой высоте на некотором расстоянии от цели. При выходе на атакующую позиции включались реактивные двигатели для последнего пике на высокой скорости сквозь защитный экран к цели.

Описание: Одноместный моноплан со средним размахом крыльев. Конструкция из дерева и мягкой стали. Размах крыльев 16' 15''; длина 19' 18'', вес без груза 970 фунтов, с грузом — 4700 фунтов, вес взрывчатки в носовом отделении 2650 фунтов.

Применение: летательный аппарат может планировать 50 миль со скоростью 230 миль в час после запуска с носителя на высоте 27000 футов. С работающими моторами аппарат пикировал со скоростью 570 миль в час.

Мощности: три твердотопливных реактивных двигателя общей тягой в 1764 фунта за 9 секунд.[740 - Плакат на третьем этаже Музея Науки, улица Выставок, Южный Кэнсингтон, Лондон, ЮЗ 7.]

Так представлено посетителям Лондонского научного музея одно из самых странных и наиболее пикантных видов оружия в истории войн. Поддерживаемый тремя тонкими канатами, он незаметно парит у задней стены на третьем этаже, заслоненненный крепкими «Хаукерами», противолодочными «Спит-файерами» и турбовинтовыми «Глостерами» — небольшой зеленый кокон, меньше, хрупче и проще расположенной неподалеку летающей бомбы У-1, однако, в отличие от своего германского коллеги, приспособленного для транспортировки живого воина к его пламенной цели.[741 - Германская летающая бомба V-1, произведенная в том же году, что и «Оока», описывается как беспилотный средний моноплан с размахом крыльев 17' 8'', длиной в 25' 4?'', боеголовкой в 1870 Фунтов и дальностью полета 150 миль. Будучи технически гораздо более утонченным оружием, нежели «Оока», оно было полностью лишено тех героических коннотаций, что были сопряжены с маленьким японским аппаратом.]

Японцы назвали его «Оока» — «вишневый цветок», являющийся древним символом чистоты и недолговечности.[742 - «… в качестве своего истинного символа самурай избрал нежный цветок вишни. Как лепесток, падающий под утренним солнцем и тихо опускающийся на землю, так же и бесстрашный должен отрешиться от жизни, будучи молчалив и внутренне неподвижен. Eugen Herrigel, _Zen_in_the_Art_of_Archery_ (New York, 1971), p. 106. „Оока“ — китайское прочтение слова _сакурабана_—_„вишневый цветок“, в свое время ставший общим символом всех самоубийственных операций. Полное наименование управляемой бомбы было „Оока дзинрай“, в котором _дзинрай_ („божественный гром“) соотнесено с образом _камикадзэ_(„божественный ветер“).Идея производить управляемые бомбы, чтобы сохранить более крупные летательные аппараты, обсуждалась уже в 1943 году, и летом этого же года планы снаряда с ракетным двигателем, который мог бы крепиться под бомбардировщиком „Мицубиси“ наземного базирования, были представлены в отдел Морской Аэронавтики в Ёкосука. Прототип самоубийственного аппарата „Оока“ был построен в августе 1944 года — за несколько месяцев до того, как вице-адмирал Ониси образовалпервый отряд камикадзе на Филиппинах. Отряд „Божественного Грома“ (Дзинраи бутай) был сформирован под командованием морского капитана Окамура в сентябре 1944 года в целях проверки и тренировок; оружие было впервые использовано в следующем марте. Было произведено несколько моделей „Дзинраи Оока“ (та, что выставлена в Музее Науки, есть „Оока П, Ёкосука МХУ.8“), большинство их было выкрашено в светло зеленый цвет сверху и серый снизу с нарисованным красным цветком хризантемы.] Американцы, для которых предназначалось это миниатюрное произведение, обозвали его «бака [дурацкой] бомбой», — как будто принижая это мрачное оружие они могли избавиться от беспокойства, которое оно инстинктивно вызывало.[743 - „Дурацкая бомба“. _Бака_ (дурак), _бандзай_ и _харакири_—_эти слова почти исчерпывают словарь японских выражений, известных в среде американских военных в период войны на Тихом океане. Подборка весьма знаменательная.]

С точки — зрения здравого смысла в этом действительно было что-то от абсурда. Чтобы сотни молодых пилотов забирались в эти «чудеса» изобретательской мысли — простые деревянные

торпеды с игрушечным фюзеляжем и крыльями-обрубками — чтобы броситься на левиафаноподобные авианосцы и боевые корабли американского флота — это действительно могло показаться предприятием идиотским, даже неправдоподобным для тех, кто был незнаком с древнеяпонской героической традицией и тем ореолом благородства, которым традиция увенчивала безнадежные поступки, на которые толкала искренность побуждений.

Принцип был достаточно прост: по мере того, как обычные средства воздушной войны быстро становились неэффективными, Япония стала внедрять одноместный планер, который транспортировали на большой высоте поближе к цели; затем он «нырял» вниз с безумной скоростью, чтобы взорваться на вражеском корабле. Использование подобных управляемых бомб с человеком внутри позволяло транспортирующему самолету возвращаться на базу в безопасности и быть использованным для иных миссий. Сам же самоубийственный снаряд с тонной тринитроанизола был предназначен для потопления, или, по крайней мере, выведения из строя кораблей вражеского флота, которые медленно затягивали петлю вокруг родных островов; вдобавок к этому, новое тайное оружие должно было ужаснуть и деморализовать иностранцев, которые не были психологически подготовлены к подобным методам ведения боя.

«Оока» был спроектирован так, чтобы его можно было аккуратно пристроить под фюзеляжем несущего самолета, обычно — модифицированного бомбардировщика «Мицубиси G4M2e» называемого в просторечии «Бетти». На протяжении основной части полета к цели камикадзе обычно сидел с пилотом несущего самолета. Когда они приближались к месту, откуда можно было увидеть американские корабли, он говорил свои прощальные слова, отдавал честь, а затем пролезал через бомболюк несущего самолета в тесную кабинку летающего гроба, в которой ему оставалось провести последние минуты своей жизни. Оснащение, сведенное до предельного минимума, включало ручку управления и сигнальную трубу, через которую он мог говорить с пилотом бомбардировщика до момента отделения. Когда цель бывала опознана — обычно на расстоянии около двадцати пяти миль — камикадзе тянул за рукоятку отделения. Его аппарат отходил от днища несущего самолета и начинал планировать с одновременным снижением, набирая скорость до двухсот тридцати миль в час. Приближаясь к вражескому кораблю — быстро растущей точке в океане, он приводил в действие ракетные двигатели, укрепленные прямо за его сидением безо всякой защиты. Они немедленно усиливали тягу, и скорость достигала шестисот миль в час (для тех времен — фантастическая цифра), что помогало сохранить драгоценный груз от вражеских истребителей и заградительного огня. Готовясь к самоубийственному «нырку», пилот увеличивал угол падения где-то до пятидесяти градусов и, предполагалось, что мчась навстречу своей жертве, он держит свои глаза открытыми вплоть до последнего мгновения, поскольку малейшая поправка к курсу могла изменить судьбу его цели.

Первый атакующий удар с помощью «Оока» был нанесен в конце марта 1945 года, когда американский флот готовился к прорыву последней японской линии обороны — укреплений на острове Окинава. 21 числа на рассвете мощное соединение вражеских кораблей, включавшее семь авианосцев (главная цель камикадзе), было замечено в трехстах милях к юго-восток от острова Кюсю. Вице-адмирал Угаки, фанатичный командующий пятым соединением морской авиации, участвовавший во всех операциях с камикадзе с самого начала их разработок, решил, что

пришло время воспользоваться новым оружием и впервые ввести в действие «Отряд Божественного Грома». Сразу же начался типичный для самурайских военных предприятий спор о том, кто поведет атаку. После горячих препирательств честь выпала на долю лейтенанта Нонака — специалиста по торпедометанию. Отряд состоял из восемнадцати двухмоторных бомбардировщиков «Мицубиси», из которых все кроме двух несли управляемые бомбы «Оока» под днищем, и были эскортируемы пятьюдесятью пятью истребителями «Зеро» (до абсурдного неадекватная защита в столь эпохальной миссии). Вскоре рокот барабанов — .звук традиционно предшествовавший отправлению героя на бой — возвестил, что самолеты готовы подняться в воздух. Экипажи бомбардировщиков поспешили на летное поле, а шестнадцать пилотов «Оока» побежали к самолетам-носителям с их маленькими подвесками. Под стандартной летной формой у каждого из них был надет белый шарф; в соответствии с самурайским обычаем, каждый, готовившийся к своему последнему вылету, завязал вокруг шлема белую повязку _хатимаки_— _античный символ решительности и непреклонности. Над ними развевался штандарт соединения — белое знамя, на котором был вышит лозунг ХИ РИ ХО КЭН ТЭН. Эти иероглифы были взяты из знаменитого высказывания Кусуноки Масасигэ:

Неправда [ХИ] не пересилит Правду [РИ],

Правде не победить Закона [ХО];

Закон не пересилит Власти [КЭН];

Власти не победить Небес [ГЭН].[744 - Фотографию отряда и его знамени см. в „Симпу“, фото № 13.]

Последнее, гибельное для Масасигэ сражение, в котором императорские силы были сокрушены вражескими войсками, — вот что, очевидно, вспоминал Нонака, готовясь ступить на борт своего несущего самолета. «Это, — сказал он с улыбкой, — моя Минатогава.» Адмирал Угаки наблюдал с командного поста, а молодые пилоты «Оока» забирались в люки, выкрикивая последние прощания и благодарности за включение их в число участников столь почетной миссии.

В 11:30 сперва самолет Нонака, а затем и другие стали отрываться от земли. Когда взмыл последний, грохот барабанов резко оборвался.

Почти сразу же стало ясно, что это и вправду может стать чем-то вроде битвы при реке Минато. На этой стадии войны оборудование было столь плохим, что лишь примерно половине из эскортирующих самолетов удалось остаться с отрядом. Многие из них вообще не смогли взлететь, тогда как другим пришлось отвернуть из-за неполадок с моторами. Затем, из донесений разведки выяснилось, что силы противника были гораздо более серьезными, нежели предполагалось сначала, и, таким образом, прорваться через их оборонительный заслон будет гораздо сложнее. Вице-адмирал Угаки еще мог вернуть самолеты, но он, очевидно, решил, что после стольких месяцев лихорадочных приготовлений к этому первому запуску «Оока», такой шаг будет иметь разрушительное воздействие на мораль.

Решающий момент наступил в два часа пополудни, когда несущие самолеты были внезапно атакованы приблизительно в пятидесяти милях от цели пятьюдесятью истребителями «Грумман». Пытаясь набрать скорость, пилоты «отстрелили» груз «Оока», но все-таки им не хватало маневренности, а истребителей было слишком мало, чтобы обеспечить достаточное охранение. Американцы яростно набрасывались на один бомбардировщик за другим. Каждый большой самолет, когда его охватывало пламя, вываливаясь из строя салютовал своему ведущему — лейтенанту Нонака, перед тем как по спирали рухнуть в океан. Вскоре были уничтожены все бомбардировщики, на базу удалось вернуться всего нескольким истребителям «Зеро», пилоты которых и рассказали о подробностях трагедии. Бомбардировщик Нонака исчез за облаками, но один из пилотов истребителей сообщил, что видел его позже падающим в волны в объятьях пламени. Попытка атаки 21 марта явилась мрачным предсказанием будущей судьбы последнего оружия, призванного спасти Японию: ни одному из «Оока» не удалось даже приблизиться к цели, не говоря уже о том, чтобы нанести ей какой-либо урон. Когда командующий адмирал Угаки узнал новости, он, как передают, рыдал не скрываясь ни от кого.[745 - О традиционных коннотациях плача в Японии см. Ivan Morris, _The_World_of_the_Shining_Prince_(London, 1964), pp. 145-46.„В Японии… слезы есть выражение естественной эмоциональности, присущей японской чувственности. Слезы также не только выражают горе, но и являются проявлением сильной эмоции, что не исключает, хоть это и кажется парадоксальным, холодной решимости и превосходного хладнокровия.“ (Millot_,_L’Epopee_Kamikaze_, p. 296n).]

После того, как вооруженные силы США начали вторжение на Окинаву, с того же аэродрома были предприняты дальнейшие попытки атаковать с помощью «Оока», в отчаянной надежде, что на этот раз новая тактика оправдает все предпринятые усилия. Главная операция 12 апреля, в которой участвовали 333 самолета, было названа «Кикусуй номер 2», — характерно, что в это название входило упоминание хризантемы — эмблемы Масасигэ. Соединение, в которое входили восемь бомбардировщиков, несших «Оока» пошло на юг по направлению к Окинаве, причем самолеты летели разными курсами, чтобы приблизиться к цели с разных сторон и смутить противника. На центральном командном пункте старшие офицеры взволнованно слушали радиосообщения с самолетов-носителей.[746 - Командующий 5-й воздушной флотилией Накадзима 12 апреля был на дежурстве на авиабазе в Каноя — в день той атаки.] Командующий Накадзима, эксперт по операциям камикадзе, особенно интересовался судьбой некоего лейтенанта Дои, пилота «Оока», недавно окончившего среднюю школу в Осака. Дои выделился на базе, организовав активную деятельность по очистке квартир для улучшения жалких условий жизни в бараках; его немедленной реакцией на извещение о том, что его включили в число участников операции, были слова, обращенные к командующему Накадзима: «Я заказал шесть кроватей и пятнадцать соломенных матрасов. Они должны прибыть завтра. Могу ли я просить вас проследить и удостовериться, что они распределены по квартирам?[747 - „Иногути“, с. 152.]» Сообщения приходили одно за другим с корабля-носителя, на котором был Дои и его зеленая летающая бомба: «Показались вражеские истребители» — за этим первым сообщением вскоре последовало многообещающее «Мы прошли вражеские истребители», затем «Готовимся к отделению „Оока“… Цель — боевые корабли» и через несколько секунд «Отделение!» «Я сам видел все происходившее, — писал командующий Накадзима, — Дои рванулся к кораблю, его скорость резко возросла от ракетной тяги; затем последовало удачное прямое попадание.[748 - Там же, с. 153.]» В действительности же все было несколько по-другому. Лишь одному из восьми

самолетов-носителей удалось вернуться на базу.[749 - Шесть были сбиты после того, как выпустили свой груз, а у одного, предположительно, случились неполадки с мотором, и он разбился на обратном пути.] Так случилось, что это был бомбардировщик, несший лейтенанта Дои, и экипаж смог сообщить подробно о последних часах его жизни. Вскоре после взлета молодой человек заявил, что хочет вздремнуть и попросил разбудить его за полчаса лета до пункта назначения. Он вытянулся на раскладной матерчатой койке и, несмотря на шум и определенную натянутость ситуации, немедленно уснул.[750 - Ёкота Ютака, который должен был управлять торпедой „Кайтэн“, следующим образом описывает свою последнюю ночь перед атакой на борту подлодки- носителя:Каждую деталь происходившего я могу оживить в своем сознании так ясно, как если бы все происходило со мной в этот самый момент. Сейчас я буду отдыхать, чтобы хорошенько выспаться. Назавтра сила будет распирать меня. Никакой противник не сможет будет меня остановить. Мне удалось заснуть мгновенно. Следующий день я встретил, полным готовности. (Yokota, _Suicide_Submarine!_ [NewYork.1962], p.177.)Такого рода сон в последние минуты, которым воины освежали себя, дабы быть полностью готовыми к последнему бою, замечался, похоже, практически у всех камикадзе, что может привести к интересным наблюдениям — особенно для тех, кто страдает хронической бессонницей. Millot в своей книге _L'Epopee_Kamikaze_ на стр. 298 пишет следующее:Ночь была тихой, и все мужчины спали, как если бы назавтра должен был быть рутинный день, без каких-либо иных событий за исключением выполнения повседневных задач. Эта особенность японского темперамента была основной и проистекала из того обстоятельства, что с момента, когда какое-либо решение было принято, каким бы оно ни было, не следует более мучиться размышлениями. Последствия и обстоятельства этого решения принадлежали отныне высшей воле, инструментами которой были эти мужчины.Разделяя восхищение Милло подобным самообладанием, я все же предполагаю, что серьезная, даже „веселая“ самопогруженность в предстоящую миссию являлась более серьезной, нежели любое volonte superieure.Молодой летчик-камикадзе, лейтенант Исибаси, в шутливом письме своим родителям, написанным утром перед своим последним полетом, говорит: „Я проспал прошлую ночь, громко храпя и не увидев даже ни одного сна. У меня ясная голова и обостренные чувства.“ „Симпу“,с. 177.] Когда его разбудили, он с улыбкой заметил: «Быстро летит время, правда?» Затем лейтенант Дои пожал руку командиру корабля-носителя и спустился через бомболюк в свой аппарат «Оока». При приближении к кораблю, избранному целью, он выбрал оптимальную позицию (высота двадцать тысяч футов, дистанция пятьдесят тысяч футов), а затем потянул за рукоятку отделения. В соответствии с тактикой, разработанной для «Оока», самолет-носитель был обязан немедленно удалиться от места действия, однако экипаж сообщил, что видел, как бомба-Дои неслась вниз к своей цели, где затем поднялся столб тяжелого дыма приблизительно на пятнадцать тысяч футов. 'Это не был знак успеха: из официального отчета военно-морских сил США мы знаем, что лейтенант Дои промахнулся, так как ^ ни один из крупных кораблей не был поражен пилотируемыми бомбами в тот день. Этот вылет, однако, дал по крайней мере намек на надежду, поскольку был поврежден один американский эсминец.[751 - Эсминец „Стэнли“ был единственным кораблем, о котором сообщалось, что его поразили снарядом, направляемым самоубийцей 12 апреля. Иногути, с. 154п и John Toland, _The_Rising_Sun_ (New York, 1970), p.700.] Безусловно, эсминцы не были самыми стоящими целями для бомб-самоубийц, однако без этой крупицы удачи высшее имперское командование вполне могло оставить всю затею с «Оока».

Бомбы «Оока», будучи самыми драматичными образцами японской самоубийственной тактики в тихоокеанской войне, ни в коем случае не занимали главного места в эпосе камикадзе.[752 -

Подавляющее большинство самолетов, использовавшихся камикадзе во время войны, были обычными летательными аппаратами. Всего было запущено около 100 летающий бомб „Оока“ (Millot, _L'Epopee_Kamikaze,_ p.358), и воздействие они оказывали скорее психологическое, нежели практическое.] История образования соединений смертников как основной части военной стратегии началась приблизительно3А ПОЛГОДА до того, когда впервые использовались бомбы «Оока». 17 октября 1944 года японские силы на Филиппинах готовились встретить мощную атаку американцев, а из Токио прибыл вице-адмирал Ониси, чтобы возглавить первое соединение морской авиации в Маниле.[753 - Уже 6 октября японцы знали (как оказывается — от русских), что следующее большое наступление американцев будет на Филлипины, и у них было более чем достаточно времени приготовиться к этому (Millot, _L'Epopee_Kamikaze,_ pp. 58, 96).] Два дня спустя он посетил Мабалакат — маленький город где-то в пятидесяти милях к северо-западу от столицы, командный пункт 201 авиационной группы. База в Мабалакате стала местом, где произошло одно из самых решающих совещаний времен войны на Тихом океане.

Главное действующее лицо, Ониси Такадзиро, сделал себе имя в самом начале военных действий, когда он сотрудничал со знаменитым адмиралом Ямамото в планировании нападения на Пёрл-харбор. На императорском флоте он и Ямамото были самыми активными сторонниками авиационной тактики как ключа к японской стратегии в Тихом океане, и они работали в тесном сотрудничестве вплоть до внезапной смерти Ямамото в 1943 году.[754 - Адмирал Ямамото Исороку, главнокомандующий Объединенного военного флота с 1941 по 1943 год, во время войны на Тихом океане был, пожалуй, самым популярным их японских военных лидеров, и не только из-за успешной организации нападения на Пирл Харбор, но поскольку он обладал характером, способным воодушевлять и имел репутацию чистого и искреннего человека. Несмотря на то, что вначале он противился началу военных действий („Симпу“, с. 191), его рассматривали в качестве истинного символа имперского флота, и его внезапная гибель в апреле 1943 года, когда американский истребитель сбил его самолет над Буганвиллем, была грозным знамением. Опасаясь сильного воздействия, которое это известие могло бы оказать на моральное состояние японцев, правительство скрывало его от народа на протяжении более месяца. Уничтожение самолета адмирала Ямамото имело для японцев и еще одно несчастливое значение, поскольку теперь можно было предположить, что американцы раскрыли их код.Хотя репутация Оннси никогда не была столь же высокой, как Ямамото (превосходившего его по возрасту, званию и, без сомнений, таланту), в характерах их было много общего.] Сам Ониси летал на всех-типах воздушных аппаратов; на первом, удачном этапе войны он осуществлял личное, командование в качестве начальника штаба сил наземного базирования воздушными операциями в районе Филиппин и морским сражением у Малайского архипелага. Когда в 1944 году ситуация для Японии стала критической, он был назначен на главную должность в департамент авиации Министерства боеприпасов, и вскоре осознал безнадежную отсталость своей страны в производстве летательных аппаратов по сравнению с неограниченными возможностями противника. Подобно Ямамото, он обладал изощренным и находчивым умом и без сомнения именно в то время стал искать новую форму авиационной стратегии, которая могла бы возместить колоссальную разницу в ресурсах Японии и США.

Относительно центральной роли, которую играл в конце войны вице-адмирал Ониси, известно чрезвычайно мало. На немногих опубликованных фотографиях изображен крупный, с добрым

выражением лица мужчина, с чертам округленными и несколько отекшими. Он, безусловно, не походит на непроницаемых, мрачного вида японских офицеров, глядящих на нас с большинства фотографий того времени. На императорском флоте это была противоречивая фигура с репутацией «одиночки», как и у адмирала Ямамото. Небогатый политик, грубоватый, прямолинейный, бескомпромиссный, он был наделен той простосердечной искренностью, которая столь часто характеризовала героев-нонконформистов японской истории. Подобно Сайго Такамори и более ранним представителям традиции, он подчеркивал важность решительных действий в противовес говорильне, превосходство силы духа над умопостроениями.[755 - „Он ценил людей действия, — пишет капитан Иногути, — людей, относительно которых можно быть уверенным, что они воплотят слова в дела. Он недолюбливал тех, кто просто говорил или спорил на бумаге, не стараясь хоть что-то совершить. При разговоре с ним у всех было чувство, что его проникающий в самую душу взгляд читает самые потаенные мысли“ (Иногути, с. 183).] Опять-таки, подобно Сайго, он был известен, как мастер каллиграфии; он был умелым (хотя и не особенно одаренным) сочинителем трехстиший _хайку._

За мягкой внешностью Ониси скрывалась жесткость человека, много требовавшего от других, но еще больше — от себя. Он был отмечен за свою кипучую энергию и храбрость, граничившую с безрассудством: вице-адмирал Ониси был первым в Японии военным, прыгнувшим с парашютом; часто во время войны он подвергал себя реальной опасности. Практически во всех отношениях он был идеальным лидером для организации стратегии камикадзе.

Хотя Ониси и был признан первым офицером в морской авиации, в коридорах власти он был далеко не столь популярен. Из-за его резкого, даже несколько нетактичного поведения, многие считали его агрессивным, грубым, даже опасным, — типичный выступающий гвоздь, требующий крепкого удара по шляпке.[756 - Вице-адмирал Такаги Сокити дал ему прозвище „глупый адмирал“ _(гусё),_ и вплоть до самого окончания войны это неблагозвучное слово часто использо валось его недоброжелателями в высших военно-морских кругах (Кусаянаги. _Токко-но_сисо_, Токио, 1972, с.21). Говорили, что непочтительная, неортодоксальная манера поведения Ониси вызвала подозрения премьер-министра генерала Тодзё (Кусаянаги, с. 25).]

Однако, среди своих людей, особенно молодых пилотов, его, похоже, любили, а он поддерживал такое к себе отношение, утверждая их в качестве «сокровища нации», объявив своим красивым каллиграфическим стилем, что «Чистота юности возвестит приход Божественного Ветра».[757 - Иногути, с. 180–81.]

Это были молодые люди, чьи намеренные и систематические самопожертвования он предложил на совещании 19 октября. Адмирал устал и плохо себя чувствовал, когда добрался до штаба командования в Мабалакате; необычность совещания, вероятно, только добавила напряжения. Обращаясь к собравшимся офицерам он стал вновь перечислять слишком известные факты о недостатках материальных ресурсов в Японии.[758 - Для тех читателей, которые слишком молоды (или слишком стары), чтобы представить себе общую военную ситуацию конца 1944 года, данное примечание может быть полезным. С триумфального начала в Пирл Харбор и до сражения у

Мидуэя (июнь 1942 года), военные действия шли с подавляющим успехом японцев — гораздо успешнее, чем говорили их самые оптимистические прогнозы. За шесть месяцев они поставили под свой контроль огромную территорию, простиравшуюся от Алеутских островов на севере до Новой Гвинеи на юге, от Индо-Бирманской границы на западе до островов Гилберта на востоке. Поражение при Мидуэе (знаменательное название — букв. „середина пути“) явилось поворотным пунктом. Только в одном бою имперский флот потерял не менее четырех авианосцев, и уже никогда не оправился от удара. После этого противник стал добиваться успеха в сражении за сражением, хотя зачастую и самой тяжелой ценой. В то время как истинные факты скрывались от народа до самого конца, правительство и военные руководители совершенно очевидно знали, что растущий материальный дисбаланс между ними и противником ведет Японию в опасном направлении. По мере того, как с каждым месяцем ситуация на Тихом океане все ухудшалась, стало ясно, что в каком-то пункте придется держать последний рубеж обороны. Им стали Филиппинские острова, которые американцы вознамерились оккупировать в конце октября 1944 года. Сохранить Филиппины было крайне необходимо: японские руководители сделали совершенно правильный вывод, что потеря этих стратегически важных островов будет знаменовать собой проигрыш войны на Тихом океане. 17 октября, в день прибытия на Филиппины вице-адмирала Ониси, головные части американских сил вторжения высадились на острове Салутан у входа в залив Лейте; одновременно мощная армада американских кораблей собралась в Филиппинском море с целью вернуть острова. Для предупреждения вражеских действий, крупные силы специального назначение под командованием адмирала Курита атаковали американские корабли в заливе Лейте.Битва в заливе Лейте — крупное сражение, состоявшее их четырех основных боев — была одной из самых жестоких на море за всю мировую историю (см. Samuel Eliot Morison, _Leile._ Boston, 1958). Она началась в середине октября, и ее результат был полностью противоположен предполагавшемуся. Второй флот адмирала Курита, в который входили главные военно-морские силы Японии в этом регионе, был уничтожен. Являя собой как бы символ случившегося несчастья, „Мусаси“ — один из двух японских гигантских линкоров, на которые возлагалось так много надежд, был неисправимо поврежден; когда он начал медленно погружаться, его командир адмирал Инокути совершил харакири во искупление этой потери. Это эпическое сражение стало свидетелем первого использования организованных отрядов камикадзе, поднявшихся с Мабалаката 25-го, однако было уже слишком поздно, чтобы хоть как-то повлиять на события. В конце дня японцы потеряли еще два линкора, а еще раньше все четыре их авианосца были потоплены вместе с многочисленными крейсерами и эсминцами. Катастрофа в заливе Лейте ознаменовала фактическое прекращение существования имперского флота в качестве боевой силы оперативного реагирования; этот факт, совместно с быстрым исчерпанием запасов бензина и крайней нехваткой самолетов, означал, что впервые со времен Кублай-хана японские острова стояли перед лицом возможного успешного вторжения, что и убедило таких людей, как Ониси и Угаки в том, что лишь необычная, то есть самоубийственная тактика может противостоять превосходящим американским силам.] Поставив кажущуюся неразрешимой проблему, он предложил идею, формировавшуюся в его сознании в последние месяцы: «По моему мнению, есть лишь один способ стать уверенными, что наши недостаточные силы будут эффективными в максимальной степени. Это — образовать боевые подразделения из истребителей „Зеро“, оснащенных 250-килограммовыми бомбами, каждый из которых должен врезаться во вражеский авианосец… Что вы об этом думаете?»

Капитан Иногути — старший офицер из присутствовавших на совещании, так описывал этот момент: «Глаза адмирала буравили нас через стол. Некоторое время никто не говорил ни слова,

но слова адмирала высекли искру в душе каждого из нас.» Решение надо было принимать немедленно, поскольку время быстро истекало. Ответственность перешла к командиру Тамаи, старшему офицеру 201-го авиасоединения, который извинился и вышел из комнаты с целью оценить возможную реакцию самих пилотов. Тамаи вскоре вернулся и сообщил: «Облеченный полной ответственностью перед командованием, я целиком разделяю мнение, выраженное адмиралом; 201-е авиасоединение поддержит его предложение. Могу ли я просить вас оставить на наше усмотрение формирование таранного подразделения?» Ни у кого из присутствовавших офицеров не было возражений. Решение прибегнуть к тактике организованных самоубийств было принято в течении нескольких минут, однако его психологическая основа закладывалась на протяжении многих веков. Менее, чем через неделю первые самолеты с камикадзе поднялись с Мабалаката, чтобы атаковать американский флот. Капитан Иногути так заканчивает описание совещания: «Я хорошо помню выра жение лица адмирала Ониси, когда он молча кивнул в знак согласия. В нем читалось облегчение с некоторым налетом грусти.» Ониси действительно был «отцом» соединений камикадзе, однако в отношении своего «потомства» его обуревали смешанные чувства. Конечно, он знал, что при обычной тактике не оставалось ни малейшего шанса остановить врага. К тому же он придавал особое значение «духовному» аспекту операции, совершенно вне зависимости от того, какой практический эффект она могла принести. В речи, сказанной несколькими месяцами позже перед первым отрядом камикадзе на Тайване, он заявил: «Даже если мы будем побеждены, благородный дух атакующих групп камикадзе убережет нашу страну от разрушения. Без такого духовного настроя за поражением непременно последует разрушение.[759 - 18 января 1945 года, в Тайнане. Иногути, с. 123. Примерно в то же самое время он заметил в разговоре с корреспондентом газеты, что, даже если Япония не сможет выиграть войны, память о тех молодых людях, которые пожертвовали собой ради страны _(сэйнэн-тати_га_кокунан-ни_дзюндзитэ),_ сохранит Японию и японцев от уничтожения. Кусаянаги, _Токко-но_сисо_, с. 17.]»

Такие слова, произнесенные командующим офицером в период, когда «пораженчество» рассматривалось в качестве одного из тягчайших преступлений, могут показаться неким поразительным сантиментом, однако их, безусловно, следует отнести к японской героической традиции, ставившей искренность намерений выше практической действенности. В то же время, нам известно, что Ониси рассматривал операции с участием камикадзе скорее в качестве трагической необходимости, нежели как источник удовлетворения. Однажды утром вскоре после формирования первых подразделений, отсиживаясь в укрытии во время воздушного надета вместе с капитаном Иногути, он припомнил, что похожая тактика рассматривалась и ранее, но что тогда он отказался прибегнуть к ней. «Во время взрывов пулеметных очередей он неотрывно глядел в стенку, а затем продолжил: „Тот факт, что [сейчас] нам приходится прибегнуть [к этому методу] показывает, сколь бедна была наша стратегия с самого начала.[760 - Иногути, с. 70, и Millot, _L'Epopee_Kamikaze,_ p. 143]“ Тут Ониси замолчал, а затем заметил: „А вы знаете, ведь это — отклонение от правильных методов командования“».[761 - „Симпу“, с. 94. Японское выражение _тосоцу-но_гэдо_ (букв. „отклонение от общего“) была переведена как „unorthodox command“ (Inoguchi, p. 70) и еще более свободно — „un precede monstrueuse“ (Millot, _L'Epopee_Kamikaze,_ p. 143).Как и самого Ониси, капитана Иногути устрашила идея самоубийственной тактики, когда она была предложена на начальном этапе войны; он заявил, что „за подобную бесчеловечность придется отвечать перед небом“ (Иногути, с. 170). Теперь, однако, он уже был уверен, что подобные методы оправданны, поскольку в данном затруднительном положении у Японии нет иного выхода.Командующий Накадзима, лично отдававший много приказов о вылете камикадзе

из Мабалаката, никогда не забывал о необычности подобной тактики. „Мои приказания о вылете, — писал он, — являлись всего лишь функционированием внутри системы, а мое присутствие в этой системе было так же лишено рациональности, как и сама система“ (Иногути, с. III). Однако, как мы знаем из истории японских героев, во времена кризисов резонность была далеко не главным критерием.]

Если даже Ониси — основное ответственное лицо, инициатор самоубийственной стратегии, высказывал подобные колебания, то что удивляться тому, что и у других военных руководителей не столь высокого ранга были свои сомнения. Императорская ставка хотя и дала официальное одобрение созданий подразделений камикадзе, однако относилась к этому плану с недоверием. Разумеется, дело было не в каких-то сомнениях гуманистического характера; наличествовало откровенно скептическое отношение к Ониси и недоверие к его новой тактике, однако прежде всего оно проистекало из того, что эта новая тактика шла заметно вразрез к ортодоксальным принципам и установкам, основывавшимся на положении об «огромных кораблях и гигантских пушках» _(тайкан-кехо-сюги)._[762 - Кусаянаги, „Токко-но сисо“, с. 37–39. Относительно различных реакций в Высшем Командовании на энтузиазм летчиков в отношении идеи с камикадзе Милло дает следующий комментарий:„Это спонтанное добровольчество было одновременно и возвышенно, и волнующе. Возвышенно, так как демонстрировало восхотительную ватриотическую веру и решимость; оба эти качества были живительными в те трудные времена. Это было также и волнующим, потому что грозило выйти из берегов иерархических структур.“ _(L'Еорее,_ p. 264).В газетном интервью генерал-лейтенант Ватанабэ Сэй, служивший во время войны командиром морского отряда специального назначения, сказал, что вначале военные упорно выступали против тактики камикадзе: „Мы не видели смысла в потерях жизней и ценного оборудования… Летчики-камикадзе возникли из-за суровой необходимости.“ „Stars and Stripes“, 20th July 1968.]

_С_ течением месяцев, когда атаки камикадзе стали повседневной практикой ведения военных действий, у японских руководителей все более крепла уверенность в их необходимости. Практические преимущества были очевидны. Теперь, когда имперский флот оказался искалеченным, а воздушные силы быстро сокращались, нашелся способ, позволявший пилотам с минимальным опытом, летая практически на любых воздушных аппаратах, нанести ущерб — а, может быть, даже и потопить — кажущиеся неуязвимыми авианосцы — снову американской угрозы с моря. Молодым людям следовало всего лишь подняться в воздух на том самолете, что был под рукой, следовать за своим ведущим в этом полете в один конец, а затем направить свои смертельный груз прямо в цель. Основными к ним требованиями были: молодость, быстрая реакция и, прежде всего, — решимость; в особых же способностях или тщательном обучении необходимости не было. Американцы, будучи неподготовленными к столь необычным методам, не изобрели еще противовоздушных орудий, способных уничтожать самолеты, когда они пикировали на полной скорости, поэтому им приходилось импровизировать, прибегать к маневрированию зигзагом и другой тактике, которая также была далека от совершенства. Присутствовал также и психологический элемент. Военным руководителям Японии удалось себя убедить, что враг будет устрашен силой духа камикадзе. Как оказалось, они сильно недооценили возможность американской реакции и переоценили деморализующее воздействие как «Оока», так и другого «самоубийственного» оружия. Однако в последней отчаянной фазе войны идея того,

что японский дух _(ямато-дамасии)_ явится козырной картой, которая перевесит материальную силу врага, стала элементом веры. Так, в своем обращении к войскам на Окинаве генерал Усидзима настаивал на том, что их основная сила заключается в моральном превосходстве. А та легкость, с которой молодые добровольцы камикадзе были готовы принести в жертву свои жизни, служила как бы драматическим свидетельством этого предполагаемого превосходства.

Первоначальные сомнения руководителей на высоких постах безусловно не разделялись пилотами на Филиппинах, ответивших на призыв Ониси с немедленным энтузиазмом. Сообщали, что все до одного военнослужащие 201-го авиационного соединения вызвались вступить в новообразованный отряд камикадзе с пылким нетерпением; и, хотя аутсайдерам и позволительно задуматься над тем, что случилось бы с тем гипотетическим пилотом-отступником, который предпочел бы продолжать обычные вылеты, относительно общей реакции сомнений нет. Как только стало ясно, что кандидатов для самопожертвововаия предостаточно, следовало избрать командира первой, исторической миссии. Капитан Иногути и старший офицер 201-го соединения остановили свой выбор на отчаянном лейтенанте Сэки, который часто вызывался участвовать в опасных вылетах, — молодого человека немедленно вызвали. Описание происходившего, сделанное Иногути, проникнуто напряженностью атмосферы того времени:

Ночь на, Филиппинах была темной и тихой. Мы сидели в шезлонгах в комнате для офицеров; звук шагов человека, поднимавшегося по ступеням, постепенно утих. Я думал о Сэки, который крепко спал, о том, что ему могло сниться. Раздались быстрые шаги по ступенькам, и в проеме дверей появилась высокая фигура лейтенанта. Он явно спешил — его куртка была не до конца застегнута. Он обратился к командующему Тамаи:

«Вы меня вызывали?»

Молодого человека пригласили сесть, и он опустился на стул лицом к нам. Тамаи похлопал его по плечу и сказал: «Сэки, адмирал Ониси лично посетил 201-е авиасоединение, чтобы представить план, имеющий громадное значение для Японии. План состоит в том, чтобы обрушить наши истребители „Зеро“, нагруженные 250-килограммовыми бомбами, на палубы вражеских авианосцев. Ваша кандидатура предложена в качестве командира атакующего подразделения. Что вы об этом думаете?»

Когда командующий Тамаи закончил, на глазах его были слезы.

Какое-то время ответа не поступало. Уперев локти в стол, зажав голову в руках, сжав губы и закрыв глаза, Сэки сидел без движения в глубокой задумчивости. Одна секунда, две секунды, три, четыре, пять… Наконец он пошевелился, медленно провел пальцами по своим длинным волосам. Затем он спокойно поднял голову и заговорил:

«Вы обязательно должны разрешить мне это». В его голосе не было и малейшей дрожи.

«Благодарю вас», — сказал Тамаи.

Всю следующую неделю шли лихорадочные приготовления отрядов камикадзе в Мабалакате, прорабатывались мельчайшие детали их первого вылета, намеченного на 25 октября. По мере того, как новости распространялись среди других пилотов, срочно формировали другие отряды, особенно в составе Второй воздушной армии, где менее чем за неделю удалось создать несколько собственных ударных отрядов. На этом раннем этапе основная инициатива и детали планирования вырабатывались самими пилотами, а основная роль старших офицеров закдючалась в координации и наблюдении за развертыванием новой тактики. Ранним утром 25-го числа два с лишним десятка человек, отобранных для первой атаки с Мабалаката, быстро позавтракали и выстроились на летном поле, лейтенант Сэки — на шаг впереди остальных, чтобы выслушать первое и последнее наставление от вице-адмирала Описи. По описанию Иногути, адмирал был бледен; когда же он начал говорить, его голос звуча медленно и взволнованно:

«Япония находится в большой опасности. Спасение нашей страны сейчас вовсе не в руках государственных министров, генерального штаба или командиров низшего звена вроде меня. Оно может прийти лишь от воодушевленных молоды людей, таких как вы. Поэтому, от имени сотен миллионов наших сограждан, я прошу у вас этой жертвы и молюсь за ваш успех.» Он умолк на мгновение, затем с усилием взял себя в руки и продолжил: «Вы уже — боги, безо всяких земных желаний… Я буду наблюдать за вашими стараниями до конца и сообщу о том, что вы совершите, при дворе. В этом вы все можете быть уверены.» Его глаза были полны слез, когда он закончил: «Прошу вас сделать все возможное.[763 - Иногути, с. 19 и „Симпу“, с. 48–49. „Сто миллионов“ стало устоявшейся гиперболой с сильными патриотическими ассоциациями. Ср. популярный лозунг военного времени, авторство которого приписывается неистовому генералу Араки: „сто миллионов сердец, бьющихся как одно“ _(итиоку_иссин)._]»

Непосредственно перед взлетом лейтенант Сэки вытащил из кармана ком смятых банкнот и передал их стоявшему рядом офицеру, попросив отослать деньги в Японию в фонд строительства новых самолетов.[764 - Кусаянаги, _Токко-но_сисо_, с. 15–16. Когда эти банкноты (всего на сумму около 2000 иен) пришли в токийское Министерство военного снаряжения, министр Фудзивара взял одну из них в руку и не скрываясь заплакал.] Несколько минут спустя двадцать четыре пилота отправились в полет, из которого не было возврата. Самолет Сэки летел впереди, — он должен был первым поразить свою цель. Несчастной жертвой стал американский эскортный авианосец «Сент Ло», который, пораженный в летную палубу еще одним самолетом-самоубийцей, затонул после серии взрывов, произошедших внутри корпуса.[765 - Детали и фотографии см. у Morison, _Leyte,_ p. 302, opp. Взрывы торпед и бомб на борту „Сент Ло“ были столь сильными, что целые секции летной палубы и некоторые самолеты подняло в воздух на десятки метров.] В этот первый день, самый успешный во всей истории операций камикадзе, — шесть других эскортных

авианосцев США были поражены самолетами-самоубийцами и получили повреждения.[766 - Подробное описание и редкие фотографии приведены у Иногути, с. 56–71. Атака камикадзе 25 числа была лишь частью гиганской битвы в заливе Лейте. Ониси безуспешно пытался отсрочить обреченный выход сил специального назначения под командованием адмирала Курита до тех пор, пока летчики камикадзе не попытаются нанести удар по противнику, однако на следующий день было уже слишком поздно, чтобы предотвратить несчастье (Иногути, с. 71). В своем описании сражения в заливе Лейте Toland _(Rising_Sun,_ pp. 546-72) пишет (с. 568): „Группа камикадзе под командованием Ониси была создана специально для поддержки рейда Курита в залив Лейте“. Это несколько неверно, поскольку Ониси сформировал несколько подобных групп, а его уверенность в том, что тактика самоубийств оставалась единственной для Японии надеждой, имела гораздо более далеко идущие последствия, нежели какое бы то ни было военное действие на Филиппинах или в другом месте.] Сенсационные новости об этой атаке — единственном успехе Японии во времена непрестанных поражений — были немедленно переданы в Токио и доведены до сведения императора. Его реакция, судя по сообщениям Ониси и членов соединений камикадзе, была типично неопределенной. Капитан Накадзима описывал сцену в Мабалакате, когда он приказал всем своим подчиненным собраться на командном пункте:

Когда они собрались, я увидел, сколь высок их духовный подъем, несмотря на круглосуточное напряжение всех сил. Держа в руке [телеграфное сообщение вице-адмирала Ониси], я обратился к ним: «Сообщаю вам слова Его Величества, узнавшего о результатах, достигнутых Специальным ударным соединением камикадзе.» Все вытянулись по стойке смирно, и я зачитал послание адмирала Ониси: «Узнав об этой атаке. Его Величество сказал 'НАДО ЛИ БЫЛО ПРИБЕГАТЬ К ТАКОЙ КРАЙНОСТИ? ХОТЯ, БЕЗУСЛОВНО, ОНИ СДЕЛАЛИ ХОРОШУЮ РАБОТУ'. Слова Его Величества предполагают, что он глубоко озабочен… Нам следует удвоить наши усилия, дабы лишить Его Величество подобных забот. В этом я дал торжественное обещание.[767 - Иногути, с. 64. Я слегка изменил перевод послания императора, в котором в версии г-на Пино было пропущено достаточно важное слово _но._ Императорское послание цитируется в „Симпу“, с. 90, следующим образом: _СОНО_Ё-НИ_МАДЭ_СЭНЭБА_НАРАНАКАТТА_КА._СИКАСИ_ЁКУ_ЯТТА._]»

Очевидно, что сам Ониси интерпретировал комментарий императора, как критику этой новой тактики.[768 - „В ту ночь, — писал командующий Накадзима (Иногути, с. 64), — мой друг капитан Иногути, только что вернувшийся из Манилы, сказал мне: — Услыхав о словах императора в Маниле, адмирал Ониси был чрезвычайно расстроен. Я думаю, что адмирал понял комментарий Его Величества, как критику командующего, ответственного за данные операции“.] Сомнения, которые он вывел из императорских слов, прозвучали эхом его собственных ранних колебаний относительно методов специальных ударных отрядов; вероятно, они предстали с болезненной яркостью перед ним, когда пришло время совершать собственное медленное и мучительное самоубийство.[769 - Ср. чувство вины генерала Ноги в отношении императора Мэйдзи, преследовавшее его всю жизнь.]

Каковыми бы ни были те мысленные оговорки в сознании императора относительно камикадзе, на этой стадии развития не могло быть и речи об отмене столь многообещающего предприятия. В первые недели после той атаки пилоты на Филиппинах установили постоянную процедуру

формирования отрядов камикадзе. Именно в это время были зафиксированы номенклатурные названия новых типов оружия. Многие из принятых наименований заслуживают рассмотрения из-за своих символических соотнесенностей. Предыдущие атаки самоубийственного характера в ходе войны проводились по личной инициативе, спонтанно, и обозначались довольно буквальными, даже грубыми терминами типа «попадание телом», «снаряды из плоти» и «взрывание себя[770 - _Тацамари,_никудан,_дзибаку._ Сперва летчик-самоубийца обозначался выражением _дзибаку_когэки_хикоси_ (букв. „самовзрывающийся атакующий летчик“).]». Однако, теперь, когда намеренное самоуничтожение стало официально признанным в качестве части общей японской стратегии, почувствовалась необходимость в чем-то более впечатляющем и высоком. В одну из ночей после исторического совещания в Мабалакате двое офицеров, подчиненных вице-адмирала Ониси пришли к нему в комнату. Одним из них был капитан Иногути, который и описал эту сцену:

Я поднялся наверх, где отдыхал адмирал Ониси, чтобы доложить об окончании формирования соединения. Я постучался и открыл дверь.

Электричество в комнате было выключено, однако свет от звезд проникал в окно, и я мог видеть очертания застеленной кровати, стоявшей у двери. На протяжении нескольких часов, прошедших после совещания, адмирал Ониси оставался в неосвещенной комнате наедине со своими мыслями и тревогами.

Когда я начал доклад, он встал: «Для специальной миссии отобраны 23 человека, их командиром назначен лейтенант Сэки из Академии. Поскольку это — особая операция, мы хотели бы, чтобы вы [дали название] отряду. Командующий Тамаи и я предлагаем назвать его Отряд „Симпу“».[771 - Предложение было внесено двумя капитанами — Иногути и Тамаи. Иногути, с. 13.]

Слово _симпу_ («божественных ветер») относилось к тайфунам, внезапно, налетевшим в 1274 и 1281 годах, которые (в соответствии с традицией) спасли' Японию от монгольского вторжения. Попытка нападения в ХШ веке была самой серьезной угрозой, которой страна подвергалась в прошлом.[772 - Нашествие Кублай-хана в 1281 году (произошедшее через семь лет после первой неудачной попытки), проводилось объединенными армиями общей численностью в 150 тысяч человек — крупнейшим экспедиционным корпусом за всю мировую историю войн. Много факторов способствовало его провалу (например неспособность китайских и корейских войск создать единый фронт после высадки на Кюсю и эффективность японской оборонительной стены), однако решающим ударом по монголам, безусловно, стал тайфун. Японские религиозные институты — как синтоистские, так и буддийские — немедленно приписали себе заслугу божественного вмешательства, которое представлялось ими в качестве ответа на все те моления, что возносились в храмах и святилищах в самое критическое время. Однако, как говорится, „опасность прошла и все страхи забыты“, и правительство Бакуфу в Камакура весьма скупо раздавало награды. В самое кризисное время тогдашний император Камэяма возносил моления в великом святилище Исэ и, как передают, обещал принести себя в жертву, дабы отвести опасность от нации; ему, однако, никогда не напоминали об этом обещании. Locus classicus фразы

„божественный ветер“ — отрывок из „Нихон секи“, первой официальной хроники (720), включающий стихотворение легендарного императора-основателя Дзимму-тэнно:_Камикадзэ-но__Исэ-но_уми-но__Ооисия…_(„На огромных скалахМоря Божественного Ветра в Исэ…“)Здесь слово _камикадзэ_ является _макура-котоба_ („словом-подушкой“, условным эпитетом), ассоциируемым с Исэ. В конце ХШ века Великое Святилище в Исэ стало особенно важным в качестве центра молений за спасение страны от монгольского нашествия, и, возможно, по этой причине тайфуну, сыгравшему решающую роль, дали название _клмикадзэ,_ традиционно соотнесенное с Исэ.] В 1944 году возникла новая и еще более серьезная опасность, и точно так же, как японцы когда-то молились о божественном вмешательстве и были спасены штормом, уничтожившим вражеский флот, так и теперь, шесть с половиной веков спустя, они вновь искали помощи небес, проявляя себя в жертвенной искренности молодых людей, готовых пасть вместе со своими самолетами на вражеские корабли, дабы охранить свою осажденную родину от вражеских орд. Признав это наименование воодушевляющим и исторически допустимым. Ониси немедленно его принял. Вначале термин _симпу_ относился исключительно к воздушным ударным силам под его командованием на Филиппинах, однако, по мере распространения новой тактики, его стали употреблять шире.[773 - Когда в имперской армии были организованы отряды самоубийц, они отделяли себя от эквивалентных морских, используя наименование _симбу_ („взмах саблей“), которое звучало почти так же, но записывалось совершенно иными иероглифами. Поскольку, все же, отряды самоубийц оставались прежде всего орудием, применяемым на море, слово _симпу_ было всегда более употребимым.] В то время пилотов-самоубийц ни разу не назвали «камикадзе». Это слово, ставшее столь популярным на Западе, а также достаточно ходовым в Японии, употребляясь в отношении горнолыжников, водителей такси и тому подобных сорвиголов, представляет собой иное прочтение двух иероглифов,[774 - Возможно, это может служить комментарием к тому, что система ценностей в Японии последнее время изменяется, но слово „камикадзе“ стало использоваться для определения предприятий глупых и в каком-то смысле донкихотских, а вовсе не опасных. В редакционной статье газеты „Асахи“ от 30 августа 1973 года, озаглавленной „Японцы ищут в озере Лох Несс“, критиковалась крупномасштабная экспедиция, в которой были задействованы подводная лодка, сонары и подводное телевидение, предпринятая затем, чтобы выяснить — существует ли в действительности пресловутое чудовище: „Если уж они собрались потратить 150 миллионов иен, нельзя ли было придумать что-либо более умное? Исследовательская экспедиция камикадзе с горой оборудования, привезенного из дальней Японии в целях рекламы, должна быть очень раздражающей и неприятной для жителей окрестностей Лох Несс.“] в «китайском» произношении звучащих как «симпу». В слове «камикадзе» не было той серьезности и достоинства, которые содержались в его «китайском» эквиваленте, поэтому для героических времен 1944 и 1945 годов оно было совершенно неприемлемо.[775 - В данном случае дихотомия практически та же, что и между вульгарным _харакири_ и важным _сэппуку._ В своих собственных описаниях я предпочитаю использовать „камикадзе“ и „харакири“, поскольку эти слова известны западному читателю, и даже стали частью нашего словаря и, следовательно, представляется несколько претенциозным настаивать на „симпу“ и „сэппуку“.Некоторые авторы (например Nagatsuka, _J'etais_un_kamikaze,_ Paris, 1972, p. 215) предполагают, что термин „камикадзе“ был популяризирован впервые солдатами _нисэй_ американской армии, однако я не нашел ни одного подтверждения этой теории.]

Новое название было впервые официально употреблено в приказе от 20 октября: «201 воздушное соединение образует специальную ударную группу и уничтожит, либо, по возможности, выведет

из строя 25 октября авианосные силы противника в водах к востоку от Филиппин. Группа будет называться Ударные силы „Симпу“…[776 - Иногути, с. 13. Я только изменил перевод слова _тай_ с „подразделения“ на „силы“.]» Полное название звучало «Особый Ударный Отряд Божественного Ветра» [Симпу токубэцу когэкитай], обычно сокращавшийся до «Особые Ударные Силы» [Токкотай]. Слово «особые» в данном случае служило эвфемизмом, заменявшим более точное — «самоубийственные».[777 - Слово _токко_ впервые употребил капитан Дзё Эйитиро — старый приверженец самоубийственных тактик. Капитан Дзё, служивший военно-морским атташе в Вашингтоне, а позже — советником императора, командовал авианосцем „Тиёда“, потопленным американскими самолетами 25 октября 1944 года, и ушел на дно вместе со своим кораблем.]

Названия первых четырех воздушных атак также содержали символические ассоциации, подобно слову _симпу,_ подчеркивая эмоциональную и культурологическую связь с прошлым в которым начали применяться столь неортодоксальные методы ведения военных действий. «Ударные силы, — говорилось в приказе от 20 октября, — должны быть разделены на четыре отряда, обозначенных следующим образом: Сикисима, Ямато, Асахи и Ямадзакура.[778 - Иногути, с. 13.]» «Сикисима» (отряд под предводительством лейтенанта Сэки, который потопил «Сент Ло») — старое поэтическое название Японии; «Ямато» — еще одно традиционное название страны с сильными патриотическими ассоциациями (отраженными, к примеру, в прототипическом имени героя Ямато Такэру), «Асахи» — восходящее Солнце; «Ямадзакура» — цветы дикой вишни, столь важные в самурайской символике. Эти четыре слова составляют костяк стихотворения знаменитого поэта-националиста ХУШ века:

Если спросить людей —

Что есть Дух Ямато в Сикисима (Японии)?

[Ответят]: Цветы дикой вишни,

Благоухающие под утренним солнцем.[779 - Эта _танка_ Мотоори Норинага (1730–1801) звучит следующим образом:_Сикисима-но__Яматогокоро-о__Хито_товаба__Асахи-ни_ниоу__Ямадзакурабана._]

«Цветы дикой вишни, — комментировал лейтенант Нагацука, камикадзе-доброволец, — распространяли свое сияние, а затем безо всяких сожалений опадали, — точно так же и мы должны быть готовы умереть без сожалений ради Ямато — таково значение этого стихотворения».

Традиционный образ цветов вишни стал позже применим к управляемым бомбам, которые стали производиться несколько месяцев спустя. Многие другие названия и термины в словаре самоубийственной тактики имеют исторические коннотации, в частности с Кусуноки Масасигэ — неудачливым героем-роялистом XIV века. Так, герб Масасигэ — цветок хризантемы _кикусуй_ дал свое имя нескольким группам специального назначения и большому количеству индивидуальных операций; позже это стало общим термином для практически всех наземных, морских и

воздушных операций в Битве за Окинаву, которая все более и более принимала характер кульминации самоубийств.

На Филиппинах операции камикадзе были стандартизированы с удивительной быстротой, и вплоть до конца войны все связанные с ними процедуры практически в точности соответствовали правилам, разработанным в то время. Несмотря не неистовость природы этой тактики, в ее проведении не было ничего хаотичного или небрежного. Как правило, пилоты, избранные для очередной самоубийственной миссии, оповещались за один день, хотя иногда известия приходили к ними раньше. Зачитывание имен вызывало сильные эмоции. Немногие избранные знали, что наступил их великий момент в жизни, и теперь можно было ощутить себя полноценными героями, «богами без земных желаний»; другие же пилоты, ожидавшие назначения для такого же самопожертвования, и принужденные теперь ждать, часто реагировали с горькой, даже истерической неудовлетворенностью. Обычно те, кто готовился к отправлению, уже заканчивали свою короткую тренировку и технические приготовления, и в последний день или дни они спокойно оставались в казармах, читали, играли в карты, слушали музыку, писали свои последние письма и прощальные стихотворения. Пилоты редко достигали возраста вступления в брак; те же немногие, у кого были жены, обычно дисквалифицировались для самоубийственных операций. Последние послания их почти всегда были адресованы родителям, иногда они добавляли некоторые личные пожелания, а также, в соответствии с самурайской традицией отправления в последний бой, вкладывали в конверт прядь волос и обрезки ногтей — все, что должно было остаться для их похорон.

Лейтенант Нагацука — один из немногих оставшихся в живых, описывает сцены в казарме, когда он и его товарищи получили приказ о вылете следующим утром. После спора в приподнятом настроении о том, что с ними станет после смерти, Нагацука вернулся к себе на койку и попытался составить свое последнее письмо. Жить оставалось девять часов — так, по крайней мере, он думал. Некоторое время он был охвачен воспоминаниями прошлого и не мог собраться с мыслями. Затем он взял кисть:

«„Мои дорогие родители, [завтра утром] 29 июня 1945 года в семь часов я оставлю эту землю навсегда. Ваша огромная любовь ко мне заполняет меня всего, вплоть до последнего волоска. Именно поэтому так трудно мириться с мыслью, что с исчезновением моего тела исчезнет и эта нежность. Но мною движет долг. Ото всей души прошу вас простить меня за то, что я не смог исполнить все свои сыновние обязанности. Пожалуйста, передайте мою благодарность всем, кто выказывал ко мне дружеские чувства и был ко мне добр. Дорогие сестры, прощайте. Теперь, когда у наших родителей, больше не будет сына, вы должны оказывать им все возможное внимание, покуда они живы. Оставайтесь всегда добрыми и достойными имени японских женщин.“

Мне хотелось писать и писать без конца, но вместо этого я просто написал свое имя и поставил дату: „10 часов утра, 28 июня 1945 г.“ Я вложил в конверт свое завещание вместе с бумажкой, в которую были завернуты „прядь“ волос и обрезки ногтей. Заклеив его, я понял, что все кончено.»

Перед сном пилоты обычно собирали свои деньги, книги и другие личные принадлежности, которые им были не нужны в полете и дарили их остающимся друзьям. Свою последнюю ночь большинство из них спало мирно. Просыпались они вскоре после рассвета, тщательно умывались и в последний раз надевали лётные костюмы; вокруг шлемов они повязывали кусок белого полотна, украшенный (в зависимости от подразделения) рисунком хризантемы _кикусуй_, восходящим солнцем, или иным воодушевляющим лозунгом типа СЕМЬ ЖИЗНЕЙ. «В свой последний вылет, — писал лейтенант Хаяси своей матери, — мы наденем наши обычные летные костюмы и головную повязку с восходящим солнцем. Белоснежные шарфы придадут нашему облику внушительность».[780 - Иногути, с. 204. Последнее письмо лейтенанта Хаяси включено в „Симпу“, с. 177–79; перевод есть у Иногути, с. 203–207.] Иногда пилот снимал свой белый шарф непосредственно перед посадкой и дарил его на память товарищу. Многие из истребителей-камикадзе носили _сэннинбари_ — «пояса с тысячью стежков». Такие пояса с любовью готовили им матери, которые выходили на улицы и просили молодых девушек — тысячу человек, чистота которых должна была составить ритуальную ценность пояса — сделать один стежок. Для пилота в его последние часы _сэчнинбари_ служили успокоительным талисманом. Так, лейтенант Мацуо Томио, взорвавший свою бомбу «вишневый цветок» в двадцать один год, написал в прощальном стихотворении:

Теперь, — отправляясь в последнюю атаку,

Я никогда не почувствую себя одиноким,

Так как, пояс моей матери

Надежно повязан на мне.

Краткая церемония проводов обычно проходила вне казарм, или на самом летном поле, где на длинных столах, накрытых белыми полотнищами, устанавливались фляжки с холодным _сакэ_ и тарелки со скромной едой типа сушеной каракатицы. Офицер — командир подразделения наливал каждому из отправлявшихся пилотов по очереди церемониальную чашечку. Принимая ее, пилот делал поклон, Почтительно подносил ее обеими руками ко рту и выпивал, — то, что он получал, не было «глотком для храбрости» в западном стиле, но, скорее, чем-то ближе к Последнему Причащению.[781 - На фотографии (№ 3 в „Симпу“) изображен сам вице-адмирал Ониси, наливающий молодому летчику церемониальную чашечку _сакэ,_ а тот стоит в почтительной позе с поднятыми руками, пока другие летчики ожидают своей очереди. В последние месяцы войны, по мере нарастания общего хаоса, _сакэ_ зачастую заменялось простой водой, а иногда из-за недостатка времени приходилось отменять и всю церемонию. „Симпу“, с. 187.] В дополнение пилотам часто выдавали с собой в самолет маленькие коробочки с обедом _(бэнто)_ — это делалось, скорее, для психологического успокоения, а не ради того, чтобы пилоты могли напоследок перекусить. «Нам дадут сверток с бобовой массой и рисом, — объяснял лейтенант Хаяси. — С таким хорошим завтраком улетать спокойнее. Я думаю, что возьму с собой еще сушеного бонита от господина Татэиси. Бонит поможет мне подняться на поверхность океана, мама, и приплыть к вам.»

В 1945 история об этом последнем завтраке была очень популярна среди пилотов-камикадзе и, хотя ее детали представляются несколько апокрифичными, она трогала их до глубины души. Вот версия, изложенная лейтенантом Нагацука:

По словам офицера, нами командовавшего, в тот год император отказался праздновать Новый год обычным способом. Правительственные лица и высшие военные командующие, которые обычно появлялись в своих пышных парадных одеждах, чтобы засвидетельствовать свое почтение по этому случают не были приглашены. В полдень адъютант принес Его Величеству белый деревянный поднос с чашей сваренного риса и красными бобами, кусочком жаренного морского леща и фляжкой _сакэ._ Весьма скудно! «Ваше Величество! — почтительно сказал он, — вот то, что дается нашим пилотам-камикадзе перед моментом их славного отправления». — Император взглянул на него глазами, полными слез. Затем он резко встал и вышел из комнаты, не притронувшись ни к одному из блюд. Около часа он бродил в одиночестве по саду, который в то время пришел в запустение и покрылся сорной травой. Без сомнений, он размышлял о будущем своей страны, а также — об искренности и патриотизме пилотов-камикадзе. «В этом году, — сказал нам наш командир, — свое почтение Его Величеству выразили только бойцы камикадзе…».

До того, как пилоты садились в самолет перед своим последним вылетом, командующий офицер говорил короткую прощальную речь, заканчивавшуюся обычно наказом сделать все, что в их силах.[782 - Например, _сиккари_яттэ_куру._ „Симпу“, с. 180.] Их товарищи, пришедшие на проводы, запевали какой-либо старинный военный гимн, начинавшийся, к примеру так:

Если я уйду в море,

То вернусь трупом, вымоченным в соленой воде…[783 - Гимн имперского флота, мрачные слова которого были взяты из стихотворения Отомо-но Якамоти (умер в 785 году). См. Иногути, с. 50.]

Когда летчики камикадзе забирались в самолет, наземная команда махала им руками и отдавала честь. Эти люди обычно работали днем и ночью напролет в самых стесненных условиях, чтобы подготовить самолеты к вылету. Из-за частых американских бомбовых налетов, орудия самоубийства приходилось прятать в лесных чащобах до того времени, когда с них снимали камуфляж и срочно готовили к действию.

Капитан Накадзима описал одного преданного механика на аэродроме в Мабалакате, в поведении которого, похоже, проявились те душевные черты, что отмечались среди японского народа на протяжении этих месяцев со столь повышенной эмоциональностью:

Был один ремонтник, который непременно тщательнейшим образом чистил и полировал кресло пилота в каждом самолете камикадзе, какой ни обслуживал. По его суждению, кресло было для пилота гробом, и в этом смысле на нем не должно было быть ни пятнышка. Один из тех, кому была оказана эта услуга, так приятно удивился, что позвал и поблагодарил своего благодетеля, сказав, что чистота в самолете очень много для него значит. Глаза ремонтника помутнели от слез и, не будучи в состоянии что-либо сказать, он бежал рядом с самолетом, выруливавшим на дорожку, держасъ рукой за плоскость крыла.

После того, как пилоты прощально взмахивали рукой со своих мест, самолеты быстро, один за другим взлетали. Обычный состав атакующей группы камикадзе был следующим: три самолета-самоубийцы, один истребитель сопровождения и один «оценочный» самолет. Обязанностью сопровождения было охранять пилотов-самоубийц от вражеских перехватчиков всеми возможными способами, включая всяческие увертки и пируэты, и довести их в целости до цели. Пока атакующие не приближались к американским кораблям, заряды не ставились на боевой взвод с тем, чтобы пилоты, не нашедшие своей цели, смогли вернуться на базу и подождать благоприятной возможности, однако позже в ходе войны, была снята даже эта теоретическая возможность остаться в живых, поскольку, как правило, взрыватели ставились на боевой взвод сразу же после взлета, и самолеты не могли приземлиться, не взорвавшись.[784 - Причина подобного изменения в процедуре заключалась в том, что механизм часто заклинивало в самый последний момент, и он не мог быть вовремя исправлен; также, как оказывается, некоторые пилоты, находясь в возбужденном состоянии от предстоящего, забывали поставить свои бомбы на боевой взвод и, таким образом, их попадание было безрезультатным (Millot, _L'Epopee_Kamikaze,_ p. 163). „Вероятно также, — пишет капитан Иногути, — что та самая сконцентрированность летчиков исключительно на точное попадание, и мешала им сделать самый важный шаг на пути к их цели“ (Иногути, с. 96). Ко всему прочему, критическая нехватка нефти в последний период войны привела к решению заправлять самолеты камикадзе только для полета в одну сторону.]

Приближаясь к своим целям, атакующие разбрасывали в воздухе фольгу, чтобы создать помехи работе вражеских радаров, а затем вытаскивали чеку, после чего начинали вращаться бомбовые пропеллеры.[785 - Toland, _Rising_Sun,_ p. 716.] Когда корабли были уже хорошо видны, ведущий пилот делал небольшой) вираж, поднимал руку и давал сигнал: «Все самолеты — в атаку!» Каждый определял свою цель и атаковал — либо с очень большой, либо с очень малой высоты.[786 - При атаке с больших высот летчик начинал пикировать приблизительно с 20000 футов; при приближении с низких он летел приблизительно в 35 футах над поверхностью воды, затем поднимался где-то на 1300 футов и врезался в корабль. Иногда для введения противника в заблуждение различными самолетами применялись оба этих способа. Средняя высота, позволившая бы большую аккуратность, была невозможна из-за перехватчиков и зенитного огня. Иногути, с. 91–92.] Стараясь вести / самолет как можно аккуратнее, он целился в самую уязвимую

часть корабля. Для тех удачливых пилотов, чьей целью были авианосцы, желательно было попасть в подъемник на летной палубе, однако такая точность была чрезвычайно редкой.

Смерть наступала мгновенно, в момент удара, когда и самолет, и пилот исчезали в могучем взрыве. Это было яркое пламя славы, «великолепная смерть» _(риппа-на_си),_о_ которой они столь часто писали в своих письма и дневниках. Однако, реальные земные последствия были далеко не столь красивы. Типично мрачная картина после атаки наблюдалась на борту легкого крейсера «Монпейе», который утром 27 ноября 1944 года стал целью не менее чем восьми самолетов камикадзе из Мабалаката, однако каким-то образом умудрился остаться наплаву. Как только была дана команда «отбой», экипаж приступил к неприятным обязанностям по очистке палубы.

После того, как моряки сбросили за борт груду металла, оставшегося от атаковавших корабль самолетов, они принялись поливать палубы из брандспойтов и вскоре вода стала красной от крови. То там, то здесь они находили ошметки плоти и другие останки тел японских пилотов, — языки, обрывки черных волос, куски мозга, руки, ногу. Один из моряков торжествуя отрубил палец и снял кольцо. Вскоре палубы очистились.

В то же время самолеты эскорта, сделав все, что они могли, для успешного выполнения задания, пытались вернуться на базу сквозь шквал заградительного огня, уходя от преследования перехватчиков. Детальный отчет о проделанном немедленно отсылался с базы главнокомандующему морским соединением, который, вне зависимости от результатов, представлял погибших пилотов к следующему воинского званию.[787 - Члены отряда Сикисима были повышены в звании адмиралом Тоёда 12 ноября 1944 года; после этого посмертные повышения стали обычными для всех камикадзе, погибших во время задания. Тот факт, что повышения относились к ним и ни к кому другому, к тому же — автоматически, подтверждает, что они официально признавались героями вне зависимости от удачного или неудачного результата операции.] С западной точки зрения такие посмертные почести могут показаться несколько неудовлетворительной формой компенсации за отданную жизнь, особенно если учитывать, что никто из камикадзе до этого не получал никаких наград или повышений. Однако для молодых людей сознание того, что после смерти они будут официально признаны, утверждало их в героическом статусе и, без сомнений, служило в качестве дополнительного побудительного мотива в их последние часы.

Вылеты камикадзе с Мабалакага и других аэродромов на Филиппинах продолжались до января 1945 года, покуда не осталось ни одного действующего самолета. С 26 октября па б января рейды проходили ежедневно; всего в воздух поднялось около пятисот самолетов-самоубийц. Оставшиеся в живых пилоты пребывали в глубочайшем отчаянии, поняв, что больше вылетов не будет, и теперь им придется в качестве обычных пехотинцев всего лишь сражаться в арьергардных боях в горах. Однако, утром шестого числа оказалось, что ремонтные команды, работая всю ночь напролет, подбирая кусочки и остатки из того, что валялось вокруг летного поля,

смогли каким-то чудом собрать пять самолетов «Зеро». Капитан Накадзима, на чью долю выпала незавидная обязанность отбирать пилотов для этого последнего вылета, вспоминал:

Ввиду особых обстоятельств, теперь, когда 201-е воздушное соединение практически перестало существовать… вместо того, чтобы просто назначить пилотов на этот день… я решил вызвать добровольцев. Я приказал всем пилотам собраться перед укрытием. Когда они собрались, я обратился к ним, описал наше положение и рассказал, у какую великолепную работу проделала ремонтная команда, подготовив пять дополнительных самолетов,

«Их состояние далеко не блестяще, — заметил я. — Собственно, два из них не могут _J_ нести 250-килограммовые бомбы, поэтому их снарядили двумя 30-килограммовыми… С отправкой этих самолетов для нас закончится сражение в воздухе, и все мы продолжим действия в полевых войсках. Планируя эту последнюю особую атаку, я хотел бы узнать ваши пожелания.»

Тут я замолчал, давая им время подумать. Когда стало ясное, что они осознали сказанное, я продолжил: «Тот, кто желает добровольно принять участие в сегодняшней вылете — поднять руки.»

Я еще не успел договорить до конца, как все до единого подняли руки высоко в воздух и каждый выкрикнул: «Здесь!», сделав шаг вперед… Я сделал глубокий вздох и постарался придать своему лицу нахмуренный вид, чтобы скрыть переполнявшие меня эмоции.

«Поскольку все вы так хотите полететь, мы прибегнем к обычной процедуре назначения. Разойдись!»

Когда я повернулся, чтобы войти в укрытие, несколько пилотов подбежали и, хватая меня за руки и рукава, говорили: «Пошлите меня! Пожалуйста, пошлите меня! Пошлите меня!» Я обернулся и крикнул: «Каждый хочет полететь. Не будьте такими эгоистами!»

Это заставило их замолчать, и я зашел в укрытие, чтобы посоветоваться с командующим воздушным соединением относительно составления этого последнего списка.

У нас не было различия во мнении относительно того, кто возглавит это отряд. Не так давно лейтенант Накано был госпитализирован в Маниле с туберкулезом. Выйдя из больницы, он сказал мне: «Сейчас я выздоровел, однако нет гарантий, что не будет рецидива. Если бы я излечился навсегда, я бы мог ждать своей очереди в установленном порядке. Однако, если болезнь

вернется, для меня больше не будет шанса вернуться на службу. Поэтому пожалуйста, пошлите меня на задание при первой же возможности.»

Помня о его просьбе, я собирался отправить его в полет на короткое расстояние, чтобы его силы сохранились до конца. Данное задание не должно было быть особенно затяжным, и это был последний шанс. Учитывая все эти факторы, я решил, что Накано является идеальным человеком на должность командира отряда…

Все это время продолжались вражеские налеты, и мы почти не могли выйти из укрытий. Корабли противника просто кишели в заливе Лингае; высадка должна была произойти с минуты на минуту.

Готовясь к отправке (порядковый номер 1645), с пяти самолетов, спрятанных в разных местах поблизости от аэродрома Мабалакат, сняли камуфляж и прогрели моторы. Столь тщательно и с энтузиазмом проводившиеся тренировки оказались полезными. Пилоты двигались быстро. Как только покатился первый самолёт, за ним сразу же последовали остальные.

Летное поле было испещрено воронками от бомб, однако, следя за сигналами, которые я подавал руками, самолеты были умело выведены на стартовую позицию. Когда я взмахнул правой рукой, командуя взлет, лейтенант Накано приподнялся в кресле и закричал: «Командир Накадзима! Командир Накадзима!»

Испугавшись, что у него что-то не в порядке, я подбежал к его самолету, узнать о неполадках. На его лице была широкая улыбка, когда он прокричал: «Спасибо вам, командир, большое спасибо…» Понимая; что в любой момент могут появиться вражеские самолеты, и что терять нельзя ни секунды, я, не говоря ни слова, дал команду взлетать.

Самолет Накано с ревом устремился вперед. Когда со мной поравнялся второй самолет, его мотор на мгновение сбросил обороты, и пилот крикнул: «Командир! Командир!» Я. яростно махал ему, чтобы он быстрее взлетал, но сквозь шум донеслись его прощальные слова: «Спасибо за то, что вы выбрали меня. Я притворился, что не слышу этого, но слова разрывали мне сердце.

Сцена повторялась, по мере того, как каждый пилот проезжал мимо меня: третий… четвертый… пятый — каждый сказал одно и то же…[788 - Иногути, с. 111–13.]

Это была прощальная песнь операций камикадзе на Филиппинах. Всем пяти самолетам удалось прорваться сквозь заграждения вражеских перехватчиков и долететь до мощного скопления

американских военно-морских сил в заливе Лингае. Их сопровождал один самолет наблюдения, делавший фотографии атаки. Это свидетельство, однако, исчезло, и высшее имперское командование уверило себя, что нападение прошло успешно; в действительности же лишь один американский корабль был потоплен Накано и его сотоварищами — и был это всего лишь скромный миноносец „Лонг“.

Жертвы сотен камикадзе не смогли спасти Филиппин, и теперь адмиралу Ониси было приказано перевести ставку на Тайвань. Он взял с собой все документы, касающиеся камикадзе, дабы сохранить их для будущих поколений.[789 - Millot, _l’Epopee_Kamikaze_, p. 192. Большинство этих документов, включая личные бумаги Ониси, были уничтожены во время бомбардировок.] Вражеские войска продвигались все ближе к родным островам, а Ониси был убежден, что то, чему не удалось осуществиться на Филиппинах, будет испробовано с еще большей решимостью на Тайване. Царил все нарастающий дух поспешности; первые отряды камикадзе поднялись с Тайваня всего через два дня после их формирования, и с этих пор вылеты шли один за другим. Тренировочный период пилотов для самоубийственных атак был сокращен всего до десяти дней. Все внимание теперь уделялось процедурам взлета и тарана, тратить время на то, чтобы обучать технике посадки, было уже роскошью.[790 - Несмотря на отчаянные усилия Ониси и его летчиков, ни один американский корабль не был потоплен, или даже „объявлен потопленным“ летчиками-самоубийцами с Тайваня, и лишь три корабля были повреждены. Иногути, с.223.]

Подобно умирающему пациенту, ослабевшее тело которого поражается все новыми и новыми приступами, Япония быстро теряла последние оборонительные силы, которые могли бы спасти ее от полного поражения, или, по крайней мере, отдалить последние часы. Тактика шквальных нападений камикадзе была шагом отчаяния» Ударные группы адмирала Ониси на Филиппинах были первыми официально созданными командами самоубийц, однако тактика намеренного самопожертвования часто использовалась на ранних этапах войны, в частности — в самом ее начале, когда адмирал Ямамото послал в Пирл Харбор пять «карманных» подводных лодок в общем плане нападения 7 декабря. И хотя этих подводных карликов официально не называли оружием самоубийц, относительно судеб их экипажей ни у кого не было сомнений. Четыре из пяти были немедленно потоплены — как оказалось безо всякой пользы для нападавших. Позже «карманные» подлодки использовались в неудачной атака на Сиднейскую гавань, и только после этой бесплодной попытки Имперский флот решил прекратить использование подводных самоубийственных средств. Однако, несмотря на то, что течение военных действий стало резко неблагоприятным, японцы вновь прибегли к самоубийственной тактике и ее орудиям. Сперва эти действия были индивидуальными и обычно импровизированными — в соответствии с необходимостью момента, когда становилось ясно, что обычные методы не применимы. Задолго до того, как отряды камикадзе стали существовать в умах, пилоты Имперского Флота использовали тактику «удара телами» в воздушных боях с В-2 и другими вражескими бомбардировщиками. Первый зафиксированный документально таран произошел в мае 1943 года, когда сержант Ода намеренно столкнулся на своем маленьком истребителе Ki-43 с американским В-17, и смог своим самопожертвованием спасти — так, по крайней мере, говорит традиция — весь японский конвой, — героический поступок, за который посмертно он был повышен в чине на два ранга.[791 - Nagatsuka, _J'etais_un_kamikaze,_ p. 147–48.] Когда выяснилось, что лобовые таранные атаки не приносят эффекта, морские пилоты, действуя по

собственной инициативе, стали нападать на огромные вражеские самолеты, стараясь перерубить своими пропеллерами его рули. Несмотря на фантастически трудный маневр по сближению с рулями на высокой скорости, избегая одновременно огня вражеских пушек и опасность от его пропеллеров, этот способ «стрижки» помог многим японским пилотам сбивать вражеские бомбардировщики.

Самоубийственные атаки на американские корабли впервые начались со сражения за острова Санта Крус в сентябре 1942 года, когда командир эскадрильи японских бомбардировщиков намеренно спикировал на высившуюся массу авианосца «Хорнет» и врезался в его летную палубу, где и взорвались его две бомбы. Несколько часов спустя «Хорнет» затонул, хотя это, скорее, было результатом удачной торпедной атаки, чем падением самолета.[792 - Toland, _Rising_Sun,_ p. 406; Nagatsuka, _J'etais_un_kamikaze,_ p. 69–70.] Первая спланированная операция такого рода была проведена лишь два года спустя (12 сентября 1944 года), когда группа армейских пилотов приняла собственное решение спикировать на американские авианосцы у островов Негрос. Пара истребителей, оснащенных двухсотфунтовыми бомбами, взлетела перед рассветом, и никто больше о них никогда не слыхал, — вероятно их сбили еще до подлёта к цели.[793 - Toland, _Rising_Sun,_ p. 568n. Столь же безуспешным оказался и вылет первого летчика-камикадзе ВМС, контр-адмирала Арима Масафуми, который поднялся с Филиппин 15 октября 1944 года, намереваясь направить свой самолет во вражеский авианосец, но был сбит до того, как смог протаранить свою цель — „Франклин“. О героическом примере Арима передали по Токийскому радио, и, судя по сообщениям имперского флота, „это зажгло яростное желание подражания в его людях.“ Ср.: Morison, _Leite,_ p. 166; Kusayanagi, _J'etais_un_kamikaze,_ pp. 35–36; Millot, _L'Epopee_Kamikaze,_ pp. 101-4.13]

Не только пилоты, и даже не только военные реагировали отчаянием самоубийств на агонировавший ход событий. В сражении за сражением, от Алеутских островов до Гуадалканала японские солдаты избегали пленения, участвуя в яростных самоубийственных атаках, которые американцы называли «нападениями _банзай»._ Вероятно, самые жуткие события происходили на острове Сайпан в июле 1944 года.[794 - Опасаясь неблагоприятного воздействия на настроение общества, японское правительство выжидало девять дней, прежде чем объявить о падении Сайпана.] Когда организованное военное сопротивление стало невозможным, приблизительно три тысячи солдат, большинство из них вооруженные лишь штыками и палками, бросились против концентрированного пулеметного огня американских морских пехотинцев и были скошены до последнего человека. Временами тела японских солдат громоздились так высоко, что морским пехотинцам приходилось переносить пулеметы на новую линию огня — а уже приближалась новая волна наступавших. Особое тяжелое впечатление производила группа раненных солдат, большинство из которых было обмотано бинтами и опиралось на плечи товарищей, выползавших из госпитальных палаток, чтобы принять участие в последней самоубийственной атаке. Иногда целые подразделения японских солдат становилось в ряд на колени, и их обезглавливали командиры, которые затем по очереди совершали харакири; сотни других солдат убивали себя выстрелом в голову, или — чаще — подрывали себя ручными гранатами. Продвигаясь по залитому кровью острову, морские пехотинцы становились свидетелями все новых сцен массовых самоубийств, кульминация наступала, когда сотни японцев — гражданских лиц, включая большое количество женщин с детьми на руках, бросались вниз со скал, или выбегали из прибрежных

пещер и топились в море, только бы не подвергнуться унижению плена. Эта «саморезня», вероятно, самая ужасная в мировой истории со времен массового самоубийства евреев в Масаде, продолжалась три дня и три ночи; когда наконец адмирал Спруанс смог объявить, что на острове «безопасно», в живых осталось менее тысячи японцев из первоначальных тридцати двух, и вряд ли хотя бы один солдат стал военнопленным.[795 - Среди немногих „пленных“ было несколько детей, отделенных от своих семей. Американские морские пехотинцы, бывшие свидетелями ужасной смерти их родителей, относились к ним с особой теплотой. Millot, _L'Epopee_Kamikaze,_ pp. 73–75.]

Катаклизм на острове Сайпан привел к отставке премьер-министра генерала Тодзё, единственного руководителя, самым непосредственным образом ответственного за то катастрофическое положение, в котором оказалась Япония. На его место пришел другой военный — генерал Коисо. Несколько месяцев спустя новый премьер-министр публично признал в одном из классических высказываний той войны, что «развитие военных действий на Тихоокеанском театре находится в том состоянии, которое не обязательно должно придавать оптимизма».[796 - Обращение Коисо Куниаки к императорскому парламенту от 21 января 1943 года, цитируемое Toland, _Rising_Sun,_ p. 630. Ср. замечание императора о том, что „военные действия шли не обязательно с преимуществом Японии.“] На тот случай, если это будут интерпретировать как пораженчество, он поспешил добавить, что «чрезвычайно растянутые коммуникационные линии противника на всех фронтах уязвимы для наших атак, и именно здесь, как мне верится, для нас существует золотая возможность вырвать победу. Именно сейчас пришло время для нас — всех ста миллионов — дать выход своему рвению и, следуя по стопам доблестных воинов из соединений специального назначения, продемонстрировать дух уверенности в победе в области производства.[797 - Toland, _Rising_Sun,_ p. 630.]»

В ответ на поджимавшую военную обстановку было срочно разработано некоторое количество новых вооружений и запушено в производство. Практически Все надежды возлагались на самоубийственные тактики. Среди морских средств были маленькие лодки с деревянной обшивкой и обычными автомобильными моторами, названные несколько напыщенно — _синъё_(потрясатели океана). Каждая управлялась одним молодым офицером, сидевшим у руля, целью которого было направить свое суденышко с двумя тоннами взрывчатки на вражеский корабль. Первая массовая атака этих лиллипутов произошла в январе 1945 года и окончилась полной неудачей, поскольку при приближении они были засечены радарами и уничтожены огнем американских кораблей, как стая назойливых мошек. В течение последнего этапа войны было произведено всего около шестисот таких лодок,[798 - Детали относительно _синъё,_ а также лягушек-самоубийц _(фукурю)_ см. у Millot, _L'Epopee_Kamikaze,_ pp.267-71.В фильме режиссера Окамото „Никудан“ („Пуля из человеческой плоти“) герой — боец последнего отряда камикадзе на Кюсю — почти буквально „выходит в море в трубе“: забравшись в ржавый жестяный цилиндр, привязанный веревками к громадной торпеде, которую он собирается направить в американский корабль, приближающийся к берегу, в последние дни воины. В возбуждении он направляет ее в полуразвалившуюся японскую шаланду, которую принимает по ошибке за американский авианосец; для полноты юмора, торпеда оказывается ненастоящей. Данный снаряд оказался поддельным, однако он типичен для многих временных приспособлений, использовавшихся в

последние месяцы.] которые принесли громогласную, но бессмысленную смерть большому количеству морских камикадзе.

Самым многообещающим из морских вооружений камикадзе были пятнадцатиметровые управляемые торпеды, известные под названием «Кайтэн». Близкий прототип летающих вишневых лепестков («Оока»), они перевозились на подлодках-носителях по четыре, или по шесть и выпускались на небольшом расстоянии от цели. Пилот управлял ей с помощью маленького перископа и старался поразить корабль боеголовкой с тремя тысячами фунтов тринитротолуола. Соединения, использовавшие «Кайтэн», название которых происходило от старого слова, означавшего «исправить неблагоприятную ситуацию одним единственным ударом», были весьма удовлетворены действиями людей вице-адмирала Ониси на Филиппинах. Хотя для пилота была предусмотрена возможность катапультироваться до столкновения с целью, эта предохраняющая возможность являлась чисто теоретической, и шансы рулевого выжить были такими же, что и у его коллеги-пилота.[799 - Пожалуй, самое детальное описание операций „Кайтэн“ содержится в книге Yokota Yutaka, _Suicide_Submarine!_ New York, 1962. Кайтэн нес 3000 фунтов сильной взрывчатки, имел радиус действия в 40 морских миль и двигался со скоростью 30 узлов. С самого начала над ними довлело проклятье механических неполадок, и большинство их них взрывалось еще до того, как они приближались к цели. Хотя японское имперское командование было уверено в том, что с помощью „Кайтэн“ потоплено около 40 кораблей союзников, включая авианосцы и линкоры, единственным военным кораблем, уничтоженным с помощью „Кайтэн“ за всю войну, был американский танкер „Миссиссинева“, атакованный у атолла Улити в ноябре 1944 года. Японцы же потеряли почти все свои „Кайтэн“, а также восемь подлодок-носителей вместе с их командами. Относительно аспекта „верной смерти“ на „Кайтэн“, Ёкота пишет так:Хотя Курски и Нисина [конструкторы] встроили в „Кайтэн“, как и было приказано морским Генштабом, устройство, выбрасывавшее управляющего, когда до цели было около 150 футов, никто не собирался им пользоваться. По мере того, как проводились операции с „Кайтэн“, им так никто и не воспользовался. В точном попадании можно было быть уверенным лишь в том случае, когда впереди была верная смерть. Оставив „Кайтэн“, можно было опасаться того, что она сойдет с курса. Наилучшим способом было оставаться на ней до конца. (Yokota, _Suicide_Submarine!_ p. 50.)]

Отправка подлодок-носителей с торпедами, управляемыми людьми, сопровождалась такими же церемониями и теми же эмоциями, что и вылет воздушных камикадзе с авиабаз. Когда большие субмарины начинали медленно двигаться в открытое море, десятки моторных лодок и катерков, украшенных знаменами с патриотическими лозунгами, плыли рядом, провожая их до выхода из гавани.[800 - Millot, _L'Epopee_Kamikaze,_ pp. 253, 263; Yokota, _Suicide_Submarine!_ pp. 45–46, 138.] Сидевшие в суденышках размахивали флагами с изображением встающего солнца и хором скандировали одно за другим имена пилотов «Кайтэн», как последнее прощание; выкрикнув их все они начинали перечень героев сначала, и этот странный хор продолжал звучать, пока подлодка не скрывалась из виду. Одновременно молодые офицеры, втиснутые в торпедные кабинки, высовывали из люков свои головы, обмотанные белыми полотнами и, когда выкрикивались их имена, кланялись и в знак признательности взмахивали своими мечами.

Когда подлодка-носитель погружалась и ложилась на курс, пилоты «Кайтэн» проводили время с обычной командой, наблюдая за навигационными процедурами и часто предлагая помощь — такие предложения практически всегда отклонялись, поскольку такая работа считалась недостойной «живых богов».[801 - Millot, _L'Epopee_Kamikaze,_ p. 251 описывает церемонию прощания на борту подлодки 1-49, когда она приближалась к цели рядом с Улити в ноябре 1944 года. Более полное описание „последнего принятия пищи“ см. у Yokota, _Suicide_Submarine!_ p. 170.] Незадолго до того, как они приближались к месту расположения целей, капитан подлодки приглашал пилотов к скромному столу и предлагал им обычное _сакэ._ Когда приходило время занимать места в торпедах, старший пилот обычно говорил короткую речь, благодаря капитана за то, что он благополучно доставил их к месту назначения, желая ему и команде долгой жизни и доброй удачи.[802 - Многие из тех, кому предстояло управлять Кайтэн, продолжали читать или заниматься в своих тесных каютах до самого последнего момента (Yokota, _Suicide_Submarine!_ p. 161, 170.). Среди многих бытовых подробностей, подмеченных Ёкота, мы находим и следующую:„Водителям Кайтэн очень понравилось их путешествие с капитаном Орита, их особенно восхитил туалет на подлодке — сложное сооружение из вентилей и ручек, которое вполне могло привести в замешательство человека, не знающего, как с ними правильно обращаться, или пользовался ими небрежно.“ Yokota, _Suicide_Submarine!_ p. 467.]

В ночь на 11 января 1945 года капитан огромной лодки I-58, одной из входивших в группу шести субмарин — носителей «Кайтэн», двигавшихся на полном ходу в надводном положении, сообщил пилотам-самоубийцам, что они приближаются к цели — американским кораблям у острова Гуам.[803 - Yokota, _Suicide_Submarine!_ pp. 254-55, рассуждает об операции Конго. Получившая название горной ставки Масасигэ, она представляла собой одну из основных попыток массового использования „Кайтэн“, и была комбинированной атакой на американские корабли у Гуама, Улити, Холландиа и других островов.] Когда они закончили свой последний церемониальный завтрак и обменялись словами прощания, двое из пилотов поднялись на палубу и втиснули себя в сигарообразные гробы. Вскоре после одиннадцати вдалеке замаячил темный силуэт Гуама, все люки были задраены и лодка погрузилась. В два часа утра двое оставшихся пилотов пролезли специальным лазом в свои «Кайтэн» и закончили приготовления к атаке. Теперь все переборки были задраены, и единственной оставшейся связью между пилотами и подлодкой была телефонная линия. В три часа, перед выпуском «Кайтэн» № 1, пилот крикнул в телефон свои последние слова: «Да здравствует император!» Затем линия прервалась, и наступила полная, тишина. Одна за другой были быстро выпущены оставшиеся «Кайтэн», в то время, как подлодка-носитель оставалась на глубине. Вскоре ее обитатели услыхали ужасный грохот, и капитан скомандовал немедленное всплытие. Несколько часов они курсировали вокруг, но не обнаружили никаких признаков поражения американских кораблей, — вероятно, одна из «Кайтэн» взорвалась «сама собой».[804 - Yokota, „Suicide Submarine!“, p. 255–7.] Также, они не смогли узнать, что произошло с остальными тремя торпедами. После нескольких часов бесплодных поисков субмарине была приказано возвращаться в Японию. Печальные результаты совместной операции стали известны лишь через несколько дней, когда оказалось, что все пилоты «Кайтэн» потеряли свои_ жизни, не поразив ни одного американского корабля; и что еще хуже — одна из лодок-носителей была потоплена по пути домой со всей командой на борту.

Несмотря на многообразие и изобретательность, морские суда-самоубийцы «не обязательно давали повод для оптимизма», и, хотя их и продолжали использовать до самого конца, все больший перевес стала получать тактика воздушных действий, представлявшаяся в целом более перспективной. Среди многих эксцентричных разновидностей летательных аппаратов, сконструированных исключительно в самоубийственных целях, лишь «вишневые лепестки» (Оока) были использованы в реальных сражениях, но изобретались и даже начинали строиться многие другие. В состоянии нехватки (а иногда — отсутствия) практически всех необходимых материалов, экономия всегда ставилась во главу угла, и некоторые «штуковины», собранные бог знает из чего и представленные в качестве кандидатов для самоубийственных миссий, предстают до абсурдного примитивными. _Цуруги_(«Меч»), к примеру, представлял собой хрупкий деревянный моноплан, нагруженный тысячефунтовой бомбой и сконструированный так, чтобы немедленно после взлета пилот мог нажать кнопку и отделить шасси, теперь ему ненужные, чтобы их можно было присоединить к следующему самолету.[805 - В промежутке между мартом 1945 года было произведено около 100 летательных аппаратов-самоубийц». Nakajima, _Ki.115_B_Tsurugi_. Детали и рисунки приведены у Millot, _L'Epopee_Kamikaze,_ pp. 347-50.]

Одно из Специальных Ударных подразделений, о котором известно очень мало, было сформировано в самом конце войны в ответ на предполагавшуюся оккупацию главных японских островов американцами.[806 - Места запусков на побережье Тихого океана должны были быть расположены от Хоккайдо до Кюсю; все катапультные устройства должны были быть готовы к октябрю 1945 года — как раз ко времени ожидавшегося вторжения. Информации об этом особенном предприятии камикадзе я обязан моему коллеге, выдающемуся буддологу профессору Ё[сито] Х[акэда], который сам прошел тренировку для подобного типа атаки. В то время на горе Хиэй он принял решение, что, в случае, если война окончится до того, как он будет запущен в воздух, он станет буддийским монахом; так и произошло — и к большой пользе как для меня, так и для многих его друзей и учеников.] Небольшие аппараты одноразового использования, нагруженные мощной взрывчаткой, предполагалось катапультировать с гор и направлять сидящими в них пилотами во вражеские корабли, которые к тому времени пробились бы во Внутреннее Японское море и другие территориальные воды страны. Основные тренировки происходили на вершине горы Хиэй — буддийской святыни рядом с Киото. Из столь несоответствовавшего происходившему места были выселены почти все проживавшие там монахи, а монастыри и кельи превращены в жилища для пилотов-самоубийц. Поскольку военные действия закончились без вторжения, ни один из этих молодых людей не смог применить на практике свой опыт,

В марте 1945 года, когда война входила в заключительную фазу, тактика и психология самоубийств потеряли свой «особенный» характер и были приняты в качестве основного метода японской обороны.[807 - Иногути.с. 169.] В соответствии с предсказанием вице-адмирала Ониси, камикадзе, ассоциировавшиеся сперва прежде всего с имперским флотом, теперь стали основой всех вооруженных сил и, по мере того, как в обычных действиях поражение следовало за поражением, почти во всех оставшихся подразделениях на Тихом океане тактика камикадзе была использована в той или иной форме. Японские военные операции приняли особо широкий самоубийственный характер после вторжения на Окинаву. Оборонительные рубежи на Октаве остались последней защитной линией перед вторжением на японские острова, и их оборона

носила принципиальный характер, — стоял вопрос, останется ли Япония независимой страной. Когда наконец 1 апреля американцы начали наступление, они встретили на удивление слабое сопротивление обычных сил; вместо этого имперские войска — наземные, морские и воздушные — почти исключительно приняли самоубийственные методы, так что Окинава, последняя важная ставка Японии в войне, стала целиком и полностью ассоциироваться с камикадзе. Основной их эмблемой был герб Масасигэ — цветок хризантемы.

Раньше имперская армия, вероятно из-за традиционного соперничества с флотом, с недоверием смотрела на организовывавшиеся там операции камикадзе, однако теперь и они поспешили взять их на вооружение. В марте были сформированы особые штурмовые группы в военно-воздушных силах и впервые использованы в обороне Окинавы. Наиболее драматичными были самоубийственные атаки, которыми пехота пыталась сдержать американское наступление. Тысячи солдат стали «живыми гранатами»; отбросив всякий инстинкт самосохранения, они бросались на врага. Когда наконец стало ясно, что никакая решимость и никакое самопожертвование не смогут предотвратить успехов американцев, оборонявшиеся убивали себя из ружей или подрывали гранатами, чтобы не подвергаться риску пленения. В одном из запомнившихся случаев, вскоре после падения столицы, японская делегация просила американцев прекратить огонь и дать офицерам возможность совершить харакири в соответствии с традиционным ритуалом.[808 - Jean Mabire, _Les_Samourai,_ Paris, 1971, p. 369.] Последними из многих тысяч самоубийств на Окинаве были совершенные двумя командующими генералами: Усидзима и Тё, чьи харакири 22 июня послужили символическим концом долгого сражения. Крепость была взята, ее защитники уничтожены, но они ни разу не унизились до капитуляции.

В качестве части стратегии «Кикусуй» для спасения Окинавы, в начале апреля имперский флот решил послать последние из своих боевых кораблей для атаки на ударные силы противника. В этой операции принимал участие мощнейший японский линкор «Ямато» — гордость и надежда имперского флота. Относительно самоубийственной природы этой миссии не было ни малейшего сомнения. Так, контр-адмирал Комура, капитан одного из участвовавших крейсеров, информировал свою команду, что они и другие корабли Второго Флота продвигаются к Окинаве без какого бы то ни было воздушного прикрытия и даже без достаточного количества топлива на обратный путь. «Одним словом, — закончил он, — мы принимаем участие в операции _симпу_ (камикадзе), но, в отличие от тех, что проводятся нашими воздушными силами, у нас нет ни малейшего шанса поразить важную цель. Я позволил себе сказать адмиралу Кусака (начальнику штаба соединенного флота), что это чисто самоубийственная операция…» [809 - Цитируется у Millot, _L'Epopee_Kamikaze,_ pp. 295-96.]

Закончилась она полным уничтожением. Каждый более менее значительный корабль был потоплен, включая «Ямато», пошедший на дно со своим капитаном, адмиралом Ито и почти всей командой. В этом самом быстром сражении при Бономисаки, в котором в сущности были уничтожены последние остатки имперского флота, американцы потеряли всего двенадцать человек. Последнее выступление имперского флота было не только самоубийственным (как предсказал контр-адмирал Комура), но, с любой практической точки зрения, совершенно

бесполезным.[810 - Millot, _L'Epopee_Kamikaze,_ pp. 311-12, далеко заходит в своих предположениях о том, что имперское военно-морское командование с самого начала знало о грядущей неудаче предпринимаемой атаки и, в сущности, планировало провал. Если таковая интерпретация верна, этот последний выход имперского флота может служить совершенным примером благородства поражения.]

До самого окончания войны пилоты — морские и армейские, продолжали самоубийственные атаки на американские бомбардировщики. Первые разрушительные воздушные налеты на Токио и другие густонаселенные центры, начавшиеся с конца ноября 1944 года после падения Сайпана, придали японским авиаторам новую решимость. Когда гигантские B-29, теперь уже совершенно неуязвимые для обычных способов перехвата, беспрепятственно проплывали к своим целям — городам, маленькие японские самолеты пытались сбить их с помощью тарана, удара винтом и других импровизированных тактик, однако чрезвычайно редко им удавалось задержать, не говоря уже о том, чтобы уничтожить атакующих. Больше надежд подавали комбинированные атаки камикадзе с Кюсю, как часть борьбы за Окинаву, которой были отданы все силы. Первая массированная атака такого рода имела место 6 апреля при участии нескольких сот самолетов-самоубийц как морских, так и армейских,[811 - Атака 6 апреля (Кикусуй, № 1) с базы Каноя на Кюсю была предпринята следующими силами:ФЛОТ80 самолетов камикадзе различных типов8 самолетов-носителей с Оока145 других атакующих самолетов116 истребителей сопровождения и самолетов-наблюдателей23 патрульных самолетаАРМИЯ133 самолета различных типов, в основном — камикадзе.Из самолетов-камикадзе, участвовавших в сражении, 162-м не удалось вернуться. Millot, _L'Epopee_Kamikaze,_ p. 287.] а в последовавшие недели Верховное Командование отдало приказ о дальнейших обширных атаках «Кикусуй». По мере того, как истощались запасы летательных аппаратов и топлива, масштаб операций камикадзе пришлось сократить, однако сами самоубийственные атаки, которые во время смертной агонии Японии стали для страны основным проявлением воли к сопротивлению, никогда не прекращались. Напротив, с увеличением количества операций камикадзе прекратились все активные военный действия на тихоокеанском театре.

В последние месяцы войны самолетов стало так мало, что для самоубийственных атак стали собирать и запускать в воздух немыслимые летательные аппараты, однако недостатка в желающих полететь на них не было никогда. Даже в эти поздние часы никого не заставляли силком или приказом участвовать в операциях камикадзе против своей воли. Такое принуждение не только было бы бессмысленным (трудно представить себе кого-либо менее эффективного, чем пилота, неохотно исполняющего самоубийственную миссию), но оно было просто ненужным, поскольку на практике имперские силы никогда не испытывали ни малейшего затруднения в наборе бойцов-камикадзе, и до самого конца войны у них всегда было вдвое больше добровольцев-пилотов, чем самолетов. Кто были эти люди, благодаря которым стало возможным проводить столь многочисленные самоубийственные операции? При взгляде со стороны, их самой общей выдающейся чертой была, пожалуй, молодость. Мало кому исполнилось больше двадцати шести лет, и даже командирам подразделений было немногим за двадцать. Это вовсе не являлось случайностью. Поскольку сами самоубийственные операции требовали сравнительно небольшой технической тренировки, естественно, представлялось практичным посылать в атаки молодых людей и сохранять старших, более опытных пилотов для дальнейшего обучения

кандидатов и для вождения самолетов эскорта, что требовало гораздо большего умения.[812 - Millot, _L'Epopee_Kamikaze,_ pp. 137-38. Эти старшие летчики часто просили своих командиров назначить их в летную группу камикадзе, но им практически всегда отказывали на том основании, что их служба была более полезна в иных областях.] Не менее важными были и психологические причины. С самого начала самоубийственных операций на Филиппинах, вице-адмирал Ониси настаивал: «Если Япония будет спасена, то именно этими молодыми людьми — от тридцати лет и младше. Именно они своим духом самопожертвования и делами способны [охранить нашу страну].[813 - Цитируется у Иногути, с. 181.]» Большинству из тех, кого отбирали для _симпу_ и других операций специального назначения, было от двадцати до двадцати пяти лет.

Типичный пилот-камикадзе был университетским студентом с прерванным образованием — кончилась отсрочка от воинской службы, который впоследствии вступил в одно из подразделений сил специального назначения. Важно отметить, что значительное их большинство было студентами гуманитарных и юридических факультетов, а не специализировавшихся в инженерии, точной науке, или других, более практичных предметах. У крайне малого количества из них было какая бы то ни было военная подготовка, и, хотя они и отдавали себя целиком интенсивным тренировкам, многие из них испытывали моменты ностальгии по оставленным штудиям, вернуться к которым у них практически не было шансов. Так, в течении месяцев, проведенных в тренировочном лагере, и даже в ту ночь, которую он считал последней в своей жизни, лейтенант Нагацука листал один из принадлежавших ему томов «Maitre sonneurs» Жорж Санд, вызывавший в его душе воспоминания о милом прошлом.[814 - Nagatsuka, _J'elais_un_kamikaze,_ pp. 261-62.] Из-за их «книжности» и относительно свободного, невоенного поведения, профессиональные солдаты частенько недолюбливали кандидатов в камикадзе, зная, что эти молодые, неопытные экс-студенты вскоре станут офицерами и богоподобными героями, в то время, как сами они подолгу задерживались в одном и том же звании.

Хотя, безусловно, следует избегать обобщений в персонализации типажей, когда счет идет на тысячи человек, большинство материалов о членах отрядов камикадзе говорят, что они вовсе не были теми жестокими, полными предрассудков шовинистами-фанатиками, какими их обычно представляли себе иностранцы. Из всех доступных нам отчетов, дневников, писем и фотографий можно заключить, что типичным их представителем был спокойный, серьезный человек, по уровню культуры и чувств стоявший выше средней массы; в японских описаниях часто употребляется слово _рэйсэй,_означающее «безмятежный», или, в современном значении, «хладнокровный».[815 - В послевоенные годы среди семей, члены которых попали в отряды камикадзе, было проведено исследование, и выяснилось, что почти в каждом случае тот, кто вступил в Отряды спецназначения, был «самым любимым сыном» - самым лучшим, самым образованным, причинявшим меньше всего беспокойств, одним словом — приносившим родителям самую большую радость. Разумеется, здесь необходимо учитывать романтизацию и идеализацию прошлого.]

Были ли эти бойцы-камикадзе в действительности добровольцами, или (к. чему склоняется большинство не-японцев) их каким-то образом заманили и «одурачили» с целью вовлечения в отряды самоубийц? На этот вопрос нет простого ответа, однако несомненно то, что, по крайней

мере на первых стадиях операций камикадзе на Филиппинах и Тайване, все пилоты были добровольцами в полном смысле этого слова.[816 - Иногути, с. 43; Nagatsuka, _J'etais_un_kamikaze,_ p. 224.] Хотя, вероятно, было немало молодых людей, поддавшихся психологическому давлению со стороны своих сотоварищей-пилотов и лихорадочной атмосфере военного времени, без сомнения, их никогда не принуждали ни призывные комиссии, ни офицеры-начальники. Напротив, чаще случалось, что молодые люди, боявшиеся, что их не возьмут на самоубийственные операции, писали искренние заявления и даже подписывали их собственной кровью, в соответствии с древней традицией.[817 - Например «Симпу», с. 186. Подписываясь собственной кровью _(кэппансе),_ подававших петицию подчеркивал искренность своей просьбы, так что было весьма трудно отказать. Хотя семьи летчиков-камикадзе должны были испытывать значительные страдания в ожидании фатальных известий, которые они неизбежно должны были получить, они также испытывали гордость от сознания того, что их сыновья были избраны в качестве «живых богов». Командир подразделения на Тайване, узнавший, что один из его летчиков является единственным сыном и должен быть отправлен на операцию лишь в случае крайней необходимости, информировал соответственно его мать, однако, подобно многим матерям камикадзе, она оказалась истинной matrona Romana; в бесстрастном стиле она просила командира не лишать ее сына чести, которая полагалась ему по праву, и которой он сам столь сильно желал («Симпу», с. 187). Командующий Накадзима излагает схожую историю:В один из дней начала весны [1945 года] в расположение 765-го воздушного соединения, расположенного в Кидзин на Формозе, пришла женщина. Она была принята командующим соединения капитаном Масуда Сего, узнавшим, что она является женой Кусанаги Мисао — судьи Верховного Суда района Тохоку. Она передала капитану Масуда шарф и прядь волос, попросив, чтобы кто-нибудь из летчиков отряда спецназначения взял их с собой в бой. Ее сын студент умер от болезни до окончания завершения тренировки, и, как она чувствовала, его желание исполнится, если то, что от него осталось, все же побывает в бою. На шарфе была надпись с подписью матери: «Молюсь о прямом попадании. МИСАО». Капитан Масуда принял вещи и, когда воздушный отряд спецназначения передвинулся из Кидзина на ближнюю к боевым действиям базу, передал их командиру группы. Они были с ним, когда он спикировал на вражеский корабль. (Иногути, с. 128.)]

По мере того, как в армейских и военно-морских частях стали все больше применяться методы камикадзе, личному составу этих частей давался выбор: продолжать обычные операции или принять участие в самоубийственных миссиях. В этих случаях на людей не оказывалось никакого «формального» воздействия с целью заставить вступить в спецотряды, и, похоже, также не было никакой дискриминации тех, кто отклонял эту честь. Так, в учебном центре по управлению торпедными катерами в местечке рядом с Симоносэки директор собрал четыреста курсантов и проинформировал их о новом типе военно-морской самоубийственной тактики, которую планировалось ввести в конце октября 1944 года:[818 - Millot, _L'Epopee_Kamikaze,_ pp. 266-67. Ёкота приводит схожие слова командовавшего офицера, предлагавшего ему и его друзьям летчикам вступить в отряд «Кайтэн»:Если кто-либо среди вас действительно горит желанием спасти свою страну, управлять этим новым оружием и принять участие в крупном наступлении на приближающегося противника, он может стать добровольцем. Я не могу вам сказать ничего больше, за исключением следующего. Сейчас командиры эскадрилий раздадут вам по листку бумаги. Если вы особо желаете управлять этим новым оружием, напишите в верху листа ваше имя и номер эскадрильи, а внизу нарисуйте два круга. Я повторяю — два круга, если вы действительно очень этого желаете. Если, однако, в вас нет особо сильного желания, но вы готовы принести эту

жертву, если будете избраны, нарисуйте только один круг. Это очень важно, поэтому повторяю еще раз: два круга, если вы очень сильно желаете, и один — если просто готовы исполнить долг. Те же, кто вообще не хотят ничего подобного, но желают продолжить тренировки для обычного боя, должны уничтожить выданную бумагу… Последнее, что хотелось бы добавить перед раздачей листков. Я должен вам сказать, что это — такое оружие, что кто бы ни отправился с ним против противника, не вернется живым. Он наверняка сможет причинить противнику большой урон, однако при этом он отдаст свою жизнь. Поэтому хорошенько подумайте, прежде чём решить. Перед тем, как вызваться, будьте совершенно уверенными, что вы действительно готовы к этому. И, прежде всего, будьте уверены, что потом вам не будет жаль всего, что вы оставляете за собой. Ваше сознание должно будет быть совершенно ясным в любое время, дабы вы были способны полностью концентрироваться на предстоящем. (Yokota, _Suicide_Submarine!_ p. 11.)]

В данном случае я не могу отдавать вам никаких приказов… [В этой школе] вы находитесь для того, чтобы обучаться обычным операциям торпедных катеров; новая же тактика настолько отличается от вашей специальности, что я, пожалуй, не могу обязать вас принять участие в ее проведении в жизнь. Вы можете вызваться участвовать во взрывных запусках _(синъё),_ или для операций «лягушек» _(фукурю),_ либо же вы можете продолжать иметь дело с обычными торпедными катерами. Вы должны сделать свой выбор совершенно свободно, и я обещаю, что никакого воздействия или давления не будет оказано на того, чье сознание не позволяет записаться в участники этих новых атак. Вы будете по-одному заходить ко мне в кабинет и говорить о своем решении, и я даю вам слово, что не задам вопросов и не буду требовать никаких объяснений.

С середины дня и до четырёх часов следующего утра молодые люди по очереди входили к нему в кабинет и давали свои ответы. Половина курсантов избрала верную смерть, из них сто пятьдесят выбрали взрывные запуски, а пятьдесят решили стать «лягушками-самоубийцами»; таким образом, набралось более чем достаточно участников для двух операций, закончившихся плачевно.

Действительно, по мере того, как масштабы воздушных атак камикадзе росли, в чем-то неформальная система спонтанного добровольчества, возникшая на Филиппинах, перестала быть адекватной ситуации, и, начиная приблизительно со времени сражения за Окинаву, личному составу все чаще «предлагалось» войти в отряды самоубийц. Капитан Накадзима так описывал воздействие этой новой формы вызова «добровольцев»:

Казалось, что у многих из вновь прибывших не только отсутствует энтузиазм, но что они серьезно обеспокоены своим положением. У некоторых такое состояние продолжалось всего пару часов, у других — несколько дней. Это был период меланхолии, оканчивавшийся через некоторое время с наступлением духовного пробуждения. Тогда, как будто с прозрением мудрости, исчезали печали и наступало спокойствие духа, — жизнь приходила в согласие со смертью, конечное с бесконечным.

Пример обретения этого духовного успокоения можно видеть в случае с [младшим лейтенантом] Куно, который был в особо смятенным состоянии по прибытии на базу. Затем, внезапно, после нескольких дней бездумного хождения по окрестностям он пришел бодрой походкой, с блеском в глазах и попросил разрешения убрать из своего самолета все ненужное оборудование, говоря, что было бы неразумно и неблагодарно в отношении рабочих на родине брать с собой на операцию столько вещей без надобности.[819 - Иногути, с. 158–59.]

В армии, где отряды особого назначения, стали создаваться гораздо позже, чем на флоте, ощущалась острая необходимость в наборе соответствующих пилотов, и для получения нужного числа кандидатов, вероятно, оказывалось более прямое давление.[820 - Millot, _L'Epopee_kamikaze,_ pp. 330-31, 367ff.] Однако даже здесь никогда не отбрасывали принцип добровольного вызова. Лейтенант Нагацука описывает сцену, имевшую место в ночь на 3 марта 1945 года, когда его вместе с двумя десятками товарищей пилотов вызвали в штаб к командиру:

Он посмотрел на каждого по очереди, и его глаза, обычно мягкие, казалось, пронзают нас насквозь. «Как вы знаете, — сказал он наконец серьезным голосом, — в нашей армии не хватает пилотов, топлива, самолетов, боеприпасов — фактически всего. Мы, таким образом, находимся в критическом положении, и нам остается лишь одно:

таранить авианосцы, как это сделали в прошлом многие из ваших товарищей. Два часа назад наше соединение получило приказ сформировать отряд специального назначения, и сейчас я уполномочен просить вас…» Он ненадолго умолк, а затем продолжал:

«…вызваться на эту операцию. Однако, у вас остается свободный выбор. У вас есть двадцать четыре часа для обдумывания; вы дадите мне ответ до 20:00 завтрашнего дня. Каждый из вас явится ко мне лично.[821 - Nagatsuka, _J'etais_un_kamikaze,_ pp. 231-34.]»

Что больше всего поразило Нагацука в тот момент, это, что его командир использовал слово «просить»; как он указывает, «в армии вышестоящий всегдаПРИКАЗЫВАЕТ, а неПРОСИТ.» На следующее утро, когда Нагацука и его сослуживцы завтракали в столовой, один из них внезапно сказал. «Ведь мы все готовы отправиться на операцию, так? Тогда пошли к нему все сразу и дадим ответ!» Все согласились, только один весело предложил сперва закончить с едой.[822 - Относительно спорного вопроса — были ли операции камикадзе добровольными в полном смысле этого слова, Нагацука дает следующий комментарий:«Часто задают вопрос по поводу обстоятельств, при которых наши пилоты вступали в состав частей самоубийц: были ли они действительно добровольцами, или действовали „по долгу службы“? Я, как свидетель, который пережил эту миссию, подтверждаю, что наше желание было в полном согласии с приказом, отданным высшим командованием. По крайней мере, так было в моем случае… Очевидно, целые группы авиаторов являлись просить этого поручения вследствие срочных обстоятельств, и, с

другой стороны, никто, кроме самих заинтересованных лиц, не может отдавать отчет в состоянии души… Добровольно, или по принуждению — вопрос не в том. Я могу подтвердить, как уцелевший старый пилот-самоубийца, что все мои друзья были готовы принять добровольно приказ, или просить этого поручения» _(J'etais_un_kamikaze,_ p. 234).Ответ кажется настолько сбалансированным, насколько вообще таковой может исходить от участника этой драмы.]

Что заставляло большое количества серьезных, хорошо образованных молодых людей столь драматично приносить в жертву свои жизни? Определенные общие идеи повторяются в письмах, дневниках и стихотворениях, составляющих главный источник исследования личности камикадзе;[823 - После окончания войны на Тихом океане, г-н Оми Итиро совершил пешее паломничество по домам летчиков-камикадзе в различных частях страны. За время своего путешествия, продолжавшегося почти пять лет, он собрал большое количество писем и воспоминаний, записанных в основном морскими офицерами запаса из гражданских колледжей, вступивших в отряды спецназначения после короткого тренировочного периода. Пример этого материала включен в «Симпу», с. 174–88, переводы даны у Иногути, с. 196–208. Наиболее знаменитым из подобных опубликованных сборников был «Кикэ вадамацу-но коэ» («Слушайте голоса океана!», Токио, 1952), где первым пунктом идет завещание армейского летчика из отряда спецназначения, убитого на Окинаве в возрасте 22 лет. Книга разошлась в Японии в огромном количестве, а ее название даже вошло в язык установившейся фразой, обозначающей нечто вроде «Никогда не забудем!» В 1963 году, когда количество выпускаемых военных мемуаров стало уменьшаться, вышел второй том под тем же названием. Ценное собрание дневников студентов университетов, погибших на войне, было издано в 1951 году под заголовком «Харука нару Ямагава-ни» («К потокам в далеких горах»), куда вошли и материалы летчиков-камикадзе. Эти и подобные им книги продолжают выходить в новых изданиях и часто становятся бестселлерами.] хотя есть много индивидуальных вариантов и отличий, эти темы важны для понимания японской героической традиции в том виде, в котором она просуществовала вплоть до нашего века.

Ненависть к врагу и желание отомстить за погибших друзей — мотивы столь часто приводимые для объяснения (или оправдания) ярости солдат в бою — не представляются доминировавшими в психологии бойцов-камикадзе. Часто они упоминают о своем долге охранять священную землю Японии от иностранного загрязнения и предлагают свои жизни для защиты своих семей. Однако это никогда не принимает формы «нутряной» ненависти к вражеским солдатам, или расового антагонизма в отношении Запада. Это, скорее, выражает острое чувство необходимости компенсировать все то доброе, что они получали с рождения. Таковое признание долга благодарности _(он)_ и твердая намеренность оплатить его любой жертвой, какая окажется необходимой, является основой японской морали и на протяжении многих веков было сильнейшим воодушевляющим моментом, — как в мирное, так и в военное время. Во время войны на Тихом океане, мотивация категорией _он,_разумеется, относилась не только к камикадзе, но, кажется, их она стимулировала особенно интенсивно, и намеренная полнота их самопожертвования являлась степенью их благодарности.

Они были благодарны, прежде всего, Японии — стране, в которой родились, и императору, воплощавшему ее уникального «государственное устройство» _(кокутай)_ и добродетели. Во все

новых и новых описаниях самоубийственных атак мы читаем о том, что последние слова пилотов относились к императору, который, несмотря на несколько тусклую персональность, являл собой высшую фигуру отца японской нации-семьи. Приведем выдержку из последнего письма, которое лейтенант Ямагути Тэруо из двенадцатой воздушной армии написал своему отцу непосредственно перед вылетом на операцию:

«…Вряд ли стоит говорить об этом сейчас, но к двадцати трем годам я выработал собственную философию.

Во рту появляется неприятный привкус, когда я думаю о том, как обманывают ни в чем не повинных граждан некоторые из наших хитрых политиков. Однако, я готов следовать приказам вышестоящего командования и даже политиков, так как верю в японское государственное устройство. Японский образ жизни действительно прекрасен, я горжусь им, поскольку принадлежу японской истории и мифологии, в которых отражается чистота наших предков и их вера в прошлое… Этот образ жизни — продукт всего самого лучшего, что передали нам наши предки. Живым же воплощением всего прекрасного из нашего прошлого является императорская фамилия, которая также предстает выкристаллизовавшимся очарованием и красотой Японии и ее народа. Это — честь: отдать свою жизнь, защищая столь прекрасное и возвышенное».[824 - «Симпу», с. 183–84, перевод см. у Иногути, с. 199.]

Чаще же чувство долга у пилотов фокусировалось на своей семье, особенно — на тех благодеяниях, что были получены от собственных родителей, даровавших им жизнь и двадцать лет воспитания, а не на таких абстракциях, как правитель, или страна.[825 - Например: «Дорогой отец! По мере того, как приближается смерть, я единственно сожалею о том, что не смог сделать вам ничего хорошего за всю жизнь». Письмо Ямагути Тэруо, цитируется у Иногути, с. 198.] Во многих письмах высказываются сожаления о неспособности отплатить за доброту родителей и извинения за то, что они покидают этот мир раньше них. Приводимое последнее письмо, написанное в спешке лейтенантом Номото Дзюн из отряда специального назначения «Белая Цапля», было продиктовано им из самолета прямо перед взлетом:

Дорогие родители!

Пожалуйста, извините, что диктую свои последние слова своему другу. Больше нет времени писать вам.

У меня нет ничего особенного, чтобы вам сказать, но я хочу, чтобы вы знали, что в этот последний момент мое здоровье лучше, чем когда бы то ни было. Для меня величайшая честь быть избранным для этого задания. Первые самолеты моей группы уже в воздухе. Эти слова пишет мой друг, положив бумагу на фюзеляж самолета. У меня нет чувства сожаления или грусти. Мои взгляды не изменились. Я исполню свой долг спокойно. Словами не выразить моей признательности вам. Я только желаю, чтобы это последнее действие — нанесение удара по врагу, послужило хоть в малой мере благодарностью за все то прекрасное, что вы сделали для меня…

…Я буду удовлетворен, если мое последнее усилие послужит слабой компенсацией за то наследие, которое нам оставили предки.

Прощайте!

Дзюн.[826 - «Симпу», с. 181–82, переведено у Иногути, с. 202.]

Чаще всего благодарность камикадзе направлена равно как к семье, так и к императору, а его смерть представляется разновидностью комбинированной расплаты за все те блага, что он получил в жизни из личных и вне-личных источников. В типичном введении в дневник, лейтенант Адати из группы особого назначения «Истинный Дух» пишет, что именно из-за любви родителей он может теперь отдать свою жизнь за императора и радуется, что в своей последней атаке сможет сражатьсяВМЕСТЕ со своим отцом и матерью.[827 - _Ватакуси_ва_коно_уцукусии_титихаха-но_кокоро,_атакакай_ай_га_ару_юэ-ни_Кими-ни_дзюндзуру_кото_га_дэкиру._Корэ-дэ_ватакуси_ва_титихаха-то_томо-ни_татакау_кото_га_дэкимас_. «Симпу», с. 183.] Подобным же образом пишет своей семье лейтенант Каидзицу Сусуму из отряда «Семь Жизней»:

«Слова не в силах выразить свою благодарность любящим родителям, оберегавшим и ласкавшим меня до совершеннолетия, дабы я смог хоть в самой малой мере отплатить за то благо, которое даровал нам Его Императорское Величество».[828 - «Симпу», с. 181, переведено у Иногути, с. 197.]

Последнее письмо Мацуо Исао из отряда спецназначения «Герои» также представляет его смерть в качестве комбинированной расплаты со своей семьей и с семьей более крупной, общенациональной; для него есть даже еще один _он_ — по отношению к командующим офицерам:

Дорогие родители!

Пожалуйста, поздравьте меня. Мне дадена великолепная возможность умереть. Сегодня мой последний день. Судьба нашей родины зависит от решающих сражений в южных морях, куда я и упаду, подобно цветку с сияющего вишневого дерева…

Как благодарен я за эту возможность умереть по-мужски! От всего сердца я благодарю своих родителей, заботившихся обо мне постоянными молитвами и сердечной любовью. Я благодарен также командиру нашей эскадрильи и старшим офицерам, присматривавшим за мной, как если бы я был их собственным сыном, и обучавшим меня столь тщательно.

Благодарю вас, мои родители, за те двадцать три года, в течение которых вы заботились и направляли меня. Надеюсь, что то, что я совершу, в какой-то мере воздаст за то, что вы для меня сделали.[829 - «Симпу», с. 176, переведено у Иногути, с. 200.]

Другая часто встречающаяся в записях камикадзе тема — это «искренность» _(макото_ или _сисэй),_ традиционная концепция, играющая столь значительную роль в истории японских героев. Нагацука сообщает о типичном разговоре между двумя офицерами армейских ВВС, который он услыхал незадолго до того, как вызвался участвовать в особых операциях. Капитан Санака, командир второй воздушной ударной группы, пытался убедить своего начальника в том, что, поскольку атакующих самолетов Ki-45 оставалось очень мало, в армии следовало использовать меньшие по размеру Ki-27g для перехвата американских бомбардировщиков B-29.

«Но как сможет Ki-27 перехватить самолет с такой скоростью и вооружением, как у B-29?»

«Прошу вашего прощения, — ответил капитан Санака, — … однако при данных обстоятельствах, как мне кажется, мы обязаны использовать каждый наличествующий на нашей базе самолет, дабы уничтожить возможно большее количество американских бомбардировщиков.»

«А как же наши пилоты? Они еще недостаточно обучены».

«Сейчас имеет значение не искусство наших пилотов, и не качество наших самолетов, но дух и мораль бойцов. Все зависит от этого».[830 - Nagatsuka, _J'etais_un_kamikaze,_ p. 162.]

Камикадзе постоянно убеждали, что самоубийственная тактика — единственный оставшийся способ отсрочить поражение и уберечь Японию от катастрофы. Однако, из чтения их писем и дневников, а также из разговоров с теми, кому удалось выжить, я могу предположить, что мало кто из участников верил, что на этой поздней стадии их атаки смогут реально повлиять на исход войны. Особенно после поражения на Окинаве большинство личного состава частей особого назначения и, без сомнения, самые разумные из них, кажется, поняли, что, хотя их близящаяся жертва будет не бесчестна, но почти наверное — безнадежна. Вот, например как лейтенант Нагацука описывает свои последние мысли роившиеся у него в голове, когда он сидел в кабине своего истребителя Ki-27:

«Действительно ли я верю, что самоубийственные атаки эффективны? Может, на самом деле они — глупейшие попытки, предпринимаемые летчиками вроде нас, без самолетов эскорта и собственного вооружения?… Действительно ли самопожертвование — единственное, что придает цену жизни? На этот вопрос воин обязан отвечать „да“, прекрасно зная, что его самоубийственная затея бессмысленна».[831 - Ibid., p. 272.]

Подобные сомнения, однако, не ослабляли их морали; бесчисленные истории об их товарищах, взорвавших себя и свой груз без какого бы то ни было практического результата, не приводили к разочарованию или отчаянию. Все повторявшиеся неудачи, казалось, только придавали энергии молодым добровольцам. Таков дух популярной песни камикадзе:

Никогда не думай о победе!

Мысли о победе приводят лишь к поражению.

Проигрывая, будем рваться вперед, всегда вперед![832 - Цитируется в книге Кудо Ёроси _Тэнраку-кэй_но_нихон_эйю-дзо_ («Образ японского героя и правило падения»), «Сюкан Асахи» 6–8 (1973): 114-17.]

В то время, как искренность всегда ставилась выше вопроса о победе или поражении, это вовсе не означало, что доброволец рассматривал свои усилия, как совершенно бесполезные. Жертва могла и не спасти Японию от поражения в войне, однако она могла привести к некоторой форме духовного возрождения. Студент литературы Киотосского университета, самолет которого был сбит одной лунной ночью всего за две недели до окончания войны, написал в своей последней поэме:

Оставь свой оптимизм,

Открой свои глаза,

Японский народ!

Япония обречена на поражение.

Именно тогда мы, японцы,

Должны будем вдохнуть в эту землю

Новую жизнь.

Новую дорогу к реставрации

Мостить нам.[833 - Цитировалось в газете «Mainichi News» от 29 сентября 1968 года в книге стихов, озаглавленной (в переводе) «Моя жизнь горит в свете Луны».]

Та идея, что акт самопожертвования не оказывающий никакого практического воздействия на ход военных действий, может, тем не менее, иметь важное духовное воздействие, рассматривается в одном из последним разделов дневника младшего лейтенанта Окабэ, автора стиха о вишневых цветах, процитированного в начале этой главы:

22 февраля 1945 г.

Я умру, наблюдая за отчаянной борьбой нашей нации. Следующие несколько недель события будет мчаться галопом, по мере того, как мои юность и жизнь близятся к финалу.

… Вылет назначен на следующие десять дней.

Я — человек, надеюсь — не святой, не подлец, не герой и не дурак, — просто человек. Проведя свою жизнь в грустных желаниях и поисках, я умру покорно, в надежде, что моя жизнь послужит «человеческим документом».

Мир, в котором я жил, был полон диссонансов. В качестве сообщества разумных существ, ему следовало бы быть устроенным лучше. Без единого главного направляющего каждый теряется со своим собственным звуком, внося диссонанс там, где следует быть мелодии и гармонии.

Мы с готовностью послужим нации в этой ее мучительной борьбе. Мы обрушимся на вражеские корабли, лелея убежденность в том, что Япония была и будем местом, в котором позволено существовать лишь любимым домам, храбрым женщинам и прекрасной дружбе.[834 - «Симпу», с. 180, переведено у Иногути, с. 207.]

Материальная победа в войне не только не являлась основной целью, но могла даже стать помехой духовного возрождения. «Если же, по какому-то странному совпадению, — писал младший лейтенант Окабэ, — Япония внезапно выиграет эту войну, для будущего нации это станет фатальной неудачей. Для нашей нации и народа лучше было бы пройти через тяжкие испытания, которые их только усилили бы».[835 - Там же.] Та же тема разрабатывается офицером в отряде «Кайтэн» (торпед-самоубийц), который поразил молодого добровольца, сказав, что ожидает поражения Японии:

Я не мог поверить своим ушам — чтобы офицер говорил такое! «Простите, что вы сказали?» — переспросил я.

«Япония будет побеждена, Ёкота», — повторил он.

Я был поражен. В тот момент я не знал, что еще сказать, потому что раньше ни разу не слыхал, чтобы кто-то в армии обсуждал подобную возможность, и потому смог выдавить только: «Зачем же вы тогда вызвались на смерть?»

«Человек должен делать для своей страны то, что он может», — был простой ответ. Его смерть ничего не значила, добавил он. «Япония будет побеждена, в этом я уверен. Но мы возродимся заново и станем более великой нацией, чем когда бы то ни было». Далее он объяснил, что нация должна претерпевать страдания и очищения каждые несколько поколений, дабы становиться крепче с устранением из себя всего нечистого. Наше страна, сказал он, сейчас омывается огнем, но выйдет из него еще краше.[836 - Yokota, _Suicide_Submarine!_, p. 161.]

Идеи и настроения, возникшие в стране в далеком прошлом и закрепившиеся в течение долгих веков гегемонии военных, в 1944 году были еще живы и вдохновляющи; они снова и снова всплывают в разговорах и записях камикадзе. Так, когда лейтенант Нагацука решается выразить некоторые сомнения относительно предложения одного из своих коллег таранить американские B-29 своими истребителями Ki-27 по причине минимальных шансов на успех, молодой человек вспоминает о самурайском принципе чести:

«Ты придаешь слишком большое значение жизни. Представь, что исчез весь мир, кроме тебя. Неужели ты действительно продолжал бы жить? Если у человеческой жизни и есть какое-то важное предназначение, то это только из-за определенных отношений с другими живыми существами. Отсюда возникает принцип чести. На этой идее основана жизнь, примером чего служит поведение наших древних самураев. В этом суть Бусидо (Пути Воина)… Если мы будем цепляться за свои жизни, мы в конце концов потеряем самоуважение.

В этом мире есть два типа существования: у животных, которые просто следуют своим инстинктам, и у людей, которые сознательно посвящают свои жизни служению чему-то вне их… Если бы человек простоСУЩЕСТВОВАЛ, каким бы тягостным это было! Вовсе не разум может подсказать нам значение жизни или смерти…» [837 - Nagatsuka, _J'elais_un_kamikaze,_ p. 149.]

Товарищ Нагацука, подобно многим молодым добровольцам камикадзе, выражается в несколько несвязной, наивной манере, однако его общее отношение выводится из связного комплекса идей, изложенных в учебниках самурайской философии, игравшего важную роль в «тренировках духа» на протяжении националистического периода нового времени.[838 - Единственным значительным философом, излагавшим самурайский этос, был Ямага Соко (1622-85), конфуцианец-националист, эксперт по военной тактике и образу жизни. Самой влиятельной книгой по этому предмету была 11-томная компилляция, известная под названием _Хагакурэ_ (или «Набэсима Ронго»), написанная в 1716 году и ставшая главным учебником для японских военных. Относительно влияния _Хагакурэ_ на бойцов-камикадзе см. Мисима Юкио, _Эйрэй-но_коэ_ (Токио, 1970), с. 48.] Среди исторических персонажей самым почитаемым пилотами камикадзе был воин-роялист Кусуноки Масасигэ, совершивший харакири в 1336 году после

вполне предсказуемого поражения в своей последней битве за императора Годайго.[839 - _Ситисё_ встречалось в названиях нескольких подразделений камикадзе; повязки с этим словом часто были на головах летчиков-самоубийц перед вылетом на задание. Ёкота так описывает свое отбытие для атаки на «Кайтэн»:Меня вызвали последним. Лейтенант Хамагути, офицер, отвечавший за отправку в дивизии, называвший имена, взял шестую _хатимаки_ и повязял ее вокруг моей головы. На ней красивыми знаками было написано _Сити_сё_бококу_—_символ лояльности Кусуноки Масасигэ императору, проявленной несколько веков назад. На моей _хатимаки_ был изображен лозунг «Возродиться семь раз, дабы служить стране» (Yokota, _Suicide_Submarine!_ p. 137).На с. 303 говорится об использовании эмблемы Масасигэ — _кикусуй_ во время операций камикадзе на Окинаве. Герб _кикусуй_ изображался также на конической части и корпусе подлодки-носителя «Кайтэн» (Yokota, _Suiside_Submarine!_ pp. 43, 125).] В своих письмах, дневниках и разговорах пилоты камикадзе постоянно приводят его в качестве образца благородного поведения, а смелое высказывание о «семи жизнях» повторяется снова и снова. «Я буду щитом императора, — писал Мацуо Исао 28 октября 1944 года, — и погибну чистой смертью вместе с командиром крыла и другими товарищами. Я хотел бы родиться семь раз, и каждый раз поражать врага».[840 - «Симпу», с. 176, переведено у Иногути, с. 200.] Командующий Накадзима передает о следующем игривом разговоре, случившемся во время сбора пилотов на авиабазе камикадзе в Сёбу:

Один из пилотов, получавший свою часть выпивки, удивил меня, подойдя и спросив: «Когда я смогу принять участие в особой атаке? Почему вы не посылаете меня как можно скорее?»

Его слова воодушевили другого, и тот присоединился: «Я с самого начала вхожу в Отряд особого назначения, но вот уже те, кто пришли после меня, сделали свои вылеты. Сколько мне еще ждать?»

На какое-то мгновение я растерялся и не мог ответить на эти внезапные вопросы, потом вдруг в голову пришла мысль: «Вспомните, как самый лояльный из всех великих японских воинов, Кусуноки Масасигэ накануне своей последней битвы призвал своего сына-воина и приказал ему возвращаться домой к матери. Рано или поздно придет время каждого из вас. Особые атаки того, или иного рода будут продолжаться, пока мир не придет на всю землю. Вы должны думать о себе, как о первых среди многих, и не жаловаться на то, что задерживаетесь на несколько дней, когда другие уходят вперед.»

Они кивнули, и первый заговорил снова: «Да, я понимаю, о чем вы говорите, но мне кажется лучше бытьСТАРШИМ Кусуноки.[841 - Иногути, с. 79–80.]»

Одинокий пилот-камикадзе, втиснутый в люк бомбы «Оока» или торпеды «Кайтэн», бросающийся на превосходящие силы противника, принадлежит к уже знакомой нам японской традиции, в которой героем в бою движет убежденность в собственной искренности и сознание, что его дело

правое, сколь бы безнадежным оно ни было. По своей собственной воле он берется за задачу, «превосходящую пределы человеческих возможностей», которую здравый смысл может оценить лишь как абсурдную, даже безумную. В «Хагакурэ» — самом авторитетном из всех, когда бы то ни было написанных самурайских трактатов, два иероглифа — «умирать» _(сини)_ и «сходить с ума» _(куруи)_соединяются в одно слово _синигуруи_ («сумасшедшая смерть»), и столь неистовое состояние предписывается необходимым воину; дело в том что он не может совершить никакого великого деяния, покуда сперва не «преодолеет себя», отбросив осторожность, диктуемую разумом и собственными интересами.[842 - _Бусидо_ва_синигуруи_нари…_Хэйдзэй_хито-ни_ноэкоэтару_кокоро_нитэ_накутэ_ва_нарумадзику_соро_. Мисима, _Эйрэй-но_коэ_ (Токио, 1970), с. 48.] Прямолинейность, однонаправленность характера воина-камикадзе — этот аспект просматривается в сочинениях Мияноо Бумбэй, молодого поэта, вступившего в Военно-Воздушные силы особого назначения и взорвавшегося неподалеку от Окинавы в апреле 1945 года. В сборнике, изданном посмертно под названием «Одинокая Звезда», Мияноо предвидит свою смерть и, хотя он и принадлежит к совершенно иной традиции, чем летчик у Йейтса, у которого

Порыв внезапного восторга

Ведет к безумству в облаках,[843 - «An Irish Airman Forsees His Death,» The Collected Poems of W.B.Yeats (New York, 1956), p. 133.]

он также свободен от озлобленности («Нет злобы у меня в сражении к врагу») и способен созерцать состояние своего ума с тем же лиризмом и чистотой видения. «Когда я думаю об этом, — пишет он во вступлении к стихам, — на меня нисходит великий холод… [Скоро] я исчезну навсегда. Я спокойно стану несуществующим, подобно безымянной звезде, гаснущей на рассвете».[844 - «Кикэ вадацуми-но коэ» (Токио, 1963), 1:231.]

Поведение добровольцев-камикадзе обусловливалось японской метафизикой смерти, выраженной как в «традиционной самурайской философии, так и в религии. Со времен средневековья самурая учили, что „жизнь легче гусиного пуха“,[845 - Классические слова Сыма Цяня в его знаменитом письме к Жэнь Аню (98 г. до н. э.):У человека есть лишь одна смерть. Эта смерть может быть тяжелой как гора Тай, либо легкой, как гусиное перо. Все зависит от того, как он ею воспользуется… В природе каждого человека любить жизнь и ненавидеть смерть, думать о своих родителях и заботиться о жене и детях. И лишь тогда, когда человеком движут высшие принципы, это отношение меняется. Тогда появляется то, что ему сделать необходимо… (Wm.Theodore de Bary, ed.. _Sources_of_Chinese_Tradition,_ New York, 1960, p. 272.)] что он должен подчинять „правому делу“ (_ги_) все свое желание лично выжить. За время короткого периода обучения, у пилотов камикадзе для наставлений оставалось мало времени. Собственно, в этом и не было особой необходимости, поскольку уже перед вступлением в отряды самоубийц они были пропитаны идеологией смерти, берущей свое начало в этосе японского воина. На протяжении месяцев, проводимых в казармах, эта идеология драматизировалась тем фактом, что гибель людей происходила постоянно у них на глазах. В „Хагакурэ“ им красноречиво излагалось, как следует реагировать на столь устрашающую перспективу:

Смерть следует ожидать ежедневно, так что, когда придет ее время, можно было бы умереть с миром. Когда случается несчастье, оно оказывается не столь страшным, как представало в опасениях. Глупо мучить себя заранее бессмысленным воображением… Умиротворяйте свое сознание каждое утро и представляйте тот момент, когда вы будете поражены и искалечены стрелами, пулями, копьями и мечами, смыты огромными волнами, брошены в огонь, повергнуты молнией, раздавлены землетрясением, сорветесь в пропасть, умрете от болезни или погибнете в случайном происшествии, — умирайте в своем сознании каждое утро, и тогда вы не будете бояться смерти![846 - Цитируется у J. Seward, _Hara-Kiri,_ Tokyo, 1968, p. 86.]

Этим молодым добровольцам не грозила смерть извне — случайная или от невезения; она должна была придти к ним изнутри, как осознанный акт, совершенный по доброй воле. Уже с давних времен прототипического героя Ёродзу, воин всегда был готов скорее прервать свою жизнь, чем рисковать бесчестьем для себя, своей семьи, или своего господина. Самоубийство, рассматривавшееся далеко не как „выход для трусов“ было единственным благородным образом действий героя в чрезвычайной ситуации; это был не импульсивный жест отчаяния, но акт, исполненный гордости, тщательно обдуманный и подготовленный.

Буддизм, делающий особое ударение на отсутствии „я“, самоотрицании _(муга),_ учит, что мы можем избежать страданий, присущих человеческому существованию, лишь отрешившись от иллюзии самости и личных желаний, и прежде всего — желания сохранить жизнь. Это усиливало жертвенные аспекты самурайского этноса и помогало воинам с легкостью принимать физические тяготы и конечное уничтожение. Для многих из новобранцев-самоубийц за начальным периодом беспокойства следовало нечто вроде буддийского _сатори,_ и духовного пробуждения, когда они приходили к согласию с предстоящей им смертью. В отличие от пилотов во многих других странах, добровольцам камикадзе не предоставляли никаких особых привилегий, и материальные условия в казармах вплоть до самого дня их вылета были столь же непритязательны, как у аскетов-буддистов. Однако в их письмах и дневниках нет ни намека на неудовлетворенность, никаких сетований на то, что они не смогли насладиться особой пищей или комфортом в свои последние месяцы. Эти спартанские условия жизни не только не были для них болезненными лишениями, но, напротив, помогали им обрести „спокойную неподвижность без внутреннего сопротивления“,[847 - В The _Japanese_Cult_of_Tranquilily,_ London, I960, Karifried Graf von Durkheim говорит о летчиках-камикадзе, как о «высшем выражении японской сути», как об основных современных приверженцах концепции «жизнь посредством смерти». «Есть способ умереть, — пишет фон-Дёркхайм, — превосходящий антитезу жизнь и смерть, который можно описать выражением 'уже существовать в иной жизни'. Такая форма сознания — а также тела — позволяет человеку встречать самые трудные задачи в жизни, и даже саму смерть, без малейшего содрогания. Он достигает совершенного спокойствия без внутреннего сопротивления, поскольку пожертвовал своей самостью, и теперь просто подчиняется необходимости момента.» Письма, дневники и стихи летчиков-камикадзе несомненно проникнуты этим спокойствием; все же, определять это как «высшее выражение японской сути», значит преувеличивать (а следовательно — и ослаблять) момент.] приходившую после отрицания „я“ и его желаний, и, таким образом, готовившую их к окончательному самоуничтожению в день их последнего вылета.

Хотя религиозное воздействие было важным в психологической подготовке бойцов камикадзе, это вовсе не означает — как могли бы предположить не-японские читатели — что большинство из них успокаивало себя (тем более их поступки не были мотивированы) мыслью о том, что они будут жить после смерти и пожинать плоды своего самопожертвования в каком-либо раю или пантеоне. Буддизм не просто ставил целью полное уничтожение, но, будучи в сущности пацифистской доктриной, совершенно не собирался предоставлять вознаграждение людям, которые погибли, намеренно навязывая насилие себе и другим. Государственная религия Синто действительно обещала, что отдавшие свои жизни на службе императору, возвратятся в виде божественных духов для почитания в святилище Ясукуни, однако в синтоизме концепция посмертной жизни весьма туманна; с самого своего начала в нем избегали метафизических построений. Будучи недавними университетскими студентами, большинство пилотов камикадзе, чьи записи сохранились, похоже, несколько сомневались в популярных формах религии, уверяющей человека в обретении счастья в некотором будущем существовании. Даже ожидая неминуемой смерти, мало кто из этих молодых людей успокаивался мыслью о возможной жизни после смерти. Представляется типичным разговор Нагацука со своим другом, таким же летчиком, по имени Фудзисаки, которого он навестил за два часа до собственного вылета. Фудзисаки улыбаясь спросил, верит ли он в жизнь после смерти.

„Нет, — ответил я, — мне кажется, я. являюсь кем-то вроде атеиста“.

„Думаю, что ты прав, — сказал Фудзисаки. — После нашей смерти будет только пустота… Для нас все кончится, даже наши души исчезнут без следа. Да, — продолжил он весело, — более двадцати лет мы получали радость и внимание от своих семей. Конечно, этого достаточно. Для меня ничуть не важно, что со мной произойдет после смерти. Как бы то ни было, совершенно немыслимо, чтобы мы встретились потом, даже через посредство наших духов… Так что сейчас я прощаюсь с тобой навсегда“.[848 - Nagatsuka, _J'etais_un_kamikaze,_ p. 197. О письме Фудзисаки перед его последней атакой на Окинаве см. Нагацука, там же, с. 249.]

Несмотря на всю националистическую пропаганду духов славных героев войны, почитаемых в святилище Ясукуни, превалирующим настроением среди летчиков камикадзе было что-то вроде скептицизма с легким сердцем. Во время сбора на авиабазе Сёбу один из пилотов спросил командующего Накадзима, существует ли в Ясукуни какая-либо субординация в соответствии со званием:

„В святилище Ясукуни нет никакой субординации, — ответил я. — Первенство определяется лишь по времени прибытия.“

„Тогда я буду выше вас, командующий, потому что вам придется послать много летчиков до собственного вылета“.

„Послушайте, что мы сделаем с командующим, когда он доложит о прибытии в Ясукуни?“

„Давайте назначим его сержантом — дежурным по кухне!“ Это предложение было встречено одобрительным хохотом.

„Неужели вы не можете подыскать для меня ничего получше?“ — спросил я.

„Ну, хорошо, тогда — офицером, дежурным по кухне,“ - сказал предлагавший, и они снова разразились хохотом.[849 - Иногути, с. 80. Yokota _(Suicide_Submarine!_ p. 113) приводит подобные шутки относительно Ясукуни в группе добровольцев на «Кайтэн»: «Иногда мы дурачились, говоря 'Я прибуду в Ясукуни до тебя, и ты будешь подчиненным. После этого мы все говорили о тех вещах, которые будем выделывать с теми, кто прибудет позже.»]

Будучи все же людьми, многие из бойцов-камикадзе должны были переживать моменты сомнений, даже ужаса в связи со своей близящейся гибелью;[850 - С самого момента поступления в отряды спецназначения, все знали, что они — «живые трупы». Лейтенант Канно, ставший камикадзе на Филиппинах, еще более драматизировал этот факт, наградив себя обычным посмертным повышением в чине до смерти, написав на своем летном мешке слова 'личные вещи покойного старшего лейтенанта Канно Наоси'. Иногути, с. 34.] однако особая японская комбинация традиций и влияний помогала им пересилить эти естественные импульсы. За день до своего вылета лейтенант Нагацука пережил в душе ночь кошмаров, размышляя о самоуничтожении, однако смог „удержаться на поверхности“ с помощью веры в позитивное значение своего поступка:

Скорое приближение смерти заставило меня искать для нее какое-то оправдание с помощью отрицания ценности человеческой жизни. Я знал, что я делаю. Кроме того, моя смерть совершенно отличалась от, например, той, какую вызывала болезнь. [Теперь] все было полностью в моих руках… — сохранить ясную голову, чтобы быть способным контролировать свои действия вплоть до последнего момента; умирающий же пациент вынужден пассивно ожидать смерти, лежа в постели. У моей смерти был смысл, значимость. Прошло какое-то время, и я с удивлением обнаружил, что эти размышления восстановили мое спокойствие.[851 - Nagatsuka, _J'etais_un_kamikaze,_ p. 258.]

Несмотря на чрезвычайно высокую напряженность своего положения, летчики-самоубийцы никогда (за исключением некоторых особых ситуаций, которые будут вкратце описаны)[852 - Millot, _L'Epopee_Kamikaze,_ p. 299. Истории о том, что летчики-самоубийцы получали алкоголь или наркотики, чтобы обрести необходимый запас храбрости для последнего полета, или что их

приковывали к креслам, чтобы они не смогли в последний момент покинуть кабину, — чистая выдумка. Они идут вразрез со всем, что мы знаем о психологии камикадзе, и были, вероятно, сфабрикованы западными журналистами в попытках объяснить (или принизить) самоубийственную тактику японцев.Еще более смехотворны популярные рассказы о вакханалиях накануне вылетов, когда молодых жертв-летчиков отвлекали вином, женщинами и песнями, утешая перед грядущим жертвоприношением, а также истории о том, что они шли в бой, одетые в длинные балахоны, как священники (Toland, _Rising_Sun,_ p. 714). Камикадзе, оставшийся в живых, генерал-лейтенант Ватанабэ Сэй пишет: «Мне кажется, большинство американцев рассматривают камикадзе, как отчаянных сорвиголов с самоубийственными наклонностями. Они были какими угодно, но не такими.» Он считает «чистой ерундой» популярную убежденность американцев в том, что накануне вылетов камикадзе устраивали дикие вечеринки, что их напаивали, или накачивали наркотиками, чтобы подбодрить перед последним заданием. «Stars and Stripes», 20th July 1968.] не драматизировали его и не устраивали истерик; общепризнано, что со времени образования отрядов камикадзе в 1944 году уровень морали в них был выше, чем в остальных подразделениях вооруженных сил Японии. Даже пилоты с минимальным опытом были полны энтузиазма, отправляясь в свой последний полет, — это веселое настроение восполняло недостаток тренировок. В описаниях повседневной жизни баз камикадзе, в личных записках пилотов очень редко проскальзывает даже тень мрачности или пессимизма;[853 - «Мои [друзья],- пишет Ёкота о тех, кто вскоре должен был сесть в торпеды, — были ко всем — а так же и к друг другу — дружелюбны. Никто не выглядел грустным, не было также и чересчур гордых, чего можно было бы ожидать от самых тренированных на то время для управления „Кайтэн“. Ко всему прочему, они много смеялись, говорили много веселого, заставляя смеяться других». _Suicide_Submarine!_ p. 121.] в день же вылета, когда они готовились взмыть вверх, подобно Икару в его полете к солнцу, их обычным настроением была легкость и некоторая экзальтированность, лишенная, казалось, всяких признаков инстинкта самосохранения. На типичной фотографии бойца камикадзе, завязывающего _хатимаки_ с изображением Восходящего Солнца вокруг шлема своего товарища-пилота, готовящегося к вылету, молодой человек улыбается со спокойной уверенностью в себе, как если бы он и его приятель готовились к женитьбе или церемонии окончания университета.[854 - Фотография № 7 в «Симпу».] Лейтенант Суга Ёсимунэ из Особого ударного соединения „Истинный Дух“ описывает свою гордость тем, что ему предоставлен шанс доказать искренность намерений, защищая Японию с помощью этой „последней козырной карты“. Жизнь стала теперь для меня истинным удовольствием, — говорит он. — Сколь радостней стала весна для нас, — тех кто входит в [Особое ударное] соединение: гораздо теплее и мягче, чем в печальном внешнем мире!» Пилот-наводчик торпеды «Кайтэн» так описывает свое состояние, когда он готовился к последнему выходу:

20 апреля [1945 года], в день отправления группы Тэмбу, мы шестеро были новыми людьми, все полные уверенности. Когда мы позировали для памятной фотографии, держа в руках по ветке с вишневыми цветами, я взглянул на свою веточку, на которой еще оставались цветы, и сказал себе: «Какое счастье, Ёкота Ютака, что ты родился мальчиком! Женщина никогда не смогла бы испытать такого!» Рвение переполняло нас. Синкаи и я поклялись друг другу, что потопим самые большие корабли, какие только сможем найти. Я подумал о своем возрасте — девятнадцать лет — и об изречении «Умереть, когда люди все еще оплакивают твою смерть, умереть, когда ты чист и свеж, — это истинное Бусидо.» Да, я шел путем самурая. Глаза мои сияли, когда я вновь ступил на борт I-47. Я с удовольствием вспомнил, как Андзай Нобуо цитировал стихотворение, говоря мне, что я «паду таким же чистым, как вишневый цветок», который я сейчас держу в руках. Крики

бандзай проводили нас в путь. Мои мысли переполнялись тем, что так много раз говорил мне лейтенант Фудзимура Садао, один из инструкторов на базе в Цутиура: «Никогда не уклоняйся пред лицом смерти. Если сомневаешься — жить или умереть, — всегда лучше умереть…» Мы снова встали на «Кайтэн», размахивая мечами, покуда провожавшие катера, с которых неслись добрые пожелания, не отвернули обратно. Затем я забрался в «Кайтэн» и положил пепел Ядзаки и ветку с вишневыми цветками рядом с сидением.[855 - Yokota, _Suicide_Submarine!_ p. 159. Ядзаки Ёсихито, один из изобретателей «Кайтэн», погиб от удушья при одном из тренировочных испытаний, и Ёкота решил взять урну с его прахом с собой, когда наступит его время идти на операцию. Ёкота, с. 112.]

Часто в своих прощальных письмах летчики-камикадзе пытаются успокоить своих родителей, передав им частицу своей спокойной радости. Лейтенант Хаяси просит своих родителей продолжать жить счастливо после его смерти. «Мама, — пишет он, — я не хочу, чтобы вы горевали о моей смерти. Я не против того, чтобы вы плакали. Плачьте. Но, пожалуйста, поймите, что моя смерть — к лучшему, и не горюйте об этом».[856 - _Суккари_ататакаку_наттэ,_сэнкацу_мо_дзицу-ни_раку-ни_наримасита_… «Симпу», с. 182–83.] Когда его вылет был отложен на день, он добавил постскриптум с описание прекрасной прогулки, которую он совершил по близлежащим рисовым полям, слушая кваканье лягушек, останавливаясь, чтобы полежать на полях люцерны _рэнгэсо,_ которая наполнила его воспоминаниями о доме. «Вишневые лепестки уже опали… Оказалось, что атаковать нам придется завтра. Таким образом, годовщина моей смерти будет 10 апреля. Если вы будете поминать меня, надеюсь, у вас будет счастливый семейный ужин».[857 - «Симпу», с. 177–79, переведено у Иногути, с. 205–206.] Мацуо Исао начинает свое последнее письмо с просьбы к своим родителям порадоваться его судьбе, с надеждой, что они улыбнутся, посмотрев документальный фильм, который был недавно снят для хроники о нем и пятнадцати других бойцах Особого ударного соединения «Герои». Как и многие другие летчики, он заканчивает пожеланием самому себе умереть красиво. «Пусть наша смерть будет такой же внезапной и чистой, как у разбившегося кристалла![858 - _Аа_тама_то_кудакэн._ «Симпу», с. 176, переведено у Иногути, с. 201.]»

Одним из немногих случаев, когда напряжение у добровольцев камикадзе выходило на поверхность, было извещение, что их не включили в состав той группы, на которую они рассчитывали, или когда при каких-то особых обстоятельствах им удавалось выжить и приходилось переживать ужасное состояние возвращения обратно на базу.[859 - У тех, кто управлял такими приспособлениями, как бомбы Оока или торпеды «Кайтэн», не было риска остаться в живых; после того, как была изменена система постановки на боевой взвод и заправки обычных самолетов, подобная «неудача» стала для них невозможна.] Для офицеров, командовавших отрядами камикадзе, процесс отбора был трудным, временами — мучительным. Большинство из их подчиненных горели желанием быть посланными сколь возможно скорее, и горячая благодарность немногих отобранных зачастую перевешивалась плохо скрытой горечью остальных.[860 - «Опускалась ночь, — пишет командующий Накадзима в своем описании последнего вечера на базе Цебу, — и я собрался уходить. Двое, или трое летчиков шли за мной до двери, и даже вышли наружу, упрашивая, чтобы их назначили на операцию. Некоторые из их товарищей, которые услышали эти просьбы, закричали ‘Нечестно! Нечестно! Никаких особых

одолжений!' Эти странные слова смешались с общим добродушным шумом, и вскоре я уже ничего не слышал, шагая в свое расположение, погруженный в размышления.» (Иногути, с. 80.)] Это случалось не потому, что летчики хотели поскорее разделаться со своей работой, хотя не исключено, что иногда подспудно вызревали и подобные мотивы, но оттого, что они уже настроили себя на выполнение столь из ряда вон выходящего задания и боялись, что, если операции камикадзе будут прекращены, или внезапно спадет уровень противостояния, они навсегда останутся позади тысяч своих товарищей, которых решимость не оставила до конца. Типичное чувство «покинутости» ощутил подчиненный, когда вице-адмирал Угаки, ответственный за все операции камикадзе с острова Кюсю, отправлялся в свой собственный самоубийственный полет в самый последний день войны. Старший офицер 5-й воздушной армии капитан Миядзаки попробовал переубедить Угаки с помощью того довода, что подобная атака неуместна, однако адмирал был непреклонен и приказал подчиняться его приказам. Вскоре Угаки вышел на летное поле, неся с собой лишь короткий самурайский меч и бинокль:

Капитан Миядзаки стоял спокойно и торжественно, но, наконец, не в силах больше сдерживаться, шагнул вперед и сказал: «Пожалуйста, возьмите меня с собой, адмирал».

Угаки твердо ответил ему: «У вас есть более чем достаточно дел здесь. Вы остаетесь».

Для Миядзаки этот отказ был слишком сильным ударом. Он остался стоять, но разразился рыданиями, плача открыто и не стыдясь, пока остальные проходили мимо.[861 - Вице-адмирал Угаки провел свою атаку 15 августа— ПОСЛЕ передачи по радио речи императора о капитуляции; она, таким образом, не была мотивирована военной необходимостью, являясь чистым актом неповиновения. Четыре из одиннадцати бомбардировщиков, входивших в его ударную группу не взлетели из-за неисправности моторов, остальным же удалось войти в смертельное пике, однако не осталось никаких записей с указанием на то, что какой-либо американский корабль был поражен. Перед тем, как разбить свой самолет, Угаки передал по радио следующее послание:Одного меня следует винить в неудачной обороне нашей родины и неспособности уничтожить грозного противника. Усилия же офицеров и людей, находившихся под моей командой, следует оценить исключительно высоко.Я собираюсь атаковать над Окинавой, — там, где упали мои люди, подобно вишневым лепесткам. Здесь я врежусь и уничтожу самонадеянного противника в истинном духе Бусидо, с твердой убежденностью и верой в императорскую Японию.Я надеюсь, что личный состав всех соединений под моей командой поймет мотивы, мною руководящие, превозможет все трудности в будущем, будет трудиться для восстановления нашей великой родины, дабы она процветала вовеки.Да здравствует Его Величество император! (Иногути, с. 168.)Последняя запись в дневнике Угаки оканчивалась словами: «Я также решил вечно служить своей стране в духе Кусуноки Масасигэ.» Toland, _Rising_Sim,_ p. 853.]

Из тысяч добровольцев, вызвавшихся на самоубийственные задания того или иного рода, лишь горстка пережила войну. Реакция этих людей на свою странную судьбу бросает некоторый свет на психологию камикадзе. Среди выживших были входившие в Особое армейское соединение специального назначения «Кацура», поднявшиеся в воздух на двенадцати истребителях майским

утром 1945 года. К тому времени большинство самолетов представляли собой разболтанные ящики, отремонтировать которые не представлялось никакой возможности. Только трем истребителям удалось сколько-нибудь приблизиться к цели; девять остальных были вынуждены или выброситься с парашютом, или совершить экстренную посадку, и пилоты ждали замены самолетов, а тут в августе кончилась война. Семь человек, переживших ту «атаку», собрались двадцать один год спустя в храме рядом с их старым летным полем.[862 - «Time», 19th August 1966. На этой встрече присутствовали также 50 женщин средних лет, бывших во время войны школьницами местной средней школы, которых привлекали для мойки самолетов камикадзе. Многие из них дружили с молодыми летчиками, а одна вспоминала, что, когда эскадрилья получала приказ на вылет, «мы чувствовали себя женами самураев, посылаемых в бой — как в старой Японии». Группа летчиков-камикадзе, оставшихся в живых, была образована в Токио, и раз в году они проводят совместный ужин. Один из ее членов, г-н Оно Такаси, менеджер отеля «Гранд Палас», любезно пригласивший меня к себе в офис во время моего визита в Японию в 1973 году, очень ярко описал свои чувства и эмоции военного времени. Он сам готовился к вылету, но задержался из-за неисправности мотора, а ко времени, когда стало возможным получить другой самолет, закончилась война. Его знакомый летчик, незадолго до этого женившийся, сообщил жене, что вскоре его посылают на самоубийственную операцию, обещая известить, как только узнает точное время. Получив приказ о вылете, он послал жене соответствующее письмо, однако его самолет (как и у г-на Оно) не смог оторваться от земли; несколько дней спустя, еще до того, как прислали самолеты замены, на его базе все вылеты камикадзе были отменены. Он помчался в Осака, где был дом семьи жены, послав сперва телеграмму с извещением, что остался в живых, однако прибыл лишь во время, чтобы увидеть похоронный кортеж, отходящий от дверей дома.Получив первое известие о вылете своего мужа, она поставила перед собой его фотографию с фатальным письмом и перерезала себе сонную артерию. Телеграмма (подобно письму Фриара Лауренцо к Ромео в Мантую) опоздала, и не смогла предотвратить трагедию. Потрясенный смертью жены и тем, что сам он остался жить, он провел много лет в состоянии почти каталептическом, пока не стал медленно возвращаться к жизни.] После стандартного «последнего завтрака» камикадзе, состоявшего из риса и сушеной каракатицы, они обменялись чашечками _сакэ_ в память о прошлых героических днях. Один из оставшихся в живых — адинистратор-сельскохозяйственник средних лет — сказал, что эта встреча наполнило его «горячей ностальгией по тем временам, когда я был так чист, что ни о чем не думал, кроме того, чтобы умереть во славу своей нации», и он задумчиво высказал желание «встретить свое прошлое».

Немедленной реакцией бойцов-камикадзе, когда они понимали, что их операция не увенчалась успехом, или что у них уже никогда не будет случая принять участие в какой-либо операции, было сочетание предельного разочарования и отвращения к себе, преодоление которых занимало иногда годы; они не только не испытывали никакого удовольствия от того, что остались в живых, но, напротив, — многие изо всех сил стремились избежать неожиданной отсрочки, убивая себя. Сакаи Сабуро, воздушный ас, принимавший участие в атаке на Иодзима, сообщал о случившемся в одну из ночей, когда он наткнулся на летчика, пережившего самоубийственную атаку; молодой человек прятался в темноте у взлетной полосы, его пришлось ставить на ноги и отводить к командиру.[863 - Sakai Saburo, _Samurai_ (New York, 1957), p. 319.] Когда Ватанабэ Сэй сказали, всего за два дня до того, как он должен был отправляться для самоубийственной атаки на Улитхи, что война окончилась, и он вскоре сможет спокойно вернуться домой, «я плакал и чувствовал себя оскорбленным. Меня лишили смерти». Описывая реакцию своих товарищей-добровольцев, Ватанабэ говорил репортеру: «Мы были потрясены и ошеломлены, многие плакали. Мы так

тщательно готовились к операции, а теперь пришлось от нее отказываться». Ход военных действий, как он заметил двадцать пять лет спустя, сохранил ему жизнь, однако, если бы ему сегодня снова можно было стать камикадзе, он бы не колебался.[864 - «Stars and Stripes», 20th August 1970. В 1968 году Ватанабэ Сэй стал генерал-лейтенантом японских сил воздушной обороны. Генерал с тихим голосом ведет спокойную жизнь и любит проводить время в своем саду. По его словам, единственно, когда он приходит в возбуждение, это приезжая в Токио. «Вы когда-нибудь видели этих водителей-камикадзе?» — затем он улыбается и говорит: «Я думаю, это вы, американцы, так их прозвали».]

Уровень выживаемости среди торпедников и «потрясателей океана» был почти на нуле. Однако, один американский морской офицер вспоминал о спасении троих камикадзе, у торпед которых случились неполадки с моторами и их несло в открытый океан из Манильского залива в январе 1945 года.[865 - «Stars and Stripes», 8th August 1963, писала о том, как вновь встретились американский офицер и три камикадзе, столь не желавшие оставаться в живых.] Много времени спустя американским летчиком было замечено какое-то странное суденышко, и он доложил о его местоположении ближайшему эсминцу. Торпеда пришла в негодность, и, когда вражеский корабль стал приближаться, японцы попытались совершить харакири. У них уже не оставалось достаточно сил, чтобы провести самоубийство, и американскому офицеру удалось их обезоружить и поднять на палубу эсминца, где он помогал их выхаживать, и, наконец, ему удалось убедить их не расставаться с жизнью. Похожая история произошла с двадцатидвухлетним морским летчиком, младшим лейтенантом Аоки Ясунори, старый и разболтанный самолет которого ударился о воду, когда тот пытался врезаться в эсминец у берегов Окинавы в мае 1945 года.[866 - О спасении Аоки см. Toland, _Rising_Sun,_ pp. 714-17.] Спасенный против своей воли, он отвергал все предложения еды и сигарет. Поскольку бежать было невозможно, Аоки понял, что оставался единственный благородный выход из положения, и попытался покончить с собой, прокусив себе язык и давясь кровью. Когда и это ему не удалось, он попытался повеситься на скрученных веревках, но был замечен охранником. Тогда стало ясно, что смерть решила обойти его, и он обречен остаться в этом мире.[867 - Аоки стал образцовым заключенным и был отправлен в Японию в 1946 г. (Toland, _Rising_Sun,_ p. 717.) Ужасное ощущение от того, что остался в живых, также описано Ёкота Ютака — молодым добровольцем, вызвавшимся управлять торпедой, который рассказывает о том, как он вместе с товарищем возвращались после неудачной атаки:Синкай чувствовал себя так же плохо, как и я. Он, всегда такой веселый, был в мрачнейшем настроении. Мы приходили в ужас от одной мысли, что придется вернуться в казармы. Мы были уверены, что с нами никто не станет говорить. Шестеро управляющих «Кайтэн» вышли в море, четыре были запущены. Синкай и я возвращались уже во второй раз. Люди будут думать, что с нами что-то не в порядке, — так нам казалось, — и отворачивать лица. Как только мы смогли сойти с подлодки, мы прошли в свою старую комнату и оставались там, отрезав себя, насколько это было возможно, от внешнего мира. Мы избегали контактов с людьми. Мы надеялись, что внезапно разверзнется земля и поглотит нас. (Yokota, _Suicide_Submarine!_ p. 193.)Позже он просит своего командира-начальника о помощи:И снова [смерть] не стала от меня отворачиваться, а протянула свои зовущие руки. Я чувствовал себя беспомощным, совсем без сил. Я обсудил это с младшим лейтенантом Сонода. «Что мне делать? — спросил я. — Вероятно, я уже не смогу вернуться на базу. Вы знаете это». Все, что он мог тогда сказать, было: «Вы правы, Ёкота.» У него не хватило слов. (Yokota, _Suicide_Submarine!_ p. 212.)[Я больше не мог] смотреть на мир, который столь полностью отринул. Я был жалок и подумывал о самоубийстве, но гордость мне не позволила. Моя жизнь была оценена в один большой американский авианосец, — напоминал я себе. Как же теперь ее

отдавать за маленькую пистолетную пулю?… Я терзался душой, и поэтому оставался на [базе в] Оцудзима, ничего практически не делая в течение двух недель. Я размышлял об императорском рескрипте, оглашенном всем военным после капитуляции, в котором император приказывал нам «преодолеть тысячу трудностей и вынести невыносимое». Это было мне не по силам. Хотя я и решил не умирать, я не мог снова уверенно войти в жизнь. Я стал вялым, и только лишь ожидал — что принесет будущее. Я чувствовал себя одним из наших _бонсай,_ миниатюрных деревьев, которые не растут, а только стареют. (Yokota, _Suicide_Submarine!_ p. 250.)] В нескольких других случаях летчики, каким-то чудом выжившие в таранных атаках, умоляли своих пленителей убить их, или дать им возможность покончить с собой, — все эти просьбы, насколько известно, были отклонены.

Не требуется больших усилий воображения, чтобы понять реакцию выживших камикадзе. После того, как они отказались от жизни и психологически приготовили себя к тому, чтобы последовать за своими предшественниками в ничто, мысль о том, что они (буквально и фигурально) «не попали на корабль», вызывала ощущение отчаяния от бесчестья, а перспектива ожидания следующей возможности совершить свой «последний» вылет, должна была часто казаться непереносимой. Это ощущение обще и для тех людей, кто по какой бы то ни было причине всерьез пытался совершить самоубийство, но не смог; однако в случае с бойцами камикадзе оно было усилено самурайскими традициями и героическим этосом страны. Летчик, приготовившийся к самоуничтожению, прошедший разнообразные ритуалы прощаний перед отлетом, был вынужден теперь возвращаться на базу, не найдя цели, и страдал самой сильной формой душевного расстройства, поэтому неудивительно, что многие из них намеренно разбивали срои самолеты даже не приблизившись к цели, дабы только не подвергнуться столь мучительному перепаду. Все знакомы с тем неудовлетворением, что возникает в повседневной жизни, когда кто-нибудь внезапно возвращается после того, как со всеми попрощался, или — что еще хуже — вообще не может уехать. Насколько же более сильным оно должно было быть у живых богов в Японии военного времени!

Полное боли описание подобного возвращения из никуда составлено лейтенантом Нагацука (единственным выжившим камикадзе, написавшего о некоторых психологических аспектов им пережитого), когда он рассказывает о неудачной атаке на американские силы 29 июня 1945 года.[868 - Nagatsuka, _J'etais_un_kamikaze,_ pp. 269-79. Ударные силы американцев находились приблизительно в 300 милях от авиабазы и где-то в 150 милях от позиции камикадзе, приготовившихся к атаке. Поскольку топлива у них было всего на 350 миль полета, им надо было либо немедленно возвращаться, либо падать в океан. В подразделении Нагацука не ставили бомбы на боевой взвод, покуда самолет не приближался к цели, однако неудачное приземление почти наверняка вызвало бы взрыв.] Сильный дождь и туман лишили последней возможности отыскать военные корабли, и командир атакующего отряда решил, что им следует вернуться на базу, пока еще оставалось достаточно горючего, и подождать более благоприятного дня для повторения вылета. Когда Нагацука увидел сигнал поворачивать назад, его охватили смешанные эмоции;

Под этими облаками в каждой точке меня ожидала верная смерть, и только облака не дали продолжить наш последний полет. Теперь мне давался шанс жить в этом мире дальше. Благодарить ли мне небеса, или проклинать их за то, что они прервали мой путь?

Возможно, ему следовало продолжать полет одному, несмотря на то, что другие самолеты повернули за своим командиром обратно на базу. Но это было бы безумием: он никогда не смог бы найти путь в этих тяжелых облаках один. Но что будет, если он вернется?

Будет ли у меня возможность вылететь снова? Я очень хорошо знал, что на нашей базе кончилось горючее, и никто не мог сказать — снабдят ли им нас вообще… Нет, это была моя первая и последняя возможность атаковать. Я оставил базу с твердым намерением пожертвовать своей жизнью. Насколько же постыдным было возвращаться!

Где-то через секунду он увидел перед собой, что второй и третий самолет их звена следуют за командиром и готовятся к повороту. Нагацука показалось что он превратился в автомат: его левая нога толкнула педаль поворота, а правая рука тронула ручку управления. Направляясь обратно, он был переполнен новыми сомнениями:

Как я мог это сделать?… До тех пор, пока мне представится другой случай вылететь, я буду страдать и от себя самого, и от других. Поскольку я решил пожертвовать своей жизнью, мне следовало идти до конца. Оправдываться тем, что я не мог видеть американские корабли — это просто предлог. Люди скажут, что я предпочел унижение славной смерти. Какой стыд!

Страхи Нагацука от того, что ожидало их на базе, оказались более чем оправданными. После удачного приземления, он и остальные пилоты пришли к командовавшему офицеру и доложили о случившемся. Они были в состоянии глубочайшей депрессии, но их мучения еще усилились, когда они узнали, что шесть других летчиков из их атаковавшего соединения не отвернули, несмотря на погодные условия, и к этому времени уже врезались — бессмысленно, но героически — в волны Японского моря. Нагацука отчетливо рисует нам состояние апатии, характеризующее тот редкий и несуразный феномен, которым он теперь стал — камикадзе, оставшийся в живых:

У меня не было ни малейшего ощущения того, что я чудом избежал смерти. Еще менее ощущал я какую бы то ни было радость от того, что снова нахожусь на базе. С опустошенной душой шел я по тропке, ведущей к подземной казарме. Я не пытался обходить лужи, ступал прямо по ним, не видя, где нахожусь, совершенно рассеянно, не ощущая — иду ли я, или шатаюсь, как пьяный. Вокруг простирались кукурузные поля. Я видел их зеленое покрытие, не глядя на них — ту зелень, которую я уже не ожидал увидеть никогда. Вчера она казалась близкой и знакомой, но теперь она была почти враждебной. Разумеется, она упрекала меня в том, что я не справился со своей миссией. От этой мысли мое сердце наполнилось великим унынием: кукуруза имела право

продолжать расти, по крайней мер до осени, тогда как мое существование было незаслуженным и временным.

После этой, весьма грустной прогулки по полям, Нагацука возвращается в казарму. Здесь он встречает группу добровольцев, которых еще не назначали на операцию:

Я отдал им честь, не говоря ни слова, и они, так же молча, отсалютовали мне. Наверное, они не могли решить: попробовать ли вывести меня из этого состояния смущения, или упрекнуть за трусость. Мне показалось, что на их лицах мелькнуло выражение сострадания…

Чтобы избежать их присутствия, он идет в помещение для офицеров.

Это был «зал» только по названию, на самом деле он более напоминал мрачную пещеру. Мой меч, конверт с моим завещанием — все лежало на моей койке.[869 - Как и лейтенант Канно, Нагацука уже присвоил себе посмертное звание, однако в его случае попытка играть с судьбой была жестоко наказана.] Я написал тогда «погибший капитан Нагацука». Теперь этот кусок бумаги наполнил меня отвращением, он бросал мне вызов, он оскорблял меня. В ярости я схватил конверт и разорвал на мелкие куски. Затем я сбросил все с койки. Никто не посмел сказать ни слова. Даже лейтенант Танака, всегда болтавший не переставая, молчал. Все мы были раздавлены стыдом, мучимы угрызениями совести. Вытянувшись на койке, я постарался заснуть, но не мог. Состояние возбуждения сменилось огромной физической и духовной усталостью.

До этого момента основные страдания Нагацука и других оставшихся в живых происходили от ощущения внутренней вины, однако их ожидало еще худшее — публичное унижение. Вскоре после того, как они улеглись на койки, его и других одиннадцать участников ударного отряда вызвали к командующему, который обратился к ним глухим голосом:

«Вы — первые летчики отряда специального назначения в нашем подразделении. Шестеро из вас… исполнили свой долг до конца, хотя им и не удалось потопить ни одного вражеского корабля. Совершенно очевидно, что они были готовы к смерти еще до взлета. Но вы — вы не смогли подготовить себя. И вот, вы вернулись под предлогом плохой погоды. Презренные трусы!… Вы никогда не станете истинными офицерами. Вы все еще просто студенты… У нас больше нет топлива, а вы истратили то немногое, что у нас было… Почему вы не смогли умереть достойно?» Его губы дрожали, когда он закончил: «Стыдитесь! Фактически вы бежали перед лицом врага. Вы обесчестили наше подразделение и деморализовали моих людей… Я сажаю вас под арест и приказываю переписывать священные слова Его Величества вплоть до дальнейших распоряжений.[870 - Под «священными словами» подразумевается императорский Рескрипт к Солдатам и Матросам (1882), из которого следующий знаменитый пассаж имел, вероятно, непосредственное отношение к опозоренным летчикам: «…с полным сердцем исполняйте свой

насущный долг преданности и помните, что долг тяжелее горы, тогда как смерть легче пера. Никогда не поступайтесь принципами морали, дабы не впасть в бесчестье и не навлечь позор на свое имя.» Wm. Theodore de Bary, ed., _Sources_of_Japanese_Tradition_ (New York, 1958), p. 706. Агония публичного унижения относилась не только к летчикам-камикадзе, которые возвращались. Ёкота описывает схожую сцену, произошедшую после его возвращения с неудачной операции «Кайтэн»:Новый офицер, исполняющий обязанности, ударил бамбуковой указкой по столу. «Вам должно быть стыдно, Номура!» — крикнул он. «Что касается остальных, то ничего удивительного в том, что один или двое из вас возвращаются после каждой операции, не запущенными в противника. Для чего у вас _хатимаки_? А ваши мечи?! Неужели для вашего духа они ничего не означают? А те проводы, которые все вам устраивали! Это делалось не для того, чтобы вы развернулись и пришли обратно! Выйдя в море, вы должны превзойти противника! Если что-то случается с вашей „Кайтэн“ — наладьте ее! Если не крутится пропеллер, вертите его голыми руками! Поражайте врага, чего бы это ни стоило! Именно для этого предназначены „Кайтэн“!»Ёкота и его товарищи преисполнены тем же стыдом, которым мучим Нагацука:«Если бы кто-то упрекнул меня после возвращения с задания наедине, я смог бы это перенести. Или, если бы кто-то дружески подтрунивал надо мной, я бы тоже принял это. Однако это публичное обвинение, обрушенное на меня и на других, на тех, кто жертвовал своей жизнью, и даже не один раз, — это было просто несправедливо! Я больше не хотел находиться на Оцудзима, в месте, перед которым я раньше благоговел. Все, чего я теперь хотел, было выйти в море. Я бы уже не вернулся никогда.» (Yokota, _Suicide_Submarine!_ pp. 220, 201.)]»

Когда командующий вышел из комнаты, лейтенант Уэхара, армейский офицер, вышедший из низов и презиравший летчиков камикадзе, считая их выскочками, на которых нельзя положиться, подошел по очереди к каждому и ударил по лицу.

После того, как Нагацука переписывал «священные слова» несколько дней, погода стала улучшаться, и его настроение поднялось при мысли, что, возможно, удастся взлететь еще раз. Однако вскоре наступило разочарование: 8 июля на базу пришло известие, что американские силы ушли. «Вскоре [корабли] станут для нас недостижимы, и другие отряды примут на себя ответственность за самоубийственные атаки. Я был в отчаянии, — все мои внутренние попытки получить возможность умереть как патриот закончились неудачей.» С того времени и до конца войны — и даже после — Нагацука и другие члены отряда самоубийц были обречены на медленную пытку выживания.

С древнейших времен бесчисленное количество раз мужчины сознательно жертвовали своими жизнями в сражениях; все же, как правило, у них всегда была хотя бы теоретическая возможность остаться в живых. Без этой искры надежды жертва была бы равна преднамеренному самоубийству и, поэтому, неприемлема в странах (как, например, на «христианском» Западе), в которых религия или мораль отвергали подобные поступки.[871 - «…в героизме сражавшихся воинов было основное различие, — пишет К.Р.Браун, вице-адмирал американского флота. — Японцы намеренно отрезали последнюю дорогу надежды и спасения, американцы же — никогда. Для западного склада ума должен существовать последний минимальный шанс на выживание — ощущение, что, хотя много других парней могут погибнуть, тебе же как-то удастся вернуться.»

Иногути, с.v-vi.] В Японии же, где самоубийство являлось органичным элементом образа жизни воина, не существовало никаких колебаний относительно действий, в которых солдаты не просто рисковали собой в бою, но и избирали верную смерть.

Официальная самоубийственная тактика в современных боевых действиях была предзнаменована приказом адмирала Того своему «отряду решившихся на смерть» _(кэсситай)_ блокировать Порт-Артур в 1905 году. Однако, тогда была хотя бы формальная попытка обеспечить его участников средствами выживания.[872 - Комментируя эти ранние самоубийственные атаки, адмирал Судзуки Кантаро, который сам водил группу торпедных катеров в атаку «решившихся на смерть» _(кэсси)_ во время китайско-японской войны, писал:Отважная попытка блокировать Порт-Артур во время Русско-японской войны предпринималась при наличии неплохих шансов на спасение ее участников. Единственной целью было потопить корабли у входа в гавань, однако командовавший офицер отказывался начинать операцию до того, как будут приготовлены спасательные лодки… При атаке карликовых подлодок на Пирл Харбор… адмирал Ямамото не утверждал этой части операции до тех пор, пока не было доказано, что для двухместных субмарин существует по крайней мере какой-то шанс вернуться. (Цитируется у Иногути, с. 189–90.) Правительственные пропагандисты довольно широко освещали случай с «Тремя Бомбами» — это название получили три солдата, бросившихся вперед и подорвавших себя, чтобы пробить брешь во вражеской обороне; однако безусловно, это был акт спонтанного самопожертвования, а не часть какой-либо запланированной стратегии.] По мере того, как ситуация на Тихоокеанском театре военных действий все ухудшалась, атаки с намеренной гибельюОТДЕЛЬНЫХ японских военных случались чаще и чаще, однако в качестве стратегии самоубийственная борьба была принята на вооружение лишь после прибытия на Филиппины вице-адмирала Ониси. Формирование им отрядов камикадзе не имело прецедента ни в японской, ни в мировой истории ведения войн.

Во время последнего визита домой лейтенант Нагацука попытался объяснить смысл тактики камикадзе: «Слушайте внимательно! — сказа он. — У вас в руке нет ничего кроме камня, а вы хотите ударить дерево. Что лучше? Бросить камень, или броситься на дерево самому?» Проблема была в том, что ко времени официального принятия самоубийственного способа ведения действии ни один из методов «использования камня» уже не мог быть удачным. Ход войны был уже давно предрешен, и теперь, когда она быстро шла к завершению, ошеломляющая новая стратегия, введение которой, например, в 1942 году, могло бы иметь весьма серьезное значение, теперь уже не могла повлиять на исход.

Тактика организованных самоубийств была, безусловно, новой и ужасающей, однако с любой практической точки зрения она неизбежно вела к провалу. По странной иронии (с точки зрения стратегического воздействия), тайфун, налетевший на 3-й Флот Соединенных Штатов 18 декабря 1944 года к востоку от Филиппин, принес больше потерь в живой силе, кораблях и самолетах, чем самая удачная из атак камикадзе.

Для поддержания морали во времена, когда все шло кувырком, правительство хваталось за соломинку предполагаемых триумфов камикадзе и освещало их возможно более широко. Официальные пропагандисты не только пытались доказать, что имперские силы разработали решительно новый метод противостояния противнику, но и пользовались этим сомнительным утверждением для доказательства своей теории превосходства японского духа. Так, отчеты того времени о потопленных американских кораблях у Филиппин самолетами-самоубийцами вдвое увеличивали это число; несколько месяцев спустя, в ходе кампании у Окинавы, уровень преувеличений достиг шестисот процентов.[873 - Филиппины:6 авианосцев и линкоров объявлены потопленными2 авианосца потоплены в действительности31 прочее судно объявлены потопленными14 прочих судов потоплены в действительностиОкинава:20 авианосцев и линкоров объявлены потопленными0 авианосцев и линкоров потоплены в действительности77 прочих судов объявлены потопленными16 прочих судов потоплены в действительности.(Иногути, с. 114, 160.) Один из главных морских офицеров, участвовавших в операциях, признал после войны, что японские оценки «вполне могли превышать действительно достигнутый результат». Иногути, с. 160.]

Главная практическая трудность в сообщении результатов вылета камикадзе состояла в том, что самолет-самоубиица по определению не мог описать последствия своей атаки; естественно, ни один боец отрядов специального назначения никогда не узнал — что принесла его жертва. Поэтому японцы практически полностью полагались на информацию от «оценочных» самолетов, которая была крайне неточна и всегда склонялась в сторону преувеличения. Часто пилоты сообщали (и верили в то), что потоплен авианосец или линкор, когда единственным свидетельством были огромные всплески воды и эффектные столбы дыма, возникшие на самом деле от взрывов их самолетов, когда те врезались в воду рядом с кораблями.[874 - Nagatsuka, _J'etais_ип_kamikaze,_ p. 140; Millot, _L'Epopee_Kamikaze,_ p. 200.] Поскольку не существовало достоверных способов проверить эти рапорты, офицеры, командовавшие отрядами спецназначения, обычно считали операцию успешной и передавали информацию в Токио со всей ее славной неаккуратностью.

Радостный оптимизм японских официальных лиц в отношении камикадзе основывался на замечательных результатах первой атаки отряда «Сикисима» 25 октября, когда всего чуть более двух десятков японских летчиков с их самолетами были обменяны на потопленный американский авианосец и шесть других, серьезно поврежденных. Такой начальный успех типичен для героической параболы, он служит необходимой прелюдией конечного поражения; фактически с самого начала война представляла собой битву Давида и Голиафа, в которой, однако, гигант не мог не победить. Ко времени ее громового завершения в августе, около пяти тысяч самоубийц-добровольцев погибло в тех или иных операциях камикадзе.[875 - Большинство из оценок, которые я видел, варьируются между 4 и 5 тысячами. Имена 4615 летчиков-камикадзе, погибших в войне на Тихом океане (2630 морских _симпу_ и 1985 армейских _симбу),_ занесены в списки при Храме Каннон в Токио, известном как Храм Специальных Ударных [Сил] («Токко Каннон»). (Каннон — буддийская богиня милосердия.) Цифра 4615, разумеется, не включает огромное количество «живых гранат» и прочих, кто погиб при самоубийственных операциях на земле; в расчет также не брались и те, кто был убит в других «специальных» операциях типа «Кайтэн», _кайрю_ и _синъё._18 ноября 1973 года после совершения синтоистской церемонии в храме

Касивара рядом с городом Нара был открыт памятник в память 1000 морских летчиков-самоубийц, погибших в войне на Тихом океане. Среди 700 присутствовавших находился брат императора принц Такамацу и родственники летчиков. (Агентство «Франс-пресс», 18/X1/1973.)] Несмотря на отчаянные усилия, им удалось уничтожить всего три больших корабля, и это не были крупнейшие авианосцы или линкоры. За всю кампанию при Окинаве с помощью «Оока» не был потоплен ни один американский корабль, и только четыре было повреждено.[876 - «Если мы бросим общий взгляд на весь ход операций, — пишет капитан Иногути Рикихэй в отчете после прекращения военных действий, — то придется признать прискорбный факт, что и [обычные] самолеты камикадзе, и пилотируемые бомбы оказывали весьма малое практическое воздействие _(кодорёку_сё_нариси).»_ (Цитируется в «Симпу», с. 190.) Ср. слова вице-адмирала Брауна: «…ключевым вопросом для прагматичных военных является — была ли эта тактика успешной? Мой категорический ответ — нет». Иногути, с. vii.Подсчет результатов воздушных операций камикадзе с 13 октября 1944 года по 30 июня 1945 года дает общую цифру — 34 уничтоженных судов, среди которых крупными были только корабли сопровождения авианосцев «Сент Ло» (район Филиппин, 25 октября), «Оммани Бэй» (район Филиппин, 3–4 января) и «Бисмарк Си» (район Окинавы, 21 февраля). Большинство потопленных кораблей были эсминцы (13). В тот же период от атак камикадзе получили повреждения 288 судов.Общее число японцев, убитых в битве за Окинаву, было около 130 тысяч, что более чем в десять раз превышает число американских потерь — 12300. Количество летчиков-самоубийц, погибших в этом сражении, значительно разнится в разных подсчетах, их точное число никогда не будет известно. В грубом приближении можно назвать цифру 2000. Мы также не уверены в точном количестве самолетов-самоубийц, использованных в этом жестоком сражении. По официальным японским расчетам было потеряно 2944 самолетов камикадзе (2055 морских и 889 армейских); официальные данные американцев несколько меньше.] Верно то, что в ходе атак камикадзе было повреждено почти триста судов, и многие из них пришлось выводить из области боевых действий для починки. Обычно, однако, они вскоре могли вернуться в бой, и этот урон сделал очень мало для того, чтоб задержать американское наступление. Самоубийственные операции, как и вся война, окончились безоговорочной капитуляцией, — единственным в своем роде бесчестьем в японской истории. Попытки камикадзе были мелкой пылинкой в общей практической беспомощности всех военных усилий, предпринимаемых с самого начала, и в конце «Божественный Ветер» стал символом неотвратимого поражения.[877 - По Мисима Юкио, окончательное поражение камикадзе произошло не в результате капитуляции Японии в августе 1945 года, но после отречения императора от божественности своего происхождения пять месяцев спустя. В _Эйрэй-но_коэ_ («Голоса Духов Героев») он пишет, что «иррациональная смерть» _(хигори-на_си)_ героев-камикадзе имела значение лишь в том случае, когда жизни этих людей действительно посвящались императору-божеству _(ками_нару_тэнно-но_тамэ-ни)._ Если же эта их вера оказалась ложной, тогда выходит что они убили себя и погибли, как «глупые жертвы» _(орока-на_гисэй)._ То, что Хирохито отрекся от своей императорской божественности в январе 1946 года («Связь между Нами и Нашим народом всегда зиждилась на взаимном доверии и дружественности. Она не зависела всего лишь от мифов и легенд. Она не основывается на ложной концепции божественности императора…»), являлось, таким образом, полным предательством героев-камикадзе. Заявление императора было гораздо важнее, чем какое бы то ни было поражение в битве, поскольку означало, что поражение камикадзе было невосполнимым. «Отрицая принцип, ради которого они жертвовали собой, как „ложную концепцию“, он постфактум запятнал их смерть» (Мисима, _Эйрэй-но_коэ_, с. 9). Мисима заканчивает восклицанием: «Зачем Его Величество стал человеком?» (_Надотэ_сумэраги_ва_хито_то_наритамаиси)._ (Мисима, _Эйрэй-но_коэ_, с. 62). При всем

уважении к Мисима, мне кажется, что мотивы, двигавшие добровольцами-камикадзе, были гораздо менее прямолинейны и более сложны, нежели подразумевает его погребальная песнь.]

Стратегически «специальные атаки» не только не решили поставленных задач, но, пожалуй, способствовали одной из величайших катастроф, которая когда-либо обрушивалась на истерзанный японский народ, именно — разрушение Хиросимы и Нагасаки первыми (и единственными) атомными бомбами, использованными в военных действиях. Разумеется, воздушные самураи совсем не предполагали, что их упорство принесет такие плоды, однако японской истории знакомы иронические виражи, когда героические усилия приводили к результатам совершенно противоположным предполагавшимся. Самоубийственная тактика, вместо того, чтобы, как втайне предполагалось, ошеломить американцев, пробудила отвращение и ярость в пропорциях гораздо больших, чем могли вызвать ее действительные результаты, и произвела почти такое же психологическое воздействие, как германские ракеты V-1 и V-2 в Англии, где их так же посчитали «нечестным» оружием.[878 - Западная реакция на тактику камикадзе была гораздо более сложной, чем можно предположить по этому краткому изложению, и включала не только просто злобу и отвращение, но (особенно после того, как прошел первый шок) и любопытство, недоумение и даже жалость к молодым летчикам, которых, как считалось (совершенно неправильно), принуждают к участию в самоубийственных операциях. Я вспоминаю, что моей собственной реакцией (а в 1944 году я, молодой моряк, имел возможность встретиться с камикадзе непосредственно, и в весьма неприятной обстановке) было в основном изумление и ощущение чего-то непонятного.Некоторые выдающиеся иностранные ученые сделали несколько упрощенные выводы; так, Руфь Бенедикт определяет дух камикадзе, как «иллюстрацию превосходства сознания над материей» (цитируется у Иногути, с. 194). Другие наблюдатели рассматривали эти операции в качестве примера того, как молодых людей можно превратить в фанатиков-роботов, или как проявление «яростной, грубой стороны японского характера», которая сосуществует с «вежливой, утонченной, чувствительной стороной.» Millot, _L'Epopee_Kamikaze,_ p. 14. Детальное рассмотрение реакции американцев и англичан на это первое полное, прямое противостояние совершенно чуждым традициям японского героизма, могло бы вылиться в полезное исследование культурного взаимонепонимания, однако подобное далеко выходит за рамки данной книги. Для иллюстрации типичного западного недопонимания достаточно привести выдержки из интервью, проведенного в марте 1946 года сотрудниками американского журнала с группой бывших японских морских офицеров, служивших в специальном штурмовом отряде на Тайване («Симпу», с. 186–88):ВОПРОС: В оценке стратегии камикадзе в вашей и в нашей стране существует диаметральная разница. В Америке жизнь отдельного человека предельно ценна, однако вы в Японии были готовы пожертвовать большим количеством летчиков для самоубийственных операций. Каковы были причины этого?ОТВЕТ: Идея о силах специального назначения имеет свои корни в древней японской традиции _(нихон_корай-но_моно_дэ)_ и проходит через всю нашу историю. В последней войне мы поняли, что подобная тактика стала необходимой из-за сложившейся военной ситуации. Она никогда не навязывалась нам сверху…ВОПРОС: Был ли набор в силы специального назначения добровольным, или принудительным?ОТВЕТ: Он был совершенно добровольным. Были, однако, случаи на Филиппинах и в других местах, когда эта тактика принималась всем подразделением из-за сложившейся боевой обстановки…ВОПРОС: Подумав об американцах в возрасте до тридцати лет, практически невозможно представить себе дух [японских бойцов-камикадзе]. Невозможно вообразить, чтобы молодые американцы были готовы совершить подобное самоубийство ради своей страны, или за императора. Безусловно, вы должны были использовать весьма

значительную силу внушения в силах специального назначения, чтобы воспитать у своих молодых людей подобное сознание.ОТВЕТ: Нет, мы никогда не применяли никакого особого внушения.ВОПРОС: Вели ли себя члены сил спецназначения так ради того, чтобы их души почитались в Святилище Ясукуни?ОТВЕТ: Если кто-то этого желал, ему не обязательно было вызываться для службы в силах спецназначения…] Возможно, это помогло отбросить сомнения, вероятно, присутствовавшие у президента Гарри Трумэна и его ближайших соратников, относительно того, — сбрасывать ли атомные бомбы на густонаселенные центры в то время, когда Япония уже была на грани капитуляции и активно искала мира.[879 - Моральное обвинение за атомную бомбу, сброшенную на Японию, никто не высказал так красноречиво, как выдающийся американский офицер, адмирал Уильям Лихи, считавший это «бесчеловечным оружием, использованным против людей уже побежденных и готовых сдаться. Американцы, — говорил он, — приняли этический стандарт варваров Средних Веков». Toland, _Rising_Sun,_ p. 798.] Более того, ярость атак камикадзе представлялась логической кульминацией японской «фанатичности» и, безусловно, предупреждала американцев о тех бесчисленных потерях, которые они могли бы понести, если бы осуществили свои планы вторжения на главнее острова осенью 1945 года.[880 - За операцией «Олимпик» — вторжение на Кюсю — должна была последовать операция «Коронет» — захват Хонсю. Проведение обеих должно было бы привести к устрашающим потерям в силах союзных войск. Вдобавок, гораздо больше японцев было бы убито, чем погибло в Хиросиме и Нагасаки, хотя вряд ли это рассматривалось в первоочередном порядке американскими руководителями того времени.] Возможно, Япония, в лице двойной опасности атомной атаки и полномасштабного участия в войне России, капитулировала бы безо всякого вторжения, и тогда уничтожение Хиросимы и Нагасаки было не только аморальным, но и ничем не оправданным. Этого мы не узнаем никогда. Ясно то, что решение Америки использовать атомное оружие устранило необходимость вторжения, в ходе которого японцы могли бы прибегнуть к тактике массовых самоубийств в гораздо большем масштабе, чем когда бы то ни было.

Связь между камикадзе и атомными бомбами, безусловно, гипотетическая, доказать ее невозможно. Однако, нет ни малейших сомнений в неуместности их сопоставления в конце войны на Тихом океане, когда одна сторона прибегла к тактике самоубийств, психологические истоки которой лежали в отдаленном прошлом страны, и была побеждена самым современным и безликим, оружием, изобретенным в атомном веке.

В одиннадцать часов утра 9 августа бомбардировщик B-29 «Бокс Кар» сбросил на Нагасаки «Толстяка», убив и ранив около 75 тысяч человек одним ужасным ударом;[881 - Существуют большие расхождения в оценке общего количества погибших — это один из редчайших случаев, когда атакующая сторона умеренно занижает степень своего «успеха». Американцы считают, что «Толстяк» убил в Нагасаки 35 тысяч человек, официальная японская цифра — 74800. Количество жертв в Хиросиме за три дня до этого было гораздо большим: по оценкам японских экспертов 200 тысяч человек умерло от взрыва бомбы, сброшенной с «Энола Гэй»; и здесь цифра, приводимая американской стороной, гораздо меньше.] в то же утро японское правительство получило известие, что Россия объявила ему войну. Шесть дней спустя в первом публичном обращении, когда-либо делавшемся японским сувереном, император Хирохито сказал миллионам пораженных подданных (включая сотни летчиков камикадзе, ожидавших своего вылета), что

Япония принимает беспрецедентное решение о капитуляции, и что они должны «перенести непереносимое и претерпеть нетерпимое»:

После глубокого рассмотрения общих тенденций в мире и реальных условий Нашей Империи в настоящее время, Мы приняли решение упорядочить ситуацию, прибегнув к экстраординарным мерам.

Мы приказали Нашему правительству связаться с правительствами Соединенных Штатов, Великобритании, Китая и Советского Союза и сообщить, что Наша Империя принимает условия их Общей Декларации.

… к настоящему времени война длится почти четыре года. Несмотря на все усилия, прилагавшиеся каждым — храбрость в бою армии и флота, усердие и прилежание слуг Нашего Государства и преданное служение ста миллионов наших людей, результат военных действий сложился не в пользу Японии, а общие тенденции в мире обратились полностью против ее интересов. Сверх того, противник начал применять новую, самую жестокую бомбу, способность которой причинить ущерб поистине колоссальна, поскольку она уносит с собой много невинных жизней. Продолжи Мы борьбу, это привело бы не только к полному падению и уничтожению японской нации, но и к окончательному стиранию с земли человеческой цивилизации. Как в такой ситуации можем Мы спасти миллионы Наших подданных, как искупить вину перед Нашими Императорскими предшественниками? Таковы причины того, что Нами был отдан приказ принять условия Совместной Декларации держав.[882 - Цитируется у Ivan Morris, _Nationalizm_and_the_Right_Wing_in_Japan_ (London, 1960), p.247.]

Вечером в день объявление вице-адмирал Ониси, который недавно был назначен заместителем Начальника генштаба Флота, пригласил нескольких штабных офицеров в свою официальную резиденцию в Токио. За последние четыре дня Ониси предпринял все попытки убедить руководителей правительства в том, что капитуляция немыслима и что, как бы безнадежны ни были перспективы, единственным благородным путем было продолжать сражаться до конца, используя все необходимые самоубийственные тактики. Во время последней встречи с Министром флота адмиралом Ёнаи, Ониси, как сообщали, плакал не скрываясь, безуспешно пытаясь убедить министра в необходимости упорно держаться.[883 - Относительно тщетных попыток Ониси избежать капитуляции см. Иногути, с. 171–74; Toland, _Rising_Sun,_ p. 828; Hayashi, _Taiheiyo_Senso,_ p. 463; Millot, _L'Epopee_Kamikaze,_ p. 364.] В последний день, незадолго до объявления решения о безоговорочной капитуляции, он попытался выиграть время, предложив принцу Такамацу, чтобы представитель императора побывал в великом святилище Исэ и сообщил там о положении. Терпя неудачи одну за другой, вице-адмирал Ониси пришел в отчаяние. «Он знал, что его собственное время истекает, — пишет капитан Иногути, тесно контактировавший с адмиралом в эти лихорадочные дни, — и что он имеет дело с людьми, не собиравшимися умирать; его должна была приводить в ярость мысль о том, что они принимают унизительное поражение. Их благодушие должно было быть оскорбительным для этого человека, утвердившегося в намерении не увидеть Японию побежденной».

Теперь, в ночь на 15-е, Ониси понял, что все его начинания окончились неудачей. Он говорил со своими гостями почти до полуночи. Затем все разошлись по домам, а он поднялся в свой кабинет на втором этаже. Около трех часов утра он вынул из ножен меч, который предыдущим вечером одолжил у молодого друга по имени Кодама[884 - Активист националистического движения Кодама Ёсио описан у Morris, _Nationalizm,_ pp. 204, 227, 257, 269, 307, 330, 377, а на стр.443-44 содержатся биографические сведения. Автобиография г-на Кодама, в которую вошла информация о его выдающемся друге из ВМФ, переведена на английский язык под заголовком _I_Was_Defeated_ (Tokyo, 1951).] и взрезал себе живот традиционным крестообразным способом _(дзюмондзи),_ которым должен был воспользоваться Мисима Юкио двадцать пять лет спустя. После совершения ритуала, он обернул меч и вонзил его себе в горло и грудь. Однако смерть не спешила принять его. Возможно (как он позже сказал Кодама), оружие не было достаточно острым; более вероятно, однако, что он сам хотел продлить свою агонию сколь возможно дольше, и поэтому удары не были достаточно глубоки.

Незадолго перед рассветом служащий официальной резиденции заметил слабый свет в кабинете. Он открыл дверь и нашел адмирала, лежавшего на залитых кровью _татами._ Кодама и два других морских офицера были немедленно извещены и поспешили в резиденцию, захватив с собой военного хирурга. Несмотря на зияющие раны, адмирал был в сознании. Врача поразила его физическая выдержка, но он понимал, что помочь ничем нельзя. Как бы то ни было, Ониси категорически отверг медицинскую помощь. «Не делайте ничего, чтобы оставить меня в живых!» — сказал он сразу же, увидев врача. Затем, обернувшись к Кодама он с гримасой заметил, что они смогли вновь встретиться только из-за того, что его меч оказался тупым.[885 - Этот меч выставлен в музее Святилища Ясукуни (Токио) под фотографией адмирала и свитком, на котором каллиграфическим стилем написаны иероглифы _ВАКО_ («покоренное сияние»). Кусаянаги, _Токко-но_сисо_, с. 9–13, дает нам дополнительные детали самоубийства Ониси.] После этих слов Кодама отчаянно схватил другой меч, собираясь покончить с собой по обычаю _дзюнси,_ но Ониси вдруг сказал на удивление громким голосом: «Не будь глупцом! Что толку с того, что ты себя сейчас убьешь? Молодые люди должны жить и отстроить Японию заново».

Адмирала стало тошнить кровью, очевидно, муки его были велики, но он отверг предложение последнего «удара милосердия», прекратившего бы его страдания. Немного погодя Кодама предложил привезти для последней встречи из пригорода жену Ониси и молил его оставаться в живых до того, как она прибудет. «Глупый ты человек, — сказал Ониси с улыбкой. — Что может быть менее умного для военного, чем разрезать себе живот, а потом ждать приезда жены? Лучше посмотри на это стихотворение!» Он указал на свое последнее _хайку,_ которое он написал на квадрате плотной бумаги:

Омыта и ясна,

Теперь луна сияет.

Гнев бури миновал.

«Не так уж плохо для старика!» — прокомментировал он, и это были его последние слова. Агония тянулась несколько часов, и наконец около шести вечера он умер.[886 - О других случаях харакири 15 августа или вскоре после, а также о массовых самоубийствах групп гражданских лиц, см. Morris, _Nationalizm,_ p. 26–28.] Кодама, остававшийся с ним до конца, так описывал мрачные похороны:

Гроб для останков вице-адмирала Описи делали солдаты, но из-за недостатка досок он был сантиметров на тринадцать короче его тела. Командование флота, потерявшее все свое достоинство и присутствие духа в результате поражения, не нашло в себе искренности, дабы предоставить гроб для одного из своих сотоварищей, совершившего харакири от осознания своей ответственности. У них также не хватило великодушия, чтобы предоставить ему катафалк.

По пути в крематорий на грузовике, в котором стоял гроб с телом, я увидел один морской самолет, летящий к Токио со стороны военно-воздушной базы в Ацуги. Он медленно покружился над нашими головами, покачивая крыльями. Такими были последние почести, отданные вице-адмиралу Ониси одним из его людей. Как оказалось, то был последний раз, когда я смотрел на японский самолет.

В кабинете были найдены два последних письма Ониси, которые он составил в предыдущую ночь своим обычным прямым почерком. Одно из них было простой прощальной запиской жене, написанной несколько в стиле отправляющихся в полет камикадзе. В ней он делал свои последние распоряжения, а в конце приписал _хайку:_

Теперь все сделано,

И я могу уснуть

На миллионы лет.

Другое было посмертным выражением благодарности летчикам-камикадзе и завещанием молодежи страны:

Я желаю выразить глубокое уважение духу храбрых бойцов Сил особого назначения. Они доблестно сражались и умирали с верой в нашу конечную победу. Смертью и я хочу искупить часть вины за неудачу в достижении этой победы и приношу извинения духам этих мертвых летчиков и их семьям, лишившимся близких.

Я хотел бы, чтобы молодые люди в Японии извлекли мораль из моей смерти. Быть беспечным — значит помогать врагу. Вы должны оставаться верными духу императорского решения с максимальным упорством. Не забывайте, что вы по праву можете гордиться тем, что вы — японцы!

Вы — сокровище нации. Со всем пылом духа тех, кто участвовал в специальных атаках, боритесь за благосостояние Японии и за мир во всем мире.

(подписано) вице-адмирал Ониси Такидзиро, [умер] в возрасте пятидесяти четырех лет.

Несмотря на выдающуюся храбрость Ониси и его способности руководителя, он никогда не ожидал славы, или даже признания после своей смерти. По китайской пословице, истинная ценность человека становится ясной только тогда, когда его гроб засыплют землей, однако Ониси однажды заметил помощнику, что в его случае не найдется ни одного, даже после того, как он пробудет в гробу сотню лет, кто бы оправдал то, что он попытался совершить.[887 - Букв.: «Моя репутация не будет отмыта [даже] после того, как закроют мой гроб. Сто лет спустя [все еще] не найдется друга, [кто бы понял меня].» Цитируется у Кусаянаги, _Токко-но_Сисо_, с. 19–20. По-японски пословица звучит: _кан-о_ооитэ_кото_садамару_ (_Кодзи_то_котовадза_дзитэн_, Токио, 1956, с. 241).] Веря в благородство рискованного предприятия с камикадзе, он, похоже, глубоко понимал его практическую безнадежнось. С любой точки зрения — личной, исторической и эстетической, — его самоубийство было неизбежной кульминацией. «Было бы неправильным считать это… простым искуплением, — писал капитан Иногути. — Я верю, что его исход был предопределен с того момента, как он организовал корпус камикадзе. Тогда же он принял решение окончить свою жизнь, и осуществил бы его даже в том случае, если бы Япония выиграла войну. В воображении он, должно быть, летал с каждым своим пилотом в его последней атаке».

Сегодня — распустились,

Назавтра — уж разбросанные ветром —

Вот жизнь цветов; так как же

Можем думать мы, что их благоуханье

Продлится вечно?[888 - 31-сложное стихотворение вице-адмирала Ониси Такидзиро, представленное им своим подчиненным после организации первых отрядов камикадзе. Цитируется у Иногути, с. 187.]

notes

Примечания

1

Кодзики («Записи о делах древности»), Токио, «Нихон котэн дзэнсё» («Полное собрание японской классики»), II:128. (Все переводы японских текстов — мои, за исключением оговоренных мест — авт.) _Кодзики_ — самая ранняя из сохранившихся японских хроник (и, разумеется, самая древняя из всех существующих японских книг любого рода); была представлена ко двору в 712 году н. э.

2

Равнина Нобо: это и все последующие географические названия см. на карте в начале книги.

3

Основными источниками являются _Кодзики_ и _Нихон_сёки_ («Записи [о стране] восходящего солнца»), 720 год н. э.). В _Нихон_секи_ отцу героя, императору Кэйко придана гораздо более значительная роль в кампании против «восставших», нежели это признается в _Кодзики_; просматривается также больше инородных влияний, например поручение императора сыну VII написано чисто китайским стилем. Запись в _Кодзики_ — и более краткая, и более яркая — делает ударение на сакральном аспекте миссии героя и описывает его основных противников, как божества (напр. «боги гор, боги рек и боги морских проливов»; _Кодзики_, с. 129); зачастую в ней использованы глаголы (напр. _идэмасики,_ с. 128 и _камуагаритамаики,_ с. 143), по которым можно предположить, что Ямато Такэру является императором; характер его представлен более порывистым и романтичным в _Кодзики_, а в _Нихон_сёки_ — более сдержанным, возвышенным, «китаизированным». В моем очерке о Ямато Такэру я комбинировал элементы из двух основных источников, отмечая расхождения лишь в тех случаях, когда они были значительными, В _Хитати_фудоки_, географическом справочнике VIII века, Ямато Такэру кратко отмечен, как покоритель восточных Эмиси; это — единственный первоисточник, в котором его прямо именуют императором: _Ямато_Такэру-но_Сумэрамикото,_ см. _Хитати_фудоки_, Токио, «Мусасино Сёин», 1956, с.2.

В традиционных хрониках Ямато Такэру хотя и не считается императором, однако по генеалогическому древу прямо принадлежит к императорской линии, идущей от мифологического правителя — основателя страны Дзимму до современного императора Хирохито. В соответствии с одним неясным местом в _Кодзики_, Ямато Такэру имел шесть жен и по одному ребенку от каждой; непохоже, чтобы он жил хотя бы с одной из них; безусловно, его жизнь была слишком коротка и беспокойна для привязанности к семейному очагу. Первой и основной женой (дочь императора Суйнин, отца Кэйко), была тетка героя; у них родился прекрасный ликом принц очень высокого роста (около 3 метров), ставший императором Тюай. Графически это выглядит следующим образом:

СУЙНИН 11-й император Японнии

Высшая Священнослужительница Принцесса Футати-но Ири в Исэ (Принцесса Ямато)

КЭЙКО

(12-й император)

СЭЙМУ Ямато Такэру ТЮАЙ (13-й император) (14-й император)

ОДЗИН

(15-й император)

4

Объяснения «универсального мифа» см. у Joseph, _The_Hero_with_a_Thousand_Faces_. New York, 1956.

5

Книга вышла в 1975 г. (прим. переводчика).

6

Фр. «проявление силы»; зд. — «ловкий трюк».

7

По версии в _Нихон_сёки_, где опускается недостойное убийство в уборной, принц Ооусу изображен трусом, стремящимся выжить, который переложил военную ответственность на своего младшего брата-близнеца.

8

«…постоянно просматривается тенденция наделять героя экстраординарными силами с момента рождения, или даже о момента зачатия. Вся жизнь героя показывалась, как пышная последовательность чудес с великим центральным событием, представлявшим их кульминацию.» Campbell, _Hero_…, p.319.

9

Лишь совсем недавно историки получили совершенно ясное представление об Эмиси и Кумасо. До этого Кумасо описывались, как примитивные мигранты с Борнео и других южных островов.

Эмиси вызывали еще большие недоразумения, и даже сэр Джордж Сэнсом, наиболее выдающийся из всех историков, которые когда-либо писали о Японии на английском языке, отождествлял их с «волосатыми айнами», северными аборигенами, которые безусловно принадлежат к совершенно иной расе, нежели японцы.

10

Слово _таваямэ_ («мягкие, спокойные женщины») использовано, чтобы оттенить _арабуру_(«грубый») характер героя. _Кодзики_, с, 127.

11

Обоих звали Кумасо Такэру (храбрец Кумасо), и, похоже, они были братьями. Однако, по версии _Нихон_сёки_, был лишь один предводитель.

12

Одно из многих древних поэтических наименований Японии.

13

Ямато Такэру = Японский Храбрец. Исходно название «Ямато» относилось к определенному району, где было создано первое императорское правление на о. Хонсю; позже им стали называть всю страну Японию, и в этом смысле оно все еще появляется в поэтическом или риторическом контексте (напр. _ямато-дамасии_ «японский дух»). «Такэру» («храбрый», или «герой»), впервые здесь употребленное для принца Ооусу, очевидно было титулом, даруемым военачальникам в Идзумо, Кюсю и других западных частях Японии.

14

Кодзики, с. 128–9.

15

В _Нихон-сёки_ эта история описывается в более раннюю эпоху правления, как часть цикла легенд Идзумо; шутка сыграна зловредным старшим братом со своим младшим братом; первый был умерщвлен по приказанию императора, когда новости о происшедшем достигли двора. В _Кодзики_, где конфуцианское влияние Китая ощутимо гораздо сильнее, хитрость приписывается храброму Ямато, как пример его находчивости. Разумеется, это не совпадает с популярным образом героя и не включается в историю его жизни, помещаемую в школьных учебниках.

16

_Нихон_сёки_, Токио, «Нихон котэн дзэнсё», 1953, II:164. За исключением специально оговоренных мест, цитаты даются по этому изданию.

17

Фр. «крик сердца»

18

Меч, найденный бурным богом Сусаноо в хвосте гигантского дракона, был подарен им Аматэрасу Оомиками, богине солнца. Почитаемый в качестве одной из императорских регалий, он (либо — его приблизительная копия) хранится сейчас в храме в Ацута неподалеку от Нагоя. Такие регалии являются религиозно-магическими символами (синтоистскими); примечательно, что герой должен был получить его не от отца-императора, но от Высшей Священнослужительницы в Исэ, высшего представителя религиозной власти в Японии. Лишь когда герой полностью лишается этого магического меча, он становится уязвимым. Ср. магический меч Эскалибур, данный Артуру леди Озера, и возвращенный ей сэром Бедивером после смерти короля. Визит Ямато Такэру к

своей тетке есть, возможно, легендарный отголосок исторических паломничеств ранних японских военачальников к шаманкам, обеспечивавших их амулетами и укреплявших их силу ритуалами. В терминах теории «универсального мифа» Кэмпбэлла, это представляет стадию «сверхъестественной помощи», следующую за «зовом к приключениям» и предшествующую «преступанию через первое препятствие».

Ямато Такэру близко подошел к тому, чтобы поддаться «отказу от призыва» (Campbell, _Hero_…, p.59), однако лояльность императору и собственной судьбе перевесили. В универсальном мифе (_Hero_…, p. 72–73) первая встреча героя на его пути происходит с фигурой охранительного плана, снабжающей его амулетами и другими параферналиями. В ирландском мифе о принце Одинокого Острова (_Hero_…, p. 105) героическому юноше дает совет тетка сверхъестественного происхождения, которую он встречает на пути к месту, где ему надо достать три бутылки воды из заколдованного озера. На «пути испытаний» герой подвергается серии чудесных приключений и невзгод. Первое такое испытание для Ямато Такэру случилось в болотах Сагами. Он принял этот и последующие вызовы, но в финале его повергает бог горы.

19

Кодзики, с. 140. _Мацуригото_ («сакральная миссия»); слово, впоследствии использовавшееся в значении «правительство», исходно означало религиозные ритуалы, или поклонение. Любое важное дело, исполнявшееся для императора, как, например, покорение Эмиси Ямато Такэру, было _ipso_facto_ религиозной миссией.

20

_Нихон_сёки_, II:170. Слово _адзума_ до сих пор используется в качестве поэтического обозначения восточной части главного японского острова, однако его этимология без сомнений надуманна.

21

_Нихон_сёки_, II: 170.

22

В Китае и Японии (и даже в Шотландии) чеснок использовали, чтобы отгонять злых духов, ведьм и другие неприятные создания; разумеется, до сих пор во многих странах его едят просто для того, чтобы уберечься от простуды и всякого рода инфекций. После случая с Ямато Такэру люди, проходящие перевал Синано, жуют чеснок и натирают им себя и животных, «чтобы им не повредило дыхание божества». (_Нихон_сёки_, II:171). Эта легенда характерно алогична, поскольку нам уже сказано, что герой убил божество.

23

Кодзики, с. 142.

24

_Нихон_сёки_, II: 174.

25

_Нихон_сёки_, II: 174.

26

Кодзики, с. 142.

27

Текст _Кодзики_ полон причудливых этимологии. Равнина Таги, например, соотносима с _тагитагисику_ («шатающийся»), а склон Цуэцуки — с_ми-цуэ_о_цуки_ («втыкать палку»).

28

Более буквально «он протрезвел» _(самэтаисики)._ Эти детали типичны для «магического полета» в приключениях универсального героя. Campbell, _Hero_…, p. 200.

29

Четыре стихотворения приводятся в _Кодзики;_Нихон_сёки_ дает три стихотворения и приписывает их императору Кэйко, который, как полагают, написал их во время пребывания на Кюсю многими годами ранее. Прощальное послание по стилю весьма китаизировано; мы находим его лишь в _Нихон_сёки_ (II: 174-75).

30

«Последний акт в биографии героя — его смерть, или отправление в дальний путь. В нем резюмируется смысл всей его жизни. Само собой разумеется, герой не был бы героем, если бы его ужасала смерть; первым необходимым условием является спокойное предвидение своей гробовой доски.» Campbell, _Hero_…, с. 356.

31

Двадцать девять по западному счислению. Профессор Такэда считает, однако, что в действительности ему было 32 года (31 по западным меркам). _Нихон_сёки_, II:173.

32

_Нихон_сёки_, II:175.

33

По _Кодзики_ — «белая птица в восемь размахов» (т. е. гигантская белая птица) (с. 143).

34

«И, наклонившись, увидел лежащие пелены; но не вошел во гроб. Вслед за ним приходит Симон Петр, и входит во гроб, и видит одни пелены лежащие, и плат, который был на главе Его, не с пеленами лежащий, но особо свитый на другом месте» (Ин. 20:57). Ранние японские религии придавали мало значения тому, что происходило с душами великих людей (императоров, воинов и др.) после их смерти. Однако, Ямато Такэру, архетипический японский герой, описан восставшим из смерти, подобно Иисусу из Назарета, оставив после себя в гробу лишь одежды и головной убор. И это не единственное вероятное влияние христианских преданий, которые мы находим в _Нихон_сёки_. История Сётоку Тайси (конец VI века) включает благовещение, рождение в (или рядом со) стойле и пустую гробницу, хозяин которой, подобно Лазарю, воскрес из мертвых. Несторианская церковь появляется в Китае приблизительно с VII века; не исключено, что к 720 году, когда была закончена хроника _Нихон_сёки_, рассказы о Христе каким-то образом достигли Японии и были инкорпорированы в легенды о местных героях. В этом случае белая птица может быть соотнесена с голубем, традиционным символом Святого Духа.

35

Типичный анахронизм: придворные шапки, определявшие официальный ранг, не вводились приблизительно до 600 года.

36

Курота Кацуми, _Кокуси-но_кэнкю_ [«Исследование истории родной страны»] (Токио, 1936), I:47.

37

В японских мифах и легендах белых животных часто наделяют магическими свойствами.

38

Адзума-но Куни-миякко. В действительности, в Японии никогда не существовало подобного места, но даже если бы таковое и имелось, строки старика:

Как расставлю их подряд, выходит –

Ночей — девять ночей,

А дней — десять дней,

представляются не настолько блестящими, чтобы давать за них такое вознаграждение. Этот особенный обмен строками со старым человеком впоследствии стал рассматриваться в качестве литературного предшественника «стихотворных цепочек» (_рэнга_), — поэтической формы, ставшей чрезвычайно популярной в позднее средневековье, удостоенной названия _Цукуба-но_мити_ («Путь Цукуба») в память о ее предполагаемом героическом происхождении.

39

Кодзики, с. 142.

40

Кодзики, с. 143.

41

Это, безусловно, относится к _Кусанаги_, мечу, который он весьма неосмотрительно оставил у своей жены перед выходом в последний поход. Для японского воина меч стал практически религиозным объектом поклонения.

42

Campbell, _Hero_…, p. 207. В книге, написанной для иностранного читателя (от которого никто не ожидает, чтобы он разделял японскую увлеченность героическим поражением), г-жа Теодора Одзаки переписала конец легенды о Ямато Такэру, превратив его в удачливого героя западного образца:

Вернувшись назад, он почувствовал себя больным, его ноги буквально горели, и он понял, что отравлен змеем. Так велики были его страдания, что каждое движение приносило острую боль, не говоря уже о ходьбе, поэтому его пришлось отнести к месту в горах, знаменитому своими минеральными источниками, где вода бурлила пузырьками и почти кипела от подземного вулканического огня.

Ямато Такэру ежедневно купался в этих водах и понемногу стал ощущать, как возвращаются его силы, а боль уходят, и вот, однажды он с великой радостью ощутил себя полностью выздоровевшим. Тогда он поспешил в храмы Исэ, где, как вы помните, он воздавал молитвы перед отправкой в этот долгий поход. Его тетушка, священнослужительница монастыря, благословившая его при расставании, теперь вышла его встречать. Он рассказал ей о многих опасностях, с которыми ему пришлось столкнуться, и о том, сколь чудесным путем он остался в живых, а она хвалила его за мужество и воинскую доблесть, а затем, надев самые величественные одеяния, вознесла благодарения их прародительнице, богине солнца Аматэрасу, покровительству которой они оба приписали чудесное избавление принца. И здесь заканчивается история японского принца Ямато Такэру. (_The_Japanese_Fairy_Book_ [«Японские сказки»], Токио, 1903, с. 35–36.)

43

По одной из версий, будучи изгнанным богами, Сусаноо был выслан в Корею — ужасная судьба для японского божества. В _Нихон_сёки_ описаны его скитания под дождем на пронизывающем ветру, когда он просил убежища у различных богов. Все отвергли его из-за недостойного поведения, и ему пришлось закутаться в соломенную накидку и надеть дырявую шляпу бездомного путника. Таков легендарный источник древних _рюрибанаси_ или _сасураибанаси_

(историй о героях, скитавшихся в одиночестве по чужим странам или отдаленным районам), выразившихся позднее в легендах о Ямато Такэру, Ёсицунэ и других.

44

Например, разорение межей между рисовыми полями, осквернение священных мест экскрементами, кровосмесительная связь с сестрой.

45

Действительно, кампания, предпринятая Ямато Такэру в районе Канто, в конце концов окончилась полным подчинением Эмиси и божеств, которым те поклонялись. В этом смысле, он «добился успеха уже после смерти», в отличие от типичного японского героя поражений с его «постоянными неудачами» (поскольку поддерживаемое им дело изначально обречено на неуспех). Что прочно удерживает легенду о Ямато Такэру в качестве прототипа японского героизма, так это эмоциональная тональность и всемерная необходимость именно такого конца жизненного пути.

46

Ср. знаменитые начальные слова трактата _Будо_сёсин-сю_ [«Сборник начальных наставлений на пути воина»], составленного ученым-самураем Дайдодзи Сигэскэ (1639–1730):

«Воин обязан превыше всего рассуждать о смерти, с первого дня нового года, до его последнего дня…»

47

Дайдодзи Сигэскэ, _Будо_сёсин-сю_, с. 54.

48

Из _Хагакурэ_. Не только для самураев смерть являлась высшим критерием искренности, но даже для героев и героинь плебейского происхождения в популярных драмах (например — у Тикамацу Мондзаэмона, начала XVIII века), чьи недолгие жизни обретали достоинство и значимость в смерти, особенно — в ее смелой, самопожертвенной манере двойного самоубийства.

По словам современного писателя: «Смерть для японцев не является просто окончанием жизни. Уже при жизни ей отводится позитивная роль. Достойно смотреть в лицо смерти — одна из важнейших черт жизни. В этом смысле, вполне может быть сказано, что для японцев смерть существует внутри жизни». Kishimoto Hideo, _The_Japanese_Mind_, Honolulu, 1967, p. l 19.

49

Здесь, кстати, мы находим главное объяснение жестокого обращения с военнопленными из войск союзников, захваченных японцами во время Второй Мировой войны.

50

Великие самоубийцы классической античности, такие как Сократ и Сенека, разумеется, были принуждены покончить с собой верховной политической властью.

51

Среди японских воинов тяга к Танатосу была настолько сильной, что в средневековых сражениях самураи часто убивали себя еще до того, как это бывало необходимым, то есть тогда, когда сражение еще не было проиграно. С течением столетий дух самоубийства проникал из правящего класса самураев в лежавшие ниже социальные сферы, включавшие и городскую буржуазию. Для героев и героинь пьес Тикамацу (и их последователей в реальной жизни) самоубийство являлось единственно возможным достойным способом избежать конфликта между обязанностями долга и человечности (_гири-ниндзё_).

52

Отметим, к примеру, самоубийство адмирала Ониси в 1945 году. Обычно воин, совершивший харакири, обезглавливался его другом, или специальным лицом. Вспарывание живота являлось, фактически, болезненной прелюдией смерти, а не ее действительной причиной.

53

_Нихон_сёки_ (Токио, «Нихон котэн дзэнсё», 1953), IV: 192. (Без специальной оговоренности, все цитаты даются по этому изданию.) Частица_—_но_ в аристократических именах может быть приблизительно соотнесена с европейскими «фон», «де» и т. д. _Но_ предшествует клановое или фамильное имя; за ним следует личное имя.

54

Возможно, он имел в виду отсутствие военных традиций у Сога; в глазах воинов Мононобэ все Сога были гражданскими лицами, и Умако с мечом выглядел глупо. Неясно, являлась ли дрожь Мория результатом болезни или сильных переживаний по поводу смерти императора; в любом случае, предложение Умако (чтобы тому привязали к рукам и ногам бубенчики, звеневшие бы от его дрожи) было сомнительного характера.

55

Профессор Наоки в книге _Кодай_кокка-но_сэйрицу_ [«Устройство древнего государства»] (Токио, 1965) на стр.26–27 сравнивает деятельность Монобэ с функциями _токко_кэйсацу_(особая политическая полиция) во время ультра-националистического периода в истории предвоенной Японии. Хотя сходство представляется весьма отдаленным, во времена правления императора Юряку они занимались гораздо более политическими делами, нежели религиозными церемониями, забота о которых в основном ложилась на кланы Накатоми и Имибэ.

56

Сога-но Инамэ

Сога-но Умако дама Китаси===КИММЭЙ===дама Кохимэгими

29-й император

ЁМЭЙ СУЙКО [31-й [33-й император] император]

дама Тодзико ===Сётоку Тайси принц Анахобэ дама Каваками дама=====ДЗЁМЭЙ принц Ямасиро Хотэ-но [34-й СУСЮН Ирацумэ император] [32-й император]

принц Фурухито

57

Слово _синто_ («путь богов») не использовалось еще даже некоторое время спустя введение Буддизма; оно было создано в противовес слову _буцудо_ («путь будд»). «Синтоизм, пишет Сэнсом, не есть религия или система мысленных построений, но — выражение национального характера» [Georg Sansom, _Japan,_A_Short_Cultural_History_, New York, 1962, p. 49–53], и до появления иноземных идей он был настолько интегрирован в японские чувства, что не требовал для своего обозначения специального слова. Самоосознание национальной религии принесло появление Буддизма.

58

На Сога вполне определенно был наброшен некоторый иностранный флер, в противоположность Мононобэ и другим древним кланам Ямато; вполне вероятно, что они были одним из кланов, эмигрировавших в Японию с Корейского полуострова вероятно уже в IV веке н. э, однако в официальных генеалогических таблицах они, как и другие великие кланы, представлены, как прямые потомки японских богов.

59

Лат. «в чрезвычайных условиях», «перед смертью»; в последний момент.

60

Для нас основным источником по этому периоду является _Нихон_сёки_, в котором пытаются дать представление о японских императорах, как о защитниках новой веры с самого ее основания. Однако, по записям в _Гангодзи_гаран-но_энги_ (начало VII века), император Бидацу был ярым преследователем Буддизма, а Ёмэй ничем не помог его упрочению.

61

_Нихон_сёки_, II:209.

62

Один из загадочных пассажей в _Нихон_сёки_ (II:209) предполагает, что поражение случилось из-за предательства женщины: «[Услыхав это известие], люди говорили друг другу: 'жена Умако — сестра Великого Предводителя, Мононобэ-но Мория. Это она подготовила падение Великого Предводителя, а Умако бездумно осуществил ее планы и убил его'». Комментаторы предполагают, что сестра Мория желала завладеть его собственностью. Возможно, что она и

помогла Умако в его замыслах но очевидно, что конфликт между Мононобэ и Сога имел гораздо более основательный подтекст.

63

Как случилось позже, Сога стали первыми крупными жертвами движения за Реформы, однако это произошло прежде всего потому, что наследники Умако слишком явно узурпировали основные императорские функции и своим поведением создавали впечатление (не исключено, что соответствовавшее действительности) собственного стремления стать императорами. Решительная победа Мононобэ в 537 году почти наверняка отдалила бы (а возможно — и препятствовала бы) проведение политических и культурных реформ Умако, Сётоку Тайси, принцем Нака-но Оэ, Накатоми-но Катамари и их последователями — поклонниками китайских образцов.

64

Тоторибэ («семейство птицеловов») было одним из многочисленных «бэ», наследственных корпорации работников, приданных различным кланам, составлявших гораздо более многочисленный класс в древней Японии. Члены Тоторибэ традиционно были ответственными за поимку диких птиц и воспитание их в неволе. «Бэ» Ёродзу был придан императорскому клану, и, как оказывается, он был передан Мононобэ-но Мория лично императором в качестве прислужника. Неясно, занимался ли сам Ёродзу когда-либо традиционным ремеслом своего семейства. Судя по воинской доблести, проявленной им в 587 году, можно скорее представить, что он провел добрую часть своей жизни в качестве одного из военных командиров у Мория нежели за расставлением силков.

65

Казнь героев часто сопровождали странные метеорологические возмущения (ср. с «тьмой, павшей на землю» при Распятии Христа и внезапным штормом, налетевшим, когда Нитирэна собирались обезглавить в 1263 году). Роль животных в историях о Ямато Такэру и Ёродзу косвенно разъясняется у Юнга:

«…в [его] анимистическом аспекте не подразумевается недооценки из-за ‘примитивности’ или ‘бессознательности’ такового, ибо в определенных случаях животное выше человека. Оно еще не наткнулось на сознание и не противопоставило самовольное эго той силе, что дает ему жизнь: напротив, оно исполняет волю, его актуализирующую, в почти совершенной манере… Снова и снова мы встречаемся в сказках с мотивом „помогающих животных“. Они действуют, как люди, говорят человеческим языком, демонстрируют проницательность и знания высшие, чем у людей. В этих случаях мы можем с определенной долей истины говорить, что архетип духа выражается посредством анималистической формы.» (Carl Jung, Psyche and Symbol, New York, 1958, p.217. Выделено автором.)

66

_Нихон_сёки_, II:209–210.

67

_Макото,_магокоро_ и _сисэй_ в сущности взаимозаменяемы. Первые две являются «чистыми» японскими составными, где «ма»=«подлинный, чистый, истинный»; «кото»=«вещи»; «гокоро»=«сердце, дух». _Сисэй_ — составное слово китайского типа, в котором «си» означает «чрезвычайно, крайне», а «сэй» является китаизированным японским прочтением знака _макото_.

68

Kurt Singer, _Mirror,_Sword_and_Jewel:_A_Study_of_Japanese_Characteristics_, New York, 1973, p.16.

69

Цитируется статья Нарамото Тацуя в газете «Майнити симбун» от 19 февраля 1971 года в 5-м выпуске серии «Рэкиси то дзимбуцу» [«История и люди»]. После беспокойной, исполненной неудач жизни, Ёсида Сёин (мученик, о котором идет речь) совершил свою последнюю ошибку, составив бесплодный заговор против сёгуната в 1859 году, и был казнен за измену в возрасте двадцати девяти лет.

«Он был полон высоких идеалов, грандиозных предвидений и амбициозных прожектов, однако потерпел неудачу почти во всех своих начинаниях, больших и малых, можно сказать, — из-за недостатка здравого смысла. Для иностранного исследователя нелегко понять, отчего он оказал такое воздействие на умы современников и был так высоко оцениваем последующими поколениями. Очевидно, что-то в его жизни апеллировало к эмоциям его соотечественников…» [Sir Georg Sansom, _The_Western_World_and_Japan_, London, 1950, p.284.

Именно _макото_ и было этим «что-то». Искренняя импульсивность Сёина обрекла его с самого сначала. Благодаря неосторожным разговорам и нескрытностью в письмах, заговор был раскрыт властями задолго до того, как он подошел хоть на шаг к исполнению своих целей. Предполагаемая жертва (высокое официальное лицо в сёгунате) удачно получило санкции императора на заключение договоров с иностранцами, которым упорно противился Сёин, и благополучно вернулось в Эдо. Сёин также направился в Эдо, однако очутился в общей камере, где и просидел три месяца, а затем — обезглавлен. Вот, как Сэнсом описывает то последнее, что было им написано:

«За последние два дня ожидания казни в камере, он записал в прозе и стихах то, что сам назвал ‘Записками нелегкого духа’,- повествование о своих неисполненных желаниях и неосуществленных планах. Тюремные дневники тех дней — яркие образцы исторических свидетельств; среди них записи Сёина — одни из самых трогательных. Он знал, что его постигло поражение, и выражал нечто вроде гордого сожаления, однако наиболее выразительное в его словах оправдывало все его усилия, поскольку он заявлял: ‘Я предпочитаю ошибаться отдавая, чем ошибаться получая. Я предпочитаю ошибиться в смерти, нежели ошибиться в жизни’ [_The_Western_World_…, p.239.]»

Это последнее заявление Сёина может рассматриваться как манифест искренности всех японских героев, так же, как и его знаменитая концепция 'Недостойно самурая быть излишне озабоченным последствиями, когда жизненно необходимо действие' (цит. по KH.John Roberts, _Mitsui_, Нью-Йорк, 1973, с.61). Несмотря на череду неудач и плачевный конец, Ёсида Сёин обрел успех после своей смерти, став образцом храброго, пожертвовавшего собой предтечи триумфальной Реставрации Мэйдзи.

Нарамото описывает Сёина, как образец искренности, который действовал с «чистой самоотверженностью» (_дзюнсуймуга-ни_яттэ_). «Большинство людей, — продолжает он, — содействуют лишь оценив практическую ситуацию, однако в этом человеке совершенно отсутствовал дух утилитарности» (_корисин_).

71

Нэдзуми Кодзо Дзирокити, самый знаменитый вор в японской истории, был схвачен, проведен по улицам, обезглавлен, а голова его выставлена на публичное обозрение в Эдо в 1832 году. Позже его жизнь была драматизирована в многочисленных рассказах и пьесах Кабуки, и он превратился в народного героя, обирающего богатых торговцев и, в стиле Робин Гуда, раздающего добро бедным людям. «Хотя я и крал, — заявил он после ареста, — но никогда не творил несправедливости». Цитируется по ст. _Сэйги-но_миката_ [«Взгляд на справедливость»] в газете «Майнити симбун» от 15 февраля 1971 года. «Секрет продолжительной популярности Нэдзуми Кодзо, — пишет в заключении автор, — кроется том, что его казнили [власти]».

72

Как заметил Hilaire Belloc в _A_Moral_Alphabet_, («Cautionary Verses», Лондон 1949, с.9), с несколько неяпонской комичностью:

Решительные действия в необходимый момент

Отмечают героя, но не приносят успеха.

73

Дихотомия между искренностью и реализмом в японской традиции можно схематизировать следующим образом:

ИСКРЕННОСТЬ РЕАЛИЗМ

эмоциональная спонтанность, высчитывающий интеллект,

приводящая к опасным действиям приводящий к благоразумной сдержанности бескомпромиссный идеализм рассудительный прагматизм человеческое сострадание (_насакэ,_ниндзё_) холодность, отсутствие сострадания (_хидзё_)

самоотверженость, самопожертвенность эгоизм, алчность, преследование личных интересов симпатизирование потерпевшим поражение стремление к власти и успеху

(_хоганбиики_)

вызывающее неповиновение несправедливым властям подчинение вышестоящим, что отражено в таких типичных поговорках, как _нагаи_моно-ни_ва_макарэё_ (уступай власть имущим); _саварану_ками-ни_татари_наси_ (не трогай власть придержащих, и они тебя не побеспокоят); _дэру_куги_ва_утарэру_ (вылезающий гвоздь забивают); _цуёи_моно_гати_ (сильные всегда побеждают).

Детальное (хотя и несколько путанное) рассмотрение различных ценностных систем в японском мировоззрении мы находим у Кавабара Хироси в кн. _Сайго_дэнсэцу_ [«Воспоминания о Сайго»], Токио, 1971, с. 56–60.

Хотя Сога-но Умако и был предводителем сил роялистов, из хроник становится очевидным, что он никогда бы не позволил отодвинуть на второй план личные и семейные амбиции таким эмоциям, как простой верностью императору, или почитанию религии ненасилия. Император Сусюн, кандидат от Сога, взошедший на трон после поражения Мононобэ, обрел возможность править, но не управлять. Напряженность между Сусюн и его властным дядей Умако неизменно возрастала. В 592 году, когда императору преподнесли голову дикого кабана, тот достаточно прозрачно намекнул, спросив, когда же подобным образом будет отрезана голова его великого врага. Столь откровенное замечание было передано Умако, который, правильно поняв, что имел в виду император, приказал безотлагательно его умертвить, и Сусюн стал единственным правителем в японской истории, павшим от рук убийц, пребывая на троне. Несколько в стиле Макбета, Умако лично убил человека, которому сам поручил убить императора, под предлогом, что тот соблазнил даму Каваками, императорскую наложницу. Однако, в отличие от Макбета, Сога-но Умако продолжал жить и управлять в качестве Главного Министра на протяжении еще 34 лет, — типичный пример удачливой фигуры, снова и снова возникающей в японской истории как контраст побежденному герою.

Даже если такая специфическая фигура, как Ёродзу и существовала в 587 году, почти немыслимо, чтобы он назвал себя «щитом императора». Его лояльность, как воина, безусловно, должна была бы быть направлена на Мория, предводителя клана, которому он служил. В исследовании концепции японского героя здесь важно отметить, что официальные хроники приписали чувства лояльности участнику сил восставших и, еще значительнее, что великого героя сражения поместили на побежденной стороне. Словосочетание «щит императора» _(оокими-но_митатэ)_ мы находим в патриотическом стихотворении, включенном в антологию VIII века _Манъёсю_ [XX:4373], которое стало популярным среди солдат во время Второй Мировой Войны:

С сегодняшнего дня и далее

Я никогда не поверну к дому, —

Я, вышедший служить

Щитом императору.

Когда Мисима организовал свои частные военные силы в 1967 году «для защиты императора от его врагов», он дал им название «Общество Щита» _(татэ-но_кай)_, вызывающее в памяти этот древний образ.

76

«Il est assez puni par son sort rigoureux; et c'est etre innocent que d'etre malheureux,» - писал в 1661 году Лафонтен о падении Фукэ в _Elegie_aux_Nymphes_de_Vaux_.

77

_Арима-но_Мико_ (Токио, 1961), опубликовано в журнале «Бунгаккай». Князем тьмы в пьесе г-на Фукуда, переполненной персонажами негодяев, предстает замышляющий коварные планы Сога-но Акаэ, состоявший, как это выведено автором, в любовной связи с матерью принца Арима.

78

Так, в 643 году Сога-но Ирука (внук Умако) решил, что принца Ямасиро, возможного наследника, следует убрать со сцены ради защиты интересов Сога. На принца было совершено нападение, и он вместе со своей семьей был вынужден совершить самоубийство.

КИММЭЙ

(29-й император)

СУЙКО==========БИДАЦУ

(33-я правительница) (30-й император)

принц Хикобито-но Оэ дама Хотэ======ДЗЁМЭЙ принц Тину Абэ-но Курахасимаро

(34-й император) (Министр Левой стороны)

принц Фурухито КОГЁКУ======принцТакамуку КОТОКУ====принцесса Отараси

(35-я правительница, (внук импе- (36-й снова взошла на трон ратора Ёмэя) император)

под именем САЙМЭЙ,

37-й правительницы)

принц Нака-но Оэ======императрица принц Арима

(стал ТЭНДЗИ, Хасихито

38-м императором)

Годы правления:

629–641 — Император Дзёмэй

642–645 — Императрица Когёку

645–654 — Император Котоку

655–661 — Императрица Саймэй

668–672 — Император Тэндзи

Другие даты:

10 июля 645 г. — убиты предводители Сога.

12 июля 645 г. — император Котоку восходит на трон.

14 июля 645 г. — принц Нака становится наследным принцем.

28 сент. 645 г. — казнен принц Фурухито.

12 мая 649 г. — самоубийство Сога-но Исиказамаро.

14 мая 655 г. — на трон восходит императрица Саймэй с принцем Нака в роли наследного принца.

9 дек. 658 г. — арестован принц Арима.

12 дек. 658 г. — казнен принц Арима.

80

Например, известный историк довоенной эпохи Куроита Кацуми пишет:

«Если бы он стал императором, ему бы пришлось взять на себя обременительную ответственность за церемонии и религиозные практики, что сделало бы невозможным углубленные занятия делами внутренней и внешней политики. Для того, чтобы поддерживать движению за великие реформы, было гораздо удобнее [оставаться наследным принцем]», (_Кокуси-но_кэнкю_, [«Исследования национальной истории»], Токио, 1936, 1:130.)

81

Такое личностное объяснение не дается ни у Куроита, ни у кого-либо из других предвоенных историков, которые, без сомнения, посчитали бы его скандальным. Подробное рассмотрение см. у Ёсинага Минору в кн. _Нихон_кодай-но_сэйдзи_то_бунгаку_ [«Политика и литература в древней

Японии»] (Токио, 1956) и Наоки Кодзиро _Кодай_кокка-но_сэйрицу_ [«Устройство древнего государства»] (Токио, 1965, с. 222–43).

82

_Нихон_сёки_, изд. «Асахи симбунся» (Токио, 1956, с.51). Краткие хвалебные описания японских суверенов основаны на китайских образцах, и их не следует воспринимать слишком серьёзно. Однако, упоминание мягкого характера (_яварака_) императора — необычно и, возможно, имеет определенное значение: человек погрубее, более уверенный в себе (как император Юряку), вряд ли терпел бы связь своей жены с принцем Нака.

83

До середины VIII века столица обычно перемещалась с началом каждого нового правления, частично — по стратегическим причинам, а частично — из-за существовавших верований в ритуальную оскверненность императорской смертью. До установления полу-постоянного центра в Нара в VIII веке, слово «столица» следует воспринимать в чисто техническом смысле. Все столицы до Нара представляли собой скопление примитивных деревянных строений, окружавших императорскую резиденцию, большинство из которых к концу очередного правления готовы были совершенно разрушиться. До образования усовершенствованной административной системы китайского толка и соответствующего количественного роста правительственных учреждении в результате Великой Реформы, столицы больше напоминали временный лагерь, нежели город, а перемещение из одного такого в другой было операцией достаточно безболезненной, особенно поскольку почти все центры раннего периода строились в пределах небольшого радиуса района Ямато. Слово «дворец» также может создать несколько преувеличенный образ: ранние императорские резиденции представляли собой простые деревянные строения крытые соломой, в которых отсутствовала грандиозная величественность, свойственная западным «дворцам».

84

_Нихон_сёки_, изд. «Нихон котэн дзэнсё», Токио, 1953, IV:122 (без специальной оговоренности цитируется это издание). Подобное перемещение крыс, но в данном случае — по направлению к Нанива, зафиксировано в начале правления императора Котоку. В обоих случаях «старики» (_окинатати_), как сообщается, предсказывали смену столиц. _Нихон_сёки_, IV:126.

85

_Нихон_сёки_, IV:126.

86

_Нихон_сёки_, IV:126.

87

Поскольку теперь жена императора открыто соединилась со своим братом-любовником в Асука, подобного рода вопрос может быть лишь риторическим; безусловно, он не подразумевал какого-либо ответа. Нижеследующее вольное переложение профессора Ёсинага передаёт смысл последнего стихотворения императора: «Украл ли у меня другой тебя — тебя, которую я так нежно лелеял? Или ты сама покинула меня и ушла к другому?»

88

При своем втором правлении она была известна под именем императрицы Саймэй. Имена суверенов, китайского типа, составленные из двух иероглифов (Ко-току, Ко-гёку, Сай-мэй и т. д.), используемые для их различения, представляют собой посмертные наименования. Во время жизни у них были длинные имена, произносившиеся чисто по по-японски, (например, императрица Когёку/Саймэй звалась Амэ Тоё Такара Икаси Хи Тараси Химэ-но Сумэра Микото), хотя обычно на произнесение и даже запись имени здравствующего суверена налагалось табу.

89

Наоки, _Кодай_кокка-но_сэйрицу_, с.227.

90

В древней Японии для женщины было совершенно естественным вновь выйти замуж после смерти супруга и стать наложницей нового императора. Так, императрица Когёку была замужем за внуком императора Ёмэй, принцем Такамуку, до того, как стала наложницей императора Дзёмэй.

91

На пример, в VI веке император Бидацу смог жениться на императрице Суйко несмотря на то, что оба они были детьми императора Киммэй.

92

Знаменитый прецедент, возможно, приходивший на ум принцу Нака, случился в V веке, когда блистательный сын императора Ингё, наследный принц Кару безумно влюбился в свою прекрасную полу-сестру. По преданию, страсть его была столь сильна, что он находился на грани смерти. Наконец он решил, что так просто умирать бессмысленно, и что лучше он осуществит брачную связь с объектом своей любви, как бы греховны ни были подобные отношения с дочерью своей матери. Пара тайно соединилась, и к наследному принцу возвратилось самообладание. Вскоре после этого суп императора Ингё замерз и превратился в лед. Этот кулинарный феномен был интерпретирован, как знак того, что при дворе существуют некоторые противоправные отношения, и императору сообщили о кровосмесительных связях его сына. В результате принц

Кару был выведен из линии наследников и сослан в Иё, где, по одной версии, совершил самоубийство, написав две предсмертные любовные поэмы своей возлюбленной- сестре.

93

Оппозиция реформистскому движению достигла своего апогея в восстании Дзинсин (672) — самом отчаянном и упорном сопротивлении подобного рода, в котором все консервативные силы, противившиеся реформам поднялись в поддержу младшего брата Нака, принца Оама. Куроита (_Кокуси-но_кэнкю_, с. 142–43) сравнивает этот антагонизм с оппозицией реформам эпохи Мэйдзи двенадцать веков спустя, когда движение «за сохранение национальных особенностей» (_кокусуй_ходзон_) возникло, как реакция на правительственную политику вестернизации. Подобное же сопротивление интенсивному иностранному влиянию наблюдалось в Японии после американской оккупации.

94

_Нихон_сёки_, IV:129. В районе Асука области Ямата, неподалеку от новой столицы. Канал, должно быть, был не менее десяти миль в длину.

95

Или «Они говорили о нем, как о „безумном канале“, и молвили…»

96

_Нихон_сёки_, IV:132. В соответствие с междустрочными пояснениями в хронике, эта критика была высказана в то время, как работы были в самом разгаре. Она, похоже, ни на йоту не отклонила правительство от курса, так как уже следующее предложение информирует нас, что работы начались над новым дворцом в Ёсино.

97

Куроита. _Кокуси-но_кэнкю_, с. 142.

98

_Нихон_сёки_, IV:133.

99

Члены императорской фамилии довольно рано начали посещать горячие источники для отдыха и развлечений. Отец принца Арима особо любил минеральные источники в Арима (около современного Кобэ); есть предположение, что имя принца, записывающееся теми же иероглифами, восходит к названию этого места. Отчего принц Арима избрал Муро, а не более близлежащие источники, как, например, Арима, так часто почитаемые присутствием императорской семьи? Есть много возможных объяснений, помимо того зловещего, что отмечено в хронике. Если, как мне кажется, его ментальное недомогание было подлинным, он вполне мог стремиться избежать посещения роскошного курорта; прибрежные источники типа Муро были лучшим местом для лечения, чем источники в Арима, располагавшиеся в горах. Вдобавок, как указывает профессор Наоки (_Кодай_кокка-но_сэйрицу_, с. 235), Сиоя-но Мурадзи Коносиро, единственный близкий сотоварищ принца, отвечал за солевые разработки в районе Муро (его имя означает нечто вроде Господин Соляных домов и Селедки) и вполне мог порекомендовать эти отдаленные горячие источники своему несчастному юному другу.

100

_Нихон_сёки_, IV: 134.

101

_Нихон_сёки_, IV:139-41. Я вставил дополнительный отрывок (со стр. 141 _Нихон_сёки_) между «…тайно совещались» и «В этом году я достиг возраста», — единственное, по моему мнению логичное место для этого параграфа. Замечание принца Арима о том, что теперь он достаточно зрел для руководства войсками в бою, звучит бессмысленно в том месте, где оно сейчас находится (то есть при ответе на критику правительства со стороны Акаэ), однако оно вполне подходит как продолжение слов о том, что он еще слишком юн для осуществления своих планов. Все даты даны по Юлианскому календарю.

102

Интересно, что все три «ошибки» правительства были совершены в экономической области. Первые две относятся к новым налогам, которыми было обложено население в ходе Великой Реформы; _со_ — налог с продукции, уплачиваемый рисом или другими зерновыми, а _ё_ — более тягостное бремя — трудовая повинность. Хотя Сога-но Акаэ адресует свои слова императрице (_сумэра-микото_), его критика (или намеренно провокационные поношения) в действительности направлены против принца Нака и его коллег, ответственных за реформы.

103

Представляется характерным, что Сога-но Акаэ использовал простых рабочих (_ёборо_), чтобы схватить принца Арима, а не официальных стражников или солдат, и что прошло три дня, покуда он не был официально арестован.

104

Эта казнь была типом «гарроты» и заключалась в удушении веревкой. Среди разновидностей наказаний, перечисленных в китайских кодексах, она была на одну ступень менее позорная, чем обезглавливание. Тадзии-но Осава-но Мурадзи Кунисо вероятнее всего не совершал эту зловещую операцию лично, но был лишь ответственным за процедуру.

105

Другими словами, «Пожалуйста, пощадите меня, чтобы я мог продолжать трудиться на благо страны» (а не так, как забавно переводит этот пассаж Астон: «прошу, чтобы моя правая рука была сделана национальным сокровищем»). Последняя просьба Коносиро естественно, не была исполнена.

106

Второе стихотворение неясно. Его также возможно принять (см. _Манъёсю_, изд, «Ниппон гакудзицу синкокай», Токио, 1940, с.9) за жалобу принца, что во время неудобного путешествия рис ему подавали на дубовых листьях (_сии-но_ха_), а не в соответствующих коробочках (_кэ_), как дома. Но тогда стихотворение превращается, вместо твердого уверения в поклонении богам, не более чем во всхлип жалости к самому себе.

107

Профессор Такахаси предполагает (Наоки, _Кодай_кокка-но_сэйрицу_, с. 240), что друг принца Арима, Сиоя-но Мурадзи Коносиро должен был использовать свое положение управляющего соляными разработками для мобилизации местных рыбаков и формирования блокирующего флота, однако это представляется несколько надуманным.

108

императрица КОГЁКУ император КОТОКУ

принц Нака======императрица Хасихито принц Арима

Клавдий==========Гертруда=========отец Гамлета

Гамлет

109

«…сердце у Америки доброе, характер у Америки сильный, и мы будем продолжать оставаться великой державой». Президент Никсон, в речи в Хантсвилле, штат Алабама, 18 февраля 1974 года («Нью-Йорк Тайме», 19 февраля 1974 г.)

110

О «Сказании о доме Тайра» см. с. 68–69. Относительно «Огней на равине», как современном примере «литературы несчастий», см. мое введение к ее переводу в изд. «Penguin», New York, 1969, p.viii ff.

111

Ivan Morris, «The World of the Shining Prince», London-New York, pp. 196-98.6

112

лат. «оплакивание событий» (букв. «слезы по вещам»).

113

«Такого рода характеры [т. е. побежденных героев] передают нам особо острое чувство недолговечности (_мудзё_}». Кавабара, «Сайго дэнсэцу» Токио, 1971, с.50.

114

Он стал, также, богом грома и божеством, патронирующим тех, кто страдает от несправедливости по причине собственной искренности.

115

«…руководители клана Фудзивара противились кровопролитию в любом его виде. Они не верили в возможность разрешения проблем с помощью жестокости. Они достигали своих целей продуманностью планов и посредством убеждений, и здесь они были и предусмотрительны, и сдержанны, ибо стоило им хоть раз применить силу в качестве аргумента, и их собственное главенство было бы разбито в прах. Они почитали гражданские добродетели и склонялись перед ученостью до тех пор, пока ученые не начинали стремиться к политическим успехам.» Sir Georg Sansom, _A_History_of_Japan_to_1334_, London, 1958, p. 150.) Терпимость Фудзивара к своим противникам имела под собой также и идеологическую основу. То было время, когда буддийский запрет на убийство имел большое влияние; большинство же Фудзивара были добрыми

буддистами и не рисковали (за исключением случаев, когда это было совершенно неизбежно) возможностью духовной деградации по причине лишения кого-либо жизни. Равной по воздействию причиной являлась боязнь _онрё_ — _неуспокоившихся духов побежденных врагов, которые могли вернуться в земную жизнь и преследовать человека. Как показывает история Митидзанэ, даже побежденный враг, которому позволили окончить свои дни в мирной отставке, мог стать заклятым недругом после своей смерти. Насколько же более опасен должен был быть дух врага казненного, или претерпевшего жестокое обращение!

В повести Мурасаки Гэндзи вновь вызывают в столицу и наделяют политическим статусом за счет Фудзивара. В реальной истории, однако, ни один из прощенных изгоев никогда не имел возможности бросить вызов их гегемонии. Большинство традиционных исторических прототипов принца Гэндзи были политическими ссыльными, противостоявшими правящей фамилии. Наиболее вероятным претендентом представляется Корэтика — популярный юноша аристократического происхождения, изгнанный из столицы главой правящего клана Фудзивара в 996 году и назначенный на службу в губернаторское управление острова Кюсю (Morris, _The_World_of_the_Shining_Prince_, London & New York, 1964, pp. 56–57.); Корэтика, как и Гэндзи, был прощен два года спустя, однако его политическая карьера была навсегда подорвана. Многие из комментариев к «Повести о Гэндзи», начиная с _Какайсё_ XIV века, выдвигают Сугавара-но Митидзанэ в качестве одного из прототипов принца Гэндзи, а комментарий _Сика_ситирон_ XVIII-го века прямо называет его таковым. Подобное приписывание представляется весьма натянутым. Единственными важными моментами, фигурирующими у обоих персонажей, являются сильная тяга к культуре, а также то, что оба были политическими ссыльными; в эпоху Хэйан такое сочетание редкостью не являлось. Однако, для изучения японских героев важно отметить, что ученые на протяжении веков верили в то, что историческими прототипами самых выдающихся героев японских повествований были ссыльные, — иными словами, те, кто в социальной сфере потерпел поражение.

Фр. «прежде всего», «преимущественно».

118

Четыре ветви большого клана Фудзивара ведут свое начало от Накатоми-но Катамари, которому фамилия Фудзивара была дарована его другом и единомышленником императором Тэндзи в память — как гласит традиция — о поле глициний (_фудзи-хара_), на котором они обсуждали планы свержения Сога.

(Накатами-но) Катамари

Фудзивара-но Фубито

Южная ветвь Церемониальная ветвь Столичная ветвь Северная ветвь

После продолжительной борьбы, в начале IX века северная ветвь победила остальных.

119

О политике, использовавшейся Фудзивара для обеспечения контроля над правительством см. Morris, _Shining_Prince_, pp. 200–212.

120

В соответствии с иерархической системой китайского толка, установленной в период Великих Реформ, администрация страны контролировалась Великим Советом Государства, прямо подчиненным императору. Великий Совет состоял из Главного Министра, Министров Левого, Правого и Центрального; Главного, Среднего и Низшего Советников и Частных Советников (или Советников Императора). Пост Главного Министра обычно пустовал. Как правило, было четыре Главных Советника, три Средних и три Низших Советника, восемь Частных Советников. См. Ivan Morris, _The_Pillow_Book_of_Sei_Shonagon_ II, приложение 7 — о фактологических деталях администрации эпохи Хэйан; описание — в _Shining_Prince_, гл. 3.

121

Эти реформаторские меры, предпринятые в правление императора Уда, получили название _кампё-но_сэйдзи_ (политика эпохи Кампё) и привели к серьезным административным реформам Энги во времена правления его сына императора Дайго. По сути это были консервативные меры, целью своей имевшие сохранение системы _рицурё,_ возникшей в годы Тайка, претерпевшей значительные изменения к худшему от инноваций в центральной администрации, от слабости провинциальных правительств, но прежде всего — от разрушения официальной системы распределения земель. Среди практических мер, принятых среди реформ Кампё были: (а) отправка в провинции инспекторов _(момикуси)_ для выслушивания жалоб крестьян на местные злоупотребления, проверки, оттока населения из определенных частей страны и для укрепления авторитета официальных лиц, назначенных из центра; (б) попытка снизить расходы центрального правительства путем сокращения определенных отделов и должностей, а также состава императорской гвардии.

122

«Старше» — по масштабам эпохи Хэйан. Когда Уда взошел на трон в возрасте 21 года, Митидзанэ был старше его примерно вдвое.

123

_Нихон_сандай_дзицуроку_ — одно из великих литературных достижений того времени, была начата по указу императора Уда, но закончена лишь в правление императора Дайго. Токихира и Митидзанэ были среди основных составителей, однако, как это ни смешно, 50-томный труд был представлен ко двору всего лишь через несколько месяцев после того, как Токихира принудил Митидзанэ удалиться в ссылку. _Руйдзю_кокуси_ была представлена Сугавара-но Митидзанэ в 892 году; из 200 свитков (_кан_) сохранился только 61. Другой серьезной работой Митидзанэ был 28-томный сборник китайской поэзии, составленный его дедом, отцом, и им самим. Он также написал весьма компетентное предисловие к буддийскому трактату своего знаменитого современника Эннина. В 893 году император Уда повелел Митидзанэ составить новую антологию японской поэзии, озаглавленную _Синсэн_Манъёсю_. Некоторые современные ученые ставят под сомнение его авторство этой антологии и _Руйдзю_кокуси_.

124

Легендарным предком рода Сугавара был Номи-но Сукунэ, которого император Суйнин (правил в III в. н. э.) призвал из западной провинции Идзумо для того, чтобы он вступил в поединок с чемпионом по борьбе того времени. Номи-но Сукунэ убил своего противника мощными ударами по ребрам и в промежность и был вознагражден всей собственностью и землями убитого. Считается, что эта жестокая схватка дала начало традиционной борьбе _сумо,_сохранившейся до наших дней — гораздо более элегантному (и безопасному) виду противоборства. Приблизительно через двадцать лет после своего триумфа Номи-но Сукунэ проявил себя с более мягкой стороны, предложив, как гласит традиция, чтобы вместе с телами знатных людей вместо живых сподвижников хоронили глиняные фигурки.

Оказывается, Митидзанэ принимал горячее участие в жизни и благосостоянии своих студентов, даже тех, кто не выделялся способностями. До наших времен сохранилась интересная подборка китайских стихов, написанных Митидзанэ в 882 году, каждый из которых посвящен одному из студентов-выпускников императорского университета. В стихотворении, посвященном студенту из ученой фамилии Вакэ, Митидзанэ упоминает тот факт, что он 13 раз проваливался, прежде чем сдать экзамен — «Так что прошу дать мне возможность увидеть твое напряженное лицо разгладившимся сегодня». Другой молодой человек (из фамилии Татибана) был «вечным студентом», которому понадобилось для окончания заведения около 20 лет. Нижеследующее стихотворение цитируется из _Нихон_сёки_ (изд. «Нихон котэн дзэнсё», Токио, 1953, XVII:150):

Не раньше, чем в сорок один год

Ты смог покинуть эти залы.

[Но не грусти —]

Великие умы созревают поздно.

Из самых способных студентов Митидзанэ, окончивших Бунсёин (частная школа семейства Сугавара), многие заняли в правительстве важные посты; именно они, по легенде, первые приложили усилия для упрочения его посмертной репутации. С точки зрения Фудзивара, поддержка этих бывших учеников своего старого учителя являлась потенциальным источником опасности, и некоторых из них отправили в ссылку после того, как в 901 году Митидзанэ отстранили от власти.

126

По профессору Куроита (_Кокуси-но_кэнкю_, Токио, 1936, 1:255), императору Уда пришлось поспешить в назначении принца Ацухито своим преемником, поскольку он не мог рисковать, допуская возможность появления у другой своей наложницы — Ацуко (дочери Фудзивара-но Мотоцунэ) сына, который бы, в соответствии со «свадебной политикой» Фудзивара, автоматически получил бы преимущество перед любым другим потенциальным преемником; он также пожелал назвать своего наследника до того, как Токихира — новый лидер Фудзивара — получит достаточно времени для окончательного упрочения. Это позволяет понять, почему император Уда столь «резко» отрекся от престола, когда ему был всего 31 год, а наследнику — только 13 лет.

127

По одной из легенд, однако, Митидзанэ действительно бывал в Китае, где воспринял учение Дзэн. Некоторые монахи XV века заявляли, что в период правления Сунской династии Митидзанэ побывал в Китае для того, чтобы занижаться у дззнского мастера — и это несмотря на тот факт, что Сунская династия возникла много лет спустя после кончины Митидзанэ. На знаменитой картине с изображением Митидзанэ, названной «Небесное божество, перешедшее в Китай» (_Тото_Тэндзин_), изображен великий ученый в одеждах дзэнского монаха, держащий в руках пучок цветущих сливовых веток, которые стали по легенде символически с ним ассоциироваться. (Сакамото Таро, _Сугавара-но_Митидзанэ_, Токио, 1956, с. 162–163.)

128

Примечательным исключением является Киби-но Макиби (693–775) — блестящий, энергичный ученый, который, помимо всего прочего, изобрел фонетическую азбуку _катакана._ Он был в Китае с 716 по 735 годы и по возвращении в Японию, привез с собой и, как считается, распространил лютню _бива,_ искусство вышивки и игру _го._ В 766 году Макиби был назначен Великим Министром Правой стороны и оказывал значительное влияние на двор до тех пор, пока его не вытеснили Фудзивара, которые к тому времени начали свой медленный подъем к кормилу власти. В целом, вклад Макиби в развитие японской культуры намного превосходит соответствующий у Митидзанэ, однако, поскольку ему не посчастливилось умереть в ссылке, он так никогда и не обрел статуса героя.

129

Куроита, _Кокуси-но_кэнкю_, с. 255.

130

Фудзивара стали рассматривать клан Минамото в качестве своих «когтей и зубов», которые должны были обеспечивать их необходимой военной силой, когда все остальные ненасильственные методы были исчерпаны.

131

К концу 900 года Киёцура прочитал при дворе лекцию об опасностях грядущего года (901-го), который был _каното_тори,_ 58-м в китайском шестидесятиричном цикле, а, следовательно, годом кризисов и изменений. Киёцура предостерег Митидзанэ, что, поскольку тот так стремительно поднялся по иерархической лестнице, его положение будет особенно шатким в будущем кризисном году, поэтому ему следует подавать в отставку, пока еще есть время. Его предсказание, чем бы оно ни было мотивировано, оказалось полностью оправданным.

132

Сугавара-но Митидзанэ Фудзивара-но Мотоцунэ Фудзивара-но Такафудзи

Нобуко=======УДА========Ацуко

(Энси) (59-й император

Японии)==========Танэко

(Инси)

принц Токиё принц Ацухито

(стал ДАЙГО, 60-м императором Японии)

133

Фр. «крик души».

134

Говорят, что правительство сделало все возможное, чтобы путешествие стало для Митизданэ как можно более трудным, запретив местным властям предоставлять ему пищу, жилье и другие необходимые услуги. В одном случае, когда он не мог найти пристанища на ночь, ему пришлось просидеть на мотке веревки. Это — источник сюжета знаменитей картины _Цунадза_Тэндзин_ («Божество, сидящее на веревке»), где нарисован старый министр, сидящий на веревочных петлях с выражением гнева на лице и с жезлом в руке. В начальный период своей «божественности» подобные яростные выражения лица были для него обычны, что связано с его ролью божества грома, которого опасно не почитать.

135

Перевод в: Burton Watson & Donald Keen, _Anthology_of_Japanese_Literature_, New York, 1955, p.165.

136

Это дерево — _primus_mume,_ известно, как японский абрикос, что неверно. Его маленькие цветки _умэ_ (или _мумэ)_ традиционно почитаются на Дальнем Востоке как символ крепости, поскольку они появляются зимой, когда никаких других цветов еще нет. Burton Watson, _Michizane_and_the_Plums_, «Japan Quarterly» XI, No.2 (1964): 217-20.

137

«Китано тэндзин энги эмаки», — первый из множества иллюстрированных свитков с описанием жизни Митидзанэ, был исполнен в 1215 году. Это — прежде всего религиозный труд, призванный объяснить возникновение и необходимость святилища Китано, где поселился его дух приблизительно через полвека после смерти хозяина. Первый раздел — биография знаменитого ученого в картинках; второй, самый главный, рассказывает о процессе его становления героем-божеством. Головокружительная карьера Митидзанэ была популярной темой для художников школы Тоса с XIV по XVII век. Самые доступные репродукции свитков XIII века можно найти в книге Bradley Smith, _Japan:_A_History_In_Art_, New York, 1964, pp. 67–71.

138

Сугавара-но Митидзанэ. _Сёсайки_, цитируется в кн.; Икэда Кикан, _Хэйан_дзидай-но_бунгаку_то_сэйкацу_, Токио, 1967, с. 72.

139

Местонахождение бывшей ставки губернатора Кюсю — где-то в часе езды от современного индустриального города Фукуока.

140

Из _Канкэ_косо_, цитируемого Китаяма Сигэо в кн. _Хэйан-кё_, Токио, 1965, с. 352–353. Третья поэма переведена в кн. Burton Watson, _Michizane_..., p.219.

141

Однако Токихира не принял во внимание летальный эффект от встречи с духом Митидзанэ.

142

В 1240 и 1241 годах — годовщинах смерти Thomas a Becket в Лондоне разрушилась башня, построенная Генри III, и, как сообщалось, видели Сэра Томаса, стоявшего на ней и сталкивавшего вниз камни посохом. В 1242 году король приказал выстроить башню заново, но на этот раз он назвал ее именем мученика, и она осталась спокойно стоять. Башня Сэра Томаса даже смогла пережить сильные бомбежки.

143

Китаяма, _Хэйан-кё_, Токио, 1965 с. 354. Благодаря его чудесному появлению, Митидзанэ с самого начала стали почитать в качестве божества грома (_Райдзин_). Только после того, как его дух был окончательно умиротворен, стало возможным игнорировать этот ужасающий, мстительный аспект и сконцентрироваться на его мягких, культурных атрибутах; на этой стадии он претерпел трансформацию от яростного божества грома до доброго бога учености и литературы, а также — божества-покровителя честных людей, страдающих от несправедливости. В этой своей поздней ипостаси он был идентифицирован с Каннон — буддийской богиней милосердия. Сакамото, _Митидзанэ_, с. 160.

144

Среди других знаменитых неудачников в японской истории, которых правительство постаралось умиротворить после их смерти с помощью возведения им храмов, можно вспомнить Фудзивара-но Хироцугу в VIII веке и Тайра-но Масакадо в X-м. Оба они подняли восстание против центрального правительства и были разбиты имперскими войсками; мстительный дух Хироцугу начал действовать практически немедленно после смерти; дух же Масакадо был успокоен построением святилища до того, как смог причинить какой-либо вред.

145

Burton Watson описал храм следующим образом:

«Главное здание настоящего храма было построено около трех с половиной веков назад в вычурном стиле, характерном для архитектуры конца периода Момояма; прекрасный сам по себе, со сложными крышами, всплесками красного и золотого, он вызывает впечатление какой-то фальшивой античности в храме, который на самом деле гораздо старше — где-то середины десятого века. К главному зданию примыкают множество мелких святилищ, скульптуры, каменные фонари всех форм, а среди всего этого растут цветущие сливы, которыми знаменит храмовый комплекс. Маленькие деревья, опасно наклоненные и изогнутые, они, кажется, были безжалостно побиты и поломаны, и поэтому, когда каждый год из почерневших стволов появляются навстречу холоду россыпи утонченных белых цветков, они являют нам символ мягкой, но упорной намеренности продолжать жизнь». (Watson, _Michizane_…, p.217.)

146

В XVII веке правительство Токугава возвело в столице Эдо (Токио) новый важный храм для поклонения Митидзанэ, которого сёгуны особо почитали за конфуцианскую ученость.

147

Окагами (Великое Зерцало), цитируется в _Сирё-ни_ёру_нихон-но_аюми_, «Кодай-хэн», Токио, 1960, с. 139.

148

_Сугавара_дэндзю_тэнараи_кагалш_ (букв. «Зерцало введения в таинства каллиграфии Сугавара») — пьеса для театра кукол, написанная в 1746 году. Такэда Идзумо. Более детальное описание на английском языке см. в кн. Aubrey Halford, _The_Kabuki_Handbook_, Tokyo, 1956, p.306.

149

Токихира был основным лицом реформаторского движения со времени смерти Ясунори в 895 году вплоть до своей кончины в 909-м. Он был особенно активен в сфере экономики, — в частности по вопросам устройства _сёэн_ (феодальных поместий) и улучшения системы земельных наделов _хандэн._

150

Профессор Burton Watson — один из немногих зарубежных ученых, переводящих китайскую поэзию Митидзанэ, приводит ценное суждение в своей книге _Michizane_, с. 217–218:

«Митидзанэ превзошел всех остальных поэтов своего времени в составлении китайских стихов, что подразумевает его способность выйти за рамки стереотипных тем и сентиментов, которых можно было бы ожидать от придворного ученого — „Прощание с посланником из Бохай“, „Наблюдая хризантемы во время официального банкета“ и т. п. — и использовать способ отображения реальных сцен вокруг него и тех эмоций, которые они вызывали».

151

Кокинсю, №№ 272 и 420 в издании «Нихон котэн дзэнсё», с. 85, 112. № 420 — поздравительное стихотворение, написанное по случаю выезда экс-императора Уда за город в 398 году, известно в Японии каждому школьницу, поскольку включено в знаменитую антологию _Хякунин_иссю_.

152

См. Morris, _Shining_Prince_…, pp.183-85.

153

Только в эпоху Токугава (приблизительно через семь веков после смерти) Митидзанэ стали в массе почитать как божество каллиграфии. Знаменательно, что в известной пьесе кукольного театра 1746 года он фигурирует не как поэт или ученый, но как мастер письма.

154

«Сомнительно, чтобы кто бы то ни было в Японии был так же популярен на протяжении такого же долгого времени, как Сугавара-но Митидзанэ». «Short Biographies of Eminent Japanese in Ancient and Modern Times», Токио, 1890, автор не указан, без пагинации.

155

Из всех японских героев, потерпевших неудачу, единственным другим гражданским человеком, дожившим до преклонных лет, был Сэн-но Рикю (1521–1591), — самый известный мастер чайной

церемонии, однако даже он был вынужден покончить с собой. Среди исторических героев-неудачников Митидзанэ уникален в том смысле что умер ненасильственное смертью.

156

Для христианского опыта всегда стояла проблема: что чистое сознание и дух должны отдать Кесарю, и, несмотря на частые экклесиастические компромиссы (типа того, на который пошел Ватикан во время Второй мировой войны), это трудное положение так и осталось неразрешенным. В мифологии японских героев, потерпевших поражение, природа противостояния мира и духа, несмешиваемых, подобно маслу и воде, выражена гораздо более полно и удовлетворительно, нежели в западных попытках разглядеть Господен Промысел, действующий в истории.

157

Наследники ответвлений фамилии Фудзивара, такие как Каноэ, в действительности играли важную роль при японском дворе вплоть до новейшего времени; они даже продолжали свою «политику женитьб», предлагая своих дочерей в качестве императорских наложниц.

158

Как и в большинстве других стран, историческими героями Японии были люди военные; основное же различие состояло в том, что большинство из них сражались на стороне побежденных. Для нас — людей постиндустриальной эпохи, трудно составить реальную картину характера средневекового рыцаря, не говоря уже о японском рыцаре, а те записи, которые имеются в нашем распоряжении, рассказывающие о знаменитых самураях, оказываются совершенно бесполезными, когда доходит до личных или психологических черт персонажей.

Без сомнения определение Эмерсона: «грубая, мужская нация безжалостной силы» относится как к большинству японских воинов, так и к их западным коллегам. Их образ жизни в сжатой форме отображает жестокую, неистовую сторону японской традиции; в тех случаях, когда мы впадаем в заблуждение, превознося средневековых самураев, профессор Барде напоминает нам, что это были «грубые, необразованные люди, занятые грязной профессией». (H.Paul Varley, _Japanese_Culture_, New York, 1973, p. 173.) Все же, несмотря на всю их дикость, жестокость, от которой бросает в дрожь — упоминаниями об этом испещрена история самураев на протяжении веков — их яростность часто умерялась искренней чуткостью, которая проявлялась в любви к культуре и особенно — к поэзии, почитании «искренности» и восприятии «очарования вещей». Эти и другие позитивные качества японского воина сжато выражены в «сборной» историко-легендарной фигуре Ёсицунэ и повторяются у позднейших героев воинского сословия, таких как Масасигэ и Сайго Такамори.

«Если суперпатриоты излишне превозносят фигуру самурая, то нам не следует для себя затемнять его немалые достижения… смелость, смешанную с деликатностью, твердость наряду с легкостью, привязанность к достойному… Мир не настолько богат мечтами о рыцарстве, чтобы недооценивать такие образы.» (Singer, _Mirror,_Sword_and_Jewel_, New York, 1973, p.167.)

_Locus_classicus_ этой фразы — _хайку_ поэта начала ХУП века Мацуэ Сигэёри, который выражает красоту поражения на примере природы — с помощью лепестков вишни, разлетающихся на весеннем ветру:

_Ё_я_хана-ни_ букв.: «Ах, весь мир — для цветов!

_Хоганбиики_Хоганбиики_ (симпатии к побежденному)

_Хару-но_кадзэ_ Весенний ветер!»

Симпатизирование потерпевшему поражение и восхищение героической параболой совершенно отчетливо соотнесено с ощущениями _мудзёкан_ и _моно-но_аварэ,_о_ которых говорилось выше, и принадлежат «искренней» стороне дихотомии, описанной в примечаниях к Гл. 2.

В легендах о Ямато Такэру и Ёсицунэ, так же как и в действительной истории современного героя Сайго Такамори, блестящая серия побед сменяется катаклизмом поражения; в каждом случае пафос падения акцентировался славой предыдущих успехов, однако именно характер финала их жизни делал их столь привлекательными героями. По наблюдению г-на Кудо, «Необходимо, чтобы [герой] поднялся на пик успеха, а затем пал.» Кудо Ёроси, _Тэнраку-кэй-но_Нихон_эйю-дзо_, в еженед. «Сюкан Асахи» 6–8, 1973: 116.

160

Например, путешествие Ёсицунэ в сказочные страны. См. Helen McCullough, _Yoshitsune,_A_Fifteenth-Century_Japanese_Chronicle_, Stanford, 1966; pp. 38. В книге профессора Маккалоу содержится прекрасное исследование легенды о Ёсицунэ, за которым следует перевод «Гикэйки».

161

По Мирча Элиаде, миф в действительности может быть «правдивее» действительности в том, что он заставляет реальную историю «раскрывать более глубокий и богатый смысл, снимая покров с трагической судьбы». Элиаде приводит пример недавнего происшествия в деревне на Балканском полуострове, которое было должным образом приукрашено и обращено в миф; местное крестьянство рассматривало мифическую версию происшествия, как гораздо более аутентичную, нежели те события, которые они наблюдали собственными глазами. (Eliade, _Cosmos_and_History_, New York, 1959.) В моем описании жизни Ёсицунэ я сочетал легендарные и исторические фрагменты, указывая (где мне это казалось необходимым), является ли данное событие истинным или выдуманным. Разумеется, во всех главах я достаточно свободно черпал из мифическо-легендарных источников, которые никак не отнесешь к «объективной» истории, но которые все же предоставляют важную возможность заглянуть в психологию японского героя-воина. «Миф, — как писал профессор Чадвик, — есть последняя, а не первая, ступень в процессе развития героя.» (N.Chadwick, _The_Growth_of_Literature_, Cambridge, England, 1932, p 278.)

Хоган-моно (пьесы о Ёсицунэ) представляют собой самую большую под-категорию в репертуаре театра Но. Это отражает значительную тягу к Ёсицунэ побежденному в период Муромати — самое творческое для драм Но время. Легенда о Ёсицунэ продолжала вдохновлять писателей и в период Токугава: Тикамацу Мондзаэмон, блестящий драматург театра кукол и «Кабуки», написал о Ёсицунэ не менее шестнадцати пьес. Наиболее ценным и едва ли не единственным источником, из которого можно почерпнуть сведения относительно деталей литературы о Ёсицунэ и другие сведения относительно легенды о нем, представляется книга Симадзу Хисамото _Ёсицунэ_дэнсэцу_то_бунгаку_, Токио, 1935,- энциклопедическая кладезь информации о герое.

СЭЙВА

(56-й император Японии)

[семь поколений]

Минамото-но Тамэёси

Ёсиката Юкииэ Ёситомо

Ёсинака

Ёритомо Нориёри Ёсицунэ

(чья мать была (чья мать была наложницей (чья мать Токива была дочерью высшего на почтовой станции Икэда младшей дамой у священника в Ацута) в провинции Оми) Фудзивара-но Тэйси)

164

Мать Ёритомо была дочерью аристократа из семейства Фудзивара, являвшегося Главным служителем в важном святилище Ацута; она была самой признанной из многих наложниц Ёситомо.

165

По знаменитому письму Косигоэ (см. стр.85–86), Ёсицунэ подчеркнуто говорил о себе, как о сироте _(дзицу_наки-но_кото_нари)._

166

Эта история послужила основой знаменитой пьесы Но «Хаси Бэнкэй», переведенной Артуром Уэйли в книге _The_No_Plays_of_Japan_, London, 1921.

167

«Узнать [Ёсицунэ] не составляет никакого труда. Это маленький человек со светлым лицом и с зубами, немного выдающимися вперед.» _Хэйкэ_моногатари_, сер. «Котэн нихон бунгаку дзэнсю», Токио, 1966, с. 345.

168

О сексуальности героя см. ниже. См. также о Ёсицунэ, как о фигуре типа Адониса.

169

McCullough, _Yoshitsune_, p.5.

170

В период кампании против своего кузена Ёсицунэ пользовался услугами своего дяди и брата наполовину — Нориёри.

171

Ослепительно красивая молодая жена Ёсинака — Томоэ Годзэн играет в эпосе героическую роль, аналогичную исполняемой знаменитой возлюбленной Ёсицунэ — Сидзука. Она была легендарно красива и храбра, и сопровождала своего мужа во всех кампаниях. Традиционные картины изображают ее сидящей на белой лошади в полном самурайском одеянии, командующей отрядами восточных воинов. В сражении 1184 года, закончившемся для них катастрофой, в котором Ёсинака встретил свою смерть, она была атакована воином геркулесовского сложения по

имени Утида Иэёси, но победила его в схватке один на один и отрезала ему голову. Есть несколько вариантов описания того что произошло с ней, этой яростной юной амазонкой, после смерти мужа. Самая распространенная версия гласит, что в возрасте 28 лет она отошла от мира, удалившись в обитель, и молилась за упокой духа Ёсинака; по другому, гораздо менее привлекательному преданию, она стала наложницей одного из его основных противников.

172

Когда в конце 1185 года Ёсицунэ оставлял столицу, он запретил своим людям заниматься грабежами и поджигательством, что было обычным делом для уходящих войск. Это произвело большое впечатление на Двор и взволнованное население Киото.

173

_Хэйкэ_моногатари_, с. 353. Священный меч (Кусанаги), вероятно, очутился на морском дне и пропал навсегда.

174

_Хэйкэ_моногатари_, с.11. Храмовый колокол: один из восьми колоколов Зала Непостоянства в монастыре Джетавана — знаменитом храме, построенном в саду города Кошала (центральная Индия) в V в. до н. э. Деревья _sala__ большие деревья с двойным стволом, которые, по преданию окружали место, где умирал Будда. Когда он умер, желтые цветы на одном из каждой пары деревьев немедленно побелели и опали.

175

Varley, _Japanese_Culture_, p. 66.

176

Вакамори Таре. _Ёсицунэ_то_нихондзин_, Токио, 1966, с. 151. В раннеяпонском обществе, где царила полигамия с концентрацией семьи вокруг матери, дети, рожденные от разных матерей, воспитывались в доме соответствующей матери, и обычно имели мало (если вообще имели) отношений друг с другом.

177

Те, кто знаком с историей Турции, заметят поразительное сходство Ёсицунэ и побежденного героя пятнадцатого века Кема, — элегантного юноши, известного своими поэтическими и художественными способностями, но прежде всего, знаменитого воителя. Он также был преследуем своим старшим братом, причем росли они отдельно. Старший брат, способный администратор, позже ставший султаном Баезидом II, фигурирует в традиции, как хитрый, завистливый негодяй, предательством добивающийся смерти героя. По одной версии, Кем был убит по приказанию своего брата в Ватикане руками предателя-парикмахера с помощью отравленной бритвы; по другой (более «японской») версии, Кем покончил жизнь самоубийством в отчаянии из-за несправедливого к нему отношения. Приношу благодарность молодому японоведу турецкого происхождения Сеслюк Эсенбелу, привлекшему мое внимание к этой интересной параллели.

178

Ёритомо и самого выводило из себя ренегатство Госиракава, которое он, без сомнений, рассматривал в качестве типичной черты коррумпированной аристократии, на которую невозможно было положиться. В одном из случаев он характеризует бывшего императора как «настоящего дьявола» (_тэнгу_). Однако, в струе общей политической линии в отношении Двора, он продолжал оказывать ему все внешние знаки почтения.

179

Так, по легенде, именно Кадзивара был ответственен за жестокое обращение с Сидзука и ее ребенком. По одной из версий легенды, его истинные намерения стали уже совершенно ясными, когда он предложил вспороть ей живот, дабы убить и мать, и дитя. Роль Кадзивара в истории Ёсицунэ аналогична роли Сога-но Акаэ в трагедии принца Арима: в каждом случае центральная фигура злодея поощряется другим сверхзлодеем, стоящим ниже по социальной лестнице.

180

«Повесть о доме Тайра» (пер. И.Л.Львовой). М., «Худ. Лит.», 1982, с. 499–500.

181

«Повесть о доме Тайра», с, 519–520.

182

«Повесть о доме Тайра», с. 520.

183

Представляется, что в то время Ёсицунэ был в весьма близких отношениях со своим малокомпетентным дядей, однако нет никаких подтверждений тому, что у него были какие бы то ни было планы соединить их силы против Ёритомо. Только лишь после того, как Ёритомо наконец послал из Камакура в Киото наемного убийцу, Ёсицунэ, понимая неизбежность открытого столкновения, обратился за помощью к своему дяде. Вакамори, _Ёсицунэ_, с. 147.

184

Фр. «смысл существования», «разумное основание».

185

В соответствии с поздним вариантом легенды, письмо Косигоэ в действительности было написано Бэнкэем по инструкциям Ёсицунэ. Это — выражение тенденции придавать Бэнкэю все более активную роль в событиях, в то время, как сам герой превращается в пассивную жертву.

186

Между различными текстами письма Косигоэ нет значительной разницы. Свой перевод я основывал на версии, данной поздней исторической хроникой _Адзума_кагами_ — «Нихон сирё сюсэй», Токио, 1963, с. 164.

187

_…Сои-о_нобуру_ (из письма Касигоэ) буквально означает «высказать мои искренние намерения». Ёсицунэ хотел, чтобы его брат знал мотивировку его поступков — лояльнейшее желание служить ему, а также полное отсутствие каких-либо собственных политических амбиций.

188

Двор назначил Ёсицунэ и Юкииэ наместниками всех поместий _сёэн_ на Кюсю и Сикоку соответственно; это было источником огромного потенциального богатства, однако не предоставляло возможностей набора воинских сил, необходимых для кампании против Камакура.

189

Цитируется Исии Сусуму в кн. _Камакура_бакуфу_, Токио, 1965, с. 188–189.

190

Кадокава Гэнъёси, _Гикэйки-но_сэйрицу_, «Кокугакуин дзасси 65», №№ 2,3; 1964: 79-100.

191

Ногами Тоёитиро, _Ёкёку_дзэнсю_, Токио, 1935, 5:51.

192

Ногами Тоёитиро, _Ёкёку_дзэнсю_, с. 54–55. «Переносной алтарь» — вероятно, более точный перевод слова _ои,_ нежели «короб». Он представлял собой большую деревянную коробку с ножками, использовавшуюся пилигримами для переноски буддийских алтарных принадлежностей, облачений и других аксессуаров.

193

Ногами Тоёитиро, _Ёкёку_дзэнсю_, с. 63.

194

Ногами Тоёитиро, _Ёкёку_дзэнсю_, с. 67–68.

195

Ногами Тоёитиро, _Ёкёку_дзэнсю_, с. 72.

196

Конфликт с Тогаси в пьесе «Кандзинтё» принимает более спокойную окраску; в нем говорится, что он бросает украдкой взгляд на подписной лист и понимает, что это — фальшивка. Последовавший за этим допрос Бэнкэя предназначался только лишь для того, чтобы обмануть стражников. Версия театра Кабуки (1840) утверждает то, что в Но только предполагается, выражая большое внимание, оказывавшееся в эпоху Эдо теме _гири-ниндзё_(чувство долга — человеческие эмоции); пьеса «Атака» (конец XV века) увенчана аурой _аварэ_ и _мудзёкан_ (преходящести), свойственной Но.

197

Ср. изменение характера Ямато Такэру во второй половине его жизни.

198

Знаменательно, что в «Атака» и «Фуна Бэнкэй» — двух самых знаменитых пьесах «Но» о Ёсицунэ в период его падения — Бэнкэй поставлен центральной ролью _ситэ_ и отодвигает своего хозяина на второй, подчиненный план.

199

Вакамори (_Ёсицунэ_, с. 215–216) предполагает, что отношения между Ёсицунэ и Бэнкэем, как они отображаются в поздних версиях легенды эпохи Камакура и Муромати, выражают ностальгические чувства по прошедшему веку, в котором отношения между хозяином и подчиненным предположительно основывались на простых личных связях лояльности и привязанности, нежели чем на холодном расчете личной выгоды, который стал доминировать в отношениях повелитель-вассал в позднюю феодальную эпоху.

200

Бэнкэй, в том виде, как он предстает в поздних легендах, — такая же фиктивная фигура, как и Санчо Панса. В те времена фигуры яростных горных монахов являлись стандартными характерами приключенческой драмы, так что слуга Ёсицунэ имеет за спиной давнюю традицию. Одновременно, не исключено, что Ёсицунэ в его бегстве на север сопровождали несколько монахов, а Бэнкэй является «сборной» фигурой реальных _ямабуси._ Его функции как элемента легендарной структуры — играть роль «оттеняющего героя» так, чтобы Ёсицунэ мог продолжать свой бег и полностью выработать _моно-но_аварэ_ в характере проигравшего героя; в этом смысле они (Ёсицунэ-Бэнкэй) совместно представляют квинтэссенцию японского героя.

201

Хотя Сидзука — главная героиня легенды о Ёсицунэ, в бегстве на Запад его сопровождала далеко не одна женщина. Судя по «Сказанию о Ёсицунэ», герой состоял в интимных отношениях более чем с двумя десятками представительниц прекрасного пола за время своего краткого пребывания в столице и по крайней мере 11 из них взошли вместе с ним на корабль, пересекавший Внутреннее море. Репутация женолюба, закрепившаяся за Ёсицунэ и вновь напоминающая принца Гэндзи, подкрепляется другими многочисленными источниками и, как кажется, служила одной из причин, по которой Ёритомо сомневался в его серьезности и надежности. Амурные похождения героя стали частью легенды о нем. На серии гравюр художника Кунисада (1786–1865)

позднего периода Токугава он изображен в ряде эротических поз с разными молодыми особами из столицы, причем с такими гениталиями, которые приходится счесть чрезмерными даже по преувеличенным стандартам японских «весенних картинок». Контраст между повышенной сексуальностью Ёсицунэ и теми деликатными, женственными чертами, на которых делается ударение в поздних легендах, типичен для японского романтического героя и отображает двойственную природу характера Ёсицунэ.

202

По «Адзума Кагами», знаменитый танец был исполнен перед рождением ребенка. В данном случае поздняя, легендарная версия представляется более вероятной: женщины в поздний период беременности обычно не бывают отменными танцовщицами; выступление же Сидзука в Камакура, как передают, являлось одним из самых ярких в ее блестящей карьере.

203

И Сидзука, и Бэнкэй представляются «сборными» персонажами, относимыми к отличным от Ёсицунэ уровням историчности (о котором мы располагаем проверенными историческими фактами). В свою очередь, Ёсицунэ гораздо менее «историчен», нежели Ёритомо, поскольку практически все сохранившиеся о нем сведения густо замешаны на легендах. Тем не менее, все подобные разграничения производятся лишь учеными; для большинства японцев реальность Бэнкэя, Сидзука, Ёсицунэ, Ёритомо и остальных персонажей примерно одинакова.

Сидзука — пример выдающегося женского характера; ее можно принять в качестве типа «героини поражения», полулегендарного персонажа, сопровождающего своего любимого. Когда бы я ни спрашивал японцев о неудачно закончивших свой жизненный путь героинях в истории их страны, они упоминали имя Сидзука. О другой героине того же типа и того же периода см. Томоэ.

Прежде, всего из-за того, что период военной гегемонии длился столь долго и на всем его протяжении женщины из самурайского сословия занимали все более и более подчиненное место, в японской истории сравнительно мало героинь (как удачливых, так и неудачливых) — исключая, разумеется, таких представителей культуры, как Оно-но Комати и Мурасаки Сикибу.

В самурайской среде отношение жены к мужу принципиально не отличалось от его отношения к своему господину и основывалось, таким образом, на полной и безусловной лояльности и подчиненности. Эти отношения вкратце описаны и оправданы у Нитобэ.

Полная женская самоотдача ради блага своего мужа, дома и семьи была столь же добровольна и почетна, как и полуотдача мужа ради блага его господина и страны. Самоотреченность, без которой неразрешимой остается любая загадка жизни, была основой мужской лояльности, точно так же, как и приверженности женщины дому. Она являлась рабой мужчины не более, чем ее муж — рабом своего непосредственного начальника, и роль, которую она играла, рассматривалась в качестве _найдзё_—_«внутренней помощи». В оценочной шкале высшее место занимала женщина, обращавшаяся в прах ради мужа для того, чтобы тот мог обратиться в прах ради господина, который, в свою очередь мог следовать велениям Небес. (Nitobe, _Bushido:_The_Soul_of_Japan_, Rutland, Vt. and Tokyo, 1969 [впервые издано в 1905], с. l46.

Те героини, которые все же появлялись за время долгого периода военного правления (с середины XII до середины XIX века), редко были одиночками; чаще они выступали вместе со своими мужьями или близкими родственниками мужского пола, отражая их доблесть и славу точно так же, как и вассал — каким бы храбрым он ни был — мог всего лишь усилить престижный отсвет своего господина. Так, наиболее выдающиеся женщины XII века Томоэ, Сидзука и Масако получили возможность обрести героический статус посредством своих мужей, — соответственно Ёсинака, Ёсицунэ, Ёритомо, Подобно этому, знаменитая героиня XVI века Оити-но Ката (которая по легенде являлась, подобно Сидзука, самой прекрасной женщиной своего времени) храбро бросила вызов своему брату — всемогущему Ода Нобунага и совершила вместе со своим мужем Сибата Кацуиэ знаменитое самоубийство в стиле ницшеанского _Gotterdammerung_ («Сумерки богов») в замке Кита-но Сё (1583); и все же главную роль в этом финальном акте героизма сыграл Кацуиэ, а не его жена. Опять-таки, Яманоути Кадзутоё-но Цума (1557–1617) была одной из самых почитаемых женщин своего времени, однако, как мы можем судить уже по одному ее имени («Жена Яманоути Кадзутоё»), слава к ней пришла через посредство ее мужа. Грация Хосокава (1563–1600) — знаменитая женщина, принявшая христианство — представляется одной из немногих героинь в японской истории, которые превзошли своих мужей в благородной жертвенности и славе.

204

Из «Гёкуё» — дневника Фудзивара-но Канэдзанэ (1149–1207).

205

Фр. «импульсивная воинственность»

206

Бегство Ёсицунэ на северо-восток в качестве человека вне закона, которого преследуют, является легендарной традицией _сасураибанаси_ и типично для японского романтического героя, находящегося в расстройстве чувств.

207

Осю существовало в качестве практически независимого государства со времен долгих северных войн XI века, а его столица Хираидзуми превратилась во внушительный центр, в некоторых отношениях соперничавший с самим Киото. Огромный храм Тюсон славился обильным использованием золота (добытым из богатых копей в Осю) для украшений, которые создавали некоторые из величайших художников позднего периода Хэйан. Для сравнения — ставка Ёритомо в Камакура представляла собой всего лишь грубый военный лагерь.

208

Гикэйки («Сказание о Ёсицунэ») в изд. «Котэн нихон бунгаку дзэнсю», Токио, 1966, с. 209.

209

Похоже, что из-за различных предрассудков и причин религиозного характера для самого Ёритомо было невозможным атаковать своего брата именно в то время. Идеальным решением проблемы стало убедить хозяев Ёсицунэ сделать всю работу за него. Ватанабэ Тамоцу, _Ёсицунэ_. Токио, 1966, с.214.

210

В легенде Ясухира фигурирует как еще один суперзлодей — непочтенный, предательский, трусливый и грубый. Кроме всего прочего, о нем сообщается, что он убил своего младшего брата и бабушку с отцовской стороны.

211

11 других воинов из укрепления в Коромо, похоже, оставили своего господина в тяжелый час. Это сократило силы Ёсицунэ на 50 %, однако нельзя сказать, чтобы намного изменило соотношение сил в сражении.

212

Судя по изложенному в «Сказании о Ёсицунэ», его жена была дочерью Минамото-но Мититика, государственного деятеля и известного поэта; однако ее происхождение неясно, и традиционное предание, что она сопровождала своего мужа-героя во время его долгого бегства в Осю, — почти наверняка выдумка. Различные описания спутниц Ёсицунэ представляются запутанными и противоречивыми.

213

«Обычные восточные прислужники», как он их называл («Гикэйки», с. 212). Ясухира, который (несмотря на предательскую сущность) мог бы составить социально достойную партию, не принял участия в сражении, предположительно потому, что не желал подвергать свою жизнь какой бы то ни было опасности.

214

В предсмертном стихотворении Ёсицунэ говорится, что он хотел бы воссоединиться с Бэнкэем в следующей жизни.

215

«Сказание о Ёсицунэ» (пер. А.Стругатского). М., «Художественная литература», 1984, с.253.

216

Практикование разрезания живота началось, вероятно, во времена жестоких боев в провинциях на северо-востоке в XI веке, однако первый зафиксированный случай «харакири» произошел

менее, чем за 20 лет до смерти Ёсицунэ. Это — самоубийство Минамото-но Тамэтомо, лучника с фигурой Гаргантюа (ростом выше двух метров, обладавшего силой четверых), который, будучи в 1170 году атакован правительственными войсками и лишившись всех своих сподвижников, распорол себе живот и умер в возрасте 33 лет; позже он стал героем многочисленных пьес театра Кабуки.

Почему именно эта из форм самоуничтожения утвердилась среди самурайства, и не только как стандартный способ избежать позора и отстоять свою честь (_сэцудзёку_), но как официальное наказание, предписывавшееся высшими властями, как метод самоубийства слуги после смерти своего господина (_дзюнси_) и как крайний способ протеста против ошибочных действий вышестоящих (_канси_)? Прежде всего, она была избрана, как мучительно-болезненная форма самоуничтожения, являвшаяся в сути медленной пыткой, предшествовавшей собственно смертельному удару, который обычно наносился мечем «секунданта», которого именовали _кайсяку-нин._ Такой выбор предельных страданий без сомнения был соотнесен с тенденцией к умерщвлению плоти в Дзэн (ставшей основной религией самураев), а также с идеей, что членам элитарного воинского класса надлежало демонстрировать уникальное мужество и упорство, подвергаясь агонизирующему испытанию, которое простолюдины (или женщины) просто не могли вынести. Говоря о потерпевших поражение членах Лиги Божественного Ветра (1876), Мисима пишет: «Они знали, что яд был самым эффективным способом самоубийства, но отвергали этот женоподобный пути сведения концов с жизнью». Mishima Yukio, _Runaway_Horses_, 1973 [перевод Gallagher], p.95.

В терминах психологии, стремление человека к боли отражает как крайнее волевое утверждение, так и ожидание почтения, которое он получит за то, что избрал самую болезненную из форм самопожертвования; подобно самоубийству в целом, оно включает трансформацию садистической фантазии в мазохистическую. Полное описание садистической основы самоубийства и страдания всех видов, причиняемых себе, см. у Theodor Reik, _Masochism_and_the_Modern_Man_, New York, 1941, esp. pp.7-67.

Однако, почему именно разрезание живота, а не какой-либо иной способ самоистязания? _Хара_ (живот), помимо того, что является физическим центром тела, традиционно считался средоточием внутреннего человеческого бытия, местом, в котором концентрировались его воля, дух, благородство, негодование, храбрость и другие основные качества. В этом смысле данное слово аналогично грубому английскому «guts» (как в выражении «he is full of guts»), однако его значение гораздо шире и достойнее и проявляется в многочисленных идиомах, таких как _хара_га_оокии_ («большой живот» = щедрый, великодушный), _хара-о_татэру_ («ставить живот»=раздражаться, обижаться) и _хара-о_кимэру_ («решаться животом» = утвердиться в своих намерениях). Таким образом, совершить харакири путем разрезания своего живота было способом самоубийства (или, вернее, пред-самоубийства), при котором самурай пользовался своим мечем — внешним символом своего духа для раскрытия всех глубин своих наиболее великих эмоций.

Когда Нитобэ Инадзо составлял свою знаменитую книгу «Бусидо: дух Японии» — частично в целях объяснить и оправдать воинственные традиции своей страны перед читателями-христианами в Европе и Америке — он прилагал много усилий, чтобы отыскать в западной культуре параллели некоторым причудливым японским обычаям, таким как харакири:

Когда Моисей писал, что «внутренности Иосифа тоскуют по его брату», Давид молил Бога не оставить его внутренности, или когда Исайя, Иеремия и другие вдохновленные люди в древности говорили о «звуках» или «волнении» кишок, все они и каждый из них подтверждал верование, распространенное среди японцев, что душа человеческая заключена в полости живота. (Nitobe Inazo, _Bushido_, pp. 112–113.)

Пожалуй, лучше всего на западном языке предмет освещен в _An_Account_of_the_Hara-Kiri_ by A.B. Mitford (позже Лорд Редесдэйл) в кн. _Tales_of_Old_Japan_, London, 1833, приложение А. Митфорд приводит описание (стр.355–360) церемонии харакири, которую он наблюдал лично в Кобэ в 1868 году в качестве официального представителя британского правительства. Он заканчивает свое мрачное описание следующим комментарием:

Церемония на всем своем протяжении отличалась чрезвычайным достоинством и педантичностью, характерными для всех процедур, в которых участвуют высокоставленные японские джентельмены… Несмотря на глубокое потрясение ужасной сценой, невозможно было в то же время не преисполниться восхищением твердостью и мужеством, с которым переносились мучения, а также крепостью нервов _кайсяку[-нин]_, исполнявшего свой последний долг перед господином. Ничто так ясно не раскрывает силу воспитания. Самурай, или джентльмен из военного сословия, с ранних лет привыкает смотреть на «хара-кири», как на церемонию, в которой ему когда-то придется сыграть либо первую, либо вторую роль. В старомодных семьях, сохраняющих традиции древнего рыцарства, ребенка наставляют в ритуале и знакомят с идеей самого акта, представляя его в качестве возможности почетного искупление проступка или смывания позора. И, когда наступает момент, он готов к нему и храбро встречает тяжелое испытание, большая часть ужаса которого снята ранними тренировками. В какой другой стране мужчина усваивает, что последним актом привязанности к своему лучшему другу может быть становление его палачом? [Митфорд, с.359.]

Основные причины, по которым, себе разрезают живот, были суммированы в следующем разъяснении корреспонденту иностранной газеты, данном Мисима Юкио, который в типичной для себя манере соотнес их с концепцией _макото_ [искренность]:

«Я не могу верить в западную искренность, поскольку она невидима, а вот в феодальные времена мы верили, что искренность пребывает в наших внутренностях и если было необходимо показать нашу искренность, нам приходилось разрезать животы и вынимать нашу видимую искренность. Это было также символом воли военного, самурая; каждый знал, что этот вид смерти наиболее

болезненный. Причина же того, что они предпочитали умирать самым ужасными образом, заключалась в желании доказать мужественность самурая. Этот способ самоубийства был японским изобретением, которое иностранцам не скопировать.» (Цитируется в кн. Henry Scott-Stokes, _The_Life_and_Death_of_Yukio_Mishima_ [New York, 1974], p. 14.)

Это было сказано в 1966 году — за четыре года до того, как Мисима претворил свою теорию в кровавую практику.

С конца XVII веках типичным для данного японского ритуала стало со стороны _кайсяку-нин_ отсекать голову убивающего себя до того, как он начинал разрезать свои внутренности; особенно часто этот способ применялся при казнях, когда осужденный только делал вид, что режет, — зачастую просто царапал себя по животу до того, как его _кайсяку-нин_ наносил смертельный удар. Однако полный процесс этой пытки никогда полностью не исчезал: и вице-адмирал Ониси (1945), и Мисима (1970) решительно распороли себе животы в соответствии с древним ритуалом, следуя Ёсицунэ, Масасигэ и другим героям — своим предшественникам.

217

Относительно детей Ёсицунэ, убитых в этой кровавой резне, источники не имеют единого мнения. По многим версиям был только один ребенок — девочка трех лет отроду.

218

«Сказание о Ёсицунэ», с. 256–257.

219

Характерно японское слово _вакадзини_ («смерть в молодом возрасте») вызывает острое чувство «очарования вещей»; наверняка не является простой случайностью, что многие любимые герои японской истории умерли очень молодыми:

_Им_не_следует_становиться_старыми,_

_Подобно_нам,_оставшимся_стареть._

_Возраст_не_должен_утомлять_их,_годы_—_обрекать._

Мисима Юкио страшился мысли, что он может быть все еще жив в неподобающем возрасте 45 лет и, таким образом, понимал, что, если желает быть рассматриваемым в качестве героя Ямато, ему не следует терять времени.

220

Предательство Ясухира, как оказалось, было бессмысленным. Спустя всего несколько недель после смерти Ёсицунэ Повелитель Камакура атаковал и полностью разбил «северных Фудзивара» в короткой кампании, положив, таким образом, конец их славе, длившейся несколько поколений. Огромная территория Осю была включена в его собственные владения, либо роздана его вассалам в качестве награды. С этой последней победой Ёритомо успешно вышел из десятилетия гражданской войны, а в следующем году (1190) он впервые с триумфом вошел в Киото, где за его прибытием со страхом наблюдали бывший император и высшие дворцовые чины. Самому

Ясухира удалось бежать на север, однако он был предан своим споспешником и убит. Предполагалось что, нападение Ясухира на Ёсицунэ было не только предательством, но и глупостью, поскольку в результате был уничтожен командир, способный организовать успешную оборону от неизбежного нападения сил Камакура. Это маловероятно. Военные таланты Ёсицунэ были не того типа, чтобы проводить долговременные оборонительные операции, необходимые для того, чтобы противостоять Ёритомо, раз уж тот решил двинуть на Осю свои много превосходящие численностью силы.

221

Нигде не указывается, отчего сам Ёритомо не осмотрел голову Ёсицунэ. В то время он соблюдал многие религиозные запреты и, возможно, страшился стать ритуально оскверненным; не исключено также, что ему не улыбалась идея осмотра полуразложившихся останков брата, за смерть которого он был непосредственно ответственен.

222

Хотя все предположения о его спасении — сказки и выдумки, следует признать, что опознание головы героя не могло быть столь категоричным. Посланцу из Осю потребовалось около шести недель, чтобы достичь Косигоэ, а его окончательное прибытие было еще раз отложено из-за важной религиозной церемонии в Камакура. В жаркую летнюю погоду голова Ёсицунэ должна была находиться в состоянии активного разложения, несмотря на то, что была помещена в сладкое _сакэ,_ так что теоретически возможно, что даже такие люди, как Кадзивара, который его хорошо знал, могли быть введены в заблуждение подмененной головой.

223

В фольклоре айнов он известен под именем Окикуруми. «Хоккайдоская теория», изложенная в обширном историческом труде эпохи Токугава _Дай_Ниппон-си_, а также введенная в пьесу Тикамацу для кукольного театра «Дзёрури» _Ёсицунэ_сёгикэй,_ утвердила долгую связь между легендой о Ёсицунэ и северным островом. Во время эпохи Мэйдзи паровозы на Хоккайдо иногда назывались именами людей, фигурирующими в легенде; сам император Мэйдзи во время своего визита в Саппоро путешествовал на поезде, который тащил локомотив по имени Ёсицунэ. Другие паровозы на Хоккайдо назывались «Сидзука» и «Бэнкэй»; замечательно, что ни один никогда не был назван именем удачливого Ёритомо.

224

В отношении Сайго Такамори, существует подобная же легенда о спасении, — передавали, что он спасся с поля боя на Кюсю и проследовал в Россию. Существует также легенда, что Сугавара-но Митидзанэ покинул место своей ссылки в Дадзайфу и уехал в Китай. (Вакамори, _Ёсицунэ_, с.37). Другой неудачливый герой XII века, Минамото-но Тамэтомо потерпел окончательное поражение в морском сражении (1170) и разрезал себе живот; по легенде, однако, он бежал на острова Рюкю, где основал новую правящую династию. Все эти истории, в которых за смертью исторического героя следует его сверхъестественное спасение или воскресение, отражают типично японское смешение реального и фиктивного миров. Ёсицунэ был знаменитой исторической фигурой, сыгравшей важную роль в реальных событиях XII века; несмотря на это, со временем, по прошествии нескольких веков, он стал все более подходить под архетипический образец мифического героя, гибель которого гарантирует выживание и стабильность общества. Во многих отношениях он аналогичен трагической фигуре прекрасного, детоподобного юноши Адониса, принесенного в жертву (его забодал насмерть дикий вепрь) и воскрешенного в качестве символа раннего цикла созревания всего живого. Точно так же пригожий молодой Ёсицунэ был доведен до смерти своим старшим братом (злой силой разрушения), а затем возвращен к жизни на Хоккайдо или на Азиатском материке. Мифический герой-жертва облечен сверхчеловеческими силами (например чудесное владение мечем Ёсицунэ, его посещение подземного мира и т. п.), но ему в конечном счете суждено погибнуть, что представляется неизбежным этапом естественного цикла: посредством периодических жертвований жизнью умиротворяются боги, судьба и проч., и этим обеспечивается естественный цикл. «Дикий ребенок» с горы Курама напоминает юного храброго

Адониса; так же архитипично, что Ёсицунэ суждено быть круглым сиротой. В конечном счете козел отпущения должен быть жертвенно чист: в случае с Ёсицунэ это принимает форму моральной искренности и отказа быть коррумпированным в светские интригах.

Как мы знаем от Дж. Г.Фрэзера и его последователей, ритуальное уничтожение героя или короля является центральной темой во многих частях света. Но, если на Западе архетипы принадлежат в основном к мифам, то в Японии они проектируются на реальные исторические фигуры. В многочисленных драмах о Ёсицунэ нам непременно даются прецеденты неисторических, в сущности — мифических элементов, противоречащих реальным фактам; поскольку Ёсицунэ — архетип юной жертвы, это означает, что в пьесах обыгрывается лишь вторая, «закатная» часть его жизни, без военных побед. В японском варианте мифа о смерти-воскресении ударение делается целиком на принесении героя в жертву, а не на его возрождении; за исключением легенды о Ямато Такэру, в которой превалируют магические элементы (например его посмертное превращение в белую птицу), тема воскресения не имеет важного значения.

225

В соответствии с основной дихотомией «искренность-реализм», Ёсицунэ определенно нарушил «закон», бросив вызов своему старшему брату — главе клана Минамото, и с точки зрения холодного реализма (_хидзё_), он безусловно заслужил свой исход. Однако, если судить по эмоциональным критериям _насакэ,_ этот неуправляемый юноша, поставленные вне закона, безусловно был прав.

226

Даже после поражения Тайра Ёритомо продолжал свою политику стравливания своих потенциальных оппонентов из числа Минамото. В 1185 году он приказал Ёсицунэ напасть на его

дядю Юкииэ; только после его отказа Ёритомо понял, что он больше не сможет использовать младшего брата в своих особых целях и обрушился на него со всей яростью.

227

После смерти Хидэхира вопрос о том, продолжать ли защищать Ёсицунэ, вызвал ослабляющий раскол среди предводителей Осю, что очевидно облегчило силам Камакура задачу завоевания их территории. (Вакамори, _Ёсицунэ_, с.214.)

228

Ёритомо умер в 1199 году, и прямая линия родства от него прервалась в 1219 году, — частично благодаря его умению уничтожать своих близких родственников, однако самые значительные семейства сёгунов в последующие века (Асикага и Токугава) вели свое происхождение от семейства Ёритомо.

Интересно представить себе — что могло бы случиться, если бы Ёсицунэ удалось каким-то образом взять верх в борьбе со своим старшим братом. По всей вероятности, это означало бы усиление уже наличествовавшей разобщенности и беспорядка в стране, поощряемого влиянием бывшего императора, который бы не преминул попытаться возглавить ведущие фракции военного сословия, разобщенные в попытках усилить относительную власть двора.

229

Во многих легендах Ёсицунэ предстает мастером игры на флейте. Это связано с его ролью элегантного придворного, а также помогает объяснить его успех у женщин. Но прежде всего — одинокий, заунывный, мимолетный звук японской _фуэ_ символизирует пафос короткой жизни Ёсицунэ. Его флейта играет важную роль в песне, от которой берет начало целый жанр баллады-драмы «дзёрури». В широко известной истории, рассказываемой в этой песне, Ёсицунэ очаровывает госпожу Дзёрури и ее спутников звуками своей флейты. Она становится его наложницей, но он вынужден оставить ее ради того, чтобы продолжить свой путь на север.

230

Одна из интересных версий, упоминаемых Henri Joly, _Legends_in_Japanese_Art_ (London, 1908; Tokyo, 1967), p. 309, изображает героя сидящим на бухте каната с морским компасом в руке. Смоленая веревка напоминает изображение разгневанного Митидзанэ на пути в ссылку на Кюсю.

231

_Аа_тюсин_нанси-но_бо_.

232

H.Paul Varley, _Imperial_Restoration_in_Medieval_Japan_ (New York, 1971), p. 186.

233

Нашествия Хубилай-хана в 1274 и 1281 годах были первыми подобными потрясениями в японской истории, однако, за исключением регента Ходзё Токимунэ (1215–1284), из этой борьбы не вышло ни одного значительного исторического или легендарного лица. В действительности, реальным героем была неперсонифицированная сила природы — _Камикадзэ,_или Божественный Ветер, уничтоживший вторгшийся флот в самый критический момент и обеспечивший японцам победу. Вероятно, именно полнота разгрома монголов стала неблагоприятной для традиционного японского героизма; военное поражение могло бы дать ощутимый урожай героических поражений.

234

Знаменитый Свиток Монгольского Нашествия, один из лучших источников информации о первом нападении монголов, иллюстрирует доблестные действия одного воина по имени Такэдзаки Суэнага. Основной причиной изготовления свитка была необходимость подкрепить прошение Суэнага о вознаграждении; в некотором смысле это было показание под присягой в картинках. Суэнага прошел весь путь от Кюсю до Камакура дабы подтвердить свои притязания и, благодаря своей настойчивости, получил в конечном счете во владение поместье.

Полвека спустя неадекватное распределение наград в подобном же случае послужило одной из главных причин неудачи Реставрации Кэмму. Предполагаемая безграничная приверженность Масасигэ императору особо впечатляет именно в сравнении с подобными малоромантическими примерами.

235

Писатели традиционного толка, стремящиеся извлечь из истории примеры этического характера, подчеркивают моральный упадок последних представителей Ходзё, рассматривая его в качестве основной причины их падения. В этом случае они в точности соответствовали бы конфуцианскому образу продажных, жестоких, дегенерировавших правителей, лишившихся покровительства Неба и тем самым приведшую свою династию к краху. Полный набор «дурных» качеств приписывается Ходзё Такатоки, последнему из регентов Ходзё. На самом же деле, для объяснения причины падения Ходзё вовсе не требуются подобные моральные доводы; произошло это прежде всего из-за трудностей экономического и политического характера.

236

Сэр Джордж Сэнсом дает самое лучшее детальное описание спора о наследовании на английском языке. См. _A_History_of_Japan_to_1334_ (London, 1958), pp. 476-84.

237

Предшественником Годайго был император Ханадзоно, внук старшего сына Госага — Гофукакуса. Он вступил на трон в характерно юном возрасте 11 лет и отрекся в пользу Младшей Линии (представляемой Годайго), когда ему был 21 год. Его дед, император Гофукакуса, начал свое правление в 3 года и отрекся в 16.

238

Департамент Императоров-на-покое (_интё_), в котором вершилось большинство дел, имевших отношение к императорам, начиная с конца XI века, был официально упразднен через несколько лет после того, как император Годайго взошел на трон, что позволило ему сконцентрировать все оставшиеся нити императорской власти в своих руках.

239

Благодаря проницательной политике своего отца, удалившегося от дел императора Уда, Дайго удалось править на протяжении 33 лет (897–930) без вмешательства со стороны регента или канцлера. По этой причине его превозносят в качестве одного из величайших императоров в истории Японии, однако, на самом деле, ему никогда не удавалось ослабить хватку могущественных Фудзивара, и после его смерти они вновь утвердили свое положение. Во времена Годайго регенты Ходзё играли роль аналогичную Фудзивара в X веке, и, раз власть возвращалась к императорской фамилии, для них было необходимо занять свое место. Дело, однако, обернулось так, что Ходзё были умело отстранены от власти, однако всего лишь с тем, чтобы дать дорогу новому поколению военных правителей. В ходе перемещений сам Годайго был смещен с трона, а его отпрыски (Младшая Линия) были навсегда от него отстранены. Таким

образом, его политика оказалась еще менее успешной, чем у его предшественника в X веке, у которого он заимствовал имя. Однако, именно за это поражение Годайго и любят.

240

_«Бурэй_ко» —_названное так, потому что заговорщики хотели, чтобы их встречи казались просто неофициальными сборищами. Они собирались и пили, полураздетые, без шапок, с растрепанными волосами, одежда в беспорядке, — те, кто были монахами, снимали свои одеяния и оставались в длинных рубахах. Прислуживали им молодые девушки, лет по семнадцати, в легких одеждах, приносившие кушанья самых разных видов; вино же лилось, как из источника. Все присутствовавшие наслаждались песнями и плясками. Однако, посреди этого разгула удовольствий обсуждалось лишь одно — как уничтожить воинов Камакура. (George Sansom, _A_History_of_Japan,_1334–1615_ [London, 1961], pp. 6–7.)

241

Поскольку это — чрезвычайно сложный период японской истории, приводимая ниже хронология может быть полезной. Я разделил ее на четыре части:

(1) 1331-33 Годайго против Ходзё, (2) 1333-35 Такаудзи поддерживает Годайго: Реставрация Кэмму, (3) 1335-36 Годайго (в Киото) против Такаудэи, 4) 1336-92 Годайго (в Ёсино) и его сподвижники против Такаудзи и его сторонников: период двух дворов.

(1)

1331 План Годайго свергнуть камакурское Бакуфу раскрыт, и в восьмом месяце он принужден бежать на гору Касаги, где к нему присоединяется Кусуноки Масасигэ. Силы Бакуфу атакуют и захватывают гору Касаги; Годайго пленяют; императора Когон возводят на трон и вручают ему (9-й месяц) императорские регалии (либо их копии).

Силы Бакуфу атакуют и захватывают ставку Масасигэ в замке Акасака (10-й месяц).

1332 Годайго в третьем месяце ссылают на острова Соки.

Масасигэ и принц Моринага проводят партизанские набеги на силы Бакуфу, и в 12-м месяце Масасигэ вновь овладевает замком Асака.

1333 Силы Бакуфу вновь захватывают замок Акасака (2-й месяц).

Сражение при замке Тихая (2-й — 3-й месяцы).

Годайго бежит с острова (2-й месяц). Асикага Такаудзи, генерал на службе у Ходзё переходит на сторону Годайго (4-й месяц).

Силы роялистов под предводительством Нитта Ёсисада атакуют и захватывают Камакура; Ходзё Такатоки (регент) совершает самоубийство; падение власти Ходзё (5-й месяц).

(2)

Годайго возвращается в Киото, где назначает принца Моринага сёгуном, Такаудзи — главнокомандующим восточными провинциями, а Масасигэ — губернатором провинций Сэтцу и Кавати (6-й месяц). Годайго открывает отдел регистрации и департамент назначений.

1334 Начало периода правления Кэмму. Годайго приказывает перестроить императорский дворец. Принца Моринага арестовывают и отправляют в Камакура (10-й месяц).

1335 Ходзё Токиюки (сын Такатоки) захватывает Камакура; казнь принца Моринага (7-й месяц). Такаудзи берет Камакура и игнорирует приказ Годайго вернуться в Киото (8-й месяц).

(3)

Годайго посылает Нитта Ёсисада «строго наказать» Такаудзи в Камакура (11-й месяц).

Такаудзи наносит поражение Нитта Ёсисада и двигается на Киото (12-й месяц).

1336 Силы Такаудзи входят в Киото, Годайго бежит на гору Хиэй; вскоре после этого силы роялистов под предводительством Нитта Ёсисада и других принуждают Такаудзи бежать на Запад, и Годайго возвращается в столицу (1-й месяц).

Такаудзи достигает Кюсю (2-й месяц).

Такаудзи оставляет Кюсю и движется на восток (4-й месяц). Битва при реке Минато; Асикага побеждают Нитта Ёсисада и Масасигэ; Масасигэ совершает самоубийство; Годайго вновь бежит на гору Хиэй, Такаудзи снова входит в Киото (5-й месяц).

(4)

Такаудзи возводит на трон императора Комё (Старшая Линия) (6-й месяц).

Годайго возвращется в Киото (10-й месяц) и сдает императорские регалии (11-й месяц).

Годайго бежит в Ёсино (12-й месяц): начало периода двух дворов.

1338 Император Комё назначает Такаудзи сёгуном: начало эры Бакуфу-Муромати (Асикага).

1339 Годайго умирает в Ёсино; гражданская война продолжается.

1358 Такаудзи умирает в Киото; сёгуном становится его сын.

1383 Роялисты прекращают сопротивление.

1392 Два двора объединяются, однако наследование императорской власти остается за Старшей (Северной) Линией.

242

В последнее время Гора Касаги, расположенная приблизительно в 50 километров от Осака, стала местом паломничества туристов. Со времен бегства Годайго сохранился всего один из тогда многочисленных храмов. Гора знаменита огромными камнями с вырезанными на них различными надписями, авторство которых приписывается Кукаю и другим древним буддийским святым, однако, прежде всего она известна, как место, на котором национальный герой Масасигэ впервые присоединился к Годайго.

243

Сон и встреча описаны в _Тайхэйки_ («Хроника Великого Спокойствия»), издание «Нихон котэн бунгаку тайкэй», Токио, 1960, I: 96–98.

244

В Китае и Японии император и прочие высокопоставленные особы традиционно восседали лицом к югу.

245

Букв, «дабы я обрел добродетели южной стороны». Двое бодхисаттв, имена которых буквально означают Великолепие Солнца и Великолепие Луны, прислуживают Якуси Нёрай (Бхайшаджья-гуру), Будде излечения. Во сне Годайго они обратились двумя плачущими детьми — плачущими, разумеется, по причине бедственного положения, в котором находился император.

246

Обычно сны императора и других важных персон объяснялись профессиональными толкователями (_юмэтоки_), однако в диких окрестностях горы Касаги таких экспертов не было, и Годайго пришлось давать собственную интерпретацию.

247

Воин: букв, «сгибатель лука и стрелы». Гора Конго была высочайшей вершиной гряды на границе провинций Кавати и Ямато, приблизительно в тридцати горных милях к юго-западу от нынешней ставки императора. Знаменитые укрепления Масасигэ в Тихая находились на западных склонах этой горы.

248

Татибана-но Мороэ (683–757), один из самых знаменитых государственных деятелей своего времени, был потомком императора Бидацу (правил 570–585 гг.) в пятом (а не в четвертом) поколении. Он был рожден принцем Кадзураки, однако позже ему дали имя Татибана — одной из крупнейших аристократических фамилий в ранней Японии. В 743 году Мороэ был назначен на высший правительственный пост Левого Министра и какое-то время реально угрожал положению семейства Фудзивара, однако после его смерти Фудзивара быстро восстановили свое положение. В действительности представляется чрезвычайно сомнительным, чтобы Масасигэ имел столь представительного предка.

249

Это не ошибка, как может показаться. Гора Сиги в северной провинции Кавати расположена неподалеку от Бисямон — знаменитого храма школы Сингон, известного еще под названием Тёгосонсидзи. Храм, гордо высящийся на восточном склоне, — место частого паломничества и туризма. Он посвящен Бисямонтэн — одному из Четырех Небесных Стражей буддизма, охраняющих людей, живущих на севере и считающийся также в Японии одним из Семи Божеств Счастья. Бисямонтэн известен также как Тамон, — название, подразумевающее нечто вроде

«послание о доброй удаче, слышимое во всех направлениях», и это (несколько неверно) стало частью имени Масасигэ.

250

_Дзэхи-но_сиан-ни-мо_оёбадзу_: букв, «не рассматривая — верно это, или ложно». Эта важная фраза подчеркивает самоотверженность, спонтанность, нерасчетливость, с которыми, по крайней мере, в соответствии с традиционными описаниями, Масасигэ посвятил себя делу роялистов, когда счастье Годайго находилось на самой низшей отметке.

251

«Восточные варвары» (_тои_) — относится к Ходзё, правившим в Камакура. Не совсем ясно, почему они должны были отвечать за какие бы то ни было волнения, случившиеся незадолго до этого (_киндзицу-но_дайгяку_); предположительно, Масасигэ имеет в виду подавление заговора против Бакуфу в столице (_le_bete_est_mechant:_il_se_defend_).

252

Это были две восточные провинции, в которых влияние Ходзё проявлялось особенно сильно. Масасигэ имеет в виду, что грубой силы будет недостаточно для победы над военными узурпаторами; для победы роялистов понадобится искусство (_тихо_) — и расчетливые действия (_хакаригото_). Свое мнение он подтвердил в последовавших вскоре боевых действиях против Ходзё, когда его хитрые тактические маневры часто приводили к успеху в столкновении с превосходящими силами противника. Это — отражение традиционной героической идеи, что умение и «искренность» (_макото_) сильнее мускулов.

253

Букв.: «поскольку это — путь сражений…» Масасигэ предупреждает императора, чтобы того не разочаровывали возможные поражения в ходе событий; считается лишь решительная победа. В ироническом смысле, его предсказание сбылось, поскольку его поражение при реке Минато стало фатальным для всего дела роялистов.

254

_Дзяккан_дзидзицу-но_катакагэ-о_цутаэру_моно_ка_мо_сирзнай._ Уэмура Сэйдзи, _Кусуноки_Масасигэ_ (Токио, 1963), с. 124.

255

Единственным наиболее детализированным источником о Масасигэ и его времени является _Тайхэйки_, составленная в той форме, в какой мы видим ее сейчас, в 1370 году. Заглавие этого обширного исторического романа (_Тайхэйки_ = «Хроника Великого Спокойствия») весьма не соответствует содержанию, поскольку в книге говорится почти исключительно о военных действиях и прочих жестокостях. Несмотря на слабость в историческом плане и недостаточность в описаниях характеров, этот труд стал неимоверно популярен и на протяжении многих веков считался лучшим описанием того периода. Знаменитые отрывки из него распевали песенники (_бива-хоси_), аккомпанируя себе на лютне. Авторы «Хроники Великого Спокойствия», естественно, симпатизируют Годайго и его сподвижникам, и в этом труде впервые Масасигэ становится принципиальным героем-роялистом своего времени. В нем принимается идея безнадежности дела Годайго и подразумевается, что усилия Масасигэ обречены на провал, однако это лишь делает их еще более славными и привлекательными.

Несмотря на то, что эта книга основательно критиковалась историками конца XIX века, как сочинение, полное романтических измышлений, в последнее время наметились тенденции к ее реабилитации. «Большинство [современных] ученых, — пишет профессор Варлей, — принимают [_Тайхэйки_] в качестве книги, на которую в целом можно полагаться, считая присущую ей гиперболизацию в сущности стилистическим приемом.» (Varley, _Imperial_Restoration_, p. 128.) См. частичный перевод Helen McCullough, _The_Taiheiki_, (New York, 1959); критическая оценка и исследование периода можно найти в «Императорской Реставрации» Варлея. Гораздо менее знаменитым, чем _Тайхэйки_, трудом, но намного более точным исторически является _Байсёрон_, составленный в 1349 году. Написанный сторонником Асикага, он помогает исправить искажения более поздней работы, — по этой же причине его недолюбливали националисты довоенной поры.

256

В большинстве довоенных учебников его рождение датируется 1294 годом, однако это — чистый домысел, основанным на данных истории XIX века _Нихон_Гайси_, где сказано, что Масасигэ было 42 года в момент смерти. По источнику эпохи Муромати (_Тайхэйки_хёбан_), «хотя Масасигэ и дожил до пятидесяти лет, он всегда считал Ёсицунэ своим учителем». Если это верно, то он родился приблизительно в 1286 году. Обсуждение этих дат есть у Уэмура, _Масасигэ_, с. 195.

257

Рассматриваемый документ датируется 1335 годом, когда Годайго был восстановлен на троне, а Масасигэ стал почитаемым членом императорского правительства. Вполне возможно, что он приписал себе происхождение из семейства Татибана, поскольку это соответствовало его положению в императорской гвардии; либо же подобной генеалогической похвальбой мог заниматься его отец или дед ради упрочения позиции своей семьи в их провинции. Уэмура, _Масасигэ_, с.31.

258

Некий воин по имени Кусуноки сопровождал Ёритомо во время его триумфального въезда в Киото в 1190 году, однако неизвестно, принадлежал ли он к тому же семейству, что и Масасигэ. Другой генеалогический кульбит (обнаруженный в 1957 году) состоит в том, что Масасигэ мог быть дядей первого великого драматурга театра Но, Канъами. Курода Тосиэ, _Моко_Сюрай_ (Токио, 1965), с. 456.

259

В последних исследованиях предполагается, что Кусуноки Кавати-но Нюдо мог в действительности быть дедом Масасигэ, а не его отцом. Чем больше мы исследуем окружение и жизнь героя, тем

более сомнительными предстают детали традиционных описаний. Именем его отца обычно считается Масаясу, однако другие источники дают Масато и Масакуро. В любом случае, элемент _маса_ («истинность») постоянно фигурирует в именах членов его ближайших родственников, включая брата Масасуэ и сыновей Масацура и Масанори.

260

Например, «… над Кусуноки Масасигэ тяготеет репутация _акуто_». Курода, _Моко_Сюрай_, с. 457.

261

Цитируется у Уэмура, _Масасигэ_, с. 44–45.

262

Умэмура, _Масасигэ_, с. 36.

263

«Когон Тэнно Синки», цитируется у Уэмура, _Масасигэ_, с. 25.

264

Тайхэйки («Хроника Великого Спокойствия»), изд. «Нихон котэн бунгаку тайкэй» (Токио, 1960) с. 112. Рокухара — место, где располагалась ставка военного командования в Киото. Ср. сентиментальность этого пассажа с начальными строками «Сказания о Доме Тайра». Очарование (_аварэ_), внутренне присущее мимолетности человеческой славы, — постоянная тема в японской традиции: в час своего поражения даже самый надменный человек может стать фигурой трагической и импонирующей.

265

Вскоре Годайго стал настаивать, что те регалии (зеркало, драгоценность и меч), которые он был вынужден передать Когон в 1331 году, были фальшивыми и, таким образом, лишенными всякого сакрального значения. Вся проблема аутентичности императорских регалий остается неясной.

266

Дого, место ссылки Годайго, представляет из себя один из группы островов Оки. И снова Ходзё действовали, основываясь на прецеденте. Приблизительно за столетие до этого император Готоба был сослан на соседний остров Додзэн за попытку противостоять власти Камакура. Именно подобное оскорбительнейшее поведение Бакуфу в отношении императорского дома вызывало бешенную ярость у таких роялистов, как Тикафуса и Масасигэ.

267

Во времена ссылки Готоба не было и намека на подобные массовые роялистские настроения, — престиж Ходзё в стране был тогда высок.

268

Хотя представляется вполне возможным, что этот достойный джентльмен не существовал вовсе, являясь плодом вымысла, придуманного для подкрепления образа неудачливого героя, Кодзима почитали на протяжении веков все японские традиционалисты. Искренность его эмоций, выраженная в знаменитой надписи на вишневом дереве, представлялась гораздо более важной, чем какая бы то ни было практическая помощь, которую он мог бы оказать Годайго; неудача же, постигшая его план спасения императора, представала уже не просто прискорбным фиаско, но служила подтверждением его благородного облика. Кодзима Таканори был одним из героев г-на

Ямагути — молодого ультранационалиста, убившего главу японской социалистической партии (г-на Асанума) в 1960 году, а после этого совершившего самоубийство в тюрьме.

269

Курода, _Моко_Сюрай_, с. 469.

270

Курода, _Моко_Сюрай_, стр. 482. Есть вполне резонная причина сопоставить «бандитский» (_акуто_) аспект образа Масасигэ с его успехами партизанской войны, однако, разумеется, это не является частью легенды.

271

По последним подсчетам — 40000 тысяч человек.

272

«Это было прискорбным отступлением от традиции, поскольку ранее Бакуфу не стало бы подкупать своих воинов столь открыто; объявлять же о вознаграждении за убийство принца, что было сделано тогда же, являлось оскорблением традиции, немыслимым для Бакуфу в первые годы его существования». (Sansom, _History_of_Japan_1334–1615_, p. 13.)

273

«Слово _сиро_ (замок) дает несколько преувеличенное представление о таких местах, как Акасака и Тихая. В действительности „замки“ того периода представляли собой скорее просто укрепленные позиции, обнесенные палисадниками и заграждениями, чем массивные, продуманные строения, служившие постоянными ставками военного командования. Важными считались прежде всего позиции, а не строения. Приверженцы Годайго… были принуждены полагаться на укрепления, где им можно было бы укрыться, чтобы избежать уничтожения, откуда можно было бы сдерживать наступление превосходящих сил противника. Такое укрепление, или замок, не было впечатляющим бастионом европейского типа. Это было прежде всего место, — место, которое можно было легко оборонять, и трудно захватить, например вершина крутой горы. Постройки на этом месте могли представлять из себя не более, чем здания синтоистского святилища или буддийского монастыря, избранные из-за их стратегического положения. Если позволяло время, защитники загромождали подходы простыми препятствиями из деревьев, срубленных неподалеку, возводили деревянные стены (иногда обмазанные грязью для защиты от стрел), копали рвы и возводили неуклюжие башни, служившие сигнальными вышками и удобными местами для лучников. В некоторых случаях роль стен играли скалы». (McCullough, _The_Taiheiki_, p. xxxvi.)

274

«Хроника Великого Спокойствия», наш основной источник информации о сражениях при Акасака и Тихая, весьма преувеличивает силы Камакура ради того, чтобы еще более восславить деяния героя. В описании первой атаки на замок Акасака она упоминает «300000 всадников», которым противостояло около 5000 тысяч людей Масасигэ. Такие относительные сведения, которыми мы располагаем, дают основание предположить, что в большинстве сражений 1332–1333 годов силы противника превосходили Масасигэ где-то в десять раз.

275

Многочисленные _ягура_ (башни, башенки) возводились на воротах и стенах так называемых замков, служа наблюдательными пунктами, а также позициями, с которых в атакующего противника запускались снаряды с горючей смесью.

276

Тайхэйки, 1:114.

277

Знаменитые генералы, служившие императору Гаоцзы ранней династии Хань (начало III века до н. э.). Цитата взята из речи, приписываемой Гаоцзы. «Хроника Великого Спокойствия» полна цитатами из китайских источников, с помощью чего предполагалось придать больше величия и значимости людям и событиям в Японии XIV века. Свершения Масасигэ предстают еще более впечатляющими, когда их сравнивают с деяниями знаменитых ханьских полководцев.

278

Этот брат стал позже известен, как Масасуэ. Я так и не установил идентичность Вада Гора Масато (и не ожидал, что мне это удастся).

279

Гербом Кусуноки Масасигэ был _кикусуй,_ распустившийся цветок хризантемы, наполовину закрытый волнами. Сайго Такамори использовал _кикусуй_ как пароль, а в 1945 году слово _кикусуй_ обозначало атаки камикадзе на Окинаве.

280

Например, для местного населения, которое имело возможность собирать брошенное солдатами. Это один из крайне редких пассажей в книге, где говорится о простых людях, которых в остальных случаях совершенно затмевают вышестоящие особы. _Тайхэйки_, I:114–116.

281

Тайхэйки, I:116.

282

Тайхэйки, I:118.

283

Герой слишком искренен, чтобы прибегать к какой-либо ложной скромности. Предложение начинается буквально следующим образом: «Поскольку с самого начала я был впереди [остальных] воинов в этой земле и целью своей имел благородное дело возведения…» «Возведение» (_сосо_) в целом означает новый и лучший порядок вещей в стране; здесь же это специально относится к возведению на трон императора Годайго.

284

Цитата из «Бесед и Суждений» Конфуция, без сомнения знакомая самому последнему неграмотному солдату в замке.

285

Тайхэйки, I:118–119.

286

Тайхэйки, I:120.

Вера во всепревосходящую силу духа в военном деле существовала, разумеется, далеко не только в Японии, однако здесь она просуществовала гораздо дольше, чем на Западе, оказывая серьезное влияние на сознание членов правительства и военных руководителей вплоть до 1945 года. В западной традиции _locus_classicus_, демонстрирующие превосходство духа над материей в сражении, содержатся, как представляется, в следующем отрывке из апокрифической Книги Маккавеев, широко цитировавшемся в Средние века (к примеру — Чосером):

«Когда Серон, командовавший армией в Сирии, услыхал, что племя Иуды собрало большое войско, в котором были все его преданные сторонники зрелого возраста, он сказал себе: „Я смогу стяжать славу в империи, пойдя войной на Иуду и его последователей, отвергших царский указ.“ Серон укрепил свои силы мощным отрядом перебежчиков-евреев, пришедших, чтобы помочь ему отомстить Израилю. Когда он достиг прохода Бет-хорон, Иуда выступил ему навстречу с горсткой своих людей. Увидев подступающие орды, те сказали Иуде: „Как можем мы в таком малом количестве сражаться со столь многими? К тому же мы ничего не ели целый день и устали.“ Иуда отвечал:„МНОГИЕ МОГУТ ЛЕГКО БЫТЬ ПОБЕЖДЕНЫ МАЛЫМ КОЛИЧЕСТВОМ; ДЛЯ НЕБА НЕТ РАЗНИЦЫ — СПАСАТЬ ЛИ МНОГО ИЛИ МАЛО. ПОБЕДА НЕ ЗАВИСИТ ОТ ЧИСЛА; СИЛА ПРИХОДИТ ЛИШЬ ОТ НЕБЕС. Наши враги пришли высокомерно и беззаконно, дабы ограбить и убить нас, наших детей и жен. Мы же сражаемся за наши жизни и нашу религию. Небеса повергнут их пред нашими глазами. Вам не следует их бояться.“ Закончив говорить, он повел их в атаку, и Серон со своей армией дрогнули. Они преследовали их по проходу Бет-хорон вплоть до равнины; пало около восьми сотен врагов, остальные же бежали в Филистию.» (1 Макк. 3:13–24, выделено мною.)

В японской традиции концепция «искренности» занимает место иудейско-христианских «Небес».

Уэмура, _Масасигэ_, стр. 97–98.

289

Как указывает Сэнсом (_History_of_Japan,_1334–1615_, p. 14), в противостоявших при Аустерлице армиях насчитывалось всего по 80000 человек в каждой.

290

Тайхэйки, I:221.

291

«Если бы замок Тихая пал, возможно, сопротивление роялистов вообще бы прекратилось поэтому стратегия Масасигэ должна быть рассматриваема в качестве одного из самых выдающихся достижений в военной истории Японии.» (Sansom, _History_of_Japan_1334–1615_, p. 124.) Скорее, именно измена Такаудзи (традиционного злодея), а не сопротивление Масасигэ (героя) непосредственно привела к поражению Камакура и возвращению Годайго к власти. Однако, если

бы Масасигэ потерпел поражение при Тихая, Такаудзи, вероятно, никогда бы не переменил сторон.

292

Ходзё были побочной ветвью рода Тайра; Асикага вели свое происхождение от Минамото-но Ёсииэ. В соответствии с описанием, данным в _Нан_Тайхэйки_ (1402), Ёсииэ прорицал, что через семь поколений его отпрыски будут управлять Японией. Асикага Иэтоки (дед Такаудзи) являлся потомком Ёсииэ именно в седьмом поколении, однако все полностью контролировалось Ходзё, и, казалось, осуществиться пророчеству его предка не было суждено, Соответственно, он вознес молитвы Великому Бодхисаттве Хатиман (божеству войны), являвшемуся покровителем рода Минамото, и, предложив свою жизнь в обмен на то, чтобы предсказание исполнилось через три поколения, совершил ритуальное самоубийство. Реальность предсказания Ёсииэ может быть спорной, однако самоубийство — исторический факт, и самопожертвование Иэтоки вполне могло быть одним из факторов, толкнувших Такаудзи на решительные действия против правителей Ходзё.

293

В качестве предосторожности, на случай, если посланники будут схвачены силами Камакура, Такаудзи приказал написать записки на маленьких листках бумаги и спрятать их в пучках волос или складках одежды.

294

Отсутствие всякого идеализма в верности Такаудзи императору, вовсе не было чем-то особенным в среде японских военачальников, которые на протяжении всей истории стремились скрывать за заявлениями о лояльности трону свои менее впечатляющие намерения. Отступничество Такаудзи было, может быть, несколько более откровенным, чем у прочих, однако его отношение к императорской фамилии было среди военных скорее правилом, чем исключением.

295

«Хроника Великого Спокойствия» комментирует падение Ходзё в словах, напоминающих начало «Сказания о Доме Тайра», где говорится о падении рода Тайра за полтора века до этих событий:

Поистине, глупыми были эти восточные воины! Многие годы они управляли всем под небесами, распространив свою власть во все уголки земли. Однако, поскольку у них отсутствовал правильный дух правления страной, их крепкие доспехи и острое оружие не устояло против палок и кнутов, и в одно мгновение они были полностью уничтожены. С древних времен и поныне гордые в этом мире низвергаются, тогда как скромные остаются в живых… (_Тайхэйки_, I: 388.)

Несмотря на схожесть, тон этого отрывка гораздо более дидактичен, нежели плач, которым начинается «Сказание о Доме Тайра», с его меланхолическими, буддийскими мотивами.

296

Главным интеллектуальным наставником Годайго был знаменитый аристократ, государственный деятель, ученый и воин Китабатакэ Тикафуса (1292–1354), который, вместе с Масасигэ, является одним из главных героев-роялистов той эпохи. Основной труд Тикафуса, «Записки об Истинном Наследовании Божественных Правителей» (_Дзинно_сётоки_), написанный за то время, когда он находился в замке, осажденном его врагами Асикага, был представлен ко двору лишь в 1339 году, когда Годайго умер в Ёсино, однако его консервативные в социальном плане идеи, то ударение, которое он делал на важности законного наследования и лояльности, оказали значительное влияние на движения времен Реставрации. В знаменитых начальных строках этой книги, которые цитируют все националисты, начиная с XVIII века, подчеркивается та идея, что уникальность Японии заключается в божественном происхождении правящих императоров, и призывается быть им безоговорочно покорными:

Великая Ямато — священная земля. Наши божественные предки заложили ее основы, и на протяжении столетий ею управляли потомки Богини Солнца. Это относится только к нашей стране, — ничего подобного никогда не случалось в других странах. По этой причине Японию называют Божественной Землей. Каждый человек, рожденный на земле императоров, должен быть предан императору, даже если это означает необходимость пожертвовать своей жизнью. И пусть никто не думает, что за это он заслуживает какого бы то ни было вознаграждениям (_Дзинно_сётоки_, изд. «Иванами сётэн», Токио, 1936, стр. 17, 19.)

Китабатакэ Тикафуса был среди тех, кто особо горячо противился этому назначению. Годайго же, напротив, не только желал вознаградить Такаудзи за его временную приверженность делу роялистов, но и признавал его человеком особых возможностей, которого следовало сохранять на своей стороне. В то время Такаудзи энергично наводил порядок в самом столице и в округ нее, безжалостно карая грабителей, мародеров и прочих нарушителей закона.

Тайхэйки, с. 370. Описания Масасигэ в довоенных школьных учебниках представляли дело так, как если бы великий герой-роялист захватил Киото почти в одиночку против Ходзё; роль же Такаудзи в этой победе тщательно затушевывалась.

299

Масасигэ был хорошо вознагражден за свою службу, но и этого было недостаточно для его поздних обожателей. «Трагично, — писал Рай Санъё (1780–1832); что Годайго был настолько глуп, что не наградил Масасигэ титулами и почестями, достойными его деяний, ибо таким образом он открыл дорогу зловредному Асикага Такаудзи к захвату власти, что бросило грязное пятно на трон». W.G.Beasley, ed., _Historians_of_China_and_Japan_, (London, 1961), p.261.

300

Масасигэ был одним из четырех ближайших советников Годайго, известных под названием «Три дерева и Одна Травинка», произведенным от их имен: Юки, Кусуноки, Хоки, Тикуса (_ки_ — дерево, _куса_ — трава).

301

George Sansom, _History_of_Japan,_1334–1615_, p. 287.

302

Даже «Хроника Великого Спокойствия», несмотря на очевидную «про-годайгосскую» ориентацию, неодобрительно отзывается о хаосе в политике награждений и «капризном правлении» Годайго. Там, к примеру, приводится факт, что из нескольких военачальников, сражавшихся за императора с выдающейся храбростью и верностью, лишь один получил во владение землю, но даже ему не было даровано звание правителя (_сюго_).

303

Принц Моринага был убит по приказу Тадаёси, когда Асикага отступали из Камакура в июле 1335 года. Вероятно, по причине такой, несколько бесчестной смерти, Моринага никогда не обрел столь же героического статуса, как Масасигэ, который предпочел совершить самоубийство, чем претерпеть позорный плен.

304

Предположительно из-за того, что обхождение Годайго с принцем Моринага отразило резкий упадок моральных стандартов. Я думаю об отрывке из «Хроники Великого Спокойствия»:

Люди обсуждали случившееся между собой, и говорили: «Именно великие успехи [принца Моринага] в сражениях привели войну к концу и дали возможность императору вернуться на трон. Если Его Величество признал принца виновным в какой-либо пустяковой провинности, ему следовало бы быть милостивым и простить его. Вместо этого он бездумно предал его в руки врага и позволил выслать в далекий край. Не знак ли это того, что двор вновь склонится перед силой военных?» И действительно, после того, как принц Моринага был убит, страна вскоре вступила в век правления сёгунов [т. е. Асикага]. _Тайхэйки_, I:431.

305

Недостатки правительства в управлении были, разумеется, лишь вторичными причинами постоянных беспорядков в провинциях. Основная причина заключалась в том, что Япония претерпевала критический период изменений в условиях землевладения и отношениях власти. Старый порядок основывался на поместной («сеэн») системе и был окончательно разрушен; по всей стране военные отчаянно боролись за контроль над провинциями, в которых проживали. Как замечает Сэнсом («History of Japan, 1334–1615», p. 18), врядли страна пребывала бы в состоянии смуты на протяжении 50 лет, если бы вопрос состоял лишь в том, какой из двух императорских фамилий занимать трон.

306

Щиты были сконструированы таким образом, чтобы их можно было выстроить в ряд на земле, — тогда они превращались в стену высотой по грудь, вытягивающуюся на несколько сот метров, — и быстро убрать перед началом атаки. Уэмура, _Масасигэ_, стр. 170.

307

Вероятно, не впервые советы Масасигэ императору игнорировались. Судя по _Байсёрон_, Масасигэ всегда признавал силу Такаудзи, а весной 1336 года предложил, чтобы посланником мира отправили его самого с целью воспользоваться недавней победой роялистов и заключить с Асикага долгосрочное, обоюдовыгодное соглашение. Если этому можно верить, то Масасигэ считал истинным противником не Такаудзи, но Ёсисада, и эти полностью совпадает с тем, что мы знаем о плохих отношениях между двумя военачальниками-роялистами. План Масасигэ мог, по крайней мере, отсрочить катастрофу, однако двор, ослеплённый успехами, отказался серьезно его рассматривать. (Детальное описание см. у Сато Синъити, _Намбокутё-но_доран_, Токио, 1965. Профессор Сато уверен в том, что описание плана Масасигэ заключить мир с Такаудзи, данное в _Байсёрон_, соответствует действительности.) Поскольку враждебные отношения между Масасигэ и Такаудзи — столь важная часть легенды, этот план редко упоминался в предвоенных изложениях всей истории.

308

Предлогом для отказа от совета Масасигэ послужило то, что оставление императором Годайго столицы и сокрытие его на горе Хиэй дважды в один и тот же год подорвало бы мораль его сторонников (Уэмура, _Масасигэ_, стр. 152). Масасигэ был слишком лоялен, чтобы открыто возражать императору и, по традиционным отчетам, он обвинил во всем «теневое правительство», которое, по его словам, было худшим врагом императора. Сообщают, что некий придворный по имени Киётада сыграл особо важную роль в противодействии советам Масасигэ. После несчастья при реке Минато ему было приказано сделать себе харакири. После этого, его

неуспокоившийся дух стал преследовать императорскую семью и весь двор, покуда его не умиротворила принцесса, вышедшая ему навстречу с фонарем, наполненным светлячками.

Как считает профессор Вацудзи Тэцуро, отказ императора от советов Масасигэ может быть рассматриваем, как разновидность предательства веры последнего. Вацудзи предполагает, что авторы «Хроники Великого Спокойствия» желали соединить неудачу Реставрации Годайго с его отказом последовать совету его самого преданного генерала (Varley, _Imperial_Restoration_, p. 140). В соответствии с этой точкой зрения, в Масасигэ воплощался дух движения приверженцев трона, и, когда его (или, вернее, его совет) отвергли, движение стало морально обречено.

309

Историчность прощальной сцены впервые была поставлена под вопрос двумя классиками исторической науки эпохи Мэйдзи — Сигэно и Кумэ, которые указывали, _inter_alia_, что эпизод упоминается лишь в «Хронике Великого Спокойствия, и что Масацура было гораздо более 10 лет, когда случилось это расставание. Японская публика была шокирована, когда ей сказали, что знаменитая история об их герое — выдумка (подобное могло бы случиться, если бы английский историк объявил, что последние слова Нельсона о долге — подделка), и профессор Сигэно получил далеко не лестный эпитет _массацу_хакуси_ (Доктор Разоблачитель). Однако, в исследовании японского героизма значение имеет не аутентичность истории, а собственно ее существование.

310

Тайхэйки, II:151.

311

Отиаи Наобуми, „Аоба Сигарзру Сакураи но“, из _Нихон_сёка-сю_, Токио, 1953, стр. 60–61. Этот стих характерен для сентиментальной поэзии конца XIX века и вполне сопоставим с восточной версией „The Stuffed Owl“ („антологией дурных стихов“ Льюиса-Ли). Однако, когда ее поют на японском, в ней безусловно слышится достоинство и сила. _Хототогису_ из последнего куплета часто переводят как „кукушка“, однако между этими двумя птицами нет прямого сходства. Всеохватывающее чувство сожаления усилено в последних двух строках повторением слова _аварэ_:

_Тарэ_ка_аварэ_то_кикадзаран_

_Аварэ_ти_ни_наку_соно_коэ_о._

312

Датой решающего столкновения был 25 день 5 месяца, соответствующий 4 июля по западному календарю. Прекрасное описание сражения дано у Сэнсома (_History_of_Japan,_1334–1615_, pp. 50–52), однако мне кажется, что он допускает ошибку в отношении времени, приводя 5 июля.

313

Говорили, что Такаудзи тщательно изучил кампании Ёсицунэ вплоть до битвы при Данноура. Хотя у него не было опыта в морских сражениях, ему удалось полностью контролировать море на протяжении всех действий.

314

Как указывает Сэнсом (_History_of_Japan,_1334–1615_, p.52), отступление Ёсисада стало фатальньм ударом, поскольку оно оставило силы Масасигэ открытыми со всех сторон; однако, даже и без этого в поражении Масасигэ можно было не сомневаться.

315

Тайхэйки, II:159. Фраза _ситисё_хококу_ (служить императору — в семи жизнях) стала знаменитым патриотическим лозунгом, часто неверно приписывавшимся самому Масасигэ (например у Yokota Yutaka, _Suicide_Submarine!_, [New York, 1962], p. 44). Отряды _Ситисё_бутай_ участвовали в операциях камикадзе во время войны на Тихом океане.

В 1960 году молодой убийца г-на Асанума написал этот лозунг зубной пастой на стене своей камеры незадолго до того, как повеситься. Его также часто цитировал Юкио Мисима, и в 1970 году, когда он со своими последователями собирался свершить свой последний славный подвиг в штабе Сил Самообороны, на _хатимаки_, повязанных на их головах, черными чернилами были выведены иероглифы _СИТИ_СЁ_ХОКОКУ._

316

Тайхэйки, II: 159.

317

Пересечение Шестой Улицы („Рокудзё“) с рекой Кама было основным местом казней в Киото, и именно здесь выставлялись на пиках обезображенные головы врагов правительства.

318

Очень соблазнительно было бы интерпретировать этот комментарий, как иронический, однако это, скорее всего, было бы неверным.

319

Т.е. герой показывает свое превосходство над прочими смертными даже в детском возрасте.

320

Тайхэйки, II:169-71.

321

Тайхэйки, II:171.

322

Тайхэйки, II:171.

323

Теоретически, правление сёгуната Асикага продолжалось до 1597 года, причем власть передавалась в нем на протяжении 15 поколений, однако в XV веке его власть стала быстро приходить к упадку с нарастанием общего беспорядка в стране.

324

„Хотя мои кости будут похоронены на этих южных холмах, дух мой всегда будет стремиться к Северному Дворцу.“ _Тайхэйки_, II: 342-43.

325

По легенде, молодой герой, зная, что шансы его безнадежны, и что в грядущем сражении ему придется расстаться с жизнью, посетил могилу Годайго и написал на двери стихотворение вместе с именами своих товарищей, которым также предстояло погибнуть.

326

Только один член семьи Кусуноки переходил когда-либо на сторону Асикага, и то, его измена была временной. Для века, когда смена сторон была делом обыденным, такой показатель весьма впечатляющ. Сато, _Намбокутё-но_доран_, стр. 401. Последняя отчаянная попытка сторонников южной линии была предпринята в 1443 году, через много времени после того, как двор в Ёсино прекратил свое существование. И опять во главе стоял потомок Масасигэ, и опять, как можно легко догадаться, эта попытка закончилась неудачно, хотя в какой-то момент восставшим удалось захватить императорские регалии.

327

Однако, кто же были законные императоры с 1336 по 1392 год? Проблема дебатировалась на протяжении многих лет, кульминация наступила в 1910 году, причем это решение едва не привело к краху правительство Кацура. В 1911 году было официально решено, что „южный“ двор (Ёсино) являлся единственным законным правительством на протяжении спорных 56 лет. Ситуация была такая, как если бы американское правительство объявило через сто лет после Гражданской Войны, что законным, президентом Соединенных Штатов был Джефферсон Дэйвис.

После поражения Японии в 1945 году, на сцене появились несколько претендентов на императорский трон из „южной“ династии; все они объявляли себя прямыми потомками императора Годайго и, следовательно (в соответствии с решением 1911 года), являлись законными владетелями дворца. Самым заметным среди них был некий г-н Кумадзава Кандо, адресовавший свои письменные претензии генералу Маккартуру. „Император Кумадзава“, как он именовал себя, приобрел немалую известность и славу того рода, которая вряд ли понравилась бы Масасигэ и прочим мученикам-роялистам.

328

По мнению профессора Холла, попытка Годайго была не только бесполезной, но и привела к результатам, прямо противоположным: „…как и все плохо продуманные попытки вернуть власть императорам, неудача Годайго значительно ослабила императорский дом, лишив его основных экономических ресурсов и политической власти в городе.“ John Hall & Jeffrey Mass, ed., _Medieval_Japan:_Essays_in_Institutional_History_ (New Haven, 1974), p. 26.

329

Глава о смерти Масасигэ заканчивается так:

С древних времен и поныне не было еще такого человека, в ком так же сочетались бы три добродетели: мудрость, человечность и храбрость, и кто встретил бы свою смерть, столь же неотвратимо следуя истинным путем. После того, как Масасигэ и его брат убили себя, Его Величество вновь потерял свою империю, а его враги снова обрели силу…» (_Тайхэйки_, II:160.)

330

Ср. посмертное почитание Митидзанэ, Ёсицунэ и прочих героев-неудачников.

«Однако, самым славным, — по Рай Санъё (1780–1832), — было семейство Масасигэ. Поддерживая трон и даже отдав за него жизнь в то время, когда он был в наихудшем положении

и полностью дискредитированным, покинутым почти всеми, страшившимися всеподавляющей силы Ходзё, Масасигэ дал блестящий пример высшей преданности и героизма.» (Beasley, _Historians_of_China_and_Japan_, p.261.)

Будучи убежденным конфуцианцем. Рай Санъё сталкивался с определенной дилеммой при рассмотрении четырнадцативековой истории своей страны, в которой «добро» столь постоянно терпело поражение, а «зло» торжествовало. Он превзошел эту трудность (по крайней мере — к своему собственному удовлетворению), введя понятие _дзисэй_ (веяние времени) — силу, часто обрекавшую героев на неудачи. Этим перебрасывался спасительный мостик между частыми конфуцианскими упоминаниями о честности и традиционными японскими идеалами «искренности»:

Хотя Санъё… и пользовался ортодоксальными конфуцианскими рамками хваления и порицания, представляя свой взгляд на прошлое Японии, ему редко удавалось употреблять их ортодоксальным конфуцианским способом, поскольку в его терминах выдвигавшиеся тезисы были бы просто нелогичны. Ему вряд ли удалось бы вывести, что «хорошие» правители приносили мир и процветание, а «плохие» — смуту и упадок, поскольку большинство из тех, кого он желал восхвалять, отличались своими неудачами и ранними смертями, в то время как те, кого он сильнее всего проклинал, являлись наиболее удачливыми правителями и основателями прочных династий. Таким образом, он был принужден искать каких-то объяснений в исторической причинности, не черпая их привычно из моральности характеров и поведения индивидуальных правителей. Указанное было обнаружено им в идее, которую он называл по-разному: _дзисэй,_дзиун;_сэдо_, или _ун_—_«сила», «веяние времени», сопоставимое с водой, прорывающейся через плотину, против которой простое человеческое усилие, сколь бы высокоморальным, славным или героическим оно ни было, представало бессильным. Благодаря именно этой непреодолимой силе, смог он наконец заключить, все его герои терпели неудачу, а злодеи процветали. Приход к власти военного сословия и падение Трона, как ни прискорбно и трагично все это было, являлось, однако, неизбежным по причине _дзисэй._ Императорам Готоба и Годайго не удалось реставрировать власть Трона по той причине, что в те конкретные времена Трону противостояло _дзисэй._ По тем же причинам были неизбежны поражение и смерть Нитта Ёсисада, как ни хорош и предан он был, а также сила и долговременный успех семейства Асикага, хотя они и были плохими и нелояльными. (Beasley, _Historians_of_China_&_Japan_, pp. 261–262).

В этих формулировках _дзисэй_ и «искренность» представляют дихотомию материи и духа. В «реальном» мире материя торжествует над духовными ценностями.

331

Масасигэ был особо почитаем двумя героями-мятежниками — Юй Сёсэцу (1605–1651) и Ёсида Сёин (1830–1859), составившими заговор против Бакуфу Токугава и преданными смерти после того, как их попытка окончилась неудачей. Труд Сёина _Ситисё_сэцу_ («Толкование Семи Перерождений», 1856) посвящен Масасигэ; в нем он сравнивает цели, преследовавшиеся героем XIV века со своими собственными. Он понимает, что потерпел неудачу точно так же, как и Масасигэ, однако «надеется, что [его] вечное стремление сердца послужит стимулом для последующих поколений, и что [он] также сможет посвятить семь своих жизней исполнению этой цели.» David Earl, _Emperor_and_Nation_in_Japan_ (Seattle, 1964), p. 188.

332

Большинство построек храма, посвященного герою, сгорели во время бомбардировки Кобэ во время Второй мировой войны, однако к настоящему времени они благополучно восстановлены с помощью бетонных форм. «Почитание Кусуноки» не обошло и людей с Запада. Профессор Варлей цитирует комментарии Уильяма Гриффиса, американца, работавшего в Японии в начале эпохи Мэйдзи. В 1876 году тот сделал следующую запись:

Из всех персонажей японской истории выше всех стоит Кусуноки Масасигэ, выделяясь чистотой своего патриотизма, самоотверженностью в преданности долгу и спокойствием своего мужества; говорят о нем с почтительной нежностью, с восхищением, в котором отсутствуют шаблонные слова, видя в нем ничем не замутненное зеркало лояльности. Я много раз спрашивал своих японских учеников и друзей — кого они считают самым благородным в своей истории. Их единодушный ответ был «Кусуноки Масасигэ». Все, что осталось от этого храброго человека, почитается, как религиозная святыня; вееры со стихами, воспроизведенные в точности его письмом, продаются в лавках и покупаются теми, кто горит желанием следовать этому образу высшего патриотизма… Я не хочу даже пытаться скрыть своего восхищения человеком, следовавшим своим убеждениям и солдатскому пониманию идеи чести, когда его сознание и все предшествовавшее воспитание сказало, что его время пришло, и что отказаться от самоубийства было бы бесчестьем и грехом. (Varley, _Imperial_Restoration_, pp. 153–154.)

333

Например, см. Сато, _Намбокутё-но_доран_, Приложение, с. 1–6, и Уэмура, _Масасигэ_, с. 139.

334

Цит. у Уэмура, _Масасигэ_, стр. 194. Прославившие Масасигэ гибкость и способность к импровизациям сродни силе воображения художника. Его героизм становится очевиден при разделении стремлений его духа (лояльность, самопожертвование и т. д.) и рамок практической действительности (неравенство сил, коррумпированность двора и пр.). Воображение Масасигэ, результатом которого были нетривиальные действия и умелая стратегия, заполняет вакуум его объективной слабости.

Постоянное ударение, делаемое на моральности, искренности и тому подобном, может быть интерпретировано схожим образом: воображение героя создает свой собственный мир в пустоте между тем, что есть, и тем, что должно быть. Типичный японский герой в Кабуки, фильмах _тямбара_ и т. п.,- одинокий воин, побеждающий сотни кровожадных оппонентов своим блистающим мечом, символизирующим чистоту его искренности. В популярных фильмах Дзатоити, например, слепой герой, мастерски владеющий мечом, отражает нападения орд яростных бойцов и никогда не бывает побежден, поскольку он один вооружен искренностью. Простая численность бессильна против подобной силы духа. В истории о Масасигэ Бакуфу, несмотря на свои подавляющие материальные ресурсы, уязвимо, поскольку не располагает «духовным» лидером, который смог бы мобилизовать своих сподвижников воображением и искренностью. Масасигэ обеспечивает роялистам победу, однако, упрочив на троне Годайго, он теряет свою духовную _raison_d'etre_. У легендарного героя нет реального места в истории, которую волнуют лишь факты экономики и политики: благоприятное разрешение проблем исключает его существование). Он не появляется в качестве основной фигуры до тех пор, пока дело роялистов вновь не оказывается под угрозой. Когда, наконец, император отказывается от

совета Масасигэ, тот теряет духовную силу и становится обречен. В этом легендарном смысле Масасигэ представляет идеальный образ искренности, которая хотя и может осветить мир, подобно вспышке молнии на темном небе, но будет неизбежно уничтожена действительностью, которая далеко не чиста. Такаудзи же, разумеется, — совершеннейший пример компромиссов, реализма, политической расчетливости и удачи.

335

Например, инцидент, описанный в «Кикути Такэтомо Синдзё», когда Масасигэ пытался убедить императора Годайго в том, что «роялист номер один» (_тюко_дайити_) — это не он, но Кикути Такэтори, отдавший свою жизнь за дело трона. Уэмура, _Масасигэ_, с. 139.

336

Профессор Сато считает, что в Масасигэ сочетались «гибкость мышления» со «страстностью суждений» (Сато, стр. 256). Профессор Уэмура подчеркивает «дух противодействия Масасигэ властям» (_кэнрёку-ни_тайсуру_ханко-но_сэйсин_), а также неизменность его целей, подразумевая этим, что, сопротивляясь Бакуфу, герой в определенном смысле выражал «волю народа» (Сато, стр. 42). Представление о Масасигэ, как о фигуре, напоминающей героя недавнего Сопротивления, ведущего своих «маки» против агрессоров-завоевателей, может сделать его привлекательным для многих современных японских читателей, однако это плохо сочетается с его поддержкой реакционного автократа Годайго.

337

Таким образом, в смысле традиции _хоганбиики_ («симпатизирования проигравшим»), это помогло укрепить последующую популярность и узаконивание Южного Двора. Если бы Такаудзи и Когон потерпели решительное поражение в 1336 году, то они (а не Масасигэ и Годайго) могли бы стать героями последующих столетий, а Северный Двор обрел бы ностальгическое очарование и престиж, выпавший на долю Ёсино.

338

После поражения при реке Минато, Нитта Ёсисада продолжал бороться с Асикага и их сторонниками до тех пор, пока не погиб в бою в возрасте 38 лет.

339

Масасигэ сравнивали со многими иноземными героями. Например: «Масасигэ можно сравнить с Бертраном Жесклэном из Франции в преданности императору и храбрости.» (Дайдодзи Юдзан, _Будо_сёсин-сю_ [Токио, 1965], с.71].) Легендарный бретонец, однако, был на сторонепобедителей в войне против англичан. Его также часто называли «японским Байяром» — (например, Joly, _Legends_, p. 306), имея ввиду выражение «рыцарь без страха и упрека». Однако, Байяр, хотя он и погиб в сражении, обрел успех, спасши Францию от имперского нашествия; чтобы найти реальное сравнение, придется отыскивать популярного героя, который не только был убит, но и поддерживал заведомо проигранное дело — а на Западе это действительно _rara_avis_.

340

С глубоким вздохом Военный Правитель [Такаудзи] воскликнул: «Увы, из-за клеветы и лести близких к трону, мне суждена судьба бесчестного бунтовщика, не имеющего возможности доказать свою невиновность». Разумеется, его горе не было продуманной игрой; безо всяких сожалений и сердечных угрызений он предался духовным исканиям и праведным делам, истово вознося молитвы за просветление императора и наконец построив этот великий монастырь для практикования буддийских обрядов. (Мусо Кокуси, _Тайсё_Дайдзокё_, 80:463–464; цит. в Wm.Theodore de Bary et al., eds., _Sources_of_Japanese_Tradition_ [New York, 1958], p. 257.)

341

У Такаудзи было три больших достоинства. Первое — это его храбрость. Хотя он был много раз близок к смерти в сражениях, он всегда оставался весел и ни разу не выказал страха. Вторым достоинством Такаудзи является его сострадательность: он никого не ненавидел и во многих случаях оказывал своим злейшим врагам ту же снисходительность, что мог бы оказать детям. В-третьих, Такаудзи был щедр без малейшего признака скупости. Материальные вещи значили для него мало; награждая кого-либо оружием, лошадьми и тому подобным, он никогда не старался вручить подарок соответственно рангу награждаемого, а просто передавал вещи из своих рук так же просто, как они в эти руки попадали. (Цит. у Varley, _Imperial_Restoration_, p. 133.)

342

Цит, у Sansom, _A_History_of_Japan:_1334–1615_, p. 98.

343

Цит. у Beasley, _Historians_of_China_and_Japan_, p. 261

344

Даже сам Масасигэ мог начать свою карьеру роялиста в качестве ренегата.

345

De Bary, _Japanese_Tradition_, pp. 256–257.

346

Sansom, _History_of_Japan:_1334–1615_, p. 100.

347

Знамя, возможно — подлинник, хранится в частной коллекции в Токио. Дабы предотвратить возможность его продажи и вывоза за рубеж, в 1964 году правительство провозгласило его Значительным Культурным Достоянием. Репродукцию и детальное описание см. в статье Нисимура Сада «Симабара ран-но киристан дзинтю Хата то Ямада Эмонсаку» в сб. «Нихон сёки ёга-но кэнкю» (Токио, 1958). Профессор Нисимура поддерживает традиционное приписывание авторства Ямада Эмонсаку, бывшему прислужнику иезуитов, сыгравшему двусмысленную роль в восстании. Похоже, что все остальные знамена инсургентов были сделаны из хлопка.

348

«Когда мы начинаем считать его фикцией, то обнаруживаем, что исторические документы дают ясные подтверждения его существованию; однако, когда мы пытаемся что-то о нем узнать из этих документов, то видим, что нет почти ни одного позитивного указания на реалии его жизни.» Окада Акио, «Амакуса Токисада», Токио, 1960, введение, с.1. Хотя Амакуса Сиро стоял во главе самого крупного религиозного восстания в истории Японии и жил почти на сто лет позже Мартина Лютера, его образ остается туманным, причем туманным настолько, что ему практически можно не опасаться психиатрического диагноза, который пытались поставить протестантскому герою.

349

Оригинальный текст см. в «Сёгун то даймё», № 12 серии «Нихон рэкиси сиридзу», Токио,1967, с.40. «Все прочие верования»: букв. «три учения» _(санкё),_ т. е. буддизм, конфуцианство и даосизм. Они (вместе, предположительно, с синтоизмом), должны были быть сметены христианством. Среди японских христиан бытовали различные мнения относительно того, произойдет ли это буквально, как историческое событие (например, как официальное принятие буддизма в VI веке), или будет частью программы последнего дня Страшного Суда. В любом случае, финал был близок.

350

В одной из последних «автобиографий» Амакуса Сиро, написанной г-ном Сано Мицуо, герой признается, что он— НЕ «сын божий», или «дитя небес», но что роль эта была ему навязана сторонниками, и ему волей-неволей пришлось ее принять и поддерживать соответствующий имидж, разыгрывая «чудеса». Иными словами, он стал богом вопреки собственной воле.

351

Франсиско Ксавьер был столь воодушевлен распространением христианства с момента его прибытия в 1549 году, что восхвалял японцев, как «радость сердца моего». Другие миссионеры-энтузиасты описывали Японию как дар Господа Церкви взамен потери ею великого островного царства на Западе, поглощенного протестантской ересью.

352

После 1945 года «феодальный» _(хокэнтэки)_ стало расхожим словом, широко использовавшимся в уничижительном смысле по отношению к людям, которые, как казалось, представляют дурные старые времена панъяпонизма и репрессий. В этом смысле и строгий родитель, и патерналистически настроенный предприниматель, и требовательный учитель могли быть с презрением названы «феодалами». Поэтому репрессивный режим Токугава рассматривался, как квинтэссенция феодализма, а те, кто восставал против него, являлись, соответственно, героями. В одном из стихов «Песни об Амакуса Сиро» говорится буквально следующее: «Бакуфу с его жесткой политикой подавления и замкнутости _(сакоку)_повержено в ужас восстанием Амакуса; эта борьба, пропитавшаяся живой кровью [восставших, будет длиться] вечно. Амакуса Сиро! О, будущее сопротивление!»

353

Ср. описание женственного выражения образа Ёсицунэ на сцене. Не сохранилось прижизненных портретов или описаний Амакуса Сиро. Я признателен Дональду Кину за то, что он привлек мое внимание к картине маслом в буддийском храме в Такаяма с его изображением. Работа приписывается Сиба Кокан (1724–1818), одному из первых японских художников, начавших культивировать реалистические методы западного письма. То, что портрет бунтовщика-христианина был написан в антихристианский период Токугава, и то, что его повесили в буддийском храме, типично для несообразностей, окружающих Амакуса Сиро. На другом портрете маслом (в музее замка Симабара) герой изображен на фоне океана; его руки сложены в

молитве, а на детском лице — возвышенно-мистическое выражение. Он одет в кофту из белого шелка и алую фуфайку, на шее — хорошо исполненные брыжи португальского стиля. И, разумеется, в набор входит малопонятная комбинация золотого распятия и самурайского меча.

354

Первый выпуск, «Хоки» (Восстание), появился в мартовском номере 1972 года «Рэкиси то дзимбуцу» — в статье журнала «Тюо корон». Амакуса Сиро — главный персонаж выпуска № 51 популярной серии книг «Дзимбуцу сосё», в которой каждый том посвящен какой-либо значительной фигуре из японской истории. Он также герой № 73 серии «Нихон-но бусё» («Японские военачальники»). См. Эбисава Аримити, _Амакуса_Сиро_, Токио, 1967.

355

Простой деревянный крест на высоком белом столбе смотрит на залив Симабара; он расположен в отдаленной части полуострова и обозначает место, где когда-то стояла крепость христиан.

356

Преследование христианства в Японии в период с 1614 по 1640 год — одна из самых ужасных историй в долгой цепи официальной мировой жестокости. Все же, большинство этих японских кошмаров можно сопоставить с событиями, происходившими в то же время в Европе, где Святая Инквизиция была по горло занята пытками и умерщвлением тех, кто рассматривался ей, как враг истинной церкви. Подозреваемые еретики в таких странах, как Испания и Португалия зачастую подвергались тем же самым мучениям, что и римские католики в Японии. На обеих окраинах мира люди, присматривавшие за пытками, вовсе не были грязными истязателями подпольного мира, но — респектабельными правительственными чиновниками или проповедниками, убежденными в моральной оправданности своих жестокостей.

357

Профессор Боксер приводит типичную клятву отречения, подписанную японцем-христианином и его женой. Стоит отметить, что кары, упоминающиеся в большинстве таких клятв, основывались на тех самых верованиях, которые отвергались.

На протяжении многих лет мы были верующими христианами. И все же, мы поняли, что христианская религия есть религия зла… Таким образом, мы подтверждаем это заявление в письменном виде перед вами, достопочтенный магистрат. Никогда более не отойдем мы от нашего отречения, даже в самом тайном уголке сердца. Если же когда-нибудь нас посетит пусть самая ничтожная мысль, да покарает нас Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой, Святая Мария, все ангелы и святые. Да откажемся мы ото всей милости Божьей, отринем все надежды, подобно Иуде Искариоту, став посмешищем для всех людей, не вызывая ни у кого ни малейшей жалости и умерев наконец жестокой смертью и претерпев все муки адовы без надежды на спасение. Такова наша христианская клятва… (C.R.Boxer, _The_Christian_Century_in_Japan,_1549–1650_, London, 1951, p. 441.)

358

По одной из версий, только двое братьев были арестованы и казнены.

359

Есть большое количество различных описаний этого инцидента (например «Сёгун то даймё», с. 41–42, и Окада, _Амакуса_, с. 3–4). В общем они, вероятно, аутентичны, однако многие детали представляются побочными, и вряд ли (как часто предполагается) именно этот

360

«В августе [1638] в Омура, Дуарте Корреа, близкий к Святому Ордену, член Общества Иисуса, после двух лет плена был предан жестоким пыткам и в конце концов сожжен на медленном огне.» Leon Pages, _Histoire_de_la_religion_Cretienne_au_Japoп_depuis_1598_jusqu'a_1651_ (Paris, 1869-70), 11:850.

361

Boxer, _Christian_Century_in_Japan_, pp.377-78. Отчет Корреа, «Relacam do alevatamento de Ximabara, e de seu notavel cerco, e de varias mortes da nosson Portuguezes po la Fe», мы находим на стр. 403–411 у Pages, _Religion_Chretienne_au_Japon._ Он был переведен на японский язык (Токио, 1949), но, насколько мне известно, на английском его пока нет. «Те, которых интригуют маленькие иронии жизни, — замечает профессор Боксер (_Christian_Century_in_Japan,_ p.497), с интересом узнают, что оригинальный проект [манускрипта Корреа] был посвящен Генеральному Инквизитору Португалии Дом Франсиско де Кастро, известному преследователю евреев, сжигавшему их; сам Корреа был зажарен до смерти на медленном огне в августе 1639 года.»

362

Pages, _Religion_Chretienne_au_Japon_, pp. 842-43.

363

Тодзама—_даймё (феодальные лорды) на Кюсю и в других местах, не подчинявшиеся Токугава вплоть до победы при Сэкигахара в 1600 году. К ним всегда относились с большим подозрением, чем к наследственным вассалам; Бакуфу всегда стремилось ослабить их экономическую и политическую мощь.

364

Цудзи Тацуя, _Эдо_Бакуфу_, Токио, 1966, с. 323.

365

Переведено в James Murdoch, _A_History_of_Japan_ (reprinted London, 1949), II:650.

366

Окада, _Амакуса_, с. 17.

367

Pages, _Religion_Chretienne_au_Japan,_ p.405. «Судебный пристав» или «управляющий имением» (по-португальски _ministro_dejustica_) предположительно соответствует местным _дайкан._

368

Заявление датируется 17 февраля 1638 года. Murdoch, _History_of_Japan,_ p.660.

369

Интересно, что, несмотря на религиозную природу восстания, после падения замка Хара среди инсургентов не нашли ни одного католического священника, тогда как несколько _батэрэн_ (падре) находились в Осакском замке во время великой осады 1615 года. Несмотря на все португальские лозунги, восстание в Симабара было чисто японские делом.

370

Старший ребенок, дочь, окрещенная Регионой, родилась в 1615 году, младшая девочка, названная Ман, была на 10 лет младше Амакуса Сиро. Должны были быть еще двое детей, старше Сиро (имя которого переводится, как «четвёртый ребенок»), но о них нет никаких сведении; вероятно, они умерли в раннем возрасте.

Масуда (отец)

Ватанабэ Марта========Масуда Масуда Соэмон

Дэнбэй Ёсицугу (Ояно Гэнсацу)

Кодзаэмон Сатаро==Регина Масуда Токисада Ман

(Амакуса Сиро)

Кохёэ

[Двойные линии означают брачные связи]

371

Более буквально, он увидел, что это был «ребенок, в котором мир мог обрести надежду». Окада, _Амакуса_, с. 89.

372

Настоящее имя героя — Масуда Токисада, однако он стал широко известен как Амакуса Сиро, или Амакуса-но Сиро, то есть «Сиро из Амакуса» (где «Амакуса», разумеется, аналогично слову «Аравийский» в сочетании «Лоуренс Аравийский»), и я постоянно пользовался этап именем.

Дуарте Корреа, португальский хроникер, называет его Maxondanoxiro (Pages, _Religion_Chretienne_au_Japan,_ p.406) — как мне кажется, это португальская транскрипция Масуда но Сиро. Паже (с.844) пишет: «Главой повстанцев был молодой человек, которому едва исполнилось 18, по имени Жером Машудано Шико, рожденный от благородных родителей и происходивший из Финго.» — предположительно есть расшифровка португальского Moxondanoxiro, где «р» по ошибке зеленили на «к». «Финго» относится к названию префектуры Хиго на Кюсю. Хотя отец героя и был самурайского происхождения, «благородные родители» — все же некоторое преувеличение.

373

В соответствии с «автобиографией», Амакуса Сиро был избран предводителями восставших после бесконечных собраний и обсуждений, на которых были нейтрализованы всевозможные фракции.

374

«… его сын Сиро… будучи блестящим молодым человеком _(саити_аруёси_нитэ),_ был избран предводителем восстания.» Цит. Окада, _Амакуса_, с. 85.

375

В связи с частым неправильным использованием этого термина в работах журналистов, стоит, вероятно, привести описание Макса Вебера, вполне применимое к случаю с Амакуса Сиро и многих прочий героев-неудачников в японской истории:

Личный авторитет может, также, основываться на совсем не традиционных источниках. Командование может отправлятьсяЛИДЕРОМ — будь он пророком, героем или демагогом — который может доказать свое обладаниеХАРИЗМОЙ путем сверхъестественных сил, откровений, героизма или каких-либо прочих экстраординарных способностей. Те, кто подчиняется такому лидеру, естьУЧЕНИКИ илиПОСЛЕДОВАТЕЛИ, верящие в его особые качества, а не следующие установленным правилам, либо положениям, освященным традицией. (Reinhard Bendix, _Max_Weber:_An_Intellectual_Portrait,_ New York, 1962, p.295.)

Одна из интригующих возможностей состоит в том, что избрание Амакуса Сиро на должность предводителя было стимулировано, по крайней мере — отчасти, знанием о Дом Себастьяо, — молодом португальском правителе, взошедщем на престол под именем Себастьяна I. Он был хорошо известен японским христианам на Кюсю, а в 1562 году даймё-христианин из провинции Бунго послал ему в знак уважения дорогой меч. С ранних дней Дом Себастьяо — слабый, болезненный ребенок, воспитанный иезуитами — был охвачен фанатичным религиозным пылом и рассматривал себя в качестве героического христианского рыцаря, который обретет славу покорителя мусульманских язычников Африки. В 1578 году, в возрасте 24 лет, он высадился в Марокко и ринулся в битву на своем белом коне. Как и у Амакуса Сиро, у него не было практического военного опыта. Он потерпел поражение при Алказеркивире, его армия была разгромлена, сам он был убит, а португальский престол перешел к испанской короне. Неудача была полнейшей, однако Дом Себастьяо стал центром героической легенды. Ходили слухи, что он не умер, а был пленен мурами и в свое время вернется, дабы повести свой несчастный народ к победе! (Краткое описание статьи из «Columbia Encyclopedia», 3rd ed., New York, 1963, p. 191.) Эта странная мессианская легенда, просуществовавшая на протяжении столетий и известная под наименованием «себастьянизма», без сомнения была знакома христианам в Японии XVII века. Возможно (хотя, разумеется, это — чистое предположение), Амакуса Сиро был избран предводителем восстания, как реинкарнация, или прообраз молодого португальского героя. К этому стоит заметить, что, когда г-н Кукебакер, начальник голландской фактории, писал свой дневник о событиях в Симабара, он включил в него слух, ходивший тогда по Эдо, что на самом деле Амакуса Сиро не был убит в замке Хара, а чудесным образом спасся (ср. с легендой о

спасении Ёсицунэ из горящего дома), чтобы вернуться позже и защитить своих людей. См. также о 13-летнем мальчике-христианине, имя которого связывали с возможным восстанием у Нагасаки в 1657-58 годах.

377

Окада, _Амакуса_, с. 76–77.

378

Цит. у Цудзи, _Эдо_Бакуфу_, с. 403.

379

Жестокое подавление восстания в Симабара напоминает кошмарные экзекуции рабов, плененных римскими войсками после Сервиллиевекого восстания в 72 году до Р.Х. В обоих случаях власти были намерены устрашить массы террором, и в обоих же случаях они в этом преуспели.

380

Окада, _Амакуса_, с. 49. Советником был известный воин-министр Сакаи Тадакацу (1587–1662).

381

Роль Амакуса Сиро в неудачной атаке на Томиока не подтверждена никакими документами того времени и могла быть просто частью героической легенды. Сообщали, что его ставка располагалась в порту Футаэ, ближайшем к оконечности Симабарского полуострова.

382

Трудно представить, каким образом атака Нагасаки силами всего 12000 человек могла удаться; однако, если бы христианское население города помогло восставшим захватить необходимое вооружение (особенно — большую пушку), то они вполне могли бы продержаться в замке Хара на несколько месяцев дольше.

383

Цифры, приводящиеся Dr.Ludwig Riess в «Der Aufstand von Shimabara 1637–1638,» _Mittheilungen_der_Dentschen_Gesellschaft_fur_Natur_und_Volkerkunde_Ostasiens,_ vol.V, Heft 44 (1890) — 20000, но они представляются сильно заниженными. По моим приблизительным расчетам, они составляли 30000. Однако, из-за отсутствия архивов восставших мы принуждены постоянно блуждать во мраке.

384

Главным источником предположения, что под командой Амакуса Сиро было пять руководителей-«ронинов», являлся двуличный актер Ямада Эмонсаку, однако его показания можно ставить под сомнение. По его словам, этим пятерым было каждому за пятьдесят, и все они были в прошлом слугами даймё-христианина, генерала Кониси. Их имена и прочие подробности см. у Цудзи, _Эдо_Бакуфу_, с. 396 и Окада, _Амакуса_, с. 21.

385

Цудзи, _Эдо_Бакуфу_, с. 396.

386

В одной из описаний последней атаки на замок Хара описывается облик осажденных. У большинства из них не было настоящих доспехов, хотя многие были вооружены мечами, луками и копьями. В основном они были одеты в белые хлопковые робы и ушитые штаны. У некоторых были круглые шляпы с ремешками, завязанными под подбородками; на других были самодельные шлемы из железных обручей, набитые соломой и закрепленные над ушами.

387

Среди боевых кличей оборонявшихся был и такой: «Масуда-но Сиро Сёгун!».

388

Хотя Кукебакер участвовал в атаке на замок, он, очевидно, получил сильное впечатление от осажденных. «Если, наконец, будет пленен любой повстанец, — добавляет он к отрывку (цитируемом у Окада, _Амакуса_, с. 130), — и если среди них будет любой благородный человек или 'вященник, я хотел бы познакомиться с ним.»

389

Окада (_Амакуса_, с. 253) цитирует некоторые бесшабашные куплеты в стиле «Вперед, солдаты Христа!», распевавшиеся под барабанный аккомпанемент незадолго перед последним приступом замка. Песня была громкой и слышалась в лагере осаждавших, где вызывала заметное удивление — все знали о безнадежном положении оборонявшихся.

390

Паже предполагает, что количество войск властей к концу марта достигло 200000 _(Religion_Chretienne_au_Japon,_ p. 847) но это, вероятно, преувеличение. Официальные японские источники дают подозрительно точную цифру: 100619 к концу марта, и говорят, что под конец кампании было задействовано всего 124000 человек. Общие затраты правительства составили 400000 золотых _рё_ (приблизительно семь миллионов фунтов стерлингов в ценах 1975 года).

391

Население могло сноситься с поддерживавшими их христианами на холмах вне замка с помощью детских воздушных змеев (Окада, _Амакуса_, с… 256), однако не было никакой возможности получать от них материальную помощь.

392

Там же, с. 195.

393

Цудзи, _Эдо_Бакуфу_, с. 405; Окада, _Амакуса_, с. 206.

394

Окада, _Амакуса_, с. 209. Одно из этих огромных каменных ядер сохранилось на цементном пьедестале в Нагасаки, где его несколько неуместно окружают железные распятия.

395

Окада, _Амакуса_, с. 254–55.

396

Часто предполагается, что Мацудайра был послан, чтобы заменить генерала Итакура, к которому Бакуфу потеряло доверие. Вряд ли это было так. Когда Мацудайра выехал из Эдо в середине января, восставшие еще не укрепились в замке Хара и у правительства не было причин сомневаться в эффективности действий Итакура. На самом деле Мацудайра был послан не для замещения предыдущего генерала, но чтобы помочь ему как можно быстрее разделаться с восставшими. Однако, Итакура интерпретировал назначение Мацудайра как угрозу своему статусу командующего.

397

Окада, _Амакуса_, с. 159.

398

Там же, с. 138. В их насмешках содержалась игра слов: _сэмэру=_ 1. «пытать», 2. «нападать».

399

Окада (_Амакуса_, с. 161) цитирует эту поэму, но сомневается в ее аутентичности.

400

Там же, с. 200, 204.

401

Некоторые даймё, например, воспользовались восстанием, как предлогом, чтобы не платить свои коммерческие долги.

402

У Нагасаки на якоре стояли два голландских корабля, однако Кукебакер, желая, без сомнения, свести до минимума свое участие, немедленно отослал один из них на Формозу и информировал Мацудайра, что для бомбардировки имеется один «де Рип».

403

После того, как мы тщательно изучили ситуацию как на море, так и на берегу, стало ясно, что мы не удастся предпринять ничего эффективного с нашими орудиями, поскольку жилища построены всего лишь из соломы и циновок, парапеты нижней линии обороны сделаны из глины, а верхняя крепость окружена хорошей и высокой стеной, сложенной из тяжелых камней… Было очевидно, что ни огонь батарей армии [сёгуната], ни наших орудий не принесет никакой пользы. (Цит. Murdoch, _History_of_Japan,_ II:657.) Очевидно, Кукебакер не желал, чтобы его считали ответственным за убийство японских христиан.

404

Сперва Мацудайра настаивал, чтобы голландцы сняли свои орудия и оставили их силам атакующих, но в конце концов Кукебакеру удалось получить разрешение оставить лишь одну из них.

405

Boxer, _Christian_Century_in_Japan,_ p.381. Французский историк Леон Паже сравнивал Николауса Кукебакера с самим Понтием Пилатом. «Как и другой Пилат, после попытки остаться жить там как иностранец, в последний момент он малодушно дрогнул.» Pages, _Religion_Chretienne_an_Japan,_p. 846.

406

Pages, _Religion_Chretienne_au_Japon_, p. 846.

407

Окада, _Амакуса_, с. 230–43.

408

Эбисава, _Амакуса_Сиро_, с. 190–96.

409

Окада, _Амакуса_, с. 258.

410

Не менее 16 воинов из сил различных даймё заявляли, что они первыми ворвались в замок Хара (_итибан-нори_), после были также долгие споры — кто же его захватил. Основными документами о штурме являются Записи Семьи Хосокава, в которых намеренно подчеркивается роль Хосокава в окончательной победе. Предводитель сил Набэсима (Повелитель Сага) был помещен под домашний арест за то, что начал преждевременный штурм замка не дожидаясь представителя сёгуна, Повелителя Мацудайра.

411

Письмо от Хосокава Тадатоси, Повелителя Кумамото и предводителя сил Хосокава при Симабара, написанное его отцу непосредственно после падения замка. (Окада, _Амакуса_, с. 282.) Определенная ирония содержатся в том факте, что Тадатоси (1586–1640) сам был крещен по христианскому обычаю в возрасте девяти лет. Позже он подчинился приказам Токугава и изгнал всех христиан из своих владений, а в возрасте 52 лет он занял ведущее место в преследовании христиан в Симабара. Матерью его была знаменитая Грация Хосокава (1563–1600), прекрасная дочь Акэти Мицухидэ (убийцы Нобунага), которая была обращена в христианство, крещена под именем Грации и вызывала восхищение иезуитов, называвших ее «принцессой Грацией из Танго» Ее муж, Хосокава Тадаоки (1563–1645), один из самых сильных даймё тех времен, говорил иезуитам, что он и сам бы стал христианином, если бы не шестая заповедь, которую он не в силах исполнять. (Boxer, _Christian_Century_in_Japan,_ p. 185.) Когда Исида Мицунари попытался захватить Грацию в плен в 1600 году, чтобы не дать ее мужу поддерживать Изясу, та, противясь плену, предпочла убить себя, нежели попасть в руки врагу. Грация широко почитаема, как образец женской твердости, как человек, пожертвовавший собой ради идеалов. Не может быть ни малейших сомнений в храбрости этой женщины, однако ее смерть безусловно не была актом христианского мученичества.

412

Окада_,_Амакуса_, с. 292.

413

Эбисава, _Амакуса_Сиро_, с. 219-23.

414

По альтернативной версии (Эбисава, _Амакуса_Сиро_, с. 223), герой вышел из хижины, облаченный в свои прекрасные одежды, и был немедленно обезглавлен. По другому описанию (там же, с. 217), мы узнаем, что, пока воины Хосокава метались по внутренней цитадели в поисках предводителя восставших, Амакуса Сиро взошел на трехметровый помост, сложенный из белого камня, и, возведши очи к небесах, стал молить о божественном избавлении. Затем над платформой появилось темное облако. Амакуса Сиро уже собирался взойти на облако и спастись, как вдруг кто-то пустил в облако одну единственную стрелу с белым оперением, и оно немедленно растаяло. Воин Хосокава по имени Нагаока Татаваки воспользовался замешательством молодого человека и, издав громовой боевой клич, убил его одним ударом копья. Это — последнее чудо, приписываемое Амакуса Сиро; вполне типично, что и оно окончилось полной неудачей.

415

По другой версии, идентификация проводилась художником Ямада Эмонсаку, который, несмотря на предательство своего бывшего предводителя, разразился слезами, увидев изувеченную голову. (Эбисава, _Амакуса_Сиро_, с. 221.)

416

Хотя очевидно, что Сасаэмон не знал Амакуса Сиро в лицо, когда убивал его, он был щедро награжден _тигё_ (наделом), в 1000 _коку._ Позже Повелитель Хосокава высказывал сожаление в том, что предводитель восставших не был схвачен живым. (Эбисава, _Амакуса_Сиро_, с. 223.)

417

_Erao_tantos,_que_me_emfadava_de_os_contar_. Pages, _Religion_Chretienne_au_Japon,_ p. 1410.

418

Эбисава, _Амакуса_Сиро_, с. 231. Приходилось экономить, и пики вырезались из деревянных шестов, использовавшихся атакующими для постройки палисадов.

419

Окада, _Амакуса_, с. 145, 258, 300; см., также о рисунке на знамени Амакуса Сиро.

420

Murdoch, _History_of_Japan,_ II:661.

421

По одной замысловатой, но маловероятной теории (Окада, _Амакуса_, с. 302), «предательство» Ямада являлось в действительности хитроумным планом, разработанным Амакуса Сиро с тем, чтобы, в случае неудачи, остался в живых хоть кто-то один, чтобы рассказать о славной истории восстания и подвигнуть других на продолжение борьбы.

422

Отец героя Дзимбэй и его дядя Гэнсацу были убиты в замке, однако неясно, были ли идентифицированы их головы.

423

Закон Токугава был одинаково жесток как к крестьянам на Кюсю, так и в других местах, когда те решались жаловаться на чрезмерное налогообложение. Типичным представляется дело Сакура Согоро, старосты деревни Кодзу (провинции Симоса), который был распят в 1645 году вместе со своей семьей за то, что осмелился послать центральному правительству петицию протеста против жестоких налогов на местное крестьянство; храбрость Согоро и его трагическая кончина сделали его народным героем и предметом многочисленных _яги-буси_(«баллад из Яги»). Patia Isaku, _Japanese_Folk_Songs,_ неопубликованная рукопись, 1974.

424

Цудзи, _Эдо_Бакуфу_, с. 410. Одним из интересных результатов этой насильственной миграции является то, что и по сей день в Симабара можно услышать разные акценты, в зависимости от того, принадлежит ли семья к потомкам тех, кто жил здесь до восстания, или была переселена из других районов Японии после 1638 года.

425

Там же, с. 407. Новая система _данка_ (прихожан), в соответствии с которой каждый японец должен был быть зарегистрирован, как прихожанин одного из буддийских храмов, являлась особо эффективной формой контроля.

426

Некоторые христианские семейства в Нагасаки продолжали втайне отправлять свою веру вплоть до провозглашения свободы вероисповеданий после Реставрации Мэйдзи. Этот примечательный факт, однако, не имел широкого воздействия: всеми правдами и неправдами христианство в Японии было уничтожено к 1660 году; между 1639 и 1658 годами количество арестов резко снизилось из-за уменьшения количества оставшихся в живых. В 1865 году в районе Нагасаки было раскрыто около 100 «тайных» христиан. Они были арестованы местным магистратом и пытаны, в результате чего большинство из них отреклось. Paul Akamatsu, _Meiji_1868,_ London, 1972, p. 214.

427

Boxer, _Christian_Century_in_Japan_, p.395.

428

Там же.

429

Хотя Амакуса Сиро присутствует на протяжении всего рассказа, он предстает, скорее, как идея или икона, нежели чем как конкретная историческая личность. Героизм восстания в Симабара (как и операций камикадзе тремя веками позже) проявлялся вКОЛЛЕКТИВНОЙ форме — в облике командиров и простых сторонников, сражавшихся и погибших в замке; действительный лидер предстает бесстрастной, бестелесной фигурой, которую окружают активные действия его последователей.

430

Мацудайра Нобуцуна был вознагражден за успех при Симабара назначением на должность начальника замка Кавагоэ рядом с Эдо с доходом в 60000 _коку._ Несколько лет спустя он вновь доказал свою преданность правительству, подавив заговор Юй Сёсэцу — еще одного неудачливого героя эпохи Токугава, подобно Гаю Фоуксу, составившего заговор против правительства и распоровшего себе живот, не желая быть взятым в плен полицией. В 1657 году Мацудайра организовал весьма удачную перезастройку Эдо, после того, как большой пожар уничтожил половину города. Умный и способный министр, он получил прозвище Тиэ Идзу («Мудрец из Идзу»). Однако в современных песнях, фильмах, пьесах и книгах с уважением упоминаются именно такие неудачники, как Амакуса Сиро и Юй Сёсэцу. Повелитель Мацудайра, подобно Фудзивара-но Токихира и многим другим «выжившим», имел тот недостаток, что был реалистом и удачным практиком.

431

Римская католическая церковь признала около 2000 мучеников в Японии в промежутке между 1614 и 1645 годом. Однако, Амакуса Сиро не был включен в их число, что, вероятно, можно также отнести к числу его неудач. Может показаться странным, что героический предводитель великого христианского восстания был лишен лаврового венка мученика. Возможно, для официального признания его таковым, препятствием служила масса неясностей и темных мест относительно его личности. Неортодоксальный социально-экономический аспект восстания также мог быть одной из причин его дисквалификации: восстание, которое, пусть частично, являлось протестом против экономической несправедливости, вряд ли могло представить положительные рекомендации для консервативных католических иерархов Европы XVII века. Брат Майкл Купер из токийского университета «София», которому я глубоко признателен за многие ценные предложения, дал следующий комментарий тому, что Амакуса Сиро не был официально признан мучеником:

… собственно, существует много правил и регулирующих положений для кандидатов на беатификацию — например, он или она должны умереть в _odium_fidei_ и без оказания сопротивления. При любой попытке сделать любого из тех, кто был убит в Симабара, «официальным мучеником», _advocatus_diaboli_ может построить все возражения лишь на этих двух пунктах, и по обоим их невозможно признать настоящими мучениками. (Письмо к автору от 7 мая 1974 г.)

Религиозный герой XIII века, Нитирэн был осужден правительством Камакура и приговорен к смерти (хотя приговор был отменен в самый последний момент). Однако, это осуждение было мотивировано политическими, а не религиозными соображениями. За всю историю Японии не было ни одного буддийского (или синтоистского) лидера, который стал бы мучеником своей веры.

Мисима Юкио. _Какумэй-но_тэцугаку_то_ситэ-но_Ёмэйгаку_. «Сёкун», сент.1970, сс. 23–45.

434

Там же, сс. 30, 38–39.

435

«Синь-сюэ» или Постижение Сознания; известна также как Школа Интуиции, или Сознания (_син_), в противоположность чжусианской Школе Причины или Принципа (_ри_). Разбор положений этих двух основных школ неоконфуцианства в Китае и Японии вместе с переводами основных текстов см. В кн. Wm. Theodore de Bary, ed., _Sources_of_the_Chinese_Tradition_. New York, 1960, pp. 344-92.

436

Мисима. _Какумэй-но_тэцугаку_…, с. 40.

437

Мисима. _Какумэй-но_тэцугаку_…, с. 36. Презрение Мисима к «безопасной жизни» напоминает мне об одном путешествий в такси, которое я пережил несколько лет назад в Токио. Шофером был молодой человек того типа, который известен под названием «водитель-камикадзе». Подобно средневековому самураю, штурмующему вражескую крепость, он ворвался в центр города на безумной скорости, виляя зигзагами между машинами, автобусами и прохожими, полностью игнорируя светофоры и прочие мелкие помехи. Через десять минут такой самоубийственной езды я попросил водителя остановиться и выпустить меня из такси, объяснив, что вот только что вспомнил об одном важном деле, которое мне нужно сделать по пути. Продолжая ехать на полной скорости, он повернулся ко мне и спросил с презрением: «Неужто так жалко жизни?» Сейчас я понимаю, что, по крайней мере в одном отношении, молодой водитель принадлежал к укоренившейся в Японии героической традиции, и я уверен, что и Осио Хэйхатиро, и Мисима обнаружили бы с ним духовное родство.

438

Генерал Ноги Марэскэ (1849–1912), герой Русско-Японской войны, совершил харакири в день похорон императора Мэйдзи, дабы сопровождать своего повелителя после смерти; мадам Ноги, достойная жена самурая, также покончила с собой. В целом считалось, что это — последний пример древнего японского обычая _дзюнси_ (самоубийство подчиненного по смерти предводителя), — по крайней мере, до тех пор, пока главный последователь Мисима, г-н Морита Хиссё не совершил харакири срезу же после смерти своего лидера. Генерал Ноги был горячим сторонником философии Ван Янмина, положения которой он разъяснял, служа наставником наследника престола (будущего императора Тайсё). Самоубийство Ноги в предвоенной Японии широко превозносилось и выставлялось в качестве доказательства того, что древние благородные традиции живы и в XX веке. В книге Като Гэнти «Сущность синто» (Токио, 1954, с. 12) цитируется стихотворение Куроива Руйко — редактора «Ёродзу Тёбо»:

Ошибаясь, я считал его

Старым солдатом;

Сегодня я признаю его

Воплотившимся божеством.

439

Мисима замечает, что выдающийся историк-интеллектуал, профессор Маруяма Масао в своей монументальной работе по истории японской мысли (_Нихон_сэйдзи_сисо_кэнкю-си_) уделил _Ёмэйгаку_ (философии Ван Янмина) всего одну страницу. После эры Мэйдзи, пишет Мисима, в среде интеллектуалов марксизм занял место _Ёмэйгаку,_ точно так же, как «гуманизм» — место _Сюсигаку_ (философии Чжу Си). Мисима, _Какумэй-но_тэцугаку_…, сс. 23–24.

440

Он имеет в виду и то, что писал Сайго, и его самопожертвенные действия, приведшие к кульминации его выдающуюся жизнь.

441

Текст молодого человека — Inoue Tetsujiro, _The_Philosophy_of_the_Japanese_Wang_Yang-min_School_.

442

Ср. изречение Ван Янмина: «Знание есть начало поведения; поведение есть завершение знания.» См. Edwin Reischauer and John Fairbank, _East_Asia,_the_Great_Tradition._ Boston, 1958, где ведется дискуссия о политическом подтексте этой философии.

443

Мисима, _Хомба_, с. 373.

444

Письмо Мисима пространно цитируется в _The_Eloquence_of_Protest_ by Harrison Salisbury, Boston, 1972, p. 137–38. Письмо было написано по-английски, и я сделал несколько незначительных

поправок (например изменив «very seldom persons» на «very few people»).

445

Кавабара. _Сайго_дэнсэцу_, с.26.

446

Ссылка на: Hugh Borton, _Peasants_Uprising_in_Japan_of_the_Tokugawa_Period._ 2nd ed.. New York, 1968.

447

Хэйхатиро-сама. Тэцуо Надзита, «Осио Хэйхатиро (1793–1837)» в кн. Albert Craig and Donald Shively, eds.. _Personality_in_Japanese_History,_ Berkeley, 1970, pp.155-79.

448

Китадзима Масамото. _Бакухансэй-но_кумон._ Токио, 1966, с.426.

449

Мисима особенно впечатляла эта Лига («Симпурэн»); большая часть его «Хомба» посвящена описанию этого неудачного переворота и его влияния на молодого героя романа Исао.

450

«Сэнсиндо Сацуки», составлено в 1833 г. См. Мисима, _Какумэй-но_тэцугаку_..., с. 25.

451

«Движение за свободу и человеческие права» (_дзию_дзинкэн_ундо_) хотя и ставило целью создание парламентского правительства и проведение открытых демократических реформ, зачастую было отмечено активностью, граничившей с жестокостью, которую можно скорее отнести к японской самурайской традиции (представленной такими людьми, как Осио и Сайго), чем к аналогичному движению на Западе в XIX веке. Газета движения «за народные права» помещала в 1876 году статьи с такими заголовками, как «Свобода должна быть куплена свежей кровью» и «Тираны-начальники должны быть уничтожены», — их вполне мог бы набросать за сорок лет до этого сам Осио. См. John Fairbank, Edwin Reischauer, Albert Craig, _East_Asia,_the_Modern_Transformation._ Boston, 1965. Авторы отмечают (ук. соч. с. 234), что «Окубо, самый влиятельный человек в правительстве, был убит в мае 1878 года экстремистами, достаточно невразумительными мотивами которых было отомстить за смерть Сайго и защитить 'народные права'».

452

Эти крупномасштабные выступления против растущих цен на продовольствие в основном принимали формы (как и в 1837 году) нападений на богатых рисоторговцев; иногда, однако, ярость была направлена против полиции, и для подавления бунтовавших приходилось вызывать регулярные войска. (Абэ Синкин. _Осио_Хэйхатиро_, в сб.: «Нихон дзинбуцу-си тайкэй» [Большая серия биографических очерков о знаменитых японцах]. Токио, 1959, 1У:280.) Абэ ссылается на книгу Исидзаки Тококу (_Осио_Хэйхатиро_нэнпу_), в которой Осио фигурирует в качестве героической фигуры для участников рисовых бунтов.

453

Например Накано Сэйго, член парламента и глава Великой Восточноазиатской Лиги («Дай Тоа Рэммэй») и других ультранационалистических обществ, совершивший харакири в 1943 году после

размолвки с генералом Тодзё. Накано верил в «твердые действия» и приветствовал нападение Японии на Россию ради помощи Китаю. См.: Richard Storry, _The_Double_Patriots,_London,_ 1957, p. 150.

454

См.: Storry, _Double_Patriots_ и Ivan Morris, _Nationalism_and_the_Right_Wing_in_Japan,_ London, 1960, приложение IV. Перевороты, особенно в феврале 1936 года, играли, как правило, прямо на руку консервативному милитаристическому истэблишменту, который пользовался ими для подавления оппозиции.

455

См. Абэ, _Осио_Хэйхатиро_, сс. 279-80 — наименования.

456

_Осио_Хэйхатиро_ Мори Огай был впервые опубликован в 1914 году. Это — занимательная история героя, которая, впрочем, с исторической точки зрения должна восприниматься с

известной осторожностью. По Мисима — _Какумэй-но_тэцугаку_…, с. 30 — «аполлонистический» подход Огая сделал для него трудным душевное постижение активного Осио, деятельность которого была целиком и полностью «дионисийской». Только «симпатия к проигравшему» (_хоганбиики_), приобретенная Осио у японцев после того, как его восстание провалилось, и он был вынужден принять роль жертвы (то есть уподобиться Ёсицунэ в конце жизни), позволило Огай отнестись к своему герою с уважением.

457

Восстание началось в 7 часов утра 19 февраля (1337 года); барабан пробил сигнал к отступлению незадолго до полудня. Детальное описание можно найти в книге Кода Сигэтомо _Осио_Хэйхатиро_, Осака, 1942, с. 131–213; см. также Мори Огай, _Осио_Хэйхатиро_, изд. «Иванами сётэн», Токио, 1960, с. 36–37.

458

Самое полное биографическое описание см. у Кода Сигэтомо в _Осио_Хэйхатиро_.

459

Во времена восстания Осио население Осака было приблизительно 337000 человек, — в конце XVII века — 400000 человек. В Эдо — столице сёгуната, проживало более миллиона населения.

460

Имя отца героя было Атобэ Итиро; из того немногого, что мы знаем об этом джентльмене, он предстает перед нами консервативной фигурой, сторонником истеблишмента, скрупулезно исполнявшим свои обязанности, но полностью лишенным блеска, присущего его сыну. Хэйхатиро был сперва принят семьей Сиода, а затем — Осио, имя которых он сохранил на всю остальную жизнь. См. генеалогическую таблицу в кн. Мори Огай, _Осио_Хэйхатиро_,с. 68-9.

461

Мисима, _Какумэй-но_тэцугаку_…, с. 32. «У нас нет сведений о том, как маленького Мартина учили чистоте», — пишет с плохо скрытым сожалением Эрик Эриксон _(Young_Man_Luther:_A_Study_in_Psychoanalysis_and_History._ New York, 1962, p.248.). Мы связаны отсутствием подобной ценной информации также в отношении Осио Хэйхатиро и прочих японских героев.

462

См. фронтиспис книги Кода Сигэтомо _Осио_Хэихатиро_.

463

Мори, _Осио_Хэихатиро_, с. 26.

464

О попытке самоубийства Сайго см. ниже. Описание опыта, пережитого Осио на озере Бива см. у Мисима, _Какумэй-но_тэцугаку_…, с.33, 38; Мисима пишет об этом, как о _рёти-э-но_симпитеки_тайкэй_ (мистическом опыте, [приведшем Осио] к интуитивному знанию).

465

Цитируется из «Сэнсиндо Сацуки» у Мисима в _Какумэй-но_тэцугаку_…, с. 33–34.

466

Там же, с.34. Остается только догадываться, что могли понять невежественные крестьяне из слов Осио о _ки-тайкё_ и _тирёти,_ однако им, безусловно льстило подобное внимание со стороны известного самурая-ученого.

467

Мори, _Осио_Хэйхатиро_, с.28 — приводится список основных трудов Осио

468

Мисима, _Какумэй-но_тэцугаку_…, с. 34.

469

См. Абэ, _Осио_Хэйхатиро_, с.293 о деталях.

470

Морской петух (_lepidotrigia_miscoptera_) — морская рыба с большой головой, бронированным туловищем и тремя грудными лучами. Она полна костей и шипов и малосъедобна для кого бы то ни было, кроме героя в ярости.

471

О влиянии _Ёмэйгаку_ (философии Ван Янмина) в Япония см. стр. 181-83. Среди известных ее сторонников прошлого века были Ёсида Сеин (см. прим. к Гл. 2), Сайго Такамори, генерал Ноги и Мисима Юкио — все, что особо примечательно, люди действия.

472

de Bary, ed.. _Sources_of_the_Japanese_Tradition,_ New York, 1958, p.379.

473

Полное изложение см. у Надзита, _Осио_Хэйхатиро_ (в разных местах), у Craig and Shively, _Personality_in_Japanese_History,_ и de Bary, _Japanese_Tradition,_ pp.378-92. Помимо цитированных выше японских источников, я пользовался обеими этими работами для конспективного описания философии Ван Янмина и ее проявлений в Японии.

474

В японской традиции существует четкая дихотомия между «конформистским» подходом, представленным, например, официальным хэйанским буддизмом школ Тэндай и Сингон и Чжусианским неоконфуцианством, отраженным; в пословицах типа _дэру_куги_ва_утарэру_(высовывающийся гвоздь загоняют обратно), или _нагаи_моно-ни_ва_макарэё_ (плетью обуха не перешибешь), и индивидуалистичным, неортодоксальным, «эксцентричным» подходом, видимым в иконокластике Нитирэна, некоторых формах Дзэн и неоконфуцианстве Ван Янмина. Большинство героев, потерпевших поражение, естественно являлись сторонниками второго подхода.

475

Я уклонился от более буквального перевода понятия _тайкё,_ как «Великая (Абсолютная) Пустота», поскольку в нем содержатся нежелательные нигилистические коннотации.

Чжу Си подчеркивал дуализм:

причины следствия знания действия личности объекта активного пассивного прошлого настоящего жизни смерти позитивного негативного высшего низшего мужского женского и пр., и пр.

По метафизике Осио _(моно-но_тай_наси_—_между вещами нет противопоставлений), мы можем достичь истины только путем осознания единства всех этих, казалось бы, взаимоисключающих категорий. Настаивание Осио на необходимости превзойти различения по временным категориям ни в коем случае не специфично лишь для философии _Ёмэйгаку._ В этом смысле его _тайкё_ аналогично «воле Божией» в Ветхом Завете, хотя, разумеется, это гораздо более абстрактная концепция: «…человек не в состоянии измерить волю Бога, проистекающую из центра, находящегосяВНЕ ДОСТИЖЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАТЕГОРИЗИРОВАНИЯ. БЕЗУСЛОВНО, КАТЕГОРИИ ПОЛНОСТЬЮ РАЗБИВАЮТСЯ ВСЕДЕРЖИТЕЛЕМ Книги Иова и остаются разбитыми до конца» [выделено мной — А.М.] (Campbell, _The_Hero_with_a_Thousand_Faces,_ New York, 1956, p. 148.) Как замечает Кэмпбелл _(Hero…,_ pp.148, 152, 171 и пр.), моральные ценности не являются критерием героя; то, что необходимо, это высшее внутреннее видение, трансцендентная сила, выходящая за рамки всех пар оппозиций и уничтожающая все категории. На Западе эта сила (или «судьба») обычно ведет к практическому успеху — либо при жизни героя (Лютер, Вашингтон и др.), либо после его смерти (Джон Гусе, Жанна д'Арк и др.); в Японии же «искренность» среди извращенных мирских установок практически всегда встает на пути прагматических выгод.

477

Цит. у Мисима, _Какумэй-но_тэцугаку_…, с. 36.

478

_Иноти_ва_комо_ёри_мо_кароси._ Ср. у Судзуки и Хирота в «Кодзи котовадза дзитэн» [Словарь древних пословиц], Токио, 1956, с. 83.

479

Мисима, _Какумэи-но_тэцугаку_…, с. 42.

480

Там же, с. 29. Образ Осио напоминает библейское выражение «сквозь тусклое стекло» [1 Кор. 13.12], однако, несомненно. Св. Павел говорил о духовном спасении через любовь, нежели чем через самопознание.

481

Это — начальные строки из «Классика Трех Иероглифов» Цзы Чина.

482

_Кёся-но_готоси._ Надзита, _Осио_Хэйхатиро_, с. 163. За более чем шесть веков до этого буддийский отшельник Камо-но Тёмэй написал: «Если мы будем следовать путям мира, вещи будут для нас трудны; если мы откажемся следовать им, нас сочтут сумасшедшими (_кё_сэру_ни_нитари_)». Камо-но Тёмэй, _Ходзёки_, изд. «Юсэйдо», Токио, 1963 с.54.

483

Lytton Strachey, _The_End_of_General_Gordon,_ in «Eminent Victorians». London, 1948, p.251.

484

Мисима, _Какумэй-но_тэцугаку_…, с. 29–30.

485

Там же: _Ситтэ_оконавадзару_ва_имада_корэ_сирадзару_нари_.

486

Миякэ Сэцурэй (1860–1945) был создателем националистического общества и основателем влиятельного журнала, противостоящего вестернизации и ратовавшего за возврат к «японскости». Его замечания об Осио оспариваются Надзита (_Осио_Хэйхатиро_, с. 159): «Слишком высокая оценка, право, для того [Осио], кто погиб, предводительствуя обреченным и во многих отношениях жалким восстанием».

487

Единожды встав на путь, Осио принял ту точку зрения, что его основная преданность должна принадлежать императору — воплощению вечных японских ценностей, а не Бакуфу, которое являло собой временную, земную власть. Единство императора и его народа представляло абсолютную моральную ценность, стоящую выше любых мирских обязанностей. По Осио, «предательство» императорского дома со стороны Бакуфу стало особо нетерпимым после того, как в 1335 году Такаудзи «злодейски» полностью переменил свои взгляды (см. Надзита, _Осио_Хэйхатиро_, с.171). В этом смысле Осио был предвестником роялистского движения, которое позже в том же веке было представлено такими лидерами, как Окубо и Сайго; иногда его изображают в качестве предтечи Реставрации. Целью безнадежной борьбы Осио с властями, однако, было не «реставрировать императора» (он никогда не выказывал даже самого отдаленного интереса к Нинко Тэнно, правившему в то время), но «спасти людей» (_кюмин_), в частности экономически угнетенных жителей Осака; было бы анахронизмом рассматривать его восстание, как попытку изменить политическое _status_quo_ в пользу централизованного императорского правления.

488

Оправдывая свое выступление против власти Бакуфу, Осио часто пользовался историческими аналогиями. Во многих его лекциях упоминались герои конца династии Мин, следовавшие положениям философии Ван Янмина и бросавшие вызов государственной власти в попытках установить в империи справедливость и помочь слабым и бедным. Яростно лояльные старой династии Мин, эти герои отдавали свои жизни в слабом сопротивлении манчжурским «узурпаторам», которые, следуя точке зрения Осио на китайскую историю, были аналогичны Бакуфу эпохи Токугава. Надзита, _Осио_Хэйхатиро_, с.68. Тот факт, что минские роялисты совершенно очевидно отстаивали безнадежное дело и были обречены на уничтожение, подтверждал героическую искренность их мотиваций. Среди современных западных героев, подчеркивавших важность искренних действий вне зависимости от временной лояльности и практических последствий, которые, подобно Осио Хэйхатиро и Сайго Такамори, шли на то, чтобы быть опозоренными и убитыми, преследуя лояльность более высокого плана, был ирландский патриот сэр Роджер Кэйсмент. Он также с большим усердием служил правительству, для которого позже стал предателем и которое его безжалостно уничтожило. В своей речи со скамьи

подсудимых в Олд Байли сразу же после того, как его приговорили к повешению в июне 1916 года, Кэйсмент заявил словами, которые вполне могли бы принадлежать Осио, или Сайго: «…моя 'измена' основывалась на безжалостной искренности, вынудившей меня в свое время выразить в действии то, что я выражал словами.» (Brian Inglish, _Roger_Casement,_ New York, 1973, p.345.) В своей «безжалостной искренности» и в своих поражениях (Кэйсмент говорил о себе, как об «одном ирландце, который сделал попытку и потерпел поражение,» - там же, с.406) они все походили друг на друга; большая разница заключается в том, что Кэйсмент так и не сталАНГЛИЙСКИМгероем.

489

Детальный разбор см. в кн. Borton, _Peasant_Uprising_in_Japan_of_the_Tokugawa_Period,_ New York, 1968. Как указывает профессор Бортон, целью обычного _икки_ было исправление конкретных, местных несправедливостей, а не изменение всей системы (ук. соч., с. 95). У восстания Осио была более широкая теоретическая основа, чем у любого другого, однако «революционным» его можно назвать лишь в самом общем приближении.

490

Надзита, _Осио_Хэйхатиро_, с. 177.

491

Маэда Итиро. _Осио_Хэйхатиро_, в сб.: «Нихон рэкиси кодза» [Разыскания по японской истории], Токио, 1952. «Четырьмя социальными стратами» (_симин_) были самураи, крестьяне, ремесленники и торговцы.

492

Надзита, _Осио_Хэйхатиро_, с. 177, 170.

493

Ихара Сайкаку признал это в XVII веке; большинство его поздних историй _тёнин_повествуют о трудном экономическом положении беднейших горожан. Уже к концу века стали заметны признаки экономической стагнации, а меркантильный капитализм, похоже, больше не предоставлял тех возможностей, что были раньше. Самые неудачливые семьи _тёнин_ не могли вырваться из пут нищеты, как бы упорно они ни работали. «Времена изменились, — писал Сайкаку. — Теперь только серебро может произвести ещё больше серебра. Сейчас уже не столько ум и сообразительность приносят человеку доход, но просто сам факт обладания капиталом». В своих поздних работах Сайкаку обращает внимание на самую темную сторону жизни _тёнин._ Впервые он отводит свой взгляд от высшей буржуазии, унаследовавшей или приобретшей богатства, и рассматривает средний и нижний уровни городского общества, переходит от индивидов, пользующихся деньгами, к используемым ими. Сайкаку оставил единственную сохранившуюся запись о жизни нуждавшихся горожан XVII века, которые не только ничего не приобрели от возвышения класса торговцев, но были вынуждены бороться за свое повседневное существование. (Ivan Morris, _The_Life_of_an_Amorous_Woman,_ New York. 1963, pp. 28–29.)

494

Акамацу, _Мэйдзи_1868_, Лондон, 1972, с. 26

495

Borton, _Peasant_Uprisings_, pp. 35–36.

496

Там же, с. 44–45. Восстание произошло в северо-восточном районе Айдзу (неподалеку от современной Фукусима), в уделе повелителя Мацудайра Нарисада. Представляется типичным следующий указ, изданный после подавления восстания 1836 года в отчаянно бедной горной провинции Каи:

Поскольку эти люди явились зачинщиками выступления по вопросу трудностей в приобретении риса, поскольку они разбивали зерновые амбары… угрожали тем, что сожгут резиденцию наместника, если тот не откроет ворота, возбудили восстания в нескольких деревнях… предводительствовали в движении и несли знамена, они подлежат распятию.

Там же, с. 92; детали см. у Кода, _Осио_Хэйхатиро_, с. 130.

497

В 1830 году 1 _коку_ риса стоил 88.5 _моммэ_ серебра. Цена выросла до 119.9 _моммэ_ в 1833 году, до 155.7 — в 1836-м и до 294 — в 1837 году. (К 1840 году она упала до 63.4.) Borton, _Peasant_Uprisings, —_на с. 208–209 приводится перевод полезной таблицы цен на рис с 1616 по 1866 год, составленная профессором Хондэ.

498

Borton, _Peasant_Uprisings_, p. 88.

499

Некоторые примеры _канси,_ составленных Осио, см. у Абэ, _Осио_Хэйхатиро_, с. 290–291. Ср. «социальные» стихотворения Митидзанэ, стр. 48.

500

По другим сведениям, к Атобэ воззвал приемный сын Осио — Какуноскэ: когда он доложил об официальном отказе, с Осио, как передают, случился приступ неудержимой ярости. В действительности, об этом не сохранилось никаких документальных подтверждений, так что вся история с воззванием может быть просто частью героической легенды, возникшей после смерти Осио. Кода, _Осио_Хэйхатиро_, с. 144. Продажа библиотеки, впрочем, представляется неоспоримым фактом.

501

Абэ, _Осио_Хэйхатиро_, с. 302. См. там же, с. 299–300, краткое содержание «Гэкибун», написанного Осио. Китайский язык был языком конфуцианства и официальных правительственных документов. По профессору Абэ, копии Воззвания были разосланы в основном в близлежащие деревни по берегам реки Ёдо и дошли лишь до малой части той аудитории, для которой Осио их предназначал. Знаменательно, для «сельской» направленности Осио, что в самом городе не производилось никакого организованного распространения.

502

Призыв Осио «вернуться к Дзимму» (легендарный первый император Японии) и частые упоминания богини солнца Аматэрасу Омиками вряд ли указывают на революционный подход к делу.

503

Осио приводит в пример Тайра-но Масакадо, восставшего в X веке против правительства, контролировавшегося кланом Фудзивара, и Акэти Мицухидэ, убившего Ода Нобунага (первого из великих объединителей страны) в XVI веке. Оба они были людьми героического склада, однако потерпели неудачу (по Осио), так как их поступки мотивировались политическими амбициями.

504

Двумя посланниками были Атобэ из Восточного Магистрата и Хори, назначенный в Западный Магистрат (_ниси_матибугё_) 8 марта и совершивший свою первую официальную инспекционную поездку по городу.

505

Borton, _Peasant_Uprisings,_ p. 29 говорит о недостаточной поддержке восставших крестьян со стороны «ронинов». Частично это произошло по причине их традиционного презрения к низшим по положению, а частично — из-за отсутствия общности интересов.

506

По причине полного невнимания Осио к практическим делам, он и его семья оказались в стесненных обстоятельствах сразу же после его отставки в 1630, и ему часто приходилось зависеть от финансовой поддержки своих учеников.

507

Китадзима Масамото, _Бакухансэн-но_кумон_, Токио, 1966, с. 425.

508

Поминутное описание хода событий 25 марта см. у Мори, _Осио_Хэйхатиро_, с. 66–67.

509

Новость была сообщена главному министру сёгуната Мидзуно Тадакуни 1 апреля 1837 года.

510

Список их имен дает Кода, _Осио_Хэйхатиро_, с. 216.

511

Мори, _Осио_Хэйхатиро_, с. 47.

512

Там же, с. 75.

513

Детальный план дома Горобэй и описание кровавых событий 1 мая см. у Кода, _Осио_Хэйхатиро_, с. 236.

514

Там же, с. 236.

515

См. J.C.Hall, _Japanese_Feudal_Laws_, Transactions of the Asiatic Society of Japan XLI, pt.5, Tokyo, 1913 — перевод «Эдикта в ста разделах» _(О_Садамэгаки_Хяккадзё),_ где описываются процедуры и правила для судов магистратов в эпоху Эдо. Применение жестоких наказаний и особенно использование пыток стало особенно частым в заключительный период сёгуната

Токугава, возможно — как реакция на участившиеся восстания; «Эдикт в ста» разделах содержит леденящие кровь примеры юридической жестокости в мировой судебной литературе.

516

См. Абэ, _Осио_Хэйхатиро_, с. 292 — подробности. Торговец полотенцами Горобэй был приговорен к тюремному заключению (_гокумон_), что, учитывая его возраст, было равносильно смертному приговору.

517

Полный текст указа цитируется Кода, _Осио_Хэйхатиро_, с. 268–70. Раздел 103-й _О_Садамэгаки_Хяккадзё_ гласит:

Обычно наказание распятием должно проводиться или в Асакуса, или в Синагава; могут, однако, быть случаи, когда преступник посылается для наказания на место преступления. Доска с записью фактов свершенного и степени наказания должна быть выставлена на три дня рядом с трупом, который следует передать _эта_ [париям] ответственным за погребение. Выставление преступника для публичного обозрения перед распятием зависит от обстоятельств дела… (Hall, _Japanese_Feudal_Laws,_ p. 791.)

518

Мори, _Осио_Хэйхатиро_, с. 83. Семнадцать из главных обвиняемых погибли в тюрьме от жестокого обращения, шестерым удалось сделать харакири. Лишь один из обвиняемых, приговоренных к распятию, был живой, когда его прикрепляли к кресту.

519

Единственным исключением был крестьянин по имени Нисимура, тело которого успело разложиться до засаливания; чиновники Бакуфу приказали стереть его могилу с лица земли (_фумбо_хакай_). Кода, _Осио_Хэйхатиро_, с. 240.

520

Сакамото Гэнноскэ был храбрым и находчивым офицером, без сомнения — самым выдающимся бойцом в правительственных войсках. Во многих странах именно он, а не потерпевший полное поражение Осио, фигурировал бы в качестве героя 1837 года; однако в Японии его имя известно только ученым. Интересно, что Сакамото был старым другом Осио, и даже втайне написал о нем хвалебный труд. Абэ, _Осио_Хэйхатиро_, с.279; см. также Мори, _Осио_Хэйхатиро_, с. 4.

521

Мисима, _Какумэй-но_тэцугаку_…, с. 51.

522

Цит у Акамацу, _Мэйдзи_1868_, с. 62.

523

Реформы Тэмпо проводились в 1841–1843 годах под руководство Мидзуно Тадакуни. Вполне возможно, что Тадакуни подтолкнуло к действию выступление Осио, однако совсем не похоже, что его вдохновили принципы, которыми Осио руководствовался. Как бы там ни было реформы Тэмпо полностью провалились, и до конца периода Токугава более подобных попыток не было.

524

К 1863 году цена 1 _коку_ риса поднялась до 325 _моммэ_, а два года спустя — до 1300 _моммэ_.

525

См. Borton, _Peasant_Uprising_, pp. 94–95.

526

Танака Согоро, _Сайго_Такамори_, Токио, 1958, с. 276–77.

527

В _The_Mindful_Peasant:_Sketches_for_a_Study_of_Rebellion,_ Journal of Asiatic Studies, August 1973, pp. 579-89 профессор Ирвин Шнайдер пишет о влияниии Осио на крестьянские восстания в начале периода Мэйдзи. Так, во время восстания Носэ «за обновление мира», крестьянские вожаки провозгласили, что Осио непосредственно вдохновляет их действия, говоря о нем, как о _Ёнаоси_Даимёдзи_ («Великом Божестве Обновления Мира»). Как указывает профессор Шнайдер, Осио дал крестьянам вдохновение, но не программу, или идеологию. В частности, их привлекала его идея реставрации Века Богов (_дзиндай_фукко_), при которой они освободились

бы от эксплуатации местных чиновников, ростовщиков, торговцев-монополистов и всех остальных, пользовавшихся их слабостью. Для понимания японской героической традиции особенно важно иметь в виду, что предводители этих восстаний не ожидали победы (там же, с. 587) и принимали мученическую смерть «ради общества, чтобы мир узнал наш гнев».

528

Я не могу согласиться с профессором Бортоном, когда он пишет (_Peasant_Uprisings,_ p. 93), что «восстание [Осио] было обречено на поражение не из-за недостатка храбрости у его руководителя, но по причине предательства одного из его последователей».

529

Объявление профессора Абэ типично для послевоенных японских историков. По Абэ, неудачная попытка Осио организовать «антифеодальные» элементы в стране с самого начала обрекла его движение на неудачу (Абэ, _Осио_Хэйхатиро_, с.283). Он также указывает (там же, с. 304), что основная поддержка Осио оказывалась землевладельцами (_дзинуси_) и прочими членами традиционного правящего класса деревни (_дэнтотэки_сонраку_сихайся_), и что это ограничило возможность получения массовой поддержки восстания. Действительно, самурайское происхождение Осио могло препятствовать организации эффективной массовой поддержки, однако история сотен других неудачных _икки_ показывает, что идея «антифеодальных» массовых волнений в Японии времен Токугава является анахронизмом.

530

Абэ, _Осио_Хэйхатиро_, с. 276.

531

Мисима, _Какумэй-но_тэцугаку_…, с. 33.

532

Беспечная непрактичность Осио признавалась его современником — известным историком-философом Рай Санъё (1780–1832). Когда он посетил кабинет Осио приблизительно через пару лет после того, как тот оставил правительственную службу, Рай написал стихотворение, где восхвалял Осио, как истинного последователя Ван Янмина, однако добавлял:

Боюсь только, что при всем выдающемся таланте тебя может постичь несчастье;

Молю тебя — вкладывай меч в ножны после того, как отполируешь его;

Напиши [эти] строки на стене и чаще на них поглядывай.

Цит. у Надзита, _Осио_Хэйхатиро_, с. 175.

533

Times Literary Supplement, December I, 1972, p.1445. Обозреватель упоминает Дон Кихота, героя западной литературы, который во многих отношениях (например — вызывающий улыбку разлад между намерениями и результатами) стоит максимально близко к японскому типу героя, потерпевшего поражение.

534

План поставить памятник впервые возник в 1885 году, через шесть лет после самоубийства Сайго; основным спонсором был Фукудзава Юкити (1854–1901), написавший проект и опубликовавший макет в газете. Проект был оставлен незавершенным из-за опасений правительства (для которого Сайго все еще был осужденным бунтовщиком), и намерения эти не реализовывались вплоть до принятия в 1889 году конституции Мэйдзи. Вслед за удачным обращением к народу с просьбой о финансовой поддержке, на который откликнулись около 25 тысяч человек, заказ на постройку статуи получил придворный мастер Такамура Коун (1852–1954), закончивший свою работу в 1898 году.

535

Сакамото. _Нансю-О_, с. 46.

536

Это прозвище того времени («Дайсайго») относится как к фигуре, так и к героическому облику Сайго; оно также использовалось, чтобы отличить его от брата Цугумити (1845–1902), карьера которого в правительстве хотя и увенчалась блистательным успехом, но так и не принесла ему титула «великого».

537

_Тэнти_ирэдзару_тётэки_. Итагаки Тайскэ (1857–1919), цит. у Кавабара Хироси, _Сайго_Дэнсэцу_ (Токио, 1971), с. 68.

538

Из описания Каваками Такэси, цитируемого Мусякодзи Санэацу, «Сайго Такамори» (перевод и адаптация Сакамото Мориаки в _Great_Saigo,_The_Life_of_Takamori_Saigo_ (Tokyo, 1942). Я привожу цитаты из версии профессора Сакамото, которая дальше указывается, как «Мусякодзи».

539

Статья из «Хоти Симбун», цитировавшаяся на стр. 180 «The Tokio Times» от 29 сентября 1877 года. «The Tokio Times» — американский еженедельник, была одной из самых ранних англоязычных газет в Японии. В ее описаниях Сацумского восстания чувствуется сильная анти-сайговская позиция. В противоположность этому, конкурировавшая с ней британская газета, выходившая в Японии в то время, «The Japan Mail», постоянно поддерживала дело Сайго; в этом выражены особые британские связи с Сацума, возникшие после визита в 1866 году в Кагосима сэра Гарри Паркеса, а также пробританскими настроениями самого Сайго.

540

Предисловие Соэдзима Танэоми (1828–1905) цитируется Сакамото Мориаки в его Вступлении к _Нансю-О_ (Сайго Такамори) — «Посмертные Слова», — неопубликованном манускрипте (в дальнейшем упоминаемого, как Сакамото, _Нансю-О_), с. 25. Я глубоко признателен Сакамото Мориаки (ранее — профессор университета Кагосима), предоставившему мне обширный материал о Сайго Такамори, с которым его семья имеет тесную родственную связь (его отец и три дяди сражались на стороне восставших в 1877 году, двое дядей были убиты). Относительно популярности Сайго среди противников, например — членов клана удела Сёнаи, профессор Сакамото пишет: «Есть ли примеры, подобные этому, в какой-либо другой стране мира? Разве народы, побежденные Наполеоном, издали книгу его трудов после смерти? Разве евреи, (уничтожавшиеся) Гитлером, издали его работы посмертно?» (Из неопубликованных заметов, посланных автору.)

541

Я понимаю, что дихотомия «левых-правых» в японской политике особенно проста, там обе крайности имеют между собой много общего, и люди часто переходят «справа налево» и наоборот (см. мою книгу _Nationalism_and_the_Right_Wing_in_Japan_ (London, I960), особенно Appendix V, «Political Attitudes in Japan»). Однако, в исследовании популярности Сайго полезно разделять его последователей по принципу того, делали ли они из него символ, исходя прежде всего из популистских, либеральных систем ценностей, или их подход был традициональным, «японистическим». Этим разделением я вовсе не хочу внушить, что, к примеру, движение «за народные права» в каком-либо смысле проистекало от «левого» крыла.

542

Кавабара, _Сайго_Дэнсэцу_, с. 79. Так, Наказ Тёмин (1847–1901), известный писатель и редактор, основавший «Свободную газету» («Дзию Симбун») и познакомивший Японию с «Социальным Договором» Руссо, публично призывал героя возглавить движение «за народные права» против правительства, — несообразный призыв к человеку с такими политическими взглядами, как у Сайго. Многие из этих «про-Сайго» настроенных адвокатов движения «за народные права» были посажены в тюрьму и жестоко гонимы как правительством Окубо, так и его преемниками.

543

«Тэйтю Корон» Фукудзава Юкити, цитируемый у Кавабара, _Сайго_Дэнсэцу_, с. 72. По Фукудзава, Сайго Такамори, который всего несколько лет ранее почитался, как второй Кусуноки Масасигэ, теперь официально рассматривался, как архипредатель Тайра-но Масакада (ум. в 940 г)

544

Сакамото, _Нансю-О_, с. 4, 31.

545

Как смели противники Сайго называть его предателем?… Он так же искренен в своем почтении к императору, как и высшие лица в правительстве. Со времени Сацумского восстания, оппоненты обрушивались на него с яростными нападками, однако ни один не приписывал ему хитрости, или неискренности; когда речь заходит об искренности, они не могут упрекнуть Сайго в ее отсутствии. Таким образом, ясно, что Сайго — не изменник императорскому делу, но, скорее, человек, почитавший Его Величество более, чем кто бы то ни было в мире. Сайго мог вести себя некорректно по отношению к правительству Окубо, но никогда — в отношении всей страны. [Фукудзава, цит. у Кавабара, _Сайго_дэнсэцу_, с. 72.]

546

Сакамото, _Нансю-О_, с. 4.

547

Утимура Кандзо (1861–1930), _Дайхётэки_Нихондзин_. Токио, 1907. См. также Кавабара, _Сайго_Дэнсэцу_, с. 144.

548

Утимура, _Дайхётэки_Нихондзин_, с. 17–20.

549

К примеру, Утимура, _Дайхётэки_Нихондзин_, с. 50. Нитобэ Инадзо (1862–1955) известный новообращенный христианин, в качестве официального представителя в Лиге Наций ставший красноречивым адвокатом перед международным сообществом, поддается подобному же

искушению, когда представляет великого японского героя в качестве христианского malgre lul_._Bushido:_The_Soul_of_Japan_ (Rutland, Vt., and Tokyo, 1969 and 1972; впервые опубликовано в 1905). Нитобэ пишет своей витиеватой викторианской прозой следующее:

И еще отрывом могу я привести из Сайго, в присутствии которого «сам стыд сидеть стыдиться». «Путь — это путь Неба и Земли; дело человека — ему следовать; посему сделай целью своей жизни почитание Небес. Небо любит меня и всех остальных единой любовью; посему, той же любовью, коей любишь себя, полюбляй и других. Не человека делай себе соратником, но Небо, и в этом партнерстве с Небом старайся изо всех сил. Никогда не осуждай других, но всегда следи, чтобы не оступаться самому.»

Некоторые из этих высказываний напоминают нам христианские постулаты и показывают, насколько далеко естественная религия может проникнуть своим откровением в практической морали. Высказывания эти не оставались просто словесами, но реально воплотились в деяниях [Сайго]. (Nitobe, _Bushido:_The_Soul_of_Japan_, [Tokyo, 1972 ed.], p.78.)

550

Кавабара, _Сайго_Дэнсэцу_, с. 89–91. Котоку Сюсуй был казнен в 1911 году в возрасте 40 лет. Для японских левых он стал героем и, поскольку жизнь его окончилась трагически, а немедленным результатом смерти стал полный крах социалистического движения, ради которого он боролся; его можно классифицировать, как сектанского героя-неудачника.

551

Там же, с. 89

552

Относительно воззрений Тояма Мицуру (1855–1944) см. Кавабара, _Сайго_Дэнсэцу_, с. 108–110.

553

Кавабара, _Сайго_Дэнсэцу_, с. 140–142. Хотя Кита Икки (1884–1957) никогда даже близко не приближался к степени обретения статуса национального героя, исследование его характера и жизни открывает занятные совпадения с Сайго Такамори. Оба они сочетали глубокую чистоту и искренность мотивов с ненавистью к «продажным политиканам», слишком робевшим, чтобы занять твердую позицию во внешнеполитических вопросах; оба были чрезвычайно энергичны и активны, однако в практических делах оба ориентировались чрезвычайно слабо и были вовлечены в плохо рассчитанные выступления, зачинщиками которых были их фанатичные молодые последователи, что и привело их в конечном счете к краху. Другим известным почитателем был политик правой ориентации Накано Сэйго (1886–1945), основатель «Тохо-кай» (Восточной Ассоциации) и Генеральный секретарь Ассоциации Содействия Императорскому Правлению, сделавший себе харакири после долго тянувшейся вражды с генералом Тодзё. Когда нашли его тело, на столе рядом лежала открытая книга Сайго.

554

Кавабара, _Сайго_Дэнсэцу_, с. 145. Особенно Сайго был популярен в среде фрондировавших армейских офицеров «Фракции Императорского Пути'» («Кодо-ха»). Бунтующий, нонконформистский характер делал его несколько подозрительным для некоторых офицеров высшего эшелона из соперничавшей «Фракции Контроля» («Тосэй-ха»). Их лидер, генерал Тодзё Хидэки был одним из немногих знаменитых японцев до 1945 года, открыто выравших недовольство героем за то, что тот противостоял своему законному правительству. Сакамото, _Нансю-О_, с. 49.

555

Jean Stoetzel, _Jeunesse_sans_chrysanteme_e_sabre:_Etude_sur_les_attitudes_de_la_jeunesse_japonaise_d'apres_guerre_ (Paris, 1953), p. 233. Опрос был проведен в 1949 году.

556

«Токэй Сури Кэнкюдзё» (Институт статистической математики), «Нихон-но кокуминсэй» («Национальный характер японцев», Токио, 1961). Неудивительно, что и Сайго Такамори, и Кусуноки Масасигэ занимают высшие места в списке, составленном людьми, старше 50 лет, и низшее в списке, составленном теми, кому было от 20 до 50 (отдавших первое место Ногути Хидэё, бактериологу), они наверху в списках рабочих и фермеров, внизу у учителей и прочих интеллигентов (сновная масса тех, кто поставил на первое место Ногути). Несмотря на разброс во мнениях (до войны такой герой, как Сайго, несомненно получил бы гораздо более высокое место), ни в один из этих списков не была включена ни одна женщина. _The_Librarian_, издание Национальной Парламентской Библиотеки, опудликовал исследование популярности японских государственных и военных деятелей, начиная с XVI века, на основе количества выпущенных о них книг. Среди послевоенных публикаций легко лидирует Сайго с 64 наименованиями (для

сравнения — следующим идет Наказ Тёмин, большой почитатель Сайго, о нем — 24 книги). О Сайго же написано больше всего книг и до 1945 года (155, по сравнению со 110 о генерале Ноги, идущем следующим). Ояма Готаро в «Косин», No. 225 (апрель 1975), и «Коккай Тойёкан», «Дзимбуцу Бункэн Сакуин» (Токио, 1972).

557

См. Сакамото Мориаки, «Трагический Герой в Современной Японии; Действительный Период Сайго-Гуманиста», — неопубликованный манускрипт (в дальнейшем все ссылки на него — Сакамото, «Сайго»). Совсем недавно другой авторитетный ученый написал книгу, озаглавленную «Гуманизм (Великого) Сайго», где он ставит героя вровень с выдающимися «гуманистами» мира, такими, как Линкольн и Ганди — Ёда Норитака, «Нансю-О-но хюманидзуму» (Токио, 1965).

Повторяющиеся сравнения с Линкольном, весьма почитаемой фигурой в послевоенной Японии, напоминают приемы энтузиастов-издателей, когда те уподобляют своих авторов Мельвиллю, Кафке и прочими модными писателями. Профессор Сакамото много лет готовил труд под названием _Saigo_Takamori,_the_Lincoln_of_Japan_, в котором пытается доказать, что неудача постигла Сайго по причине его конфликта с сацумскими властями при проведении антиудельной политики центрального правительства, и что «деспотизм» Окубо был отдаленной причиной войны на Тихом океане в 1941–1945 годах.

558

Сакамото, _Нансю-О_, с. 46. Автором был известный драматург театра Кабуки Каватакэ Мокуами (1816–1895), а произведение озаглавлено «Окигэ-но кумо харау асаготи» (букв.: «Рассеивающиеся облака и утренний бриз на юго-западе [Кюсю]»). На первом представлении, прошедшем 7 июня 1878 года, присутствовали члены правительства, представители иностранных держав, другие

члены аристократии — внушительная аудитория, имея в виду, что восстание Сайго окончилось всего за девять месяцев до этого, и что его главный враг в правительстве — Окубо Тосимити был убит всего несколько недель назад. Роль Сайго играл сам великий Дандзюро.

559

Автором знаменитой пести «Баттотай» («Отряд с мечами наголо») был Тояма Макасадзу (1848–1900), профессор Токийского Императорского университета, позже ставший министром образования, на счету которого, помимо прочих достижений, введение патриотического _бандзай_сансё_ (трех криков «бандзай») — японского эквивалента «Гип-гип-ура!» «Не будет места ни на небе, ни на земле» относится к доносу Итагаки.

560

Цит. у Кавабара, _Сайго_Дэнсэцу_, с. 46. Неясно, кто именно это сочинил (Кавабара предполагает, что Ниси Досэн или Фусо Кан), но точно не сам Сайго, как считалось в то время.

561

Баллада под аккомпанемент лютни (_биваута_) была сочинена бывшим чиновником Бакуфу и государственным деятелем эпохи Мэйдзи Кацу Кайсю (1823–1899), который был назначен Министром Флота через пять лет после восстания. Говорили, что он сочинял эту балладу четыре года и посвятил ее духу Сайго Такамори. Она включена в «Сикон» («Дух самурая», Кагосима, 1970), с. 105–107.

562

Однако, нет ни одной фотографии, или портрета или статуи с натуры.

563

Кавабара, _Сайго_Дэнсэцу_, с. 27. Американский зоолог Эдвард Морзе, живший в Японии во времена Сацумского восстания, сделал в своем журнале следующую запись:

«Гуляя, я увидел людей, столпившихся у лавки, в которой торговали рисунками, где висело много раскрашенных картинок на военную тему… На одной из них была горевшая в небе звезда (Марс), где находится генерал Сайго. Генерал — предводитель восстания, но все японцы его любят. После того, как Кагосима была занята, он со своими учениками (офицерами не на службе) совершили харакири. Многие верят, что Сайго сейчас на звезде, которая недавно стала ярко сверкать.» _Japan_Day_by_Day_ (Boston, 1917), p. 66.

564

Подобным же образом, считалось, что Тоётоми Хидэёси (1593–1615), бывший не вполне героем, однако приобревший определенную популярность по причине своей несчастной жизни и трагического конца, бежал из замка Осака, сумев пробраться через порядки сил Токугава, и в конце концов достиг Сацума с маленькой группой преданных соратников.

565

Кавабара, _Сайго_Дзнсэцу_, с. 28–52.

566

Подробности см. в Кавабара, _Сайго_Дэнсэцу_, с. 28. По другой версии, Сайго должен был вернуться на борту японского корабля «Унэби», который, как ожидалось, прибудет вскоре после наследника русского престола. В сатирической статье, написанной в 1891 году, Фукудзава Юкити комментирует: «если господин Сайго действительно должен вернуться в Японию, то он так ужаснется хаотическим состоянием дел, что немедленно вновь уедет, чтобы заняться земледелием где-нибудь в другом месте!» Цит. по «Рэкиси Кэнкю», июнь 1972, перевод профессора Мориаки Сакамото.

567

Кавабара, _Сайго_Дэнсэцу_, с. 28–29. В своих «Новостях Свободы» Накаэ Тёмин, недавно вышедший из Императорского Парламента, заявил, что, если слухи о возвращении Сайго — правда, то для Японии это будет самое большое возможное благо. («Нихон-но рэкиси» XX, Токио, 1966), «Тайдан», с. IV. В апреле 1891 года «Рассказ о спасении Сайго Такамори» (_Сайго_Такамори-кун_сэйдзон-ки_) скомпиллировал все циркулировавшие теории и легенды. Позже в том же самом году всколыхнулась очередная волна возбуждения, генерированная слухом, что правительство собирается погасить банкноты, выпускавшиеся Сайго в период восстания. Еще сохранялись немалые запасы этих банкнот, однако, к сожалению для их держателей, этот слух, как и все остальные, оказался ложным. См. Кавабара, _Сайго_Дэнсэцу_, с. 26, 37 о прочих подробностях.

568

«Хакусин симбун» (префектура Ниигата), 9 апреля 1891 года, цит. у Кавабара, _Сайго_Дэнсэцу_, с. 58.

569

Иноуэ Киёси, _Мэйдзи_Исин_, (Токио, 1966), с. 440.

570

Кавабара, _Сайго_Дэнсэцу_, с. 122.

571

Там же, с. 125.

572

Обычно слово _хаято_ выводят от слова _хаяси_ («быстрый, проворный»).

573

Эта мирская гордыня сочеталась с предположительно «реакционными» тенденциями Сайго. На пример: Танака, _Сайго_Такамори_ (Токио, 1958), с. 5.

574

В следующей хронологии приведены основные даты жизни Сайго в сочетании [в квадратных скобках] с важными событиями современной японской истории:

1828 (25 января) родился в Кагосима

1859 (11 лет) поступил в школу клана 1844 (16 лет) оставил школу и назначен _кориката-какияку_ (чиновник-ассистент городского управления), оставаясь на этой должности до 1855 года.

[1848 кризис в клане Симадзу; Сайго поддерживает Нариакира]

[1851 Симадзу Нариакира становится даймё Сацума]

1852-55 (24 года) умирают родители Сайго и дед

[1855 в Японию прибывает коммодор Пэрри]

[1854 для Запада открыт первый японский порт]

1854 (26 лет) поездка в Эдо в эскорте Нариакира

1855-58 (27–30 лет) представитель Нариакира в Эдо, Киото и др.

[1856 Таунсэнд Харрис назначается генеральным консулом в Японии.]

[1857 в Симода подписывается конвенция, регулирующая торговлю с Америкой]

[1858 режим Бакуфу подписывает другие договоры с зарубежными державами]

[1858 умирает Симадзу Нариакира; его преемником становится его сводный брат — Хисамицу]

1858 (30 лет) пытается покончить жизнь самоубийством со своим другом Гэссё

[1858-59 чистка «Ансэй»]

1859 (30 лет) ссылается

[1860 убивают Ии Наоскэ — главного министра сёгуната]

1862 (34 года) возвращается из первой ссылки

1862 (34 года) ссылается вторично

1864 (36 лет) прощен и возвращен из ссылки; назначается главным эмиссаром Сацума в Киото и поверенным лицом

[1865 британский флот бомбардирует Кагосима]

[1864-65 удачные кампании против неуступчивого клана Тёсю]

[1865 сэр Харри Паркес прибывает в Японию в качестве первого британского министра; устанавливает тесные контакты с Сацума]

1865 (37 лет) вступает в официальный брак с Итоко

[1866 альянс Сацума-Тёсю против Бакуфу]

1866 (38 лет) принимает сэра Харри Паркеса в Кагосима

[1867 смерть императора Комэй; вступление на трон императора Мэйдзи]

[1868 император Мэйдзи провозглашает Императорскую Реставрацию 5 января]

[1868 7 апреля замок Эдо сдается войскам роялистов; падение режима Бакуфу]

1868 (40 лет) возвращается в Кагосима и работает в местной администрации в качестве Советника клана

1871 (45 лет) едет в Токио и входит в центральное правительство в качестве Главного государственного советника

[1871 правительство объявляет об упразднении уделов и образовании префектур под контролем центра: официальный конец эпохи феодализма]

[1871 миссия Ивакура отправляется в Европу; Сайго, Окума и Итагаки становятся главами временного правительства]

1872 (44 года) назначается главнокомандующим императорским телохранителем и полевым маршалом

1872 триумфальное возвращение в Сацума во время визита туда императора Мэйдзи

[1875 правительство объявляет о всеобщей воинской повинности]

[1875 миссия Ивакура возвращается в Японию]

1873 (45 лет) после Корейского кризиса выходит из правительства; возвращается в Кагосима и в 1874 (46 лет) основывает там частную школу

[1874 самурайское выступление в Сага]

[1876 правительство отменяет право самураев на ношение мечей и другие привилегии]

[1876 самурайские восстания в Кумамото и Хати]

1877 17 февраля (49 лет) возглавляет Сацумское восстание (_сэйнан_сэнсо_)

1877 24 сентября (49 лет) поражение; совершает самоубийство в Кагосима

[1889 принятие Конституции Мэйдзи]

1890 (13 лет после смерти) присваивается 5-й придворный ранг

1898 (21 год после смерти) бронзовая статуя ставится в парке Уэно.

Семейство Сайго происходило от Кикути — роялистского клана, сражавшегося на стороне Южной династии в XIV веке на той же проигравшей стороне, что и Кусуноки Масасигэ. Отец Такамори был отпрыском в девятом колене предка, который приблизительно в 1700 году стал вассалом Симадзу — наследственных правителей Сацума. Он принадлежал к категории, именовавшейся _харадзамураи_ («средние самураи»), которую У.Г.Бисли определяет следующим образом: «Вассал с полным самурайским статусом, безусловно высший по отношению к _асигари_ (пешему солдату), но не принадлежащий к небольшой группе самураев высшего слоя, близких к дайме.» W.G.Beasley, _The_Meiji_Restoration_ (Stanford, 1972), p. 428.

Вот краткая генеалогия:

Сайго Кюбэй

Тацуэмон

Сиихара Масако======== Китибэй

(ум. 1853) (ум. 1852)

Аико Такамори Иваяма Итоко Кохэй

(Саэидзи (1843–1877) (1850–1877)

Аигана с о-ва Осима

1837–1902) Цугумити Китидзиро

(1843–1902) (1833–1868)

Оясу Отака Огин

Кикуко Кикудзиро Торатаро Умадзиро Торидзо

(р. 1862) (1861–1928) (р. 1866) (р. 1870) (р. 1873)

Китиноскэ Такатэру

(р. 1906)

Двойные линии указывают брачные связи.

576

Ernest Satow, _A_Diplomat_in_Japan_ (London, 1921), p. 181.

577

Танака, _Сайго_Такамори_, с. 1. Этот неподтвержденный отчет о мужественном подарке Сайго может быть частью героической традиции. Можно предположить, что описание фигуры Сайго есть часть легендарного преувеличения, однако его мешковатая, большого размера армейская форма (ранее хранившаяся в музее храма Ясукуни Дзиндзя, теперь — в частной коллекции) может быть точно измерена и подтверждает размеры, традиционно приписывавшиеся герою.

Одним из примечательных фактов, дополняющих легендарные черты Сайго Такамори и ставящих его в один ряд скорее с Ёсицунэ или Масасигэ, а не с известными современниками типа Кидо или Окубо, является то, что он никогда не соглашался фотографироваться — ни в группе, ни в одиночку, и даже императору Мэйдзи отказал в фотографии. Он жил во время, когда у японцев уже началось повальное увлечение фотокамерами, и все остальные знаменитые персонажи эпохи Мэйдзи были запечатлены на многочисленных фото. Сайго же выделяется своим отсутствием на групповых фотографиях руководителей правительства 1871–1875 годов. Нет также ни одного портрета, зарисовки или скульптуры, сделанной при его жизни. Все картины и скульптуры Сайго Такамори, исполненные в то время, включая знаменитое произведение Эдуарде Чиоссоне (1832-98, итальянский художник, привезший в Японию технику писания картин маслом), были работами людей, зачастую видевших его лишь отрывочно, однако которым он никогда не позировал. В результате мы даже не знаем, носил ли Сайго бороду, или усы. На большинстве гравюр эпохи Мэйдзи он изображен заросший волосами, однако официальные портреты и статуи показывают нам его чисто выбритым. Откуда это странное нежелание быть запечатленным в качестве визуального двойника? Простой скромностью это вряд ли можно объяснить, поскольку он вовсе не избегал общественного внимания. Возможно, он стеснялся своей полноты, или предпочитал, чтобы его узнавали по содеянному и по характеру, а не по внешним физическим аттрибутам, либо на него повлияло собственное убеждение в необходимости «отсутствия концентрирования на себе» (_дзико_футюсин_сюги_). Возможно, здесь была и другая, более тонкая и менее осознанная причина, а именно глубокое чувство морального стыда и личной никчемности — тот же мотив, по которому он отказывался от титулов и прочих мирских почестей, мог побудить героя искать смерти.

578

Утимура Кандзо (_Дайхётэки_Нихондзин_, Токио, 1970, с. 21) описывает его, как «зажатого, молчаливого юношу» (_норой_мукути-но_сёнэн_), которого многие из одноклассников считали «примитивным» (_ахо_). Он получил прозвище _удо_, обозначающее большого, бестолкового парня.

579

Танака, _Сайго_Такамори_, с. 296 и Marius Jansen, _Sakamoto_Ryoma_and_the_Meiji_Resto_ration (Prinston, 1961), p. 159. Для сравнения можно привести «косноязычное упрямство» и «тайную и яростную непоколебимость» Лютера, описываемую у Erik Erikson, _Young_Man_Luther_ (New York, 1962), p. 63.

580

В «психологическом анализе» образа Окубо Алберт Крэйг указывает, что мальчишеское неповиновение до некоторой степени поощрялось среди самурайской молодежи в Сацума, как признак мужественности. (Craig and Shively, eds.. _Personality_in_Japanese_History_, pp. 269, 274, 278.) Идеальный воин, по представлениям, царившим на Кюсю, был готов нарушить установленные правила ради достойной цели.

581

Мусякодзи, «Великий Сайго», с. 86. Этот инцидент (напоминающий историю с Осио и рыбой) может быть апокрифичным, однако он типичен для анекдотов о резком характере героя.

582

Мусякодзи Санэацу (род. 1885) «Великий Сайго», с. 341.

583

Этим дипломатом был Эрнст Сатоу, впечатления которого от Сайго цитируются в «Тайдан», стр. 6.

584

Craig and Shively, _Personality_in_Japanese_History_, p. 274.

585

Утимура, _Дайхётэки_Нихондзин_, с. 21.

586

Мусякодзи, «Великий Сайго», с. 8.

587

Вот эти поэмы:

а) Такадзаки Гороэмон (1865) (строки 1–2),

б) Гусэй (род. 1870) (строки 5–4),

в) Гусэй (род. 1874).

588

Письмо от 4 апреля 1865 года к Току Тотё.

589

Цит. у Танака, _Сайго_Такамори_, с. 298.

590

Мусякодзи, «Великий Сайго», с. 4.

591

Описание героя Сайго, Симадзу Нариакира (1809-58) с позиции западного человека, мы находим в: William Elliot Oriffis, _The_Mikado's_Empire_ (New York, 1913), pp. 136-37:

Заметным среди южных даймё, если судить по персональным характеристикам, возможностям, энергии и дальновидности, был принц сацумский [Нариакира Симидзу]. После Кага он был самым богатым среди всех даймё. Не оборвись его жизнь, он, безусловно, возглавил бы революционное движение 1868 года. Помимо поощрения занятий древней историей и литературой, он проявлял большую активность в разработке материальных ресурсов своей провинции и в

совершенствовании воинской выучки, так что, когда пришло бы время для выступления против Бакуфу, у него было бы все готово для Микадо в военной области, чтобы создать вполне приемлемое правительство. Для осуществления своих планов он поощрял занятия голландским и английским языками, выучиваясь, таким образом, параллельно современному военному искусству и научным достижениям. Он основал артиллерийскую отрасль и мельницы по зарубежным образцам. Слава об этом принце разошлась по всей империи, и большое количество молодых людей со всех концов страны приезжали, чтобы стать его учениками, или соратниками. Кагосима, его столица, стала индустриальным и интеллектуальным центром. Глядя на его энергичные действия и замыслы, невольно приходила на ум мысль о том, что дни Бакуфу сочтены, а его падение неизбежно, и единственным остававшимся авторитетом был Микадо. Самураи и студенты из Сацума смотрели на принца, как на человека, способного принять должные меры во время близящегося кризиса, как вдруг, ко всеобщему горю, он заболел и умер в 1858 году.

592

Первый разговор Сайго с Фудзита Токо, великим святым школы Мито, произошел в мае 1854 года. Токо умер на следующий год в возрасте 49 лет.

593

Главной целью Нариакира было обеспечить наследование Токугава Ёсинобу (Кэйки). В 1858 году это не удалось, но в 1867 году Ёсинобу стал пятнадцатым и последним сёгуном линии Токугава. Следует отметить, что на этой стадии основная политическая власть принадлежала не самому сёгуну, но Тайро (Регенту); с 1858 года этот чрезвычайно влиятельный пост занимал Ии Наоскэ (1815-60), убийство которого вызвало бешеный взрыв ярости у Сайго.

594

В 1858, на пример, у него были следующие поездки:

янв. прибыл в Эдо (из Симоносэки)

апр. из Эдо в Киото май из Киото в Эдо июнь-июль из Эдо в Кагосима (20 дней)

июль-август из Кагосима в Фукуока (8 дней) в Осака (10 дней), в Киото сент-окт из Киото в Эдо (10 дней) в Киото окт-дек. из Киото в Фусими, в Осака, в Киото, в Осака, в Кагосима (11дней), в ссылку.

Детальное описание передвижений Сайго см. у Сакамото Мориаки, «Хронологическая таблица жизни Сайго Такамори» (неопубликованный манускрипт).

595

Мусякодзи, «Великий Сайго», с. 47–48. Гэссё (1815–1858), буддийский монах школы Хоссо, был настоятелем храма Киёмидзу (Киото). Ярый роялист, он собирался совместно с членами аристократии свергнуть режим Бакуфу и «реставрировать» власть императора. Был отдан приказ о его аресте, он бежал в Сацума, где и погиб столь драматически.

596

Сакамото, _Нансю-О_, с. 10, 59. Наследники Сайго сохранили две поэмы Гэссё и собственную поэму Сайго о самоубийстве, и до сих пор отмечают эту дату утопления.

597

Власти клана подчинились давлению со стороны Бакуфу и отказали Гэссё в убежище в Сацума, выслав его за западные границы провинции; по прибытии на границу с Хюга, он почти наверняка должен был быть убит сопровождавшими его лицами (James Murdoch, _A_History_of_Japan_ [London, 1926], III: 716) или арестован и умерщвлен полицией Бакуфу. По Сакамото (_Сирояма_Канраку_, II, {Кагосима, 1963], с. 3б), он решил покончить с собой, так как был не в состоянии исполнить свое обещание спасти Гэссё жизнь, которое сделал патрону монаха, принцу Коноэ.

598

Утимура, _Дайхётэки_Нихондзин_, с. 22, 28.

599

Мисима Юкио, _Какумэй-но_тэцугаку-то_сйтэ-но_Ёмэйгаку_, «Сёкун», сентябрь 1970, с. 38.

600

Цит. у Сакамото, _Нансю-О_, с. 18. Сайго наносил периодические визиты к надгробию Гэссё в Кагосима.

601

Большинство из тех, кто писал о Сайго Такамори, имеют тенденцию опускать психологическую подоплеку, которая привела к неудачному самоубийству героя, а иногда этот инцидент вообще опускается. На удивление многие в Японии не знают, что Сайго вообще предпринимал такую попытку. Для Мисима Юкио, разумеется, старания Сайго покончить с собой имели огромное значение, и в свое последнем эссе он сравнивает их значение со случаем, когда Осио Хэйхатиро чуть было не утонул в озере Бива.

602

Мисима, _Какумэй-но_тэцугаку,_ с. 43, и Кавабара, _Сайго_дэнсэцу_, с. 96. Подобное же ощущение «уже умерших» описывали камикадзе, которым довелось остаться в живых.

603

Так называемая чистка годов Ансэй, продолжавшаяся с 1858 по 1859 год, была инициирована Регентом Бакуфу Ии Наоскэ, чтобы сбить растущее движение протеста в провинциях. Сам Нариакира, по всей вероятности, был бы принужден уйти с поста даймё, если бы не предупредил это своей смертью (ref. Beasley, _Meiji_Restoration_, p. 137). Ссылка Сайго была решением сацумских властей, в частности — Симадзу Хисамицу и его приверженцев. Верно то, что основные настояния убрать приносившего одни бесокойства молодого самурая и ему подобных с арены политической жизни шли из Эдо, однако, как замечает Бисли (там же, с. 141), многие даймё только и ждали момента, чтобы посоревноваться с Регентом в распределении наказаний оппонентам Бакуфу; к тому же, между Сайго и его новым повелителем существовали серьезные разногласия.

604

Хисамицу (1817-87), младший брат Нариакира, управлял провинцией Сацума от имени своего сына (Тадаёси) с 1858 по 1868 год. В традиционных описаниях жизни Сайго Хисамицу фигурирует «плохим», контрастируя со своим добродетельным старшим братом.

605

Первое место ссылки Сайго (1859) был остров Осима. В 1862 году он был выслан на Токуносима; позже переведен на островок Окиноэрабу. Цепь островов Рюкю была территорией Сацума с начала XVII века.

606

Мусякодзи, «Великий Сайго», с. 116.

607

Там же, с. 116–117.

608

«Ночь и туман» (нем.) — выражение времен фашистского режима, когда люди исчезали бесследно, уводимые агентами гестапо.

609

Танака, _Сайго_Такамори_, с. 136.

610

Мусякодзи, «Великий Сайго,» с. 88.

611

Там же, с. 88–89.

612

Отправляясь на остров Осима, Сайго, как передают, взял с собой 1200 книг, в основном труды по китайской истории и философии. В письме, датироваггом маем 1863 года, он писал другу; «Поскольку я — заключенный, многие, очевидно, думают, что я в плохом состоянии. Это не так — я полностью погрузился в книги, так что могу стать ‘достойным ученым'.» Цит. по Сакамото Мориаки, _Сайго_Такамори_ (Токио, 1971), с. 10.

613

_Моси_ун-о_хираку_наку_томо_и_ва_макото_о_осаму_. (Сакамото, _Нансю-О_, с. 14) Эта поэма, которую Сайго написал в 1862 году, была вырезана на камне Кацу Кайсю, и ее можно видеть и сейчас в Токио рядом с прудом Сэндзоку.

614

Старший сын Сайго, Кикудзиро (1861–1928) уехал с острова в Кагосима в 1869 году; с одиннадцати лет он провел два года за учебой в Соединенных Штатах. Во время восстания 1877 года он сражался на стороне своего отца и потерял ногу в битве при Сирояма. Позже, когда Сайго был посмертно реабилитирован, правительство наградило Кикудзиро, назначив его на шесть лет градоначальником Киото.

Сайго впервые женился перед ссылкой, однако вскоре они развелись, и мы даже не знаем ее имени. Его островная жена имела слишком низкий социальный статус, чтобы быть признанной официально, и в 1865 году, когда он вернулся из ссылки, Окубо убедил его жениться на дочери сацумского чиновника, от которой у него родилось трое мальчиков, В целом, похоже, его мало интересовали его жены и сыновья. Одна из немногих поэм, в которой говорится о его семье, — знаменитая «Канкай» (1868), в которой он подтверждает свою целостность и единонаправленность, заявляя, что не будет, подобно большинству удачливых людей его времени, покупать хорошие рисовые поля, чтобы оставить их в наследство своим сыновьям и внукам (_дзисон-но_тамэ-ни_бидэн-о_кавадзу_) (Сакамото, _Нансю-О_, с. 19), — решение, которое он неуклонно проводил в жизнь. Будучи типичным героем-неудачником, Сайго до самого своего конца был слишком углублен в процесс своего взлета и падения, чтобы тратить время на семейный уют. После бьющего в голову вина геройства, все остальные напитки кажутся безвкусными.

615

Сакамото, _Сайго_, с. 16.

616

_Масатэру-си-ни_рюбэцу_су_ («Расставаясь с господином Масатэру»), Сакамото, _Нансю-О_, с. 15. Поэма начинается так:

Как сон это расставание, как облако…

Вновь я обращаю к вам свое мокрое от слез лицо,

Но не нахожу слов, чтобы выразить благодарность

За всю ту доброту (дзинон), что вы выказали мне за эти годы ссылки.

Десять лет спустя, после окончательной отставки из состава правительства, он написал поэму с такой примечательной строкой: «Находясь в темнице, я знал волю Небес; пребывая на посту, я потерял путеводную нить» (букв.: «путь сердца»).

617

У.Г.Бисли в своем фундаментальном исследовании эпохи Реставрации Мэйдзи указывает, что именно союз Сацума и Тёсю покончил с токугавским режимом Бакуфу: «Союз двух уделов, заключенный в начале 1866 года, завершил эту перестановку, символизировав брак _тобаку_ („Уничтожить Бакуфу“) с _фукоку_кёхэй_ („Обогатить Страну, Укрепить Армию“), соединение политики, направленной против Бакуфу, со стремлением укрепить нацию.» Beasley, _Meiji_Restoration_, p. 410.

618

Готовясь к визиту сэра Харри, Сайго писал своему другу Окубо в Киото, срочно требуя разыскать тома 1 и 2 «Истории Англии» Маколей и послать их Симадзу Хисамицу, чтобы тот лучше подготовился к встрече с иностранцем. Мусякодзи, «Великий Сайго», с. 218.

619

Предложение Сато во время встречи в Кобэ заключалось в том, что английская поддержка Сацума поможет уравнять ту помощь, которую Франция оказывала Бакуфу.

620

К примеру, см. Утимура, _Дайхётэки_Нихондзин_, с. 27.

621

Профессор Шелдон оценивает общее число убитых в 24 основных сражениях, из которых состояла так называемая «война Бусин», в 10 тысяч человек. «Journal of Asian Studies», Feb. 1974, p. 315.

622

Цит. у Мусякодзи, «Великий Сайго», с. 246

623

Недавно вышедшее исследование: Paul Akamatsu_,_Meiji_1868:_Revolution_and_Counter-revolution_in_Japan_ (London, 1972), no.3 «The Great Revolution Series». Моя статья-обзор ставящая под сомнение ту идею, что Реставрация Мэйдзи может быть классифицирована, как революция, вышла в «History Today» (London), July 1972.

624

Профессор Бисли завершает свой опус следующими словами:

… Я не вполне уверен в том, что Реставрацию можно назвать революцией в полном смысле этого термина. Отчасти потому, что произошедшее в Японии не несло в себе той признанной социальной цели-нагрузки, которая придает «великим» революциям в истории отчасти общий характер. Однако, так же и из-за природы общества, возникшего в результате Реставрации, в котором «феодальные» и «капиталистические» элементы присутствовали одновременно и действовали в симбиозе ради обретения мощи нации… Что же остается, если не применима, как удовлетворительная, ни одна из этих стандартных категорий? Лишь назвать это националистической революцией, дав этим определение природе эмоций, прежде всего ее и вызвавших. (_Meiji_Restoration_, pp. 423-4.)

625

_Коно_инакамоно-но_ядзин-ни_ва_нан-но_яку-ни_мо_татану_. Цит. у Танака, _Сайго_Такамори_, с. 274.

626

По Танака (_Сайго_Такамори_, с. 278), это было не столько по причине офи-иального признания его талантов, как от желания убрать его из Са-ума, где он мог стать центральной фигурой притяжения для антиправительственных элементов. Похоже, что Сайго и сам это понимал. В письме, написанном несколько месяцев ранее, он говорит, что сколько живет в отставке, столько правительство боится, что он вынашивает какие-то опасные планы, поэтому оно пытается связать его «золотым шнуром» (т. е. выплатами).

627

Поэма заканчивается так:

Жертвенный бык, привязанный в стойле,

Ожидает следующего дня, когда его убьют и сварят.

Здесь Сайго намекает на отказ Чжуан-цзы служить царю Чу, несмотря на все предлагаемое вознаграждение. Если бы он был достаточно глуп, чтобы принять это, он превратился бы в жертвенного быка (_гигю_), который ожидает неминуемой смерти все долгие годы, пока с ним обращаются по-арски, и желает превратиться в молодого поросенка. (В отличие от Чжуан-цзы, однако, Сайго не отверг жертвенной роли.)

628

Другими основными членами были: принц Сандзё (премьер-министр), принц Ивакура (министр правой стороны), Окубо (министр финансов), Кидо, Окума и Итагаки (советники).

629

Сакамото, «Хронологическая Таблица», с. 28.

630

Танака, _Сайго_Такамори_, с. 287–88.

631

«Нансю Икун».

632

Утимура, _Дайхётэки_Нихондзин_, с. 22.

633

Сакамото, _Сайго_, с. 4.

634

Мисима, _Какумэй-но_тэцугаку_, с. 58–59.

635

Сакамото, _Нансю-О_, с. 28.

636

…_вага_макото-но_тарадзару-о_тадзуну_бэси_. Кавабара. Сайго Дэнсэцу, с. 175–176.

637

Сакамото, _Нансю-О_, с. 32.

638

Утимура, _Дайхётэки_Нихондзин_, с. 43.

639

Сакамото, _Нансю-О_, с. 31.

640

Утимура, _Дайхётэки_Нихондзин_, с. 44, и Мусякодзи, «Великий Сайго», с. 123. «Любовь к себе ведет к поражению» (_мидзукара_айсуру-о_моттэ_ябуруру_дзо_). (Утимура, там же.) Это относится, разумеется, к моральному (а не практическому) поражению.

641

Цит. у Утимура, _Дайхётэки_Нихондзин_, с. 44.

642

Первые четыре строки _Ситэй-ни_симэсу_ цит. у Сакамото, _Нансю-О_, с. 20.

643

Сакамото, _Нансю-О_, с. 33.

644

Из «Великого Учения»: «То, что действительно пребывает внутри, будет выражено извне. Посему высший человек должен быть внимателен к себе, когда остается один.» Перевод James Legge_,_The_Four_Classics_ (Hongkong, 1957), p. 9.

645

_Хито-о_айтэ-ни_сэдзу,_тэн-о_айтэ-ни_сэё_. Цит. у Кавабара, _Сайго_Дэнсэцу_, с. 175–176.

646

Утимура, _Дайхётэки_Нихондзин_, с. 43, упоминает закон и пророков.

647

«_Буси-но_насакэ_ — жалость воина — звучит так, что немедленно аппелирует в нас (японцах) ко всему благородному; дело не в том, что сострадание самурая в принципе отличалось от сострадания других людей, но подразумевалось сострадание там, где оно не являлось слепым импульсом, но отправлялось в должном соответствии со справедливостью, и где сострадание не оставалось просто состоянием сознания, но основывалось на возможность убить или спасти… Снисхождение к слабым, угнетенным или побежденным всегда превозносилось в качестве черты, приличествующей самураю». (Nitobe, _Bushido_, p. 42–43.)

648

Описание того времени говорит об их лачугах, что они были менее 20 квадратных футов и выглядели скорее стойлами, чем человеческим жилищем. _Сацума_кэйики_, цит. у Кавабара_,_Сайго_Дэнсэцу_, с. 123.

649

В одном из отчетов (необыкновенно искренний документ для чиновника-самурая) Сайго критикует жестокость властей и отмечает, что многие из притесняемого населения пытались бежать из провинции, оставляя весь свой скот и сельскохозяйственные орудия, но сотни таких беглецов силой возвращали обратно. Кавабара, _Сайго_Дэнсэцу_, с. 123.

650

См. для сравнения Akamatsu, _Meiji_1868_ (London, 1972), pp. 304–305, Танака, _Сайго_Такамори_, с. 136–37; Кавабара, _Сайго_Дэнсэцу_, с. 126; Иноуэ, _Мэйдзи_Исин_ (Токио, 1966), с. 4–6, 146–147. По мнению профессора Иноуэ и некоторых других ученых нашего времени, Сайго превратился в «контрреволюционера» после Реставрации. В данном историческом контексте этот термин совершенно неправомочен, однако, действительно, Сайго противился всему, что

походило на социальную революцию, и его отношение позже к сацумскому крестьянству напоминает неприятие Лютером крестьянского восстания 1524–1525 годов.

651

Цит. у Кавабара, _Сайго_Дэнсэцу_, с. 133.

652

Символом роскоши в западном стиле стал Рокумэйкан («Зал Загнанного Оленя») — токийский клуб, устроенный в стиле германского дворца XVIII века. Это было довольно несуразное место, где руководители режима Мэйдзи проводили вечеринки, приемы и балы для своих зарубежных гостей. Для националистически настроенных преемников Сайго Рокумейкан стал объектом особой ненависти, Содомом и Гоморрой, где именно те люди, которым предназначено сохранять японский дух, предавали его, копируя иноземные замашки. Фукудзава Юкити в 1891 году писал, что «цена пребывания одного гостя на вечеринке в Рокумэйкан, или одного блюда, подаваемого в Императорском отеле, составляет больше, чем прожиточный минимум господина Сайго за месяц». Цит. в «Рэкиси Кэнкю», июнь 1972 (пер. проф. Сакамото Мориаки).

653

«…дети воспитывались в полном неведении относительного экономических наук. Считалось дурным вкусом говорить о них, а незнание достоинства различных монет являлось признаком хорошего воспитания.» Nitobe, _Bushido_, p. 98. Ср. с отношением к деньгам Осио.

654

Утимура, _Дайхётэки_Нихондзин_, с. 39. После принятия золотого стандарта, иена оценивалась в половину американского доллара.

655

Там же. В соответствии со своими принципами, Сайго ничего не давал своей жене и детям, и ничего им не оставил после своей смерти

656

Кавабара, _Сайго_Дэнсэцу_, с. 132–133.

657

Roberts, _Mitsui:_Three_Centuries_of_Japanese_Business_ (New York, 1973), p. 96.

658

Утимура, _Дайхётэки_Нихондзин_, с. 41.

659

Типичный инцидент с едой произошел в 1872 году, когда Сайго присутствовал на военных учениях со своей Императорской гвардией в Эттёдзима. Когда пришло время обеда, все генералы вынули свои роскошные лакированные коробки с едой. Адьютант же Сайго, зная непритязательные вкусы своего начальника, передал ему большой рисовый колобок. Когда Сайго разворачивал бумагу, в которую тот был завернут, он случайно выпустил его из рук, и он покатился прямо в песок. Как ни в чем ни бывало, Сайго поднял колобок, отряхнул с него песок и принялся жевать. Рассказывают, что на солдат произвела большое впечатление эта сцена «скромного поведения» генерала. Историю передал свидетель, Ямамото Иэёси, в _Нансюо_ицува_сю_ (Токио, 1903), с. 87.

660

Утимура, _Дайхётэки_Нихондзин_, с. 42.

661

В 1871 году самураям было «разрешено» отрезать их традиционные пучки волос на голове и ходить без мечей; эдикт, изданный 5 лет спустя, запрещал носить мечи всем, кроме армейских офицеров и полицейских.

662

См. Иноуэ, _Мэйдзи_Исин_, с. 428; Танака, _Сайго_Такамори_, с. 214.

663

Мисима приводит следующие соображения, которые некий самурай с Кюсю представил правительству в 1876 году, как часть «Петиции Относительно Провозглашения Эдикта, Запрещающего Ношение Мечей»:

Насколько я понимаю, ношение мечей есть обычай, отмечавший нашу Страну Дзимму еще в древности, в эру богов. Он накрепко связан с корнями нашей нации, на нем зиждется достоинство императорского трона, он освящает все божественные ритуалы, отгоняет всех духов зла, усмиряет беспорядки. Меч, таким образом, есть не просто упрочение безмятежности нации, но также и охранитель каждого отдельного гражданина. Действительно, если и есть что-либо, сущностно необходимое для нашей военной нации, почитающей богов, что-то, что ни на мгновение нельзя отложить в сторону, то это меч. Отчего же тогда те, на ком лежит бремя формирования и проведения национальной политики, уважающей богов и укрепляющей нашу страну, так мало вспоминают о мече? (_Хомба_, пер. Майкл Гэллагер, Нью-Йорк, 1973, с. 75–76.)

664

Иноуэ, _Мэйдзи_Исин_, с. 344, 346.

665

Beasley, _Meiji_Restoration_, p. 363, В характерной для себя манере, Сайго настаивал, что дух армии, зависящий, разумеется, от насаждения традиционных самурайских ценностей, был более значим, нежели простой набор иноземных технологических новшеств:

Количество войска в постоянной армии должно быть ограничено по финансовым соображениям. Не следует впустую демонстрировать свою силу. Если отборная армия будет воспитываться в военном духе, тогда даже небольшого войска будет достаточно, чтобы отразить нападение из-за рубежа и удерживать иноземцев на расстоянии. (Мусякодзи, «Великий Сайго», с. ix.)

666

Иноуэ, _Мэйдзи_Исин_, с. 144, 340.

667

Танака, _Сайго_Такамори_, с. 263.

668

Beastley, _Meiji_Restoration_, p. 259; Sansom, _The_Western_World_and_Japan_ (London, 1950), pp. 339-40; Akamatsu, _Meiji_, p. 295.

669

По Фукудзава Юкити, политика отмены уделов никогда бы не могла быть проведена столь успешно, если бы не Сайго. «Тэйтю Корон», в _Фукудзава_Юкити_дзэнсю_ (Токио, 1925-26), VI:536.

670

Сакамото, _Нансю-О_, с. 26.

671

Эта бомбардировка, явившаяся результатом праведного негодования британцев по поводу смерти г-на С.Л.Ричардсона, убитого близ Ёкогамы военными из Сацума, разрушила около трети города Кагосима, включая индустриальный центр Симадзу Нариакира — Сюсэйкан, славу и гордость сацумских модернизаторов. Подробности см. у Bcasley, _Meiji_Restoration_, pp. 199–200.

672

Почти таким же образом то, что Америка чуть не разрушила всю Японию, с кульминацией в виде атомной бомбардировки в августе 1945 года, не только не заставило японцев отвернуться от Запада и его ценностей, но знаменовало начало самого интенсивного периода вестернизации и низкопоклонничества ко всему, что было чуждо еще с первых десятилетий эры Мэйдзи.

673

Сакамото, _Нансю-О_, с. 24–25.

674

Там же, с. 24.

675

Сакамото Мориаки, _Сайго_Такамори_, с. 93. Благородным самураем был Ёкояма Сётаро, чей младший брат позже стал первым министром образования в Японии.

676

Мусякодзи, «Великий Сайго», с. 312, 313.

677

Там же, с. 314.

678

«…Когда появится возможность исправить зло (приносимое правительством), я, разумеется, не останусь праздным наблюдателем.» На следующей странице Сайго характеризует чиновников центрального правительства, как «воров», и замечает, что всякий, кто предложил бы ему войти в такое правительство, считал бы его подходящим компаньоном для грабителей. Это письмо, написанное в сентябре 1870 года к бывшим вассалам даймё Сёнаи, обширно цитируется у Сакамото Мориаки в «Хронологической Таблице», стр. 19–21. Если говорить о реальной коррупции, то здесь негодование Сайго в адрес новых правителей было некоторым преувеличением; первый реальный скандал, по поводу проекта колонизации острова Хоккайдо, случился лишь несколько лет спустя после его смерти.

679

Муцу Мунэмицу, которого цитирует Кавабара в Сайго Дэнсэцу, с. 126. Муцу (1844-97), самурай из удела Кии, активно участвовал в Реставрации Мэйдзи и получил несколько офциальных назначений в новом правительстве. Однако, подобно Сайго, он разочаровался в новой политике и во времени сацумского восстания участвовал в подобном выступление в Тоса. Он был обнаружен и наказан, однако позже стал важным лицом в правительстве и играл основную роль в пересмотре неравноправных договоров. Таким образом, его карьера закончилась успешно — и не героически.

680

Легендарный Сайго стал почитаться, прежде всего, как человек вне политики. Политика — мир холодных фактов, реализма, компромиссов и материального. Сайго же принадлежит к совершенно иной области. Хорошие политики традиционно считаются _рикося_, «умными людьми», и в японском языке это слово имеет все те же уничижительные коннотации, что и в английском. В этом смысле Сайго был определенно не умен; чистота его натуры обрекла его быть

обыгранным в политике осторожными, расчетливыми лидерами, примером которых служит Окубо Тосимити.

681

В период Токугава, дипломатические грамоты из Японии подписывались титулом Оогими или Тайкун (Великий Повелитель). После императорской реставрации, японцы стали использовать титул Кодзё (Его Величество Император), который корейцы традиционно принимали только от правителя Китая. Мусякодзи, «Великий Сайго», с. 343.

682

Сакамото Мориаки, _Сирояма_канраку_, с. 9. Сайго рисковал своей жизнью во время подобной же жертвенной миссии в 1864 году, когда он прибыл в удел Тёсю, где в то время его считали своим величайшим врагом, а также в 1868 году, когда он вошел невооруженный в замок Эдо. Временами Сайго должно было казаться, что смерть намеренно его избегает. (Сакамото, «Хронологическая Таблица», с. 34.)

683

К примеру, Иноуэ, Мэйдзи Исин, с. 343–344.

684

Там же, с. 346.

685

В отдаленном прошлом южные районы Корейского полуострова были гораздо ближе Японии — и политически, и психологически, чем такие области, как Хоккайдо, или даже северо-восток основного острова. В различные исторические времена, особенно в конце XVI века, японские правители пытались вернуть себе территорию, которая, по их убеждению, когда-то была частью их царства, и которая, к тому же, являлась естественным выходом на континент.

686

Утимура, _Дайхётэки_Нихондзин_, с. 32. См. также Кавабара, _Сайго_Дэнсэцу_, с. 134, который описывает Сайго, как «непоколебимый символ экспансии на континент» (_юругинай_тайрику_синсюцу-но_симбору_).

687

Wm. Theodore de Bary et al., eds., _Sources_of_Japanese_Tradition_ (New York, 1958), p. 656. Письмо было адресовано его коллеге советнику Итагаки Тайскэ, который яростно критиковал правительство за его малодушие по отношению к Корее. В другом письме к Итагаки, написанном несколько недель позже, он говорил:

Если, с другой стороны, мы пошлем гонца сказать корейцам, что никогда не вынашивали и не вынашиваем враждебных намерений, и упрекнуть их за ослабление связей между нашими странами, одновременно попросив их исправить свое прошлое высокомерие и стремиться к улучшению отношений в будущем, я уверен, что корейцы выкажут свое презрение. Более того, они почти наверное убьют посланника, (de Bary, p. 656.).

688

_Дай_Сайго_Дзэнсю_, III: 1201.

689

Принц Сандзё, несколько нерешительный премьер-министр, не желал войны в Корее, но также не хотел конфронтации с Сайго без поддержки со стороны членов миссии Ивакура. Окубо вернулся из Европы в мае (1873), Кидо — в июле, а принц Ивакура и Ито — в сентябре.

690

Основными сторонниками войны с Кореей (или шагов, которые могли к ней привести), были: Это Симпэй (Сага), Гото Сёдзиро (Тоса), Итагаки Тайскэ (Тоса), Сайго Такамори (Сацума) и Соэдзима Танэоми (Сага). Главными противниками: Ито Хиробуми (Тёсю), принц Ивакура (придворная аристократия), Кидо Коин (Тёсю), Окубо Тосимити (Сацума), Окума Сигэнобу (Сага) и принц Сандзё (придворная аристократия). Следует отметить, что все члены миссии Ивакура принадлежали ко второй категории.

691

Иноуэ, _Мэйдзи_Исин_, с. 352–53.

692

Там же, с. 363.

693

Письмо (к Итагаки) цитируется у Иноуэ, _Мэйдзи_Исин,_ с.360, и Утимура, _Дайхётэки_нихондзин_, с. 34. Сайго страдал от очередного приступа хронической _filiariasis_.

694

Сакамото, «Хронологическая Таблица», с. 30.

695

Мусякодзи, «Великий Сайго», с. 359.

696

Sakamoto Monaki, _Saigo_Takamori's_Poems_and_Posthumous_Words_, (неопубликованная рукопись), p. 8.

697

Кризис (1873 года) предопределил характер правительства Мэйдзи и его политику на два последовавших десятилетия. Прежде всего, он ознаменовал собой финальную стадию разрыва некрепкого и неопределенного альянса времен Реставрации между придворными аристократами, феодальными лордами и самураями всех рангов и областей, в результате которого осталось небольшое ядро с относительно согласованными воззрениями на будущее страны. Отставка Сайго расколола сацумский контингент, более половины которого удалилось в Кагосима. Поскольку среди них было много военных, влияние Тёсю в армии стало сильнее, чем когда-либо. (Beasley, _Meiji_Restoration_, p. 376.)

698

Сакамото, _Нансю-О_, с. 18.

699

Там же.

700

Утимура, _Дайхётэки_нихондзин_, с. 48.

701

«Сайго не любил разговаривать с японскими предателями, — писал Миякэ Сэцурэй (1860–1945), журналист ультранационалистического толка, один из поклонников Сайго, — предпочитая своих верных собак.» Цит. у Сакамото, _Нансю-О_, с. 22.

702

Сакамото, _Сайго_, с. 47–48.

703

Сакамото, _Нансю-О_, с. 32.

704

Был отдан приказ, вывесить фотографии отрубленной головы Это в правительственных конторах по всей стране. Сакамото («Хронологическая Таблица», с. 38–39; _Сайго_, с. 45–47) дает детальный отчет всех событий, приведших к суду и казни, которые представляет, как откровенное злоупотребление властью, стимулированное отъявленным негодяем Окубо.

705

Лига Божественного Ветра играет главную роль в одной из последних книг Мисима, _Хомба_ («Убегающие Лошади»), в которую он вводит детальное описание восстания 1876 года в виде повести в повести. По описанию, которое дает Мисима (блестящей имитируя стиль эпохи Мэйдзи), патриоты из Кумамото рассматривали все иноземные нововведения, даже телеграфные провода, как осквернение их священной земли. Принужденные беседовать под линиями электропередач, они прикрывали свои головы белыми веерами, а если им приходилось даже случайно мельком увидеть человека в западной одежде, проводили обряд очищения, разбрасывая соль. Свою Лигу они назвали в память о «божественном ветре» (_камикадзэ_ или _симпу_), который, как считалось, спас Японию во время монгольского нашествия в XIII веке, и готовились ко дню, когда и им придется спасать свою страну от иноземного вторжения. Последней каплей послужил Эдикт, в котором правительство запрещало самураям носить мечи.

Во время нападения на императорский гарнизон, члены Лиги не пользовались ружьями, или каким-то другим иностранным оружием, и огонь правительственный войск их всех быстро уничтожил. Самоубийственное решение Мисима объясняет в следующем отрывке:

… то, что члены Лиги пошли на риск, отказавшись от использования огнестрельного оружия, делало чистыми их намерения. Их цель должна была быть божественной, а самой сутью являлось бросить вызов западному оружию, ненавистному богам, лишь с мечами в руках. С ходом времени, западная цивилизация откроет оружие еще более ужасное и направит его против Японии. Так что же, неужели сами японцы, в своем рвении померяться с ними силой, тоже должны ринуться в эту скотскую бойню и потерять всякую надежду упрочить обряды древности….? Решиться на битву, имея с собой один лишь меч, быть готовым пойти на риск полного поражения — только так могли проявиться пламенные стремления каждого члена Лиги. Именно в этом и заключался благородный Дух Ямато.

«Чистота решимости» (_дзюнсуйсэй_), продемонстрированная Лигой Божественного Ветра, явилась мощным воодушевляющим стимулом для жертвенническ настроенного героя повести Мисима — и, без сомнения, для самого автора.

Эти крестьянские восстания были, разумеется, вызваны скорее экономическим положением, нежели идеологическими причинами, и являлись традицией _хякусё_икки_. Репрессии со

стороны государства были жестокими. После подавления крестьянского восстания в префектуре Миэ в 1875 году было наказано не менее 50000 участников. Inoue, _Meiji_Ishin_, p. 435.

707

Мусякодзи, «Великий Сайго», с. 393–94.

708

Inoue, _Meiji_Ishin_, p. 441.

709

Мусякодзи, «Великий Сайго», с. 407.

710

Сакамото Мориаки, _Сирояма_канраку_, с. 15, и «Хронологическая Таблица», с. 52.

711

Мусякодзи, «Великий Сайго», с. 408. Сыном был Кикудзиро (1861–1928). Понимание самим Сайго, что он ничем не может предотвратить несчастье — типичная ситуация в жизни японского героя-неудачника.

712

_Дзибун-но_сэймэй_ва_сёкун-ни_агэру_. Цит. у Inoue, _Meiji_Ishin_, p. 442, и Мусякодзи, «Великий Сайго», с. 409.

713

По мнению Утимура (_Дайхётэки_нихондзин_, с. 37), восстание было актом растерянности и отчаяния, возникших от осознания Сайго того факта, что результаты Реставрации Мэйдзи оказались диаметрально противоположными тем, которые он предполагал. Нам, разумеется, следует помнить, что Сайго никогда осознанно не планировал восстания, хотя его начало действительно удовлетворяло как его психологические, так и идеологические требования. По мнению профессора Сакамото («Хронологическая Таблица», с. 31 и далее), политической основой этой войны явилось долго продолжавшееся противостояние двух основных сацумских фракций, то есть между высокопоставленной «консервативной» группой, собравшейся вокруг фаворита Симадзу Хисамицу — Окубо Тосимити, и «реформистской» группой рангом ниже, возглавляемой старым недругом Хисамицу — Сайго Такамори.

По этой теории заговора, все до единой политические неудачи Сайго были результатом маневров Хисамицу, который (действуя через посредство Окубо), воспользовался Корейским кризисом в качестве предлога для устранения Сайго от власти.

714

_Тэнти-но_дзайнин_. Письмо было адресовано принцу Арисугава, главнокомандующему Императорским Экспедиционным Корпусом, и датировано 3-м марта 1877 года. (Сакамото, _Нансю-О_, с. 49–50.) Из письма Сайго, пишет профессор Сакамото, становится ясно, что он не ожидал победы в этой войне, «но думал, что его долг перед человечеством — указать императорскому правительству, где добро, а где зло.» (Сакамото Мориаки, _Сирояма_канраку_, с. 26.) Также 3-го марта Сайго написал письмо губернатору Кагосима, в котором говорил, что, если правительственные силы атакуют его, и их будет возглавлять даже принц, он разобьет их и пойдет на Токио. (Там же.) Совершенно очевидно, что «искренность» у Сайго превалировала над всяким почтением к императорской фамилии, или страхом быть обвиненным в государственном преступлении.

715

7 февраля Окубо писал Ито Хиробуми, что «втайне кричал от радости», услыхав о сацумском восстании, поскольку «для императорского двора это было счастливое событие». Сакамото, «Хронологическая таблица», с. 53.

716

Понемногу перемещались, а не продвигались: из-за сильного ожирения, Сайго почти весь путь несли в кресле. Сакамото, «Хронологическая таблица», с. 54.

717

Среди правительственных потерь во время сражения в Кумамото были императорские знамена 14-го полка, которым командовал майор (а позже — генерал) Ноги. Эти знамена были захвачены сацумским батальоном 22 февраля и отосланы в ставку Сайго. Несмотря на блестящую военную карьеру, говорили, что это бесчестье висело на нем тяжким бременем до конца жизни. Одной из причин его самоубийства в 1912 году считалось то, что 35 лет назад он лишился императорских знамен, чувствовал себя за это в ответе и желал продемонстрировать свою глубочайшую благодарность за снисходительность, проявленную императором Мэйдзи, благородно решившим не наказывать его.

718

Грандиозность ошибки, допущенной Сайго, была в то время понята. Привожу следующий отрывок из статьи в «Хоти Симбун», перепечатанной «The Tokio Times» от 29 сентября 1877 года:

[Бывшие самураи] из Сацума, игрушки в руказ Сайго, являлись самыми надежными воинами старого режима. Так что, когда он уводил их из Кумамото…, многие не сомневались — на чьей стороне будет победа: императорских войск, или инсургентов. Однако, когда Сайго провел много дней, осаждая замок Кумамото, те, у кого было хоть какое-то представление о военном искусстве, стали говорить: «Ах, он сделалал ошибку и поступил не так, как надо было бы.» И, без сомнения, допущенная тогда ошибка стала началом полного и окончательного поражения, которое теперь вылилось в его разгром и гибель. Если бы он полностью проигнорировал замок Кумамото, двинулся прямо на Фукуока в провинции Тикудзэн, послал бы силы в Бунго, а, после такого начала, продолжал бы бороться с той же яростью и энергией, что он выказал в последние недели восстания, результат мог бы быть совершенно иным, чем мы видим сегодня. Однако, стратегия Сайго была полна изъянов, из-за которых, имея под своим командованием лучших и храбрейших воинов страны, он не смог распространить восстание за пределы четырех из девяти провинций своего острова…

Писатель делает заключение из своих рассуждений, что, несмотря на то, что Сайго был «в некоторых отношениях замечательным человеком» (весьма смелое заявление для того времени), восстание показало «более чем в достаточной мере недостатки его способностей и военного руководства».

719

Описание Мусякодзи («Великий Сайго», с. 457–58), вероятно, преувеличивает ликование населения по возвращении побежденного генерала. Следует помнить, что частные школы Сайго не имели прямых связей с обычными горожанами, а также то, что, как бы они ни превозносили

Сайго в его блистательном поражении, мало кто из граждан осмелился бы сотрудничать с человеком, которого преследовали, как бунтовщика, императорские силы.

720

Письмо обширно цитируется у Мусякодзи, «Великий Сайго», с. 471–76.

721

Поэмы (Накадзима Такэхико и Хасигути Харуминэ) цитируются у Мусякодзи, «Великий Сайго», с. 477. Западному читателю может показаться странным, что тот, кто вел войска на битву с императорскими силами, был уверен, что в действительности сражается за дело императора (_Кими_га_тамэ_омои_), однако и писатель, и его сотоварищи, ведущей силой которых была «чистая искренность», вероятно, не осознавали этого несоответствия.

722

Существует мало сомнений, что он был поражен в паховую область (Inoue, _Meiji_Ishin_, p. 447–48), однако традиционные описания говорят, что он был ранен в бедро и живот, вероятно, считавшиеся более достойными анатомическими частями тела.

723

Неудивительно, что существует несколько версий этих последних слов. Большинство из книг, которые я просматривал, дают _Син-дон_моо,_коко-дэ_ё_ка._Син_ — сокращение от «Синкэ», а _дон_ — суффиккс для имени близкого лица в сацумском диалекте. Inoue, _Meiji_Ishin_, p. 448; Мусякодзи, «Великий Сайго», с. 479. Настроение этой сцены совершенно отлично от момента прощания адмирала Нельсона: «Поцелуй меня, Харди!» — равным образом, как и поступок верного Бэппу в отношении своего хозяина.

724

Это был генерал Миёси Сигэоми. См. Утимура, _Дайхётэки_нихондзин_, с. 38.

725

_Аа,_окина-но_каоиро_нандзо_сорэ_онко_тару_я_, цит. у Утимура, _Дайхётэки_нихондзин_, с. 38.

726

«Хоти Симбун».

727

Там же.

728

Robert Scalapino, _Democracy_and_the_Party_Movement_in_Prewar_Japan:_The_Failure_of_the_First_Attempt_ (Berkley, 1953), p. 61.

729

В своих заключительных замечаниях по поводу правительственной политики «богатства и мощи» (_фукоку_кёхэй_), Бисли (_Meiji_Restoration_, p, 412) объясняет масштабы сопротивления (кульминационным моментом которого было, разумеется, сацумское восстание), и указывает, что «успех руководства в противостоянии этому вызову задал определенную матрицу японской истории на несколько последующих поколений.»

730

«(Окубо) шел на компромиссы, когда для них не было альтернативы, даже по принципиальным вопросам. В 1873 году он писал: „перенесем стыд, отринем то, что истинно, но добьемся своих целей“». Craig, _Personality_in_Japanese_History_, p. 291. Трудно представить себе другое заявление, которое было бы столь же неприемлемо для Сайго Такамори. Приведем типичные для Окубо аргументы, в результате которых Сайго потерпел политическое поражение во время Корейского кризиса:

Если мы допустим развязывание столь масштабной кампании, беззаботно и без должного взвешивания [последствий], мы, по всей вероятности, будем об этом сильно сожалеть… Я считаю это предприятие совершенно недопустимым, поскольку оно никак не учитывает вопросов безопасности нашей страны и игнорирует интересы народа. Это был бы инцидент, случившийся по прихоти индивидуумов, не взвесивших серьезно все возможности и хитросплетения. По этим причинам я не могу принять возражений в пользу этих действий, (de Bary, _Japanese_Tradition_, p. 662.)

731

См. Inoue, _Meiji_Ishin_, p. 353 — типичный формальный портрет Окубо Тосимити. Craig, _Personality_in_Japanese_History_, p. 291–96 описывает его характер и облик.

732

«Холодная оболочка» личности Окубо, о которой упоминает Бисли (_Meiji_Restoration_, p. 156), обильно дополняется описаниями того времени. Фукути Гэнъитиро, член миссии Ивакура, писал, что общаться с Окубо было все равно, что «встретиться с айсбергом в Арктическом океане», и что «все мои друзья чувствовали то же». В подобном же тоне писал и Ямамото Гомбэй: «Подавляемые его достоинством, мы лишались дара речи и становились как бы меньше.» Передают, что, когда Окубо входил в зал Государственного Совета, его коллеги-советники «понижали голоса и поправляли свои одежды». Craig, _Personality_in_Japanese_History_, p. 2937.

733

«Икадзути Симбун», 4 апреля 1891 года, цит. у Кавабара, _Сайго_дэнсэцу_, с. 45–46. Эта необходимость в национальном герое рассматривается у Кавабара Хироси:

.. функции, исполняемые правительством Мэйдзи, были национального плана… и требовали укрепления национального единства и тесной связи. Для этого был необходим человеческий фактор. Они [то есть такие лидеры, как Ито и Ямагата] должны были отыскать символическую фигуру, которая, начав свою карьеру в правительстве клана, (_ханбацу_), вышла бы за рамки как

клана, так и своего класса и смогла бы стать символом, представляющим тесное национальное единение (_ёри_киммицу-на_кокуминтэки_иттайсэй_о_хёгэн_суру_симбору_). Кавабара, _Сайго_дэнсэцу_, с. 128.

734

Кавабара подчеркивает значимость легенд в указании на культурные и политические характеристики людей, и его исследование Сайго Такамори делает особый упор на таких легендах и их значении для понимания японской традиции. Кавабара, _Сайго_дэнсэцу_, с. 13 и далее.

735

Сайго Такамори непосредственно относится к традиции дерзкого _сиси_, «человека духа», выдвинувшегося на первый план в 18б0-х годах, как активный сторонник политики «почитания императора и изгнания варваров.» (Beasley, _Meiji_Restoration_, p. 430.) Прототипом _сиси_ эпохи Мэйдзи был самурай-роялист Ёсида Сёин. Ранние _сиси_ были, в соответствии с несколько идеализированным образом, пылкими молодыми патриотами, готовыми расстаться со своими жизнями, протестуя против несправедливостей властей. Жизнь их проходила на высоком эмоциональном уровне (как и у членов Лиги Божественного Ветра) и была окружена определенным романтическим флером. Кавабара (_Сайго_дэнсэцу_, с. 105) прослеживает психологическую линию перехода от _сиси_ периода Реставрации, через _соси_ («бандитов») движения за «народные права», к головорезам правого крыла (_тайрику_ронин_ и _уёку_соси_) и, наконец, «молодым офицерам» (_сэйнэн_сёко_) 1930-х годов. Хотя эти группы во многом различаются, общими для них всех героями были бунтовщики типа Осио Хэйхатиро, Ёсида Сёин и Сайго Такамори, которые все встретили мученическую смерть в противостоянии правительству своего времени. Сайго был почитаем особо: члены патриотических обществ брали его имя в качестве псевдонима; Тояма Мицуру называли «Сайго наших дней» (_Има_Сайго_). (Кавабара, _Сайго_дэнсэцу_, с. 137.) Многие из поздних _соси_ и буянистых типов правых группировок,

которых Сайго наверняка глубоко бы презирал, часто шатались по улицам Токио, «подражая Сайго», как это стало называться, пытались копировать его одежду и манеры, являя собой недостойную карикатуру на своего героя.

736

Мусякодзи, «Великий Сайго», с. 23.

737

Кавабара, _Сайго_дэнсэцу_, с. 23.

738

de Bary, _Japanese_Tradition_, p. 655.

739

_Кикэ_ватацуми-но_коэ._ Токио, 1963, с.38. Летчиком был младший лейтенант Окабэ Хэйити из отряда «Семь жизней» _(Ситисё_бутай)Мз_ многих тысяч бойцов-самоубийц, погибших во время войны на Тихом океане, в ходе изложения этой главы говорится о нижеследующих; все они — если это специально не оговорено — имели звание лейтенант или младший лейтенант _(тюи_или _сёи)_

740

Плакат на третьем этаже Музея Науки, улица Выставок, Южный Кэнсингтон, Лондон, ЮЗ 7.

741

Германская летающая бомба V-1, произведенная в том же году, что и «Оока», описывается как беспилотный средний моноплан с размахом крыльев 17' 8'', длиной в 25' 4?'', боеголовкой в 1870 Фунтов и дальностью полета 150 миль. Будучи технически гораздо более утонченным оружием, нежели «Оока», оно было полностью лишено тех героических коннотаций, что были сопряжены с маленьким японским аппаратом.

742

«… в качестве своего истинного символа самурай избрал нежный цветок вишни. Как лепесток, падающий под утренним солнцем и тихо опускающийся на землю, так же и бесстрашный должен отрешиться от жизни, будучи молчалив и внутренне неподвижен. Eugen Herrigel, _Zen_in_the_Art_of_Archery_ (New York, 1971), p. 106. „Оока“ — китайское прочтение слова _сакурабана_—_„вишневый цветок“, в свое время ставший общим символом всех самоубийственных операций. Полное наименование управляемой бомбы было „Оока дзинрай“, в котором _дзинрай_ („божественный гром“) соотнесено с образом _камикадзэ_(„божественный ветер“).

Идея производить управляемые бомбы, чтобы сохранить более крупные летательные аппараты, обсуждалась уже в 1943 году, и летом этого же года планы снаряда с ракетным двигателем, который мог бы крепиться под бомбардировщиком „Мицубиси“ наземного базирования, были представлены в отдел Морской Аэронавтики в Ёкосука. Прототип самоубийственного аппарата „Оока“ был построен в августе 1944 года — за несколько месяцев до того, как вице-адмирал Ониси образовалпервый отряд камикадзе на Филиппинах. Отряд „Божественного Грома“ (Дзинраи бутай) был сформирован под командованием морского капитана Окамура в сентябре 1944 года в целях проверки и тренировок; оружие было впервые использовано в следующем марте. Было произведено несколько моделей „Дзинраи Оока“ (та, что выставлена в Музее Науки, есть „Оока П, Ёкосука МХУ.8“), большинство их было выкрашено в светло зеленый цвет сверху и серый снизу с нарисованным красным цветком хризантемы.

743

„Дурацкая бомба“. _Бака_ (дурак), _бандзай_ и _харакири_—_эти слова почти исчерпывают словарь японских выражений, известных в среде американских военных в период войны на Тихом океане. Подборка весьма знаменательная.

744

Фотографию отряда и его знамени см. в „Симпу“, фото № 13.

745

О традиционных коннотациях плача в Японии см. Ivan Morris, _The_World_of_the_Shining_Prince_

(London, 1964), pp. 145-46.

„В Японии… слезы есть выражение естественной эмоциональности, присущей японской чувственности. Слезы также не только выражают горе, но и являются проявлением сильной эмоции, что не исключает, хоть это и кажется парадоксальным, холодной решимости и превосходного хладнокровия.“ (Millot_,_L’Epopee_Kamikaze_, p. 296n).

746

Командующий 5-й воздушной флотилией Накадзима 12 апреля был на дежурстве на авиабазе в Каноя — в день той атаки.

747

„Иногути“, с. 152.

748

Там же, с. 153.

749

Шесть были сбиты после того, как выпустили свой груз, а у одного, предположительно, случились неполадки с мотором, и он разбился на обратном пути.

Ёкота Ютака, который должен был управлять торпедой „Кайтэн“, следующим образом описывает свою последнюю ночь перед атакой на борту подлодки- носителя:

Каждую деталь происходившего я могу оживить в своем сознании так ясно, как если бы все происходило со мной в этот самый момент. Сейчас я буду отдыхать, чтобы хорошенько выспаться. Назавтра сила будет распирать меня. Никакой противник не сможет будет меня остановить. Мне удалось заснуть мгновенно. Следующий день я встретил, полным готовности. (Yokota, _Suicide_Submarine!_ [NewYork.1962], p.177.)

Такого рода сон в последние минуты, которым воины освежали себя, дабы быть полностью готовыми к последнему бою, замечался, похоже, практически у всех камикадзе, что может привести к интересным наблюдениям — особенно для тех, кто страдает хронической бессонницей. Millot в своей книге _L'Epopee_Kamikaze_ на стр. 298 пишет следующее:

Ночь была тихой, и все мужчины спали, как если бы назавтра должен был быть рутинный день, без каких-либо иных событий за исключением выполнения повседневных задач. Эта особенность японского темперамента была основной и проистекала из того обстоятельства, что с момента, когда какое-либо решение было принято, каким бы оно ни было, не следует более мучиться размышлениями. Последствия и обстоятельства этого решения принадлежали отныне высшей воле, инструментами которой были эти мужчины.

Разделяя восхищение Милло подобным самообладанием, я все же предполагаю, что серьезная, даже „веселая“ самопогруженность в предстоящую миссию являлась более серьезной, нежели любое volonte superieure.

Молодой летчик-камикадзе, лейтенант Исибаси, в шутливом письме своим родителям, написанным утром перед своим последним полетом, говорит: „Я проспал прошлую ночь, громко храпя и не увидев даже ни одного сна. У меня ясная голова и обостренные чувства.“ „Симпу“,с. 177.

751

Эсминец „Стэнли“ был единственным кораблем, о котором сообщалось, что его поразили снарядом, направляемым самоубийцей 12 апреля. Иногути, с. 154п и John Toland, _The_Rising_Sun_ (New York, 1970), p.700.

752

Подавляющее большинство самолетов, использовавшихся камикадзе во время войны, были обычными летательными аппаратами. Всего было запущено около 100 летающий бомб „Оока“ (Millot, _L'Epopee_Kamikaze,_ p.358), и воздействие они оказывали скорее психологическое, нежели практическое.

753

Уже 6 октября японцы знали (как оказывается — от русских), что следующее большое наступление американцев будет на Филлипины, и у них было более чем достаточно времени приготовиться к этому (Millot, _L'Epopee_Kamikaze,_ pp. 58, 96).

754

Адмирал Ямамото Исороку, главнокомандующий Объединенного военного флота с 1941 по 1943 год, во время войны на Тихом океане был, пожалуй, самым популярным их японских военных лидеров, и не только из-за успешной организации нападения на Пирл Харбор, но поскольку он обладал характером, способным воодушевлять и имел репутацию чистого и искреннего человека. Несмотря на то, что вначале он противился началу военных действий („Симпу“, с. 191), его рассматривали в качестве истинного символа имперского флота, и его внезапная гибель в апреле 1943 года, когда американский истребитель сбил его самолет над Буганвиллем, была грозным знамением. Опасаясь сильного воздействия, которое это известие могло бы оказать на моральное состояние японцев, правительство скрывало его от народа на протяжении более месяца. Уничтожение самолета адмирала Ямамото имело для японцев и еще одно несчастливое значение, поскольку теперь можно было предположить, что американцы раскрыли их код.

Хотя репутация Оннси никогда не была столь же высокой, как Ямамото (превосходившего его по возрасту, званию и, без сомнений, таланту), в характерах их было много общего.

755

„Он ценил людей действия, — пишет капитан Иногути, — людей, относительно которых можно быть уверенным, что они воплотят слова в дела. Он недолюбливал тех, кто просто говорил или спорил на бумаге, не стараясь хоть что-то совершить. При разговоре с ним у всех было чувство, что его проникающий в самую душу взгляд читает самые потаенные мысли“ (Иногути, с. 183).

756

Вице-адмирал Такаги Сокити дал ему прозвище „глупый адмирал“ _(гусё),_ и вплоть до самого окончания войны это неблагозвучное слово часто использо валось его недоброжелателями в высших военно-морских кругах (Кусаянаги. _Токко-но_сисо_, Токио, 1972, с.21). Говорили, что непочтительная, неортодоксальная манера поведения Ониси вызвала подозрения премьер-министра генерала Тодзё (Кусаянаги, с. 25).

757

Иногути, с. 180–81.

758

Для тех читателей, которые слишком молоды (или слишком стары), чтобы представить себе общую военную ситуацию конца 1944 года, данное примечание может быть полезным. С триумфального начала в Пирл Харбор и до сражения у Мидуэя (июнь 1942 года), военные действия шли с подавляющим успехом японцев — гораздо успешнее, чем говорили их самые оптимистические прогнозы. За шесть месяцев они поставили под свой контроль огромную территорию, простиравшуюся от Алеутских островов на севере до Новой Гвинеи на юге, от Индо-Бирманской границы на западе до островов Гилберта на востоке. Поражение при Мидуэе (знаменательное название — букв. „середина пути“) явилось поворотным пунктом. Только в одном бою имперский флот потерял не менее четырех авианосцев, и уже никогда не оправился от удара. После этого противник стал добиваться успеха в сражении за сражением, хотя зачастую и самой тяжелой ценой. В то время как истинные факты скрывались от народа до самого конца, правительство и военные руководители совершенно очевидно знали, что растущий материальный

дисбаланс между ними и противником ведет Японию в опасном направлении. По мере того, как с каждым месяцем ситуация на Тихом океане все ухудшалась, стало ясно, что в каком-то пункте придется держать последний рубеж обороны. Им стали Филиппинские острова, которые американцы вознамерились оккупировать в конце октября 1944 года. Сохранить Филиппины было крайне необходимо: японские руководители сделали совершенно правильный вывод, что потеря этих стратегически важных островов будет знаменовать собой проигрыш войны на Тихом океане. 17 октября, в день прибытия на Филиппины вице-адмирала Ониси, головные части американских сил вторжения высадились на острове Салутан у входа в залив Лейте; одновременно мощная армада американских кораблей собралась в Филиппинском море с целью вернуть острова. Для предупреждения вражеских действий, крупные силы специального назначение под командованием адмирала Курита атаковали американские корабли в заливе Лейте.

Битва в заливе Лейте — крупное сражение, состоявшее их четырех основных боев — была одной из самых жестоких на море за всю мировую историю (см. Samuel Eliot Morison, _Leile._ Boston, 1958). Она началась в середине октября, и ее результат был полностью противоположен предполагавшемуся. Второй флот адмирала Курита, в который входили главные военно-морские силы Японии в этом регионе, был уничтожен. Являя собой как бы символ случившегося несчастья, „Мусаси“ — один из двух японских гигантских линкоров, на которые возлагалось так много надежд, был неисправимо поврежден; когда он начал медленно погружаться, его командир адмирал Инокути совершил харакири во искупление этой потери. Это эпическое сражение стало свидетелем первого использования организованных отрядов камикадзе, поднявшихся с Мабалаката 25-го, однако было уже слишком поздно, чтобы хоть как-то повлиять на события. В конце дня японцы потеряли еще два линкора, а еще раньше все четыре их авианосца были потоплены вместе с многочисленными крейсерами и эсминцами. Катастрофа в заливе Лейте ознаменовала фактическое прекращение существования имперского флота в качестве боевой силы оперативного реагирования; этот факт, совместно с быстрым исчерпанием запасов бензина и крайней нехваткой самолетов, означал, что впервые со времен Кублай-хана японские острова стояли перед лицом возможного успешного вторжения, что и убедило таких людей, как Ониси и Угаки в том, что лишь необычная, то есть самоубийственная тактика может противостоять превосходящим американским силам.

759

18 января 1945 года, в Тайнане. Иногути, с. 123. Примерно в то же самое время он заметил в разговоре с корреспондентом газеты, что, даже если Япония не сможет выиграть войны, память о

тех молодых людях, которые пожертвовали собой ради страны _(сэйнэн-тати_га_кокунан-ни_дзюндзитэ),_ сохранит Японию и японцев от уничтожения. Кусаянаги, _Токко-но_сисо_, с. 17.

760

Иногути, с. 70, и Millot, _L'Epopee_Kamikaze,_ p. 143

761

„Симпу“, с. 94. Японское выражение _тосоцу-но_гэдо_ (букв. „отклонение от общего“) была переведена как „unorthodox command“ (Inoguchi, p. 70) и еще более свободно — „un precede monstrueuse“ (Millot, _L'Epopee_Kamikaze,_ p. 143).

Как и самого Ониси, капитана Иногути устрашила идея самоубийственной тактики, когда она была предложена на начальном этапе войны; он заявил, что „за подобную бесчеловечность придется отвечать перед небом“ (Иногути, с. 170). Теперь, однако, он уже был уверен, что подобные методы оправданны, поскольку в данном затруднительном положении у Японии нет иного выхода.

Командующий Накадзима, лично отдававший много приказов о вылете камикадзе из Мабалаката, никогда не забывал о необычности подобной тактики. „Мои приказания о вылете, — писал он, — являлись всего лишь функционированием внутри системы, а мое присутствие в этой системе было так же лишено рациональности, как и сама система“ (Иногути, с. III). Однако, как мы знаем из истории японских героев, во времена кризисов резонность была далеко не главным критерием.

762

Кусаянаги, „Токко-но сисо“, с. 37–39. Относительно различных реакций в Высшем Командовании на энтузиазм летчиков в отношении идеи с камикадзе Милло дает следующий комментарий:

„Это спонтанное добровольчество было одновременно и возвышенно, и волнующе. Возвышенно, так как демонстрировало восхотительную ватриотическую веру и решимость; оба эти качества были живительными в те трудные времена. Это было также и волнующим, потому что грозило выйти из берегов иерархических структур.“ _(L'Еоре́е,_ p. 264).

В газетном интервью генерал-лейтенант Ватанабэ Сэй, служивший во время войны командиром морского отряда специального назначения, сказал, что вначале военные упорно выступали против тактики камикадзе: „Мы не видели смысла в потерях жизней и ценного оборудования… Летчики-камикадзе возникли из-за суровой необходимости.“ „Stars and Stripes“, 20th July 1968.

763

Иногути, с. 19 и „Симпу“, с. 48–49. „Сто миллионов“ стало устоявшейся гиперболой с сильными патриотическими ассоциациями. Ср. популярный лозунг военного времени, авторство которого приписывается неистовому генералу Араки: „сто миллионов сердец, бьющихся как одно“ _(итиоку_иссин)._

764

Кусаянаги, _Токко-но_сисо_, с. 15–16. Когда эти банкноты (всего на сумму около 2000 иен) пришли в токийское Министерство военного снаряжения, министр Фудзивара взял одну из них в руку и не скрываясь заплакал.

765

Детали и фотографии см. у Morison, _Leyte,_ p. 302, opp. Взрывы торпед и бомб на борту „Сент Ло“ были столь сильными, что целые секции летной палубы и некоторые самолеты подняло в воздух на десятки метров.

766

Подробное описание и редкие фотографии приведены у Иногути, с. 56–71. Атака камикадзе 25 числа была лишь частью гиганской битвы в заливе Лейте. Ониси безуспешно пытался отсрочить обреченный выход сил специального назначения под командованием адмирала Курита до тех пор, пока летчики камикадзе не попытаются нанести удар по противнику, однако на следующий день было уже слишком поздно, чтобы предотвратить несчастье (Иногути, с. 71). В своем описании сражения в заливе Лейте Toland _(Rising_Sun,_ pp. 546-72) пишет (с. 568): „Группа камикадзе под командованием Ониси была создана специально для поддержки рейда Курита в залив Лейте“. Это несколько неверно, поскольку Ониси сформировал несколько подобных групп, а его уверенность в том, что тактика самоубийств оставалась единственной для Японии надеждой, имела гораздо более далеко идущие последствия, нежели какое бы то ни было военное действие на Филиппинах или в другом месте.

767

Иногути, с. 64. Я слегка изменил перевод послания императора, в котором в версии г-на Пино было пропущено достаточно важное слово _но._ Императорское послание цитируется в „Симпу“, с. 90, следующим образом: _СОНО_Ё-НИ_МАДЭ_СЭНЭБА_НАРАНАКАТТА_КА._СИКАСИ_ЁКУ_ЯТТА._

768

„В ту ночь, — писал командующий Накадзима (Иногути, с. 64), — мой друг капитан Иногути, только что вернувшийся из Манилы, сказал мне: — Услыхав о словах императора в Маниле, адмирал Ониси был чрезвычайно расстроен. Я думаю, что адмирал понял комментарий Его Величества, как критику командующего, ответственного за данные операции“.

769

Ср. чувство вины генерала Ноги в отношении императора Мэйдзи, преследовавшее его всю жизнь.

770

_Тацамари,_никудан,_дзибаку._ Сперва летчик-самоубийца обозначался выражением _дзибаку_когэки_хикоси_ (букв. „самовзрывающийся атакующий летчик“).

771

Предложение было внесено двумя капитанами — Иногути и Тамаи. Иногути, с. 13.

772

Нашествие Кублай-хана в 1281 году (произошедшее через семь лет после первой неудачной попытки), проводилось объединенными армиями общей численностью в 150 тысяч человек — крупнейшим экспедиционным корпусом за всю мировую историю войн. Много факторов способствовало его провалу (например неспособность китайских и корейских войск создать единый фронт после высадки на Кюсю и эффективность японской оборонительной стены), однако решающим ударом по монголам, безусловно, стал тайфун. Японские религиозные институты — как синтоистские, так и буддийские — немедленно приписали себе заслугу божественного вмешательства, которое представлялось ими в качестве ответа на все те моления, что возносились в храмах и святилищах в самое критическое время. Однако, как говорится, „опасность прошла и все страхи забыты“, и правительство Бакуфу в Камакура весьма скупо раздавало награды. В самое

кризисное время тогдашний император Камэяма возносил моления в великом святилище Исэ и, как передают, обещал принести себя в жертву, дабы отвести опасность от нации; ему, однако, никогда не напоминали об этом обещании. Locus classicus фразы „божественный ветер“ — отрывок из „Нихон секи“, первой официальной хроники (720), включающий стихотворение легендарного императора-основателя Дзимму-тэнно:

Камикадзэ-но

_Исэ-но_уми-но_

Ооисия…

(„На огромных скалах

Моря Божественного Ветра в Исэ…“)

Здесь слово _камикадзэ_ является _макура-котоба_ („словом-подушкой“, условным эпитетом), ассоциируемым с Исэ. В конце ХШ века Великое Святилище в Исэ стало особенно важным в качестве центра молений за спасение страны от монгольского нашествия, и, возможно, по этой причине тайфуну, сыгравшему решающую роль, дали название _клмикадзэ,_ традиционно соотнесенное с Исэ.

773

Когда в имперской армии были организованы отряды самоубийц, они отделяли себя от эквивалентных морских, используя наименование _симбу_ („взмах саблей“), которое звучало почти так же, но записывалось совершенно иными иероглифами. Поскольку, все же, отряды самоубийц оставались прежде всего орудием, применяемым на море, слово _симпу_ было всегда более употребимым.

774

Возможно, это может служить комментарием к тому, что система ценностей в Японии последнее время изменяется, но слово „камикадзе“ стало использоваться для определения предприятий глупых и в каком-то смысле донкихотских, а вовсе не опасных. В редакционной статье газеты „Асахи“ от 30 августа 1973 года, озаглавленной „Японцы ищут в озере Лох Несс“, критиковалась крупномасштабная экспедиция, в которой были задействованы подводная лодка, сонары и подводное телевидение, предпринятая затем, чтобы выяснить — существует ли в действительности пресловутое чудовище: „Если уж они собрались потратить 150 миллионов иен, нельзя ли было придумать что-либо более умное? Исследовательская экспедиция камикадзе с горой оборудования, привезенного из дальней Японии в целях рекламы, должна быть очень раздражающей и неприятной для жителей окрестностей Лох Несс.“

775

В данном случае дихотомия практически та же, что и между вульгарным _харакири_ и важным _сэппуку._ В своих собственных описаниях я предпочитаю использовать „камикадзе“ и „харакири“, поскольку эти слова известны западному читателю, и даже стали частью нашего словаря и, следовательно, представляется несколько претенциозным настаивать на „симпу“ и „сэппуку“.

Некоторые авторы (например Nagatsuka, _J'etais_un_kamikaze,_ Paris, 1972, p. 215) предполагают, что термин „камикадзе“ был популяризирован впервые солдатами _нисэй_ американской армии, однако я не нашел ни одного подтверждения этой теории.

776

Иногути, с. 13. Я только изменил перевод слова _тай_ с „подразделения“ на „силы“.

777

Слово _токко_ впервые употребил капитан Дзё Эйитиро — старый приверженец самоубийственных тактик. Капитан Дзё, служивший военно-морским атташе в Вашингтоне, а позже — советником императора, командовал авианосцем „Тиёда“, потопленным американскими самолетами 25 октября 1944 года, и ушел на дно вместе со своим кораблем.

778

Иногути, с. 13.

779

Эта _танка_ Мотоори Норинага (1730–1801) звучит следующим образом:

Сикисима-но

Яматогокоро-о

_Хито_товаба_

_Асахи-ни_ниоу_

Ямадзакурабана.

780

Иногути, с. 204. Последнее письмо лейтенанта Хаяси включено в „Симпу“, с. 177–79; перевод есть у Иногути, с. 203–207.

781

На фотографии (№ 3 в „Симпу“) изображен сам вице-адмирал Ониси, наливающий молодому летчику церемониальную чашечку _сакэ,_ а тот стоит в почтительной позе с поднятыми руками, пока другие летчики ожидают своей очереди. В последние месяцы войны, по мере нарастания общего хаоса, _сакэ_ зачастую заменялось простой водой, а иногда из-за недостатка времени приходилось отменять и всю церемонию. „Симпу“, с. 187.

782

Например, _сиккари_яттэ_куру._ „Симпу“, с. 180.

783

Гимн имперского флота, мрачные слова которого были взяты из стихотворения Отомо-но Якамоти (умер в 785 году). См. Иногути, с. 50.

784

Причина подобного изменения в процедуре заключалась в том, что механизм часто заклинивало в самый последний момент, и он не мог быть вовремя исправлен; также, как оказывается, некоторые пилоты, находясь в возбужденном состоянии от предстоящего, забывали поставить свои бомбы на боевой взвод и, таким образом, их попадание было безрезультатным (Millot, _L'Epopee_Kamikaze,_ p. 163). „Вероятно также, — пишет капитан Иногути, — что та самая сконцентрированность летчиков исключительно на точное попадание, и мешала им сделать самый важный шаг на пути к их цели“ (Иногути, с. 96). Ко всему прочему, критическая нехватка нефти в последний период войны привела к решению заправлять самолеты камикадзе только для полета в одну сторону.

785

Toland, _Rising_Sun,_ p. 716.

786

При атаке с больших высот летчик начинал пикировать приблизительно с 20000 футов; при приближении с низких он летел приблизительно в 35 футах над поверхностью воды, затем поднимался где-то на 1300 футов и врезался в корабль. Иногда для введения противника в заблуждение различными самолетами применялись оба этих способа. Средняя высота, позволившая бы большую аккуратность, была невозможна из-за перехватчиков и зенитного огня. Иногути, с. 91–92.

787

Члены отряда Сикисима были повышены в звании адмиралом Тоёда 12 ноября 1944 года; после этого посмертные повышения стали обычными для всех камикадзе, погибших во время задания. Тот факт, что повышения относились к ним и ни к кому другому, к тому же — автоматически, подтверждает, что они официально признавались героями вне зависимости от удачного или неудачного результата операции.

788

Иногути, с. 111–13.

789

Millot, _l’Epopee_Kamikaze_, p. 192. Большинство этих документов, включая личные бумаги Ониси, были уничтожены во время бомбардировок.

790

Несмотря на отчаянные усилия Ониси и его летчиков, ни один американский корабль не был потоплен, или даже „объявлен потопленным“ летчиками-самоубийцами с Тайваня, и лишь три корабля были повреждены. Иногути, с.223.

791

Nagatsuka, _J'etais_un_kamikaze,_ p. 147–48.

792

Toland, _Rising_Sun,_ p. 406; Nagatsuka, _J'etais_un_kamikaze,_ p. 69–70.

793

Toland, _Rising_Sun,_ p. 568n. Столь же безуспешным оказался и вылет первого летчика-камикадзе ВМС, контр-адмирала Арима Масафуми, который поднялся с Филиппин 15 октября 1944 года, намереваясь направить свой самолет во вражеский авианосец, но был сбит до того, как смог протаранить свою цель — „Франклин“. О героическом примере Арима передали по Токийскому радио, и, судя по сообщениям имперского флота, „это зажгло яростное желание подражания в его людях.“ Ср.: Morison, _Leite,_ p. 166; Kusayanagi, _J'etais_un_kamikaze,_ pp. 35–36; Millot, _L'Epopee_Kamikaze,_ pp. 101-4.13

794

Опасаясь неблагоприятного воздействия на настроение общества, японское правительство выжидало девять дней, прежде чем объявить о падении Сайпана.

795

Среди немногих „пленных“ было несколько детей, отделенных от своих семей. Американские морские пехотинцы, бывшие свидетелями ужасной смерти их родителей, относились к ним с особой теплотой. Millot, _L'Epopee_Kamikaze,_ pp. 73–75.

796

Обращение Коисо Куниаки к императорскому парламенту от 21 января 1943 года, цитируемое Toland, _Rising_Sun,_ p. 630. Ср. замечание императора о том, что „военные действия шли не обязательно с преимуществом Японии.“

797

Toland, _Rising_Sun,_ p. 630.

798

Детали относительно _синъё,_ а также лягушек-самоубийц _(фукурю)_ см. у Millot, _L'Epopee_Kamikaze,_ pp.267-71.

В фильме режиссера Окамото „Никудан“ („Пуля из человеческой плоти“) герой — боец последнего отряда камикадзе на Кюсю — почти буквально „выходит в море в трубе“: забравшись в ржавый жестяный цилиндр, привязанный веревками к громадной торпеде, которую он собирается направить в американский корабль, приближающийся к берегу, в последние дни воины. В возбуждении он направляет ее в полуразвалившуюся японскую шаланду, которую принимает по ошибке за американский авианосец; для полноты юмора, торпеда оказывается ненастоящей. Данный снаряд оказался поддельным, однако он типичен для многих временных приспособлений, использовавшихся в последние месяцы.

799

Пожалуй, самое детальное описание операций „Кайтэн“ содержится в книге Yokota Yutaka, _Suicide_Submarine!_ New York, 1962. Кайтэн нес 3000 фунтов сильной взрывчатки, имел радиус действия в 40 морских миль и двигался со скоростью 30 узлов. С самого начала над ними довлело проклятье механических неполадок, и большинство их них взрывалось еще до того, как они приближались к цели. Хотя японское имперское командование было уверено в том, что с помощью „Кайтэн“ потоплено около 40 кораблей союзников, включая авианосцы и линкоры, единственным военным кораблем, уничтоженным с помощью „Кайтэн“ за всю войну, был американский танкер „Миссиссинева“, атакованный у атолла Улити в ноябре 1944 года. Японцы же потеряли почти все свои „Кайтэн“, а также восемь подлодок-носителей вместе с их командами. Относительно аспекта „верной смерти“ на „Кайтэн“, Ёкота пишет так:

Хотя Курски и Нисина [конструкторы] встроили в „Кайтэн“, как и было приказано морским Генштабом, устройство, выбрасывавшее управляющего, когда до цели было около 150 футов, никто не собирался им пользоваться. По мере того, как проводились операции с „Кайтэн“, им так никто и не воспользовался. В точном попадании можно было быть уверенным лишь в том случае, когда впереди была верная смерть. Оставив „Кайтэн“, можно было опасаться того, что она сойдет с курса. Наилучшим способом было оставаться на ней до конца. (Yokota, _Suicide_Submarine!_ p. 50.)

800

Millot, _L'Epopee_Kamikaze,_ pp. 253, 263; Yokota, _Suicide_Submarine!_ pp. 45–46, 138.

801

Millot, _L'Epopee_Kamikaze,_ p. 251 описывает церемонию прощания на борту подлодки 1-49, когда она приближалась к цели рядом с Улити в ноябре 1944 года. Более полное описание „последнего принятия пищи“ см. у Yokota, _Suicide_Submarine!_ p. 170.

802

Многие из тех, кому предстояло управлять Кайтэн, продолжали читать или заниматься в своих тесных каютах до самого последнего момента (Yokota, _Suicide_Submarine!_ p. 161, 170.). Среди многих бытовых подробностей, подмеченных Ёкота, мы находим и следующую:

„Водителям Кайтэн очень понравилось их путешествие с капитаном Орита, их особенно восхитил туалет на подлодке — сложное сооружение из вентилей и ручек, которое вполне могло привести в замешательство человека, не знающего, как с ними правильно обращаться, или пользовался ими небрежно.“ Yokota, _Suicide_Submarine!_ p. 467.

803

Yokota, _Suicide_Submarine!_ pp. 254-55, рассуждает об операции Конго. Получившая название горной ставки Масасигэ, она представляла собой одну из основных попыток массового использования „Кайтэн“, и была комбинированной атакой на американские корабли у Гуама, Улити, Холландиа и других островов.

804

Yokota, „Suicide Submarine!“, p. 255–7.

805

В промежутке между мартом 1945 года было произведено около 100 летательных аппаратов-самоубийц». Nakajima, _Ki.115_B_Tsurugi_. Детали и рисунки приведены у Millot, _L'Epopee_Kamikaze,_ pp. 347-50.

806

Места запусков на побережье Тихого океана должны были быть расположены от Хоккайдо до Кюсю; все катапультные устройства должны были быть готовы к октябрю 1945 года — как раз ко времени ожидавшегося вторжения. Информации об этом особенном предприятии камикадзе я обязан моему коллеге, выдающемуся буддологу профессору Ё[сито] Х[акэда], который сам прошел тренировку для подобного типа атаки. В то время на горе Хиэй он принял решение, что, в случае, если война окончится до того, как он будет запущен в воздух, он станет буддийским монахом; так и произошло — и к большой пользе как для меня, так и для многих его друзей и учеников.

807

Иногути.с. 169.

808

Jean Mabire, _Les_Samourai,_ Paris, 1971, p. 369.

809

Цитируется у Millot, _L'Epopee_Kamikaze,_ pp. 295-96.

810

Millot, _L'Epopee_Kamikaze,_ pp. 311-12, далеко заходит в своих предположениях о том, что имперское военно-морское командование с самого начала знало о грядущей неудаче предпринимаемой атаки и, в сущности, планировало провал. Если таковая интерпретация верна, этот последний выход имперского флота может служить совершенным примером благородства поражения.

811

Атака 6 апреля (Кикусуй, № 1) с базы Каноя на Кюсю была предпринята следующими силами:

ФЛОТ

80 самолетов камикадзе различных типов

8 самолетов-носителей с Оока

145 других атакующих самолетов

116 истребителей сопровождения и самолетов-наблюдателей

23 патрульных самолета

АРМИЯ

133 самолета различных типов, в основном — камикадзе.

Из самолетов-камикадзе, участвовавших в сражении, 162-м не удалось вернуться. Millot, _L'Epopee_Kamikaze,_ p. 287.

Millot, _L'Epopee_Kamikaze,_ pp. 137-38. Эти старшие летчики часто просили своих командиров назначить их в летную группу камикадзе, но им практически всегда отказывали на том основании, что их служба была более полезна в иных областях.

813

Цитируется у Иногути, с. 181.

814

Nagatsuka, _J'elais_un_kamikaze,_ pp. 261-62.

815

В послевоенные годы среди семей, члены которых попали в отряды камикадзе, было проведено исследование, и выяснилось, что почти в каждом случае тот, кто вступил в Отряды спецназначения, был «самым любимым сыном» - самым лучшим, самым образованным, причинявшим меньше всего беспокойств, одним словом — приносившим родителям самую

большую радость. Разумеется, здесь необходимо учитывать романтизацию и идеализацию прошлого.

816

Иногути, с. 43; Nagatsuka, _J'etais_un_kamikaze,_ p. 224.

817

Например «Симпу», с. 186. Подписываясь собственной кровью _(кэппансе),_ подававших петицию подчеркивал искренность своей просьбы, так что было весьма трудно отказать. Хотя семьи летчиков-камикадзе должны были испытывать значительные страдания в ожидании фатальных известий, которые они неизбежно должны были получить, они также испытывали гордость от сознания того, что их сыновья были избраны в качестве «живых богов». Командир подразделения на Тайване, узнавший, что один из его летчиков является единственным сыном и должен быть отправлен на операцию лишь в случае крайней необходимости, информировал соответственно его мать, однако, подобно многим матерям камикадзе, она оказалась истинной matrona Romana; в бесстрастном стиле она просила командира не лишать ее сына чести, которая полагалась ему по праву, и которой он сам столь сильно желал («Симпу», с. 187). Командующий Накадзима излагает схожую историю:

В один из дней начала весны [1945 года] в расположение 765-го воздушного соединения, расположенного в Кидзин на Формозе, пришла женщина. Она была принята командующим соединения капитаном Масуда Сего, узнавшим, что она является женой Кусанаги Мисао — судьи Верховного Суда района Тохоку. Она передала капитану Масуда шарф и прядь волос, попросив, чтобы кто-нибудь из летчиков отряда спецназначения взял их с собой в бой. Ее сын студент умер от болезни до окончания завершения тренировки, и, как она чувствовала, его желание

исполнится, если то, что от него осталось, все же побывает в бою. На шарфе была надпись с подписью матери: «Молюсь о прямом попадании. МИСАО». Капитан Масуда принял вещи и, когда воздушный отряд спецназначения передвинулся из Кидзина на ближнюю к боевым действиям базу, передал их командиру группы. Они были с ним, когда он спикировал на вражеский корабль. (Иногути, с. 128.)

818

Millot, _L'Epopee_Kamikaze,_ pp. 266-67. Ёкота приводит схожие слова командовавшего офицера, предлагавшего ему и его друзьям летчикам вступить в отряд «Кайтэн»:

Если кто-либо среди вас действительно горит желанием спасти свою страну, управлять этим новым оружием и принять участие в крупном наступлении на приближающегося противника, он может стать добровольцем. Я не могу вам сказать ничего больше, за исключением следующего. Сейчас командиры эскадрилий раздадут вам по листку бумаги. Если вы особо желаете управлять этим новым оружием, напишите в верху листа ваше имя и номер эскадрильи, а внизу нарисуйте два круга. Я повторяю — два круга, если вы действительно очень этого желаете. Если, однако, в вас нет особо сильного желания, но вы готовы принести эту жертву, если будете избраны, нарисуйте только один круг. Это очень важно, поэтому повторяю еще раз: два круга, если вы очень сильно желаете, и один — если просто готовы исполнить долг. Те же, кто вообще не хотят ничего подобного, но желают продолжить тренировки для обычного боя, должны уничтожить выданную бумагу… Последнее, что хотелось бы добавить перед раздачей листков. Я должен вам сказать, что это — такое оружие, что кто бы ни отправился с ним против противника, не вернется живым. Он наверняка сможет причинить противнику большой урон, однако при этом он отдаст свою жизнь. Поэтому хорошенько подумайте, прежде чём решить. Перед тем, как вызваться, будьте совершенно уверенными, что вы действительно готовы к этому. И, прежде всего, будьте уверены, что потом вам не будет жаль всего, что вы оставляете за собой. Ваше сознание должно будет быть совершенно ясным в любое время, дабы вы были способны полностью концентрироваться на предстоящем. (Yokota, _Suicide_Submarine!_ p. 11.)

819

Иногути, с. 158–59.

820

Millot, _L'Epopee_kamikaze,_ pp. 330-31, 367ff.

821

Nagatsuka, _J'etais_un_kamikaze,_ pp. 231-34.

822

Относительно спорного вопроса — были ли операции камикадзе добровольными в полном смысле этого слова, Нагацука дает следующий комментарий:

«Часто задают вопрос по поводу обстоятельств, при которых наши пилоты вступали в состав частей самоубийц: были ли они действительно добровольцами, или действовали „по долгу службы“? Я, как свидетель, который пережил эту миссию, подтверждаю, что наше желание было в полном согласии с приказом, отданным высшим командованием. По крайней мере, так было в моем случае… Очевидно, целые группы авиаторов являлись просить этого поручения вследствие срочных обстоятельств, и, с другой стороны, никто, кроме самих заинтересованных лиц, не может отдавать отчет в состоянии души… Добровольно, или по принуждению — вопрос не в том. Я могу подтвердить, как уцелевший старый пилот-самоубийца, что все мои друзья были готовы принять добровольно приказ, или просить этого поручения» _(J’etais_un_kamikaze,_ p. 234).

Ответ кажется настолько сбалансированным, насколько вообще таковой может исходить от участника этой драмы.

823

После окончания войны на Тихом океане, г-н Оми Итиро совершил пешее паломничество по домам летчиков-камикадзе в различных частях страны. За время своего путешествия, продолжавшегося почти пять лет, он собрал большое количество писем и воспоминаний, записанных в основном морскими офицерами запаса из гражданских колледжей, вступивших в отряды спецназначения после короткого тренировочного периода. Пример этого материала включен в «Симпу», с. 174–88, переводы даны у Иногути, с. 196–208. Наиболее знаменитым из подобных опубликованных сборников был «Кикэ вадамацу-но коэ» («Слушайте голоса океана!», Токио, 1952), где первым пунктом идет завещание армейского летчика из отряда спецназначения, убитого на Окинаве в возрасте 22 лет. Книга разошлась в Японии в огромном количестве, а ее название даже вошло в язык установившейся фразой, обозначающей нечто вроде «Никогда не забудем!» В 1963 году, когда количество выпускаемых военных мемуаров стало уменьшаться, вышел второй том под тем же названием. Ценное собрание дневников студентов университетов, погибших на войне, было издано в 1951 году под заголовком «Харука нару Ямагава-ни» («К потокам в далеких горах»), куда вошли и материалы летчиков-камикадзе. Эти и подобные им книги продолжают выходить в новых изданиях и часто становятся бестселлерами.

824

«Симпу», с. 183–84, перевод см. у Иногути, с. 199.

825

Например: «Дорогой отец! По мере того, как приближается смерть, я единственно сожалею о том, что не смог сделать вам ничего хорошего за всю жизнь». Письмо Ямагути Тэруо, цитируется у Иногути, с. 198.

826

«Симпу», с. 181–82, переведено у Иногути, с. 202.

827

_Ватакуси_ва_коно_уцукусии_титихаха-но_кокоро,_атакакай_ай_га_ару_юэ-ни_Кими-ни_дзюндзуру_кото_га_дэкиру._Корэ-дэ_ватакуси_ва_титихаха-то_томо-ни_татакау_кото_га_дэкимас_. «Симпу», с. 183.

828

«Симпу», с. 181, переведено у Иногути, с. 197.

829

«Симпу», с. 176, переведено у Иногути, с. 200.

830

Nagatsuka, _J'etais_un_kamikaze,_ p. 162.

831

Ibid., p. 272.

832

Цитируется в книге Кудо Ёроси _Тэнраку-кэй_но_нихон_эйю-дзо_ («Образ японского героя и правило падения»), «Сюкан Асахи» 6–8 (1973): 114-17.

833

Цитировалось в газете «Mainichi News» от 29 сентября 1968 года в книге стихов, озаглавленной (в переводе) «Моя жизнь горит в свете Луны».

834

«Симпу», с. 180, переведено у Иногути, с. 207.

835

Там же.

836

Yokota, _Suicide_Submarine!_, p. 161.

837

Nagatsuka, _J'elais_un_kamikaze,_ p. 149.

838

Единственным значительным философом, излагавшим самурайский этос, был Ямага Соко (1622-85), конфуцианец-националист, эксперт по военной тактике и образу жизни. Самой влиятельной книгой по этому предмету была 11-томная компилляция, известная под названием _Хагакурэ_ (или «Набэсима Ронго»), написанная в 1716 году и ставшая главным учебником для японских военных. Относительно влияния _Хагакурэ_ на бойцов-камикадзе см. Мисима Юкио, _Эйрэй-но_коэ_ (Токио, 1970), с. 48.

839

Ситисё встречалось в названиях нескольких подразделений камикадзе; повязки с этим словом часто были на головах летчиков-самоубийц перед вылетом на задание. Ёкота так описывает свое отбытие для атаки на «Кайтэн»:

Меня вызвали последним. Лейтенант Хамагути, офицер, отвечавший за отправку в дивизии, называвший имена, взял шестую _хатимаки_ и повязял ее вокруг моей головы. На ней красивыми знаками было написано _Сити_сё_бококу_ — _символ лояльности Кусуноки Масасигэ императору, проявленной несколько веков назад. На моей _хатимаки_ был изображен лозунг «Возродиться семь раз, дабы служить стране» (Yokota, _Suicide_Submarine!_ p. 137).

На с. 303 говорится об использовании эмблемы Масасигэ — _кикусуй_ во время операций камикадзе на Окинаве. Герб _кикусуй_ изображался также на конической части и корпусе подлодки-носителя «Кайтэн» (Yokota, _Suiside_Submarine!_ pp. 43, 125).

840

«Симпу», с. 176, переведено у Иногути, с. 200.

841

Иногути, с. 79–80.

842

_Бусидо_ва_синигуруи_нари…_Хэйдзэй_хито-ни_ноэкоэтару_кокоро_нитэ_накутэ_ва_нарумадзику_соро_. Мисима, _Эйрэй-но_коэ_ (Токио, 1970), с. 48.

843

«An Irish Airman Forsees His Death,» The Collected Poems of W.B.Yeats (New York, 1956), p. 133.

844

«Кикэ вадацуми-но коэ» (Токио, 1963), 1:231.

845

Классические слова Сыма Цяня в его знаменитом письме к Жэнь Аню (98 г. до н. э.):

У человека есть лишь одна смерть. Эта смерть может быть тяжелой как гора Тай, либо легкой, как гусиное перо. Все зависит от того, как он ею воспользуется… В природе каждого человека любить жизнь и ненавидеть смерть, думать о своих родителях и заботиться о жене и детях. И лишь тогда, когда человеком движут высшие принципы, это отношение меняется. Тогда появляется то, что ему сделать необходимо… (Wm.Theodore de Bary, ed.. _Sources_of_Chinese_Tradition,_ New York, 1960, p. 272.)

846

Цитируется у J. Seward, _Hara-Kiri,_ Tokyo, 1968, p. 86.

847

В The _Japanese_Cult_of_Tranquilily,_ London, I960, Karifried Graf von Durkheim говорит о летчиках-камикадзе, как о «высшем выражении японской сути», как об основных современных приверженцах концепции «жизнь посредством смерти». «Есть способ умереть, — пишет фон-Дёркхайм, — превосходящий антитезу жизнь и смерть, который можно описать выражением 'уже существовать в иной жизни'. Такая форма сознания — а также тела — позволяет человеку встречать самые трудные задачи в жизни, и даже саму смерть, без малейшего содрогания. Он достигает совершенного спокойствия без внутреннего сопротивления, поскольку пожертвовал своей самостью, и теперь просто подчиняется необходимости момента.» Письма, дневники и стихи летчиков-камикадзе несомненно проникнуты этим спокойствием; все же, определять это как «высшее выражение японской сути», значит преувеличивать (а следовательно — и ослаблять) момент.

848

Nagatsuka, _J'etais_un_kamikaze,_ p. 197. О письме Фудзисаки перед его последней атакой на Окинаве см. Нагацука, там же, с. 249.

849

Иногути, с. 80. Yokota _(Suicide_Submarine!_ p. 113) приводит подобные шутки относительно Ясукуни в группе добровольцев на «Кайтэн»: «Иногда мы дурачились, говоря 'Я прибуду в Ясукуни до тебя, и ты будешь подчиненным. После этого мы все говорили о тех вещах, которые будем выделывать с теми, кто прибудет позже.»

850

С самого момента поступления в отряды спецназначения, все знали, что они — «живые трупы». Лейтенант Канно, ставший камикадзе на Филиппинах, еще более драматизировал этот факт, наградив себя обычным посмертным повышением в чине до смерти, написав на своем летном мешке слова 'личные вещи покойного старшего лейтенанта Канно Наоси'. Иногути, с. 34.

851

Nagatsuka, _J'etais_un_kamikaze,_ p. 258.

852

Millot, _L'Epopee_Kamikaze,_ p. 299. Истории о том, что летчики-самоубийцы получали алкоголь или наркотики, чтобы обрести необходимый запас храбрости для последнего полета, или что их приковывали к креслам, чтобы они не смогли в последний момент покинуть кабину, — чистая выдумка. Они идут вразрез со всем, что мы знаем о психологии камикадзе, и были, вероятно, сфабрикованы западными журналистами в попытках объяснить (или принизить) самоубийственную тактику японцев.

Еще более смехотворны популярные рассказы о вакханалиях накануне вылетов, когда молодых жертв-летчиков отвлекали вином, женщинами и песнями, утешая перед грядущим жертвоприношением, а также истории о том, что они шли в бой, одетые в длинные балахоны, как священники (Toland, _Rising_Sun,_ p. 714). Камикадзе, оставшийся в живых, генерал-лейтенант Ватанабэ Сэй пишет: «Мне кажется, большинство американцев рассматривают камикадзе, как отчаянных сорвиголов с самоубийственными наклонностями. Они были какими угодно, но не такими.» Он считает «чистой ерундой» популярную убежденность американцев в том, что накануне вылетов камикадзе устраивали дикие вечеринки, что их напаивали, или накачивали наркотиками, чтобы подбодрить перед последним заданием. «Stars and Stripes», 20th July 1968.

853

«Мои [друзья],- пишет Ёкота о тех, кто вскоре должен был сесть в торпеды, — были ко всем — а так же и к друг другу — дружелюбны. Никто не выглядел грустным, не было также и чересчур гордых, чего можно было бы ожидать от самых тренированных на то время для управления „Кайтэн“. Ко всему прочему, они много смеялись, говорили много веселого, заставляя смеяться других». _Suicide_Submarine!_ p. 121.

854

Фотография № 7 в «Симпу».

855

Yokota, _Suicide_Submarine!_ p. 159. Ядзаки Ёсихито, один из изобретателей «Кайтэн», погиб от удушья при одном из тренировочных испытаний, и Ёкота решил взять урну с его прахом с собой, когда наступит его время идти на операцию. Ёкота, с. 112.

856

_Суккари_ататакаку_наттэ,_сэнкацу_мо_дзицу-ни_раку-ни_наримасита_… «Симпу», с. 182–83.

857

«Симпу», с. 177–79, переведено у Иногути, с. 205–206.

858

_Аа_тама_то_кудакэн._ «Симпу», с. 176, переведено у Иногути, с. 201.

859

У тех, кто управлял такими приспособлениями, как бомбы Оока или торпеды «Кайтэн», не было риска остаться в живых; после того, как была изменена система постановки на боевой взвод и заправки обычных самолетов, подобная «неудача» стала для них невозможна.

860

«Опускалась ночь, — пишет командующий Накадзима в своем описании последнего вечера на базе Цебу, — и я собрался уходить. Двое, или трое летчиков шли за мной до двери, и даже вышли наружу, упрашивая, чтобы их назначили на операцию. Некоторые из их товарищей, которые услышали эти просьбы, закричали ‘Нечестно! Нечестно! Никаких особых одолжений!’ Эти

странные слова смешались с общим добродушным шумом, и вскоре я уже ничего не слышал, шагая в свое расположение, погруженный в размышления.» (Иногути, с. 80.)

861

Вице-адмирал Угаки провел свою атаку 15 августа— ПОСЛЕ передачи по радио речи императора о капитуляции; она, таким образом, не была мотивирована военной необходимостью, являясь чистым актом неповиновения. Четыре из одиннадцати бомбардировщиков, входивших в его ударную группу не взлетели из-за неисправности моторов, остальным же удалось войти в смертельное пике, однако не осталось никаких записей с указанием на то, что какой-либо американский корабль был поражен. Перед тем, как разбить свой самолет, Угаки передал по радио следующее послание:

Одного меня следует винить в неудачной обороне нашей родины и неспособности уничтожить грозного противника. Усилия же офицеров и людей, находившихся под моей командой, следует оценить исключительно высоко.

Я собираюсь атаковать над Окинавой, — там, где упали мои люди, подобно вишневым лепесткам. Здесь я врежусь и уничтожу самонадеянного противника в истинном духе Бусидо, с твердой убежденностью и верой в императорскую Японию.

Я надеюсь, что личный состав всех соединений под моей командой поймет мотивы, мною руководящие, превозможет все трудности в будущем, будет трудиться для восстановления нашей великой родины, дабы она процветала вовеки.

Да здравствует Его Величество император! (Иногути, с. 168.)

Последняя запись в дневнике Угаки оканчивалась словами: «Я также решил вечно служить своей стране в духе Кусуноки Масасигэ.» Toland, _Rising_Sim,_ p. 853.

862

«Time», 19th August 1966. На этой встрече присутствовали также 50 женщин средних лет, бывших во время войны школьницами местной средней школы, которых привлекали для мойки самолетов камикадзе. Многие из них дружили с молодыми летчиками, а одна вспоминала, что, когда эскадрилья получала приказ на вылет, «мы чувствовали себя женами самураев, посылаемых в бой — как в старой Японии». Группа летчиков-камикадзе, оставшихся в живых, была образована в Токио, и раз в году они проводят совместный ужин. Один из ее членов, г-н Оно Такаси, менеджер отеля «Гранд Палас», любезно пригласивший меня к себе в офис во время моего визита в Японию в 1973 году, очень ярко описал свои чувства и эмоции военного времени. Он сам готовился к вылету, но задержался из-за неисправности мотора, а ко времени, когда стало возможным получить другой самолет, закончилась война. Его знакомый летчик, незадолго до этого женившийся, сообщил жене, что вскоре его посылают на самоубийственную операцию, обещая известить, как только узнает точное время. Получив приказ о вылете, он послал жене соответствующее письмо, однако его самолет (как и у г-на Оно) не смог оторваться от земли; несколько дней спустя, еще до того, как прислали самолеты замены, на его базе все вылеты камикадзе были отменены. Он помчался в Осака, где был дом семьи жены, послав сперва телеграмму с извещением, что остался в живых, однако прибыл лишь во время, чтобы увидеть похоронный кортеж, отходящий от дверей дома.

Получив первое известие о вылете своего мужа, она поставила перед собой его фотографию с фатальным письмом и перерезала себе сонную артерию. Телеграмма (подобно письму Фриара Лауренцо к Ромео в Мантую) опоздала, и не смогла предотвратить трагедию. Потрясенный смертью жены и тем, что сам он остался жить, он провел много лет в состоянии почти каталептическом, пока не стал медленно возвращаться к жизни.

863

Sakai Saburo, _Samurai_ (New York, 1957), p. 319.

864

«Stars and Stripes», 20th August 1970. В 1968 году Ватанабэ Сэй стал генерал-лейтенантом японских сил воздушной обороны. Генерал с тихим голосом ведет спокойную жизнь и любит проводить время в своем саду. По его словам, единственно, когда он приходит в возбуждение, это приезжая в Токио. «Вы когда-нибудь видели этих водителей-камикадзе?» — затем он улыбается и говорит: «Я думаю, это вы, американцы, так их прозвали».

865

«Stars and Stripes», 8th August 1963, писала о том, как вновь встретились американский офицер и три камикадзе, столь не желавшие оставаться в живых.

866

О спасении Аоки см. Toland, _Rising_Sun,_ pp. 714-17.

Аоки стал образцовым заключенным и был отправлен в Японию в 1946 г. (Toland, _Rising_Sun,_ p. 717.) Ужасное ощущение от того, что остался в живых, также описано Ёкота Ютака — молодым добровольцем, вызвавшимся управлять торпедой, который рассказывает о том, как он вместе с товарищем возвращались после неудачной атаки:

Синкай чувствовал себя так же плохо, как и я. Он, всегда такой веселый, был в мрачнейшем настроении. Мы приходили в ужас от одной мысли, что придется вернуться в казармы. Мы были уверены, что с нами никто не станет говорить. Шестеро управляющих «Кайтэн» вышли в море, четыре были запущены. Синкай и я возвращались уже во второй раз. Люди будут думать, что с нами что-то не в порядке, — так нам казалось, — и отворачивать лица. Как только мы смогли сойти с подлодки, мы прошли в свою старую комнату и оставались там, отрезав себя, насколько это было возможно, от внешнего мира. Мы избегали контактов с людьми. Мы надеялись, что внезапно разверзнется земля и поглотит нас. (Yokota, _Suicide_Submarine!_ p. 193.)

Позже он просит своего командира-начальника о помощи:

И снова [смерть] не стала от меня отворачиваться, а протянула свои зовущие руки. Я чувствовал себя беспомощным, совсем без сил. Я обсудил это с младшим лейтенантом Сонода. «Что мне делать? — спросил я. — Вероятно, я уже не смогу вернуться на базу. Вы знаете это». Все, что он мог тогда сказать, было: «Вы правы, Ёкота.» У него не хватило слов. (Yokota, _Suicide_Submarine!_ p. 212.)

[Я больше не мог] смотреть на мир, который столь полностью отринул. Я был жалок и подумывал о самоубийстве, но гордость мне не позволила. Моя жизнь была оценена в один большой американский авианосец, — напоминал я себе. Как же теперь ее отдавать за маленькую пистолетную пулю?… Я терзался душой, и поэтому оставался на [базе в] Оцудзима, ничего практически не делая в течение двух недель. Я размышлял об императорском рескрипте, оглашенном всем военным после капитуляции, в котором император приказывал нам «преодолеть тысячу трудностей и вынести невыносимое». Это было мне не по силам. Хотя я и решил не умирать, я не мог снова уверенно войти в жизнь. Я стал вялым, и только лишь ожидал — что принесет будущее. Я чувствовал себя одним из наших _бонсай,_ миниатюрных деревьев, которые не растут, а только стареют. (Yokota, _Suicide_Submarine!_ p. 250.)

868

Nagatsuka, _J'etais_un_kamikaze,_ pp. 269-79. Ударные силы американцев находились приблизительно в 300 милях от авиабазы и где-то в 150 милях от позиции камикадзе, приготовившихся к атаке. Поскольку топлива у них было всего на 350 миль полета, им надо было либо немедленно возвращаться, либо падать в океан. В подразделении Нагацука не ставили бомбы на боевой взвод, покуда самолет не приближался к цели, однако неудачное приземление почти наверняка вызвало бы взрыв.

869

Как и лейтенант Канно, Нагацука уже присвоил себе посмертное звание, однако в его случае попытка играть с судьбой была жестоко наказана.

870

Под «священными словами» подразумевается императорский Рескрипт к Солдатам и Матросам (1882), из которого следующий знаменитый пассаж имел, вероятно, непосредственное отношение к опозоренным летчикам: «…с полным сердцем исполняйте свой насущный долг преданности и

помните, что долг тяжелее горы, тогда как смерть легче пера. Никогда не поступайтесь принципами морали, дабы не впасть в бесчестье и не навлечь позор на свое имя.» Wm. Theodore de Bary, ed., _Sources_of_Japanese_Tradition_ (New York, 1958), p. 706. Агония публичного унижения относилась не только к летчикам-камикадзе, которые возвращались. Ёкота описывает схожую сцену, произошедшую после его возвращения с неудачной операции «Кайтэн»:

Новый офицер, исполняющий обязанности, ударил бамбуковой указкой по столу. «Вам должно быть стыдно, Номура!» — крикнул он. «Что касается остальных, то ничего удивительного в том, что один или двое из вас возвращаются после каждой операции, не запущенными в противника. Для чего у вас _хатимаки_? А ваши мечи?! Неужели для вашего духа они ничего не означают? А те проводы, которые все вам устраивали! Это делалось не для того, чтобы вы развернулись и пришли обратно! Выйдя в море, вы должны превзойти противника! Если что-то случается с вашей „Кайтэн“ — наладьте ее! Если не крутится пропеллер, вертите его голыми руками! Поражайте врага, чего бы это ни стоило! Именно для этого предназначены „Кайтэн“!»

Ёкота и его товарищи преисполнены тем же стыдом, которым мучим Нагацука:

«Если бы кто-то упрекнул меня после возвращения с задания наедине, я смог бы это перенести. Или, если бы кто-то дружески подтрунивал надо мной, я бы тоже принял это. Однако это публичное обвинение, обрушенное на меня и на других, на тех, кто жертвовал своей жизнью, и даже не один раз, — это было просто несправедливо! Я больше не хотел находиться на Оцудзима, в месте, перед которым я раньше благоговел. Все, чего я теперь хотел, было выйти в море. Я бы уже не вернулся никогда.» (Yokota, _Suicide_Submarine!_ pp. 220, 201.)

871

«…в героизме сражавшихся воинов было основное различие, — пишет К.Р.Браун, вице-адмирал американского флота. — Японцы намеренно отрезали последнюю дорогу надежды и спасения, американцы же — никогда. Для западного склада ума должен существовать последний минимальный шанс на выживание — ощущение, что, хотя много других парней могут погибнуть, тебе же как-то удастся вернуться.» Иногути, c.v-vi.

872

Комментируя эти ранние самоубийственные атаки, адмирал Судзуки Кантаро, который сам водил группу торпедных катеров в атаку «решившихся на смерть» _(кэсси)_ во время китайско-японской войны, писал:

Отважная попытка блокировать Порт-Артур во время Русско-японской войны предпринималась при наличии неплохих шансов на спасение ее участников. Единственной целью было потопить корабли у входа в гавань, однако командовавший офицер отказывался начинать операцию до того, как будут приготовлены спасательные лодки… При атаке карликовых подлодок на Пирл Харбор… адмирал Ямамото не утверждал этой части операции до тех пор, пока не было доказано, что для двухместных субмарин существует по крайней мере какой-то шанс вернуться. (Цитируется у Иногути, с. 189–90.) Правительственные пропагандисты довольно широко освещали случай с «Тремя Бомбами» — это название получили три солдата, бросившихся вперед и подорвавших себя, чтобы пробить брешь во вражеской обороне; однако безусловно, это был акт спонтанного самопожертвования, а не часть какой-либо запланированной стратегии.

873

Филиппины:

6 авианосцев и линкоров объявлены потопленными

2 авианосца потоплены в действительности

31 прочее судно объявлены потопленными

14 прочих судов потоплены в действительности

Окинава:

20 авианосцев и линкоров объявлены потопленными

0 авианосцев и линкоров потоплены в действительности

77 прочих судов объявлены потопленными

16 прочих судов потоплены в действительности.

(Иногути, с. 114, 160.) Один из главных морских офицеров, участвовавших в операциях, признал после войны, что японские оценки «вполне могли превышать действительно достигнутый результат». Иногути, с. 160.

874

Nagatsuka, _J'etais_ип_kamikaze,_ p. 140; Millot, _L'Epopee_Kamikaze,_ p. 200.

875

Большинство из оценок, которые я видел, варьируются между 4 и 5 тысячами. Имена 4615 летчиков-камикадзе, погибших в войне на Тихом океане (2630 морских _симпу_ и 1985 армейских _симбу),_ занесены в списки при Храме Каннон в Токио, известном как Храм Специальных Ударных [Сил] («Токко Каннон»). (Каннон — буддийская богиня милосердия.) Цифра 4615, разумеется, не включает огромное количество «живых гранат» и прочих, кто погиб при самоубийственных операциях на земле; в расчет также не брались и те, кто был убит в других «специальных» операциях типа «Кайтэн», _кайрю_ и _синъё._

18 ноября 1973 года после совершения синтоистской церемонии в храме Касивара рядом с городом Нара был открыт памятник в память 1000 морских летчиков-самоубийц, погибших в войне на Тихом океане. Среди 700 присутствовавших находился брат императора принц Такамацу и родственники летчиков. (Агентство «Франс-пресс», 18/X1/1973.)

876

«Если мы бросим общий взгляд на весь ход операций, — пишет капитан Иногути Рикихэй в отчете после прекращения военных действий, — то придется признать прискорбный факт, что и [обычные] самолеты камикадзе, и пилотируемые бомбы оказывали весьма малое практическое воздействие _(кодорёку_сё_нариси).»_ (Цитируется в «Симпу», с. 190.) Ср. слова вице-адмирала Брауна: «…ключевым вопросом для прагматичных военных является — была ли эта тактика успешной? Мой категорический ответ — нет». Иногути, с. vii.

Подсчет результатов воздушных операций камикадзе с 13 октября 1944 года по 30 июня 1945 года дает общую цифру — 34 уничтоженных судов, среди которых крупными были только корабли сопровождения авианосцев «Сент Ло» (район Филиппин, 25 октября), «Оммани Бэй» (район Филиппин, 3–4 января) и «Бисмарк Си» (район Окинавы, 21 февраля). Большинство потопленных кораблей были эсминцы (13). В тот же период от атак камикадзе получили повреждения 288 судов.

Общее число японцев, убитых в битве за Окинаву, было около 130 тысяч, что более чем в десять раз превышает число американских потерь — 12300. Количество летчиков-самоубийц, погибших в этом сражении, значительно разнится в разных подсчетах, их точное число никогда не будет известно. В грубом приближении можно назвать цифру 2000. Мы также не уверены в точном количестве самолетов-самоубийц, использованных в этом жестоком сражении. По официальным японским расчетам было потеряно 2944 самолетов камикадзе (2055 морских и 889 армейских); официальные данные американцев несколько меньше.

877

По Мисима Юкио, окончательное поражение камикадзе произошло не в результате капитуляции Японии в августе 1945 года, но после отречения императора от божественности своего происхождения пять месяцев спустя. В _Эйрэй-но_коэ_ («Голоса Духов Героев») он пишет, что «иррациональная смерть» _(хигори-на_си)_ героев-камикадзе имела значение лишь в том случае, когда жизни этих людей действительно посвящались императору-божеству _(ками_нару_тэнно-но_тамэ-ни)._ Если же эта их вера оказалась ложной, тогда выходит что они убили себя и погибли, как «глупые жертвы» _(орока-на_гисэй)._ То, что Хирохито отрекся от своей императорской божественности в январе 1946 года («Связь между Нами и Нашим народом всегда зиждилась на взаимном доверии и дружественности. Она не зависела всего лишь от мифов и легенд. Она не основывается на ложной концепции божественности императора…»), являлось, таким образом, полным предательством героев-камикадзе. Заявление императора было гораздо важнее, чем какое бы то ни было поражение в битве, поскольку означало, что поражение камикадзе было невосполнимым. «Отрицая принцип, ради которого они жертвовали собой, как „ложную концепцию“, он постфактум запятнал их смерть» (Мисима, _Эйрэй-но_коэ_, с. 9). Мисима заканчивает восклицанием: «Зачем Его Величество стал человеком?» (_Надотэ_сумэраги_ва_хито_то_наритамаиси)._ (Мисима, _Эйрэй-но_коэ_, с. 62). При всем уважении к Мисима, мне кажется, что мотивы, двигавшие добровольцами-камикадзе, были гораздо менее прямолинейны и более сложны, нежели подразумевает его погребальная песнь.

878

Западная реакция на тактику камикадзе была гораздо более сложной, чем можно предположить по этому краткому изложению, и включала не только просто злобу и отвращение, но (особенно после того, как прошел первый шок) и любопытство, недоумение и даже жалость к молодым летчикам, которых, как считалось (совершенно неправильно), принуждают к участию в самоубийственных операциях. Я вспоминаю, что моей собственной реакцией (а в 1944 году я, молодой моряк, имел возможность встретиться с камикадзе непосредственно, и в весьма неприятной обстановке) было в основном изумление и ощущение чего-то непонятного.

Некоторые выдающиеся иностранные ученые сделали несколько упрощенные выводы; так, Руфь Бенедикт определяет дух камикадзе, как «иллюстрацию превосходства сознания над материей» (цитируется у Иногути, с. 194). Другие наблюдатели рассматривали эти операции в качестве примера того, как молодых людей можно превратить в фанатиков-роботов, или как проявление «яростной, грубой стороны японского характера», которая сосуществует с «вежливой, утонченной, чувствительной стороной.» Millot, _L'Epopee_Kamikaze,_ p. 14. Детальное рассмотрение реакции американцев и англичан на это первое полное, прямое противостояние совершенно чуждым традициям японского героизма, могло бы вылиться в полезное исследование культурного взаимонепонимания, однако подобное далеко выходит за рамки данной книги. Для иллюстрации типичного западного недопонимания достаточно привести выдержки из интервью, проведенного в марте 1946 года сотрудниками американского журнала с группой бывших японских морских офицеров, служивших в специальном штурмовом отряде на Тайване («Симпу», с. 186–88):

ВОПРОС: В оценке стратегии камикадзе в вашей и в нашей стране существует диаметральная разница. В Америке жизнь отдельного человека предельно ценна, однако вы в Японии были готовы пожертвовать большим количеством летчиков для самоубийственных операций. Каковы были причины этого?

ОТВЕТ: Идея о силах специального назначения имеет свои корни в древней японской традиции _(нихон_корай-но_моно_дэ)_ и проходит через всю нашу историю. В последней войне мы поняли, что подобная тактика стала необходимой из-за сложившейся военной ситуации. Она никогда не навязывалась нам сверху…

ВОПРОС: Был ли набор в силы специального назначения добровольным, или принудительным?

ОТВЕТ: Он был совершенно добровольным. Были, однако, случаи на Филиппинах и в других местах, когда эта тактика принималась всем подразделением из-за сложившейся боевой обстановки…

ВОПРОС: Подумав об американцах в возрасте до тридцати лет, практически невозможно представить себе дух [японских бойцов-камикадзе]. Невозможно вообразить, чтобы молодые американцы были готовы совершить подобное самоубийство ради своей страны, или за императора. Безусловно, вы должны были использовать весьма значительную силу внушения в силах специального назначения, чтобы воспитать у своих молодых людей подобное сознание.

ОТВЕТ: Нет, мы никогда не применяли никакого особого внушения.

ВОПРОС: Вели ли себя члены сил спецназначения так ради того, чтобы их души почитались в Святилище Ясукуни?

ОТВЕТ: Если кто-то этого желал, ему не обязательно было вызываться для службы в силах спецназначения…

879

Моральное обвинение за атомную бомбу, сброшенную на Японию, никто не высказал так красноречиво, как выдающийся американский офицер, адмирал Уильям Лихи, считавший это «бесчеловечным оружием, использованным против людей уже побежденных и готовых сдатъся. Американцы, — говорил он, — приняли этический стандарт варваров Средних Веков». Toland, _Rising_Sun,_ p. 798.

880

За операцией «Олимпик» — вторжение на Кюсю — должна была последовать операция «Коронет» — захват Хонсю. Проведение обеих должно было бы привести к устрашающим потерям в силах союзных войск. Вдобавок, гораздо больше японцев было бы убито, чем погибло в Хиросиме и Нагасаки, хотя вряд ли это рассматривалось в первоочередном порядке американскими руководителями того времени.

881

Существуют большие расхождения в оценке общего количества погибших — это один из редчайших случаев, когда атакующая сторона умеренно занижает степень своего «успеха». Американцы считают, что «Толстяк» убил в Нагасаки 35 тысяч человек, официальная японская цифра — 74800. Количество жертв в Хиросиме за три дня до этого было гораздо большим: по оценкам японских экспертов 200 тысяч человек умерло от взрыва бомбы, сброшенной с «Энола Гэй»; и здесь цифра, приводимая американской стороной, гораздо меньше.

882

Цитируется у Ivan Morris, _Nationalizm_and_the_Right_Wing_in_Japan_ (London, 1960), p.247.

883

Относительно тщетных попыток Ониси избежать капитуляции см. Иногути, с. 171–74; Toland, _Rising_Sun,_ p. 828; Hayashi, _Taiheiyo_Senso,_ p. 463; Millot, _L'Epopee_Kamikaze,_ p. 364.

884

Активист националистического движения Кодама Ёсио описан у Morris, _Nationalizm,_ pp. 204, 227, 257, 269, 307, 330, 377, а на стр.443-44 содержатся биографические сведения. Автобиография г-на Кодама, в которую вошла информация о его выдающемся друге из ВМФ, переведена на английский язык под заголовком _I_Was_Defeated_ (Tokyo, 1951).

885

Этот меч выставлен в музее Святилища Ясукуни (Токио) под фотографией адмирала и свитком, на котором каллиграфическим стилем написаны иероглифы _ВАКО_ («покоренное сияние»). Кусаянаги, _Токко-но_сисо_, с. 9–13, дает нам дополнительные детали самоубийства Ониси.

886

О других случаях харакири 15 августа или вскоре после, а также о массовых самоубийствах групп гражданских лиц, см. Morris, _Nationalizm,_ p. 26–28.

887

Букв.: «Моя репутация не будет отмыта [даже] после того, как закроют мой гроб. Сто лет спустя [все еще] не найдется друга, [кто бы понял меня].» Цитируется у Кусаянаги, _Токко-но_Сисо_, с. 19–20. По-японски пословица звучит: _кан-о_ооитэ_кото_садамару_ (_Кодзи_то_котовадза_дзитэн_, Токио, 1956, с. 241).

888

31-сложное стихотворение вице-адмирала Ониси Такидзиро, представленное им своим подчиненным после организации первых отрядов камикадзе. Цитируется у Иногути, с. 187.